

ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ БУДХАҮЗ

Annotation

В этой книге мы вновь встречаемся с героями П.Г. Вудхауза в романах, ранее не публиковавшихся, и с уже известными по прежним публикациям персонажами.

- [Пэлем Грэнвил Вудхауз](#)

- [Деньги в банке](#)

- - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
 - [Глава XXV](#)
 - [Глава XXVI](#)
 - [Глава XXVII](#)
 - [Глава XXVIII](#)

- [Глава XXIX](#)
- [Везет же этим Бодкинам](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)
 - [Глава XIV](#)
 - [Глава XV](#)
 - [Глава XVI](#)
 - [Глава XVII](#)
 - [Глава XVIII](#)
 - [Глава XIX](#)
 - [Глава XX](#)
 - [Глава XXI](#)
 - [Глава XXII](#)
 - [Глава XXIII](#)
 - [Глава XXIV](#)
- [Женщины, жемчуг и Монти Бодкин](#)
 -
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)

- [Глава X](#)
- [Глава XI](#)
- [Глава XII](#)

- [Примечания](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)

- [113](#)
 - [114](#)
 - [115](#)
 - [116](#)
 - [117](#)
 - [118](#)
 - [119](#)
 - [120](#)
 - [121](#)
 - [122](#)
 - [123](#)
 - [124](#)
 - [125](#)
 - [126](#)
 - [127](#)
 - [128](#)
 - [129](#)
 - [130](#)
 - [131](#)
 - [132](#)
 - [133](#)
 - [134](#)
 - [135](#)
 - [136](#)
 - [137](#)
 - [138](#)
 - [139](#)
 - [140](#)
 - [141](#)
 - [142](#)
 - [143](#)
-

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 11. Монти Бодкин и другие

Деньги в банке

Перевод с английского Е. Доброхотовой-Майковой

*Берту Хаскинсу
с любовью от автора*

Глава I

Мистер Шусмит, известный судебный поверенный, глава адвокатской конторы «Шусмит, Шусмит, Шусмит и т. д.», откинулся в кресле и выразил надежду, что теперь его собеседнику все ясно.

Замечание это сопровождалось тем коротким сухим покашливанием, которое у поверенных означает конец беседы, и Джеф Миллер очнулся от своих раздумий. Мистер Шусмит всегда напоминал ему рыбу, и сейчас, пытаясь сообразить, какую же именно, он позволил себе немного отвлечься.

При этом он, правда, полностью пропустил мимо ушей, что должен говорить завтра на процессе «Пеннифадер против Тарвина», где ему предстояло выступать на стороне истца. Собственно, за этим он сюда пришел, и, собственно, это мистер Шусмит объяснял, когда Джеф перестал слушать. Поэтому он решил ограничиться понимающим кивком.

— Полагаю, я осветил все пункты?

— Как лампочка.

— Вы согласны, что защита целиком построена на показаниях одного свидетеля, Лайонела Грина?

— Он — тьфу.

— Собственно, ваша задача — бросить сомнение на его рассказ. Вы должны сокрушить Грина.

— Сокрушу. Положитесь на меня.

— Печально, но придется, — отвечал мистер Шусмит.

Он вздохнул. Вы скажете, что ему не нравился Джеф, и будете совершенно правы. У Джефа есть свои поклонники, но Фредерик Шусмит никогда не принадлежал к их числу. За долгую и успешную карьеру он пережил немало потрясений, но худшее преподнесла ему единственная дочь, когда, несколько недель назад, притащила домой этого лоботряса и обычным безапелляционным тоном объявила, что выходит за него замуж.

Мистер Шусмит пробормотал тогда «о, боже» или другую вежливую фразу, но и она потребовала немалой выдержки. Ничто в Джефе не вызывало у будущего тестя желанья махать шляпой и приплясывать на цыпочках. Мистеру Шусмиту не понравились соломенные волосы, буйный нрав и расхлябанное поведение. Вот и сейчас будущий зять нимало не напоминал идеального юного адвоката, получающего наказ для первого выступления в суде. Напротив, все его поведение свидетельствовало о

полной безответственности. Мистер Шусмит слегка жалел Пеннифадера, чью судьбу вверял этому юнцу.

Однако Миртл потребовала, чтобы ее нареченному дали случай снискать неувядаемую славу (по крайней мере, ту ее крупницу, которую возможно снискать, выступая на стороне таксиста, подавшего в суд на художника по интерьерам за удар кулаком в живот), а мистер Шусмит давно понял, что бессмысленно противиться желаниям Миртл.

Так что теперь он только вздохнул и встал, всем видом показывая, что на сегодня с него хватит.

— Ладно, — произнес он, изобразив легким сокращением лицевых мускулов нечто вроде улыбки, — будем надеяться на лучшее.

— В точку, — серьезно согласился Джеф. — Помните, что сказал Хенгист Хорсе^[1] перед сражением или когда там?

Лицо мистера Шусмита выразило удивление. Он не знал, что его новый компаньон подкован в древнесаксонской истории.

— Э... мм... нет. Так что?

— Хорса, держи хвост пистолетом! До скорого! — произнес Джеф. — До скорого!

Он вышел из конторы и упругой походкой двинулся на восток. При всех своих моральных изъянах Джеф Миллер был хорошо сложенный, спортивный молодой человек, не из тех слабаков, что берут такси от здания корпорации барристеров до Холси-корт, Мейфэр, где он снимал квартиру. Джеф в разное время защищал честь университета и даже страны на футбольном поле, так что легко мог бы пройти и больше.

Шагая по улице, он поймал себя на том, что вновь думает о мистере Шусмите — не о внешности, ибо размышления в конторе завершились выводом, что будущий тесть похож на треску, — но о характере и поведении. Сухарь, бука, старый зануда, заключил он, из тех, с кем мне никогда не сойтись. Джеф тщетно пытался придумать хоть один вопрос, на который они с папой Шусмитом могли бы смотреть одинаково. Однако вопрос такой был, причем самый животрепещущий. Как мы помним, мистер Шусмит не одобрял помолвку своей дочери с Джефом. Не одобрял ее и сам Джеф. Не будет большим преувеличением сказать, что от одной мысли надеть пиджак, полосатые брюки и направиться с Миртл Шусмит к алтарю, у Джефа мурашки бежали по коже и возникало такое чувство, будто глотаешь бабочек.

Он до сих пор не вполне ясно понимал, как это стряслось. У него осталось смутное впечатление, что сам он вообще ни при чем. Похоже, он что-то сболтнул, а эта жуткая девица вообразила, что ей сделали

предложение. Главное, он решительно не помнил, что такого сморозил. Только что он беспечно трепался на вечеринке с Миртл Шусмит, а в следующий миг уже с ужасом слушал о пироге и подружках. Все произошло внезапно, как землетрясение, торнадо или другое стихийное бедствие.

Впрочем, несмотря на туманные обстоятельства, одно оставалось ясным — чувство, которое вызывала в нем Миртл, любовью не назовешь.

Любовь, думал Джеф (а он о таких вещах думал), не оставляет у тебя ощущения, будто ты стоишь на одной ноге, боясь шелохнуться. В школе у них дважды в неделю проходили уроки физкультуры с элементами строевой подготовки, которые вел отставной старший сержант, — так вот, в присутствии бравого военрука на него нападала та же нервная робость, что и теперь перед Миртл Шусмит, а сказать, что он любил старшего сержанта, значит погрешить против истины. С неотступным (свадьбу назначили на пятое июля, сейчас было десятое июня) чувством, что угодил в капкан, Джеф пересек Беркли-сквер и вступил в Холси-корт.

Денек выдался отличный, как и положено в июне. В сотнях тысяч домов барометры, несмотря ни на какие щелчки, упорно показывали «ясно», и синее небо подтверждало их правоту. Однако в стоячей тинистой заводи, где очутился Джеф, было сумрачно и серо. Холси-корт никогда нельзя было назвать солнечным. Его фирменным отличием было иное — запах вареной капусты. Впервые в жизни Джеф заметил, что ему не нравится этот запах. Он предпочел бы что-нибудь вроде розы или лаванды.

Такой переменной во вкусах он был обязан мыслям о предстоящем браке, потому что раньше Холси-корт устраивал его во всех отношениях. Место пусть и затхлое, но тихое, а это было для Джефа главное. Хотя он и сдал экзамен на адвоката (потому что так хотел богатый крестный) и готовился заняться практикой (потому что этого требовала Миртл), в душе он оставался литератором. Он писал про трупы баронов в роскошных библиотеках, и монастырская тишь Холси-корт помогала ему творить.

С растущим чувством, что он, словно какой-нибудь шекспировский персонаж, запутался в силках судеб, Джеф прошел в узкие ворота и свернул направо, оказавшись, таким образом, прямо перед домом, на третьем этаже которого снимал комнату. В квартире его встретила мамаша Болсем, добродушная толстуха, исполнявшая при Джефе обязанности экономки и заботливой матери.

— А, вот и вы, сэр! — воскликнула мамаша Болсем. Она всякий раз радовалась ему, словно блудному сыну, и за это Джеф любил ее еще больше. — Только вы вышли, позвонила мисс Шусмит.

Джеф вздрогнул.

— Она что, в Лондоне?

— Нет, сэр. Она звонила из деревни. Я сказала, что вы пошли к ее отцу, и она обещала перезвонить. Надеюсь, все прошло хорошо?

— Что прошло?

— Разговор с ее отцом.

— А, да. Вполне. Дайте-ка вспомним, насколько подробно я изложил вам состояние дела.

— Вы говорили, что, кажется, этот джентльмен предложит вам выступить от его имени.

— Да, так и вышло. Все улажено. Я выступаю на стороне Эрнста Сирила Пеннифадера, таксиста, который призывает карающую длань закона на голову Орло Тарвина, художника по интерьерам, утверждая, что в результате спора о вознаграждении означенный Тарвин нанес ему удар или толчок, после чего мой клиент бежал в страхе за свою жизнь. Любопытно, поскольку показывает, что за робкий, впечатлительный народ таксисты, однако для человека моих дарований несколько мелковато. Впрочем, надеюсь, изничтожение Грина принесет мне несколько очков.

— Что-что?

— Похоже, второй художник по интерьеру, некий Лайонел Грин, присутствовал при упомянутых событиях и утверждает, что инкриминируемый ответчику удар или толчок был, скорее, дружеским тычком либо шлепком. Насколько я понимаю, линия защиты — «Посмеемся и забудем, Дж. Дж. Миллер». Что ж, посмотрим. Я получил указание сокрушить Лайонела Грина, и сокрушу его в мелкие дребезги. Я буду, разумеется, сама вежливость — вкрадчивый, учтивый, — но когда я покончу с Грином, собирать будет нечего. Впрочем, какая это все мерзость! Что мне до мелких ссор между жалкими козявками? Мое место — за письменным столом. Особенно сейчас, когда у меня родился замысел нового романа. Такая конфетка должна выйти! Это что, телефон?

— Да, сэр. Мисс Шусмит, наверное.

— Жуть, но вы, вероятно, правы.

Звонила и впрямь мисс Шусмит. Голос ее можно было сразу узнать и по безупречно четкому выговору, и по властным ноткам. Среди прочих преград на пути к истинному единению душ была и ее манера говорить с Джефом, словно с трудным воспитанником.

— Джеффри?

— Да.

— Я звонила раньше, но тебя не было.

— Мамаша Болсем мне сказала.

— Сколько раз я просила не называть миссис Болсем мамашей. Это некультурно и провоцирует ее на фамильярность. Все в порядке?

— Здесь — да. А у тебя?

— Ты прекрасно понял, о чем я спрашиваю. О папе. Он тебя проинструктировал?

— Ага.

— Хорошо. Так вот, если ты не выиграешь дело, то сам будешь виноват. Папа говорит, защита не держится ни на чем.

— Ей быгодились ремень или подтяжки.

— Что-что?

— Ничего.

— Ты что-то говорил про подтяжки.

— Не говорил.

— Кому нужны подтяжки?

— Выбрось их из головы. Да, конечно, я выиграю дело. Это будет громкая победа.

— Ну, надо надеяться на лучшее.

— В точности то же сказал твой отец. Короче, Хорса, держи хвост пистолетом.

— Что-что?

— Ничего.

— Ты говорил про какой-то пистолет.

— Ничего я не говорил. Наверное, линия барахлит.

— Ладно, если ты не выиграешь, я буду очень сердита. Главное, следуй папиным указаниям. Будь вежлив с судьей. Не мямли. Не ухмыляйся. Ни в коем случае не говори «э-э». Нет ничего хуже неуверенности. Тщательно подбирай слова, произноси их ясно и отчетливо. Да, и волосы. Обязательно причешись. Ах да, я забыла, ты будешь в парике. Ладно. Кажется, все. Я вернусь в Лондон через две или три недели. До свидания.

— Пока, — отвечал Джеф.

Он положил трубку, подошел к окну и стал смотреть на двор. Природа создала его жизнерадостным и улыбчивым, но сейчас весь его вид выражал глубокую подавленность. Внизу, в канаве, воробьи чирикали мадригалы, но Джеф не испытывал ни малейшего желания подтянуть.

Он не видел на горизонте и тоненького лучика надежды.

Глава II

Прямо напротив Холси-чемберз, через узкий дворик, стоит Холси-билдингс. Это ветхая развалюха, отданная под маленькие конторы, чьи владельцы готовы задыхаться в тесноте ради права писать на визитных карточках волшебное слова «Мейфэр». В то время, когда начинается наш рассказ, в окне третьего этажа красовалась табличка «Дж. Шерингем Эдер, частный сыщик».

Наутро после судебного разбирательства «Пеннифадер против Тарвина» перед входом в Холси-чемберз повернулась и направилась к Холси-билдингс молодая, вызывающе красивая особа. Ее волосы отливали медью, губы алели, как вишни, глаза сверкали. Однако не такими глазами смотрит сердце смиренное и сокрушенное; вряд ли Джон Нокс^[2] одобрил бы подобную внешность. Опытный глаз, не обманываясь привлекательностью, распознал бы в ней нечто, заставляющее осторожных хозяев убирать подальше ценные безделушки и запирать на ключ столовое серебро. Звали дамочку Долли Моллой, и она недавно сошлась с неким мистером Моллоем, биржевым спекулянтом, известным под прозвищем Мыльный.

В Холси-корте, как всегда, пахло капустой, и Долли, девушка утонченная, воровавшая в магазинах только дорогие духи, брезгливо наморщила носик. С гримаской недовольства на хорошеньком личике она поднялась по гулкой каменной лестнице Холси-билдингс и ручкой парасольки (подарок от сети магазинов «Ярроуз», отдел новинок, полученный, правда, без ведома владельцев) постучала в стекло двери чуть пониже таблички «Дж. Шерингем Эдер».

Разумеется, не может такого быть, чтобы живого человека звали Дж. Шерингем Эдер, и скажем сразу, что господин, обосновавшийся через двор от Джефа Миллера, на самом деле носил фамилию Твист, а у близких знакомых ходил под кличкой Шимп. В тот миг, когда его покой нарушил стук слоновой кости по стеклу, он сидел за столом, уписывая скудный ланч.

При звуке, возвестившем приход посетителя, он вскочил и подавился сэндвичем. Как все, кто по роду занятий досаждают другим во всякое время суток, он терпеть не мог, когда его тревожат, не известив заранее о визите. Слишком часто ему приходилось в подобных случаях прыгать из окна или прятаться в шкафу. Он даже бросил взгляд на вместительный шифоньер

позади стола и отступил на шаг, но тут дверь открылась, и он увидел, что посетитель — женщина. Это несколько остудило его тревогу. В следующий миг он узнал старую знакомую и снова стал самим собой.

— Ну, ну, ну! — вскричал мистер Твист. Он не питал к миссис Моллой особой привязанности, но облегчение вылилось в почти бурную радость. — Ну, ну, ну! Какие люди! Проходи, садись, Долли. Найди себе чистый стул.

— Который из них чистый? — заносчиво осведомилась гостья, обзрев комнату и усаживаясь на край стола. — Слышь, Шимп, давненько мы с тобой не виделись. А ты не меняешься.

Это, надо сказать, было печальное наблюдение, ибо любая перемена во внешности пошла бы мистеру Твисту только на пользу. Он был плюгавый человечек с лицом вороватой мартышки, такой мартышки, которую ее товарки ни за что не подпустят к своим орехам на расстояние вытянутой руки. Не довольствуясь этими дарами природы, он добавил к ним нафабранные усы. Тем не менее он счел эти слова за комплимент.

— Ничего, стараюсь, — произнес он, накручивая ус на зубочистку. — Как Мыльный?

— Здоров.

— А ты зачем?

— Ну, проходила мимо, решила, дай загляну. Хотела с тобой посоветоваться. Да, год назад ты взял у Мыльного пятерку и больше не появлялся. Я заодно ее заберу.

— В жизни не брал у него пятерки.

— У меня в сумочке расписка.

— Я все вернул. Точно вернул. Теперь вспомнил. Как сейчас вижу эту пятерку.

— Больше не увидишь.

Мистер Твист на мгновение опешил, но лишь на мгновение. Он умел быстро оправляться от ударов судьбы.

— Ладно, об этом потом, — сказал он. — Так о чем ты хотела посоветоваться?

— Беспокоюсь я малость.

— Насчет Мыльного?

— Ага.

— Не надо было жениться, — произнес мистер Твист, стойкий холостяк. — Так что стряслось? Опять за кем-то приударил?

— Вот это я и хотела бы узнать.

— Приударил, ясное дело. Бабник известный.

— Я бы попросила не называть так моего мужа.

— А как его еще называть? — искренне растерялся Шимп. Его отношения с отсутствующим мистером Моллоем были, скорее, долгими, чем дружескими. Он не мог забыть множество случаев, когда мистер Моллой обставлял его в то самое время, когда он собирался обставить мистера Моллоя. — Бабник — он бабник и есть.

Миссис Моллой прикусила алую губку, но сдержала вертевшееся на языке гневное словцо. При всех недостатках мистера Шимпа Твиста (а никто не знал их лучше миссис Моллой), это был человек сведущий и разумный, она же — чужая в чужой стране, где молодой супруге не с кем поделиться тревогами, которые, подобно спартанской лисице,^[3] терзали ее грудь. В родном Чикаго она могла бы поведать их доброй сотне Солонов, и те бы обязательно что-нибудь присоветовали. Она могла бы даже обратиться к Дороти Дикс.^[4] Однако здесь — Англия, а все ее советчики и доброжелатели дома, вероятно — за решеткой. За исключением, разумеется, мисс Дикс.

— Так что он?

— Да все эта гримза. Не нравится мне, как он себя ведет.

— Что за гримза?

— Гримза, с которой он треплется в розарии.

— Он водит ее в розарий? А где это?

— В Шипли-холле. Это в Кенте, мы там сейчас живем. Он водит ее в розарий, а она втыкает благоуханные бутоны ему в петлицу.

Мистер Твист не поверил.

— Втыкает благоуханные бутоны Мыльному в петлицу?

— Да.

— Мыльному?!

— Ему самому.

— Наверное, рехнулась.

И вновь миссис Моллой прикусила губу, напоминая себе, как сильно нуждается в совете.

— Дважды я их за этим застукала, — продолжала она, — и очень мне его рожка не понравилась. Такая масляная. Ее фамилия Корк, — добавила миссис Моллой скорбно, словно привелаотягчающее обстоятельство. — Миссис Уэлсли Корк. Мыльный где-то с ней познакомился, и она рассказала про свое заведение в поместье. Поместье она арендует у какого-то лорда. Мыльный сказал, надо туда ехать. Вегетарианский пансион. Ешь овощи, глубоко дышишь и водишь хороводы. Вроде как жутко полезно для

души.

Мистер Твист кивнул.

— Знаю. Называется йога.

— Знаешь, и на здоровье.

— Сейчас ей многие занялись.

— Да и черт бы с ними, а меня-то за что? Я уж люблю пожрать, так пожрать. Еще немного, начну вырезать бумажных куколок и втыкать солому в волосы. Дворецкий уже рехнулся.

— Я сам иногда подумываю, не затеять ли такое дельце, — задумчиво произнес мистер Твист. — Выгодная штукавина. Ладно, расскажи еще. Мыльный тоже водит хороводы?

— Еще как!

— Чтоб ему ногу подвернуть. Да, насчет дворецкого: говоришь, рехнулся, бедолага?

— Или рехнулся, или сразу был с приветом. Может идти прямиком в дурку, никто не удивится. Бродит по всему дому, как ушибленный, глаза стеклянные, словно ему что привиделось. Да, только вообрази: вчера застаю его у себя в комнате, он роется под ночным столиком.

Мистер Твист согласился, что это, мягко говоря, чересчур, и добавил, что никогда не видел сумасшедшего дворецкого.

— Ладно, — сказала Молли, — я не о нем пришла говорить. Что делать с Мыльным и гримзой? Только быстрее. У меня поезд уходит.

Мистер Твист вынес вердикт без колебаний. Он мало верил людям, а уж Мыльному — особенно.

— Бери ноги в руки и выводи его на чистую воду, — сказал он.

— Ты так думаешь?

— Думаю. Это твой муж, и он дурно с тобой поступает. Долли мрачно кивнула. Он лишь подтвердил ее собственные мысли.

— Вот и я чувствую. Эта Корк — богатая вдова. Денег — куры не клюют. Что помешает Мыльному бросить меня и закрутить с ней? Ему ее охмурить — пара пустяков. Уж больно он хорош собой, прямо страсть, — произнесла Долли с печальной гордостью. — И возраст у него как раз самый опасный. Румянец еще, как у школьницы, а годы уже те, когда устаешь от работы и начинаешь приглядывать богатую женушку.

— Смотри в оба и, если что заметишь, хватай его за горло.

— Так ты не считаешь, что это просто из вежливости к хозяйке?

— Не считаю.

— Я тоже, — горестно согласилась Долли. Она встала и взглянула на хорошенькие часики, принадлежавшие одному модному ювелиру с Бонд-

стрит и перешедшие к ней совсем недавно (ювелир, возможно, еще не узнал о своей щедрости). — Ладно, я побежала, а то на поезд опоздаю. Приятно было повидаться.

— Заходи, как будешь в наших краях. С тебя пятерка.

— За что?!

— За профессиональный совет. Давай расписку, и мы квиты.

Долли Моллой затрепетала, как раненая лань.

— Пятерку за паршивые полтора слова, когда я и так почти все решила сама!

— Мы, консультанты с Мейфэр, обходимся дорого, — примирительно произнес мистер Твист. — Кстати, ты еще легко отделалась. Шерлок Холмс брал бриллиантовые табакерки.

Только женский страх опоздать на поезд помешал его клиентке выразить свое мнение на темпераментном чикагском наречии. Однако время поджимало. Она открыла сумочку и выложила расписку на стол. Слишком поздно ей вспомнилось, что мистер Александр Твист криво не плюнет. Из-за этой-то крепкой деловой хватки ему порой и приходилось укрываться в шкафу от чрезмерно взволнованных посетителей.

С камнем на сердце Долли Моллой мчалась в вагоне к живописному кентскому поместью «Шипли». Быстро крепнущее подозрение, что любимый муж намерен ее бросить, усиленное мыслью, что на обед — картошка со шпинатом, свели на нет ее обычную бойкость. В подавленном настроении она вышла на станции и, хмуря брови, двинулась с холма к Шипли-холлу.

Шипли-холл, вотчина Джорджа, шестого виконта Аффенхемского, взятая в аренду миссис Корк, стоит на широкой возвышенности среди лесистых холмов — белый георги-анский особняк, окруженный клумбами и газоном. Отсюда открывается прекрасный вид. Особенно эта местность хороша под июньским солнцем, а Мыльный, расхаживавший возле дома, тоже был необычайно хорош в костюме цвета осенней листвы, красно-желтом галстуке и замшевых ботинках с темными носами, которые придают мужчине такой убийственный вид.

Увы, это отрадное зрелище не утешило миссис Моллой. Красота природы ее не тронула, а радость от созерцания красавца мужа отравила ей миссис Корк, словно нарочно выбравшая это самое мгновение, чтобы взять ее благоверного под локоть да еще игриво похлопать по руке. В следующий миг парочка скрылась, вступив на обсаженную рододендронами дорожку.

Долли осела на ближайший пенёк и некоторое время пребывала там,

терзаемая горькими мыслями, потом встала и на свинцовых ногах направилась к себе в комнату. Она чувствовала, что ее страдания перешли предел того, что может выпасть на долю молодой жены. Однако, отворив дверь, она поняла, что заблуждалась. Здесь ее ждало новое испытание, и она замерла на пороге, готовая расплескаться от этой последней капли.

Из-под ночного столика, словно возвышенность в прерии, вздымался обтянутый штанами зад. Он слегка подрагивал, как терьер в крысиной норе.

В довершение напастей, Кейкбрэд, дворецкий, снова забрался в ее комнату.

Глава III

Несмотря на приятное общество мистера Моллой, миссис Корк недолго прогуливалась по дорожке, обсаженной рододендронами. Ее звали иные дела. Спустя десять минут после того, как миссис Моллой видела ее перед домом, она уже в своем кабинете разговаривала по телефону.

— Мисс Бенедик!

— Да, миссис Корк? — ответил чарующий голос.

— Мне надо немедленно видеть мистера Трампера.

— Да, миссис Корк, — сказал чарующий голос. Миссис Корк расправила мощные плечи и утвердилась спиной к пустому камину — точь-в-точь фронтиспис «Женщины в дебрях», на котором фотограф запечатлел ее с ружьем в руке, попирающей убитого жирафа.

Тем, кого интересуют убитые жирафы, нет надобности объяснять, кто такая миссис Уэлсли Корк. Впрочем, хронист льстит себя надеждой, что его будет читать широкая публика, в том числе, возможно, особы, безразличные к длинношеим копытным. Ради этих немногих следует представить ему выдающуюся исследовательницу и охотницу на крупную дичь.

Двенадцать лет назад скончался мистер Уэлсли Корк, оставив ее не у дел, и вдове пришлось искать новое русло для энергии, которая прежде уходила на воспитание мужа. Итак, взяв в руки ружье, она отправилась бродить по диким уголкам Британской Империи. Что бы вы ни говорили о миссис Корк (а тысячи туземных носильщиков, каждый на своем диалекте, сказали предостаточно), нельзя отрицать, что ей покорились просторы от пальм до пиний.^[5]

Когда сия особа хотела кого-то видеть немедленно, он являлся немедленно. Она так выдрессировала немногочисленных домочадцев, что они мчались на зов, словно бегуны в эстафете. Не прошло и трех секунд, как в комнату испуганно вбежал похожий на креветку человечек — тот самый мистер Трампер.

Миссис Корк пронзила его острым взглядом, словно антилопу-гну, и без промедления перешла к делу. Она никогда не тратила времени на преамбулы.

— Ну, Юстэс, вы знаете, зачем я вас вызвала. Несчастный шумно сглотнул. Все поплыло перед глазами

Юстэса Трампера. Много лет он робко боготворил миссис Корк, как

креветкообразные мужчины боготворят подобного рода женщин, и втайне надеялся, что преданное служение хоть немного смягчит ее принципиальность.

— Вы знаете правила. Замеченный в употреблении мяса исключается немедленно. Дисциплина необходима.

Автор не стыдится признать, что его душа разрывается от жалости к мистеру Трамперу. Любовь заставила его стать одним из основателей вегетарианской колонии, однако все Трамперы из поколения в поколение были доблестными едоками, а Юстэс не постыдил предков и в кругу знакомых особо славился подвигами на поприще ножа и вилки. В клубе хорошо знали эту его способность, и, стоило ему показаться на пороге, повар восторженно вскрикнул, словно старый боевой конь при звуке трубы. Когда такой человек три недели героически питается овощами, а в один прекрасный день оступается и просит подать бифштекс и пирог с почками, кто посмеет бросить в него камень?

Увы, миссис Корк посмела.

— Дисциплина, — повторила она. — Вам придется уехать.

Последовало молчание. Мистер Трампер возвел к ней молящие глаза и стал похож на креветку, попавшую в сачок.

— Дайте мне шанс, Кларисса. Вы знаете, как для меня важно быть рядом с вами. Вы всегда хорошо на меня влияете.

Миссис Корк покачала головой.

— Невозможно, Юстэс. Представьте себе, станет известно, что я оставила без ответа вопиющее нарушение правил. Что подумает тот же мистер Моллой? Он нарочно приехал сюда, чтобы изучить нашу колонию, и, если понравится, открыть нечто подобное в Америке. Это его расхолодит.

Мистер Трампер нахмурился.

— Я ему не доверяю. По-моему, он жулик.

— Не говорите чепухи.

— Я твердо уверен. Только жулик может быть таким вкрадчивым.

— Чушь. Мистер Моллой очаровательный, прекрасно воспитанный американец. И, к тому же, миллионер.

— Кто вам сказал, что он миллионер?

— Он сам сказал.

Мистер Трампер предпочел оставить эту тему. У него нередко возникали поводы дивиться, как женщина, легко усмирявшая охотников за головами, становилась столь легкой добычей для отбросов цивилизации.

— В любом случае, — взмолился несчастный, — он не узнает.

Позвольте мне остаться, Кларисса.

Миссис Корк дрогнула. Она могла движением брови остановить разъяренного носорога, но и у нее было слабое место. Кроме племянника Лайонела, у нее не было никого ближе Юстэса Трампера; к тому же, от нее не укрылось его безмолвное обожание. Миссис Корк взглянула на голову антилопы над камином, словно ожидая подсказки, и принципы уступили чувству.

— Ладно. Но чтобы больше это не повторялось.

— Никогда. Ни за что.

— Тогда не будем больше об этом, — отрезала миссис Корк.

Последовало молчание, неловкое, как всегда после бурной сцены. Юстэс Трампер тихо елозил ногой по полу. Миссис Корк по-прежнему смотрела на антилопу. Мистер Трампер заговорил первым, предварив свою речь легким покашливанием, поскольку собирался коснуться весьма щекотливой темы.

— Вы позвонили Лайонелу?

— Конечно. Он приедет сегодня вечером.

— Отлично. После такого испытания лучше всего побыть в кругу тех, кто тебя любит.

Последнее слово, видимо, разбредило в душе миссис Корк свежую боль. Лицо ее посуровело, в голосе прорезался металл.

— Любит? Хм. Занятно, что вы так сказали. Юстэс, вы не замечали ничего между Лайонелом и мисс Бенедик?

— Нет, а что?

— Мне кажется, она его завлекает. Если так, я быстро с этим покончу. Пусть она племянница лорда Аффенхема, но за душой у нее явно ни пенса, а то зачем бы она пошла ко мне в секретари-компаньонки?

— А с чего вы вообще это взяли?

— Я смотрела на них, когда Лайонел последний раз здесь гостил. И мне не понравилось, как она читала о допросе Лайонела этим жутким Дж. Дж. Миллером. Голос ее дрожал, глаза горели, а когда я сказала, что задушила бы Дж. Дж. Миллера своими собственными руками, у нее вырвался ревнивый вздох.

— На мой взгляд, это вполне естественно. Я сам не могу думать о Миллере без внутреннего содрогания. Все знакомые Лайонела крайне возмущены. После завтрака я говорил с Кейкбредом, и он сказал, что кухарка высказывается по этому поводу в самых крепких выражениях.

— Кейкбредом? — Миссис Корк застыла. — Вы что, обсуждаете с

дворецким семейные дела?

Мистер Трампер покраснел.

— Нет-нет, — поспешно отвечал он. — Как правило, конечно, нет. Просто я неожиданно наткнулся на него в своей спальне, а вы знаете, как трудно найтись в такой ситуации. Особенно, когда сталкиваешься с Кейкбредом. Сознаюсь, он несколько на меня давит.

— В спальне? Он вам не прислуживает. Что он делал у вас в спальне?

— Мне показалось, он что-то искал под кроватью.

Миссис Корк вздрогнула.

— Не далее как вчера я застала его у себя в комнате. Он рылся в буфете и сказал, что ищет мышь.

— Мне он сказал, что высматривает жучков.

— Не нравится мне это, Юстэс.

— Странная история. Я определенно не видел никаких жучков.

— Надеюсь, он порядочный человек.

— Должен признаться, Кларисса, этот вопрос приходил в голову и мне. С виду он, безусловно, порядочный, но это черта всех дворецких. У него были надежные рекомендации?

— Я их не смотрела. Переездом занималась мисс Бенедик. По ее словам, дядя выставил условие, чтобы дворецкий остался. Она сказала, так принято, и я не видела причин возражать. Естественно, я полагала, что он выше любых подозрений. Но теперь...

Она смолкла, но не потому, что закончила мысль. Из глубины дома донесся яростный женский вопль, потом грохот, словно высыпали тонну угля.

— Что еще за черт? — удивилась миссис Корк. Мистер Трампер кузнечиком скакнул к дверям, на мгновение исчез и снова возник, чтобы сообщить:

— Это Кейкбред. Кажется, он упал с лестницы. Ой, простите!

Последние слова адресовались миссис Моллой, которая, подвинув его плечом, вихрем ворвалась из коридора и остановилась посреди комнаты с видом оскорбленной матроны.

— Эй, миссис Корк! — взвизгнула она.

К хранительнице Шипли-холла таким тоном не обращались, но женское любопытство взяло верх над желанием осадить гостью.

— Что-то случилось, миссис Моллой?

— Спрашиваете! Знаете что, или держите вашего дворецкого на цепи, или я за себя не отвечаю. Черт возьми, всему есть предел.

— Боюсь, я не поняла. Что сделал дворецкий?

— Сейчас я его застучала. Рылся в моей комнате! Второй раз за два дня! Торчит из-под ночного столика, словно гора Эверест, и еще имеет наглость утверждать, будто ищет, откуда пахнет. Пахнет ему, держи карман шире! Ничем там не пахнет! Ну и порядочки в вашем заведении! Всякое бывает, но чтобы дважды за два дня! Поневоле озвереешь!

Трампер сопровождал эту энергичную речь мышинным попискиванием.

— Просто поразительно, — выдавил он наконец. — Как раз когда мы об этом говорили, Кларисса.

— Мистер Трампер только что говорил мне, — пояснила миссис Корк, — что сегодня утром застал Кейкбрета в своей комнате при весьма подозрительных обстоятельствах. А я рассказывала, что не так давно видела его у себя. Когда вы вошли, мы согласились, что надо принимать меры.

— Вот и я говорю: надо принимать меры. Ежу понятно, что у него на уме: обчистить заведение и дать деру. Странно, что он еще здесь. Мой вам совет, выбросьте его пинком под зад, не то плакали наши вещички.

— Вполне с вами согласна. Сегодня же его рассчитаю. Миссис Корк величаво шагнула к столу и заговорила в телефонную трубку.

— Мисс Бенедик.

— Да, миссис Корк? — отвечал чарующий голос.

— Зайдите ко мне, пожалуйста.

— Да, миссис Корк.

Спустя несколько минут, в которые миссис Корк решительно рассуждала о бесчестных дворецких, мистер Трампер попискивал, а Долли Моллой молча кипела яростью, дверь отворилась, и вошла Энн Бенедик.

В мисс Бенедик природа создала небольшой шедевр. Это была стройная особа лет двадцати трех, из тех живых, мальчишеского вида девушек, глядя на которых сразу представляешь, какими веселыми они были детьми. Губы ее то и дело трогала загадочная улыбка, глаза смотрели так, словно во всем видят смешную сторону. Любой мужчина (за исключением мистера Трампера, почитавшего за честь близость к своей богине) сказал бы, что она достойна лучшего, чем сидеть у телефона и отвечать: «Да, миссис Корк».

Хозяйка, как всегда, без промедления перешла к делу:

— Мисс Бенедик. Кейкбрет. Выплатите ему месячное жалованье, и чтоб сегодня его здесь не было.

Сказано это было настолько безоговорочно, что оставалось только ответить: «Да, миссис Корк». Однако, к изумлению последней и возмущению мистера Трампера, Энн Бенедик выбилась из тона.

— Что? — вскричала она, — Почему?

Туземный носильщик как-то сказал миссис Корк «почему?». Если вам случится посетить его деревушку, вы легко узнаете этого человека по слегка пришибленному виду и привычке вздрагивать, когда к нему обращаются. Это было десять лет назад и с тех пор не повторялось. От неожиданности миссис Корк на мгновение онемела, и еще не отошла от потрясения, когда вмешалась Долли Моллой.

— Я вам объясню, почему, — грозно произнесла она. — Не знаю, кто нанял этого треклятого Кейкбрета слоняться по дому, но он оказался жуликом. Нельзя шагу ступить, чтоб на него не наткнуться. Растекается повсюду, как протоплазма. То он у миссис Корк в спальне, то у мистера Трампера, то у меня, по два раза на дню. Мы тут сошлись, что его надо выставить, пока он не выбрал, что полезет ему в чемодан, а что — нет.

— Вот именно, — сказала миссис Корк. — Выставить немедленно.

Губы Энн Бенедик чуть заметно дрогнули. Казалось, что ей смешно.

— Боюсь, его нельзя выставить.

И вновь миссис Корк испытала потрясение.

— Как, нельзя?

— Боюсь, что нельзя. Вероятно, вы невнимательно читали договор об аренде, иначе заметили бы пункт насчет Кейкбрета. Мой дядя настоял, чтобы его включили.

— Пункт? Какой еще пункт?

— Что его ни при каких обстоятельствах нельзя увольнять.

Миссис Корк вытаращила глаза.

— Что?!

— Боюсь, так оно и есть.

Наступила тишина. Потом миссис Корк объявила, что в жизни не слышала подобного, а мистер Трампер пробормотал что-то невразумительное. Долли Моллой не сказала ничего. Похоже, она думала.

— Разумеется, это досадно.

— Мягко сказано!

— Но мой дядя сдал дом только на этом условии. Миссис Моллой вышла из задумчивости.

— Послушайте! — вскричала она. — Там не написано, что его нельзя отвести в кутузку, если его поймают за руку?

— Думаю, не написано, — произнесла Энн, — но, уверяю вас, миссис Корк, вы заблуждаетесь. Просто у него любознательный склад ума.

— Так вот, — продолжала миссис Моллой, — я вам скажу, как это можно обстрелять. Наймите сыщика, пусть проследит за ним.

Она с надеждой взглянула на миссис Корк. Ее быстрый ум уже различил здесь один из тех случаев, когда одним выстрелом можно убить двух зайцев: обеспечить неприкосновенность своей собственности и залучить в дом опытного союзника, который следил бы за маневрами Мыльного среди роз.

Взор миссис Корк просветлел.

— Отличная мысль.

— Превосходная, — подхватил мистер Трампер.

— У меня и адресок для вас есть, — сказала миссис Моллой. — Шерингем Эдер, Холси-корт, Мейфэр.

— Мейфэр, — уважительно повторил мистер Трампер.

— Мейфэр, — с удовлетворением произнесла миссис Корк. — Звучит солидно.

— Говорят, он в своем деле мастак. Один из лучших сыщиков страны.

— Тогда я поручу ему это дело. Вы записали фамилию и адрес, мисс Бенедик? Шерингем Эдер, Холси-корт, Мейфэр.

— Но...

— Пожалуйста, не нокайте. Отправляйтесь немедленно. Если вы поедете в Лондон на двухместной машине, то успеете застать его до конца рабочего дня. Постарайтесь привезти его с собой. Я не буду чувствовать себя спокойно, пока этот Кейкбред в доме.

Энн Бенедик еле заметно пожала стройными плечами, но выучка не позволила ей возразить. Те, кому выпала честь служить миссис Корк, вскоре приобретали почти военную выправку. Хотя секретарь-компаньонка видела, что кто-то делает глупость, ей оставалось лишь спуститься в гараж, завести двухместный автомобильчик и за час десять минут достичь Лондона.

И все же, невзирая на внешнюю покорность, направилась она вовсе не в гараж, а в буфетную. Злополучный Кейкбред сидел за столом и играл сам с собой в шахматы. Судя по довольному выражению лица, он выигрывал.

— А, это ты, дорогая, — сказал он. — Зашла поболтать?

— Нет, — сурово отвечала Энн Бенедик, — Если хочешь знать, душа моя, я еду в Лондон нанимать сыщика. Слышишь? Сыщика. Будет смотреть на тебя в увеличительное стекло. Ну ты и заварил кашу, дядя Джордж!

Глава IV

Примерно в то же время, когда Энн Бенедик проезжала лондонские предместья на пути к Холси-билдингс, Джеф Миллер стоял, высунувшись в окно третьего этажа Холси-чемберз и не сводил глаз со входа во двор. Вид у него был встревоженный и даже напуганный, как у мистера Трампера перед беседою с миссис Корк.

Всякий, знакомый с обстоятельствами, ничуть бы этому не удивился. Утром пришла телеграмма, извещавшая о скором вторжении Миртл Шусмит в его холостяцкое жилище, а если Миртл сорвалась с места и мчится к нему из деревни, это может означать только одно. Она прочла подробный отчет о деле «Пеннифадер против Тарвина», который появился сегодня во всех газетах.

Это может показаться странным, учитывая незначительность дела, и следует, наверное, пояснить, что причиной столь внезапного интереса пишущей братии стало необыкновенное поведение защитника пострадавшей стороны.

Джеф не стал бы для собственного удовольствия вспоминать этот отчет, но при необходимости мог бы повторить его наизусть. Слова стояли перед глазами, словно выжженные огненными буквами.

Защитник: — Вы не будете отрицать, Грин...

Судья: — Мистер Грин.

Защитник: — Простите.

Судья: — Ничего, мистер Миллер, продолжайте.

Защитник: — Хорошо, спасибо. Вы не будете отрицать, мистер Грин, что в школе вас звали Вонючкой? Что вы не могли сказать слово правды, не надорвав тем самым пупка? Что вы редко, а практически — никогда, не мылись? Что вас дважды лупили старосты за кражу бутербродов с повидлом из школьного буфета?

Свидетель: — Ваше влияние!

Судья: — Обычно ко мне обращаются «ваша честь», или, иногда, «вашчество». Однако я вас понимаю. Мне не хотелось бы вмешиваться, мистер Миллер, но имеют ли отношение юношеские грешки свидетеля к рассматриваемому делу?

Защитник: — Я сокрушаю его, вашчество. Демонстрирую,

какая он гнида.

Судья: — Уместно ли тут слово «гнида», мистер Миллер?

Защитник: — Как будет угодно вашчести. Итак, Вонючка, я подвожу к тому, что все ваши показания — враки от начала и до конца. А теперь, гаденыш, говори честно...

Судья: — Выражение «гаденыш», мистер Миллер...

Преппирательство длилось довольно долго. В конце концов защитник попросил судью не перебивать его на каждом слове, а Его Честь, утратив вежливость, указал на неуважение к суду и посоветовал защитнику, не теряя времени, поискать себе другую стезю, поскольку не видит для него будущего в коллегии адвокатов. Мысль, что Миртл Шусмит это прочла и намерена пространно обсудить, повергала Миллера в ужас.

Он еще дальше высунулся в окно, оглядывая горизонт, и едва не выпал на улицу, внезапно услышав за спиной голос мамы Болсем. На мгновение ему почудилось, что Миртл вошла незаметно и прокралась ему в тыл.

— Когда прикажете подавать чай, сэр?

Джеф слабо улыбнулся. Ему подумалось, что мамаша Болсем преувеличивает светскость предстоящей встречи.

— Ой, не думаю, что дело дойдет до чая.

— Молодые дамы любят попить чайку, сэр.

— Мне представляется, что мисс Шусмит будет говорить без перерыва на чай.

— Я испекла булочки из крутого теста.

— И даже с булочками из крутого теста. Думаю, она предпочтет глоток-другой моей крови. У меня нехорошее чувство, что она читала про заседание. Вы читали?

— Ох да, сэр!

— Понимаете, это лишний пример того, как часто нам приходится сожалеть о поступках, совершенных с полным сознанием правоты. Когда я увидел перед собой Лайонела Грина и понял, что это тот самый Л. П. Грин, который отравил мне школьные годы, показалось вполне естественным этим воспользоваться. «Ты на верном пути, Дж. Дж. Миллер», — сказал я себе.

— Так вы знакомы с этим джентльменом, сэр?

— Учились вместе. Это с его подачи я получил отвратительное прозвище Носочки, от которого избавился благодаря скромным подвигам на футбольном поле лишь к старшим классам. Носочки, должен пояснить,

сокращение от Спальные носочки. Эта скотина Грин пустил гнусную байку, будто дома я сплю в носочках и обязательно при свете, потому что боюсь темноты. Вы знаете — хотя, возможно, вашему чистому сердцу это неведомо, — как умеет травить ближних английская золотая молодежь.

— Очень нехорошо со стороны молодых джентльменов, сэр.

— Очень. Я поклялся страшно отомстить, и теперь моя клятва исполнена.

— Мне показалось, судья очень дурно с вами обошелся.

— Не то слово! Вот уж не ожидал. Мне всегда казалось, в таких случаях защитник говорит, что угодно, а судья, откинувшись в кресле, похохатывает над его остротами. И вдруг нате! — Его Честь бьет меня под дых. А все-таки судьям нельзя отказать в проницательности. Ушлые ребята. Заметили, как этот сказал, что мне надо бросать юриспруденцию? Он просто сформулировал то, что я давно чувствую. Отныне я полностью сосредоточусь на работе, к которой чувствую призвание. Я буду писать детективы. Когда ко мне придут и попросят выступить на очередном громком процессе, я отвечу, что, увы, не располагаю свободным временем. В нашу эпоху узкой специализации нельзя разбрасываться. Да, теперь я вижу ясно: все обернулось как нельзя лучше. Однако если вы спросите, жду ли я хорошего от предстоящей встречи с мисс Шусмит, я отвечу, положив руку на сердце... О, Господи! — воскликнул Джеф, содрогаясь всем своим натренированным телом. — Вот и она.

Он мужественно расправил плечи, силясь преодолеть ноющее чувство под ложечкой. Глядя, как мисс Шусмит идет через двор, самый ненаблюдательный заметил бы в ней некоторую взвинченность. Она исчезла в дверях Холси-чемберз, и Джеф, мгновение поколебавшись, вышел на площадку ее встречать.

Он перегнулся через перила и сразу понял, что чувства в ней клокочут, ища выхода. Миртл Шусмит поднялась по лестнице и устремила на Джефа каменный взор, словно трагическая королева экрана.

— Ты рехнулся, Джефффри? — спросила она низким, вибрирующим голосом.

Джеф внутренне подобрался. Встреча явно не сулила ничего доброго.

— Я понимаю, о чем ты, — начал он. — О судебном заседании, да? Я так и думал, что ты захочешь о нем узнать. Заходи, чайку попьем, все тихонечко обсудим.

— Не надо мне чая. Я прочла отчет в «Дейли Экспресс» и чуть не упала в обморок. Ты, наверное, сошел с ума.

— Ну, должен признаться, я слегка увлекся и в какой-то мере утратил

ясность суждения. Я только сейчас рассказывал мамаше Болсем, что этот Грин оказался тем самым типом, чьи гнусные наветы отравили мне юные дни. Когда я увидел его, то понял: труба зовет. Вернее, это ему труба.

— Не понимаю, что ты говоришь.

— Я объясняю, почему не был вежливо-сдержанным. Когда это ничтожество вползло на место свидетеля, и я понял, что передо мной — Вонючка Грин...

— После того, как я с таким трудом уговорила папу тебя проинструктировать...

— Понимаю, понимаю. Не думай, что я не вижу твоей точки зрения. Я просто пытаюсь объяснить, что этот паскуда Грин...

— Он вне себя. Повторяет: «Я же тебе говорил!».

— Так ты заезжала домой?

— Естественно, я заезжала домой. Не думаешь же ты, что я потащилась бы сюда с чемоданами? Он умолял меня разорвать помолвку.

Джеф содрогнулся от килия до клотиков. Такого он не ожидал. Вот уж угроза так угроза. Полный разрыв. Перед глазами мелькнул проблеск надежды. Так несчастный, стоящий на эшафоте с петлей на шее и уже видевший, как палач, крикнув, поплевал на ладони, вдруг различает всадника на взмыленном коне с запечатанным пакетом в руках.

— Ты не сделаешь этого? — хрипло спросил он.

Миртл Шусмит была девушка сильная. Она видела, что слова ее потрясли Джеффри до глубины души, и, несмотря на праведный гнев, немного его жалела. Однако она твердо верила в необратимость заслуженного воздаяния. Она сняла

перчатку.

— Я приняла решение, еще сойдя с поезда. Разумеется, после всего этого я не могу выйти за тебя замуж. Вот твое кольцо.

Джеф держал кольцо между большим и указательным пальцами. Внезапно его озарила странная мысль, из тех, что порой навевались к нему в минуты отличного настроения.

— Знаешь, я чувствую себя оценщиком.

— Что ты такое городишь?

— Ты дала мне кольцо. Как будто пришла в ломбард и спрашиваешь, за сколько его можно загнать.

— Прощай, — выговорила Миртл Шусмит, возмущенная до глубины души, и двинулась вниз по лестнице. Наконец-то она поняла, что имел в виду отец, когда назвал Джеффри неуравновешенным и легкомысленным.

Глава V

Джеф вошел в квартиру и рухнул в кресло. Он ощущал странную расслабленность во всем теле. Внезапная радость порой вызывает полное притупление чувств. Он смутно сознавал, что мамаша Болсем к нему обращается, и потому кивнул. Из того, что она заторопилась прочь со словами «выпить, пока горяченький», ему удалось заключить, что речь шла о чае. И впрямь, скоро она появилась вновь с подносом в руках.

Джеф оглядел поднос без всякого энтузиазма. Что бы ни писали поэты о достоинствах чая, бывают в жизни минуты, когда душа просит чего-то покрепче. Не успела мамаша Болсем выйти, как Джеф понял — сейчас именно такая минута.

Ее хотелось отметить напитком, который не просто бодрит, но горячит и жалит, словно змея. Как на случай, в буфете имелась бутылочка подходящего адского зелья.

Пятью минутами позже он сидел с ногами на подоконнике, живой огонь растекался по его жилам, а сердце переполнял бурлящий восторг. И в этом состоянии он оставался довольно долго.

Однако постепенно мысли его приняли иной оборот. В такое время, сказал себе Джеф, мало ликовать. Не для того в нашей жизни случаются великие потрясения. Главное — извлечь из них урок. Он чувствовал, что манна небесная просыпалась на него неспроста.

Зачем, не стоило труда догадаться. Джеф отлично знал свой недостаток, чрезмерную сердечность в отношениях с противоположным полом. Он любил девушек — высоких, низеньких, стройных, пухленьких, блондинок, брюнеток — и слишком часто при виде девушки его язык слетал с тормозов.

Да, это его изъян. Он — трепло. Природа наградила его способностью к легкой болтовне, которая отчасти — подтрунивание, отчасти — искреннее чувство. Слишком часто в гостях он обнаруживал, что увлек в сторонку самую хорошенькую из девиц и разливается соловьем. Именно это, с содроганием припомнил он, и случилось с Миртл Шусмит. Вся история с ней, вся немыслимая катастрофа, которой он чудом избег, имела одну цель: научить его осмотрительности и сдержанности.

Отныне, решил Джеф, его поведение круто изменится. Прежде девушки называли Дж. Дж. Миллера «наш дорогой Джеф» и «душка». Отныне они будут шепотом спрашивать у приятельниц, кто этот угрюмый

молодой человек, который стоит у стены, скрестив руки, и словно совсем их не замечает.

На этом месте рассуждений он огляделся вокруг. Взгляд его упал на тарелку с булочками, к которым он так и не прикоснулся. Вид булочек вернул его к яви.

Первой мыслью его было, что он в жизни не видел ничего менее съедобного. Слишком многие хозяйки, готовя булочки из крутого теста, путают слова «крутое» и «каменное», и мамаша Болсем принадлежала именно к этой школе. Даже не будь они такими твердыми, его желудок, пусть и здоровый, не желал принимать такую пищу после доброй порции горячительного напитка.

Однако и оставлять грудку булочек на тарелке было нельзя. Мамаша Болсем такая ранимая. Чуткий Джеф не мог причинить ей боль, оставив угощение нетронутым. Чувства мамы Болсем были для него святы.

А значит, стоял вопрос, которым так часто терзались герои в его рассказах: куда девать труп? Пока он раздумывал, взгляд его упал на полуоткрытое окно дома напротив — окно с табличкой «Дж. Шерингем Эдер». И тут Джефа осенило.

Из своего окна он видел комнату, по всем признакам пустую. Станный тип, который иногда сидел за письменным столом, крутя нафабранные усы, сейчас крутил их в каком-то другом месте. Вероятно, дела частного сыска увлекли мистера Эдера в Скотланд-Ярд, поучать тамошних полицейских, или в опиумную курильню Одноглазого Джо, разыскивать алмаз махараджи.

Так это или нет, но одно Джеф понимал четко. Неизвестно, как у Дж. Шерингема Эдера с алмазами махараджи, но вот с булочками у него не густо. С точностью, свидетельствующей о твердой руке и наметанном глазе, Джеф принялся швырять их через двор.

Четвертая, и последняя, угодила Шимпу Твисту точно промеж глаз. На мгновение тому показалось, что ударом снесло верхнюю половину черепа.

Полагая, что контора пуста, Джеф ошибался. Сыщик был у себя, но несколькими мгновениями раньше он на четвереньках заполз под стол, ища оброненный шестипенсовик. Странное чувство, что воздух внезапно наполнился летающими предметами, заставило его резко выпрямиться в самый неподходящий момент.

Миг короткого замешательства — и он, потирая лоб, высунулся в окно. Взгляд его остановился на молодом человеке с соломенными волосами и перекошенным лицом. Молодой человек смотрел прямо на Шимпа. И тут Александр Твист не впервые за свою сомнительную карьеру

понял, что пришло время линять.

Увы, такие недоразумения повторяются в нашей жизни с пугающей частотой. Мы-то знаем, почему Джеф метал булочки, и понимаем, что взор его изображал раскаяние и ужас. Желая пощадить чувства мамы Болсем, он засветил булочкой в лоб ближнему. Казалось бы, любой должен увидеть, что перед ним — воплощенное сожаление.

Любой, но только не Шимп Твист. Мы уже говорили, что по роду занятий он нажил немало врагов. Лондон, как и Чикаго, который он по этой самой причине вынужден был покинуть за несколько лет до описываемых событий, просто кишел людьми, которые спали и видели, как бы его отдубасить. Больная совесть подсказывала, что Джеф — из их числа.

Правда, молодой человек не показался ему знакомым, но память на лица может и подвести. К тому же Шимпу некогда было всматриваться. Он отшатнулся от окна, понимая одно: юноша с огненным взором метнул в него нечто смертоносное, хотя что именно, он сообразить не успел.

Джеф тем временем тоже покинул свой пост. Он мчался по ступенькам, чтобы принести извинения. В душе он чувствовал, что никакими словами не загладить его проступка, но извиниться все-таки решил. Не может приличный человек запустить в соседа булочкой и сделать вид, будто ничего не произошло. На этот счет есть свои правила.

И вот, когда Шимп Твист выскочил на площадку третьего этажа Холси-билдингс, чтобы вырваться на простор и затеряться в городе, его взору предстал разгневанный мститель, бегущий вверх по ступеням с явным намерением объясниться накоротке. Путь к отступлению был отрезан.

Однако выход нашелся. Именно на такие случаи Шимп Твист и держал в конторе вместительный шкаф. В мгновение ока он юркнул в шкаф и забился в самую глубину. Здесь он и остался сидеть, неслышно дыша, так что Джеф, ворвавшийся в комнату после короткой пробежки, застал ее совершенно пустой.

Был стол. Были булочки, щедро разбросанные по полу. Чего не было, так это человечка с нафабранными усами, холодно ожидающего объяснений. Складывалось впечатление, что его унесла на небо огненная колесница, хотя всякий, мало-мальски знакомый с Шимпом Твистом, с ходу отверг бы такую мысль.

Джеф пережил в эти мгновения то, что с полным правом можно назвать быстрой сменой чувств: удивление, затем (поскольку перспектива извиняться его не увлекала) облегчение и, наконец, любопытство.

Впервые в жизни он оказался в конторе частного сыщика; ему представилась редкая возможность вжиться в обстановку и после использовать ее в рассказах про людей с изуродованными ушами. Он сел за стол, отметив про себя Факт Первый: частные сыщики предпочитают работать в пыли, без сомнения — для того, чтоб посетители оставляли на ней отпечатки пальцев.

И вот, когда он сидел, откинувшись на спинку стула и сожалел, что порядочность не позволяет ему рыться в ящиках, в дверь постучали, и вошла девушка, при виде которой все мысли о людях с изуродованными ушами мгновенно испарились.

— Мистер Эдер? — спросила она чарующим голосом, нежным и мелодичным, как перезвон овечьих колокольцев на закате дня.

— Точно, — отвечал Джеф. Его пылкой натуре были свойственны внезапные решения. Оказаться не тем, кого она ищет, показалось ему немыслимой глупостью.

Правда, он твердо поклялся быть угрюмым и неприступным, но, разумеется, к особым случаям это не относилось.

Глава VI

Наступило короткое молчание. Джеф был так поглощен созерцанием бесчисленных достоинств гостыи, что просто не мог говорить. В голове его проносился водоворот, на поверхности которого яичной скорлупкой подпрыгивала единственная связная мысль: если к частным сыщикам ходят такие девушки, то он — дурак, что не занялся частным сыском.

Конечно, любая особа, не похожая на Миртл Шусмит, показалась бы ему в этот миг весьма привлекательной, а Энн Бенедик нимало не походила на Миртл Шусмит, но дело было куда глубже. Что-то в гостье затронуло тайные струны его существа, так что колокола радостно зазвонили и процессии с факелами двинулись по гулким коридорам души. Нечто подобное, подумалось ему, хотя несравненно более слабое, испытал Ромео, впервые увидев Джульетту.

Что до Энн, ее впечатление, хоть и не столь восторженное, было вполне благоприятным. Холси-корт, а особенно лестница Холси-билдингс, подготовили ее к чему-то в высшей степени гадкому, вроде настоящего Шимпа Твиста; вместо этого она увидела приятного, чисто выбритого молодого человека. Он ей понравился. К тому же ее не покидало странное чувство, будто она где-то его уже видела.

— Добрый день, — сказала она. На этот раз ее голос напомнил журчание серебристых фонтанов в тени благоуханных деревьев посреди раскаленного Самарканда.

Джеф выпрямился с такой силой, что чуть не свернул себе хребет. Пыл его не убавился, а, может быть, даже возрос, потому что голос у нее был, как уже говорилось, очень приятный. Однако первое ошеломляющее чувство, что ему в копчик въехал Корнуоллский экспресс, медленно шло на убыль.

— Добрый день, — отвечал он. — Садитесь, пожалуйста.

Джеф схватил стул и принялся яростно тереть рукавом сиденье, как, безусловно, поступил бы на его месте сэр Уолтер Рэли,^[6] внутренне негодуя, что у мистера Эдера такая нерадивая уборщица.

— Боюсь, здесь не совсем чисто.

— Я тоже заметила пылинку-другую.

— Важные дела, все время в разъездах, ну и прислуга не жнет, не сеет...

— Может быть, вы слишком часто твердите, чтобы здесь ничего не

трогали?

— Может быть. Но все равно, здесь слишком много булочек. Чересчур много. Я решительно не понимаю, зачем столько булочек.

— Мне кажется, они придают конторе домашний вид.

— Возможно, вы правы. Наверное, без них было бы мрачновато. Да-да, так лучше.

— Гораздо лучше. А теперь, если можно, протрите еще один. С минуты на минуту должен появиться мой дядя. Мне казалось, что он поднимался следом за мной, но, наверное, его что-нибудь заинтересовало.

Пока она говорила, снизу донесся тяжелый топот, как будто по лестнице поднимается цирковой слон. Когда Джеф удалил аллювиальные наносы со второго стула, недостающий посетитель вошел в дверь.

— Заходи, мой ангел, — сказала Энн. — Мы гадаем, куда ты запропастился. Это мистер Эдер. Мой дядя, лорд Аффенхем.

Новоприбывший, как можно было заключить по звуку его шагов, отличался массивным телосложением. Формой он напоминал грушу, узкую сверху, но постепенно расширяющуюся к паре ботинок, размером каждый со скрипичный футляр. Над бескрайними просторами торса высилась большая яйцевидная голова, а лысая макушка снежным пиком торчала из редкой поросли всклокоченных волос. Верхняя губа была очень прямая и длинная, подбородок — острый. Два немигающих глаза остекленело смотрели из-под кустистых бровей.

Из этого внушительного монолита человеческой плоти раздался на удивление высокий и пронзительный тенор.

— Добрый день. Хериер? У меня произошел на удивление занятный разговор с полисменом, дорогая. Он просто вылитый тип, который забрал меня на Вайн-стрит в ночь лодочных гонок 1911 года. Я остановил его и расспросил. Провалиться мне, если он не сын того полисмента. Вот что зовется связью поколений, а? — Он помолчал, устремив на Джефа неподвижный взгляд. — Вас когда-нибудь забирали на Вайн-стрит?

Джеф ответил, что ему не случалось бывать по означенному адресу.

— Для полицейского участка вполне пристойное место, — милостиво заметил лорд Аффенхем.

Сделав это заявление, он откинулся на спинку стула, принял отрешенный вид и стал похож на собственный скульптурный портрет работы Гутзона Борглума.^[7] У Джефа появилось странное чувство, будто лорд Аффенхем пребывает где-то далеко. Он повернулся к Энн — спросить, что привело их к Дж. Шерингему Эдеру, и поймал на себе ее озадаченный взгляд.

— Мне кажется, я вас где-то видела, мистер Эдер.

— Вот как? — с вежливым любопытством осведомился Джеф. — Интересно, где? Вы... — Он осекся, потому что хотел спросить, не была ли она на недавнем процессе «Пеннифадер против Тарвина», но вовремя передумал. — Вы не бывали в Кембридже на Майской неделе?

— Нет.

— В Риме? Неаполе? Каннах? В милом Люцерне?

— Ни разу. Похоже, вы путешествовали куда больше меня.

— Да. Дела сыска куда только не забрасывают.

— Ясно. Я почти нигде не бывала, только гостила в разных частях Англии. Ладно, это неважно. Я, наверное, должна рассказать вам, зачем пришла.

Лорд Аффенхем внезапно вышел из комы. Хотя тело его пребывало в неподвижности, мозг не бездействовал.

— Вам когда-нибудь говорили, как узнать температуру? — спросил он, в упор глядя на Джефа.

— Посмотреть на градусник? — предположил тот.

— Проще. Сосчитать, сколько раз кузнечик стрекотнет за четырнадцать секунд и прибавить сорок.

— Вот как? — Джеф ожидал дальнейших наблюдений, но его собеседник уже сказал, что хотел. С видом человека, запирающего государственное учреждение, он закрыл рот и уставился прямо перед собой. Джеф повернулся к Энн.

— Вы говорили...

— Я собиралась рассказать о нашем деле, но тут сеньор де Аффенхем заговорил о кузнечиках. Не обращайтесь внимания на моего дядю, мистер Эдер. С ним это бывает. Просто запомните, что теперь вы можете определить температуру, и выбросьте это из головы.

— Заметьте, система работает, если у вас есть кузнечик.

— И нет градусника.

— Что вполне может случиться во время загородной прогулки. Так вы собирались рассказать о своем деле.

— Да. Во-первых, меня отправила к вам миссис Уэлсли Корк.

— Знакомая фамилия. Охотница на крупную дичь?

— Она самая.

— Вчера, что ли, видел в газете фотографию. Она там еще искоса смотрит на убитого льва.

— «Миссис Корк и Друг».

— Вот-вот.

— Я — ее секретарь. Моя фамилия Бенедик. Она сняла дом моего дяди в Кенте, Шипли-холл.

— Вот как?

— И хочет поселить там детектива.

Лорд Аффенхем снова вышел из напряженной задумчивости.

— Старая кретинка, — заметил он тоном адвоката, выносящего суждение в кабинете судьи.

Джеф ободряюще кивнул.

— Поселить у себя детектива? Как интересно! А зачем?

— Смотреть за ее дворцом.

— Что, стоит? Захватывающее зрелище?

— Она так считает. А вас рекомендовала миссис Моллой.

— Почему же миссис Корк хочет следить за дворцом?

— Она вбила себе в голову, что он нечист на руку. Он постоянно роется в комнатах.

— Ясно. Почему его сразу не уволили?

— Не могут. Мой дядя сдал дом с условием, что дворецкий останется и его нельзя увольнять.

— И она безропотно подписала такой контракт?

— Она его не читала. Предоставила все мне. Она искала дом неподалеку от Лондона, а дядя как раз хотел сдать свой, и я все устроила. Я не видела здесь никакой беды. Понимаете, я знаю Кейкбрета.

— А я — нет. Кто он?

— Дворецкий.

— Кейкбрет — его настоящая фамилия?

— А что такого?

— Уж слишком дворецкая. Как будто он взял ее нарочно, чтобы втереться в доверие. Вы уверены, что он честен?

— Да.

— Чист, как свежавывающий снег?

— Чище.

Джеф на мгновение принял суровый вид. Именно так, по его мнению, поступил бы сейчас Дж. Шерингем Эдер.

— Мисс Бенедик, вы когда-нибудь читали детективы?

— Конечно.

— Тогда вы знаете, что непременно случается в любом детективе. Наступает время, когда сыщик делает строгое лицо и говорит, что не может взяться за это дело, если клиент не будет ему полностью доверять. «Вы что-то от меня скрываете», — говорит он. Мисс Бенедик, я говорю это

вам. Вы что-то от меня скрываете. Что именно?

Джеф пристально взглянул на девушку. Энн задумалась. На лбу у нее появилась складка, а носик наморщился, как у кролика. Очень привлекательно, подумал Джеф, и был прав.

— Я посчитал в уме, — объявил лорд Аффенхем, — и пришел к выводу, что мог бы уместить все человечество в яму шириной и глубиной в полмили.

— Я не стал бы, — заметил Джеф.

— И я, — поддержала Энн. — Подумай, как будет тесно тем, кто окажется внизу.

— Верно, — подумавши, согласился лорд Аффенхем. — Н-да... Я понимаю. И все же мысль занятная.

Он умолк. Джеф вежливо ожидал продолжения. Продолжения не последовало. Он понял, что это очередное замечание, которые его собеседник время от времени отпускал, подобно диккенсовской даме, говорившей про столбы на дуврской дороге. Поэтому он снова повернулся к Энн.

— Что вы утаиваете от меня, мисс Бенедик?

— Почему вы так решили?

— Профессиональное чутье. Я — сыщик.

— Очень странный.

— Странный?

— Я представляла себе сыщиков совсем иными. Холодными и высокомерными, вроде стряпчих.

— Понимаю, — сказал Джеф. Холодности и высокомерия стряпчих он насмотрелся, общаясь с мистером Шусмитом. — А со мной вы чувствуете себя, как будто...

— ...как будто могу сказать вам, что угодно, а вы даже бровь не поднимете.

— Ну, конечно! Я могу свести пальцы, но поднять бровь — нет, никогда. Говорите без опаски. У вас есть что-то, проливающее свет на историю с дворецким. Вам известно нечто такое, что снимает с честного старого Кейкбрета всякие подозрения. Так в чем же тайная подоплека?

— Ну...

— Соберитесь с духом.

— Скажи ему, — вмешался лорд Аффенхем, возвращаясь из прекрасного далека. — Ты ведь сюда пришла, чтобы ему рассказать, верно? И меня с собой потащила, чтобы я при этом присутствовал. Так давай. Лопни кочерыжка! Проехать тридцать миль, чтобы все рассказать, а

потом сидеть и не рассказывать!

— Однако это выставит тебя таким ослом, милый.

— Нет, не выставит. Я действовал из самых лучших и разумных побуждений. Мистер Эдер, человек умный, образованный, сразу это поймет.

— Что ж, ладно. Вы могли бы нам помочь, — сказала Энн, поворачиваясь к Джефу. — Я хочу сказать, раз вы сыщик, то все время что-то разыскиваете?

— Без перерыва. Улики, алмазы махараджи, военно-морские соглашения — да что угодно.

— У вас есть на это свои способы?

— Еще какие!

— Разные э-э...

— Методы.

— Да, методы. А то мы уже опустили руки. Нельзя же искать иголку в стоге сена!

— Что же вы ищете?

— Даже не знаю, с какой стороны подступиться. Ладно. Во-первых, Кейкбред — не Кейкбред.

— Ага! Мы к чему-то приближаемся.

— Он — мой дядя. Джеф моргнул.

— Простите?

— Кейкбред — мой дядя.

— Вот этот? — спросил Джеф, кивая на лорда Аффенхема, который снова погрузился в себя и сделался похож на статую, с которой только что сдернули покрывало.

— Понимаете, когда дом пришлось сдать — больше нам жить не на что, — мы решили, что дядя должен остаться в Шипли-холле и все-таки вспомнить. Остаться он мог только в виде дворецкого. Так что на самом деле все очень просто.

— Да, конечно. Вспомнить, вы сказали?

— Куда он это спрятал.

— Так-так. А что именно?

Энн Бенедик внезапно рассмеялась таким серебристым смехом, что Джеф понял: только сейчас, в этот миг в нем пробудилось подлинное желание жить. С самого ее появления он сознавал, что странное чувство, которое она в нем вызывает, — это любовь, но смех — до сих пор она только улыбалась — окончательно расставил все по местам. Смех у Энн Бенедик был поистине дивный. Он вызывал в душе образ заснеженного

дома, домашних тапочек, собаки на коленях, огня в камине и доброй, хорошо обкуреной трубочки.

— Я бестолково рассказываю, да? — сказала Энн. — «Это» — мешочек очень дорогих бриллиантов, все наше состояние. Дядя Джордж спрятал его где-то в Шипли, но, хоть убей, не помнит, где именно.

В просторном шкафу Шимп Твист, как ни старался остаться незамеченным, поневоле хмыкнул. Мысль о том, что где-то в загородной усадьбе валяется мешочек с бриллиантами — более того, в усадьбе, где уже живут его давние союзники, — пронзила его насквозь.

Всю жизнь, с самого начала своей сомнительной карьеры, он мечтал о деньгах в банке, а уж если это не деньги в банке, то он ничего не понимает в деньгах. Поэтому он хмыкнул.

На его удачу, Джеф хмыкнул в тот же самый миг, так что сыщика никто не услышал. Правда, лорд Аффенхем решил, что в комнате необычное эхо, и задумался об акустике, но этим все и ограничилось.

— Вас это удивляет?

— Да.

— Я тоже удивилась, когда услышала. Я всегда знала, что у дядюшки нестандартный ум, и все-таки...

Джеф кое-как оправился от первого потрясения. Он даже смог, хотя и не без усилия, свести пальцы.

— Давайте проясним, — сказал он. — Ваш дядя вложил все семейное состояние в бриллианты?

— Да.

— И спрятал их?

— Да.

— А потом забыл, где?

— Да.

— Как собака про зарытую кость?

— Вот именно.

— Да. — Джеф с шумом выдохнул. — Вы очень точно выразились, «нестандартный». Можно не лезть в толковый словарь. Лучше не скажешь.

— Вот видишь, милый. — Энн с материнской суровостью повернулась к дяде. — Я сказала, что ты будешь выглядеть ослом. Мистер Эдер ошарашен.

Насколько это возможно для человека весом двести шестьдесят фунтов, лорд Аффенхем вскинулся.

— Я отказываюсь признать, — сухо выговорил он, — что изложенные факты выставляют меня в невыгодном свете. Мной, как я уже сказал,

руководил трезвый расчет. Лопни кочерыжка! Чем вам плохи бриллианты? Куда еще можно вложить средства в наше сумасшедшее время? Когда обвалились эти несчастные железнодорожные акции, я все хорошенько взвесил и принял окончательное решение.

— Да, наверное, в твоем безумии есть своя система.

— Почему «в безумии»?

— Он такой, — продолжала Энн, обращаясь к Джефу с видом матери, рассказывающей о странностях любимого чада. — Когда объясняет свои дикие выходки, поневоле киваешь головой и веришь, что он выбрал единственно верный путь.

— Бриллианты — всегда бриллианты, — вступился Джеф.

— Когда их нельзя отыскать — нет.

— Конечно, лучше бы ваш дядя их нашел.

— Как часто редкий перл, волнами сокровенный, в бездонной пропасти сияет красотой, ^[8] но много ли от этого проку престарелому лорду и его безденежной племяннице? Равно как и от бриллиантов, которые то ли спрятаны, то ли не спрятаны за каминной трубой в комнате второй горничной.

— Навряд ли они там, — сказал лорд Аффенхем по некотором раздумьи.

— Могут быть.

— Вообще-то могут.

— У вас нет ни малейшей догадки?

— Пока нет. Бывают обнадеживающие проблески, но до сих пор, должен признаться, они меня обманывали.

Джеф задал вопрос, который, он чувствовал, должен был бы задать Шерингем Эдер.

— Почему вы не поместили их в банковский сейф?

— Я не доверяю банковским сейфам.

— Спросите его, почему он не купил домашний сейф, — предложила Энн.

— Почему вы не купили домашний сейф? — послушно спросил Джеф.

— Я не...

— ...доверяете сейфам.

— Да, не доверяю, — твердо повторил лорд Аффенхем. — Сейф просто указывает грабителю, откуда начинать поиски. Дает, так сказать, официальное заверение: если не поленишься, получишь кое-что стоящее.

— Вы очень убедительно доказываете, лорд Аффенхем.

— Всегда этим отличался.

— Не напоминает ли вам дядя, — с чистосердечием племянницы вставила Энн, — белого рыцаря из «Алисы в Зазеркалье»? Когда он вот так впадает в транс, мне всегда кажется, что он придумывает... не помню дословно, но, в общем, как бы что-то сделать невиданным прежде способом. Банковский сейф? Нет. Он им не доверяет. Домашний сейф? Тоже не для дяди. Вот за каминной трубой у горничной — может быть. Он говорил мне, что каждый вечер придумывал новое место.

— Меня это забавляло, — сказал лорд Аффенхем. — Такое, понимаете ли, упражнение в изобретательности.

— Что, разумеется, сильно усложняет дело. Дядя то и дело вспоминает разные хитрые места, куда собирался их спрятать, потом идет и там роется. Теперь вы понимаете, за что все так ополчились на Кейкбрета. Всякий раз, как он роется, кто-нибудь входит и застаёт его за этим занятием. Вы, наверное, обратили внимания, что дядя у нас крупный — высокий, осанистый, в теле. Когда он ищет бриллианты, его трудно не заметить.

Джеф кивнул, отчетливо представив себе эту картину.

— А как с вами это... э... приключилось?

— Мистер Эдер спрашивает, как ты потерял память, — перевела Энн. — Расскажи. Интересно, так ли это будет смешно, как в первый раз.

Лорд Аффенхем слегка насупился.

— Ты преувеличиваешь, дорогая. И речи нет о том, чтоб я потерял память. Просто после аварии она меня порою подводит.

— Сейчас ты рассказываешь куда хуже, душа моя. Лорд Аффенхем, — пояснила Энн, — правил на веру не принимает. Нет, он каждое должен обдумать и, если сочтет неразумным, ни за что исполнять не будет. Он ехал по правой стороне дороги, потому что не признает английской левосторонней езды, а из-за угла вырулил водитель грузовика, сторонник более ортодоксальных воззрений. Когда дядю Джорджа выписали из больницы, швы на голове уже заживали, но память отшибло начисто. Врачи были просто в восторге. Интереснейший случай.

— При таких взглядах лорда Аффенхема, хорошо, что он дворецкий, а не шофер.

— Да, хотя мне кажется, он не очень доволен.

— Совсем недоволен, — решительно сказал лорд Аффенхем, немало размышлявший на эту тему. — Я ненавижу чистить серебро. Мне не нравится прислуживать за столом. Мне неприятно постоянно находиться рядом с кухаркой, которая в совершенно излишних подробностях рассказывает о состоянии своего нутра. А особенно мне противно отзываться на имя Кейкбрет.

— Скажите, — спросил Джеф, — вы долго его выдумывали?

— Нет, — отвечала Энн, — оно придумалось само.

— Вы — исключительная девушка.

— Спасибо. И племянница исключительного дяди, правда? Так вы нам поможете?

— Конечно!

— Это все меняет. Я хочу сказать, сыщик может рыться повсюду. Затем его и наняли. Дядя Джордж будет с вечера предлагать вам избранные места, а вы — их проверять. Рано или поздно мы наткнемся на алмазную жилу.

— Просто методом исключения.

— Именно. Остается только одно. Боюсь, в Шипли вам не понравится. Заведение живет по строжайшим вегетарианским правилам.

— Чтоб меня!

— У миссис Корк это пунктик. Во время последней экспедиции в Африку ее поразило пышущее здоровьем и простой, неиспорченный нрав народа угубу. Эти угубу питаются исключительно фруктами и овощами, позволяя себе только шурина в день рождения и миссионера на Рождество. Она сняла Шипли, чтобы создать первую ячейку для распространения в Англии угубуанского образа жизни. Программа включает в себя возвышенные размышления, ритмические танцы и, что самое главное, вегетарианство. Я просто хочу, чтобы вы поняли, на что себя обрекаете.

— Исключения не делают даже для заезжих сыщиков?

— Конечно, нет. Вам придется изображать рядового члена колонии, чтобы ввести в заблуждение Кейкбрета.

— Ясно. Однако там будете вы?

— Да.

— Тогда все в порядке.

— Прекрасно. А если вам станет совсем невмоготу, вы всегда сможете заглянуть к дяде Джорджу в буфетную, и он нальет вам бокал портвейна.

Джеф с благодарностью взглянул на своего спасителя.

— Это правда?

— Конечно, — отвечал лорд Аффенхем. — Погреб полон и принадлежит мне. Приходите, напивайтесь в стельку.

— Что за ужас ты говоришь! — возмутилась Энн. — Уверена, мистер Эдер — трезвенник.

— Мистер Эдер, — заметил Джеф, — никогда не подвергался таким испытаниям, как те, что ждут его в Шипли-холле.

Энн встала.

— Теперь последний вопрос. Когда вы приедете?

— А когда бы вы хотели?

— Миссис Корк велела привести вас с собой.

— Отлично.

— Но в машине нет места. Она не знала, что я загружу на борт полтонны дяди. Сколько вам надо на сборы?

— Двадцать минут.

— Отлично. Тогда вы как раз успеете на поезд. А ты в клуб, дядя Джордж?

— Хотелось бы заглянуть. Редкий случай побывать в цивилизованном обществе.

— Хорошо. Даю тебе полчаса. Я повидаяюсь с Лайонелом и за тобой заеду.

Разумеется, никто не давал Джефу права осуждать знакомство Энн с молодыми людьми, однако впервые с начала знакомства ему послышался диссонанс. Впрочем, будучи человеком терпимым, он решил не придавать этому большого значения. Очевидно, что у такой девушки полно поклонников. Его задача — показать Энн (не сразу, конечно, чтобы не ошеломить ее миллеровским напором), что все эти Лайонелы — тьфу по сравнению кое с кем из недавних знакомых.

— До свидания, — сказал он, с почтительной теплотой пожимая ей руку.

— До свидания, мистер Эдер. Спасибо, что согласились мне помочь.

— Спасибо, что предоставили мне такую возможность, — сказал Джеф.

Она выскользнула из комнаты. Джеф повернулся, чтобы попрощаться с лордом Аффенхемом, и поймал на себе его немигающий взгляд.

— Ха! — сказал лорд Аффенхем.

Джеф склонил голову набок, изображая вежливый вопрос. Лорд Аффенхем поднял большой палец и указал на дверь, в которую только что вышла Энн.

— Втюрились, а?

От неожиданности Джеф ответил с машинальной откровенностью загипнотизированного на публичном сеансе.

— Да, — сказал он.

— Так я и решил. Она вся в меня.

— Э... в каком смысле? — спросил Джеф, не приметивший особого сходства.

— Ни одна женщина не могла передо мной устоять, — скромно

пояснил лорд Аффенхем, — и я еще не видел молодого человека, который бы устоял перед ней. Что ж, желаю удачи.

Он с усилием протиснулся в дверь, но через мгновение снова возник, подобно Чеширскому коту, и устремил на Джефа испытующий взгляд.

— Тут без удачи не обойтись.

Раздался сдавленный, булькающий звук. По-видимому, лорд Аффенхем хихикал. Потом он исчез, на этот раз — окончательно.

Джеф несколько минут раздумывал над загадочной фразой, потом медленно спустился по лестнице, поднялся в Холси-чемберз и сообщил мамаше Болсем, что на неопределенный срок переезжает в Шипли-холл, Кент, и письма туда следует пересылать не иначе как в плотных конвертах, подписанных «Дж. Шерингему Эдеру».

Через несколько мгновений после того, как он покинул контору, Шимп Твист выбрался из шкафа, задумчиво покрутил нафабранные усы и сказал: «Блеск!» — что обычно выражало у него высшее проявление радости.

Его деятельный мозг работал на полные обороты.

Глава VII

Энн Бенедик прождала в прихожей клуба минут десять, прежде чем на лестнице появился виконт под руку с несколько пришибленным епископом, толкуя про супралапсариев.^[9] При виде Энн он ослабил хватку, и епископ обрадованно улизнул в комнату, где, по уставу клуба, говорить не разрешалось. Лорд Аффенхем взглянул на племянницу с виноватой покорностью, но тут же попытался сделать хорошую мину при плохой игре.

— Привет, дорогая. Только что приехала, да? Отлично. Запоздала немного?

— Нет, не запоздала, — отвечала Энн с суровостью, которую нередко навлекал на себя беспутный глава семьи. — И вовсе не только что приехала. Тебе четверть часа назад передали, что я жду?

— Передали, — сказал лорд Аффенхем. — Конечно, передали. Теперь вспомнил. Я показывал мальчикам фокус со спичками и немного увлекся. Схожу-ка за шляпой.

— Она на тебе.

— Вот как? Тогда пошли.

— Да уж, давай. Мне придется гнать, как сумасшедшей, чтобы успеть, пока тебя не хватились.

— Разве я не сказал, что у меня свободный вечер?

— Не сказал. Значит, я извожусь только из-за того, что ты не удосужился поставить меня в известность?

— Да все память. Постоянно меня подводит.

Они подошли к машине, и Энн посторонилась, пропуская дядюшку вперед. В прежние времена, отправляясь с ним, она садилась первой, но после того, как машину несколько раз тряхнуло под его тяжестью, сделалась осторожней. Лорд Аффенхем имел привычку на мгновение зависать над сиденьем, а затем, обмякнув, рушиться, словно камнепад.

Вначале оба молчали. В Лондоне с его оживленным движением Энн предпочитала не разговаривать, а лорд Аффенхем опять впал в кому. Пока они не достигли предместий, его попросту нельзя было числить среди присутствующих, и если б и удалось застать, то не иначе как междугородним звонком.

— Ну? — спросила Энн, когда они въехали в тихие воды загородного шоссе. Она сняла руку с руля, чтобы ткнуть дядюшку в бок. — Как тебе

все это, моя крошка?

— Э?

— Заполучить ручного сыщика. Думаю, теперь у нас появилась надежда.

— Определенно.

Энн мечтательно взглянула на ветровое стекло.

— Теперь что-нибудь сдвинется, как по-твоему? Если нет, я этого не переживу. Ты не представляешь, как мне осточертела моя работа.

— А ты не представляешь, как мне осточертела моя.

— Будем надеяться, мистер Эдер нас вызволит. Что ты о нем думаешь?

— Видный малый.

— Это меня и удивило.

— Точно как я в его годы.

— Ты был стройный и жилистый? Лорд Аффенхем задумался.

— Жилистый — пожалуй. Стройный — нет, но я был малый, хоть куда, да и этот парень не промах. Не то что пучеглазый болван-обойщик, с которым ты обручилась.

— Я уже просила тебя не называть Лайонела болваном. И никакой он не обойщик. Он художник по интерьерам.

— Еще хуже. Я содрогнулся, когда ты сказала, что выйдешь за него замуж. Содрогнулся до основания.

— Знаю.

— Помнишь, я сказал: «Что, за этого? За склизкого, хлипкого пустозвона с завитыми усиками? Лопни кочерыжка!»

— Помню. Давай не будем о Лайонеле. Мы договорились, что у нас разные мнения. Я рада, что тебе понравился мистер Эдер. Должна сказать, на меня произвело впечатление, как быстро он схватывает. Наверное, все сыщики такие.

— Он не сыщик.

— Что?!

— Я и на минуту не поверил.

Дорога была совершенно пуста, и Энн перевела взгляд на своего спутника. Глаза его затуманились, показывая, что он готов впасть в очередной транс, поэтому она снова ткнула его в бок.

— Что-что?

— То самое. Думаешь, я не узнаю частного сыщика? Я их перевидал на своем веку. В молодости они ходили за мной табунами. Частного сыщика видно за милю. Редкая мразь. Этот малый просто случайно

оказался в конторе. Что ты сказала, когда вошла?

— Я сказала: «Мистер Эдер?». С вопросительной интонацией.

— А он ответил?..

— Что-то вроде «определенно». Или «точно».

— Ну вот. Настоящий сыщик сказал бы «К вашим услугам, мэм», или другую пошлую фразочку, потер бы жирные руки и ухмыльнулся, как официант. Он ухмылялся?

— Нет, просто смотрел.

— Вот видишь! А почему? Потому что ты сразила его наповал. Ты всегда их сражаешь наповал. У нас это семейное, только я сражаю женщин. Сколько бывало неприятностей! Стараешься быть любезным, и, бац! — рушится семья. Вот почему меня выслеживали сыщики.

— Вот бы ты помнил про бриллианты так же хорошо, как про свои ужасные похождения!

— Если бы! Я вспоминаю свои похождения без всякого удовольствия, — произнес раскаявшийся грешник.

Энн снова обратила на дорогу задумчивый взор и прикусила губку. Она пересматривала факты в свете новых свидетельств. А поскольку лорд Аффенхем погрузился в размышления о том, почему птицы сидят на проводах, когда рядом полно деревьев, то молчание продолжалось почти до поворота на Шипли-холл.

— Тогда он какой-то ненормальный.

— Э?

— Мистер Эдер.

— А что с ним?

— Я сказала, что он, наверное, ненормальный.

— Почему?

— Если он прикинулся сыщиком.

— Не вижу ничего ненормального. Напротив, очень разумный поступок, учитывая его чувства. Взвешенная, просчитанная политика. Он хочет постоянно быть рядом с тобой...

— Зачем?

— Он в тебя влюбился.

— В меня?

— Конечно. Ты плохо слушала. Я говорил, что ты его сразила. Говорил, да? Влюбился с первого взгляда.

— Ты бредишь, милый.

— Ничуть.

— Он не мог влюбиться с первого взгляда.

— Почему?

— Потому что люди так не влюбляются.

— Ну, знаешь! Если поставить в ряд женщин, в которых я влюбился с первого взгляда...

— Не надо. Уверена, ты ошибся.

— Он мне сам сказал.

— Как?!

— Так. Когда ты ушла, я посмотрел ему прямо в глаза и спросил: «Втюрились, а?»

Энн тихонько ахнула.

— Не может быть!

— Так и спросил.

— Почему?!

— Хотел получить подтверждение из первых рук. Когда хочешь что-нибудь узнать, всегда лучше обратиться к истокам.

— И что он ответил?

— Ответил: «Н-да».

— Немного словно.

— Не нужно много слов, чтобы ответить на простой вопрос. «Втюрились, а?» — спросил я. А он ответил: «Н-да». На твоём месте я бы за него ухватился. Славный малый.

— А как же Лайонел?

— Лайонел? Да ты бы и не посмотрела в его сторону, если бы не смазливая рожа, как у парикмахерского болванчика. Женщины, бедняжки, на таких падки. Дай мне два куска угля и банку замазки, я тебе сделаю такого же Лайонела, и даже получше. Лопни кочерыжка, хотел бы я быть вчера в суде и слышать, как этот Дж. Дж. Миллер его отделал.

Энн остановила машину. Они только что свернули на дорогу, ведущую к Шипли-холлу, и, хотя дворецкому и впрямь не следовало выходить из машины секретаря-компаньонки у самого подъезда, ему не было необходимости столько топать в одиночестве. Она вполне могла провезти его ещё ярдов сто.

Однако, как ни мало она походила на Миртл Шусмит, Энн Бенедик тоже считала, что за дурное поведение мужчин надо наказывать.

— Выходи, мой ангел.

— Что, уже?

— Уже, — твердо сказала Энн. — Надеюсь, что тебя покусает дикие улитки. Ты отлично знаешь, что нельзя так говорить про Лайонела.

— Ты бы не злилась, если б не знала, что это правда.

— Выходи! — повторила Энн. — Дикие улитки. Ужасные, с длинными рогами.

Лорд Аффенхем вывалился из машины, как лесной исполин, рухнувший под топором дровосека, а Энн тронулась с места. Она вновь призадумалась и закусила губку. Носик у нее наморщился, как у кролика. Размышляла она о том, как страстно ненавидит inferнального Дж. Дж. Миллера. Интересно, думала Энн, доведется ли ей его встретить и высказать все?

Она очень на это надеялась.

Глава VIII

Тени деревьев, обступивших газоны Шипли-холла, уже далеко протянулись по стриженной траве, когда Джеф вышел из такси напротив парадной двери. На звонок колокольчика явился лорд Аффенхем. Держал он себя очень официально.

— Привет, — тоном доброго знакомого обратился к нему Джеф. — Уже доехали? Дайте мне десять минут, чтобы ознакомиться с бременем черных, и я буду готов вплотную заняться бокалом портвейна, о котором мы говорили.

— Сэр?

Эта немногословная сдержанность и пустой, неузнавающий взгляд показали Джефу, что перед ним актер с большой буквы. Когда лорд Аффенхем становился дворецким, он не позволял даже отзвуку светских знакомств сбить себя с роли. В глазах общества он был Кейкбрэд, весь Кейкбрэд, и ничего, кроме Кейкбрэда. Джеф тут же изменил стиль поведения, подлаживаясь под его тон.

— Дома ли миссис Корк?

— Да, сэр. Как прикажете доложить?

— Мистер Эдер.

— Сюда, пожалуйста, сэр.

С той же величавой отрешенностью, в тишине, нарушаемой только скрипом ботинок, лорд Аффенхем провел посетителя по коридору и открыл дверь, из-за которой доносился звучный голос, вещавший что-то насчет слонов. В следующее мгновение Джеф предстал перед миссис Уэлсли Корк.

Подобно многим лосям и вапити, он вздрогнул и слегка занервничал. Даже без ружья миссис Корк, впервые увиденная во плоти, внушала некоторый трепет.

Это была крупная дама на пятом десятке, довольно красивая, если вам нравится подобный тип, но куда менее привлекательная, если вы предпочитаете что-нибудь поженственнее. Африка продубила миссис Корк и сделала ее похожей на постаревшую мисс Шусмит, если ту хорошенько поджарить на солнце.

За столом сидела Энн Бенедик, держа на коленях блокнот. По-видимому, она писала под диктовку.

— Да, Кейкбрэд.

— Мистер Эдер, мэ.

— Да? Здравствуйте, мистер Эдер, заходите. На сегодня все, мисс Бенедик.

Во время этого короткого обмена репликами Энн с живым интересом рассматривала Джефа. Всегда интересно заново взглянуть на человека, который, как уверяют, влюбился в тебя с первого взгляда. Впечатление было самое благоприятное. Ей нравились люди, которым она нравится.

Боле того, в мужчинах ее всегда восхищала храбрость, а Джеф, рискнув подложным предложением проникнуть в логово миссис Корк, безусловно явил недюжинную отвагу. Большинство знакомых ей молодых людей, предложи им на выбор разыграть миссис Корк или разворошить короткой палкой осиное гнездо, без колебаний предпочли бы ос.

Менее строгая, чем дядя, она, выходя, наградила Джефа ослепительной улыбкой. Джеф улыбнулся в ответ и ощутил свежий прилив сил. Рядом с Энн миссис Корк казалась незначительной помехой — переступил и забыл.

Деятельная дама тем временем пристально его изучала.

— Садитесь, мистер Эдер. Вы очень молоды, — сказала она, в первую же секунду обнаружив изъян в его маскарade. — Я не думала, что вы так молоды.

Джеф хотел сказать, что отец был в его годы таким же, но передумал, как-то догадавшись, что миссис Корк не одобряет легкую болтовню.

— Однако у вас большой опыт.

— Огромный. На Петров день, ^[10] я вам верно говорю...

— Хорошо. Полагаю, мисс Бенедик объяснила, зачем вы мне нужны.

— В подробностях.

— Человек, который вас сюда проводил, и есть Кейкбрэд.

— Я это понял.

— Приглядывайте за ним.

— Хорошо.

— Он или вор, или сумасшедший. Я хочу знать, что именно, прежде чем заявить лорду Афенхему самый решительный протест. Нет, вы подумайте! Включить подобное условие в договор!

— Весьма необычно.

— Не понимаю, почему мисс Бенедик не обратила на это мое внимание. Кстати, как вам показалась мисс Бенедик?

На эту тему Джеф мог бы говорить долго и красочно. Впрочем, справедливо рассудив, что миссис Корк не склонна выслушивать поэтические хвалы, он ограничился ответом, что Энн, по его мнению,

очень мила.

— Она так морщит нос... — добавил он, позволяя себе минутную слабость.

— Нос?

— Кончик носа.

Миссис Корк взглянула непонимающе.

— Ни разу не видела, как она морщит нос.

— Сыщики примечают такие мелочи.

Миссис Корк на мгновение задумалась. Вероятно, она размышляла о носе своей компаньонки, но, поймав взгляд антилопьеи головы и прочтя в стеклянных глазах легкую укоризну, вернулась к делу.

— Меня беспокоит мисс Бенедик.

— Вы хотите сказать, Кейкбрэд, — великодушно поправил Джеф легкую оговорку.

— Я не хочу сказать, Кейкбрэд, — отрезала миссис Корк. — Я хочу сказать, мисс Бенедик и сказала, мисс Бенедик. Когда миссис Моллой предложила позвать в Шипли-холл детектива, я согласилась главным образом для того, чтобы больше узнать о мисс Бенедик. Вы будете следить за ней.

— За ней?

— Да. Я ей не доверяю. По-моему, она — двуличная особа.

Этого Джеф спустить не мог. От гнусного слова «двуличная» все перевернулось в его душе. Миссис Корк может сколько угодно чернить лорда Аффенхема, но если уж она перешла на Энн, придется ее одернуть.

— Двуличная? То есть как это! Ничего подобного! — с жаром воскликнул он. — У нее прекрасная душа, чистая и открытая, словно... э... ну, сами знаете.

Миссис Корк молодой человек нравился все меньше и меньше. Она предпочитала, чтобы ей поддакивали в доброй голливудской традиции. Во взгляде ее сверкнула сталь. Многие туземные носильщики и мелкие африканские торговцы узнали бы этот взгляд. Именно за него она получила у них прозвище Мгобо-Мгумби, что можно приблизительно перевести как «Та, с которой лучше не связываться».

— По-видимому, вы составили свое мнение в результате очень недолгого знакомства.

— Умение определять характер с первого взгляда — главное качество сыщика.

— Очень может быть. Однако я имела возможность наблюдать ее в обществе своего племянника. Мне кажется, она его завлекает.

Мерзкое слово подействовало на Джефа, как укол шилом в мягкое место. «Двуличная» было уже достаточно гадко, но «завлекает» — нет, дальше некуда!

— Мое умение определять характеры с первого взгляда говорит, что вы заблуждаетесь.

— Сколько можно твердить о своем умении? Я вас не для того наняла, чтобы вы мне перечили.

Первым порывом Джефа было сказать, что он к ней не нанимался, повернуться и выйти. Удержала его мысль о том, что тогда он не сможет встречаться с Энн.

— Почему вы думаете, — спросил он более мирным тоном, — что между вашим племянником и мисс Бенедик что-то есть?

— Я видела их вместе. Видела, как она на него смотрит. Только сегодня я говорила мистеру Трамперу, что мне не нравится ее поведение. Она читала газетный отчет о вчерашнем суде. Голос у нее дрожал, а когда я сказала, что задушила бы Миллера голыми руками, она ревниво вздохнула. Я присмотрелась и увидела, что глаза у нее горят.

— Миллера? — спросил Джеф, дивясь совпадению.

— Дж. Дж. Миллера.

И вновь Джефа посетило ощущение, что он сел на шило. Он подскочил, как пораженная острой форель. Хорошенькое дело — обнаружить, что поселился у дамы, которая мечтает задушить тебя голыми руками.

— Мой племянник, Лайонел Грин, — объяснила миссис Корк, — выступал вчера свидетелем в суде, и этот Дж. Дж. Миллер, представитель истца, буквально поливал его грязью. Как я уже сказала, у мисс Бенедик это вызвало ни с чем не соразмерный взрыв возмущения. Мистер Трампер считает, что это естественно. Естественно, как бы не так! Девушка влюблена в Лайонела. По крайней мере, я это сильно подозреваю. Когда Лайонел будет здесь — он приезжает сегодня вечером, — проследите за ним и выясните наверняка. Я не хотела бы ее терять, она прекрасный секретарь, надо отдать ей должное — но если мои подозрения подтвердятся, сегодня же ее здесь не будет.

Джефу повезло, что приведенный монолог занял довольно много времени. Он успел собраться с чувствами, которые разлетелись, словно от взрыва. Мало того, что он, оказывается, живет у Вонючкиной тетки (что само по себе плохо), но еще и Вонючка Грин, собственной персоной, приезжает сегодня вечером.

Это требовалось немедленно обдумать. Если не остановить Грина (а

как его остановить, было пока не вполне понятно), тот разоблачит его за пять минут, вернее — секунд. Тогда, если миссис Корк не задушит его голыми руками (а она явно способна задушить кого угодно, начиная с гиппопотама), прости-прощай Шипли-холл.

— Кстати, о Лайонеле, — продолжала миссис Корк. — Не знаю, сказала ли вам мисс Бенедик, но мы здесь в Шипли-холле составляем маленькую колонию, цель которой — воспитание тела.

Она сделала паузу. От напряженной работы мысли Джеф впал в транс почти аффенхемовского масштаба. Миссис Корк постучала по столу.

— Воспитание тела, — повторила она. Джеф вздрогнул и очнулся.

— Да-да, конечно. Всякая вегетарианская... — Он хотел сказать «дребедень», но чутье подсказало ему, что лучше подобрать синоним. — Угубуанский режим? — предположил он.

— Да. Вы бывали в Африке, мистер Эдер?

— Не доводилось. В милом Люцерне — да. В Африке — нет.

— Тогда вы не видели угубу. Это на редкость здоровые люди, а душой — просто младенцы. Они достигают этого строго вегетарианской диетой и ритмическими танцами. Я хотела бы привить в Англии их образ жизни, и успех, конечно, в первую очередь зависит от энтузиазма нашей маленькой колонии. Должна с горечью признать, что не все здесь в равной мере привержены нашим принципам. Я едва не выставила вон старинного друга, за то что тот ел в местном заведении бифштексы и пирог с почками. Я сильно подозреваю, что Лайонел тоже туда ходит. Этого я не потерплю. Я предупредила хозяина, что за ним следят и что местный комитет надзора, в который я вхожу, будет вскоре решать вопрос о том, продлить ли ему лицензию. Думаю, он напуган. Однако я хочу, чтобы вы проследили за Лайонелом, не найдет ли он другого источника. Докладывайте мне о малейшем отклонении от правил, а я уж приму меры. Да будет вам известно, племянник полностью от меня зависит, так что мне есть, чем ему пригрозить. Могу я на вас положиться? Джеф наклонил голову.

— Всецело. Вы только что спросили, миссис Корк, бывал ли я в Африке. Теперь я, в свою очередь, спрошу: видели ли вы, как однорукий человек с чесоткой клеит обои?

— Не поняла.

— Я просто хотел сказать, что мне придется попрыгать. «Следите за Кейкбредом», — сказали вы, добавили: «Следите за мисс Бенедик» и присовокупили: «Следите за Лайонелом». Что ж, буду следить. Если у меня заночует шея, то это особенность моего рода занятий, можно сказать, профессиональное заболевание. А теперь, — продолжал Джеф, — мне

надо, не теряя времени, познакомиться с вашим племянником. Я всегда стараюсь как можно скорее сблизиться с объектами слежки. Если войти к ним в доверие, они становятся глиной в моих руках. В частности, я постараюсь как можно больше видаться с мисс Бенедик, а так же с мистером... Грин, вы сказали его фамилия? Кажется, вы упомянули, что он приезжает сегодня вечером?

— Поезд придет через полчаса.

— Я его встречу. Надеюсь к возвращению сюда заложить основы надежной дружбы. Как он выглядит?

— Зачем это вам?

— Чтобы узнать его на станции.

— А, понятно. Высокий, стройный, очень привлекательный. С шелковистыми усиками и кроткими карими глазами.

— Тогда я откланиваюсь, чтобы успеть к поезду, — сказал Джеф.

До станции было всего ничего, так что он мог бы пробыть с миссис Корк еще минут десять, однако легко ли оставаться в обществе дамы, которая находит Вонючкины усы шелковистыми?

Глава IX

Когда самовлюбленный молодой человек сходит с поезда и видит на перроне адвоката, прилюдно смешавшего его с грязью, трудно ждать от него радости. Никогда в таких случаях разговор не начинался с беспечной непринужденностью.

Глаза Лайонела Грина остались карими, но никто, даже самая любящая тетка, не назвала бы их сейчас кроткими. Он отпрянул, как от гадюки, выпрямился и прошел бы, не поздоровавшись, если бы Джеф не схватил его под локоток.

— Привет, — сердечно сказал Джеф. — Какая встреча! Лайонел Грин безуспешно пытался высвободить руку.

— Не дергайтесь, — продолжал Джеф. — Вы ежитесь, Вонючка. А можно бы сказать: «Вы воняете, еж». Вижу, вы не забыли нашу перепалку в суде. Я не ошибаюсь?

Лайонел Грин заверил, что нет.

— Я подозревал, что так будет. Да не принимайте вы близко к сердцу такие пустяки. Лично против вас я ничего не имею. Выступай я на стороне ответчика, точно так же отделал бы Эрнеста Пеннифадера. Как, вы не видите? За стенами суда мы можем оставаться друзьями.

Лайонел Грин ответил, что не видит.

— Этого я и боялся. Ладно, жаль, конечно, но вам придется проглотить свою неприязнь, потому что теперь мы в одной лодке и только сообща можем добиться жизни, свободы и стремления к счастью.

— Пожалуйста, отпустите мою руку. Я хочу взять такси.

— Нам в одну сторону. Вы едете в Шиппли-холл, а я там живу.

— Что?!

— Живу.

— Вы знакомы с моей теткой?

— Очаровательная дама. А сейчас я вас рассмешу. Она воображает, будто я сыщик — ну, знаете, она вечно всех принимает за сыщиков, — и поручила мне следить за своим дворецким. Так что, когда приедем в Шиппли-холл, не забывайте, что меня зовут Шерингем Эдер.

В темных глазах Лайонела блеснула суровая радость.

— Вы хотите сказать, что втерлись к ней под чужим именем?

— Мне не нравится слово «втерлись», но все остальное верно.

— Так вы у меня в полсекунды вылетите!

Джеф кивнул.

— Я предвидел, что вам придет в голову подобная мысль, но не страшусь твоих угроз, Вонючка, вооружен я доблестью так крепко,^[11] что все они, как легкий ветер, мимо проносятся. Разве вы не слышали, как я сказал: мы в одной лодке? Вижу, надо объяснить. Боюсь, что мои слова неприятно вас потрясут. Пригласив меня следить за своим дворецким, миссис Корк ясно дала понять, что это лишь часть моих обязанностей. Мне поручено следить еще и за вами.

— За мной?

— Да. Она подозревает, что вы угодили, или вот-вот угодите, в силки ее секретаря-компаньонки, по фамилии, если не ошибаюсь, Бенедик. Убежден, что все это выдумки, но она так думает и здорово кипит.

Злоба сошла с лица Лайонела Грина, осталась одна растерянность. Как и предвидел Джеф, весть сразила его наповал.

Он смотрел на Джефа широко раскрытыми глазами; безупречный подбородок обвис, как поникшая лилия. Не зря он трясся от страха все эти несколько недель, с тех самых пор, как тайно обручился с Энн.

Утверждая, что племянник целиком от нее зависит, миссис Корк не лгала. Благодаря ей он мог вкусно есть, хорошо одеваться, курить дорогие сигары, посещать клуб молодых художников и разъезжать на такси с нервными шоферами вроде Эрнеста Пеннифадера. Она же финансировала лавочку на Бромтон-род, где ему иногда удавалось продать старинное кресло или испанский алтарный покров кому-нибудь из приятелей по Оксфорду.

В любое время ее недовольство грозило бедой, но именно сейчас оказалось бы просто губительным. Лайонелу недавно представилась возможность купить долю в более крупном и по-настоящему успешном святилище домашнего убранства, которым руководил его друг, мистер Тарвин. Сие заведение располагалось в модном квартале и обслуживало куда более солидную публику, чем пяток однокашников, объединенных дружбой прежних дней.

Собственно, в Шипли-холл он ехал с мыслью одолжить у тетки необходимую сумму. Ехать ему не хотелось; подобно миссис Моллой, Лайонел Грин предпочитал на обед что-нибудь существенное. Однако ради дела он был готов на лишения.

От этого зависело все. Став совладельцем магазина, он сможет послать миссис Корк подальше — желательно по телефону — и больше не скрывать своих отношений с Энн. Если же тетка что-то интуитивно заподозрила, на всех надеждах можно поставить крест.

— И вот еще, — продолжал Джеф, — советую вам в Шипли-холле по возможности избегать мисс Бенедик, а лучше с ней не разговаривать. В таких случаях самое разумное — не давать почвы для подозрений. Теперь вы понимаете, что у нас действительно общий интерес. Я хочу остаться в доме, а вы, как человек разумный, должны мне всячески содействовать. Поддайтесь порыву выставить меня из дома — и что дальше? Наймут другого сыщика, человека без совести и сострадания, не то что старый школьный приятель, который всегда вам симпатизировал, даже если его слова порой убеждали в обратном, и черствый профессионал, не успеете глазом моргнуть, заложит вас тетке. Говорю это просто для вашего сведения.

Джеф дружески сжимал Лайонелу локоть, не считаясь с некоторым сопротивлением. Он почти жалел, что уже не служит в суде, поскольку чувствовал, что изложил дело как нельзя доходчивее. Впрочем, если юриспруденция потеряла, литература выиграла. Надо смотреть на вещи с разных углов зрения.

— И вот еще что, Вонючка, — продолжил Джеф, когда они садились в такси. — Миссис Корк, поручая мне приглядывать за вами, имела в виду не только мисс Бенедик. Она опасается, что вы заглядываете в местный ресторанчик и вместо здоровой угубуанской пищи жрете убоину. Да будет вам известно, что хозяин предупрежден. Если он продаст вам хотя бы кусочек мяса, то на следующей сессии не получит своей лицензии. Вы что-то сказали?

Лайонел Грин ничего не сказал, только глухо застонал, словно юноша со знаменем, где начертано «Excelsior!»^[12] при словах: «Не надо, не ходи, там буря ждет». Местный трактир был его последним прибежищем.

— Здесь вам точно без меня не обойтись. Я не отмечен печатью, а значит, могу стать посредником между вами и трактирщиком.

— Правда?.. — Лайонел Грин просветлел.

— Конечно. Я целиком на вашей стороне. Доставлю любой заказ.

Лайонел Грин окончательно растаял. Ничто не могло бы полностью примирить его с однокашником, но он готов был признать, что и тот не лишен достоинств.

— Очень любезно с вашей стороны, Миллер.

— Пустяки. А теперь расскажите мне о мисс Бенедик — чем она интересуется, какие книги читает, какие темы с ней лучше обходить стороной. Понимаете, дабы убедить миссис Корк, что я отрабатываю свой хлеб, мне придется часто общаться с этой девицей и полезно знать, о чем с ней говорить.

Пятью минутами позже Джеф вышел из такси, еще раз заверил спутника в самом искреннем расположении и в приятной задумчивости отправился бродить по окрестностям Шипли-холла.

Его дипломатические усилия увенчались полным успехом. Он не только обезвредил Лайонела Грина, но и выведал вкусы и предпочтения Энн Бенедик. Про настоящего Шерингема Эдера он не знал ничего, кроме привычки крутить усы и умения растворяться в воздухе, но сомневался, чтобы тот управился лучше.

Июньский день клонился к закату, воздух был напоен дивными запахами. Птички сонно чирикали в кустах, букашки возвращались домой с работы, росистые травы благоухали. Джеф шел без цели, наслаждаясь красотой вечера, и внезапно оказался на краю прудика. Здесь он остановился подле старой перевернутой лодки и стал смотреть на водомерок, скользивших по воде с деловитостью, свойственной их сородичам по всему миру.

От созерцания природы его отвлекли голоса. Подняв голову, Джеф увидел, что его уединение нарушили молодая, очень яркая дама и мужчина лет пятидесяти с небольшим, похожий на американского сенатора.

Джеф, разумеется, не мог знать, что смотрит на занятную и предприимчивую пару — мистера и миссис Мыльный Моллой.

Глава X

Услышав с четверть часа назад, что их старый знакомый, Шимп Твист, направляется в Шипли-холл, мистер Моллой неприятно удивился. Когда же выяснилось, что этим пополнением колония миссис Корк обязана его жене, он просто оторопел.

— Господи, пупсик! — воскликнул он. — Что на тебя нашло? Миссис Моллой обдала его холодом.

— Решила, что надо.

— Да это же Шимп! — Мистер Моллой думал о сыщике из Холсикорт ничуть не лучше, чем сыщик — о нем. — Угорь масляный! Ему ни на вот столечко нельзя доверять.

— И не только ему!

— Ты о чем?

— Неважно. Шимп не подкачает.

— Еще как подкачает! А то ты его не знаешь! Первым делом приберет к рукам, что плохо лежит, и поминай, как звали, а ты потом отвечай. Ладно, у нас есть два дня, потом сматываем удочки.

— Ты не захочешь.

— Еще как захочу.

— Нет. Куда ты от миссис Корк?

— Не понял, киска. Что-то ты сегодня не в себе.

Долли больше не могла сдерживаться. Она взглянула на мужа, как король Артур — на неверную Гвиневеру.

— Не понял, да? Не смеши меня! Думаешь, я слепая? Не вижу, как ты за ней увиваешься? Кто разгуливал с ней по саду со всякими розами?

Мистер Моллой раскрыл рот.

— Но, детка...

— Кто сегодня гладил ее по руке? Думаешь, я не видела? Так вот, видела! У меня чуть ноги не подкосились. Вот уж не ждала!

— Но, пупсик...

— Когда священник говорил, что ты будешь со мной в болезни и здравии, небось кивал, как порядочный...

— Да ты неправильно поняла...

— Все вы так говорите.

— Нет, ты правда ошиблась. Все совсем наоборот.

— Ты хлопал ее по грабле?

— Конечно, я хлопал ее по грабле. А почему? Потому что пытаюсь продать ей нефтяные акции.

— Что?!

Мистер Моллой стал похож на сенатора, отмечающего гнусные обвинения продажной оппозиции.

— Конечно. Если ты вышла замуж за дельца, то уж позволь ему работать своими методами. Она рассказывала про своего племянника Лайонела, как его затаскали по судам, и как это неизлечимо ранило его чуткую душу, а я похлопал ее по руке. И ведь помогло! Через пару минут она уже с интересом слушала про Серебряную реку. Тут нам пришлось расстаться, потому что к ней кто-то пришел, но дело на мази. Завтра она отдаст мне чек.

Привлекательное личико миссис Моллой разгладилось, когда же она поняла, как заблуждалась в своем чудо-муже, слезы раскаяния затуманили ее взор.

— Ой, Мыльный, какая же я дура!

— Да ладно, киска.

— Почему же ты не сказал?

— Хотел сделать тебе сюрприз на день рождения.

— И сколько мы получим?

— Да почти тысячу.

— Долларов?

— Фунтов.

— Тысячу фунтов? Ой, Мыльный!

Она, всхлипывая, припала к его груди. Ничто не омрачало восторга этой дивной минуты, кроме горьких угрызений совести. «Дура», чувствовала она, — верное слово. Она непроходимая дура, если с самого начала не поняла, что Мыльный не стал бы ластиться к другой, кроме как ради денег.

Наконец нежные объятия разомкнулись. Мистер Моллой сказал: «Хм!» — и закурил сигару. Миссис Моллой сказала: «Черт!» — и припудрила нос. Несколько минут они шли в благодушном молчании. «Спасибо размолвке — мы стали дружнее», может быть, думали они словами Альфреда Теннисона. А может быть, не думали.

— Знаешь, Мыльный, — мечтательно проговорила миссис Моллой, — я иногда гадаю, а вдруг где-нибудь и впрямь есть Серебряная река, а на ней — нефтяная скважина.

— Я тоже.

— Ведь может быть.

— Может.

— Вот смех-то был бы!

— Да уж, — согласился мистер Моллой. — Каких только совпадений не бывает. — Он улыбнулся, но тут же снова помрачнел. — Так вот, насчет Шимпа, детка. Честное слово, не нравится мне, что этот прощельга поселится в доме.

— Выбрось его из головы.

— Не могу.

— Плюнь. Шимп надолго не задержится. Свалит, как только просечет, что здесь кормят коровьей жвачкой.

— А ведь верно. — Мистер Моллой просветлел, и разговор перешел на другие темы. Они обсуждали, не захочет ли миссис Корк прикупить еще акций, когда, обогнув кусты, вышли на берег пруда и увидели молодого человека, смотревшего на водомерок.

— Вот те на, — сказала миссис Моллой.

— Кто это? — спросил мистер Моллой. — Похоже, новый жилец.

Они подошли. Мистер Моллой, старавшийся всегда излучать доброжелательность (никогда не знаешь, кто захочет вложить средства в нефтяной бизнес), бодро пожелал Джефу доброго вечера.

— Добрый вечер, — сказал Джеф. Супруги произвели на него самое благоприятное впечатление. Здороваясь, мистер Моллой приподнял шляпу, явив взорам высокий, почти шекспировский лоб.

— Новый член нашего небольшого сообщества, сэр?

— Только что приехал. Славное местечко. Долли невесело хохотнула.

— Местечко-то ничего. Вот только подождите, пока позовут ужинать!

— Моя жена, — пояснил мистер Моллой. — Моя фамилия — Моллой.

— Моя — Эдер, — сказал Джеф.

К своему изумлению, он увидел, что приятная пара обескуражена.

— Эд... а как дальше?

— Эдер. Шерингем Эдер.

— Не может быть!

— Боюсь, что может, — сказал Джеф. — А что? Вам чем-то не нравится мое имя?

Мистер Моллой посмотрел на миссис Моллой. Миссис Моллой посмотрела на мистера Моллоя. Оба перевели взгляд на Джефа.

— Что-то здесь не так, — сказал мистер Моллой.

— Это какое-то надувательство, — объявила миссис Моллой, которую суровая жизнь научила быстро распознавать их. — Что за фигли-мигли? — холодно спросила она.

У Джефа екнуло сердце. Когда мистер Моллой с видом общественного благодетеля назвал свою фамилию, та показалась Джефу смутно знакомой. Только сейчас он сообразил, что женщина, которая буравит его глазами, — та самая миссис Моллой, которая рекомендовала Дж. Шерингема Эдера. Он не рассчитывал наткнуться в Шипли-холле на людей, знакомых с его соседом по Холси-корт.

С другой стороны, он не рассчитывал встретить Лайонела Грина, а как здорово выкрутился! Джеф подобрался, чтобы так же ловко устранить новое препятствие.

Мистер Моллой при всем своем удивлении не утратил светских манер. Он соглашался с женой, что все это похоже на фигли-мигли, но готов был выслушать объяснения.

— Миссис Моллой хочет сказать, — пояснил он, — что мы ждем сегодня нашего друга по имени Шерингем Эдер.

— Частного сыщика, — добавила Долли.

— А вы — не он, — заметил мистер Моллой.

— Точно, не он, — подтвердила Долли.

Джеф улыбнулся. Он внезапно увидел, что все разрешается до смешного просто.

— Как забавно!

— Я еще не смеюсь, — сурово объявила Долли.

— Понятно, что вы удивлены. Как давно вы видели вашего друга?

— Сегодня утром с ним разговаривала.

— И он не упомянул, что продал дело?

— Продал дело?

— На корню, со всеми потрохами. Сегодня днем я въехал в контору. Конечно, в таких случаях берешь и фамилию предшественника. Так сказать, торговую марку. Избавляет от лишней писанины.

Миссис Моллой взглянула на мистера Моллоя.

— Шимп Твист ни словом не обмолвился, что продает дело.

— Вот как?

— Ни словом.

— Вы не обратили внимания, что мистер Твист — человек скрытный? — сказал Джеф. — Я обратил. Незаменимое качество в нашей профессии.

Долли по-прежнему не верила.

— Вы не похожи на сыщика.

— Конечно, — отвечал Джеф, — так и должен выглядеть сыщик. Чтобы убаюкивать подозрения. — Он взглянул на часы. — Надо же, как

поздно, я и не заметил. До свидания, мистер Моллой. До свидания, миссис Моллой. Надеюсь, мы будем часто видеться.

Он ушел размашистым шагом, надеясь, что не слишком очевидно оборвал разговор, а миссис Моллой повернулась к мистеру Моллою.

— Что ты думаешь, Мыльный?

— Удивляюсь, киска.

— Шимп сказал бы, что продает дело.

— Не знаю, не знаю. Он о делах не распространяется.

— А с чего бы он все вдруг взял и продал?

— Может, решил слинять. Этому хорьку часто приходится делать ноги.

— Тоже верно.

Оба погрузились в задумчивость и молчали до самого дома.

Глава XI

Заботливая горничная проводила Джефа в отведенную ему комнату. Он уже переоделся и отдыхал, куря, когда дверь распахнулась под действием неудержимой силы, и на пороге появилось нечто очень большое.

По добродушной улыбке на монолитном лице Джеф понял, что его посетил Джордж, виконт Аффенхемский. В нем не было и капли холодного высокомерия, которое помешало единению душ в их последнюю встречу.

— Хариер? — любезно проговорил монументальный пэр. — Пришел посмотреть, хорошо ли вас устроили.

Джеф ответил, что все отлично.

— Вот и ладненько, — сказал лорд Аффенхем. — Вот и ладненько.

Он говорил рассеянно и, хотя еще не впал в транс, уже не слушал Джефа. Он бродил по комнате, пустым взглядом скользя по сторонам. Взял пижаму Джефа, важно повертел ее в руках. На столике у кровати лежала книжка. Лорд Аффенхем взял и ее, пролистал несколько страниц. Заодно он взял и уронил фарфоровую статуэтку, украшавшую камин.

Звон, с которым произведение мелкой пластики разбилось о чугунную решетку, вывело мыслителя из задумчивости. Вернувшись к яви, он водрузился в кресло и массивным пальцем постучал Джефа по колену. В лице, смиренном и отечески-ласковом, словно чучело совы в витрине таксидермиста, читалась самая искренняя приязнь.

— Я хотел поговорить с вами, молодой человек.

Джеф вежливо ответил, что тоже считал мгновения до этой встречи.

— Помните, о чем мы говорили в конторе?

Джеф удивился. Он решил, что забывчивый собеседник заподозрил у него такие же провалы в памяти.

— Вы хотите сказать, про бриллианты? — спросил он.

— Да не про бриллианты, лопни кочерыжка. О том, что вы влюбились в мою, черт побери, племянницу.

Джеф предпочел бы, чтобы прекраснейшую из женщин не называли «черт побери, племянницей», но оставил замечание при себе. Благоразумие требовало обращаться со старым чудаком уважительно.

— Помню.

— Еще не разлюбили?

Джеф заверил, что два с половиной часа ничуть не умерили его

страсть. Лорд Аффенхем явно успокоился.

— Вот и хорошо, а то я ей рассказал.

Джеф, при всем своем хладнокровии, вздрогнул.

— Рассказали, что я ее люблю?

— Да-а.

— Ага, ага... И что она?

— Задумалась.

Джеф ответил, что ему это не удивительно.

— Мне показалось, она вас взвешивает.

— Ага, ага...

— В чем дело? Что-то вы сникли.

— Нет-нет. Конечно, в таких делах всегда лучше ясность. Просто мне подумалось, что ей это могло показаться несколько внезапным.

— Конечно. Для того я ей и сказал. С такими, как Энн, главное — внезапность. Послушайте. — Лорд Аффенхем снова постучал его по колену. — Я скажу вам одну вещь. Когда я вас увидел, вы мне сразу понравились.

— Спасибо. Уверяю, что и я, со своей стороны...

— Не перебивайте, черт возьми. Я сказал, что вы мне сразу понравились. У меня глаза, как рентген, вижу людей насквозь, и я мигом понял, что вы — славный малый. У меня детей нет... по крайней мере, я так думаю, — добавил лорд Аффенхем после минутного размышления, — и я смотрю на вас, как на сына. Как на сына, черт побери. Вы — тот муж, которого бы я желал Энн. Парень, хоть куда, в точности как я в ваши годы. Теперь таких не делают. Возьмите хоть Лайонела Грина. Вы знаете племянника миссис Корк?

— Встречались.

— Размазня, — сказал лорд Аффенхем. — Хивеянин и евусей.^[13] А Энн взяла и с ним обручилась.

— Что?!

— Истинная правда. Могла выбирать из лучших людей страны, и нате — обручилась с Лайонелом Грином.

Джеф онемел. Он оказался совсем не готов к этой новости. Правда, миссис Корк что-то такое говорила, но он не обратил внимания на ее бред. Конечно, решил он, если тетка что-то заметила, значит, эта паскуда Грин одолевает Энн гнусными приставаниями. А в то, что глаза ее горели огнем, когда она читала про его, Джефа, безжалостные обличения, он попросту не поверил. На самом деле глаза ее блестели от удовольствия — какая девушка не порадуется, читая, как ее назойливого ухажера окоротил

блестящий молодой адвокат?

— Вы этого не говорили!

— Как же не говорил, когда сказал.

— Это просто ужас.

— Кошмар.

— Мы должны ее спасти.

— Вот именно. Отбейте ее.

— Отобью.

— Легко сказать. А что именно вы намерены делать?

— Ну...

Лорд Аффенхем поднял руку, словно поставой на перекрестке.

— Довольно. Мне все ясно. Вы думаете не о том. Если бы вы думали, то не мычали бы. Вы бы сказали: «Что я намерен делать? Вот что. Я налечу на нее, черт возьми, как ураган!» Да, так бы вы сказали, и так вам нужно сделать. Хватайте ее! Прижимайте к сердцу! И покрепче! Чтобы ребра хрустнули! Ну, и целуйте, конечно. Целуйте без остановки. И все время говорите, что искали ее всю жизнь. Она мигом забудет про своего напoмаженного лакировщика.

Лорд Аффенхем замолк. Глаза его погасли и приобрели то стеклянное выражение, к которому Джеф уже успел привыкнуть. Виконт унесся мыслями в одиннадцатый год, к девушке в шляпке с цветочной каймой, которую, если память ему не изменяет, звали Моды.

Джеф радовался передышке. Он воспользовался ею, чтобы одолеть накатившую дурноту. К лорду Аффенхему он успел привязаться, но чувствовал, что расходится с ним во взглядах так же кардинально, как с мистером Шусмитом. Уличный разносчик, гуляющий по ярмарке со своей дамой, нашел бы в предложении лорда Аффенхема здоровую суть. Джефа, который со времени знакомства с Энн Бенедик совершенно очистился духом, оно возмутило до глубины души. Оскорбить Энн, эфирное создание, грубым прикосновением — что за пошлая мысль! Если бы не транс, в который снова впал лорд Аффенхем, и не насущная необходимость сохранять дружеские отношения, Джеф наградил бы вольнодумца суровым взглядом.

Лорд Аффенхем, как Галатея, внезапно ожил и вострепнулся.

— Деньги есть?

Джеф вздрогнул от неожиданности, но решил раскошелиться. Он предполагал, что в нынешних обстоятельствах, уезжая, должен будет дать лорду на чай. Очевидно, мнимый дворецкий предпочитал аванс.

— Сколько вам надо?

— Не мне. Чтобы жениться.

— А! — Джеф наконец понял, о чем речь. — Ну, я не богат. Крестный оставил мне несколько сотен годового дохода, и еще я немного зарабатываю литературой.

— Что вы пишете?

— Детективы. Со дня на день собираюсь начать новый. Вы их читаете?

— О, да!

— Тогда он вам понравится. Там удивительно свежая мысль.

— Какая же?

— Как вы, наверное, заметили, многие авторы подобных романов, чтобы нагнать жуть, выводят в роли главного негодяя человека с изувеченным ухом. Я нашел совершенно новый ход. У моего злодея будут изуродованы оба. Каково? Мы содрогаемся, читая о демоне во плоти, если даже одна его мочка словно изжевана диким котом. А если обе? Ужас! На лорда Аффенхема это не произвело впечатления.

— По мне, так довольно глупо, — объявил он. — И вообще, литературой много не заработаешь. Миссис Корк написала книжку о своих этих путешествиях, называется «Женщина в дебрях», и продала, думаю, экземпляров десять, да и те всучила силком. Я видел, как она заталкивает ее гостям, независимо от пола и возраста, словно микстуру. Нет, вам надо отыскать бриллианты.

— Постараюсь.

— Вот странно, — продолжал лорд Аффенхем, — только что, перебирая старые бумаги, я наткнулся на потерянный дневник, и там четвертого апреля сделана запись «В банке». Не понимаю. Я иногда оставлял себе напоминания, куда спрятал бриллианты. Например, есть запись «ЧAPPED» — это когда я спрятал их на дне жестянки с собачьим кормом. Но что значит «в банке», ума не приложу. Я никогда не собирался класть их в банк. Я не доверяю банкам и ничего туда не кладу, кроме мелочи на карманные расходы. И тем не менее запись сделана четвертого, а пятого я попал в аварию. Могу только предположить, что она относится к чему-то другому. Может быть, я уговорился встретиться в банке со своим управляющим? Нет, если они и отыщутся, то где-нибудь в хитром месте, куда никто не догадается заглянуть. Впрочем, не тревожьтесь. Я никогда ничего не забываю, по крайней мере, навсегда. Я в точности помню голос, которым одна девица говорила «Не надо!» аж в девятьсот восьмом.

— Наверное, в девятьсот восьмом девицы часто говорили вам «не надо»?

— Частенько. Да, частенько. Кстати, это напомнило мне про Энн. Она точно скажет «Не надо!». Не обращайтесь внимания. Хватайте и прижимайте к сердцу. Что вы так на меня уставились?

Джеф вздрогнул, стер с лица непрощеную суровость и выдавил дружескую улыбку.

— Я просто подумал, — сказал он, облекая свои сомнения в почтительную и необидную форму, — что эта метода уместна... как бы выразиться... с определенным типом особ, но нет ли опасений, что в данном случае она приведет к нежелательному результату?

— Не понимаю.

— Мисс Бенедик такая... э... возвышенная.

— Ничего подобного. Нормальная, здоровая девица, в меру романтическая.

— Вот именно. Не кажется ли вам, что вы предлагаете нечто не вполне романтическое? Согласен, с девицей из бара это бы прошло... В общем, я хотел сказать, что мисс Бенедик скорее понравится трубадур, чем грузчик.

— Трубадур?

— Трубадуры, — объяснил Джеф, — это средневековые певцы, которые добивались своего — а они добивались, наука не солжет — сладкозвучными речами, не грубым наскоком. Я хотел прибегнуть именно к сладкозвучным речам.

— Ну и очень глупо.

— Вы не думаете, что, если речи достаточно сладкозвучны...

— Не думаю. Я знаю Энн с тех пор, как она под стол пешком ходила.

— Расскажите, какой она тогда была.

— Нет времени. Только что вспомнил, что нес телеграмму Моллоу. Пришла полтора часа назад. А вы поразмыслите над моими словами. Я вас старше, старше и мудрей. Трубадур, тоже мне! В жизни не слыхал такой глупости.

И с этими сокрушительными словами лорд Аффенхем тяжело поднялся с кресла и вышел из комнаты.

Речь его не убедила Джефа. Все в нем по-прежнему кипело и возмущалось. Несмотря на хорошо подвешенный язык, он сохранил целомудренное уважение к прекрасному полу. Кое с кем он бы и решился поступить по совету престарелого пэра, но только не с Энн Бенедик.

Энн наполняла его глубоким, благочестивым смирением. Это не мешало болтать с ней — любовь пробудила в нем не только смирение, но и новые источники красноречия — однако категорически возбраняло

бросаться на нее, словно гончая на электрического зайца.

Джеф снова закурил и стал размышлять, что за блажь заставила эту чудесную девушку обручиться с таким редким ничтожеством, как Лайонел Грин.

Лорд Аффенхем, тем временем, постучал к мистеру Моллоу, вручил задержанную телеграмму и удалился. Мыльный вскрыл ее, как только захлопнулась дверь, и присвистнул от удивления.

— От Шимпа, — сказал он. — Хочет видеть меня завтра. Ответ оплачен, адрес «Холси-билдингс, Холси-корт, Мейфэр».

Он протянул телеграмму жене, и у той тоже глаза полезли на лоб.

— Так он на прежнем месте!

— Да.

— И ничего не продавал.

— Нет.

— Я с самого начала знала, — сказала миссис Моллой, прищелкнув зубами, — что это какие-то фигли-мигли.

Глава XII

На следующий день погода по-прежнему стояла отличная, но ни лучика света не проникало в мрачный колодец Холси-корт, когда туда вступили мистер и миссис Моллой. Двор казался еще грязнее обычного, а хозяйек — любительниц вареной капусты заметно прибавилось в числе.

Шимп Твист принял гостей с важностью, приличествующей сенсационному характеру новостей.

— Садись, Долли. Бросай кости, Мыльный. Значит, вместе приехали. Я ждал одного тебя.

На лице мистера Моллоя появилось недоумение, и Долли поспешила объяснить:

— Я вчера рассказывала Шимпу про тебя и Корку, пупсик, и он, наверное, вообразил, будто мы повздорили. Мы ошибались насчет Мыльного, Шимп. Он все объяснил. Просто он хочет всучить ей нефтяные акции.

— Вот как? — сказал Шимп Твист. — Неужели? — Он смотрел на мистера Моллоя, так явно восхищаясь его находчивостью, что Долли посчитала нужным внести ясность:

— Думаешь, он меня дурит? Так вот нет. Расскажи ему, Мыльный.

— Вчера я продал Корке Серебряную реку, — гордо объявил он. — Сегодня она отдаст мне чек.

— На тысячу фунтов.

— На тысячу фунтов, — повторил мистер Моллой, смакуя слова.

Шимп Твист сморгнул. Мысль, что кто-то другой, а уж тем более — старый недруг — огреб такие деньжищи, терзала, словно зубная боль.

— Ладно, — отмахнулся он (что мне ваши пустяковые победы!). — Думаю, вы оба вчера здорово удивились.

— Ты насчет того типа с соломенными волосами? Удивились, не то слово, — с чувством произнесла миссис Моллой. — Когда он назвался Дж. Шерингемом Эдером, я чуть не села. Кто этот молодчик?

— Стреляйте меня. Я знаю одно, — сказал Шимп и поежился, отчетливо вспомнив вчерашнюю жуткую сцену, — у него на меня зуб.

— А поточнее нельзя? — спросила Долли. Ей показалось, что Шимп очертил уж очень широкий круг.

Шимп покачал головой.

— Я сам пытаюсь его вычислить, но, хоть убейте, ничего не помню. И

все же, когда тебя сначала обстреливают из окна, а потом хотят прикончить, сразу понимаешь: чем-то ты человеку досадил.

— Обстреливают? Чем это?

— Ну, я потом посмотрел— чем-то вроде камней. Как увидел, что он мчится по лестнице, глаза бешеные, я сразу прыг в шкаф. А из шкафа я услышал историю, которую рассказывала эта девица.

— Какую историю?

— Про брильянты.

— Что за брильянты?

— Это, — промолвил Шимп, — я и собираюсь рассказать вам.

Гости выслушали со вниманием, которое вызывает у определенного типа людей слово «брильянты». Когда Шимп закончил, в глазах Долли горели звезды, а мистер Моллой дышал, как сенатор-астматик во время приступа. Оба были поражены. Оказалось, что они живут в стране Мальчика-с-Пальчик или пещере Али-Бабы, где повсюду расставлены мешочки с бесценными алмазами.

Зачарованную тишину нарушила миссис Моллой.

— Только подумать, Кейкбред-то лорд! — сказала она. — Вот что, Мыльный, сегодня же начну обхаживать старого перечника. Когда маленько оклемается, пусть у него рядом будет подружка, от которой ничего нельзя скрыть.

— Хм!

— А ты пока что ищи.

— Буду искать.

— Они могут быть где угодно.

— Это точно.

— А вдруг ты их найдешь!

— Уж я все переверну. А теперь, — сказал мистер Моллой (он уже окончательно раздышался и снова стал похож на самого себя), — насчет условий.

Миссис Моллой не поняла.

— Каких условий?

— Как делить будем, — объяснил мистер Моллой. — Не забывай, киска, будет только справедливо, если Шимп получит свою часть.

— Ах, да, — сказала миссис Моллой. Она совершенно упустила из виду этот вопрос— Ты хочешь взять его в долю?

— Ну да. Он нам здорово помог, тут не отвертишься. Здорово помог. — Мистер Моллой великодушно улыбнулся Шимпу; если в его манере и сквозила легкая покровительственность, то благодетелям всегда

трудно от этого уберечься. — Я убежден, что Шимп должен получить свое.

— Может, ты и прав, — отвечала Долли. Она сочла предложение несколько донкихотским, но готова была уступить. — Двадцать пять процентов?

— Я бы отдал тридцать. Смотри на вещи шире. Без доброго старого Шимпа мы могли бы до них и не добраться.

— Как скажешь. Значит, договорились. Шимпу — тридцать.

— Мне так представляется.

— Деньги немалые.

— Солидный куш.

— И все ж, он — наш старый приятель.

— Очень старый.

— Мне он всегда нравился.

— И мне.

— Не знаю человека, — продолжал мистер Моллой, все с тем же легким оттенком покровительственности, — которого я бы ценил больше, чем старину Шимпа.

Хриплый, скрежещущий звук нарушил молчание, наступившее после этих продолжительных восхвалений: старина Шимп прочистил горло.

— Минуточку! — сказал он. — Минуточку, минуточку!

Его слова внесли диссонанс в атмосферу дружеского умиротворения. Двое восторженных обожателей различили в голосе третьего некоторую обеспокоенность. Шимп-Твист походил на обезьяну, у которой ее товарки пытаются стянуть банан. Мистер и миссис Моллой обменялись недоуменными взглядами.

— Что-то не так? — спросил мистер Моллой.

— Да, — отвечал мистер Твист, оцетинясь нафабранными усами. — Ваши расчеты.

Для женщины, только что расписавшейся в любви к усатому сыщику, миссис Моллой выглядела не больно-то ласково. Ее тонкие брови сошлись, глаза потемнели.

— Черт! — воскликнула она с некоторым, увы, раздражением. — Опять ему все не слава Богу! Только заходит нормальный деловой разговор, он так разевает свою пасть, что, того глядишь, сам себя проглотит. Чем тебе плохи тридцать процентов?

— Да, Шимпи, — укоризненно произнес мистер Моллой. — Чего тебе неймется? Тридцать процентов — хорошие деньги.

— Девяносто — еще лучше.

— Девяносто? — вскричал мистер Моллой, словно друг — да что там,

почти брат — тяпнул его за ногу.

— Де-вя-носто? — эхом повторила миссис Моллой. Ее тоже как будто укусил в ляжку неблагодарный друг.

— Это мои условия. Я предложил план. Не будь меня, не было бы никакого плана. Вам осталось выполнить черную работу. Исполнителям положено десять процентов.

Наступило молчание.

— Да лучше пусть у меня губы треснут! — наконец объявила миссис Моллой. — И то не удержусь, засмеюсь.

И она рассмеялась недобрым зловещим смехом. Шимп-Твист потрогал усы.

— Думаете, это смешно?

Долли отвечала, что именно это она думает. Ее супруг загадочно улыбнулся, показывая, что тоже нашел предложение несколько забавным.

— Сам посуди, Шимпи, как нам не смеяться, — заметил он. — Ты упустил, что мы — в доме, а ты — на улице.

— Да, это ты забыл, — кивнула миссис Моллой. — Сказал бы спасибо, что мы по доброте душевной решили тебе немного отстегнуть.

— Вы тоже кое-что не учли, — сказал мистер Твист. — Звоню вашей Корке насчет того, что за акции ей впарили, и через полчаса вас в доме не будет. Или быстрее. Зависит от того, дадут ли вам собрать вещи. Пошевелите извилиной.

Мистер Моллой остолбенел.

— Ты же не станешь ей звонить?

— Стану.

— Это низко, — указал мистер Моллой, — не по-джентльменски. Ты не опустишься до этого, Шимп.

— Опускаюсь, — отвечал Шимп. — Я тренировался.

Миссис Моллой утратила дар речи, которого на миг лишалась при мысли о такой низости, и выдала фразу, настолько емкую, что в полудюжине слов сумела высказать свое мнение о внешнем виде, манере, моральном облике, усах и родителях Шимпа Твиста. Человек чуткий обиделся бы до глубины души, но Шимп Твист слышал таких фраз, что даже не поморщился.

— Так мы далеко не уедем, — укоризненно проговорил он.

— Да, — кивнул мистер Моллой, — ругайся, не ругайся, киска, надо соглашаться.

— Ты же не отдашь ему девяносто процентов за красивые глаза! — содрогнулась миссис Моллой.

Мистер Моллой, никогда не умевший держать удар, грустно взглянул на супругу.

— Не вижу другого выхода, ласточка.

— А я вижу.

— Но, куколка, он прав. Если он капнет Корке, плакали наши денежки. Она все проглотила, как милая, но все же она не совсем дура. Не забудь, я еще не получил чек.

— Вот это разговор, — согласился Шимп. — Я готов слушать.

— Тогда слушай, — взвилась Долли. — Эти твои стекляшки — кто их тебе вытащит, если не мы?

— Ты сама рассказала про ваш собачий пансион, да еще я сидел в шкафу, и слушал, как тут толковала девица. Подъеду к двери, назовусь богатым миллионером, и передо мной расстелят алую коворовую дорожку, как прежде для Мыльного. Ну, что?

— Ничего.

— Почему?

— Ничего у тебя не выйдет.

— Кто мне помешает?

Мистер Моллой задавал себе тот же вопрос. Ему казалось, что борьба проиграна и нет смысла барахтаться. Он испытывал сложные чувства человека, которому защемили палец, и не мог понять, почему его супруга так уверена в себе. Впрочем, она уже не раз выходила из немыслимых коллизий, ставивших в тупик его самого, и сейчас он глядел на Долли с искрой надежды.

— Я скажу, кто тебе помешает, — объявила она (не зря Мыльный надеялся!). — Молодчик с соломенными волосами, который назвался твоим именем. Приезжаешь, а он — тут как тут и сразу начинает откручивать твою мерзкую головенку.

У Шерингема Эдера отпала челюсть. Этого он совершенно не учел.

— Лично я, — продолжала Долли, — буду очень рада, если ты вот так приедешь. Нам с Мыльным останется купить венок и постоять на похоронах, а потом спокойненько заняться стекляшками. Милости просим. Поезда ходят с утра до вечера.

Наступило молчание. Шимп Твист снова теребил усы, на этот раз нервозно, словно одураченный баронет в старосветской мелодраме. Во взгляде мистера Моллоя тоска сменилась любовью и восхищением. Долли подкрашивала губы.

— Помнишь, милый, — сказала она, — как вчера мы встретили этого типа на берегу? Он стоял, такой это черный на фоне закатного неба, и

мускулы перекачивались, как змеи.

— Угу!

— Ты еще подумал, что это боксер какой-то.

— Борец.

— Ну да, борец. Из тех ребят, что отрывают руки-ноги. Мистер Твист выслушал достаточно.

— Ладно, что вы предлагаете? — с тоской произнес он.

— Пятьдесят на пятьдесят, — тут же откликнулась Долли. — Устраивает?

Мистер Твист без особого жара сказал, что устраивает. Мистер и миссис Моллой покинули контору. Миссис Моллой расточала улыбки, лицо мистера Моллоя было немного задумчивым.

— Ты слишком добрая, киска, — сказал он, проплывая через двор в густом аромате капусты. — Ты так его прищучила, что могла бы выбить и семьдесят.

— Ну ты загнул!

— Да нет, я ничего, — торопливо добавил мистер Моллой. — Ты — молодчина. Просто мне неохота делиться поровну с этим жуликом.

— Да очнись ты! — в изумлении вскричала миссис Моллой. — Думаешь, он получит хоть цент? Где твоя голова, пупсик? Заберем стекляшки, только нас и видели. Про пятьдесят процентов я сказала просто так, чтобы его утешить.

Шекспировское чело мистера Моллоя разгладилось. Он дивился, как мог хоть на мгновение усомниться в своей мудрой жене.

Деловые совещания отнимают немало времени, даже если проходят не так бурно, как в квартире номер три, Холси-билдингс. Когда мистер и миссис Моллой сошли на станции, стояла уже середина дня, и оба испытывали приятное чувство голода.

Такси за несколько минут доставило бы их в Шипли-холл, как раз к ланчу, но Мыльный был против. Он, как и Юстэс Трампер, с детства любил покушать, поэтому считал угубу недоумками, а их рацион — мерзостью. Он без труда убедил жену, что сегодня выдался прекрасный случай избежать растительной трапезы, и час ланча застал их в кофейной комнате «Оленя и рогов» на главной улице Шипли. Уперевшись локтями в стол, они поглощали яичницу с ветчиной, а на кухне готовилась вторая порция.

Поначалу оба молчали, потом, утолив первый голод, начали разговор. Естественно, он коснулся волка в овечьей шкуре, точнее — в шкуре частного сыщика.

— Думаю, первым делом надо вытурить этого белобрысого

субчика, — сказала миссис Моллой после того, как ее муж с чувством пожелал Джефу подавиться шпинатом. — Пока он там ошивается, у нас связаны руки.

Мистер Моллой вздохнул и запустил в рот кусок ветчины с видом сенатора, водружающего в яму закладной камень.

— Да, но как его вытуришь?

— Просто. Скажем Корке, что он — гад.

— А если она спросит, почему мы вчера не сказали?

— Ответим честно: вчера он наплел нам, будто купил дело. Мы поверили. А сегодня хорошенько подумали, засомневались, съездили в Лондон и поговорили с настоящим Шерингемом Эдером. Тот пришел в ужас. Все гладко?

— Все.

— Делов на полминуты. Как придем, сразу к ней. Думаю, к трем часам летнего времени сделаем ему ручкой.

— Солнышко, — начал мистер Моллой и осекся. Он хотел сказать своей избраннице, что она — клад, но в этот миг кухонная дверь отворилась, и внесли вторую порцию яичницы. Не успела официантка вернуться на кухню, как дверь снова открылась, и появился человек, о котором они только что говорили.

Заботливый Джеф, не откладывая в долгий ящик, отправился за пропитанием для Лайонела Грина. Глядя, как однокашник с обреченным видом поглощает горошек и морковь, он почувствовал жгучую жалость. Он не любил Лайонела и не думал к нему меняться, но бывают минуты, когда человечность важнее предубеждений.

Не скроем, что он и сам рассчитывал подкрепиться. За первым же ланчем у миссис Корк, Джеф, как и мистер Моллой, подивился вкусам угубу. Может быть, эти простые дикари — и впрямь краса человечества, но они платят за свое здоровье слишком большую цену.

Заказав изрядное количество мясных сэндвичей, он прохаживался, ожидая, когда их приготовят, и запах поджаренной ветчины выманил его в кофейную.

При его появлении глаза миссис Моллой блеснули боевым задором. Мистер Моллой, смотревший на ветчину, словно впервые воочию узрел Тадж-Махал, не сразу заметил Джефа. Только когда его жена воскликнула: «Эй», до мистера Моллоя дошло, что они не одни.

Восклицание «Эй!» всегда звучит резковато, а миссис Моллой ничуть не постаралась смягчить его. Уже во время вчерашнего разговора Джеф заметил в ней некоторую враждебность, но думал, что окончательно

рассеял всякую тень. Однако глаза миссис Моллой по-прежнему горели злостью и недоверием. Если б даже он не прочел ее взгляда, первые же слова внесли окончательную ясность.

— Так здесь мистер Умник! — сказала она. — Явился, не запылился.

При всем желании эти слова нельзя было счесть комплиментом, как нельзя было, глядя на решительные черты и горящие глаза Долли, списать на безобидную болтовню. В такие минуты миссис Моллой, особа вообще-то привлекательная, больше походила на кобру, готовую к прыжку, чем добрая часть настоящих кобр.

Однако если Джеф и дрогнул, то лишь на мгновение. Как человек разумный, он сразу сообразил, что в его планах опять что-то разладилось. Он внутренне напряжился, готовясь отвертеться по-новой.

— Добрый день. Вас сегодня вспоминали за ланчем.

— Вот как?

— Да. Гадали, куда вы делись.

— Сказать, куда?

— Скажите.

— И скажу. Мы были в конторе Шерингема Эдера. И когда мы сказали Дж. Шерингему Эдеру, что один тип будто бы купил его дело, Дж. Ш. Эдер сказал: «Что за черт? Я никому ничего не продавал». Ну, что теперь запоете?

Джеф кивнул.

— Я и сам себя спрашивал, — сказал он, — не случится ли чего-нибудь такого.

— Теперь ответ известен, случилось, — отвечала миссис Моллой. — Можете укладывать вещи.

— Укладывать вещи?

— Чтобы не задерживаться, когда я все это выложу миссис Корк.

— Вы же не станете ей говорить!

— Почему это?

— Ну, во-первых, — начал Джеф, — вы не захотите лишиться живого и занимательного собеседника в доме, где, я успел заметить, с веселой компанией не густо. Представьте, что вам придется сутки напролет общаться с этими занудами.

Мистер Моллой обиделся.

— У нее есть я, — сказал он. Джеф задумался.

— Да, у нее есть вы, и все же...

— Ничего, поскучаю, — отмахнулась Долли. — Не тревожьтесь за меня, детка, я не пропаду. У меня для вас только два слова, милый. Одно

— «пошел», другое — «вон».

— Откуда это желание от меня избавиться? Чем я вам помешал?

— Мне смешно, Мыльный.

— И мне, киска.

— Я объясню, чем. Мы знаем про камушки.

— Камушки?

— Брильянты, — нетерпеливо перевела Долли. — Мы тоже на них нацелились.

— Что?!

— Что слышал.

— Они же не ваши!

— Будут наши.

— Это же воровство!

— Называй, как знаешь.

— Ну, ну, ну, — сказал Джеф. — Ну, ну, ну, ну.

С глаз у него спала пелена. И у мистера, и у миссис Моллой уши были не изуродованы, но он ясно осознал, что видит перед собой наполеонов преступного мира. Ему было немного стыдно, что он сразу не раскусил их под маской респектабельности. Инспектор Первис, герой его книг, догадался бы с первого взгляда.

Долли вернулась к тому, что мистер Шусмит назвал бы сутью дела.

— Так что, пошел вон, малыш. Проваливай.

— Вы хотите разоблачить меня перед миссис Корк?

— Что нам помешает?

— Я бы сказал, ваше доброе сердце. Чуткая душа. Видимо, они в отпуске.

— Угадал.

— Тогда мне придется рассказать ей про яичницу с ветчиной. Вы знаете, какие у миссис Корк строгие взгляды. Успеет на один поезд.

Выстрел попал в цель. Долли не нашла, что ответить. Мистер Моллой нашел, но поскольку он в эту минуту жевал кусок ветчины, то разобрать удалось лишь заключительное слово.

— ...наотрез, — сказал мистер Моллой.

Долли оправилась от растерянности и с благодарностью взглянула на спутника жизни.

— Верно. Будем отпираться наотрез. Миссис Корк скорее поверит мне и Мыльному, чем рыжему нахалу.

— Интересно, — сказал Джеф, — почему, если нахал, то обязательно рыжий? Бывают и брюнеты, и шатены. Впрочем, сейчас не время в этом

разбираться. Вы наверняка горите желанием узнать, как я теперь выкручусь. В ваших глазах читается немой вопрос: что-то он запоет? Отвечу: хозяин заведения подтвердит мой рассказ. Он уже получил от миссис Корк предупреждение не продавать животных белков пациентам ее дурдома и будет поражен, узнав, что приличная проезжая пара на самом деле — гости Шипли-холла. И не думайте его подкупить. Он слишком боится нашей хозяйки, чтобы шутить с ней шутки.

Долли с надеждой взглянула на мистера Моллоя, но источник его вдохновения уже иссяк. Как ни обидно было сдаваться так быстро, она капитулировала.

— Твоя взяла.

— Лично я, — отвечал Джеф, — назвал бы это ничьей. Мы — как те ребята в салуне, что держат друг друга на мушке. Предлагаю объявить перемирие. А сейчас, увы, вынужден откланяться. Дела призывают меня в другое место.

Он только что вспомнил, что сандвичи, наверное, уже готовы, и не хотел, чтобы их вручили на глазах у теперешних собеседников.

Когда он вышел, наступило долгое молчание, которое нарушил мистер Моллой.

— От него не избавишься, — промолвил он скорбно, но с ноткой уважения в голосе. — У него на все готов ответ.

Миссис Моллой передернуло. Джеф появился в двери, чтобы одарить их любезной улыбкой, которая полоснула Долли, как ножом.

— Я с этим жуликом поквитаюсь, чего бы мне это ни стоило, — сказала она чуть севшим от ярости голосом.

— Как, киска? — спросил мистер Моллой.

— Не волнуйся. Я его уберу.

Мистер Моллой вздрогнул. Его напутало последнее слово. Он был человек нервный и, когда его жена пускалась в такие предприятия, поневоле спрашивал себя, не перегнет ли она палку.

— Что значит «уберу»?

— То и значит.

— Ты же не думаешь его пришить?

Миссис Моллой весело рассмеялась. Она уже вернулась в прежнее расположение духа.

— Не глупи, пупсик.

— И ты не глупи, пожалуйста, — сказал он.

Глава XIII

Энн Бенедик вышла на террасу и медленно спустилась в сад. Она направлялась к пруду, где Джеф несколько раньше смотрел на водомерок.

С детских лет она убегала сюда в минуты печали, а сейчас была именно такая минута. Преувеличением было бы сказать, что сердце у нее разрывалось от горя, однако она чувствовала, что отношения с нареченным не вполне безоблачны, а это всегда несколько огорчает.

Узнав, что приехал Лайонел Грин, Энн обрадовалась, предвкушая долгие прогулки по тенистым аллеям и рощам, которыми изобилует вотчина Афпенхемов. Когда он сказал, что им лучше держаться поодаль, сердце у нее упало, и хотя он объяснил причины такой осторожности, ее не отпускала досада. Ей бы хотелось, чтобы Лайонел не был таким осмотрительным. Образ возлюбленного, который она создала в своей голове, несколько омрачился.

Обо всем об этом она размышляла, когда в сад со стороны станции вошел Джеф. Утро и первую половину дня он провел в Лондоне.

Для этого было несколько причин. Во-первых, переговорив со своей совестью, он решил, что письменные извинения Дж. Ш. Эдеру, отправленные в его контору с рассылным, вполне заменят личную встречу, к тому же их легче будет составить, чем при непосредственном общении с пострадавшим. Трудно просить прощения у человека, которому залепил в лоб булочкой, — поневоле начнешь мямлить и запинаться.

Еще он хотел купить экземпляр «Женщины в дебрях» на случай непредвиденных обстоятельств и коробку шоколадных конфет для Энн, а также оформить страховку.

Мысль о страховке пришла ему в голову через несколько дней после разговора с мистером и миссис Моллой в «Олене и рогах». Она возникла, когда он курил в холле, поджидая Энн, и в футе от его головы пролетели бронзовые часы. Ему подумалось, что, вступив на тропу войны со столь предприимчивой противницей, он подвергает себя заметному риску.

В следующие несколько дней Джеф проникся глубоким уважением к этой выдающейся женщине. Мужа ее он рассматривал как обычного истукана, о котором не стоит и думать, но Долли вызывала у него почти священный ужас. В частности, он тщетно гадал, как она разузнала о спрятанных сокровищах Шипли-холла. Не иначе, как она наделена даром

прозрения. Помимо этих сверхъестественных свойств, она обладала редким умением действовать быстро и решительно.

Правда, проглотив полсигареты и вскинув голову так резко, что чуть не свернул шею, он так и не успел увидеть, как она перегнулась через перила. Однако бронзовые часы, до того стоявшие на старинном комоде, сами по воздуху не летают, и Джеф был уверен, что в полет их отправили маленькие ручки Долли Моллой. Может быть, он возводил на нее напраслину, но сам так не думал.

Слишком много разных предметов — ваз, кирпичей, леек — падали в непосредственной близости от него после разрыва дипломатических отношений. А железный прут, державший ковер на лестнице, о который он едва не споткнулся, сбегаая к обеду, мог сдвинуть лишь человек, наблюдавший за каждым его шагом.

Судьба, сведя его с женщиной, наделенной талантами и темпераментом леди Макбет, оставляла лишь две выхода (если не рассматривать возможность постоянно ходить в каске) — покинуть Шипли-холл, на что бы он в жизни не согласился, или поехать в Лондон и застраховаться от несчастного случая. Любой молодой человек должен был сделать это, вступая в жизнь, но у Джефа все как-то не доходили руки.

Он решил больше не откладывать. Объявив миссис Корк, что заполучил отличные отпечатки пальцев дворцового и хочет сверить их с архивами Скотланд-Ярда (ребята всегда помогут старому другу), он направился в столицу, согрешаемый чувством, что хоть и не разоружит мадам Моллой, но, по крайней мере, не останется совсем уж ни с чем, если она все-таки пристреляется.

Теперь он вернулся в Шипли-холл и в первую же минуту встретил Энн. Настроение его, и без того приподнятое, стало еще лучше. Он увидел в этом знак, что Провидение умеет отличить хорошего человека, и поспешил воспользоваться подарком судьбы.

За последние несколько дней Джеф не раз беседовал с Энн и утвердился в мысли, что сладкие речи — метод, который следует использовать и впредь. Он перешел на бег и начал сладкую речь, едва оказавшись на расстоянии окрика.

— Так вот вы где! — воскликнул он. — Я-то думал, что буду вас долго и мучительно искать, а в конце концов найду у миссис Корк, с блокнотом, куда вы записываете ее нудные воспоминания о слонах.

Энн посмотрела на него тем удивленным, пристальным взором, который запомнился Джефу с их первой встречи.

— Странно, — сказала она. — Когда вы побежали, мне показалось,

что я вот-вот вспомню. Уверена, что видела вас прежде.

— И, когда я побежал, картина воскресла в памяти?

— Только на секунду, и тут же снова пропала.

— Мне еще пробежаться?

— Не трудитесь. Пустяки.

— Ну нет. Вы лишаете себя одного из прекраснейших воспоминаний.

Для большинства людей увидеть меня впервые — целая жизненная эпоха. Они переживают это мгновение снова и снова, чтобы подбодрить себя в трудный час. Скажите, теперь, когда у вас было время подумать, вы по-прежнему убеждены, что не бывали в милом Люцерне?

— Убеждена. Он и вправду такой милый?

— Еще бы! Прелестный, синий, полный зачарованных туристов с Бедкерами под мышкой.

— Если он так хорош, я бы вряд ли его забыла. Особенно, если бы встретила вас.

— Верно. Осталось предположить, что мы встречались в прежнем рождении.

— Это будет великий день, когда я вспомню.

— День ликования, — кивнул Джеф.

Совость укоряла его, что все это очень похоже на треп, а он дал зарок не трепаться в день избавления от мисс Шусмит. Однако, убеждал он себя, он не треплется, хотя внешне это очень похоже. Когда любишь девушку всеми фибрами души, это уже не треп. Очень просто, если хорошенько подумать, убеждал он свою совесть, и совесть отвечала: «Очень!».

Энн повеселела. Она уже замечала, что веселеет в обществе Джефа. Никто вот так сразу не пробуждал в ней столь живую симпатию, как будто кто-то рассказал ему про ее интересы и любимые книги. Она честно признавалась себе, что ее огорчение было отчасти вызвано его внезапным отъездом.

— Куда вы исчезли на целый день? — спросила она. — Я боялась, что вы пресытились угубуанской пищей и пропали совсем.

— Нет-нет, — отвечал Джеф. — Я давно возвысился духом и не замечаю, что ем. Я был в Лондоне. Привез вам коробку шоколадных конфет.

— Какое благородство! Здесь они, конечно, под строжайшим запретом.

— Догадываюсь. Придется вам есть у себя в спальне. Я встану в коридоре и буду нести дозор. Это напомнит вам Роудин.^[14]

— Я не училась в Роудине. Как пишут в «Кто есть кто», мне дали

домашнее образование. Так вы были в Лондоне? Что вас туда увлекло?

Джеф без запинки ответил, что должен был приглядеть за делами в конторе. Труднее был вопрос, преследовавший его с тех пор, как миссис Моллой сообщила, что знает Тайну Поместья Шипли — рассказывать об этом Энн или хранить молчание.

Лорда Аффенхема, безусловно, следовало предупредить, но пришлось бы сознаться Энн, что он ее обманул, а никто не знает, как девушки могут на это отреагировать. Джеф решил, что лучше пока молчать.

— Как вы провели день? — спросил он.

— Не очень.

— Не говорите, что ваша гримза заставила вас работать в такой день.

— Только до ланча.

— Тогда у вас был приятный, в меру возможности, день.

— Почему «в меру возможности»?

— Потому что без меня.

— Ясно. Нет, у меня не было даже того сравнительно приятного дня, который бывает у девушек, лишенных вашего общества. Дядя Джордж очередной раз воспарил мыслью, и вышла куча неприятностей. Собственно, я угодила в переplet.

Она умолкла и зажмурилась, вспоминая. Джеф не обнял ее за талию и не привлек к себе, однако едва не надорвался, борясь с собой. Впервые он понял, что в грубом совете лорда Аффенхема есть здоровое зерно.

— Скажите, — нежно проговорил он, — в мое отсутствие на дядюшку снизошло новое озарение?

— Да. Он решил, что спрятал бриллианты в голове антилопы — ну той, что в кабинете у миссис Корк.

— Какая ерунда!

— Почему? Как раз такое хитрое место он мог выдумать.

— Когда он прятал бриллианты, этого отсеченного образчика африканской фауны еще не было. Антилопа появилась здесь об руку с миссис Корк.

— А, понимаю. Нет, это не жертва миссис Корк, она живет здесь с самого моего детства. Ее подстрелил дедушка.

— Он тоже был охотник?

— Могучий и безжалостный. Гроза антилоп.

— Трудно быть антилопой, — задумчиво проговорил Джеф, — ни минуты покоя. Воображаю, как они утешали друг дружку тем, что дедушка не вечен. «Когда-нибудь, — говорили они, — он преставится, и мы отдохнем». И вот, он отходит в мир иной, но является миссис Корк.

- Горькая правда.
- Поневоле задумаешься, а?
- Только об этом и думаю.
- Вас это печалит?
- Невыносимо.
- И меня. Давайте попробуем забыть о грустном. Где мои таблички?

Я должен записать для памяти: посмотреть в голове у антилопы.

- Вы не побойтесь зайти к миссис Корк и шарить в чучелах?
- Конечно.
- Неужто вы, Эдеры, совсем не знаете страха?

Энн снова расстроилась. Когда днем она предложила Лайонелу совершить этот дерзкий подвиг, тот наотрез отказался приближаться к тетушкиной берлоге. Он знал про бриллианты и горячо желал, чтоб они нашлись, поскольку, подобно большинству современных молодых людей, предпочел бы состоятельную жену, но не хотел рисковать даже ради самых радужных перспектив. Энн, девушка храбрая, презирала трусливых мужчин.

На мгновение она подумала, что, может быть, дядя прав насчет Лайонела. Она тут же отбросила эту мысль, но в душе остался неприятный осадок.

Готовность Джефа ринуться навстречу опасности невольно заставила Энн сравнить молодых людей, и сравнение, как уже говорилось, ее расстроило. Всегда неприятно, если желанные качества оказываются не у того, у кого нужно.

- Можете не трудиться, — сказала она. — Я уже проверила.
- Вы?
- Я.

Джеф почувствовал, что вправе немного обидеться. Вообразите средневекового рыцаря, который прискакал спасать деву от дракона и слышит, что она уже прибила чудище прялкой.

- Так не годится, — сказал он. — Грубую работу надо оставлять мне.
- Вас рядом не было.

— Вы же знали, что я вернусь. Вы должны были сказать себе: «Он вернется, когда в полях забелеют маргаритки». По вашему невеселому виду я могу заключить, что бриллиантов там не было?

— Только опилки. И, как на грех, когда я заглядывала внутрь, вошла миссис Корк.

- О ужас! У вас было наготове объяснение?
- Я сказала, что проверяла, не завелась ли там моль.

— Я бы выкрутился лучше.
— Не выкрутились бы.
— Выкрутился.
— А что бы вы сказали?
— Сказал бы... сказал бы с легким смешком: «Ах, миссис Корк...»
— Давайте, давайте.
— Ах, миссис Корк... Нет, — добавил Джеф, помолчав, — не уверен, что я бы нашелся. Она приняла ваше объяснение?

— Вроде да. Но я не могу избавиться от чувства, что она подумала, будто меня покусал дядя Джордж, заразив своей формой безумия. Удивляюсь, что она сразу меня не уволила. Неприятно, когда и секретарь, и дворецкий разом теряют рассудок.

— По-моему, это совершенные пустяки в таком месте, где у половины голова не в порядке. Случайный прохожий, увидев, как эта публика исполняет африканские танцы, бросился бы к телефону и потребовал немедленно прислать ближайшего психиатра. Вы заметили этого долговязого, в пенсне, с вихляющимися ногами?

— Мистера Шепперсона? Да. А миссис Барлоу?

— Это которая?

— Крупная, с подбородками.

— Понял, о ком вы. Какая жемчужина! Какой алмаз! Какой денек на берегу моря! Да, много веселого и поучительного, не говоря уже о грустном и страшном, можно извлечь из наблюдений за нашим любительским бедламом. Я горюю лишь о том, что дворецкий не принимает участия в хороводах. Как бы его ножищи мяли траву Эллады!

— Давайте-давайте. Смейтесь над дядиными ногами.

— Спасибо, с удовольствием. Давайте посмеемся вместе. Старый болван, подверг вас такому испытанию!

— Вы убеждены, что знаете меня настолько близко, чтобы называть моего дядю старым болваном?

— Мне кажется, я знаю вас всю жизнь. Да вы и сами, разобравшись, поймете, что мы, того не замечая, женаты уже сто лет.

Слово «женаты» подействовало на Энн отрезвляюще. Она на время выкинула из головы слова дяди Джорджа, что этот молодой человек от нее без ума, и с удовольствием отвечала на его болтовню. В последнее время ей редко выпадали такие милые, легкие разговоры. Мужская часть обитателей Шипли-холла были люди серьезные, вдумчивые, не склонные размениваться на пустой треп, а Лайонел, хоть и походил на греческого бога, в словах был не силен.

Теперь она поняла, что напрасно убрала барьеры между собой и Джефом. Строгие судьи прошедшей эпохи сказали бы, что она его «поощряет» и даже «подает безосновательные надежды». Девушка мягкосердечная, не желающая никому причинять боль, Энн глубоко раскаивалась в своей неосмотрительности.

Она легонько поежилась.

— Замерзли? — спросил Джеф, как Энн и рассчитывала.

— Немножко.

— Идемте в дом. Я точно так же могу говорить под крышей. Некоторые сказали бы, что даже лучше.

Они пошли к саду. Над стеной, отделяющей их от лужайки, виднелись голова и плечи миссис Моллой. Казалось, она перебирает плети вьющегося растения, высаженного в каменный, античных пропорций, вазон. Джефу пришло в голову, что сейчас самое время сделать завуалированный намек.

— Там миссис Моллой.

— Да.

— Не смотрите в ее сторону, — предупредил Джеф. — Что вы о ней думаете?

— Приятная дама.

— Вы не замечали в ней ничего зловещего?

— Нет. А вы?

— Замечал.

— Наверное, сыщикам везде мерещится что-то зловещее.

— Натренированная интуиция позволяет заглянуть в самую суть человека. От ребят с увеличительным стеклом много не скроешь. За этими Моллоями надо приглядывать в оба. Они могут оказаться жуликами.

— Так считает мистер Трампер.

— Вот как? Проницательный тип.

— Вчера он пришел ко мне и просил употребить мое влияние на миссис Корк, чтобы та не покупала у мистера Моллоя нефтяные акции. Увы, у меня нет никакого влияния. Однако продолжайте. Не понимаю, как они могут повредить нам, даже будь они первые жулики в стране.

— А бриллианты?

— Что бриллианты?

— Положим, они найдут бриллианты.

— Они же о них не знают.

— Могут узнать. Миссис Моллой постоянно торчит у вашего дяди. Что, если он проговорится?

— Не проговорится.

- А вдруг?
- Он не сумасшедший.
- Кто вам сказал?

Энн показалось, что пришло время одернуть собеседника. Он ей нравился. Она не помнила, чтобы кто-нибудь нравился ей так сильно после столь недолгого знакомства. Однако Энн чувствовала, что пора его приструнить. Она прошла несколько шагов, остановилась, холодно взглянула на Джефа и открыла рот.

В тот же самый миг античный вазон откололся от стены и упал на дорожку в полушаге от них. Энн вскрикнула.

Джеф горько корил себя. Он не должен был и на сто футов приближаться к миссис Моллой и античному вазону, опаснейшему сочетанию на земле, тем более — вместе с Энн Бенедик. Он бы встревожился, если бы на ее головку упал розовый лепесток, а тут — античный вазон. Все поплыло перед его глазами, он сам не понимал, что делает.

Из тумана донесся сердитый голос.

— Будьте любезны, отпустите меня.

Джеф понял, что произошло: в страхе за Энн он прижал ее к сердцу. И вновь на него накатило сильнейшее желание присоединиться к грубой аффенхемовской школе. Чувствуя рядом с собой ее стройное тело, он утолял глубинный голод души.

Впрочем, подумавши, Джеф решил, что пережимать не стоит — по крайней мере, сейчас. Что-то в манере Энн подсказывало ему, что он поторопился, и любые дальнейшие действия вызовут нежелательный результат. Он оторвал ее от земли, но не от реальности.

— Ой, простите, — сказал он, выпуская ее из рук. Энн из белой сделалась розовой.

— Спасибо.

Из калитки в стене торопливым шагом показалась миссис Моллой. Ее хорошенькое личико было встревожено.

— Не задело? — воскликнула она. — Я бы и за миллион долларов не согласилась, чтоб вас зашибло!

Ее милые извинения звучали на редкость естественно, однако Джеф смотрел на миссис Моллой, словно на гремучую змею, к которым никогда не питал особой привязанности.

— Я вроде как на нее оперлась, а она возьми и упади. Мне так жаль!

— Ничего, — отвечала Энн. — Просто я немного испугалась.

— Еще бы. Струхнули, небось, до полусмерти.

Энн легонько вскинула подбородок, недовольная, что ее называли трусихой.

— Нет-нет. Я просто вздрогнула. Не беспокойтесь. А теперь мне пора. Миссис Корк ждет.

Она ускользнула, и миссис Моллой, повернувшись к Джефу, увидела его сведенное судорогой лицо.

— Ха! — сказал Джеф.

Долли рассмеялась. Смех ее, довольно музыкальный, Джефу не понравился.

— Стерва! — сказал он.

В голосе его явно звучала неприязнь, но миссис Моллой продолжала веселиться.

— Укладываешь вещички, малыш? — спросила она. — Советую поторопиться. Не все ж я буду промахиваться, когда-нибудь да попаду.

— Тьфу! — И Джеф, повернувшись на каблуках, пошел прочь. Он чувствовал, что выразился не вполне к месту, но не мог придумать ничего лучше. Увы, он был воспитан в правилах, согласно которым мужчина не может коснуться женщины иначе как с лаской, не то бы непременно двинул ей в глаз. В жизни каждого мужчины наступает момент, когда он хотел бы оказаться Джеймсом Кегни.^[15]

Долли вернулась на террасу. Когда она уходила, Мыльный дремал над детективным романом, но сейчас его шезлонг был пуст. Она обратилась к миссис Барлоу, женщине с подбородками, выполнявшей на лужайке дыхательные упражнения.

— Не видали моего мужа, миссис Барлоу?

— Мне кажется, миссис Моллой, его позвали к телефону. В этот самый миг пропавший муж показался в стеклянной двери. На его благообразном лице читалось волнение. Он торопливо подошел к жене.

— Киска!

— В чем дело, пупсик?

Мистер Моллой бросил взгляд на миссис Барлоу. Она вернулась к дыхательным упражнениям, но даже у глубоких дыхателей есть уши. Мистер Моллой поманил жену в дальний конец веранды.

— Звонил Шимп.

— Чего ему надо? Решил снова поторговаться насчет условий?

Мистер Моллой мотнул подбородком. Он ответил не сразу. Всегда неприятно сообщать горькую весть.

— Нет, — отвечал он. — Боюсь, киска, я тебя огорчу. Он в местной гостинице и думает утром заявиться сюда.

Глава XIV

Долли уставилась на мужа, не веря своим ушам. На лужайке миссис Барлоу начала исполнять африканский танец. В другое время она приковала бы к себе все взгляды, но сейчас ее па остались без внимания.

— Что?!

— Правда.

— Едет сюда?

— Завтра, как только встанет.

— А белобрысый тип?

Мистер Моллой помрачнел еще больше.

— Сдается, киска, на этот раз нам крупно не повезло. Белобрысый тип больше Шимпу не помеха. Вот ведь подлость: он написал Шимпу письмо. Оказывается, Шимп зря думал, будто тот на него зол. История долгая, я половины не понял, но, если верить Шимпу, этот тип кидался в него не булыжниками, а какими-то пирожками, которые не хотел оставлять на тарелке, чтобы не огорчать хозяйку. А по лестнице бежал, чтобы извиниться. Бред какой-то, но так уверяет Шимп.

— Черт!

— Вот и я думаю, — кивнул мистер Моллой. — Мало нам этот типа. Если еще и Шимп будет отираться рядом и смотреть под руку, мы далеко не уедем. Ты же его знаешь. У него глаза на затылке.

— Надо избавиться от Шимпа, вот и все.

— Вот и все! А как?

— Придумаю. Поди, погуляй, а я пораскину мозгами. Мистер Моллой послушно отправился гулять. Время от времени, совершая очередной круг по лужайке, он бросал взгляд на задумчивую подругу жизни. Может быть, думал он, она сумеет выпутаться и в этих исключительных обстоятельствах. Долли всегда была мозгом их фирмы. Сам он признавал свою ограниченность. Дай ему доверчивого слушателя (желательно, чтобы в детстве того лягнула в голову лошадь), час времени, чтобы рассказать про нефтяные акции, и простор для жестов — вот тогда он совершит чудеса. Увы, это единственный дар, которым наделила его природа.

На середине четвертого круга он заметил, что Долли сошла с террасы и направляется к нему. Сердце его всколыхнулось, когда он прочел вдохновение на сияющем лице. Он понял: ее острый ум вновь отыскал решение. Не впервые он испытал священный трепет при мысли, что сумел

завоевать любовь такой замечательной женщины. Женщины, которая своими белыми ручками обеспечивает себя перчатками, носовыми платками, духами, сумочками и даже украшениями без малейших затрат с его стороны, а вдобавок легко разрешает все мелкие семейные затруднения.

— Неужто уже придумала? — ахнул он.

— Конечно. Надо было только чуток пораскинуть умишком.

— Ты — чудо, — сказал мистер Моллой. — Теперь таких не делают. Разучились. Выкладывай, киска. Я весь внимание.

Миссис Моллой порозовела от удовольствия. Она любила мужа, и его хвалы ласкали ей слух.

— Ну, вот, — начала она. — Ты говорил, Шимп в гостинице.

— В гостинице, крошка.

— Ты приходишь к нему, а сам как будто весь трясешься. Сможешь?

— Так?

— Нет, не так. Не хватало, чтобы он вообразил, будто у тебя пляска святого Витта! Просто приходишь весь такой взвинченный, как будто узнал, что лорд Кейкбред отыскал стекляшки, спрятал у себя в комнате и собирается завтра свалить.

— Всю эту туфту я должен скормить Шимпу?

— Да.

— А что это нам даст, зайчик?

— Ну, пошевели мозгами. Если бы лорд Кейкбред собирался завтра слинять вместе с камушками, это бы означало, что сегодня его надо обчистить?

— Конечно.

— И кому-то из нас пришлось бы лезть в его комнату?

— Ну да.

— Так вот, ты не можешь, потому что у тебя кишка тонка и от одной этой мысли трясутся поджилки.

— Что? — вскричал мистер Моллой, оскорбленный таким недоверием.

— Ты это скажешь Шимпу.

— А! — Мистер Моллой оттаял. — Это часть замысла!

— Тот спросит, почему не я.

— Глупо ему говорить, что тебе не хватит решимости.

— Верно. Скажи ему, что решил меня надуть. Мол, лорд Кейкбред сказал мне, я сказала тебе, а ты решил свистнуть стекляшки без моего ведома. «Шимп, заберем их, разделим на двоих, а Долли скажем, будто ты

ничего нашел».

Мистер Моллой кивнул. Замысел постепенно прояснялся в его голове.

— На это Шимп клюнет. Его хлебом не корми, дай кого-нибудь надуть. Ему это — как коту валерьянка. А что потом?

— Потом скажешь, что главное — за ним.

— Лезть к лорду Кейкбреду.

— Только лезть не придется. Скажешь, что можно просто войти. Перед обедом, например, когда дворецкий занят по дому. Скажешь, это самое подходящее время. А потом объяснишь, где комната.

— А где?

— На первом этаже, с задней стороны, куда подъезжают торговцы. Не ошибешься. Под окном бочка для воды, а сбоку могильная плита с надписью «Верному другу Понто». Наверное, там зарыли собаку, — добавила Долли, справедливо рассудив, что члена семьи не похоронили бы под окнами.

Мистер Моллой изумился.

— Откуда ты все знаешь?

— Да как-то проснулась рано, вышла прогуляться и увидела старикана в окне. Он делал зарядку. В одних брюках с подтяжками. Вылитый Кинг-Конг. — Долли невольно перешла на хриплый шепот. Вид лорда Аффенхема, голого по пояс, в армейских подтяжках на могучем торсе, произвел на нее сильнейшее впечатление. — Ладно, значит, скажешь Шимпу, что старикан спрятал камушки где-то у себя в комнате, объяснишь, где она и когда в нее лучше наведаться, и что лезть придется ему, потому что ты сдрейфил. Ясно?

Мистер Моллой колебался. Ему не хотелось ответить «нет» и выставить себя идиотом. Это уже случалось с ним, когда он сомневался в гениальных планах своей жены.

С другой стороны, он действительно не видел в ее словах никакого смысла.

— Ладно, я отвечу тебе, крошка, — сказал он. — Все, что ты говорила, ясно, как божий день, только мне кажется, что ничего не выйдет. Шимп залезет, пороется, пороется, не найдет стекляшек, потому что их там нет, и вылезет обратно. И что мы получим? Ну разве выставим Шимпа дураком. Я-то надеялся, ты придумаешь такое, чтоб он сюда и носа не сунул.

— Я и придумала.

— Не вижу.

Долли хотела ответить, что он не увидел бы магазин Вул-ворта, стоя напротив с подзорной трубой, но сдержалась — отчасти потому, что

любила мужа и не хотела его обижать, отчасти по недостатку времени.

— Что будет, когда лорд Кейкбрэд его застукает?

— Ты же сказала, он будет занят.

— Я этого не говорила. Я сказала, чтобы ты сказал это Шимпу. Как только ты позвонишь, что он вышел, я иду к лорду Кейкбрэду и советую ему держать ухо востро. Мол, я узнала, что какой-то подонок собрался сегодня обчистить его комнату. И что? Он прячется и ловит Шимпа за шкуру. Может, отлупит, может, просто пугнет. Пусть после этого Шимп попробует подъехать на следующее утро и в виде миллионера! Тут же лорд Кейкбрэд выйдет вперед и скажет миссис Корк: «Какой он, к чертям собачьим, миллионер! Воришка, и все тут», — а миссис Корк достанет ружье и велит Шимпу убираться, пока она не всадила ему в спину унцию свинца и не спустила собак. Теперь понял?

Мистер Моллой не повергся лицом в прах, но был к этому близок. Никогда, поклялся он мысленно, никогда больше не усомнится он в планах этой чудесной женщины, даже если их достоинства не сразу открываются неповоротливому мужскому уму. Его красивые, честные глаза вспыхнули.

— Ну, класс!

— Согласна.

— Непременно сработает.

— Непременно.

— Шимпа как ветром сдует.

— Уедет, и больше не покажется.

— Бегу в гостиницу.

— Давай. Позвони мне с почты, что он вышел, а я сразу к Кейкбрэду.

Тут главное — скорость.

Мистер Моллой двинулся широким шагом. Его ноги, обычно не склонные к быстрой ходьбе, словно обрели крылья. Не прошло и получаса, как Долли, узнав, что Шимп слопал наживку вместе с крючком и должен быть с минуты на минуту, вошла к лорду Аффенхему в буфетную.

Стеклянное выражение его глаз — мыслитель отдыхал — исчезло при виде Долли. Она так явно тянулась к его обществу, что старый лорд понемногу привык считать ее своей старой подружкой. Он тяжело поднялся, словно бизон, отходящий от водопоя, и уже собирался предложить гостье бокал портвейна, когда заметил, что кулаки ее сжаты, а взор пылает огнем. С маленькой очаровательной женщиной что-то явно стряслось. Его доброе сердце защемило от жалости и желания помочь. Долли всегда пробуждала в нем инстинкт защитника. Она казалась такой хрупкой, такой неспособной к жизни.

— Что случилось, мэм? — спросил он. Долли сглотнула.

— Ох! Я сама не своя. Одурела, как мокрая курица.

В другую минуту это высказывание натолкнуло бы лорда Аффенхема на целую череду размышлений: как именно дуреют мокрые курицы, по каким признакам можно различить это состояние ума, и как они соотносятся, скажем, с мартовскими зайцами или членами угубуанской колонии миссис Корк. Однако сейчас он думал только о Долли и ее беде.

— Что случилось? — повторил он и добавил совсем не-кейкбредовское «Э?». Как мы видели, он старался не выходить из роли, но сейчас волнение было слишком сильно.

— Слушайте, что я вам скажу, — так же взволнованно продолжала Долли. — Я услышала, что они послали частного сыщика обыскать вашу комнату, будто вы там укрываете краденое. Я просто осатанела! Бросить тень на вашу репутацию!

Энн рассказала лорду Аффенхему, что первой тень на его репутацию бросила сама миссис Моллой, и она же предложила нанять частного сыщика. Он мог бы ответить обидно и резко. Однако он давно простил маленькой подружке ее необдуманный промах. Разумеется, тогда она не знала его так близко.

— Вы про юного Эдера, как он себя зовет?

Долли посчитала нужным вздрогнуть от неожиданности. Она помнила, что ей не положено знать о знакомстве собеседника с юным Эдером.

— Вам про него известно?

Лорд Аффенхем довольно хихикнул.

— Да.

— Какой вы проникательный!

— Многие так говорят, — заметил лорд Аффенхем, хотя и не уточнил, кто. — Я решительно не возражаю, если юный Эдер обыщет мою комнату.

— Но это не он, — сказала Долли. — Другой.

Спокойствие лорда Аффенхема улетучилось.

— Э? — вскричал он, окончательно выходя из роли. — Какой еще другой?

— Я говорила с этим старым пролазой Трампером. Ему не нравится Эдер. Дескать, слишком молодой и разбитной. Поэтому он, ничего не говоря миссис Корк, пошел и нанял своего шпики, чтобы тот обыскал вашу комнату.

Лорд Аффенхем затрясся.

— И когда этот гад заявится?

— Сегодня. С минуты на минуту. Он выбрал это время, зная, что вы будете заняты по дому. Мне кажется, вам надо его подкараулить и хорошенько отдубасить.

— Еще бы! Тварь ползучая!

— У вас в комнате можно спрятаться?

— Да, за ширмой.

— Отлично! — Долли, как школьница, захлопала в ладоши. — Прячьтесь и не стреляйте, пока не различите белки его глаз. [\[16\]](#)

Несколькими минутами позже лорд Аффенхем, идя через прихожую по пути из столовой, где проверял, все ли в порядке, чтобы отлучиться на время, встретил мистера Трампера, который направлялся в бильярдную. Лорд пронзил его таким ледяным взглядом, что несчастный вжал голову в плечи, словно птица при виде змеи. В присутствии дворецкого он всегда чувствовал себя виноватым, словно надел галстук на резинке или ел суфле вилкой для рыбы.

Глава XV

В семь пятнадцать вечера того же дня Шимп-Твист вошел в ворота Шипли-холла, мурлыкая себе под нос веселую арию и чувствуя, что Господь на небесах, и все-то в мире ладно.^[17] Он оглядел просторный парк и восхитился им. Он слушал чириканье птиц и находил его весьма музыкальным. Даже букашка, запутавшаяся в нафабранных усах, произвела на него самое приятное впечатление — жаль, знакомство было недолгим. Короче, его настроение было сладким, как сахарин. В таком настроении он мог бы погладить по головке проходящего мимо мальчика и одарить его шестипенсовиком, хотя, вероятно, в следующее мгновение догнал бы и забрал монетку обратно.

Письмо, которое Джеф прислал утром с рассылным, доставило сыщику облегчение и довольство жизнью, какое не дает самое разрекламированное средство. С деловой встречи, на которой он вынужден был доверить Моллоям практическую часть предприятия, Шимп Твист терзался мыслью, как бы не остаться с носом. Он хорошо знал друзей и не сомневался, что они не упустят случая его нагреть.

Если, с тяжелым сердцем думал он, они отыщут стекляшки, то он никак не сможет это проверить, а если есть на свете работники, за которыми нужен глаз да глаз, то это Моллои, мистер и миссис.

И вдруг приходит письмо, устраняющее все преграды на пути в Шипли-холл, а затем и сам Моллой с оглушительной вестью о находке алмазов.

Все это, думал Шимп, проплывая по солнечному саду, так просто, что даже неинтересно. Когда же, остановившись под окном лорда Аффенхема, он увидел, что рамы распахнуты, его уверенность в успехе достигла предела.

До сего дня Шимп Твист не имел опыта в таком полезном и прибыльном деле, как квартирные кражи, и зарабатывал исключительно умственным трудом. Однако теперь, когда обстоятельства принудили его поработать руками, он не чувствовал ни колебаний, ни робости. Может быть, когда он лез через подоконник, его сердце билось чаще обычного, но это был единственный неприятный симптом.

Он открыл дверь в коридор и прислушался. Где-то вдалеке женский голос прочувствованно выводил псалом — человек, знакомый с распорядком жизни у миссис Корк, сказал бы, что кухарка начала готовить

шпинат, — но больше ни один звук не нарушал тишину дома. Шимп оставил дверь приоткрытой, чтобы слышать, если кто пойдет, и с удовольствием отметил, что пол в коридоре — каменный. Шаги по нему будут звучать гулко, как танец слона на жести. Он успеет ретироваться.

Комната, в которой стоял Шимп, изумила его роскошью убранства, необычной для простого дворецкого. Объяснялось это просто: лорд Аффенхем, согласившись прислуживать в собственном доме, доходчиво объяснил племяннице, что скорее лопнет, чем поступится комфортом. Он собрал со всего дома кресла, картины, приятные безделушки, мягкий ковер и даже шезлонг, на котором мог вечером полежать без ботинок. Все это придавало комнатке вид настоящего светского будуара.

Впрочем, Шимп не сомневался, что попал по адресу. Под самым окном стояла бочка, про которую говорил Мыльный, а рядом — трогательный мемориал неизвестному Понто, увековечивший его верность и дружелюбие. Значит, оставалось лишь прошерстить комнату и надеяться на лучшее.

Шимп принялся за работу споро и бесшумно, словно нью-йоркский таможенник, досматривающий багаж опереточной дивы, которая, возвращаясь из Парижа в родную Америку, объявила, что не везет ничего лишнего. Он заглянул в комод, проверил шкафы, сунул нос за стулья и за картины, даже помял обивку шезлонга, проверяя, нет ли двойного дна.

Работа была нелегкая. Вскоре Шимпу пришлось остановиться и утереть лоб. В этот миг взгляд его упал на красивую лаковую ширму в дальнем конце комнаты. Между полом и краем ширмы виднелась пара исполинских ботинок.

Ботинки поразили Шимпа своими размерами, но ничуть не испугали. Просто ботинки, чувствовал он, скорее всего — запасная пара. Только со второго взгляда он приметил, что их венчают брючины. И тут от страха хребет его размягчился до состояния шпината, который варился сейчас на кухонной плите: до него дошло, что в брючинах скрываются ноги. Короче, за ширмой стояли не мирные запасные ботинки, а самые что ни есть боевые, вкупе со своим обладателем.

Он еще не успел опомниться, когда мощная рука отодвинула ширму и вперед выступил человек, подобных которому Шимп Твист никогда в жизни не видел.

— Ну что, гаденьш? — спросил этот внушительный господин.

Лорд Аффенхем думал совершить свой выход гораздо раньше, однако, как всегда, стоило ему задержаться на одном месте, мысли его плавно утекли в сторону. Негромкие звуки, возвестившие, что гость прибыл,

навели его на размышление о частных сыщиках — что толкает их на этот путь, чем они занимаются на досуге, что заставляет женщин выходить за них замуж и каков примерно их годовой доход.

Теперь он очнулся и снова был готов к рукоприкладствам, стратагемам и выходкам.

На вопрос «Ну что, гаденыш?» трудно сразу ответить удовлетворительно. Шимп Твист даже не пытался. Он с открытым ртом смотрел на хозяина комнаты, который, словно вследствие какой-то оптической иллюзии, с каждым мгновением становился все больше. Как часто бывало с ним в минуты смятения, Шимп машинально поднял руку подкрутить ус.

Лорда Аффенхема это взбесило. Подкручивание усов напомнило ему о Лайонеле Грине.

— Прекратите, — строго сказал он.

— Сэр? — раболепно переспросил Шимп.

— Оставьте их в покое, — потребовал лорд Аффенхем, с растущим любопытством глядя на гадкую растительность. — Эти усы, давно они у вас? — спросил он тоном доктора, задающего вопрос о развитии неприятной болезни. — Когда вы впервые их почувствовали?

Шимп слегка удивился, но и обрадовался, что разговор получается таким мирным. Он ответил, что упомянутая поросль возникла сравнительно недавно. Первые шаги к нафабренным усам были сделаны всего два года назад.

— Почему они торчат? — спросил лорд Аффенхем, все дальше углубляясь в тему усов.

Шимп готов был говорить о чем угодно, пока это не касалось его пребывания в комнате.

— Мазь, — отвечал он почти весело.

— Вы их мажете?

— Да, сэр, мажу.

— Чем?

— Вообще-то, сэр, я обычно пользуюсь мылом.

— Каким мылом?

— Туалетным. Или кремом.

— Сапожным?

— Нет, для бритья.

— Тогда почему вы сказали «мазь»?

— Иногда я пользуюсь фаброй, это такая мазь для усов.

— Ну, выглядят они просто ужасно, — откровенно признал лорд

Аффенхем. — На вашем месте я бы их сбрил. Чего ради вы носите этот древесный гриб?

На последний вопрос у Шимпа Твиста мог быть только один ответ. Усы — единственное, кроме денег, что он по-настоящему любил, о чем и сказал лорду Аффенхему.

— Тогда вы болван и плут, — объявил лорд Аффенхем. — Впрочем, разумеется, вы болван и плут, иначе не пошли бы в частные сыщики. — А теперь, — продолжал он, поводя плечами, чтобы размять мышцы, — я переломаяю тебе кости, жалкий криворожий недомерок.

Несмотря на приятельский тон, в котором разговор протекал до этой минуты, Шимп и на мгновение не упускал из виду возможность подобного поворота. Отвечая на расспросы в самом свойском духе, он тем не менее держался от хозяина комнаты на расстоянии вытянутой руки, а сам старался расположиться между ним и дверью.

Слова лорда Аффенхема застали его в стратегической позиции, из которой он мог, не мешкая, юркнуть в дверь. Кролик, оказись он свидетелем этой сцены, понял бы, что видит истинного мастера своего дела, и постарался запомнить этот маневр. Лорд Аффенхем рассказывал, что в юные годы сыщики ходили за ним толпой; однажды ему удалось затаиться в темной подворотне и выскочить на преследователя, шедшего за ним от Сент-Джонс-вуд до Беркли-сквера. С тех пор ему ни разу не доводилось видеть, чтобы служители сыска двигались с таким же проворством.

Лорд Аффенхем опечалился. Он корил себя, что увлекся любопытством, когда надо было сосредоточиться на главном. Теперь он навсегда лишил себя радости взять частного сыщика за шею и завязать ее морским узлом. Случай стучится к нам в дверь лишь однажды, и он проморгал этот стук.

Лорд Аффенхем, подобно поэту, чувствовал, что горше слов не выведет перо, чем эти: так могло бы стать. [\[18\]](#)

Глава XVI

Вырвавшись от лорда Аффенхема, Шимп Твист метнулся вправо по коридору. Зная топографию дома, он свернул бы налево и легко ускользнул через заднее крыльцо, от которого его отделяли лишь несколько шагов.

Однако рок судил, чтобы он побежал в главную часть дома и вскоре оказался перед дверью, обитой зеленым сукном. На миг он помедлил, но только на миг. Он не знал, что за дверью, зато отчетливо помнил, что позади, поэтому ринулся на преграду, как бык на ворота. Дверь легко повернулась на петлях, и Шимп оказался в просторном помещении, заставленном стульями, столиками и старыми дубовыми диванами. С одного конца виднелась тяжелая дубовая дверь, с другого — широкая лестница на верхние этажи. Короче, он был в прихожей, и здесь на мгновение задумался, решая, что предпринять дальше.

Шимп радовался передышке, и даже не столько радовался, сколько дивился. Он не мог взять в толк, почему не слышит топота тяжелых ног и почему обитая зеленым сукном дверь не распахнется, явив взорам разгневанного преследователя. Он гадал, что случилось с лордом Аффенхемом.

Последний и впрямь пробежал несколько шагов, однако комплекция его скорее способствовала величавой медлительности, чем суетливой беготне. С самого начала он мог рассчитывать лишь на утешительное второе место. Увидев, что жертва припустила со всех ног, он вспомнил о хрусте в суставах и прекратил погоню. «Бог дал, Бог взял», — сказал себе философ и направился в буфетную выпить рюмку портвейна.

Шимп стоял, затаив дыхание, его бегающие глазки перескакивали с одного уютно обставленного уголка на другой. Наконец-то он был один, но не мог сказать, долго ли это продлится. Слева была дверь, а за ней — коридор в неведомое. В любой миг кто-нибудь мог войти, и это понуждало к дальнейшим действиям. Прилечь и помечтать хорошо для человека свободного, но не для загнанного оленя.

Взгляд его привлекли окошки с цветочными горшками по обе стороны дубовой двери. За ними виднелись синее небо и зелень. До Шимпа постепенно дошло, что это — парадная дверь Шипли-холла, и от свободы его отделяет лишь поворот ручки.

Он метнулся к двери, но в этот миг снаружи донеслись голоса. Он

отскочил назад. Тут открылась дверь из коридора, и стало слышно, как кто-то насвистывает. Сразу объясним: это был мистер Трампер. Он отлично поупражнялся на бильярде и, вполне оправившись от встречи с лордом Аффенхемом, шел к себе переодеваться.

Шимп почувствовал, что его обложили со всех сторон, и готов был принять неизбежное, когда увидел свободный путь к отступлению. До сих пор, несмотря на явно чрезмерную населенность, никто еще не появился на лестнице. Он решил восполнить пробел, в несколько прыжков взлетел по ступеням, оправдывая свое сходство с мартышкой, и мистер Трампер, выходя из бильярдной, краем глаза приметил какое-то движение. На мгновение ему стало не по себе. Он не узнал прыгуна и не мог припомнить, чтобы кто-нибудь в приватном зоопарке миссис Корк двигался с такой стремительностью.

У мистера Трампера мелькнула мысль о квартирном воре, но он тут же ее отбросил. Воры — существа ночные и вряд ли устраивают то, что можно назвать утренними сеансами. Кроме того, воры не бегают по лестницам. Они крадутся, как мидийское воинство, а не скачут, как угорелые.

Успокоившись, он вновь принялся насвистывать и, бросив взгляд на столик — не пришло ли ему писем с вечерней почтой, — повернулся к миссис Корк, которая только что вошла с улицы. С ней была миссис Барлоу.

— О, Юстэс, — сказала миссис Корк, — вы мне нужны. У нас кончились муравьиные яйца для рыбок. Пожалуйста, завтра утром первым делом сходите в деревню и купите. Думаю, они есть в бакалее.

— Конечно, конечно, — сказал мистер Трампер. — Непременно, Кларисса. С огромным удовольствием.

Миссис Барлоу высказала свою давнюю мысль: как это удивительно, что рыбки любят муравьиные яйца, ведь в природе они и муравьи вращаются, так сказать, в разных сферах. На это миссис Корк поведала про знакомого эму, который ел аспирин. За интересным разговором мистер Трампер совсем забыл о загадочном посетителе с пружинами вместо ног.

Шимп, тем временем, достиг второго этажа и обнаружил, что, хотя быстрый маневр и уберег его от утомительной необходимости знакомиться с множеством новых людей, мытарства на этом не закончились, как он надеялся, а лишь начинаются. Вопрос, что делать дальше, стоял перед ним в прежней первозданной остроте. Сверху доносился шум, указывающий на присутствие еще кого-то из бесчисленных постояльцев. Шимпу, в его теперешнем смятении чувств, казалось, что этот человек направляется к нему.

В любой миг кто-нибудь мог подняться снизу или спуститься сверху. Требовалось немедленно отыскать надежное прибежище, а единственным надежным прибежищем поблизости была спальня, возле которой он стоял. Вообще-то после встречи с лордом Аффенхемом Шимп зарекся лезть в незнакомые спальни, но выбирать не приходилось.

Он подкрался к двери и заглянул внутрь. Комната была пуста. Трудно поверить, что в этом людном доме отыскалось свободное место, тем не менее это было именно так. Он метнулся за дверь и замер, прислушиваясь.

До его слуха донеслись шаги мистера Трампера, который поднимался по лестнице, и в мозгу мелькнула парализующая догадка, что тот направляется в эту самую комнату. Вполне в духе сегодняшнего невезения, подумал Шимп, и, надо сказать, не ошибся. Мистер Трампер, выслушав все, что можно было выслушать об эму и аквариумных рыбках, продолжил путь на второй этаж, чтобы переодеться к ужину. Шимп замер в ужасе, его глазки-пуговицы забегали туда-сюда. Взгляд его упал на небольшой гардероб в дальнем конце комнаты.

Это зрелище подействовало на него, как глоток свежего морского воздуха. Шимп никогда не чувствовал себя спокойно вне платяного шкафа. Человек либо страдает, либо не страдает комплексом гардероба. Шимп страдал, и гардероб в дальнем конце комнаты притягивал его, как магнит. Он сознавал, что внутри будет несколько тесновато, но стремился к шкафу, как олень стремится на источники вод. С тех пор, как он увидел Джефа избегающим по лестнице Холси-билдингс, у него ни разу не возникало такого сильного позыва укрыться в шкафу.

Тридцать секунд спустя он уже был внутри. Хватило бы и двадцати трех, но он помедлил, проверяя, нет ли в дверце ключа. Ключа не было. Он втиснулся в тесное пространство и понял, что торопился не зря. Весело насвистывая, в комнату вошел мистер Трампер.

Юстэс Трампер был на вершине блаженства. Он разбил несколько дублей в бильярдной, что само по себе приятно, а тут еще миссис Корк попросила его сходить в деревню за муравьиными яйцами. Последнее обстоятельство радовало его несказанно.

Каждый влюбленный мечтает угодить даме. Мистер Трампер видел проблеск надежды в том, что обожаемый предмет прибегает к его услугам. Двенадцать лет, с тех пор, как мистер Корк скончался от воспаления легких, после того как накануне Нового года свалился в фонтан на Трафальгарской площади, Юстэс Трампер робко ухаживал за его вдовой, и такие просьбы поддерживали в нем дух. Женщина, которая сегодня просит купить муравьиные яйца, завтра несмело шепнет «да». По крайней мере,

так казалось мистеру Трамперу.

Продолжая насвистывать, он выпрыгнул из одежды, ополоснулся водой из кувшина, впрыгнул в вечерние брюки и надел рубашку. Только приступив к завязыванию галстука — что, как известно, требует определенной сосредоточенности — Юстэс Трампер перестал насвистывать. В этот самый миг Шимп Твист, у которого давно чесалось в носу, не выдержал и чихнул. В затихшей комнате это прозвучало, как звук трубы. Мистер Трампер подпрыгнул на шесть дюймов и опустился на пол, дрожа всеми поджилками. Галстук выпал из его обмякшей руки.

До сего времени, занятый более приятными мыслями, мистер Трампер отодвинул на задний план тайну неведомого спринтера. Теперь она нахлынула на него, как цунами, и он понял, что первое подозрение не обмануло. Как ни трудно поверить, что вор вышел на промысел в такой час, других объяснений не оставалось. Видимо, грабитель печется о своем здоровье и предпочитает обчищать дома в светлое время суток, чтобы оставить ночь для долгого, освежающего сна.

Рассуждения мистера Трампера строились на том, что непонятный звук донесся из гардероба. Честные люди, чувствовал он, не прячутся по шкафам, и был, разумеется, прав. Простой вопрос: «Прячетесь ли вы в шкафах?» — лучшее средство отделить овец от козлиц. Лакмусовая бумажка. Мы совершенно справедливо осуждаем того, кто ответит: «Да».

До этого пункта рассуждений все было ясно для мистера Трампера. Сомнения возникли, когда он стал думать о дальнейших шагах.

Человечество можно грубо разделить на две категории — тех, кто, узнав о воришке в шкафу, смело распахивают дверцу, и тех, кто на это не способен. Юстэс Трампер принадлежал к последним. То, что толкнуло бы лорда Аффенхема к немедленным действиям, привело его в мучительную задумчивость.

Идеально было бы подкрасться к дверце и повернуть ключ в замке. Нигде вор не чувствует себя настолько нелепо, как в запертом шкафу. Однако даже отсюда мистер Трампер видел, что ключа в дверце нет. Итак, этот метод исключался, а другого, по крайней мере, столь же действенного и безопасного, мистер Трампер не видел.

И вот, пока он стоял в нерешительности, в его мозг, как репей по воде, всплыла мысль, что в доме есть мужчины покрепче и помоложе. Юстэс Трампер не возражал против личной опасности, при условии, что она грозит чужой личности. Он не знал доброго старого девиза «Поручите это Джорджу», но если бы знал, именно эти слова пришли бы ему на ум, только вместо «Джорджа» стояло бы «Дж. Шерингем Эдер».

Чем хорошо иметь в доме сыщика: если вас беспокоит нашествие воров, вы можете пригласить его и вписать в счет дополнительную услугу. Мистер Трампер помнил, что комната Джефа этажом выше; горничная, которую он встретил, выйдя на цыпочках из комнаты, подтвердила эту догадку. Третья дверь по коридору, сказала она; туда мистер Трампер и направился. Он хотел было посвятить девушку в тайну платяного шкафа, но передумал. Что горничные в минуту опасности? — трость надломленная; им недостает упорства и воли к победе.

Мистер Трампер двинулся к третьей двери по коридору, но так до нее и не дошел. За второй дверью по коридору располагалась ванная, которой пользовались все жильцы этой части дома; когда мистер Трампер с ней поравнялся, из-за двери донеслось пение. Мистер Трампер сразу узнал голос. Вчера утром он слышал, как Джеф распевал в розарии, а такие вещи забываются не скоро. Он остановился, приложил губы к замочной скважине и сказал: «О... э...».

Ответом ему были лишь плеск воды и громкое пение. Мистер Трампер, не желая, чтобы его услышал вор этажом ниже, говорил почти неразличимым шепотом. Он понимал, что расслышать его нельзя, но все равно досадовал. Частные сыщики не должны петь в ванной. Мистеру Трамперу, человеку старорежимному, чудилось в этом что-то неуважительное. Вы нанимаете частного сыщика, думал он, а не канарейку.

Он заговорил чуть громче, с ноткой осуждения в голосе:

— Мистер Эдер.

Снова послышались плеск воды и многократные уверения, что некто, чье имя не называлось, лучше всех.

— Мистер Эдер!

На этот раз призыв был услышан. Бодрый голос отозвался:

— Да?

— Мистер Эдер, это мистер Трампер.

— Уже заканчиваю.

— Мне не нужна ванна.

— Конечно, конечно. Сейчас освобождаю. Минуточку подождите. Мне надо допеть.

Мистер Трампер испытал разочарование. Даже если частный сыщик согласится повременить с исполнением «Ты — лучше всех» и вникнет в обстоятельства, пройдет немало времени, прежде чем он вытрется и оденется. Разумеется, ничто лучше ванны не подготовит молодого человека к схватке с представителем преступного мира, но мистер Трампер

предпочел бы помощника в полном боевом облачении. В таких делах главное — время.

В этот самый миг из четвертой двери по коридору показался Лайонел Грин. Он был в футуристическом халате (работы одного из друзей по Оксфорду), а в руках нес губку и люфу. Лайонел Грин кисло взглянул на мистера Трампера, которого недолюбливал.

— Добрый вечер, — сдержанно сказал он, подергал дверь ванной и прицелкнул языком. Закрытая дверь означала, что для омовения придется идти на второй этаж. Сухо кивнув мистеру Трамперу, он прошел мимо и уже на лестнице с досадой обнаружил, что тот идет следом.

— Ой, Лайонел, — проблеял мистер Трампер. — Минуточку, Лайонел. Мне надо с вами поговорить.

Глава XVII

Лайонел Грин недолюбливал мистера Трампера, потому что подозревал в нем тетушкиного соглядатая. Кто еще мог донести, что он, Лайонел, иногда навевается в «Оленя и рога»? Он даже не пытался скрыть раздражение.

— Да? — произнес он тем же суровым тоном.

Мистер Трампер уловил некоторую враждебность, но ввиду чрезвычайной и спешной ситуации решил не обращать внимания.

— Лайонел, случилась крайне неприятная вещь. У меня в шкафу вор.

— Вор?

— Вор.

— Не может быть.

— А я вам говорю, может.

— Чепуха. Вам померещилось.

Мистер Трампер вновь испытал то обидное чувство непонятости, которое так больно задело его в общении с Джефом. Он предпочел бы более живой отклик.

— Мне не померещилось, — упрямо сказал он. — Я его слышал.

— А как именно?

— В каком смысле?

— Что он делал, когда вы его слышали?

— Он издал звук.

— Какой звук?

Мистер Трампер задумался. До сей минуты он не пытался анализировать природу странного звука. Он попытался воспроизвести услышанное и прочел в глазах собеседника открытое недоверие.

— Не может быть, — сказал Лайонел, — таких звуков не бывает.

Мистер Трампер с досады исполнил что-то вроде вступительных па африканского танца.

— Неважно, какой звук я издал! — воскликнул он. — Какая разница, что это был за звук? Важно, что кто-то вообще издавал звуки в моем шкафу.

— С чего вы взяли, что он у вас в шкафу?

— Я же вам объяснил. Звук донесся из моего шкафа.

— Может быть, из коридора.

— Повторяю, звук донесся из шкафа.

— Это вы так думаете, — поправил Лайонел. — Вы заглянули внутрь?

— Нет.

— Почему?

— Я... э... это не мое дело. Тут нужен кто-нибудь помоложе.

Тонкие брови Лайонела Грина поползли наверх.

— Вы же не хотите предложить это мне?

— Хочу.

— Невозможно. У меня нет времени. Сами знаете, как тетя Кларисса не любит, чтобы опаздывали к обеду. Я только-только успею принять ванну.

— Вы боитесь! — вскричал мистер Трампер, отбрасывая всякую учтивость.

— Ф-фу! — И Лайонел, потрясая губкой, прошествовал вниз.

Мистер Трампер остался стоять на лестнице, трясаясь от злости. Грубое поведение Лайонела Грина само по себе могло бы разбудить спящего в нем демона, вдобавок он испытывал глубочайшее презрение. Он был уверен, что правильно объяснил нежелание Лайонела Грина прийти на помощь. Мистер Трампер знал, что миссис Корк боготворит племянника, но ничуть не сомневался, что этот племянник — трус.

Он все еще кипел бессильной яростью, когда на лестнице появилась Энн. Секретарь-компаньонка жила в комнатке под крышей.

— Ой, здравствуйте, мистер Трампер, — сказала она удивленно. Маленький щеголь редко расхаживал по дому без пиджака.

Мистера Трампера немного успокоил ее заботливый тон. Он не ждал от нее практической помощи, поскольку относил секретарей-компаньенок наравне с горничными к непротивленцам этого мира, однако она готова была выслушать, а именно в. сочувственном слушателе он сейчас нуждался сильнее всего. До сих пор ему попадались только глухие аспиды, которые затыкают уши и распевают «Ты — лучше всех», или заносчивые трусы, которые увиливают от прямого долга под предлогом, что опоздают к обеду и рассердят тетюшек.

— Ой, мисс Бенедик, — пропищал он. — Не хочу вас пугать, но у меня в шкафу вор.

Он не зря рассчитывал на женскую отзывчивость. Глаза у Энн округлились. Веселенькие дела творятся в Шипли-холле, подумала она.

— Вор?

— Да.

— Откуда вы знаете?

— Я его слышал.

— Вам не могло это показаться?

Для человека, рассказывающего о ворах в шкафу, этот вопрос прозвучал совсем иначе, чем утверждение, приправленное безупречным оксфордским выговором, что ему померещилось. Мистер Трампер был благодарен за явное внимание и тревогу Энн и прежде ему нравилась. Он искренне надеялся, что миссис Корк ошибается насчет ее чувств к Лайонелу Грину; одна мысль, что кто-то любит Лайонела Грина, вызывала у мистера Трампера тошноту.

— Уверяю вас, что не ошибся. Он издал звук.

— Какой звук?

Тот же вопрос из уст Лайонела Грина взбесил мистера Трампера; может быть, поэтому он так плохо изобразил чихающего сыщика. На этот раз у него получилось куда естественнее. Звук по-прежнему не имел ничего общего с чихом, но по крайней мере в нем отсутствовала потусторонняя составляющая, наводящая на мысль об ином, более страшном мире и укрепившая скептицизм Лайонела Грина. Вы не могли бы сказать, к какой области жизни относится этот звук, но все же согласились бы, что такое бывает.

— Что-то вроде этого, — сказал он.

Энн задумалась, и немудрено — перед ней разверзлись неведомые глубины.

— Вы не думаете, что это кошка?

— Какая кошка?

— Любая. Кошки издают такой звук, когда на них наступишь. Хотя, конечно, — великодушно продолжала Энн, видя, что ее собеседнику больше не вынести, — вы на кошку не наступали.

— Какую кошку?

— Которая в шкафу, если бы она там была, но, разумеется, ее не было, — сказала Энн.

Мистер Трампер стиснул руками лоб. На мгновение у него возникло жуткое чувство, что он рушится в пропасть, ясно сознавая, что происходит, но не в силах ничего изменить. Что-то подобное испытывали гадаринские свиньи, выходя на финишную прямую.

— Можно, мы не будем говорить о кошках? — хрипло взмолился он. — Это только замутняет дело. Могу твердо заверить вас, мисс Бенедик, что у меня в шкафу человек. Кстати, — продолжал мистер Трампер, светлея, поскольку сообразил, что именно этого довода не хватало повествованию, — я его видел.

— Так вы заглянули в шкаф?

Мистер Трампер торопливо мотнул головой. Он чувствовал, что нить разговора снова ускользает из его рук.

— Нет, — отвечал он. — Это было раньше. Я выходил из бильярдной и видел, как кто-то очень быстро взбежал по лестнице.

— Ух ты! — вскричала Энн. Все это начинало походить на правду. — И что ж вы?

— Ничего. Он мелькнул, как молния, и я, естественно, решил, что это кто-то из домашних. Теперь я убежден, что это был вор. Он, вероятно, взбежал по лестнице и укрылся в моей комнате.

— Наверное, услышал чьи-то шаги.

— Наверное.

— И спрятался в шкаф.

— Точно.

— А что вы сделали, когда он издал звук?

— Опешил.

— И не проверили, кто там? Мистер Трампер поежился.

— Нет, — отвечал он, — не проверил.

— Интересно, он еще там?

— Безусловно. Я бы видел, если б он вышел.

— Мне кажется, — сказала Энн, — что первым делом надо собрать народ. Здесь нужен крепкий помощник, а то и два. Почему бы не обратиться к мистеру Эдеру?

— Я пробовал, но он в ванной, и я не сумел до него докричаться. Тогда я подошел к Лайонелу Грину. Он сделал вид, что не верит ни одному моему слову. На самом деле, — мстительно добавил мистер Трампер, — он просто струсил.

Энн вздрогнула.

— Ну нет!

Мистер Трампер был непреклонен.

— Струсил, — повторил он. — Испугался до полусмерти. Улизнул, наотрез отказавшись мне помочь.

Энн закусила губу. Трудно гордой девушке признать, что в ее избраннике отсутствует главное мужское качество. Она много бы дала, чтобы отмахнуться от обвинения, но, увы, не могла. Она помнила историю с чучелом антилопы. Если человек, отказавшийся войти в теткин кабинет, отказывается лезть в шкаф к вору, он делает это из малодушия. На мгновение у Энн вновь закралось неприятное подозрение, что Лайонел не лучше всех, а хуже многих. Она попыталась прогнать эту мысль, но мысль не уходила. Ядовитый шип засел прочно.

— Этот человек — отъявленный трус, — продолжал мистер Трампер, ибо Трамперы нелегко прощают обиды. — Он поставил меня в затруднительное положение. Я хочу закончить туалет, а как это сделать, если вор может в любую секунду выскочить из шкафа?

Энн согласилась, что положение и впрямь затруднительное. Невозможно переодеться в таких обстоятельствах. Она задумалась.

— Вы сказали, мистер Эдер в ванной?

— Да. Он заверил меня, что сейчас выйдет, но мне показалось, что он намерен плескаться целую вечность. В любом случае, мы не можем ждать, пока он вытрется и оденется. Я хочу, чтобы меры приняли немедленно. Мой галстук в спальне. Пиджак тоже. И я еще не причесывался.

Энн кивнула.

— Знаете, — сказала она, — нам лучше всего пойти к миссис Корк.

Мысль эта оказалась для мистера Трампера совершенно новой.

— Миссис Корк? — с сомнением повторил он. Он считал, что женщин нельзя впутывать в такие дела.

— Да. Конечно, она женщина, — сказала Энн, читая его мысли. — Но какая разница? Я хочу сказать, она исключительная женщина. Ведь вы бы не отказались от услуг Боадицеи, [\[19\]](#) случись она рядом?

Мистер Трампер согласился, что воинственная королева бриттов была бы сейчас очень кстати.

— Вы не находите, что миссис Корк чем-то похожа на Боадицею?

— Что-то определенно есть.

— Вы подумайте, какую жизнь она вела, — с растущим жаром продолжала Энн. — Что ей какой-то вор! Она, наверное, половину времени гоняла из палатки львов, леопардов, каннибалов...

Мистер Трампер это подтвердил. Его зачаровывали рассказы миссис Корк о приключениях в джунглях. У него часто возникало странное впечатление, что ее палатка неодолимо тянула к себе местную фауну. «Пошли, навестим нашу Корк», — говорили друг другу львы, заскучав под вечер. Та же мысль приходила в голову леопардам и каннибалам.

— Вы совершенно правы, — сказал он, радуясь, что неразрешимая задача разрешилась так просто. — Прямо сейчас и идем?

— Вперед! — воскликнула Энн.

Глава XVIII

Апартаменты миссис Корк располагались на первом этаже и включали большую спальню, открывавшуюся в почти такую же большую гостиную. Какой бы спартанкой она ни была в своих сафари, великая женщина, если обстоятельства позволяли, любила пожить со вкусом. В Шипли-холле она окружила себя атмосферой роскоши и комфорта. Леопард, загляни он в ее теперешнее жилище, застыл бы на пороге и попятился с извинениями.

Когда вошли Энн и мистер Трампер, миссис Корк уже закончила туалет — она всегда одевалась быстро и не имела обыкновения прихорашиваться. Раз — сняли старый твидовый костюм и удобные туфли, два — надели вечернее платье и ниточку старых жемчугов. Теперь она возлежала в шезлонге, перечитывая любимую книгу — «Женщину в дебрях». Подобно многим писателям, она восхищалась, как же это здорово написано, когда вошли Энн и мистер Трампер без пиджака.

Миссис Корк уставилась на него в изумлении. Мистер Трампер был из тех аккуратистов, которые всегда одеты ко времени. Без пиджака и галстука он выглядел так, будто выскочил из ванны. Это был уже какой-то нудизм.

— Юстэс! — вскричала миссис Корк.

Мистер Трампер покраснел от ее невысказанного упрека. Миссис Корк могла не говорить, что он вышел за рамки приличий.

— Знаю, Кларисса, знаю, но когда вы услышите, что произошло...

Энн пришла ему на помощь.

— Мистер Трампер застал у себя в комнате вора.

— Вора?

— Да, — отвечал мистер Трампер, гадая, есть ли на свете человек, который, услышав про вора в его комнате, не переспросит: «Вора?».

Миссис Корк заинтересовалась:

— Вы его видели?

— Ну, и да, и нет.

— Что значит, и да, и нет?

— Ну, и да, и нет.

Миссис Корк поняла, что вытянуть из него факты будет непросто.

— Расскажите все с самого начала, — попросила она.

— Не упуская ни одной мелочи, — добавила Энн. — И не забудьте про странный звук.

Мистер Трампер уверил ее, что не забудет. Ему казалось, что он не забудет этот звук никогда, — он будет являться ему во сне до конца жизни, становясь раз от раза все громче и непонятнее.

— Так он издал странный звук? — сказала миссис Корк задумчиво, как будто это придавало делу новый оборот. — Какой же?

Великое дело — тренировка. Мистер Трампер воспроизвел звук с таким реализмом, что обе собеседницы согласились: это в высшей степени странное фырканье и впрямь издал человек.

— Хм, — сказала миссис Корк, обдумывая услышанное, — Наверное, с ним случился припадок. Вы, наверное, испугались?

— Очень, Кларисса. Чуть из кожи не выпрыгнул.

В душе миссис Корк шевельнулась жалость. Ее сердце загрубело от необходимости постоянно следить, чтобы туземные носильщики не затеяли фигли-мигли, но и в нем были слабые места. Одно из этих мест всякий раз затрагивал мистер Трампер. Он казался ей, как Долли Моллой лорду Аффенхему, таким хрупким и беззащитным. В душе закипала неприязнь к грабителю, причинившему ему страх. Миссис Корк подошла к столу и выдвинула ящик, в котором лежал револьвер — лучший товарищ Женщины в дебрях.

— Откуда донесся этот звук? — спросила она, осмотрев барабан и убедившись, что он полон.

— Из шкафа, Кларисса.

— Мистер Трампер думает, что вор спрятался там после того, как взбежал по лестнице, — сказала Энн. — Вы же видели, как кто-то чуть раньше промчался по ступеням?

— Да. Вот почему, Кларисса, на вопрос, видел ли я этого человека, я ответил и да, и нет. Я по-прежнему не уверен, но думаю, это был он.

— Мистер Трампер выходил из бильярдной...

— Да. А он промчался по лестнице. Это было перед тем, как вы с миссис Барлоу вошли через парадную дверь.

— Кто это был?

— Никто.

— Не понимаю.

— Ну, не из знакомых. Миссис Корк задумалась.

— Не мог это быть мистер Эдер? Он бегаёт по лестницам, — сказала она неодобрительно. Подобно мистеру Трамперу, она придерживалась строгого взгляда на поведение сыщиков. Мистер Трампер считал, что они не должны петь в ванной. Миссис Корк предпочла бы, чтоб они не превышали скорости внутри зданий.

- Нет, это был не мистер Эдер.
- Тогда, может быть, Кейкбрэд.
- Сомневаюсь, чтобы он мог взбежать по лестнице.
- Я хочу сказать, в гардеробе. Он вполне способен там спрятаться.

Мистер Трампер сказал: «Да, конечно», имея в виду, что мажордом Шиппли-холла способен на все, но объяснил, что, как бы тому ни хотелось спрятаться в гардеробе, он бы просто туда не влез. Он не знает, видела ли Кларисса его шкаф, но дверца довольно узкая — как раз для щуплого воришки, никак не для Кейкбрэда.

Миссис Корк согласилась с его доводами.

— Верно. Тогда это почти наверняка вор, хотя я не понимаю, что он делает в доме в такой час.

Это было сказано неодобрительно, что естественно для женщины строгих правил. В самых диких уголках Африки никто не врывается в ее палатку раньше положенного часа. Самый неотесанный леопард постеснялся бы заглянуть к ней до отбоя.

— Надо пойти и посмотреть, — сказала она. — Держитесь за мной, Юстэс.

— Хорошо, Кларисса.

— Какая досада, — сказала миссис Корк. — Можно было рассчитывать, что в сельской усадьбе мы от такого избавлены.

Нахмутив лоб, она двинулась по коридору во главе небольшой процессии. Может статься, думала она, что придется задержать обед на полчаса. Миссис Корк любила принимать пищу вовремя. Мысль о нарушенном распорядке, вкупе с обидой на мерзавца, напугавшего бедного маленького Юстэса, придавала ей вид, который не сулил грабителю ничего доброго. Энн, глядевшая на ее прямую спину и крепко сжатый револьвер, невольно пожалела неизвестного воришку.

Если он не совсем тупица, то наверняка заподозрил, что вечер пошел наперекосяк, но еще не знает, какие темные силы выпустил на свободу. Несмотря на здоровый азарт, она искренне желала, чтобы несчастный успел сбежать, хотя и понимала, что в таком случае их всех ждет обидное разочарование.

Однако Шимп не сбежал. Он по-прежнему сидел в шкафу, как долгоносик в морской галете. Даже если вы любите прятаться в шкафах, у этого занятия есть один недостаток: раз забравшись внутрь, вы не можете оценить, что происходит снаружи. Когда он чихнул, а дверца не открылась, и вскоре наступила полная тишина, Шимп пришел к утешительному заключению, что забрался в спальню к глухому. В противном случае тот

непременно услышал бы его «ап-чхи», а Шимп не мог вообразить человека настолько нелюбопытного, чтобы не поинтересоваться источником непонятого звука. Напрашивалась мысль, что владелец комнаты продолжает одеваться и вскоре, закончив туалет, спустится к обеду. Оставалось лишь терпеливо ждать, пока прозвенит гонг. Чтобы скоротать время, Шимп стал думать.

Размышления его были невеселы. Как человек разумный, он заключил, что рассказ мистера Моллоя имел единственной целью заманить его, Шимпа, в ловушку. Лорд Аффенхем был явно предупрежден. Вскоре Шимп представлял себе весь механизм замысла так ясно, как если бы присутствовал на семейном совете четы Моллой. Сказать, что он горел негодованием, значит не сказать ничего.

Шимп Твист не возражал против маленького дружеского обмана. Когда речь идет о крупной сумме, каждая сторона борется за свои интересы. Однако поставить человека лицом к лицу с таким чудищем, как лорд Аффенхем, — это уже непростительная подлость.

Обида Шимпа была направлена главным образом на Долли. Он не сомневался, что весь этот дьявольский план родился в ее мозгу. Шимп, как никто, уважал способность Мыльного продать пустые нефтяные акции самому несговорчивому клиенту, но до такого, чувствовал он, Мыльный не додумался бы и за миллион лет. Каждая деталь плана выдавала женскую руку, и Шимп, и без того небольшой поклонник прекрасного пола, сделал еще один шаг к полному женоненавистничеству.

Он неучтиво думал о том, каким раем был бы мир без женщин, и надеялся, что ему никогда больше не придется говорить ни с одной из них, разве что с официанткой в баре, когда эти сладкие мечтания оборвались так резко, что он от неожиданности стукнулся головой о крюк.

— Выходи! — приказал голос. Несмотря на басовитые раскаты, Шимп сразу понял, что голос этот принадлежит женщине.

Глава XIX

Наступившую тишину нарушал лишь стук, с которым колотилось сердце мистера Трампера. Уподобиться мотоциклетному мотору его заставил отчасти страх, но главным образом — восхищение женщиной, за которой он стоял. Впервые Юстэс Трампер видел миссис Корк в действии, а подлинное зрелище героини не сравнится с самым чарующим рассказом.

Только сейчас он видел все ее великолепие. Вообразите Дездемону, которая не просто слушает о подвигах Отелло, но своими глазами видит его схватку с человеком, у которого голова растет из груди. Мистер Трампер восхищался отважной хозяйкой Шипли-холла и с замиранием сердца ждал, что ответит скрытый в шкафу воришка.

Ждать пришлось долго. Шимп Твист был человек (хотя многие его знакомые сказали бы, что это еще надо доказывать), а людям свойственно надеяться до последнего. Оставалась ничтожная вероятность, что эти слова адресованы не ему. Собаки, напоминал он себе, иногда заходят в комнаты, и женщины их гоняют. Он сидел в шкафу, затаив дыхание.

У миссис Корк не было его выдержки. Натура деятельная, она ненавидела проволоочки, поэтому подняла пистолет и указала дулом на дверцу.

— Эй, в шкафу, — сказала она. — Я — миссис Корк, хозяйка этого дома. Если не выйдете в три секунды, я начну стрелять.

Это было сказано вполне официально, без всякого выражения; впрочем, некоторая натянутость в таких случаях неизбежна. Шимпу было довольно и того, что она вполне ясно и недвусмысленно сообщила, что ждет от него немедленных действий. Не каждый сумеет выскочить из шкафа за три секунды, но Шимп уложился в две с четвертью. Он, словно молоко, выплеснулся на пол, и миссис Корк сурово уставилась на него.

— Так-то лучше, — сказала она. — Ну-с, что все это значит?

Когда она обращала тот же вопрос — на туземном диалекте, конечно, — к спрятавшимся в палатке каннибалам, те обычно теряли дар речи и не знали, куда деться от смущения. Однако Шимп Твист за свою жизнь побывал во множестве переделок, и его не так просто было смутить. За короткое время, данное ему на раздумье, он уже сообразил, как выкрутиться на этот раз.

— Рад познакомиться, миссис Корк, — с непринужденной учтивостью произнес он. — Надеюсь, я не напутал вас и ваших друзей.

Уличенным воришкам не пристала такая развязность. Миссис Корк осадила его взглядом и уже собиралась ответить со всей силой чувства, когда Шимп заговорил снова.

— Мне следовало заранее известить вас о своем появлении, — сказал он, — но я хотел прежде повидаться с тем господином.

— Со мной? — удивился мистер Трампер.

— Нет, сэр, — продолжал Шимп все с той же странной учтивостью. — С господином, который выдает себя за меня. Я — Дж. Шерингем Эдер, миссис Корк. Пару дней назад я встретил нашего общего друга, мистера Моллоя, и очень удивился, узнав, что некто называет себя Дж. Шерингемом Эдером и уверяет, будто купил у меня дело. Естественно, я сказал себе «Э-ге-гей».

Мистеру Трамперу подумалось, что столь странная весть и впрямь могла вызвать этот охотничий возглас. В нем Шимп нашел доверчивого и не критичного слушателя.

— Кто этот человек и что он затеял, мне неизвестно, — продолжал Шимп. — По словам мистера Моллоя, его пригласила мисс Бенедик, которую вы отправили ко мне в контору. С ней я тоже хотел бы поговорить.

— Вот она, — сказал мистер Трампер, с готовностью указывая на Энн, в которой внимательный наблюдатель различил бы признаки некоторого волнения. — Мисс Бенедик, мистер Эдер.

— Добрый вечер, мисс, — сказал Шимп, кланяясь.

— Добрый вечер, — отвечала Энн, хотя мысли ее были в другом месте. Она думала, что надо отыскать Джефа и предупредить о грозящем разоблачении, может быть, даже вывести без вещей через заднее крыльцо.

— Славная погодка.

— Очень.

— Остается надеяться, что она постоит, — сказал Шимп. — А теперь, мисс Бенедик, что случилось, когда вы зашли в мою контору? Полагаю, вы увидели там этого малого? Что он делал?

— Сидел за столом.

— Ну и выдержка у наглеца! Он назвался моим именем?

— Да.

— А что потом?

— Я объяснила цель своего прихода и предложила ему поехать со мной.

— Теперь вы понимаете, миссис Корк, что произошло и почему я здесь. Я хочу увидеть этого наглеца и вывести его на чистую воду. Может

быть, он жулик и хочет вас ограбить, а может, просто юнец, решивший пощекотать себе нервы. Не знаю. Если это юный шутник, я бы не был слишком к нему строг, — великодушно продолжал Шимп. — Выставить, конечно, придется, но я лично на него не в обиде.

Он взглянул на миссис Корк и с болью заметил, что та ничуть не смягчилась.

— Все это, — сказала она, поводя револьвером (чтобы показать, что оружие пока никуда не делось), — не объясняет, зачем вы залезли в мой дом и прячетесь в шкафах. Вы напугали мистера Трампера.

— Да, — подтвердил мистер Трампер. Шимп изумился.

— Так это ваша комната, сэр? Я думал, самозванца.

— Что навело вас на мысль, — продолжала миссис Корк все тем же ледяным тоном, — что эта комната принадлежит, как вы выражаетесь, самозванцу?

— Я поспрашивал у людей. Провел осторожные расспросы, как принято у нас, сыщиков. Однако теперь я вижу, что меня дезинформировали. Простите, что напугал вас, мистер Трампер. Меньше всего я хотел причинить вам неприятности.

— Пустяки, — пробормотал мистер Трампер, тронутый такой заботой. В отличие от миссис Корк, он вбирал рассказ всеми порами кожи. — Не будем больше об этом.

— Трампер? — задумчиво повторил Шимп. — Я как-то добыл уйму важных бумаг для одного Трампера. Случаем, не родственник?

— Вряд ли. У меня осталось совсем мало родственников. Двое или трое кузенов в Оксфорде.

— Славный городишко, Оксфорд.

— Очень милый.

— Старые колледжи, то да се.

— Да. Я окончил Бэйлиол.

— Вот как? Я учился в Штатах.

— Правда? Я там ни разу не был.

— Обязательно съездите.

— Несколько раз собирался.

— Не откладывайте.

Во время этой милой беседы складка на лбу миссис Корк становилась все глубже. Атмосфера приятельства раздражала ее. Она чувствовала, что Юстэс превращает кражу со взломом в обычный светский визит. Ее этот обмен вежливыми фразами совершенно не удовлетворил.

— По-прежнему не понимаю, — сказала она, — почему вы не

подошли к парадной двери и не спросили человека, который якобы выдал себя за вас?

— Чтобы он сбежал?

— Могу ли я заметить, что ваш рассказ, даже если он совершенно правдив, подтверждают только ваши слова?

— Разве? А как насчет моего старого друга Моллоя?

— Простите?

— Охотно.

— Он хочет сказать, — перевел мистер Трампер, — что мистер Моллой за него поручится.

Говорил он без прежней сердечности. Как уже отмечалось, у мистера Трампера были свои сомнения в любвеобильном торговце нефтяными акциями, и Шимп, признавшись в дружбе с мистером Моллом, сразу упал в его глазах.

— Понятно, — сказала миссис Корк. — Да, это все решит. Идемте к мистеру Моллою. Его комната дальше по коридору.

Когда делегация вступила в их комнату, Моллой уже переоделись и раскладывали пасьянс. Вернее, Долли раскладывала пасьянс, а Мыльный стоял над душой и советовал положить вон ту черную десятку на красного валета. Прелестную домашнюю сценку нарушила миссис Корк. Она вошла, ведя Шимпа под дулом револьвера.

— Простите, что потревожила вас, мистер Моллой, — сказала она. — Этого человека я только что застала в шкафу у мистера Трампера. По его словам, он — ваш друг.

На такое утверждение у Мыльного и Долли мог быть только один ответ. Они разом открыли рот, дабы заверить хозяйку, что видят его впервые, когда поймали на себе его предостерегающий взгляд.

— Еще бы. Мы знакомы сто лет. — Шимп хохотнул, как будто припомнил что-то забавное. — Я много мог бы вам рассказать про загадочного дружка Моллоя. Да, уйму любопытного.

Он сопровождал свои слова выразительным кивком. И Долли, и даже ее обычно несообразительный муж, без труда поняли, что это значит. Долли посмотрела на Мыльного и взгляд ее сказал: «Полегче, крошка. Один неверный шаг, и этот жук выложит все про твои акции», а Мыльный посмотрел на Долли и взглядом ответил: «Да».

Он избрал единственно возможный путь и сделал это без промедления.

— Ну да! — сердечно вскричал он, протягивая руку. — Разумеется, он мой старый друг. Как дела, приятель?

Шимп, хоть руки и не взял, ибо Твисты, как и Трамперы, не прощают обид, отвечал, что отлично. Он сказал, что Мыльный отлично выглядит, а Мыльный сообщил, что отлично себя чувствует. Мыльный сказал, что страшно рад видеть Шимпа, а Шимп ответил, что страшно рад видеть Мыльного. Короче, миссис Корк, которая не умела читать мысли, уверилась, что присутствует при встрече современных Дамона и Пифия. У нее не осталось ни малейшего повода для сомнений.

— Так это мистер Эдер, сыщик? — спросила она, чтобы окончательно внести ясность.

— Да. Дж. Шерингем Эдер, лучший в своей профессии.

— А другой кто?

— Ах, — сказал Мыльный. — Вот это нам всем хотелось бы выяснить.

— Надеюсь, ты рассказал миссис Корк, — вставила Долли, — как он уверил нас с мужем, будто купил дело?

— Еще бы!

— И мы поверили, — сказал мистер Моллой. — Глупо, конечно, но поверили.

Долли сказала, что всякий на их месте поверил бы, а Мыльный согласился, что самозванец — ловкая тварь, хитрый, как фургон дрессированных мартышек, и скользкий, как ведро электрических у фей.

Миссис Корк стала еще мрачнее.

— Я пойду и сама с ним разберусь, — сказала она. — Что до вас, мистер Эдер, надеюсь, в дальнейшем вы воздержитесь от прятания в шкафах, даже из самых лучших побуждений. Разумеется, вы переедете в дом. Где вы остановились? В гостинице? Я пошлю туда за вашими вещами. Вы как раз успеете на лекцию об угубуанском мировоззрении, которую я читаю в гостиной после обеда.

— Не стоит хлопотать, — сказал Шимп, которого несколько напугала последняя фраза. — Я могу остаться в гостинице до завтрашнего утра.

— Я распоряжусь, чтобы вам приготовили комнату, — продолжала миссис Корк (она редко слушала собеседника). — Мисс Бенедик...

Она собиралась поручить это Энн, но очаровательный голос не отозвался «Да, миссис Корк». Энн исчезла. Она сбегала по лестнице, чтобы предупредить Джефа.

Миссис Корк с досадой прищелкнула языком и вышла из комнаты, мистер Трампер — за ней.

Только самый невнимательный наблюдатель, вступивший в комнату после ее ухода, счел бы, что видит современных Дамона и Пифия, а если и счел бы, это впечатление развеяли бы первые же слова Шимпа. Его речь

достигла невиданных высот красноречия; особенно удался отрывок, в котором он живо обрисовал мистера и миссис Моллой, какими они представляются его глазам.

Для Мыльного и Долли, однако, в этом спиче главным показалось не вступление, а заключительная часть, в которой Шимп уже без лишних красот сообщил, что порывает всякое общение с синдикатом и намерен открыть конкурирующую фирму.

— Я бы не стал, Шимпи, — сказал мистер Моллой, чувствуя, что это еще больше запутает и без того непростую ситуацию.

— А вот я стану! — пронзительно выкрикнул Шимп. Кончики его усов подрагивали от обиды. — Я в доме. Зачем мне делиться с вами, жуликами?

Мыльный покачал головой, горюя, что друг до сих пор не понял, где его выгода.

— Я бы не стал торопиться, — посоветовал он. — Не надо лезть в бутылку. Взгляни на вещи шире. Может быть, то, что я тебе рассказал, и не совсем правда, но мадам за последние дни и впрямь очень сдружилась с лордом Кейкбрeдом. Правильно я говорю, киска?

— Правильно, — подтвердила Долли. — Нас теперь водой не разольешь.

— В любую минуту он может вспомнить, куда дел стекляшки. А как только вспомнит, сразу расскажет своей маленькой подружке. Так что на твоём месте, Шимпи, — продолжал мистер Моллой, — я бы не порол горячку. Держись за нас. Мы — одна команда. А что мы тебе подсуропили, то, видишь ли, дело было так. Мадам — женщина горячая, ну, увлеклась немного. Но ты не дуйся. Это не повод рвать деловые отношения. Себе дороже станет.

Он подобрал верные слова. Скупые, точные, те самые, которых требовала минута. Дело для Шимпа всегда было главным, и, когда речь шла о работе, он редко поддавался чувствам. Если Долли и впрямь может первой услышать откровения лорда Аффенхема, то ему, Шимпу, лучше держаться поближе.

— В этом что-то есть, — сказал он, помолчав. — Определенно что-то есть. Только послушайте, что я вам скажу. Чтобы дальше без Доллиных шуточек. Если я захочу посмеяться, куплю юмористический журнал.

— Конечно, — сказал мистер Моллой.

— Точно, — подхватила миссис Моллой.

— Заметано, — сказал мистер Твист. Пошатнувшийся было синдикат возобновил работу.

Глава XX

Тем временем Энн, добежав до комнаты Джефа, застала ее пустой. Джеф, как и миссис Корк, наряжался быстро; он давно вытерся, оделся и вышел в сад насладиться тем, что знатоки считают лучшей частью летнего дня. Очищенный своей великой любовью, он в последнее время очень полюбил сумерки.

Энн, не подозревавшая в нем такой романтичности, решила, что он пошел к дяде в буфетную пропустить стаканчик портвейна. Туда она и направилась.

Лорд Аффенхем неподвижно стоял посреди комнаты, закрыв глаза и держа в руках деревянную рогульку.

— Добрый вечер, дорогая, — сказал он. — Смотри, что я нашел вчера в прихожей. Лет пятьдесят, наверное, провалялась. Это еще отцовская. С ней ищут воду. Держишь вот так, и, если рядом вода, она начинает извиваться. Мальчиком я пробовал, но так и не понял, работает ли.

Энн не интересовали поиски воды. Она хотела найти Джефа.

— Ты видел мистера Эдера? — запыхавшись, спросила она.

— Нет, — отвечал лорд Аффенхем, — но если ты его найдешь, пришли ко мне. У меня для него работка. Очень странно. Я стоял здесь, закрыв глаза, думал о воде и ждал, когда эта штука задержится, и вдруг в мозгу мелькнуло слово «пруд». Слово «пруд», — с выражением повторил лорд Аффенхем. — Это чертовски важно.

— Мой ангел, мне нужно найти мистера Эдера.

— Его зовут не Эдер.

— Знаю.

— Его зовут... Нет, — сказал лорд Аффенхем, помолчав. — Я думал, что помню, но ошибся. Если бы ты спросила минуту назад, я бы сказал. Что-то вроде Уиллард или Тиллер. Так вот, я говорил о том, что в мозгу у меня мелькнуло слово «пруд». Насколько я знаю, в Шипли всего один пруд, в нижней части сада. Скорее всего, там я и спрятал алмазы — в водонепроницаемом ящике, или в жестянке из-под печенья, или в чем-нибудь таком. Место должно было напрашиваться само, потому что остальные я к тому времени почти все перебрал. Теперь я припоминаю, как бродил по берегу вечером. Думаю, это была одна из лучших моих идей. Раздобудь юного Тиллера и скажи, чтобы он завтра с утра пораньше пошарил в воде. Заодно сможет не принимать ванну.

— Завтра утром его здесь не будет.

— Э? Почему?

— Милый, случилось самое ужасное. Вот почему я его ищу. Объявился настоящий.

— Настоящий кто?

— Настоящий Шерингем Эдер. Мистер Трампер нашел его у себя в шкафу. Жуткий человечек с нафабранными усами.

Лорд Аффенхем заинтересовался.

— Так вот кто был этот червяк!

— Ты что, его видел?

— Еще бы. Имел с ним долгий разговор касательно усов. Знаешь, отчего они так торчат? Он мажет их кремом для бритья. Сам мне сказал. «Чем вы мажете эту гадость, — спросил я, — сапожным кремом?». А он ответил, нет, просто кремом для бритья или туалетным мылом. Лопни кочерыжка, сказал я, чего только на свете не увидишь, и уже собрался скрутить ему шею, но он ускакал, как заяц. Говоришь, спрятался у Трампера в шкафу? Жаль, я не знал.

— Как получилось, что вы встретились?

— Эта милая маленькая дама, миссис Моллой, предупредила, что он будет обыскивать мою комнату, вот я его и подстерег. Это наймит Трампера.

— Он не имеет к мистеру Трамперу ни малейшего отношения.

— Имеет, имеет. Трампер подкупил его своим золотом. Миссис Моллой мне сказала.

— Ладно, неважно, мне некогда спорить. Надо найти Джефа. Куда он запропастился?

— Кто такой Джеф?

— Мистер Уиллард или Тиллер, как ты его называешь.

— Может быть, Спиллер.

— Да как угодно. Главное, я должна его найти. Нельзя, чтобы миссис Корк обрушилась на него без предупреждения. Это слишком ужасно.

Лорд Аффенхем надолго задумался.

— Значит, его имя Джеф?

— Так он мне сказал.

— И ты его так зовешь?

— Когда вообще зову.

— Быстро вы перешли на имена. Так я и предвидел. Ты в него втюрилась.

— Ангел мой, не пори чепухи. Сейчас не время. Где, по-твоему, он

может быть?

— Имена, — задумчиво повторил лорд Аффенхем. — Лучшее подтверждение. Если, разумеется, это происходит достаточно скоро. Когда женщина начинала звать меня «Джорджи», стоило два раза вместе позавтракать и прокатиться на такси, я сразу понимал: это начало конца. Джеф, н-да! А вся эта суета, беготня, заламывание рук и крики: «Где он? Я должна его спасти! Я должна его спасти!». Ты по нему сохнешь.

— Неправда!

— И это очень хорошо. Я рад. Вот человек, который тебе нужен. Он не даст тебе соскучиться. От своего сантехника ты бы взвыла через неделю. Кстати, тебе будет непросто сказать ему, что ты передумала, но тут уж сама виновата. Разве я не твердил тебе, что ты рехнулась, если вздумала выйти замуж за этого хлыща? А ты заладила, что он — твой идеал. В чем главная беда с такими, как Лайонел Грин? — глубокомысленно заключил лорд Аффенхем. — Когда на него смотришь и тебе не хочется его сразу пнуть, то думаешь, «наверное, это любовь».

— Милый, перестань молоть вздор. Я по-прежнему люблю Лайонела.

— Как это, по-прежнему? Когда на горизонте появился замечательный молодой Спиллер? Не понимаю. — Лорд Аффенхем потряс могучей головой. — Значит, он меня не послушался. «Что вам надо сделать, Спиллер, — сказал я, — это схватить и крепко прижать ее к сердцу. Крепко, Спиллер, чтобы ребра повывлетали».

У Энн кровь прилила к щекам. Прошло всего несколько часов с тех пор, как Джеф держал ее в объятиях, почти таких крепких, как желал дядюшка. Хотя Энн повела себя с девичьим достоинством, удовлетворившим бы Эмили Пост,^[20] она со стыдом сознавала, что не ощутила должного отвращения. На миг, пока она не вспомнила о своих чувствах к Лайонелу Грину, у нее возникла иллюзия, будто она испытывает нечто, не лишенное определенной приятности.

Лорд Аффенхем погрузился в молчание. У него был вид человека, который вознамерился разрешить загадку до конца.

— Он тебя уже целовал?

— Нет, конечно.

— Чтоб мне провалиться!

— А ты ему советовал?

— Разумеется. Я смотрю на него, как на сына; не помню, чтобы мне кто-нибудь так нравился. Я считаю своим долгом ему помогать.

Энн набрала в грудь воздуха и в упор взглянула на дядюшку. Дядюшка послабее съежился бы под этим взглядом.

— Ясно. Значит, если мистер Спиллер вдруг подхватит меня, как мешок с углем, я должна буду благодарить тебя.

— Не стоит благодарностей. Рад помочь. Соединить молодых. Жизненный опыт говорит мне, что так надо поступить, вот я и посоветовал юному Миллеру.

— Его зовут Миллер или Спиллер?

— Миллер. Только что вспомнил.

— Откуда ты знаешь, как его зовут?

— Узнал в первый же день, как он приехал.

— А мне почему не сказал?

— Забыл.

— Как ты узнал?

— Я зашел к нему в комнату, просто посмотреть, хорошо ли его устроили. На столе лежала книга с подписанной первой страницей. Странно, мне казалось, я где-то слышал эту фамилию. Дж. Дж. Миллер.

— Что?!

— Не могу тебе сказать, почему мне кажется знакомым сочетание Дж. Дж. Миллер. У меня память, как стальной капкан, но порою она подводит.

Энн словно ударило током. Она вылупилась на дядюшку. Конечно, могло быть, что это другой, ни в чем не повинный Дж. Дж. Миллер, но ей в это не верилось. Фамилия Миллер довольно распространена, но совпадение инициалов настораживало.

— Ты уверен?

— Конечно, уверен. Теперь я вспоминаю, как эта дура-кухарка говорила о Дж. Дж. Миллере, который что-то такое сделал. И еще, мне кажется, у меня был разговор на ту же тему с подколотной змеей Трампером.

— Ой!

Энн подпрыгнула. Ее память, куда более цепкая, чем у дяди, только что напонила, где она видела Джефа. Теперь у нее не оставалось сомнений, что это — тот самый человек, которого миссис Корк мечтала задушить собственными руками и к которому она сама питала самую жгучую ненависть после злоключений Лайонела Грина в суде.

Она устремилась к дверям. Лицо ее приняло решительное выражение, глаза горели угрозой, совсем как у миссис Корк.

— Ты пошла? — спросил лорд Аффенхем.

— Да. Я хочу поговорить с мистером Дж. Дж. Миллером.

— Ладно, не забудь сказать ему про пруд.

— Я попрошу Лайонела завтра там поискать.

— Лайонела? — возмутился лорд Аффенхем. — Что проку от Лайонела? Он побоится замочить ноги. Даже если ты притащишь его на берег и столкнешь в воду, он кита не сможет найти, не то что коробку с алмазами. Бога ради, не полагайся ты на этого хлюпика. Если хочешь знать, что я думаю о Лайонеле Грине...

Однако Энн не заинтересовалась его мнением. Ей пришло в голову, что Джеф может быть в саду.

Глава XXI

Выходя из дома, Джеф первоначально хотел покурить на лужайке, однако внезапное появление мистера Шепперсона, человека с вихляющимися ногами, заставило его переменить планы. Можно было понадеяться, что мистер Шепперсон не скажет «Чудный вечерок» и не затеет разговор, но для влюбленного, который хочет остаться наедине со своими мыслями, риск был слишком велик.

Соответственно, он унесся прочь, как антилопа от миссис Корк, и уничтожил опасность в зародыше. Несколько минут он в глубокой задумчивости прохаживался по дорожке, обсаженной рододендронами.

Неделю назад мысли Джефа занимали бы таинственный китаец, ночные выстрелы и инспектор Первис, который, набрав в грудь воздуха, восклицает: «Это человеческая кровь!» Однако сейчас он думал об Энн и пытался вспомнить, что там после строчки «Выйди в сад вечерний, Мод».

[\[21\]](#)

За этим его и застала Энн, когда вышла в сад, озирая окрестности, словно львица в поисках добычи. По пути из буфетной на лужайку ее желание поговорить с Джефом ничуть не остыло.

Навстречу ей вихляющей походкой направился мистер Шепперсон.

— Чудный вечерок, — сказал он.

— Да, — отвечала Энн. — Я ищу мистера Эдера.

— Думаю, вы найдете его на рододендроновой дорожке. Когда я вышел из дома, он был на лужайке, но торопливо ушел. Жаль, — заметил мистер Шепперсон, — я как раз думал поболтать. Обед, кажется, задерживается.

— Да. Там мелкие неприятности.

— Ох-ох-ох, — сказал мистер Шепперсон; ему хотелось шпината.

Энн снова пустилась по следу.

На рододендроновой дорожке было почти темно. Прочные бастионы цветущих кустов заслоняли догоравшее небо, над мшистой тропкой висел усеянный звездами синий полог. Тем не менее Джеф сразу увидел Энн и, не подозревая о грозящей опасности, ринулся к ней навстречу. Он с трудом верил в свое счастье. Душа его парила, слова рвались из груди.

— Поразительно! — воскликнул он. — Только я сказал: «Выйди в сад вечерний, Мод» — и тут появляетесь вы. Другие назвали бы это совпадением, но я склонен видеть здесь передачу мыслей. Вы знаете, что

там дальше?

— Где?

— После «Выйди в сад вечерний, Мод».

— Не знаю.

— В вашем домашнем образовании — явные пробелы. Вам надо было отправиться в Роудин, там бы вас накачали под завязку. О, Господи! «У ворот стою один»!

— Что вы такое несете?

— Это четвертая строка. Значит, вторая должна кончаться на «льдин», «седин», «господин» или что-нибудь в том же роде. Мы подбираемся ближе.

Энн почувствовала, что события развиваются в неверную сторону.

— Я пришла не для того, чтобы говорить о поэзии.

— Неважно, зачем вы пришли. Главное, вы здесь. Это прекрасно.

— Я должна вам кое-что сказать.

— Я тоже. У нас будет долгая, уютная беседа. Энн попыталась зайти с другой стороны.

— Мой дядя...

— Дай ему Бог здоровья.

— ...только что сообщил мне ужасную вещь. Джеф сочувственно кивнул.

— С ним такое бывает, — сказал он. — И все равно это настоящий английский джентльмен старой закваски.

— Слушайте!

— Слушаю.

— Он сказал, что был в вашей комнате.

— Ничего страшного. Передайте ему, пусть заходит туда, как в свою.

Энн начала притоптывать ногой по мшистой дорожке, жалея, что из-за темноты Джеф не видит ее лица. Выражение рассчитанной суровости, чувствовала она, вызвало бы расспросы и позволило быстрее перейти к сути.

— Если вы дадите мне закончить...

— Конечно, конечно. Продолжайте.

— Спасибо. Дядя недавно заходил в вашу комнату. На столе лежала книга. Он взял ее и взглянул на первую страницу.

Эйфория Джефа пошла на убыль. Он корил себя за беспечность, с которой оставил подписанную книгу в таком месте, где ее мог увидеть прославленный своей любознательностью шестой виконт Аффенхемский. Он начал понимать, почему ему в некоторые моменты разговора казалось,

что Энн, против обыкновения, не в духе.

— Да? — осторожно спросил он.

— Там было имя. Дж. Дж. Миллер.

— А, эта...

— Что значит «а, эта»?

— Значит, что книга Миллера. Давно собираюсь вернуть.

— А, ясно, — сказала Энн очень ласково и тихо, словно ее позабавило мелкое недоразумение. — Так это не ваша книга?

— Нет. Моего друга Дж. Дж. Миллера.

— Я думала, это вы Дж. Дж. Миллер.

— Нет-нет. Моя фамилия Далримпл. Джеффри Далримпл.

— Ясно.

Энн на мгновение замолчала. Она подняла глаза к небу, дивясь, что молния не ударит с вышины и не испепелит лжеца. Ее ярость сменилась странным затишьем, как бывает с чайником, слишком долго кипевшим на плите.

— Так ваше имя Далримпл?

— Да. Но продолжайте звать меня Джефом.

— Но вы знаете мистера Миллера?

— Да, немножко. Славный малый.

— Неужели?

— Я кое-что вам о нем расскажу. Он — трепло. У него язык без костей. Главное, не судить его по тому, что он несет. Например, если он любит девушку, та может усомниться в его серьезности. Она может решить, что он подшучивает, оттого что он болтает о том, о сем и никак не может перейти к главному. Может даже показаться, что он просто любит слушать свой голос. На самом деле это просто робость.

— Робость?!

— Вы не поверите, но я очень робок.

— Мне казалось, вы говорите о мистере Миллере.

— Да. Запутался. Мы с ним очень похожи.

— Примите соболезнования.

— Э?

— По-моему, мистер Миллер — один из самых гнусных людей на земле.

— Ну, что вы!

— Посмотрите, как он обошелся с племянником миссис Корк. Может быть, он вам рассказывал?

— Вы о деле «Пеннифадер против Тарвина»? Кажется, он что-то такое

упоминал.

— Так ваша фамилия Далримпл?

— По-моему, вы уже спрашивали.

— Просто меня это удивляет.

— Удивляет? А, вы думали, будто моя фамилия — Эдер? Нет, Эдер — мой псевдоним.

— Тогда, наверное, в программке была опечатка.

— В какой программке?

— В программке матча между Англией и Шотландией в Твикенхеме.

Джеф на мгновение замолчал.

— Вот как? — сказал он. — Вы там были?

— Да. Там-то я вас прежде и видела. Вы играли за Англию, и в программке было написано Дж. Дж. Миллер.

Джеф замолчал надолго. Он думал возмутиться оплошностью распорядителей матча, потом решил, что не стоит.

— Я понял, — сказал он. — Это в значительной мере подрывает теорию Далримпла.

— Да уж.

— Мне, наверное, следует внести ясность.

— Если вы считаете это нужным.

— Меня зовут Дж. Дж. Миллер.

— Что я вам и говорила.

— Да. Надо же, вы были тогда в Твикенхеме! Хорошая была игра, как вы думаете? Нам повезло, что мы не продули. Крепкие ребята, эти шотландцы. Удивительное дело: образование в Метчинсоне, Феттесе, Лоретто и подобных заведениях воспитывает твердость колен и умение прошибать грудную клетку навылет. У меня еще несколько недель все болело. Не знаю, насколько вы разбираетесь в американском футболе, но я был полузащитником, и мне выпала обязанность бросаться на мяч. Впредь я намерен коллекционировать старинный фарфор.

Энн снова начала постукивать ногой о дорожку.

— Жаль, эти шотландцы вас не убили, — процедила она сквозь зубы. Миссис Моллой, крупная в этом специалистка, ее бы одобрила.

К Джефу начала возвращаться прежняя уверенность трубадура. Он убеждал себя, что, хотя вопрос еще не улажен, все может закончиться хорошо. Люди, напоминая он себе, выкручивались и не из таких переделок. Взять хоть его первый детектив. Там героиня порвала с героем — одноглазый китаец сказал ей, будто он, герой, убил ее брата Джима. Разыгралась бурная сцена, она пообещала герою никогда его больше не

видеть и даже вспоминать не иначе как с отвращением. Однако в последней главе все уладилось.

— Может быть, дядя говорил вам, что я помолвлена с Лайонелом Грином?

— Да, говорил. Я был в ужасе.

— Вот как?

— В полнейшем ужасе. Если вы внимательно читали отчет о деле «Пеннифадер против Тарвина», то хорошо представляете, что такое Вонючка Грин.

— Как вы смеете так его называть!

— В школе его все звали Вонючкой. И не зря. Никакая человеческая сила не могла загнать его в ванну. Уверяю вас, многие в Альма Матер предпочли бы, чтобы Лайонел Грин получил домашнее образование.

У Энн было столько ответов на это гнусное обвинение, что она не знала, какой выбрать, и, разумеется, выбрала самый неудачный.

— Не говорите глупостей. Лайонел все время моется.

— Понятное дело, наверстывает.

На Энн, как в свое время на мистера Моллоя, накатило неприятное чувство, что у Джефа на все есть ответ. Будь дорожка под ней potvrжде, погулче, она бы снова топнула ногой.

— Нет, нет, — сказал Джеф. — Вы не должны выходить за Лайонела Грина. Мы найдем вам кого-нибудь получше.

Энн решила быть холодной и язвительной.

— Вас, может быть?

— Точно. А что? Я вас люблю. Я полюбил вас, как только увидел. С первого мига, когда вы вошли в контору, словно луч...

Энн решила, что лучше быть резкой и безразличной.

— Мне некогда стоять здесь и говорить глупости, — сказала она. — Я пришла сообщить, что знаю, кто вы, и что вам лучше уехать как можно скорее.

Джеф совсем расстроился.

— Уехать? Все твердят, чтобы я уехал. Я предпочел бы не уезжать.

— Однако придется. Здесь настоящий Шерингем Эдер. Когда я уходила, он говорил с миссис Корк. Она вас ищет.

Джеф некоторое время стоял, обдумывая эти слова. При всей своей изобретательности он видел, что это сильно осложняет дело. Миссис Моллой непременно поинтересовалась бы, что он теперь запоем.

— Я решила, что вас надо предупредить.

— Очень тронут.

— Вы когда-нибудь видели миссис Корк на тропе войны?
— Пока нет.
— Скоро увидите.
— Она злится?
— Немножко.
— Недовольна, что я ее обманул?
— Да.
— Надо будет с ней объясниться.
— Как?
— Скажу ей правду.
— Вы умеете говорить правду?
— Я говорил правду, когда сказал, что люблю вас. «Ах, миссис Корк...», — начну я.
— С легким смешком?
— Да, с легким смешком. «Ах, миссис Корк...»
— Прошлый раз вы дальше этого не ушли.
— «Ах, миссис Корк, я вас повсюду искал. Мне сказали, вы недовольны, что я проник к вам под видом Дж. Шерингема Эдера. Уверен, вы поймете меня, когда узнаете факты. Я люблю мисс Бенедик и приехал сюда ради нее. Я не мог быть от нее вдали».
— Думаете, это ее успокоит?
— Конечно. Весь мир любит влюбленных. К тому же она вбила себе в голову дурацкую мысль, будто вы без ума от Лайонела Грина, и на радостях, что это не так, сразу меня простит.
— Бесполезно повторять, что я люблю Лайонела?
— Совершенно бесполезно.
— Тогда я пошла.
— Вы не ответили на мой вопрос.
— Какой вопрос?
— Я просил вас выйти за меня замуж.
— Правда? Не помню.
— А зря. Речь зашла о вашем будущем муже, и вы предположили, что я мог бы претендовать на это место. И я сказал, да, как насчет этого?
— Вот как? Это было предложение?
— Да.
— Так вот, ответ отрицательный.
— Вы не выйдете за меня замуж?
— Нет.
— Почему? Господи, вы же должны видеть, что мы созданы друг для

друга!

— Не заметила.

— Напрасно. Посмотрите, как у нас сразу все здорово пошло. Никакой неловкости. Просто двое близких людей встретились и подбирают нити, связывавшие их в прошлом существовании. Вы помните, мы согласились, что знали друг друга в прежнем рождении.

— Когда вы были королем Вавилонским.

— И каким! С трубкой, кубком, скрипачами и трубачами. Тогда вы согласились выйти за меня замуж.

— Нет.

— Да. Я все вспомнил.

Энн внезапно очнулась. Она поняла, что ведет себя совершенно неправильно и рискует из львицы плавно превратиться в овечку.

С самого начала все пошло не по плану. Она собиралась уничтожить Джефа несколькими сокрушительными словами, резко повернуться и уйти, оставив его корчиться от стыда. Вместо этого она позволила втянуть себя в дурацкую болтовню, которая, честно признаться, всегда ей нравилась, — хуже того, нравилась и теперь. Обнаружив, к своему стыду, что улыбается, Энн поспешила сделать каменное лицо.

— Ну что ж, прощайте, — сказала она. Джеф изумился.

— Вы же не уходите?

— Я только пришла предупредить, что миссис Корк жаждет вашей крови, а вы уж решайте, как быть дальше.

— Я сказал. Объясню ей все.

— Если успеете.

— Думаете, она нажмет на курок раньше, чем выслушает мои объяснения?

— Вам повезет, если вы успеете сказать: «Дальнейшее — молчанье».

— Дальнейшее что?

— Молчанье.

— А зачем мне это говорить?

— Я полагала, вы захотите сказать предсмертную речь, как Гамлет. Герой одноименной пьесы Вильяма Шекспира, — сказала Энн и внезапно поняла, что вновь скатывается на болтовню. — Прощайте, — объявила она, призывая себя к порядку.

— Нет, не уходите, — попросил Джеф. — Я хотел бы побеседовать о вашем домашнем образовании. Вы признались, что не знаете «Выйди в сад вечерний, Мод», но шпарите Шекспира с любого места. Я должен проверить. Какие главные реки Англии? Не вздумайте ответить «Овчина,

воск и пенька», потому что это неверно.

— Прощайте.

— Что вы затвердили «прощайте»? У вас была гувернантка? Или вас учил дядя?

— Я не собираюсь стоять здесь и с вами разговаривать. Я вообще не хочу с вами говорить после того, как вы обошлись с бедным Лайонелом.

— Я его прищучил, верно? Как он извивался и корчился под моим испепеляющим взглядом! Если бы рефери все время не дул в свисток и не останавливал мою руку, к концу заседания от Лайонела Грина осталось бы мокрое место. Поделом ему: не надо было плести, будто я сплю в носочках.

— Что?

— Эту гнусную ложь он распространял обо мне, когда мы вместе учились. Мне потребовались годы, чтобы обелить свое имя и стать героем школы. Кстати, я рассказывал, как это случилось?

— Нет. И я не хочу слушать.

— Это был главный матч сезона. Мы играли с нашими лютыми врагами — девочками из школы Св. Этельберты. Игра шла к концу, мы вели с минимальным отрывом. И тут их капитан — здоровенная очкастая девочка по имени Флосси — хватает мяч под мышку, а между ней и голевой линией — только я. Естественно, встает вопрос: «Сдюжит ли Дж. Дж. Миллер?». Зрители замирают. Так вот, я не сдюжил. Она пробежала за линию, и мы продули. Никогда не забуду этого дня.

— За что же вы стали героем школы?

— Другой школы. Св. Этельберты. Но вернемся к вашему домашнему образованию. Вас учил дядя?

— Нет.

— Жаль. У него бывают здравые мысли.

Внезапно Энн вздрогнула. В дальнем конце дорожки, черные на фоне закатного неба, показались крупная женщина и маленький мужчина. Даже в вечерних сумерках она видела, что это миссис Корк и мистер Трампер.

— Он велел вас поцеловать, — сказал Джеф.

Голос его немного дрожал. В продолжение всего разговора, глядя на Энн в сгущающейся тьме, он все больше и больше склонялся к теории лорда Аффенхема. Недоставало последнего толчка, чтобы завершить его обращение.

— Ой! — вскричала Энн. — Вот она идет. Джеф обернулся и тоже увидел миссис Корк.

— Да, — сказал он. — Вот она крадется.

Джеф, как инспектор Первис, набрал в грудь воздуха. Появление

миссис Корк решило все. Он собирался объяснить, что в Шиппли-холл его привела любовь к Энн. Теперь долгих слов не потребуется. Она все увидит своими глазами.

Энн беззвучно вскрикнула и отскочила, но недостаточно далеко. Полузащитник ловил мячи, посланные лучшими футболистками школы Св. Этельберты, и ему ничего не стоило поймать Энн. Миссис Корк, которая, как боевой галеон, под всеми парусами всплыла на рододендроновую дорожку, замерла, не зная, верить ли своим глазам. Писк, раздавшийся за спиной, убедил ее, что мистер Трампер своим верит.

Энн пробежала мимо и растворилась в сумерках.

— О! — сказала миссис Корк.

— Господи! — сказал мистер Трампер. Джеф в явном смущении направился к ним.

— Простите, миссис Корк. Я думал, мы одни.

Миссис Корк не часто теряла дар речи, но сейчас с ней это случилось, и Джеф продолжал, таким приятным и убедительным голосом, что мистер Трампер совершенно распался. Душа Юстэса Трампера таила в себе неисчерпаемый клад сентиментальности.

— Миссис Бенедик сейчас рассказала мне, что наш маленький обман раскрылся. Она немножко расстроилась, и я попытался ее утешить. Я сказал, когда вы узнаете правду и поймете, что мной двигала невозможность жить вдали от мисс Бенедик, вы меня простите. Да, нехорошо вас обманывать, но любовь есть любовь, миссис Корк.

— Ах! — сказал мистер Трампер.

Миссис Корк набрала в грудь воздуха. Мужественные объяснения Джефа не пропали втуне. Она решила, как сказал бы мистер Моллой, взглянуть на вещи шире. Открытие, что тревожные догадки насчет Лайонела и Энн оказались беспочвенными, наполнило ее таким облегчением, что не оставило место ни для чего другого.

— Я должна была бы очень на вас рассердиться, — сказала она.

— Да, конечно. Никто вас не осудит, если вы укажете мне на дверь.

— Я собиралась это сделать.

— Но не сделаете? Теперь, когда знаете правду?

— Нет. Можете оставаться.

— Спасибо, — сказал Джеф. — Я знал, что могу рассчитывать на женское сердце.

Он исчез, а миссис Корк на мгновение застыла в глубокой задумчивости.

— Странный молодой человек, — сказала она.

— Очень необычный, — согласился мистер Трампер.

— Ладно, — сказала миссис Корт, — он снял камень с моей души. Я была убеждена, что мисс Бенедик бежит за Лайонелом. Теперь я могу дать ему деньги, которые он просил. Прямо сейчас пойду и скажу. Милый мальчик совсем извелся.

Мистер Трампер в молчании прошел с ней до дома. Неприязнь к человеку, бросившему его в трудную минуту, ничуть не рассеялась, и он жалел, что счастливая развязка выпала на долю самого недостойного персонажа.

Глава XXII

Лайонел Грин был у себя в комнате, брызгал волосы бриллиантином, когда тетушка пришла известить его о своем решении. От радости он едва не выронил флакон. Все последние дни он метался между отчаянием и надеждой. Порой ему казалось, что все устроится, но чаще — что ни одна тетушку, даже самая любящая, не согласится выложить такую огромную сумму. Теперь все внезапно закончилось хорошо.

Радость его не уменьшилась, даже когда стало ясно, что благотельница не дарит ему деньги, а дает в долг под немалые проценты с возвратом через определенный срок.

— Можете не сомневаться, тетя Кларисса, — с жаром пообещал он, — через пару лет я все верну. Магазин Тарвина — золотая жила. Нет слов, чтобы вас отблагодарить. Когда несколько дней назад я завел этот разговор, мне показалось...

— Тогда я была в сомнении. — Миссис Корк немного помолчала, потом решила сказать все начистоту. — Не скрою, Лайонел, до сего вечера меня преследовала нелепая мысль, будто между тобой и мисс Бенедик что-то есть.

Сейчас, разумеется, Лайонел Грин должен был пылко сознаться в своей любви — вряд ли он мог рассчитывать на более подходящий повод. Однако он только рассмеялся и заметил, какие странные у тетушки фантазии.

Миссис Корк признала свою вину.

— Да, теперь я все поняла. Она влюблена в молодого человека, который зовет себя Эдером.

— Что?!

— Я только что их видела, они целовались на рододендроновой дорожке. У меня камень с души свалился. Я не потерпела бы никаких глупостей между тобой и мисс Бенедик. Я не могу позволить тебе связаться с нищей девицей, пусть даже из самой лучшей семьи. Когда выяснилось, что все хорошо, я тут же решила дать тебе эти деньги. Завтра же поедем в Танбридж-веллс и составим бумагу. А теперь мне надо пойти к миссис Клегхорн, сказать, чтобы повременила с обедом.

Она быстро вышла из комнаты, радуясь, что избежала бурной сцены. Лайонел, рассеянно сбрызгивая бриллиантином и без того достаточно умощенные волосы, принялся рассматривать свое положение со всех

возможных сторон.

Чувства его были противоречивы. Мало радости узнать, что твоя невеста целовалась с твоим личным врагом. С другой стороны, он понимал, что все случилось как нельзя кстати. Тетка явно дала понять, что именно это решило вопрос о ссуде.

Довольно скоро Лайонел пришел к заключению, что все обернулось к лучшему. Он принялся мурлыкать себе под нос и уже раздумывал, не сбрызнуть ли бриллиантом усы, когда отворилась дверь, и вошла Энн.

Последние четверть часа она расхаживала по террасе, охваченная, как и Лайонел, противоречивыми чувствами, однако, в отличие от него, не находил в случившемся никакого просвета. Меньше всего на свете она была расположена мурлыкать себе под нос.

Вспоминая о Джефе и рододендроновой дорожке, она дрожала от ярости и возмущения. В то же время в ней, странное дело, росла досада на Лайонела. Он бы удивился, узнав, что Энн испытывает к нему почти жгучую неприязнь.

В минуты душевных потрясений и неприятностей, женщины, распределяя вину и назначая ответственных, склонны не ограничиваться кем-то одним. Жена, которая приехала в пять пятнадцать к поезду, уходящему в пять десять, справедливо злится на мужа, но непременно найдет словечко-другое и для носильщика. Она чувствует, что он мог бы позаботиться и задержать поезд на пять минут.

То же было сейчас и с Энн. Будь она героиней упомянутого романа и сестрой несчастного Джима, ее решимость больше не разговаривать с Джефом вряд ли была бы крепче, однако немалая часть переполнявшей ее досады выплеснулась на Лайонела.

Такого бы не случилось, думала она, если бы не его осторожность. Она вошла в комнату, настроенная поговорить начистоту и потребовать, чтобы он поступил мужественно и честно, невзирая ни на какие последствия.

При виде Энн Лайонел не пришел в неопиcуемый восторг, как пристало пылкому влюбленному. Всю радость при мысли о завтрашнем визите в Танбридж-веллс смыло волной паники. Он не вскричал «Она пришла, моя, моя желанная!», но подпрыгнул, как горошина на сковородке, разбрызгивая во все стороны бриллиантин.

— Господи! — воскликнул он. — Какого черта ты здесь делаешь?

Если бы он неделями тренировался и подбирал возможное начало для разговора, вряд ли бы ему удалось отыскать менее подходящее. Энн нуждалась в ласке и утешении, а в языке едва ли есть слова менее

утешительные, чем «какого черта ты здесь делаешь?» Она вздрогнула, как от осинового укуса или поцелуя на рододендроновой дорожке, и погрузилась в зловещее молчание.

— Я просил бы тебя впредь быть осмотрительней, — сказал Лайонел Грин. — Ты могла столкнуться с тетей Клариссой. Она только что от меня вышла.

— Понятно, — сказала Энн. — Мне очень жаль.

Она говорила так тихо, так кротко, так походила на пристыженную маленькую девочку, что любой чуть поопытнее Лайонела Грина вскарабкался бы на шкаф. Однако, как ни трудно в это поверить, Лайонел Грин не почуял опасности. Он не умолк; его визгливый голос стал от обиды еще визгливее:

— Я тебе сто раз говорил, что нас не должны видеть вместе. Сто раз. Теперь это еще важнее. Тетя Кларисса обещала мне деньги. Затем и приходила. Я их еще не получил, и она в любую минуту может передумать. Ты все ставишь под удар, как будто я тебе не говорил.

— Сто раз?

— Да, — подхватил Лайонел Грин, радуясь удачному обороту. — Сто раз.

И вновь Энн пробила дрожь, словно оса прилетела по второму заходу или Джеф поцеловал ее дважды.

— Ясно, — сказала она все так же тихо, так же кротко, с тем же выражением виноватой мамочкиной помощницы. — Мне очень жаль.

— Ты твердишь, что тебе очень жаль, а сама по-прежнему стоишь здесь. Вдруг она вернется?

— Я скажу, что пришла одолжить твой бриллиантин. Лайонел понял, что по-прежнему держит флакон в руке.

Он подошел к умывальнику и поставил бриллиантин на место.

— Это не шутки, — холодно сказал он.

— Я просто пытаюсь помочь.

— Ей ничего не стоит передумать. И где мы тогда будем?

— Зачем именно тебе деньги? Чтобы жениться на мне?

— Конечно.

— Тебе не кажется, что это немножко подло?

— Э?

— Я просто думаю, что нехорошо обманывать твою тетушку.

— Если ее не обманывать, я не получу денег.

— Деньги еще не все.

— То есть как?

— Есть еще самоуважение.

— Не понимаю.

— Я о том, что мне надоело прятаться и скрываться. Чувствуешь себя гадюкой.

— Но мы должны сохранять свою помолвку в тайне.

— Или разорвать ее.

— Что?!

— Просто подумалось.

Лайонел, несколько запоздало, решил быть поласковее.

— Не говори так, милая. Я понимаю твои чувства. Трудно таиться, но надо. Тетя совершенно ясно сказала, что не даст согласия на наш брак.

— А ты?

— Что, я?

— Я думала, ты ответишь, пусть катится к черту, потому что ты меня любишь и никому не позволишь тобой командовать.

Лайонел Грин вытаращил глаза.

— Сказать это тете Клариссе?

Энн его понимала. Она знала, что с тетей Клариссой не поспоришь — за время службы секретарем-компаньонкой она усвоила это не хуже туземных носильщиков и мелких африканских торговцев, — однако ей овладел тот боевой задор, в котором женщины толкают возлюбленных на отчаянные поступки. Ее искреннюю, честную натуру давно возмущала постыдная игра в прятки, и сегодня это чувство достигло предела. Если миссис Корк настолько не хочет видеть ее в своей семье, что готова перекрыть снабжение, пусть перекрывает. С ее уст сорвались непрошенные слова:

— Джеф бы так и поступил на твоем месте.

— Джеф?

— Мистер Эдер, хотя на самом деле его фамилия Миллер. Впрочем, тебе, конечно, это известно. Кстати, он только что меня поцеловал.

— Э... да. Тетя Кларисса сказала.

— Что-то ты не очень расстроен. Наверное, думаешь, что лучше и быть не могло.

Она так точно сформулировала мысли Лайонела, что он не нашелся с ответом. Наступило молчание.

Только сейчас до Лайонела дошло, что Энн ведет себя как-то странно. Она напоминала ему бомбу, которая вот-вот взорвется, и это ему не нравилось.

Лайонел Грин всегда относился к Энн чуть свысока. Приятная

девушка, думал он, но ее еще учить и учить. Он рассчитывал понемногу направлять ее в жизни, как мудрый наставник толковую ученицу. Короче, он смотрел на нее примерно так же, как Миртл Шусмит на Джефа Миллера.

И вдруг она словно с узды сорвалась. Это его пугало.

Энн тоже чувствовала, что за этот вечер в ней произошла разительная перемена, как будто она — Спящая красавица, и Джеф разбудил ее своим поцелуем. Она словно очнулась от транса, причем очнулась в странном, критическом состоянии духа.

До сих пор она принимала Лайонела таким, каким видит, а это, что бы ни говорил Джеф, очень высокая оценка. Лайонел Грин был привлекательный молодой человек, почти красавец. Редкая женщина при встрече с ним не чувствовала душевного трепета, и Энн с первого знакомства вообразила, что нашла свой идеал.

Однако теперь, в своем новом настроении, она начала сомневаться. Жестокие дядины слова упрямо лезли в голову. «Ты бы и не посмотрела на этого Лайонела Грина во второй раз, — пригвоздил лорд Аффенхем в своей обычной грубой манере, — если бы не смазливая рожа, вроде парикмахерского болванчика. Женщины, бедняжки, на таких падки», — и добавил, если Энн не ошибается, что готов в любое время соорудить такого же Лайонела из двух кусков угля и замазки.

Тогда она только фыркнула, но теперь спрашивала себя, такая ли это невыполнимая задача. Искусный мастер, вероятно, и впрямь мог бы обойтись перечисленными материалами. Продолжая копаться в себе, она поняла, что очень недовольна Лайонелом. Неужели за этими правильными чертами действительно ничего нет? Во внезапной отрезвляющей вспышке самобичевания она увидела себя девицей, которая влюбляется в киноактеров.

Молчание продолжалось. Лайонел начал переминыться с ноги на ногу. Его муки росли с каждой минутой. Он видел, что Энн крепко вросла в пол, не хуже дяди Джорджа, когда тот особенно глубоко задумается, и не знал, где найти красноречие, чтобы сдвинуть ее с места. Уж как доходчиво он объяснил, что нельзя оставаться в его комнате, а ей — хоть бы хны.

Зайти к кухарке — минутное дело; кто знает, вдруг тетя Кларисса, распорядившись насчет обеда, вернется продолжить разговор.

— Думаю, это и заставило ее дать тебе деньги? — спросила Энн.

— А?

— То, что Джеф меня поцеловал.

— Мне не нравится, что ты зовешь его Джефом.

— Прости. Но все-таки, это?

— Э...да.

— Перевесило чашу весов?

— Да. Она так сказала.

— А то я гадаю, с чего она вдруг передумала.

— Угу.

— И еще одно меня удивляет. Почему ты не сказал миссис Корк о мистере Миллере?

— Ты отлично знал, кто он. Ты знал, что довольно сказать об этом миссис Корк, и его к вечеру здесь не будет. Ты должен ненавидеть его всем сердцем. Так почему?..

В продолжение этих расспросов Лайонел обнаруживал некоторую нервозность, но она померкла перед эпилептическим приступом паники, охватившим его в следующую минуту, когда он увидел, что дверь открывается. Сердце его со свистом ухнуло в пятки, он весь затрясся, словно студень на пронизывающем ветру.

В следующий миг он увидел, что испугался напрасно. Вошла не миссис Корк, а всего лишь Джеф.

Джефа привела к Лайонелу Грину душевная щедрость. Как уже сообщалось, он не любил Лайонела Грина и не горел желанием завести с ним дружбу, но обещал заботиться о его интересах, а слово Миллеров свято.

Утром он покупал шоколад для Энн в прославленном магазине Даффа и Троттера на Риджент-стрит и в соседнем отделе случайно увидел большой и очень аппетитный кусок запеченной в тесте свинины. С похвальной заботливостью он приобрел свинину для Лайонела. Именно такие проявления доброты и отличают человека от бессмысленного скота.

За бурными событиями дня он совершенно забыл о покупке, вспомнил только сейчас и немедленно пошел к Лайонелу.

При виде Энн в штаб-квартире Грина он смутился. Подобно трубадуру, который, поддавшись худшим инстинктам, обошелся с прекрасной дамой, словно феодал-разбойник, он не знал, как вести себя при следующей встрече. Вероятно, трубадур бы тоже не нашел ничего лучше, чем криво улыбнуться и сказать: «А, привет».

Энн не ответила, если не считать ответом высокомерный взгляд, насквозь пронизанный холодом.

— Вот вы где, — сказал Джеф. — Я гадал, куда вы пропали.

— Да?

— Я... я... хотел вас видеть.

— Да?

— Хотел сказать, что не уезжаю.

— Да?

— Да. Миссис Корк очень любезно разрешила мне остаться.

— Да?

Этот несколько односторонний диалог прервал Лайонел Грин. Испуг прошел, оставив по себе досаду. Джеф его раздражал. Он не любил Джефа, к тому же ему казалось, что в комнате и так слишком много народу.

— Чего вам надо? — грубо спросил он.

Да, грубо. В другое время Джеф не преминул бы на это указать, однако вид Энн, далекий от примирительного, совершенно уничтожил его задор. Ему было зябко, словно его коснулась Снежная королева.

— По джентльменскому соглашению, — потерянно произнес он, — я принес вам свинину в тесте. — Джеф с мольбою взглянул на Энн, но не сумел поймать ее взгляда. — Ладно, — закончил он, простояв недолгое время на одной ноге, — я пошел.

Шатаясь, он побрел прочь, оставив в комнате молчаливую и задумчивую пару. Лайонел Грин смотрел на свинину в тесте. Энн смотрела на жениха. В глазах ее был недоверчивый ужас. Поджав губы и подняв брови, она охватила Лайонела и свинину одним брезгливым взглядом. Слова Джефа о джентльменском соглашении, вместе с самой покупкой, поведали ей скорбную повесть. Энн умела делать умозаключения и знала теперь ответ на вопрос, который только что задала.

Шоры упали с ее глаз. Впервые с того дня, как ее покорила роковая краса Лайонела, Энн увидела его целиком; и любовь соскользнула с нее, как платье.

Мы осуждаем несчастных, которые продаются за золото; насколько же омерзительнее нам те, кого можно купить за свинину в тесте. Помня, что дядя собирался слепить Лайонела из угля и замазки, она подумала, что это чересчур. Достанет одной замазки, уголь — уже лишнее.

— Так вот в чем дело! — выговорила она.

От переполнявших ее чувств Энн перешла на шепот, а Лайонел был так поглощен другим, что не услышал ее слов. Лайонел, как зачарованный, смотрел на свинину в тесте. Еврей, узревший в пустыне манну небесную, и тот бы не настолько отрешился от всего земного.

Желудок Лайонела Грина отличался желчным, капризным нравом. Вот уже почти час он настоятельно требовал чего-нибудь существенного и скандалил, что заказ до сих пор не несут. Теперь он получил официальные заверения, что главное уже на подходе.

— Ух! — воскликнул он. Голос его дрожал, глаза блестели, как у овечки при виде крошки-ягненка. — Ты не против? Садись, отрезай кусочек, — радушно пригласил он, совершенно забыв, что минуту назад уговаривал Энн выйти. Свиная в тесте от Даффа и Троттера не оставляет места для посторонних мыслей. — Нож в ящике стола. Боюсь, есть придется руками.

Энн задохнулась, отчасти от мысли разделить свинину позора, отчасти оттого, что кипение чувств по-прежнему мешало ей говорить.

— Лайонел!

— И соли, конечно, нет.

— Лайонел.

— И горчицы.

— Лайонел, я не выйду за тебя замуж.

— Что?

— Не выйду.

— Куда?

Пол у Лайонела Грина не позволял удовлетворительно топнуть ногой, поскольку был застлан дорогим и мягким ковром, но все же многократно превосходил в этом смысле рододендроновую дорожку, и Энн удалось топнуть довольно громко.

— Не выйду за тебя замуж!

Впервые за долгую историю прославленной фирмы, свиная от Даффа и Троттера не смогла вполне приковать своего счастливого обладателя. Теперь Лайонел слушал. При этих словах, таких ясных и недвусмысленных, он вздрогнул, корочка от свиной отломилась и бесшумно упала на пол. То, что он не наклонился ее поднять (хотя внутри осталось немало мясного желе), свидетельствует о глубине его чувств.

— Что?

— Не выйду.

— Не выйдешь за меня замуж?

— Да.

— Не сходи с ума.

— Я и не схожу.

— Ты шутишь?

— Нет.

— Да почему?

— Подумай.

Наступило молчание. Красивое лицо Лайонела Грина побагровело.

— Подумать? — Он рассмеялся горьким, сардоническим смехом и

тряхнул головой. По комнате невидимыми волнами поплыл запах бриллиантина. — Тут и думать нечего. Все понятно.

— Я надеялась.

— Ты влюблена в этого Миллера.

Ужасное, незаслуженное обвинение лишило Энн дара речи. Она ошарашенно смотрела на Лайонела, а он продолжал развивать тему. Вид его был непреклонен, глаза суровы. Всякий, кто был на процессе «Пеннифадер против Тарвина», вспомнил бы адвоката пострадавшей стороны, допрашивающего свидетеля защиты.

— Я давно подозревал. Вы все время вместе. Без него ты сама не своя. Он все время тебя целует.

— И совсем не все время! Только один раз!

— Это ты так говоришь! — Лайонел Грин, вновь сардонически хохотнув, повернулся к зеркалу, чтобы поправить усы. Он чувствовал, что они нуждаются во внимании, а говорить можно с тем же успехом, если не лучше, стоя спиной к Энн.

— Если ты думаешь, что я буду спокойно сидеть и смотреть, ты ошибаешься. Сейчас же пойду к тете Клариссе и скажу, кто он такой. Сегодня же его здесь не будет.

Теперь усы были безупречны. Он обернулся и увидел, что дальнейшие его реплики будут обращены к пустоте. Энн исчезла.

Глава XXIII

Подкашивающиеся ноги увлекли Джефа на первый этаж, через прихожую и дальше за обитую зеленым сукном дверь в помещения для прислуги. После разговора с Энн, если это можно назвать разговором, он нуждался в ободрении и чем-нибудь согревающим. Ему пришло в голову, что все это может предоставить ему лорд Аффенхем.

— Здравствуйте, молодой человек, — сказал лорд Аффенхем, когда он вошел в буфетную. — Энн вас искала.

Джеф кивнул.

— Уже нашла, — сказал он. — Можно мне рюмочку портвейна?

— Угощайтесь.

— Спасибо. — Опрокинув рюмку, Джеф почувствовал себя лучше.

Лорд Аффенхем вспомнил, что не только Энн искала его юного друга.

— Лопни кочерыжка! — воскликнул он. — Миссис Корк!

— Она тоже меня нашла.

— Указала вам на дверь?

— Нет. С этой стороны все в порядке. Я с ней поговорил, и она разрешила мне остаться.

— Поразительно.

— Ничего особенного. Умная женщина. Она поняла, какой это простительный грех, не быть Дж. Шерингемом Эде-ром. По ее словам, она сама не Дж. Шерингем Эдер, и многие ее друзья тоже. Можно еще капельку живительной влаги?

— Наливайте.

Обнаружив, что все препятствия устранены, лорд Аффенхем приготовился сделать Джефу суровый выговор.

Слова Энн, произнесенные недавно в этой самой буфетной, потрясли старого альтруиста до глубины души. Доброму пэру было больно, что его совет, основанный на жизненном опыте и повторенный, как выразился бы Лайонел Грин, сто раз, не возымел ни малейшего действия.

Соответственно, он начал укоризненным тоном:

— Спиллер.

— Моя фамилия Миллер. Лорд Аффенхем усомнился.

— Вы уверены?

— Еще бы!

— Путаю имена, — признался лорд Аффенхем. — Всегда путал.

Помню, в 1912-м девушка по имени Белла дала мне отставку, потому что я в письме обратился к ней «Мейбл». Будет проще, если я стану звать вас Уолтер.

— Это было бы идеальным решением, если б меня так звали!

— А что, нет?

— Нет.

— Так как же вас, черт возьми, зовут?

— Джеф.

— Конечно, Джеф.

— И я расскажу вам довольно занятную вещь. Мое первое имя Джефферсон, второе — Джеффри, так что вы точно не промахнетесь, называя меня Джеф.

— В 1907-м я был знаком с девушкой по фамилии Джефферсон.

— И оттолкнули ее тем, что послали ей телеграмму на фамилию Смит?

Разговор удачно свернул в то самое русло, куда хотел направить его лорд Аффенхем.

— Нет, молодой человек. Если хотите знать, я оттолкнул ее тем, что отгонял от нее мух, словно от спящей Венеры. Я был тогда зеленый юнец, и воображал, будто женщины любят, когда на них смотрят, как на богинь. Эта Джефферсон была хористка из мюзик-холла и не понимала такого обращения. После того, как я покатал ее на лодочке, она стала трепать по всему Лондону, какой я тютя.

— Какой, кто?

— Тютя. Тогдашнее выражение, означавшее слабовольного, бесхарактерного молодого человека. Миссис Моллой назвала бы его тюфяком, шляпой, рохлей и, возможно, разиней.

Джеф вздрогнул.

— Вы в последнее время часто видите с миссис Моллой?

— Да, порядочно.

— Я бы на вашем месте не рассказывал ей лишнего.

— В каком смысле?

— Ну, например, насчет бриллиантов.

— Мой дорогой! Конечно, нет. Мне бы и в голову не пришло.

— Замечательно.

— Когда дело касается тайн, я — могила. Да, — продолжал лорд Аффенхем, вновь погружаясь в воспоминания, — она растрепала всем, что я — тютя. Я понял, что она ждала от меня иного, не столь безукоризненного поведения. Этот случай стал для меня уроком, который я

никогда не забуду. Этот урок я постарался преподать вам. Усвоили вы его? Нет. После того, как я просил — да что там, молил со слезами на глазах — схватить Энн и прижать к сердцу посильнее, чтоб ребра хрустнули, вы продолжаете носиться со своим идиотским трубадурством и, как я предвидел, не продвигаетесь ни на шаг. Она только что была здесь, талдычила, что любит своего Лайонела Грина. Обидно. Заречешься впредь кому-нибудь помогать.

Здесь лорд Аффенхем сделал паузу и налил себе еще портвейна. Джеф воспользовался этим, чтобы вставить слово.

— Ваши сведения несколько устарели, — сказал он. — С нашей последней встречи в положении дел произошел перелом. В рядах трубадуров убыло и, соответственно, прибавилось в рядах сторонников лови-хватай-держи.

— Э? Что?

— Я последовал вашему совету.

— Поцеловали ее?

— Да.

— Отлично. И как?

— Потрясающе. Только теперь она со мной не разговаривает.

— Вот, значит, как.

— Так вот и значит.

Лорд Аффенхем ободряюще хлопнул Джефа по колену. По крайней мере, он счел жест ободряющим, хотя едва не лишил его коленной чашечки.

— Не тревожьтесь, мой мальчик, она образумится.

— Вы думаете?

— Уверен.

— Мне не надо кончать с собой?

— Ни в коем разе.

— Отлично, — сказал Джеф. — А то я как раз собирался попросить у вас полкирпича и кусок бечевки, чтобы утопиться в пруду.

При последнем слове лорд Аффенхем вздрогнул, едва не расплескав рюмку.

— Пруд? Вы мне напомнили. Она не рассказала вам про пруд?

— Нет. Про пруд она не рассказывала. Даже сейчас, — продолжал Джеф, — вы, видимо, не поняли глубинной сути моих слов. Вам, вероятно, представляется, будто мы по-прежнему в приятельских отношениях и беседуем о том, о сем, скажем, о прудах. Если такие беседы и случаются, говорю исключительно я. Иногда мне удается извлечь из нее краткое

«Да?», и я рад даже этому, потому что в остальное время она ограничивается леденящими взглядами. допытайтесь вообразить женский вариант монаха-трапписта в особенно неразговорчивое утро, и вы не станете терять драгоценное время, спрашивая, рассказала ли Энн про пруд. С какой стати она станет говорить мне про пруд? Даже если бы до этого дошло, что такого она бы могла сказать? И про какой пруд?

Лорд Аффенхем сделал открытие, которое многие делали прежде, и поделился им со своим собеседником.

— Молодой человек, вы очень много говорите. Джеф обиделся.

— Да? Сами видите, что получается, когда я от слов перехожу к делу. Наверное, я все же попрошу у вас полкирпича, просто на всякий случай.

— Если, черт побери, вы дадите мне вставить слово...

— Конечно, конечно. Хотите поговорить о прудах?

— Вы знаете здешний пруд?

— Разумеется. Прелестный уголок. Пологие берега, устланные цветущей зеленью, заросли кувшинок...

— Уолтер!

— Джеф.

— Джеф. Можно задать вам простой вопрос?

— Валяйте.

— У вас рот закрывается? Да? Так закройте его, лопни кочерыжка! Можно подумать, вы шекспировский тип, из тех, что говорят монологи. Я сказал Энн, что, возможно, спрятал бриллианты в пруду. И знаете, что она ответила?

— Она что-то ответила?

— Ну, конечно.

— Наверное, это было давным-давно.

— Она ответила, что пошлет Лайонела Грина взглянуть.

— Чепуха.

— Вот и я так думаю.

— Лайонел Грин, может быть, настолько переменился со школы, что способен войти в ванную и за запертой дверью плеснуть себе на руки немного воды, но в пруд его не затащишь.

— А если и затащишь, он ничего не найдет.

— Хотя, учтите, я с удовольствием бы посмотрел, как он входит в пруд — с большой неохотой ступая туда, где речки прозрачная плещет вода.^[22] Я бы ходил по бережку и отпускал замечания по поводу утра сентябрьского зябкой порой.

— Уолтер!

— Да?

— Вы опять говорите.

— Прошу прощения.

— Вы уверены, что Энн не хочет с вами разговаривать. Думаю, вы просто ей не даете. Из всех пустомель... Ладно, потом. Вам надо поискать в пруду.

— Сегодня же и поищу.

— В темноте?

— Взойдет луна.

— Вы замерзнете.

— Меня согреет любовь.

— Вам понадобятся плавки.

— Одолжу у Шепперсона. У него есть, он выплясывал в них перед завтраком. Вы уверены, что бриллианты в пруду?

— Не то чтобы уверен. После стольких разочарований я уже ни в чем не уверен. Впрочем, как я уже говорил, слово «пруд» внезапно возникло в памяти. Я подумал, это должно что-то значить.

— Для меня лично это будет значить простуду.

— Не дрейфте, Уолтер.

— Я и не дрейфлю. И меня зовут не Уолтер. Я, как говорится, к любой судьбе готов. Кстати, все это подходит мне как нельзя лучше. Если я найду бриллианты, то выброшу вам на берег, а сам утоплюсь.

— Мне не нравится, когда вы так говорите.

— Вам вообще не нравится, когда я говорю.

— Я сказал вам, она одумается.

— Вы не можете знать наверняка.

— Знаю.

— Не знаете. Вы строите выкладки на собственном опыте, а здесь он не годится. Девушки одумывались в 1911-м, может быть, даже в 1912-м, но Энн — другая.

— Все они одинаковые.

— Только не Энн. Я совершил непростительный проступок. Оскорбил ее до глубины души.

— Ничего подобного.

— Уверяю вас. Я сам видел.

Лорд Аффенхем вновь грохнул друга по колену.

— Не тревожьтесь, мой мальчик. Я знаю Энн. Знаю ее с тех пор, как...

— Помню. Под стол пешком ходила.

— ...и уверяю вас, она одумается. Лопни кочерыжка. Вы что думаете,

девушек не целуют?

— Те, кто надо.

— Это вы и есть. Человек, которого бы я ей выбрал. Не изводите. Изводиться должен бы я.

— Вы? Почему?

Лицо лорда Аффенхема помрачнело.

— Потому что, если мы не найдем бриллианты, мне придется пойти на крайнюю жертву.

— Что-что?

— Очень просто. Маленькое состояние Энн доверили моим заботам. Если я ее разорил, значит, я должен как-то это восполнить, да? Позаботиться, чтобы она не бедствовала, верно? Как честный человек, я не могу поступить иначе. Однако, признаюсь откровенно, мне страшно.

— Что страшно?

— Жениться на миссис Корк.

Знакомство с Джорджем, виконтом Аффенхемским, внушило Джефу уверенность, что его уже ничем не проймешь, но эти слова показали, что он ошибался. Джеф вытаращил глаза. Лорд Аффенхем сидел очень прямо, воплощая благородство.

— Что вы сказали? — ошарашенно переспросил Джеф. — Вы женитесь на миссис Корк?

— Если мы не найдем бриллианты. Не могу допустить, чтобы Энн пострадала из-за того, что я, пусть из лучших побуждений, плохо распорядился ее деньгами. Это... как его, черт возьми? На языке вертится.

— *Noblesse oblige*?

— Да. *Noblesse oblige*. Спасибо, Джеф.

— Не за что.

— Вот как обстоят дела. Так что, когда будете искать в пруду, ищите хорошенько.

Джеф пытался привыкнуть к новому повороту событий.

— Думаете, миссис Корк за вас выйдет?

Лорд Аффенхем поднял брови и тихо улыбнулся.

— Ступайте за плавками, — сказал он.

Джеф вышел. Лорд Аффенхем некоторое время сидел неподвижно, все так же выражая благородство, но постепенно оно сменилось тревогой и страхом. Он вообразил миссис Корк в качестве спутницы жизни, и картины, возникшие перед глазами, не привели его в восторг.

Простояв немалое время за ее стулом во время обедов и ланчей, он лучше всего присмотрелся к ее затылку. Это был далеко не худший

затылок, даже по-своему привлекательный, но лорд Аффенхем не горел желанием навсегда ввести его в свой обиход. По долгу службы он слышал большую часть ее разговоров, и это были не те разговоры, которые он мечтал слышать до конца дней. Нелишним будет отметить и то, что он считал Клариссу Корк буйнопомешанной и только порадовался бы, если б ее поместили в соответствующую палату.

Пять минут спустя мысли его стали настолько мрачны, что он повеселел, когда дверь отворилась. Он ждал Джефа, но вошла Энн. Щеки ее покраснелись, глаза горели. Лорд Аффенхем с надеждой подумал, что Джеф встретил ее в коридоре и поцеловал снова.

Однако румянец и блеск в глазах объяснялись другой причиной, которую Энн без промедления и выложила:

— Дядя Джордж.

— Да, дорогая.

— Я разорвала помолвку.

— Э?

— Я не выйду за Лайонела. Думаю, ты доволен.

Ничто, даже самая бурная радость не заставила бы человека его комплекции подпрыгнуть в кресле, однако лорд Аффенхем приподнялся, что в его случае было почти равносильно, и раскрыл объятия, словно добрый старый отец в старинной мелодраме.

— Доволен? Я вне себя от радости. Лопни кочерыжка! Когда это случилось?

— Только что.

— Ты правда дала ему от ворот поворот? Образумилась-таки? Ну, ну, ну, ну, ну, — сказал лорд Аффенхем. — Отлично. Великолепно. Превосходно. Джеф! — завопил он, когда дверь снова открылась. — Потрясающая новость, друг мой. Сейчас вы будете плясать и петь. Она порвала помолвку с этим малохольным обойщиком.

— Не может быть!

— Только что сама мне сказала. Здорово, а?

— Потрясающе.

— Как насчет совета, который я вам дал?

— Забираю назад всю критику.

— Разве я вам не говорил?

— Конечно, говорили.

— Я всегда прав насчет женщин.

— Вы их изучали.

— С детства.

— Теперь мы знаем, зачем была ниспослана трагическая история с мисс Джефферсон. Чтобы вы на склоне лет...

— Как это на склоне лет?

— Я должен был сказать, в расцвете дней. Чтобы вы в расцвете дней направляли и утешали достойных юношей. Как говорят ирландцы, мы в песне поем, что в страданье познали.

— Джеф!

— Э?

— Вы опять слишком много говорите.

— Прошу прощения.

— Боритесь с этим, мой мальчик. Это ваш единственный недостаток.

— Вы так считаете?

— Считаю. Если отбросить обыкновение стягивать разговор на себя, не давая никому вставить словечко, вы — отличный молодой человек, и я не желал бы моей племяннице никого другого. Мысль, что она погубит себя за человеком, который ходит руки в боки и говорит, уберите из гостиной этот стол, он не гармонирует с обоями, доводила меня до исступления. Теперь у нее все будет хорошо.

— Вы очень добры.

— Пустяки.

— Я постараюсь сделать ее счастливой.

— Она будет купаться в счастье.

— Не могу выразить, как я вам благодарен. Если бы не вы...

Энн с напряженным, заносчивым лицом слушала заседание общества взаимного восхваления. Она еще ничего не сказала, поскольку просто не смогла бы вклиниться в этот поток, но при слове «вы» Джеф сделал паузу и взглянул на друга и помощника восторженным взглядом, словно подыскивал форму для кипящих в груди чувств. Энн воспользовалась затишьем.

— Можно мне кое-что сказать?

— Давай, — благодушно разрешил лорд Аффенхем.

— Давайте, — еще благодушнее поддержал Джеф.

— Я хочу сказать только одно, — произнесла Энн, не глядя на него и обращаясь исключительно к дяде. — Я не выйду за мистера Миллера, хоть бы он был последний мужчина в мире!

На этой фразе бессчетные героини бессчетных пьес с истерическим хохотом удаляются за кулисы. Энн не расхохоталась, но из комнаты вышла и хлопнула за собой дверь.

Глава XXIV

Наступившее молчание нарушил лорд Аффенхем. Он довольно долго сидел, нахмутив чело, с задумчивым видом, означавшим, что его великий мозг нашел себе пищу.

— «Будь», правда?

Джеф встряхнулся. Подобно многим молодым людям, услышавшим из любимых уст жестокие слова, он чувствовал себя так, будто ему в темечко ударила молния.

— Будь?

— Не «был бы». «Я не выйду за мистера Миллера, «будь» он последний мужчина в мире». Черт побери, это условное наклонение.

С того памятного ноябрьского дня, когда полузащитник из соседней школы прыгнул на него и свернул ему шею в штопор, Джеф не испытывал столь сильного желания нарушить шестую заповедь. Он напомнил себе, что этот человек любит его, как сына, и желает ему только добра.

— Отодвинем урок грамматики на полминуты, — сказал он почти ласково. — Что мне теперь делать?

— Э?

— Как бы вы поступили, будь вы последний мужчина в мире, и кто-то отказался бы выйти за вас замуж?

Лорд Аффенхем отмахнулся от этого пустяка, как от докучной мухи.

— Главное, не волнуйтесь.

— Минуточку! Попробую угадать сам. Она одумается?

— Точно.

— Вы по-прежнему так считаете?

— Больше, чем когда-либо.

— Несмотря на... Вы точно слышали ее последнюю фразу? Ну да, конечно. Вы же разбирали условное наклонение. Мне она показалась несколько бесповоротной.

— Ничего подобного.

— Не бесповоротной?

— Ничуть. Девушки и на десять процентов не думают того, что говорят. Ступайте за ней.

— А она посмотрит на меня, словно на кусок падали? Мне кажется, я уже упоминал, что в последнее время она не балует меня вниманием.

— Рассмешите ее.

— Рассмешить?

— Вы сможете, если попытаетесь. У нее отличное чувство юмора. Подначивайте ее. Подкалывайте, как сказала бы миссис Моллой. Я знаю, что вы себе говорите. Вы спрашиваете себя, как бы на вашем месте поступил трубадур. Вы убеждены, что должны стенать и биться головой об стену. Прошу и умоляю вас, дорогой друг, забудьте вы эту трубадурскую чушь и ведите себя разумно. Будьте веселы. Будьте раскованны. У вас к этому дар. Я вас за него ругал, но не обращайтесь внимания. Воспользуйтесь им. Бога ради, не тащитесь за ней с трагическим видом. Подбородок вперед, большие пальцы в проймы жилета. Она от вас без ума, иначе с какой стати она бы разорвала помолвку со своим унитазных дел мастером? Я сказал, поцелуйте ее, и все устроится. Так и вышло.

Немного запыхавшись от этого бурного выступления, лорд Аффенхем замолк и снова наполнил свою рюмку. Джеф заметно приободрился. Заключительная фраза и впрямь высветила обнадеживающую сторону дела. Что-то и впрямь заставило Энн разорвать помолвку с Лайонелом Грином. Трудно счесть простым совпадением, что это произошло сразу после его действий на рододендроновой дорожке. Куда приятнее верить, что совет лорда Аффенхема принес желаемые плоды.

Уж коли старый маэстро был прав тогда, есть все основания надеяться, что он не ошибся и в этот раз.

— Ладно, пойду, и будь — заметьте, не было бы, — что будет, — сказал Джеф. — Должен сознаться, что чувствую себя коммодором Пири на подступах к Северному полюсу, но я иду и будь, что будет.

— Идите, — сказал лорд Аффенхем, ободряюще прихлебывая портвейн. — Жду. Через десять минут вы придете и скажете: все в ажуре.

— Простите?

— Еще одно выражение миссис Моллой, — объяснил лорд Аффенхем. — Премилая маленькая особа.

Если любовь Джефа еще нуждается в доказательстве, то вот оно: отправляясь за Энн, он не думал о чрезмерной дружбе лорда Аффенхема с опаснейшей из женщин. Он думал об утверждении старого мыслителя, будто девушки и на десять процентов не думают того, что говорят в пылу чувств. Может быть, их вид, скажем, только на пятьдесят процентов отражает истинные переживания. В таком случае, у него есть повод для оптимизма.

Тем не менее, когда, пройдя в обитую зеленым сукном дверь, он услышал пианино и понял, что это играет Энн, сердце его вполне определенно екнуло. Окажись рядом коммодор Пири, он пожал бы Джефу

руку и сказал, что чувствовал то же самое.

Энн бросилась к пианино в надежде успокоить встрепанные нервы. Большинство девушек, обученных игре на фортепьяно, склонны музицировать в минуты душевных бурь, а чувства Энн пребывали сейчас в таком состоянии, словно их взбили венчиком для яиц. Она с облегчением увидела, что теплый вечер выманил гостей в сад, и комната совершенно пуста. Знай она, что уединение вскорости перейдет в *tete-a-tete*, она бы так не обрадовалась. Однако Энн этого не знала, поэтому села за инструмент, и целительная музыка полилась с кончиков ее пальцев.

Может показаться странным, учитывая все ее недавние испытания, но больше всего Энн расстроили ее последние слова в буфетной. Она, как упоминал лорд Аффенхем, обладала замечательным чувством юмора, а девушке с чувством юмора неприятно сознавать, что она выдала пошлое и напыщенное клише. Если есть на свете что-нибудь банальнее, думала она, скользя пальцами по клавишам, чем сказать молодому человеку, что не выйдешь за него замуж, даже если он останется последним мужчиной в мире, то ей, Энн, это неизвестно.

И все же, при всей затасканности этих слов, Энн говорила себе, что они как нельзя точнее отражают ее мысли. В том, что касается самого смысла, ей было не в чем себя корить. Она лишь жалела, что не сказала чего-нибудь свежее и оригинальнее, а теперь, даже если ей придет в голову идеальная фраза, будет поздно.

Все эти размышления только усилили ее холодную враждебность, и Джеф едва ли мог выбрать менее удачную минуту, чтобы войти в гостиную. Взгляд, брошенный Энн через плечо, когда отворилась дверь, довольно ясно это показывал. Даже если списать восемьдесят пять процентов на аффенхемовскую систему бухгалтерии, это был вовсе не приветливый взгляд, и Джеф лишь могучим усилием воли продолжил движение вперед.

Он встал рядом с Энн, глядя на нее глазами, в которых, он надеялся, мешались раскаяние и любовь.

— Привет, — сказал он. — Играете на пианино? — И тут же, как перед ним Энн, понял, что ляпнул что-то не то. Фраза не была веселой, не была она и раскованной, даже умной не была. Джеф понимал, что мог бы придумать фразу получше.

На вопрос, который он задал, можно было бы ответить одним словом, но, когда вы играете на пианино, и человек, вам неприятный, спрашивает, играете ли вы на пианино, можно продолжить игру, чтобы он убедился сам. Так Энн и поступила, а Джеф еще не придумал остроумную реплику,

поэтому разговор заглох сам собой.

В этот самый миг дверь открылась, и вошла миссис Корк. При виде Джефа глаза ее зажглись суровым огнем. Многие гиппопотамы и антилопы видели этот блеск за миг до того, как попасть в колонку некрологов. Она искала Джефа. И десяти минут не прошло, как Лайонел встретил ее в прихожей и поведал страшную весть.

В речи Лайонела, сбивчивой и очень возбужденной, многое осталось для миссис Корк непонятным. В частности, она так и не уразумела, почему он молчал до сих пор. Однако главная суть, или посылка, была совершенно ясна. Когда миссис Корк заговорила, в ее голосе слышался рык, которого не постыдился бы леопард.

— Вас зовут Дж. Дж. Миллер, — с характерной прямоотой объявила она.

Манера миссис Корк подсказала Джефу, что с их последней встречи отношение к нему изменилось в худшую сторону; впрочем, ее слова не стали для него неожиданностью. Памятуя совет лорда Аффенхема, он заложил большие пальцы в проймы жилета. Еще он улыбнулся милой и, как он надеялся, обезоруживающей улыбкой.

— Верно, — отвечал он. — Дж. Дж. Миллер. Я собирался вам сказать.

— Немедленно убирайтесь, — сказала миссис Корк.

Эти слова, при всей их разящей мощи, оставили у нее легкое чувство неудовлетворенности. Этого человека она мечтала задушить голыми руками, а сейчас вынуждена ограничиться требованием немедленно убираться из ее дома. Однако табу цивилизации строги. То, что нормально и обычно в бассейне Конго, в графстве Кент будет принято неодобрительно. Для женщины, которая хочет поселиться в Кенте, есть только два пути: либо не душить людей, либо ехать в другое место.

Джеф склонил голову.

— Очень хорошо вас понимаю, — сказал он. — После моего поведения в суде вы совершенно справедливо желаете, чтобы я уехал. Думаю, бесполезно говорить, что меня терзают угрызения совести?

— Поезд через час.

— И что, знай я о вашем родстве с Лайонелом Грином, повел бы себя совершенно иначе?

— Я велела дворецкому уложить ваши вещи.

— Этого я и боялся. — Джеф обернулся к Энн. — Прощайте.

— Прощайте, — сказала Энн.

— Через полчаса я уезжаю.

— Полчаса пройдут быстро.

— Но прежде, — сказал Джеф, снова одаривая миссис Корк чарующей улыбкой, — я хотел бы попросить вас об одном одолжении. Не подпишете ли вы мой экземпляр «Женщины в дебрях»? Я купил его в день выхода и постоянно перечитываю, но с вашим автографом он станет еще дороже.

Даже у великих людей есть слабое место. У Ахиллеса была пята, у миссис Корк — «Женщина в дебрях». Подойдите к миссис Корк со словами, что прочли ее детище, и вы увидите, что выбрали верный путь. Преувеличением будет сказать, что при этих словах она обратилась в сладость и свет, но кипеть явно перестала. Если до сих пор убийственности ее взгляда могла бы позавидовать Энн, то сейчас он заметно смягчился.

Тайная горесть большинства писателей в том, что они редко напрямую соприкасаются с читающей публикой. Издатель сообщил миссис Корк, что двести шесть превосходных мужчин и женщин купили ее творение, но ей еще не доводилось воочию увидеть кого-нибудь из этого почетного списка. Приходилось довольствоваться тем, что одно уважаемое книжное ревю назвало книгу живой и занимательной, а Литературное приложение к «Тайме» в несколько более скупой манере известило, что в ней — триста пятьдесят страниц.

Правда, гости Шипли-холла обычно покидали дом с книгой под мышкой, но лишь после того, как миссис Корк сама ее им затолкала, по меткому выражению лорда Аффенхема, словно горькую микстуру. Она понимала, что это не совсем честно, и чувствовала себя так, словно стреляет по сидящему гиппопотаму.

— Глава про крокодила, — сказал Джеф. — Не знаю, помните ли вы ее. Я прочел и почувствовал себя астрономом, открывшим новую планету. Я всегда понимал, что, увидев крокодила на отмели, не знал бы, как поступить, и очень стыдился. Вы правда переплыли через реку и пристрелили его?

— В глаз.

— А история про знахаря, который проглотил змею! Поразительно! Миссис Корк теперь хихикала, почти как девочка.

— Вы очень хорошо знаете книгу.

— Практически наизусть.

— Подумать только!

— Она раскрыла передо мной новые горизонты. Мне так захотелось посетить Африку, что я, наверное, тронусь сразу по возвращении отсюда.

— Я...

— Дайте сообразить. Два дня на сборы...

— Я подумала...

— Двух дней, полагаю, хватит? Что мне понадобится? Ружья, летняя одежда, пробковый шлем, крепкие ботинки, мазь от укусов леопарда...

— Я подумала, мистер Миллер, — сказала миссис Корк, — и решила, что вам не надо бы покидать Шипли-холл.

— Но...

— Я по-прежнему считаю, что ваше поведение в суде было из ряда вон выходящим...

— Непростительным. Я тем более раскаиваюсь в нем теперь, когда имел возможность часто видаться с вашим племянником и понял, какой он замечательный человек. Обидно уехать именно сейчас, когда через неделю мы стали бы близкими друзьями. Только не думайте, что я не вижу вашей правоты...

— Я буду очень рада, если вы останетесь.

— Правда? Честное слово, миссис Корк, вы чересчур добры. Я с трудом верю своим ушам.

— Мисс Бенедик, пожалуйста, сходите к Кейкбреду и скажите, что не надо укладывать вещи мистера Миллера.

— Да, миссис Корк.

— Я с вами, — сказал Джеф.

— Не трудитесь, — отвечала Энн.

— Пустяки, — заверил Джеф.

В коридоре Энн обернулась. Лицо ее было сурово.

— Прекратите! — прошипела она.

— Что?

— Прекратите ухмыляться и говорить: «Гениально! Гениально!»

— Но это и впрямь было гениально, — запротестовал Джеф. — В высшей степени.

Энн развернулась и на приличной скорости двинулась в буфетную. Миртл Шусмит тоже с завидной быстротой взбежала по лестнице Холсичемберс, но Джеф подумал, что Энн, по справедливости, дала бы ей сто ярдов форы.

— Послушайте... — начал он.

Крайне трудно излить свое сердце девушке, которая мчится по коридору впереди вас. К тому времени, как они достигли обитой зеленым сукном двери, Джеф только-только приступил к изложению дела и так и не добрался до сути, когда они ворвались к лорду Аффенхему и пробудили того от обычной каталепсии.

— Дядя Джордж, — сказала Энн.

— Э? — отозвался лорд Аффенхем, медленно всплывая на

поверхность. — Я хотел тебя видеть, дорогая, и вас, Джеф. Насчет пруда. Я и впрямь опустил туда бриллианты, на прочной бечевке, но на следующий же день вынул. Только сейчас вспомнил.

— Дядя Джордж, миссис Корк сказала, чтобы ты не укладывал вещи мистера Миллера.

— Э? Не укладывать?

— Не надо. Он остается.

— Вот как? Отлично, — сказал лорд Аффенхем. — Превосходно. Понимаю. Ты за него попросила. Умница. Умница.

— Вовсе я за него не просила. — И Энн, как рыбка, выскользнула за дверь. Джеф сморгнул, когда она проносилась мимо, и понял, в чем ее преимущество перед Миртл Шусмит. Она выигрывает на старте.

Лорд Аффенхем смотрел ей вслед. Он уже сделал наблюдение и перешел к выводам.

— Все еще бесится?

Джефа покорило неприятное слово, но он был вынужден согласиться, что оно верно отражает суть дела.

— Да.

— Не одумалась?

— Нет.

— Вы поцеловали ее снова?

— Нет.

— Так идите и поцелуйте.

— Нет.

— Это может все изменить.

— Послушайте, — терпеливо начал Джеф, — я сказал, что она либо совсем не говорит со мной, либо говорит односложно. Теперь она взяла обыкновение бегать от меня, как от огня.

— Вот как? — произнес лорд Аффенхем. — Кстати, скажу вам любопытную вещь, которую вы наверняка не знаете. Муравьи, они бегают быстрее в жаркую погоду.

— Они?

— Муравьи.

— Мне послышалось «Энни». Бегают быстрее в жаркую погоду?

— Я где-то читал.

Джеф с мгновение пристально смотрел на него.

— Прекрасная новость, — промолвил он. — Спасибо, что сказали. Так вот, при виде меня она пускается наутек. Уже это одно мешает мне воспользоваться вашим советом. Надо придумать что-нибудь еще.

— Да. Девушки — странные существа.

— Очень.

— Помню, в 1913-м одна...

— Не сейчас.

— Э?

— В другой раз.

— Я только хотел сказать...

— Знаю. Не надо.

Лорд Аффенхем, немного обиженный, погрузился в молчание. Тишину нарушал лишь хруст его манишки, мерно вздымавшейся и опадавшей в такт дыханию. Джеф тоже задумался. Чтобы облегчить мыслительный процесс, он достал портсигар и протянул собеседнику. Лорд Аффенхем покачал головой.

— Не курю. Бросил.

— Обнаружили, что это замедляет рост?

— Нет, — сказал лорд Аффенхем, подумавши. — Не поэтому. Тут один как-то сказал, что мне не хватит силы воли бросить курение, так что я просто вынул трубку изо рта — мы сидели у меня в кабинете, отложил ее, взял банку с табаком — новую полуфунтовую банку «Лучший Табак Пруда», — поставил ее в буфет и запер на ключ. С этого дня к табаку не прикасался.

— Это показывает, какая у вас огромная сила духа.

— Исполинская.

— Ну и дурацкий вид, был, наверное, у вашего друга.

— У него всегда был дурацкий вид.

— Значит, еще более дурацкий.

— Да, — согласился лорд Аффенхем.

Он снова впал в транс. Внезапно глаза его зажглись, и он резко выпрямился с громким «Лопни кочерыжка!»

— Джеф!

— Да?

— Провалиться мне на этом месте со всеми потрохами! — воскликнул лорд Аффенхем с видом Сивиллы, которая сейчас изречет пророчество. Видимо, его мозг только что получил мощный толчок. Было почти слышно, как он издает «чух-чух-чух», беря разгон. — Джеф, мы достигли конца долгой-долгой дороги!

— О чем вы?

— Я вам скажу, о чем! «Лучший Табак Пруда»! Банка! Теперь я понял, что означали слова «пруд» и «в банке». Я положил алмазы в банку с

табаком.

— Не может быть!

— Точно.

— Это официальное заявление?

— Абсолютно.

— На этот раз без ошибки?

— Говорю вам, я вспомнил. Вся сцена встала перед глазами. Вот я, вот банка, я кладу мешочек в нее, под чертов табак.

Джеф вскочил. Такие новости не пристало выслушивать сидя.

— Мы сможем забрать их после обеда.

— Надо действовать осторожно. Эта Корт вечно шастает в кабинет и из кабинета.

— После обеда она читает лекцию об угубу.

— А ведь верно!

— Берег будет чист.

— Абсолютно чист.

— Ребенок сможет взять банку.

— Десятилетний ребенок.

— Шестилетний.

— Четырехлетний, — сказал лорд Афенхем, охваченный тем же энтузиазмом, что и его юный друг.

Перед Джефом открывались все более радужные перспективы.

— И еще одно я скажу. Как только мы найдем бриллианты, Энн на радостях распрощается со своими траппистскими и спринтерскими замашками.

— Она одумается?

— Одумается.

— Гип-гип-ура! — вскричал лорд Афенхем. В дверь постучали. Вошла Долли Моллой.

— Привет, малыш, — произнесла она с обычной своей сердечностью. — Привет, папаша. Найдется для меня глоточек портвейна?

— Конечно, конечно, — отозвался лорд Афенхем, похожий сейчас не столько на Кейкбрета, сколько на *groux chevalier*^[23] 1911–1912 годов. — Садитесь, дорогая, падайте на стул, ха-ха. Одно из ее выражений, — пояснил он Джефу, и, заметив, что тот собрался уходить, поднял брови. — Уже?

— Да.

Джеф выразительно взглянул на почтенного друга.

«Осторожнее», — говорил его взгляд.

— Могила! — ответил лорд Аффенхем.

Глава XXV

Когда жена предложила Мыльному пойти к лорду Кейкбреду и пропустить по рюмочке, тот нехотя отказался. Он любил портвейн, однако берег фигуру, а потому остался сидеть на стуле, положив ноги на подоконник, и закурил сигару.

Ветерок из потемневшего сада приятно овеивал его чело, и мистер Моллой был бы вполне счастлив, если б не одна досадная мелочь. Его старый друг, Шимп Твист (которому, между прочим, отвели отдельную комнату) выбрал именно это время, чтобы прийти и составить ему компанию.

Его веские доводы исправили маленькое недоразумение, вызванное излишней горячностью Долли, но исправили не вполне. Некоторая холодность сохранялась. Это стало еще заметнее, когда Шимп Твист принялся бубнить себе под нос (словно шекспировский персонаж, которых так не одобрял лорд Аффенхем), что бывают же люди с черной душой, которым место — в дымоходе. Имен он не называл, но Мыльный без труда понял, о ком речь. Все удовольствие от сигары было испорчено. Он обрадовался, когда открылась дверь, и вошла Долли.

Заметив Шимпа, она на мгновение огорчилась не меньше Мыльного. В буфетной произошло нечто очень важное, и Долли предпочла бы сообщить это мужу с глазу на глаз. Тут ей пришло в голову, что в будущем плане отыщется место для Шимпа. Она переборола желание спросить, какого черта он торчит здесь, как пень. Бывают обстоятельства, в которых есть толк даже от Шимпа Твиста.

Именно такие обстоятельства возникли в результате визита Долли к лорду Аффенхему. Их разговор пробудил в ней творческую жилку. Всю дорогу по коридору, через обитую зеленым сукном дверь и дальше по лестнице она составляла план, который нравился ей все больше и больше. Оставалось лишь посвятить в него своих помощников и сподручных.

Мыльный не преминул заметить оживление на любимом лице; блеск обожаемых глаз также не ускользнул от его внимания. Впрочем, он не сумел оценить их значимость и, приписав феномен чисто телесным причинам, решил, что портвейн лорда Кейкбрета, видать, и впрямь хорош, если так быстро оказал столь сильное действие. Он вспомнил, что сам не захотел присоединиться к пирушке, и на миг его пронзила острая печаль о несбывшемся.

— Что-то ты раздухарилась, киска, — сказал он. Шимп тоже это заметил и, приостановив монолог, кисло поздоровался с Долли. Его оскорбляла подобная радость в женщине, по чьей вине он столько претерпел. Шимп предпочел бы вовсе не видеть Долли, а уж если видеть, то с больным зубом или сразу после того, как ее переехал грузовик.

— Еще бы не раздухариться, пупсик, — сказала Долли. — Угадай с трех раз, что произошло.

Слова ее были загадочны, но особенная, трепетная живость придавала им глубокий смысл. Шимп Твист, который сидел, упершись локтями в колени и поддерживая ладонями подбородок, резко выпрямился и затрясся, как бланманже. Мыльный, качавшийся на стуле, качнулся чуть сильнее и имел неприятность сильно треснуться затылком.

Однако в такие минуты он умел презирать боль. Он даже не потерял ушибленное место. Лежа на ковре, он большими глазами таращился на жену.

— Неужели?..

— Да! Раскололся!

— Лорд Кейкбрэд?

— Он самый.

— Выложил, где стекляшки?

— Да. Всего лишь эту малость.

— Ну!

— Еще бы не ну!

— Пусть весь мир слышит, как я скажу «Ну»! — Мыльный, встав, прижал Долли к груди. — Киска, ты — блеск. Ты — чудо. Ты — молодчина.

— Если честно, я сама себе нравлюсь, — сказала Долли, вынимая помаду и подкрашивая губы, которые смазал муж.

Есть неприятный тип людей, которых раздражает вид любящих супругов. Шимп Твист принадлежал к этому типу. Мыльный стоял, обхватив Долли за талию, а Долли., подводя губы, положила голову Мыльному на манишку. Шимп и не пытался скрыть, что ему тошно на них смотреть.

— Все, хватит, — проворчал он. — Довольно лизаться, давайте лучше к делу. Так он, значит, выложил тебе, где стекляшки?

— Я сказала.

— Слышал. Полагаю, они все же у него в спальне, и я должен туда лезть?

Не было никаких сомнений, что это сказано с ехидством. Мыльному

стало больно, что Шимп ворошит прошлое. Как говорится, кто старое помянет...

— Брось, Шимп, — сказал он. — Это не разговор.

Долли больше оскорбилась, чем расстроилась. Она убрала помаду, вскинула голову и грозно посмотрела на Шимпа.

— Когда-нибудь, — процедила она, — я прибью тебя, Шимп Твист, и прибью хорошенько.

— Ну, киска! — взмолился миролюбивый мистер Моллой.

— А чего он сидит и отпускает мерзкие шуточки, чем скакать и прыгать от радости? — резонно ответила Долли.

Ее укор не достиг цели. Щеки Шимпа Твиста не залил румянец стыда. Шимп дал ясно понять, что настроен не радостно, а скептически.

— Не верю, что он рассказал тебе про стекляшки, — объявил он, неприятно топорща усы, — Просто ты собралась отколоть очередной номер.

Все женское в Долли загорелось в ее глазах.

— Он правда сказал мне, где стекляшки. Во всяком случае...

Шимп хохотнул и с ехидцей повторил последние три слова. Даже мистер Моллой пошатнулся в своей уверенности.

— Что значит «во всяком случае»? — с тревогой переспросил он.

— Ну, ясное дело, он не выложил мне это на блюдечке. Не такой осел. Вот как все было. Я вошла, он сидит, чирикает с белобрысым. Белобрысый как увидел меня, сразу слинял, а лорд Кейкбрэд стал разливать портвейн. Ну, я вижу, что он лыбится, как не знаю что, и спрашиваю: «Что, папаша, радость привалила? Никак кто-то оставил вам наследство?» Он говорит: «Вроде того, дорогая, вроде того». А потом говорит, что весь извелся, потому что спрятал одну ценную вещь и забыл, где, а сейчас вспомнил, что она в кабинете у миссис Корк. И что он собирается туда после обеда, как только начнется лекция.

Тревога сошла с лица мистера Моллоя.

— Он наверняка говорил про стекляшки.

— Конечно, про стекляшки. Про что еще? Ясное дело, я не спросила, что такое он спрятал. Я просто сказала: «Правда? Ну и отлично». — И он опять налил по маленькой.

У мистера Твиста, скептика, остался еще один вопрос.

— Где именно в гостиной?

Долли даже не попыталась скрыть раздражение. Шимп Твист ее допек.

— Слушай, — отвечала она. — Если ты хочешь знать, дал ли он мне письменные указания, карту с крестиком, свору ищеек и чемодан, чтобы

уложить стекляшки, так вот, не дал. Но они в кабинете, и он идет туда сразу после обеда, а значит, стекляшки у нас в кармане. Осталось только его подкараулить. Ты, Мыльный, станешь под окном, и как только он достанет стекляшки, выйдешь и остановишь его.

Никакой приказ главнокомандующего не мог быть изложен четче. Красивый лоб мистера Моллой нахмурился отнюдь не от непонимания.

— Я? — мрачно переспросил он.

— Конечно. Мы с Шимпом будем заняты в другом месте. Мистер Моллой оставался в мрачном раздумье.

— Остановлю его?

— Ага.

— Как?

Долли выдвинула ящик туалетного столика и вынула вполне внушительный пистолет.

— Держи. Вот он, старый уравнитель.

Во взгляде ее мужа, остановившемся на смертельном оружии, смешались ужас и изумление. Он смотрел на пистолет не просто как на ядовитую змею, но как на змею, с которой ему предложили познакомиться. В своей неприязни к решительным действиям Моллой напоминал Лайонела Грина.

— Я не знал, киска, что у тебя есть пистолет.

— Конечно, есть. Всегда ношу при себе. Не знаешь, когда пригодится. Клади в карман.

Мистер Моллой подчинился, но по-прежнему мрачно. Он честно признал, что не любит пушек. Практичная Долли заверила, что любви тут не требуется.

— Просто ткнешь им старикану в живот, — сказала она. — Это нетрудно.

Мыльный вынужден был признать, что технически это совсем просто. Живот лорда Аффенхема — достаточно большая мишень. Однако у него осталось еще одно возражение:

— А что я скажу?

— Скажешь: «Руки!». Мистер Моллой весь сжался.

— Не могу, — сказал он. — Очень уж глупо звучит.

— Тогда просто наставь на него пушку. Он сам поймет.

— Ладно-ладно, — сказал мистер Моллой все с тем же несчастным видом. — Ладно, киска, если ты считаешь, что так нужно. И все-таки, лучше бы ты попросила меня продать нефтяные акции. А что будет делать Шимп?

— Шимп будет удерживать народ в гостиной, чтобы тебя не скрутили. Мистер Твист оказался куда решительнее мистера Мол-лоя. Он без возражений встал и протянул руку.

— Отлично, — сказал он. — Давай пушку.

— Больше нет. Что у меня, по-твоему, тир? — спросила Долли.

— Чем же мне их удерживать?

— Ничем. Сунь палец в карман, пусть думают, что там у тебя кольт. Что ты так смотришь?

Шимп объяснил, что смотрит так, потому что весь план представляется ему совершенно дурацким.

— Говоришь, палец в карман?

— А что? Эти зануды и не пикнут.

— Да? А как насчет Корки?

— Ты боишься женщины?

— Я боюсь этой женщины, — решительно отвечал мистер Твист. — И вот что я вам скажу. Если я должен удерживать эту громаду одним пальцем в кармане, то мне половины мало. Да, мэм, — продолжал он, несмотря на сдавленный вскрик Долли и гримасу муки на лице Мыльного. — Забудьте про пятьдесят на пятьдесят. Или семьдесят пять на двадцать пять, или я пас.

Женщину послабее этот несвоевременный финансовый вопрос выбил бы из колеи, однако Долли вновь оказалась на высоте. Несколько мгновений задумчивой тишины, нарушаемый лишь постанываниями мистера Моллоя, и она отыскала выход.

— Ладно, — сказала она, взмахом руки останавливая мужа (он спрашивал у Шимпа, поступают ли так порядочные люди). — Я запру ее в погребу. Это тебя устроит?

— Как запрешь?

— Не волнуйся. Это уж мое дело.

Долли повернулась к мужу, молча ожидая аплодисментов, которые не замедлили последовать. Даже Шимп вынужден был признать, что план — хоть куда. Он заметно приободрился, узнав, что избежит противостояния с хозяйкой, которая еще в первую встречу произвела на него самое сильное впечатление.

— Теперь все ясно? — продолжала Долли. — Усвоили сценарий? Мыльный берет на себя лорда Кейкбрета. Ты берешь на себя зануд. Я запираю Корку в подвале, вывожу машину и жду У выхода. У кого-нибудь есть что сказать? У обоих мужчин было. Мистер Моллой сказал:

— Киска, тебя надо назначить генералом в армии Соединенных

Штатов.

Мистер Твист сказал:

— Минуточку, минуточку!

Ответом ему были раздраженные взгляды. Он уже произносил эти слова точно таким же тоном, и было ясно, что он намерен разрушить гармонию и внести разлад в атмосферу взаимной поддержки.

— Э? — спросил мистер Моллой.

— Чего еще? — спросила Долли. Шимп объяснился.

— А что потом? — спросил он. — Стекляшки у Мыльного. Ты — в машине. Я — в гостиной с занудами. Как я узнаю, что все готово? Не хватало, — продолжал Шимп все тем же неприятным голосом, — чтобы вы включили мотор и через пятьдесят миль спросили, переглянувшись: «А где же Шимп? Я совсем про него забыла».

Долли вздохнула.

— Не забудем.

— Не забудете?

— Когда все будет готово, я выстрелю из пистолета. Тогда ты ноги в руки — и к нам. Идет?

— Идет, — с некоторым сомнением отвечал Шимп. — У тебя не вылетит из головы в последнюю минуту?

— Ты мог бы доверять моей жене, — холодно сказал мистер Моллой.

— Вот как? — И с этими неприятными словами Шимп вышел из комнаты.

Когда дверь закрылась, Долли шумно выдохнула.

— Если я не прибью этого мелкого пакостника в самое ближайшее время, — сказала она, — что-нибудь во мне не выдержит. Надорвется.

Глава XXVI

Лекции, которые миссис Корк читала два раза в неделю (сегодня должна была состояться одиннадцатая), немало украшали жизнь Шиплихолла. Они радовали не только ухо, но и глаз, поскольку сопровождались демонстрацией любительских кинолент. В один вечер вы издалека наблюдали туземную свадьбу; через три дня с замиранием сердца следили за сценками из жизни носорогов а la Уолтер Уинчелл.^[24]

Она всегда бралась за дело с приятным чувством, что доставит людям незабываемое удовольствие. Как же больно ей бывало обнаружить, что ее подопечные, не сознавая своего блага, попрятались, кто куда.

Случалось это нечасто — сила личности, позволявшая миссис Корк избавляться от экземпляров «Женщины в дебрях», пугала и тех, кто вздумал бы отлынивать от лекций, — но все же случалось. Однако сегодняшний случай был исключительным. Пересчитав собравшихся по головам, миссис Корк обнаружила, что нет по меньшей мере троих.

Не было мистера Моллой. Не было миссис Моллой. Сколько ни искали, не нашли Дж. Дж. Миллера. Это затмило черный день, когда мистера Уикса и мистера Хендерсона, отсутствующих на параде без увольнительной, нашли в комнате у последнего за распитием виски и обсуждением собачьих бегов.

Туча омрачила чело миссис Корк. Она была не из тех, кто станет кротко сносить подобное безобразие.

— Мисс Бенедик.

— Да, миссис Корк.

— Я не вижу мистера и миссис Моллой, а также мистера Миллера. Они, наверное, в саду. Подите и скажите им, что мы ждем.

— Да, миссис Корк.

Энн торопливо вышла. На лбу миссис Корк по-прежнему лежала тень, но она рассеялась при взгляде на мистера Трампера, который наготове стоял у ее локтя. Она почувствовала: вот так всегда. Стоит рядом, выключает свет, когда приходит время показывать кино, включает, когда она хочет зачитать отрывок из «Женщины в дебрях», первым начинает хлопать, подливает в стакан воды, поднимает оброненную указку... Что бы ни случилось, Юстэс Трампер не подведет.

Вот и сейчас он нашел правильные, сочувственные слова.

— Как неприятно, Кларисса!

— Очень.

— Люди должны приходить к началу лекции.

— Да.

— Я всегда прихожу вовремя.

Глаза миссис Корк тронула нежность. В сотый раз она подумала, что Юстэс — сокровище.

— Вы — не такой, как все, — сказала она. — Не знаю, как бы я без вас обходилась.

В Юстэсе Трампере словно распрямилась какая-то пружина. Словно некий голос шепнул ему, что пришло время испытать судьбу, победить или проиграть. Они стояли у входа в гостиную, а дисциплинированные слушатели, которые рассаживались по местам, не могли различить их голосов. Лучшего случая было не придумать. Юстэс Трампер справедливо рассудил, что, после двенадцати лет молчаливого преклонения, никто не сможет упрекнуть его в излишней поспешности.

Будь у него время, он бы начал с покашливаний и блеяния, но он понимал, что придется обойтись без подобных вступлений. В коридоре слышались шаги; в любую секунду кто-то мог появиться.

— Кларисса, — сказал он. — Я люблю вас. Согласны вы стать моей женой?

Сказано кратко и по существу. Вряд ли он мог бы выразиться короче и при этом сохранить смысл. Однако он неудачно рассчитал время. Не успела миссис Корк ответить, вероятно, не успела даже переварить вопрос, как появилась миссис Моллой. Ее-то шаги и заставили мистера Трампера поторопиться с объяснением. Теперь, когда она появилась, он смотрел на нее с некоторой досадой.

— Черт! — сказала Долли.

Глаза ее расширились, она взволнованно и часто дышала. Было ясно, что в размеренное течение ее жизни ворвалось нечто необычное. Досада мистера Трампера уступила место любопытству.

— Что-то случилось, миссис Моллой? — спросил он.

Миссис Корк волнение миссис Моллой показалось вполне естественным. Еще бы не волноваться, если ты опаздываешь на лекцию и заставляешь других ждать.

— Не беспокойтесь, миссис Моллой, — сказала она. — Мы еще не приступали.

— Да? А я вот и приступила, и переступила, и чуть через голову не прыгнула.

Миссис Корк легонько поджала губы.

— Простите?

— Когда бутылка просвистела мимо моего кумпола.

— Бутылка?

Долли истерически расхохоталась.

— Я начала не с того конца, — сказала она. — Вот как все было. Иду сюда, спускаюсь в прихожую, и тут горничная говорит, Кейкбрэд ведет себя как-то странно, а она не хочет тревожить вас. Короче, не попробую ли я его урезонить.

Глаза миссис Корк посуровели.

— Кейкбрэд?

Это было сказано мрачным тоном. Отношение миссис Корк к эксцентричному мажордому в последнее время все больше напоминало отношение Генриха II к Томасу Бекету.^[25] Слова «Неужели никто не избавит меня от этого неумного дворецкого», казалось, готовы сорваться с ее губ.

— Кейкбрэд? Что он на этот раз выкинул?

— Наклюкался.

— Наклюкался?

— Нализался.

— Нализался?

— Надрался. Наквасился. Залил глаза. Дерябнул. О, черт! — Долли, как многие ее соплеменники в Англии, в очередной раз столкнулась с непонятливостью аборигенов. — Напился.

— Напился?

— Нагрузился, как океанский лайнер. Мистер Трампер изумленно пискнул:

— Вы уверены?

— Уверена? — повторила Долли, взвешивая вопрос — Нет, не уверена. Предполагаю. Может, он в жизни капли в рот не брал. Просто он в погреб, орет песни и бьет бутылки.

— Бьет бутылки?

— Да. Кажется, топориком. Все, кроме одной. Ее он запустил в меня, когда я сунула голову в дверь и спросила: «Эй, что здесь происходит?». На малый чуток промахнулся. Ну, я решила, что это слишком похоже на вульгарную потасовку, и сдала назад. Думаю, пойду-ка я лучше и все скажу вам.

— Вы поступили совершенно правильно. Я пойду и сама с ним разберусь.

Мистер Трампер недоверчиво пискнул:

— Как странно! За обедом он казался вполне нормальным.

— Нет, — отрезала миссис Корк. — Теперь я вспоминаю, что его глаза горели нездоровым огнем. Без сомнения, он весь вечер пил, как сапожник.

В голосе ее звучало суровое порицание, к которому, однако, примешивалось некоторое удовлетворение. Никто не любит загадок, кроме как в книгах, где их распутывает инспектор Первис, а загадка Кейкбрета терзала ее давно. Слова Долли раскрыли завесу тайны. Стало ясно, что Кейкбред — тайный пьянчуга. В Африке она хорошо знала многих туземных царьков, которые никогда не отказывались от порции джина.

— Так он в погребе? Сейчас же пойду и поговорю с ним.

— Советую прихватить топор или чего потяжелее.

Мистер Трампер в который раз доказал свою незаменимость, когда надо что-нибудь принести. Он сбегал в гостиную и вернулся с кочергой.

— Возьмите, Кларисса.

— Спасибо, Юстэс.

— Я с вами.

— Не стоит.

— Нет, я все-таки пойду, — с тихой решимостью сказал мистер Трампер. Долли тоже изъявила желание пойти с ними.

Процессия миновала мощный коридор за обитой зеленым сукном дверью и по каменным ступеням спустилась в погреб. Дверь была открыта, но звуков буйства за ней не слышалось. Миссис Корк заглянула внутрь. Мистер Трампер и Долли перешептывались за ее спиной.

— Он ведет себя очень тихо, — сказал мистер Трампер.

— Затаился и выжидает, — сказала Долли.

Миссис Корк нетерпеливо подала голос. У нее были нервы, как стальные канаты, но даже на них подействовала эта неестественная тишина. Если все говорят о дворцеком, что он бьет бутылки, вы ждете, что он будет бить их и дальше. Если он затаился и ждет, это уже слишком.

— Кейкбред! Молчание.

— Кейкбред!

Снова молчание, словно дворецкий изготовился к прыжку.

— Может, ушел? — с надеждой предположил мистер Тра-пер.

— Нет, — отвечала Долли. — Я вижу, как там в глубине поблескивают его глаза.

При этих словах миссис Корк встрепенулась, как при звуке трубы. Не в ее привычках было тратить время на разговоры, когда надо действовать. Сжимая кочергу, она ринулась в темноту, и Юстэс Трампер, лишь на мгновение заколебавшись, шагнул следом.

Не успел он переступить порог, с дрожью в коленях, но при этом с сознанием, что совершает самый мужественный поступок в своей жизни, как дверь сзади захлопнулась, и в замке повернулся ключ.

Почти в это же самое время Энн, добежав до террасы по пути в сад, резко остановилась. Она заметила свет в кабинете миссис Корк.

У миссис Корк был один или два пунктика, но главный, когда люди, выходя из комнаты, не гасят за собой свет. Энн вспомнила, что последней выходила из кабинета. С четверть часа назад миссис Корк послала ее за экземпляром «Женщины в дебрях», отрывки из которой намеревалась включить в лекцию. Это означало, что именно она, Энн, позабыла щелкнуть выключателем.

Придавленная чувством вины, которое испытывает всякая девушка, оставившая свет в пустой комнате, она шагнула в стеклянную дверь, чтобы исправить свою оплошность, и обнаружила, что комната совсем не пуста. Первым ее взору предстал самый ненавистный полузащитник Англии, Дж. Дж. Миллер. Он стоял спиной к Энн и подбадривал кого-то, кто лежал на полу, скрытый от нее столом. Подойдя ближе, Энн поняла, что ободряющие слова адресуются обтянутому штанами громоздкому зад. Он торчал из буфета. Любовь подсказала Энн, что зад этот ей известен и принадлежит ее дяде Джорджу, шестому виконту Аффенхемскому.

— Что... — начала она, и Джеф подпрыгнул, как будто тренировался в прыжках в высоту с места. Тут же со звуком, который инспектор Первис назвал бы глухим ударом, глава семьи стукнулся затылком о буфетную полку.

— Ой, привет, — сказал Джеф, который, развернувшись в прыжке, узнал новоприбывшую. — Заходите. Вы как раз вовремя.

Бывают минуты, когда здоровая, исполненная любопытства девушка не может хранить обет молчания даже по отношению к последним отбросам общества, если упомянутые отбросы могут снабдить ее волнующей информацией.

— Что вы здесь делаете? — вскричала она.

Джеф был краток и деловит. Хорошие новости можно выкладывать без подготовки.

— Мы нашли их! Энн ахнула.

— Бриллианты?

— Да. Все позади, осталось только кричать «ура».

Лорд Аффенхем выполз из буфета, как цирковой слон, задом наперед вступающий на арену. Одной рукой он потирал затылок, другой сжимал большую табачную банку.

— Вот она. Только, дорогая, другой раз не заговаривай так неожиданно в такие минуты.

Джеф не мог согласиться с этим мнением. Долгий, увлекательный разговор, который только что произошел у них с Энн, освежил его, как дождь — иссохшую землю. Да, от звука ее голоса шевелюра его поседела, а сердце остановилось навеки, и все равно он считал, пусть говорит внезапно, лишь бы говорила.

— Ваш дядя вспомнил, что положил их в табачную банку.

— Что?! — вскричала Энн.

— Да, — сказал Джеф.

— Да-а, — сказал лорд Аффенхем.

Со стороны окна донесся сильный мужественный голос.

— Руки! — сказал он.

И мистер Моллой резво вошел в гостиную, держа перед собой пистолет.

Глава XXVII

Следует напомнить, что перед этим, последним в нашей хронике появлением, мистер Моллой был настроен отнюдь не радостно. При знакомстве с пистолетом, который теперь держал развязно, словно официант — тарелку жареной картошки, он заметно дрожал, как будто ненароком погладил скорпиона. Никто не заметил бы в нем особенного задора. Наверное, следует объяснить, почему сейчас он вошел резво и заговорил сильным мужественным голосом.

Эта разительная перемена произошла в нем стараниями жены. От глаз Долли не ускользнули его колебания, и, едва Шимп вышел из комнаты, она первым делом налила Мыльному две рюмки бренди из бутылки, которую давно выпросила у лорда Аффенхема и держала в ящике комода под теплыми панталонами.

Бренди, как и портвейн, портит фигуру, но мистер Моллой, хоть и следил за своим весом, решил на этот раз поступиться правилами. Он выпил свои две рюмки и преобразился. После второй он подкинул пистолет в воздух и поймал за дуло. Еще одна, и он вышел бы из комнаты, балансируя пистолетом на носу.

Соответственно, в дело он ринулся с бесшабашной бравадой. Правда, в комнате было три человека, а ему обещали лишь одного. Чем больше, тем веселее, чувствовал он. Что до нелепости слова «Руки!», он просто не мог бы сейчас подобрать никакого другого.

Его внезапное появление было встречено тишиной, но лорд Аффенхем не мог долго сдерживать свое любопытство.

— Руки? — переспросил он.

— Руки вверх.

— Зачем? — удивился лорд Аффенхем. — Что происходит? — спросил он, поворачиваясь к Джефу. — Этот малый, что, пьян?

Мыльный прояснил положение:

— Мне нужна табачная банка. Энн вскрикнула.

— Нет! Не отдавай ему, милый!

— Отдать ему банку? — изумился лорд Аффенхем. — Когда в ней — мои бриллианты? Ну нет. Я не такой дурак.

Мыльный, которого убедили, что он скажет «Руки!», а дальнейшее случится само собой, опешил бы, если б не благотворное действие двух рюмок бренди. Он отвечал все так же напористо:

— Давайте сюда, или я проделаю в вас дырку.

Лорд Аффенхем с самого начала разговора смотрел на Мыльного немигающим взглядом и наконец вспомнил, где его видел. Заодно он вспомнил, что собирался сказать этому человеку одну вещь.

— Вы ведь муж миссис Моллой, да?

Многие обиделись бы на подобное определение, но только не Мыльный.

— Верно говоришь, брат.

— Я так и подумал. Я заметил вас, когда прислуживал за столом. Не знаю, известно ли вам, но у вас на макушке лысина.

У мистера Моллоя отпала челюсть.

— Не может быть!

— Может. Если срочно не примете меры, станете лысым, как яйцо. Попробуйте «Скальпо». Отлично помогает.

— Обязательно, — с жаром отвечал мистер Моллой. — Спасибо, что сказали.

Он поднес руку к макушке и заметил, что держит пистолет. Это вернуло его к делу.

— Ладно, к чертям мои волосы, — сказал он, краснея при мысли, что бы подумала его жена, увидев, как он отвлекся. — Давайте банку.

Его назойливость докучала лорду Аффенхему, но тот отвечал терпеливо:

— Я повторяю, в ней — мои бриллианты.

— Думаю, они ему и нужны, — сказал Джеф. — Я должен был упомянуть раньше, но этот человек — мошенник.

— Мошенник! Вы хотите сказать, из этих гнусных гангстеров?

— Что-то в этом роде. Вот почему я просил вас быть осторожней в разговорах с миссис Моллой.

— Эта милая маленькая дама тоже мошенница?

— Боюсь, что да.

— Лопни кочерыжка, — сказал лорд Аффенхем с болью разочарования. — Я должен это обдумать.

— Банку давай, — сказал Мыльный, но он мог бы не утруждаться. Лорд Аффенхем впал в транс.

Наступило молчание. Мыльный гадал, каких действий ждет от него жена. Энн укоризненно глядела на Джефа. Он стоял, подняв руки, и такая покорность неприятно ее удивила. Она не любила Джефа, но считала человеком отважным.

— Вы не можете что-нибудь сделать? — спросила она. Прежде чем

Джеф успел ответить, лорд Аффенхем очнулся. Видимо, его размышления принесли плоды.

— Предоставьте это мне, — весело сказал он. — Я сам управлюсь. — Он пошел на Мыльного, пристально глядя ему в глаза. — Вы не сможете прицелиться. Вы не сможете нажать на крючок. Вы не в силах удержать пистолет.

Мыльный не понял.

— Почему это? — удивился он.

Лорд Аффенхем с явным разочарованием повернулся к Джефу.

— Странно. Не получилось. Я слышал, как в пьесе один тип сказал так другому, и тот, выронив пистолет, залился слезами. Может быть, я сказал что-то не так?

— Вы все сказали так, — утешил Джеф, — но, боюсь, одними словами не обойтись. Простите.

Он резко упал вперед и ударил Мыльного головой под колени. Мыльный, хоть и видел движение Джефа, ожидал, что удар придется гораздо выше, и пошатнулся. Джеф обхватил его руками за ноги. Мыльный потерял равновесие и упал. Грянул выстрел, и два сильных мужчины в обнимку покатались по ковру.

При виде этого кровь у лорда Аффенхема всколыхнулась. Он вздрогнул, как старый боевой конь. Немало воды утекло с тех пор, как он вот так же катался по ковру — в 1912-м или, даже скорей, в 1913-м, на балу в Ковент-гардене, где поспорил с другим гостем, — но былой бойцовский задор не погас.

Единственное, что мешало ему ринуться в гущу сражения, это банка, которую он по-прежнему держал в руках. Он как раз гадал, как от нее избавиться, когда уголком глаза приметил рядом женскую фигурку.

— Подержи, дорогая, — сказал он, отдавая банку.

Что касается намерений, это было вполне здраво. Нельзя по-настоящему участвовать в потасовке, если руки у тебя заняты. Увы, он не всмотрелся как следует в свою помощницу, иначе непременно увидел бы, что это вовсе не его племянница Энн, но бывшая милая маленькая подружка, Долли Моллой.

Она вбежала в гостиную на звук выстрела. Заперев дверь подвала за миссис Корк и Юстэсом Трампером, Долли поспешила в гараж, завела двухместный автомобиль миссис Корк и вывела его на дорогу. Здесь она собиралась ждать Мыльного, но пистолетный выстрел изменил ее планы. Инспектор Первис всегда мчался на выстрелы в ночи; помчалась и Долли.

В тот миг, когда она показалась в дверях, Мыльный удачным

движением ноги ослабил хватку противника и вскочил, однако Долли видела, что дела его плохи. Продажа акций несуществующих нефтяных скважин — занятие прибыльное, но не способствующее росту мускулатуры; лишь две рюмки бренди да паника позволили Мыльному освободиться от более молодого и спортивного бойца. Второй атаки ему было не выдержать.

Так же не вызывало сомнений, что вторая атака вот-вот последует. Джеф тоже стоял на ногах и явно примерялся, как бы двинуть Мыльного в челюсть, поэтому Долли без колебаний пустила в ход весь свой женский потенциал. Она двумя руками подняла банку и со всей силы обрушила Джефу на голову.

Банка эта была большая, увесистая, не банка даже, а маленькая бочечка, выточенная из камня и украшенная университетским гербом. Лорд Аффенхем купил ее в Кембридже в первый год обучения; то, что она до сих пор не разбилась, свидетельствовало о ее прочности.

Со своей стороны, Долли, несмотря на хрупкое сложение, была куда сильнее, чем могло показаться. Она обладала крепкими руками и отличной сноровкой. Одного удара или хлопка, как выразился бы Эрнест Пеннифадер, хватило с избытком. Глаза у Джефа закатились, колени подогнулись, он осел на пол.

Энн с душераздирающим воплем кинулась вперед и упала на его останки.

— Джеф! — вскричала она. — Ой, Джеф, милый!

Все это может показаться странным, учитывая ее неоднократно высказываемую неприязнь к упомянутому молодому человеку, — скорее, от нее следовало ожидать возгласа «Браво!» или взрыва аплодисментов. Однако психологам хорошо известно, что в критические минуты женские чувства подвержены разительным переменам. Девушка может презирать полузащитника, нехорошо поступившего с ней на рододендроновой дорожке, но при виде того же полузащитника в луже крови после удара табачной банкой по голове, ее гнев сменяется жалостью, жалость — прощением, прощение — любовью.

Правда, Джеф не так уж сильно истекал кровью, поскольку ему всего лишь ссадило кожу гербом аффенхемовской Альма Матер, но довольно было и этого. Энн поняла, что любит его и будет любить всегда (если, конечно, он выживет), и что Джеф вовсе не отброс общества, как она ошибочно полагала, но, напротив, цвет человечества.

— Ой, Джеф, — шептала она.

— Его зовут Уолтер, — поправил лорд Аффенхем. — Хотя нет, черт

возьми, ты права. Того гляди, забуду собственное имя.

Он повернулся и укоризненно взглянул на Долли, которая поднимала пистолет, выпавший в схватке из рук ее мужа.

— Эй! — сказал лорд Аффенхем.

Долли не могла уделить ему должного внимания. Она хлопотала вокруг Мыльного, который, прислонясь к двери, медленно приходил в себя.

— Как ты, пупсик?

— Сейчас отдышусь.

— Вот и славно. Стеклашки добыл?

— Они в банке.

— Как, в банке?

— В банке, киска, которую ты держишь в руках. Старый пень сказал.

— Если «старый пень» относится ко мне, — оскорбился лорд Аффенхем, — то я отвечу на это, грязный ты фесвитянин...

Долли подняла руку.

— Минуточку, папаша. — Она снова повернулась к Мыльному. — Двигай в машину, пупсик, и заводи мотор. Надо слинять, пока Шимп не очухался. Я за тобой. Машина на дороге, отсюда сразу направо. Банку возьми с собой.

— Ладно, солнышко, — покорно отвечал мистер Моллой, исчезая в двери.

— Теперь, папаша, — быстро сказала миссис Моллой, — я слушаю. Чего вам?

Лорд Аффенхем вытаращил глаза.

— Чего мне? Чего мне? Понимаете ли вы, что весь мой капитал, до последнего пенса — в банке, которую унес этот обормот, ваш муж?

Долли задумчиво покусала пистолет. Она, похоже, искренне огорчилась.

— Сурово выходит, — согласилась она. — Не хочется оставлять вас ни с чем, папаша. Ладно. Кинем вам двадцать пять.

— Чего-чего?

— Отстегнем двадцать пять процентов. Учтите, это только для вас, ни для кого другого я бы этого не сделала, но вы — славный дед и своим портвейном спасли меня от смерти. Ну как? Идет?

Энн подняла голову. Лицо ее было искажено.

— Мне кажется, он умер, — шепнула она.

— Не думаю, — сказала Долли,

На лице лорда Аффенхема проступило некоторое упрямство.

— Не перебивай, дорогая. Мы говорим о деле. Двадцать пять процентов?..

— И учтите, это еще не железно. Все зависит от того, сумеем ли мы отвязаться от Шимпа.

— Двадцать пять процентов? Сознаете ли вы, что все состояние моей племянницы тоже в этой банке?

— Вот как?

— До последнего паршивого пенса. Их доверили мне под мою ответственность. Я должен буду восполнить ее потерю. Понимаете, что это значит? Это значит, что мне придется жениться на миссис Корк.

Встревоженное лицо Долли просветлело. Она с облегчением улыбнулась.

— Что же вы сразу не сказали? Я и не знала, что у вас с Коркой все на мази. Ладно, раз вы решили жениться на миссис Корк, то дело улажено. Не прогадаете. У нее этих денег, как грязи. Послушайте, папаша. Она в погребке. Вот ключ. Идите туда и не выпускайте ее, пока она не скажет «Да» в замочную скважину. Прощайте, мне пора. — И Долли исчезла.

Лорд Аффенхем некоторое время стоял без движения, неотрывно глядя на ключ в своей ладони. Смутно, словно сквозь сон, до него доносился голос племянницы, говоривший, что кто-то не умер, но лорд Аффенхем не вникал. Он собирал свою исполинскую силу воли для предстоящей страшной задачи.

Внезапно он повернулся и шагнул в дверь, медленно, но решительно, расправив плечи и выставив подбородок, словно французский аристократ по дороге на гильотину.

В этот самый миг снаружи донесся рев отъезжающего автомобиля.

Долли не потребовалось много времени, чтобы добежать до машины. Подобно Миртл Шусмит и Энн Бенедик, она умела дзигаться быстро.

Покуда она стремительно шла через сад на тусклый свет фар, в душе ее разливалась тихая благодать. Она искренне жалела, что придется забрать у славного старикана, лорда Кейкбрета, все его земное достояние; весть, что он женится на миссис Корк и становится обладателем корковских миллионов, рассеяла последнюю тень, и теперь Долли была вполне счастлива.

Первое подозрение, что не все к лучшему в этом лучшем из миров, закралось у нее, когда, подойдя к тихо урчащей машине, она увидела рядом не только своего мужа, но и ехидну Твиста.

— Привет, — сказала она, немного опешив.

Шимп Твист был в отличном расположении духа. Выстрел прозвучал

для него приятной неожиданностью; он до самого конца не верил, что Долли сдержит слово. В результате ее приветствовал потеплевший и почти дружелюбный Твист.

— Молодцом, Долли. Чистая работа.

Долли по-прежнему силилась приучить себя к мысли, что он здесь.

— Что ты сделал с занудами?

— Запер. А где Корка?

Долли облегченно вздохнула. Она нашла выход. Выход всегда есть.

— В подвале, — сказала она и тут же театрально вздрогнула. Она круглыми от ужаса глазами смотрела Шимпу через плечо. — Черт! Вовсе не в подвале! Вон она!

— Где? — воскликнул Шимп, оборачиваясь. Разумеется, маленький пистолет не сравнится с табачной банкой, украшенной гербом Королевского Кембриджского колледжа. Если Джеф осел, как мокрый носок, то Шимп лишь пошатнулся.

Однако, пошатнувшись, трудно сразу восстановить равновесие. Долли хватило секунды, чтобы затолкать мужа в машину, усесться самой и тронуться с места. Автомобиль рванулся вперед, набирая скорость с каждым оборотом колес.

Мистер Моллой был преисполнен восхищения.

— Сегодня ты весь вечер попадаешь в точку, — с любовью заметил он.

— Это только начни... — отвечала Долли.

Она замолчала, внимательно глядя на дорогу, как и положено за рулем.

Глава XXVIII

В кабинете Джеф встал и оперся на край стола. Приятно было ощущать под рукой что-то прочное. Это убеждало, что он не спит, а Джеф сейчас очень нуждался в таких ручательствах. Нельзя получить тяжелой банкой по голове и не ощущать некоторого тумана, а Джефу казалось, что некоторые из его недавних ощущений вполне могут быть следствием умственного расстройства.

Энн сидела на ручке кресла и нежно смотрела на Джефа, словно мать — на ребенка, выздоровевшего после трудной детской болезни. Она тоже осознавала, что случилось нечто необычайное, но одно знала твердо: вот человек, которого она любит. Это тоже было странно, но не вызывало ни малейших сомнений.

— Как вы? — спросила она.

Джеф провел рукой по лбу. Издалека доносились слабые крики пленных зануд.

— Ошарашен.

— Не удивляюсь.

— Это была самая большая неожиданность в моей жизни.

— Когда миссис Моллой ударила вас банкой по голове?

— Когда я вдруг понял, что вы меня целуете. Вы правда меня целовали? Или это был дивный сон?

— Нет. Я вас целовала. Я думала, вы умерли.

Джеф помолчал. Они приближались к сути дела. С этого мига ему надо было очень внимательно следить за ее ответами.

— Да? Думали, я умер? Что изменилось теперь, когда вы видите, что я жив?

— Ничего.

— Вы не жалеете, что я уцелел?

— Ничуть.

Лоб Джефа все еще не вполне разгладился.

— Не понимаю.

— Что вас смущает?

— Ну, — сказал Джеф и снова умолк. Наконец он понял, в чем затруднение, — До последнего времени вы вели себя так, будто я вам не совсем нравлюсь.

— Так и было.

- А теперь...
- Меня словно подменили, да?
- Неужели я вам нравлюсь?
- Очень.
- Вы одумались?
- Одумалась.

И снова Джеф замолчал. От ее ответа на следующий вопрос зависело все.

- Вы, часом, меня не... любите?
- Люблю.
- О, Господи!

— Сама удивляюсь. Это нахлынуло на меня, когда миссис Моллой ударила вас банкой.

Глаза у Джефа зажглись. В голове по-прежнему стоял звон, но и душа звенела от радости.

— Да здравствует миссис Моллой! — вскричал он. — Я не всегда одобрял ее привычку бить людей тяжелыми предметами по голове, но сейчас я кричу: «Да здравствует милая маленькая особа!»

Окончательно разрешив сомнения, он привлек Энн к себе. Наступило долгое молчание, нарушаемое лишь глухим ропотом зануд.

— Что это за шум? — спросила Энн, поднимая голову.

— Не знаю, — отвечал Джеф, снова привлекая ее к себе. — Какая разница?

— Никакой. Просто любопытно.

Джеф быстро поцеловал ее одиннадцать раз подряд.

— Учтите, — сказал он, — я все равно в это не верю.

— Пора бы уже.

— Нет. Я и на секунду не обманулся. Я точно знаю, что скоро снова проснусь в Ледниковом периоде и услышу от тебя «Да?». Ты даже не представляешь, что это такое.

Энн вскрикнула:

— Бедный мой ангел! Я была очень гадкая?

— Я еще до конца не оттаял.

— Прости. Я не знала своей силы. И все-таки ты это заслужил.

— Если ты будешь обращать меня в лед всякий раз, как я этого заслужу, то меня ждет мрачная жизнь.

— Больше не буду. Что бы ты ни сделал, я скажу себе: «Это всего лишь старый болван Джеф. Он ничего не может с собой поделать, но у него есть свои хорошие стороны, и я его люблю».

— Не знаю, сознаешь ли ты, что легко могла меня потерять.

— Ты бы развернулся и полюбил другую?

— Конечно, нет. Как я мог полюбить другую после того, как увидел тебя? Я хочу сказать, что еще немного твоего холода, и я стал бы как тот малый в «Эксцельсиоре». Впрочем, куда тебе. Ты не слыхала про «Эксцельсиор».

— Слыхала.

— Удивительная вещь, это твое домашнее образование. Прямо как память твоего дяди — иногда срабатывает.

— На этот раз сработала, — горько сказала Энн.

— Да. Кстати, что с ним случилось?

— Не знаю. Он ушел. Но почему бы ты стал как тот малый в «Эксцельсиоре»? Ты бы начал бродить со знаменем?

— Я бы пропал в пурге. На следующее утро сенбернары нашли бы меня под снегом. Я бы лежал, безжизненный и прекрасный.

— Ну уж, прекрасный!

— Ты так считаешь?

— Определенно. И слава Богу.

— Что ж, может быть, ты права. Хотя ты видишь меня не в лучшем виде. Мужчину, которого прихлопнули, как муху, теряет часть привлекательности. И все же я тебя понял. Простое, честное лицо, и ничего более.

— Правильно.

— Бедные девушки. Мечтают о Прекрасном принце, а получают кого-то вроде меня.

— Я не жалею.

— Ничуть?

— Ничуть.

— Энн, мой ангел, — сказал Джеф с чувством. — Если бы ты знала, какой ты ангел, ты бы не поверила.

Объятие, последовавшее за этими словами, одобрил бы сам лорд Аффенхем. Наконец Энн высвободилась из рук Джефа. Вид у нее был немного задумчивый. Она вздохнула.

— Знаешь, — сказала она, — жизнь сурова. Джеф не мог с этим согласиться.

— Ничуть. Не желаю ничего слышать против жизни. Она прекрасна. О чем ты?

— Моллои уехали с нашими бриллиантами.

— Ну и что?

— Ты не расстроен? Джеф взглянул озадаченно.

— Не понимаю. Ты сказала, что любишь меля?

— Да, припоминаю что-то такое.

— И выйдешь за меня замуж?

— Да.

— И ты думаешь, что я буду убиваться из-за каких-то бриллиантов?

— Я просто сказала, что жаль. Разве ты не предпочел бы жену с приданым?

— Ты знаешь, что такое приданое?

— Конечно.

— Удивительно. Домашние уроки истории, классической литературы...

— Так предпочел бы?

— Жену с приданым? Конечно, нет. Что деньги? Не будь у нее ни гроша, честная, милая английская девушка достойна составить пару знатнейшему из людей страны.

— Счет в банке не помешает английской девушке быть такой же честной и милой. При всей любви к дяде Джорджу, я бы с радостью огрела его банкой по голове.

— Милости прошу. Вот и он. Уверен, у него отыщется еще банка.

Лорд Аффенхем всегда ступал тяжело, и глаза у него нередко были стеклянные, но сейчас Джефу показалось, что походка его еще тяжелее обычного, а глаза — еще стекляннее. В целом (если не считать того, что лицо его было покрыто угольной пылью, не вполне уместной на траурной церемонии), он выглядел так, словно только что похоронил лучшего друга.

Энн, как любая женщина, заметила прежде всего телесный изъян.

— Милый, что ты сделал со своим лицом? — вскричала она.

Взгляд лорда Аффенхема из стеклянного стал горящим. Было ясно, что его гнетут какие-то тягостные воспоминания.

— Это не я, а подлая тварь Трампер. Он кидался в меня углем.

— Углем? — удивилась Энн.

— Углем очень удобно кидаться, — заверил Джеф. — Вообще полезная вещь. А за что? Или он не объяснил?

— Ему не понравилось, что я целую миссис Корк.

Весь вечер Энн не покидало ощущение, что она спит и видит сон; сейчас оно еще усилилось.

— Ты поцеловал миссис Корк? Зачем?

— Я хотел, чтобы она вышла за меня замуж.

— И естественно, — объяснил Джеф, — твой дядя ее поцеловал.

Когда хочешь на ком-то жениться, поцелуй — первое дело. Взять хсть нас с тобой. Если б ты меня не поцеловала, я, может быть, и не сделал бы тебе предложения. Я был на перепутье.

Энн строго взглянула на него.

— Не знаю, сознаете ли вы, Дж. Дж. Миллер, — сказала она, — что вам грозит серьезная опасность снова услышать от меня «Да»?

— Ты уже попробовала и видишь, что вышло. Я совсем не то жалкое существо, которое сжималось под твоим взглядом сегодня вечером. Ты не представляешь, как смелеет человек, узнав, что ты его любишь. — Он повернулся к лорду Аффенхему — Не обращайтесь внимания. Любовная воркотня. Мы помолвлены.

— Лопни кочерыжка. Неужели?

— Да. Она одумалась. Миссис Корк, насколько я могу заключить по вашему виду, — нет. Что случилось? Не смогли ее уломать?

— Все пошло не так. Я открыл дверь, она вышла, я ее поцеловал.

— Вам не пришло в голову сказать, что вы и есть пропавший лорд Аффенхем?

— Нет. А что?

— Она могла удивиться, что ее целует дворецкий.

— Об этом я не подумал. — Лорд Аффенхем понимающе кивнул. — Вот, наверное, почему она решила, что я пьян, и велела пойти проспать.

— Наверное, поэтому.

— Да это и неважно, потому что она выходит за Трампера. Оттого он и кидался в меня углем. Кончилось тем, что она меня уволила. Сказала, ей плевать, что там в договоре, и если лорд Аффенхем подаст на нее в суд, она обратится в Палату Лордов. Впрочем, вряд ли я стану с ней судиться. Было бы из-за чего.

Энн, которая столкнулась с обычной трудностью, подстергавшей в диалогах Аффенхем — Миллер, воспользовалась короткой паузой, чтобы вставить слово.

— Бедная Энн! — сказала она. — Бедное маленькое дитя. Что ждет эту милую девушку с чокнутым мужем и полоумным дядей! Джеф?

— Да, моя радость?

— Поскольку ты кажешься мне чуть более нормальным, чем дядя, не объяснишь ли ты, что здесь происходит?

— Объясню. Ты видишь перед собой, — начал Джеф, — белейшего человека в мире. Нет. В данных обстоятельствах это не подходит. Я хотел сказать, что твой дядя — герой. Он собирался жениться на миссис Корк, чтобы вернуть тебе утраченное состояние.

— Дядя Джо-ордж! — вскричала Энн, совершенно сраженная.

— Все в порядке, дорогая, — сказал лорд Аффенхем. — Ничего другого не оставалось. *Noblesse oblige*, понимаешь, *noblesse oblige*.

Он так явно любовался собой, что Джеф пожалел о своих словах. Как часто искренняя хвала неоправданно кружит голову!

Он поспешил внести коррективы.

— Хорошо вам стоять тут, как Сидни Картон,^[26] — холодно сказал он. — Самопожертвования не потребовалось бы, будь у вас хоть унцией больше мозгов, чем на бильярдный шар.

— Выбирайте слова, Джеф, — обиделся лорд Аффенхем, и Энн, по-видимому, согласилась.

— Этот Миллер, — сказала она, — невесть что о себе думает. Наглый, заносчивый тип, каких я на дух не выношу.

Джеф стоял на своем.

— Я сказал, на бильярдный шар, и не отступлю от своих слов. Почему этот болван не положил бриллианты в банк?

— Ты назвал моего дядю болваном?

— Да.

— Наверное, пора было кому-то это сказать, — промолвила Энн. — Впрочем, ты же знаешь, он не доверяет банкам.

— Ну, конечно.

— А если человек не доверяет банкам, он, естественно, не хочет, чтобы банку достались его бриллианты.

— Не понимаю, чем в банке хуже, чем у Моллоев.

— Согласна.

Лорд Аффенхем не участвовал в разговоре. Заявив протест, он по обыкновению ушел в себя. Подрагивание бровей показывало, что мозг его трудится. Теперь он вынырнул из забытья с громким «Лопни кочерыжка!»

— Минуточку, — вскричал он. — Сейчас, сейчас. Джеф!

— Милорд?

— Продолжайте, пожалуйста, говорить «в банке».

— «В банке»?

— Он просит говорить «в банке», — объяснила Энн.

— Да? Хорошо. В банке... в банке... в банке... Долго еще? — спросил Джеф.

— Вот что я вам скажу, — объявил лорд Аффенхем. — Я серьезно сомневаюсь, что положил бриллианты в табачную банку. И все же слова «в банке» очень важны. Как и слово «пруд». А пока не говорите со мной. Я хочу подумать.

Он впал в прострацию, и Джеф повернулся к Энн.

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Это хорошо, — отвечала Энн.

— И буду любить всю жизнь.

— Лучше и лучше.

— Ты знаешь, что муравьи бегают быстрее в жаркую погоду?

— Быстрее кого?

— Быстрее других муравьев в холодную, вероятно.

— Ты не обманываешь?

— Нет.

— Это правда?

— Чистая правда. И я люблю тебя.

Лорд Аффенхем тяжело поднялся с кресла. Все его лицо — брови, нос, глаза, подбородок и верхняя губа — лучилось довольством. Даже уши слегка подрагивали от восторга.

— Я знал, что вспомню, — сказал он. — Я никогда ничего не забываю начисто. Надо было только дать мне время. Бриллианты целы. Они — в банке.

— Правда? — вскричал Джеф.

— В каком банке? — воскликнула Энн.

— Не в каком, а в какой. В лодочной банке, — сказал лорд Аффенхем. — Не знаю, известно ли вам, но скамейка в лодке зовется банкой. Я отчетливо все помню. Был чудесный весенний день. Я гулял по берегу и просто из любопытства заглянул в лодку. Под банкой оказалось что-то вроде ящика. Я сходил за бриллиантами и спрятал их там.

Он вышел в стеклянную дверь. Энн с надеждой взглянула на Джефа.

— Думаешь, они там?

— Конечно, нет.

— Ты — пессимист.

— Я просто смотрю на вещи здраво, — сказал он. — Ни за что не поверю, что твой дядя спрятал бриллианты в таком простом, надежном месте, как лодочная банка. Нет, это его очередной фальстарт. Нам надо тихо и спокойно подумать о будущем, забыв про всякие бриллианты.

— Мое приданое!

— Брось.

— Я хочу принести тебе приданое.

— Я сказал, что мне не надо твоего приданого. Неужели Миллер из Холси-корта не сможет прожить с женой без ее денег? В скромном довольстве, учти, не в роскоши. Поначалу, конечно, придется экономить.

Ты будешь готовить, я — мыть посуду. Нет, черт возьми, не буду. Посуду будет мыть твой дядя. Разумеется, он поселится с нами, так что пусть отрабатывает свой хлеб. Что толку иметь в доме опытного дворецкого, если не можешь приставить его к делу? Значит, договорились. Ты будешь готовить, твой дядя — мыть посуду, прислуживать за столом, отвечать на дверные звонки, исполнять мелкие поручения, чистить серебро...

— Какое серебро?

— У меня есть маленький кубок. Я выиграл его в школе в забеге на четверть мили.

— А ты?

— Я буду лежать на диване с трубочкой и приглядывать за всем.

— Вот как?

— И, разумеется, вносить неповторимый миллеровский штрих.

Снаружи послышалась тяжелая поступь.

— Ну вот, — сказал лорд Аффенхем. — Я же вам говорил. Небрежным жестом он, словно гейзер, принялся рассыпать бриллианты по столу.

Глава XXIX

Долли Моллой остановила машину.

— А теперь, пупсик, давай на них поглядим.

Она подкрашивала губы, поэтому не сразу заметила зловещую тишину. Долли быстро повернулась, и расстроенное выражение любимых глаз поведало ей скорбную повесть. Она шумно выдохнула:

— Их там нет?

— Нет, киска.

В такие минуты и проявляется подлинное величие женщины. Мгновение Долли сидела, словно раздавленная пятой рока. Потом минутная слабость прошла. Долли вновь стала собой. Она поцеловала Мыльного — нежно, звучно, так что эхо прокатилось по темным полям.

— Не горюй, пупсик, — сказала она. — Хрен с ними. Главное, у нас есть мы.

Мистер Моллой не мог не откликнуться на такие слова. По природе он был оптимист. Только оптимист может торговать фальшивыми акциями.

— Верно, — вскричал он, распускаясь, как политый цветок, — и Корки на тысяча фунтов.

— И еще я прибила Шимпа, — сказала Долли, перечисляя свои удачи. — На круг выходит не так и мало. Да, в целом все обернулось очень даже неплохо.

Она выжала сцепление, и машина вновь двинулась сквозь тьму. Долли рулила молча. Она думала, как сильно любит Мыльного, и гадала, успеют ли они продать машину где-нибудь по дороге, пока Корка не подняла на ноги полицию.

Везет же этим Бодкинам

Перевод с английского Н. Усовой, А. Соколинской

Глава I

1

Молодой человек, сидевший на террасе каннского отеля «Манифик», смутился — верный знак, что англичанину сейчас придется объясняться по-французски. Провожая его в отпуск, Гертруда Баттервик настоятельно просила при всяком удобном случае улучшать свой французский, а слово Гертруды для него — закон. И потому сейчас, заранее зная, что будет щекотно в носу, он решительно произнес:

— Э, гаг'сон.

— Мсье?

— Э, гаг'сон, эске вузаве ан по де лянкр этюн пиес де па-пье — нот-папье, ву савэ — этюн энвелопп этюн плюм?^[27]

— Ben, m'sieur.

Нагрузка оказалась непомерной, и Монти перешел на родное наречие.

— Я хочу написать письмо, — сказал он и, со свойственной всем влюбленным готовностью поведать о своем счастье всему миру, чуть было не добавил «самой прекрасной девушке на свете», но официант быстро удалился и минуту спустя уже демонстрировал то, что ему удалось раздобыть.

— V'la, sir! Пжалюста, сир, — сказал официант.

У официанта в Париже тоже была невеста, которая очень просила его, пока он будет на Ривьере, не тратить времени даром и по возможности практиковаться в английском.

— Чер-ни-ля, пьеро, лист, конвег'т, плямокаска.

— Мерси, — сказал Монти, весьма довольный такой расторопностью. — Спасибо. Порядок.

— Порьядок, мсье, — откликнулся официант.

Оставшись один, Монти быстренько разложил перед собой бумаги, схватил перо и обмакнул в чернила. Пока все вроде бы шло как надо. Но в этот момент, как это часто с ним бывало, когда он садился писать письмо своей любимой, произошла заминка. Он не знал, с чего начать.

Склонности к эпистолярному жанру у него отродясь не было — печально, но факт. Гертруду Баттервик он обожал, прямо-таки боготворил. Сидя рядом с ней где-нибудь в укромном уголке (его рука обвивает ее

талию, она склоняет голову к нему на плечо), он мог говорить о любви долго и красиво. Но до чего же трудно изложить то же самое на бумаге! Он завидовал таким ловкачам, как этот Амброз Теннисон, двоюродный брат Гертруды. Амброз был писатель, и накропать что-нибудь в таком духе для него — раз плюнуть. Он бы за это время восемь страниц накатыл и уже конверт бы облизывал.

Но деваться некуда. Он непременно должен что-нибудь отправить с сегодняшней почтой. В последний раз он писал ей (открытки не в счет) ровно неделю назад — тогда он послал ей свою фотографию: как он в купальном костюме стоит на самой вершине Райской скалы. Он был уверен, она это оценит.

Задумчиво пожевывая перо и поглядывая по сторонам в поисках вдохновения, он решил начать с описания природы, а дальше — как пойдет.

«Отель «Мапифик»,
Канны, Франция.
Утро.

Привет, старушка! Пишу тебе с террасы отеля. Погода классная. Море синее...» —

но вдруг остановился, чувствуя, что допустил оплошность. Порвал листок и снова начал:

«Отель «Мапифик»,
Канны, Франция.
Утро.

Дорогой кроличек!

Пишу тебе с террасы отеля. Погода классная. Жаль, что тебя тут нет, потому что я по тебе очень скучаю. Страшно подумать, что, когда я вернусь, ты уже укачешь в Америку, и я тебя еще долго не увижу. Даже не знаю, как я это переживу.

С террасы видна прогулочная площадка, она почему-то называется Круазетт.^[28] Глупо, но факт. Море тут синее, песок — желтый. На горизонте маячит пара яхт. Слева — пара островов, а справа — горы».

Он снова сделал остановку. Кажется, природы получилось более чем достаточно — если продолжать в том же духе, то лучше сразу послать местный путеводитель. Теперь пора добавить что-нибудь о людях. Посплетничать, что ли, девушки это любят. Он снова поглядел по сторонам, и увиденное его вдохновило.

На террасе появилась забавная парочка: толстяк и стройная девица. Мужчину этого он и раньше видел и кое-что слышал о нем: Айвор Льюэлин, президент голливудской кинокомпании «Суперба-Льюэлин», — личность эта по праву заслуживала абзаца в любом частном письме.

И Монти написал:

«В это время здесь мало кого увидишь — по утрам все либо режутся в теннис, либо чешут купаться на Антибы. Но на моем горизонте только что появился типчик, о котором ты наверняка слышала, — Айвор Льюэлин, киношник.

Если ты о нем не слышала, то по крайней мере видела его картины. Помнишь фильм, на который мы ходили в Лондоне накануне моего отъезда? Названия не помню, помню только, что про гангстеров, а Фуксия Флокс играла девицу, которая втюрилась в журналиста.

В настоящий момент он сидит за соседним столиком и беседует с какой-то дамочкой».

Монти снова сделал передышку. Перечитывая написанное, он засомневался, годится ли это вообще в качестве письма. По части сплетен все в норме, но к чему ворошить прошлое? Зря он упомянул Фуксию... в том конкретном случае, на который он ссылается, его откровенное восхищение мисс Флокс привело к тому, что Гертруда надулась и только после двух чашек чая с самыми лучшими пирожными в «Рице» наконец оттаяла.

Вздохнув, он начал письмо по новой, побольше про природу, но не про людей. Нет! Затем его осенило: а что если сделать красивый жест и как бы между прочим упомянуть про ее отца, — наверняка, ей это будет приятно. Вообще-то он терпеть не мог старого придурка и выскочку, но из вежливости иногда лучше скрывать свои чувства.

«Греясь на солнышке, я то и дело вспоминаю твоего дорогого папашу. Как он там? (Непременно передай ему, что я о

нем спрашивал.) Надеюсь, его больше не беспокоит его...»

Монти опять отложил перо и, откинувшись на стуле, мрачно уставился перед собой. Перед ним возникло новое препятствие. И зачем он только приплел сюда старика! Дело в том, что недуг, которым страдал мистер Баттервик, носил название «ишиас», а о том, как пишется это слово, Монти не имел ни малейшего представления. Может быть, через «е»?

2

Если бы Монти Бодкин был художником слова вроде Амброза Теннисона, он бы, вероятно, сопроводил сухое замечание о том, что мистер Льюэлин беседует с дамой, выражением «по душам» или даже и целым предложением вроде: «...и, как мне кажется, о чем-то очень важном, ибо даже со стороны видно, как сильно он взволнован».

И написав так, он бы не ошибся. Киномагнат действительно был взволнован до чрезвычайности. Сидя на террасе рядом с Мейбл, которая была родной сестрой его жены, он поминутно хмурился, а три его подбородка так и ходили ходуном. И еще он яростно жестикулировал — как толстый бойскаут, подающий условные знаки.

Мистер Льюэлин всегда недолюбливал свояченицу, а временами ему казалось, что он недолюбливал ее даже сильнее, чем свояка Джорджа (хотя это практически невозможно), но никогда еще она не вызывала в нем такой неприязни, как в данный момент. Будь она заезжей кинозвездой, выставяющей свои условия, даже и тогда он не смотрел бы на нее с большей враждебностью.

— Чего?! — заорал он.

К такому удару он был не подготовлен. Ничто его и не предвещало. Получив накануне телеграмму из Парижа от жены по имени Грейс и узнав, что ее сестрица утренним поездом прибывает в Канны, он, ясное дело, не обрадовался: он даже побрюзжал по этому поводу, но поступи карающего Рока почему-то не почувствовал. Подумал только: дурак он, что ли, тащиться ради нее на вокзал — и тут же выкинул это из головы. Его мало заботили перемещения Мейбл в пространстве.

Даже когда она попалась ему в гостиничном холле и попросила уделить ей пять минут (надо поговорить с ним с глазу на глаз об одном очень важном деле), он опять не почуял подвоха, только подумал: небось попросит у него взаймы, а он — хе-хе! — возьмет и не даст.

И только когда она, огорошив его своей новостью, как ни в чем не бывало напудривала свой (для всех, кроме него) очаровательный носик, несчастный осознал весь ужас своего положения.

— Слушай, Айки, — беспечно начала Мейбл Спенс, словно речь шла о погоде, — у нас есть к тебе дельце. Грейс купила в Париже очень милое жемчужное ожерелье и просит тебя, когда ты на будущей неделе поедешь домой, взять его с собой и тихонько пронести через таможенню.

— Еще чего?!

— Больше ничего.

Нижняя челюсть Айвора Льюэлина медленно поехала вниз, желая навеки зарыться в тройном подбородке. Брови взлетели вверх, а глаза выпучились, как улиточьи рожки. Президент кинокомпании «Суперба-Льюэлин» держал у себя немало талантливых актеров, но никому из них не удалось бы так правдоподобно изобразить неподдельный ужас

— Кто, я?!

— Ты, ты.

— Жемчуг — через нью-йоркскую таможенню?

— Ну да.

Именно в этом месте диалога Айвор Льюэлин начал вести себя как бойскаут. Но разве он в этом виноват? У каждого человека свои тайные страхи. Одни трепещут перед налоговым инспектором, другие боятся уличных регулировщиков. Айвор Льюэлин боялся таможенников. Под взглядом их тусклых глаз он весь съеживался. Когда таможенник при нем чавкал жевательной резинкой, он вздрагивал. Когда тот молча тыкал пальцем в его саквояж, он раскрывал его дрожащими руками, словно там спрятан труп.

— Я не буду. Она свихнулась!

— Как это?

— Просто свихнулась. Она что, не знает: стоит американке в Париже купить украшение, бандит-продавец дает сигнал на ее родную таможенню, и те радуются, ножи точат.

— Поэтому она тебя и просит. Тебя не заподозрят.

— Чушь! Еще как заподозрят! Поймают и посадят! Мейбл Спенс потрясла пуховкой:

— Не посадят. Во всяком случае, — произнесла она убийственно спокойным тоном, от которого мистеру Льюэлину так часто хотелось бросить в нее кирпичом, — не за контрабанду. Все будет легко и просто.

— Неужели?

— Да, у нас все продумано. Грейс написала Джорджу, он встретит

тебя в доке.

— Чудесно. Всю жизнь мечтал.

— Как только ты спустишься по трапу на берег, он подойдет сзади и хлопнет тебя по спине.

Мистер Льюэлин так и подскочил:

— Кто, твой брат Джордж?

— Он.

— Пусть только попробует, я его так огрею!

Мейбл Спенс хотела что-то сказать, но вовремя сдержалась. Она чувствовала себя няней, которой приходится вразумлять несмышленного младенца.

— Не говори глупостей, Айки. Послушай. Я сяду на корабль в Шербуре и передам тебе ожерелье, оно будет зашито в подкладку твоей шляпы. В этой шляпе ты сходишь на берег в Нью-Йорке. Джордж подходит, хлопает тебя по спине, шляпа падает. Джордж нагибается, чтобы ее поднять, — и роняет свою шляпу. Затем он подает тебе свою шляпу, а сам спокойно выходит из дока в твоей. Ты ничем не рискуешь.

У многих при мысли о таком хитроумном плане загорелись бы глаза, но Айвор Льюэлин был не из тех, чьи глаза легко загораются. Взгляд его как был стеклянным, таким и остался. Единственное, что можно было заметить в его глазах, так это неподдельное удивление.

— И ты позволишь Джорджу заграбастать ожерелье ценою... сколько, говоришь, оно стоит?

— Около пятидесяти тысяч долларов.

— Значит, я буду стоять и смотреть, как Джордж уносит в шляпе ожерелье в пятьдесят тысяч? Джордж? — проговорил мистер Льюэлин, как будто проверяя, правильно ли расслышал имя. — Джорджу я бы и детскую копилку не доверил.

Мейбл знала своего братца как облупленного. По сути, замечание было справедливым. Но она сохраняла спокойствие.

— Джордж не станет красть ожерелье у Грейс.

— С чего бы это?

— Он ее знает.

Мистер Льюэлин вынужден был признать силу ее аргумента. Его жена когда-то была одной из лучших тигриц немого кино. Кто видел ее в роли Мими, знаменитой бандитки (фильм «Когда Париж засыпает»), или в частной жизни наблюдал, как она рассчитывает повара, сказал бы вам, ни минуты не раздумывая, что она не тот человек, у которого можно безнаказанно красть ожерелья.

— Грейс шкуру с него сдерет.

Мистер Льюэлин улыбнулся. Мысль о том, что кто-то может содрать шкуру с его дорогого шурина Джорджа, согревала. Помнится, именно об этом мечтал он, по настоянию жены зачисляя братца на должность эксперта по постановочной части с окладом тысяча долларов в неделю.

— Может, ты и права, — сказал он. — Но мне это не нравится. Не нравится, и все. Много риска. А вдруг сорвется? У таможенников повсюду шпики, и только я с жемчугами в шляпе сойду на берег, они...

Ему не удалось закончить фразу: за его спиной кто-то тихонько кашлянул, а затем незнакомый голос произнес:

— Извините, можно вас спросить, не подскажете ли вы, как пишется слово «ишиас»?

3

Монти не сразу решился обратиться к мистеру Льюэлину за помощью в разрешении этой непосильной для него задачи. Вероятно, усвоенные в детстве правила хорошего тона не позволяли без достаточного к тому повода бросаться на незнакомцев, а может быть, он инстинктивно почувствовал, что спрашивать у владельцев кинокомпаний, как пишется какое-нибудь слово, — все равно что хватать их за ахиллесову пяту. Как бы то ни было, сначала он обратился к своему знакомцу официанту, но официант оказался плохим помощником. Сначала он вообще делал вид, что не верит, будто такое слово есть в природе, потом вдруг ударил себя по лбу и закричал:

— А! Ля маляди!

А затем понес какую-то ахинею:

— Комса, мсье. Вот так, малишь. Пиши и, ша, и, а, эс. Вуаля. Ишиас.

Выслушав всю эту белиберду, Монти, которому в данный момент было не до шуток, молча отослал официанта и решил выслушать еще одно мнение.

Реакция новой аудитории на его нехитрый вопрос оказалась довольно неожиданной. Правда, с мистером Льюэлином он был не знаком и уж, конечно, не ждал, что тот кинется к нему на шею, но чтобы так реагировать! Ничего подобного не видел он с того памятного дня в далеком детстве, когда дядюшка Перси, большой ценитель китайского фарфора, застал юного племянника в своей гостиной с вазой династии Минь на голове.

Дама, по счастью, оказалась не такой нервной. Монти она понравилась. Маленькая изящная брюнетка с серыми глазами.

— Как вы сказали? Повторите, — попросила она.

— Мне нужно написать слово «ишиас».

— Ну так пишите, — разрешила Мейбл Спенс.

— В том-то и дело, что я не знаю, как правильно.

— Ясно. Ну, если правил правописания не отменили, то оно пишется так: и-ш-и-а-с.

— Не возражаете, если я запишу?

— Пожалуйста.

— ...й-а-с. Отлично. Спасибо большое, — сказал Монти. — Ужасно вам благодарен. Я и сам так думал. Этот осел официант сбил меня с толку. Понес какую-то чушь: и-ша-эс. Я же знал, что никакого «аэ» там нет. Огромное вам спасибо.

— Не за что. Какие еще слова вас интересуют? Я знаю «параллелограмм» и «метемпсихоз», а Айки у нас специалист по коротким словам. Нет? Ну как хотите.

Проводив его ласковым взглядом, она обернулась к своему спутнику и убедилась, что тот находится в состоянии глубочайшего шока. Он таращил глаза и водил по лицу большим носовым платком.

— Что-нибудь случилось? — спросила Мейбл.

Мистер Льюэлин не сразу подобрал слова. А когда подобрал, то ответ его был сух и краток.

— Все! — заявил он. — С этим покончено!

— С чем покончено?

— С ожерельем. Я к нему и пальцем не притронусь.

— Да что с тобой, Айки?

— «Что с тобой, что с тобой...» Подслушал он нас, вот что!

— Не думаю.

— А я думаю.

— Ну и что?

Мистер Льюэлин фыркнул, но тихонько, словно тень Монти все еще нависала над ним:

— Как что? Говорил я тебе: у таможенников повсюду шпики, и этот тип — один из них.

— Не говори глупостей.

— Тебе хорошо советовать.

— Допускаю, что тебе это не под силу.

— Очень остроумно, — обиделся мистер Льюэлин.

— Я вообще остроумная.

— Только не знаешь одного — как эти таможенники действуют. Именно в таких гостиницах они и держат своих шпииков.

— Зачем?

— Зачем? Затем, что однажды какая-нибудь девица возьмет да заорет во все горло, что хочет тайно провезти ожерелье.

— Здесь только ты орал.

— Я не орал.

— Ну хорошо, будь по-твоему, какая разница? Ведь этот парень не шпион.

— А я говорю, шпион.

— Не похож.

— Ты что, настолько глупа, что думаешь, будто шпион всегда похож на шпиона? Ха-ха! Да ведь он специально старается, чтобы его никто не принял за шпиона. Ночами не спит, тренируется. Если он не шпион, зачем подслушивал? Откуда он вообще взялся?

— Он хотел узнать, как пишется слово «ишиас».

— Ха!

— Не смейся!

— Да как же не смеяться? — спросил мистер Льюэлин, горестно закатывая глаза. — Кому это взбредет в голову ровно в полдень, да еще на юге Франции, писать по-английски слово «ишиас»? Он понял, что мы его заметили, и брякнул первое, что пришло в голову. Все, с меня хватит. Даже и смотреть не хочу на это дурацкое ожерелье. Пусть Грейс придумывает что получше. Даже за миллион к нему не притронусь.

Он откинулся на спинку стула, чтобы перевести дух. Его свояченица смотрела на него с неодобрением. Мейбл Спенс была костоправом, к ее услугам прибегали многие звезды Беверли Хиллз, и это делало ее своего рода пуристом в области физической формы.

— Беда в том, Айки, — сказала она, — что ты не следишь за здоровьем. Ты много ешь, от этого лишний вес, от этого — нервы. Тебе надо лечиться. Можно провести курс прямо сейчас.

Мистер Льюэлин очнулся.

— Руки прочь! — предупредил он сурово. — В прошлый раз я послушался Грейс, и ты чуть не свернула мне шею. Не твое дело, надо мне лечиться или не надо. Твое дело — слушать, что я говорю. А я говорю, что не принимаю вашего сценария. Даже и не притронусь к этому дурацкому жемчугу.

Мейбл поднялась со стула. Продолжать дискуссию было

бессмысленно.

— Хорошо, — сказала она, — Будь по-твоему. Мне все равно, мое дело сторона. Грейс велела мне сказать, я и сказала. Тебе решать. Ты лучше меня знаешь, как ее урезонить. Я всего лишь сообщаю тебе, что сяду в Шербуре и эта штука будет при мне, а Грейс всего лишь просит тебя облегчить провоз. Она считает, что грешно отдавать деньги правительству Соединенных Штатов, у него и так слишком много, и оно потратит их на пустяки. Но ты поступай как знаешь.

И она пошла прочь, а мистер Льюэлин наморщил лоб (ибо в словах ее было много пищи для ума), взял сигару и принялся задумчиво ее жевать.

4

Тем временем Монти, не подозревая о буре, которую вызвал его невинный вопрос, продолжал писать письмо. Он уже дошел до той его части, где он говорит Гертруде, как сильно ее любит, и слог его оживился. В конце концов он до того увлекся писанием, что, когда над его локтем раздался голос официанта, он вздрогнул и пролил чернила.

— Что еще? Къетиль мейтнант? Ке вуле ву? — недовольно спросил он.

Но не просто жажда общения привела к нему официанта. В руке у него был голубой конверт.

— А, — догадался Монти. — Юн телеграм пур муа, да? Ту друа. Доннэ ле иси.^[29]

Вскрыть французскую телеграмму не так-то просто, на это нужно время. Она бывает склеена в самых неожиданных местах. Пока пальцы Монти делали свое дело, он с удовольствием поговорил с собеседником о погоде, описав лучистое «солей» и чистое «сьель».^[30] Ему казалось, он оправдывает ожидания Гертруды, и так легко и непринужденно рассуждал обо всех этих природных явлениях, что официант был, можно сказать, ошарашен, услышав жуткий вопль.

Это был вопль ужаса и изумления, предсмертный крик человека, пораженного в самое сердце. Официант подпрыгнул. Мистер Льюэлин раскусил сигару на две половинки. Какой-то человек, сидящий у стойки бара, расплескал свой martini.

Монти Бодкину было от чего кричать. Телеграмма, эта короткая телеграмма, эта холодная, деловая телеграмма, пришла от девушки,

которую он любил.

Не вдаваясь в объяснения, Гертруда Баттервик сообщала, что расторгает помолвку.

Глава II

Ясным солнечным утром, примерно через неделю после описанных выше событий, прохожий, почему-либо оказавшийся на лондонском вокзале Ватерлоо, отметил бы заметное оживление в толпе на платформе номер одиннадцать. Поезд, доставляющий пассажиров к лайнеру «Атлантик» (отплытие из Саутгемптона ровно в полдень), отправится в девять с чем-то; в данный момент на часах было без десяти девять, и на платформе толпились будущие мореплаватели и те, кто пришел их проводить.

Был здесь и Айвор Льюэлин — он вещал репортерам о «Светлом будущем кинематографа». Члены женской общеанглийской сборной по хоккею прощались с родными и близкими — им предстояло турне по Соединенным Штатам. Был здесь и Амброз Теннисон, романист; он спрашивал у продавца книжного киоска, нет ли у них книги Амброза Теннисона. Носильщики катили свои тележки, мальчишки-разносчики пытались убедить пассажиров, будто единственное, чего им не хватает в девять утра, так это плитки молочного шоколада и булочки с изюмом; собака с ящиком для пожертвований на спине бегала кругами в надежде, пока не поздно, собрать денег на сиротский приют для детей железнодорожников. Короче говоря, на сцене царили радость и оживление.

Этих эмоций, правда, вовсе не было заметно в облике молодого человека с помятым лицом, который стоял, подпирая собой железный автомат. Владелец похоронного бюро, вероятно, с первого взгляда почуял бы в нем будущего клиента, порадовал бы он и сплетника. Не верилось, что в этом холодном трупe может теплиться жизнь. Накануне вечером друзья устроили Реджи Теннисону проводы в клубе «Трутни» — последствия до сих пор сказывались.

То, что жизненная искра в нем угасла не совсем, обнаружилось ровно через минуту. Прямо над его левым ухом энергичный женский голос вдруг радостно воскликнул: «Привет, Реджи!» — и он содрогнулся всем телом, словно его ударили каким-то тупым предметом. Открыв глаза, которые он чуть раньше закрыл, чтобы не видеть мистера Льюэлина (даже если вы в отличной физической форме, любоваться там нечем), молодой человек постепенно сфокусировал взгляд и различил прямо перед собой крепко сбитую девицу в пестром твидовом костюме — свою кузину Гертруду Баттервик. На щеках ее играл румянец, карие глаза сияли. Казалось, она

так и пышет здоровьем. Даже смотреть на нее было больно. — Реджи, как это мило с твоей стороны!

— Что?

— Прийти проводить меня.

Реджи Теннисон обиделся. Что он, ненормальный? Где она видела таких идиотов, которые вставали бы ни свет ни заря, в полвосьмого утра, чтобы проститься со своими кузинами?

— Проводить... тебя?!

— А разве ты не провожать меня пришел?

— Конечно нет. Даже не знал, что ты уезжаешь. Куда едешь-то?

Теперь обиделась Гертруда:

— Разве ты не слышал, что меня взяли в общеанглийскую хоккейную сборную? У нас несколько матчей в Америке.

— Господи Боже мой, — скривился Реджи.

Конечно, он и раньше знал о странном увлечении своей двоюродной сестры, и тем не менее лишний раз слышать об этом было ему неприятно.

Внезапно Гертруду осенило:

— Ой, как же я не догадалась! Ты тоже плывешь на этом корабле, да?

— Естественно. Ради чего, по-твоему, я приплелся сюда в такую рань?

— Ах да! Родичи посылают тебя в Канаду — работать в какой-то конторе. Я сейчас вспомнила, папа говорил о чем-то таком.

— Он и есть главный зачинщик этого безобразия.

— А по-моему, он прав. Работа — как раз то, чего тебе не хватает.

— Да вовсе нет. Мне даже думать о работе противно.

— Не стоит упрямиться.

— Нет, стоит. И даже очень. Работа — то, чего мне не хватает! Чушь какая! Более глупой, бредовой и дурацкой идеи...

— Выбирай слова.

Реджи, словно опомнившись, провел рукой по лицу.

— Прости, — произнес он, ибо Теннисонам не пристало воевать с дамой. — Приношу свои извинения. Понимаешь, я с утра немного не в форме. Голова болит. Знаешь, как бывает после большой попойки. Мы вчера с ребятами посидели в клубе, и вот пожалуйста — с утра голова болит. От самых колен. И чем выше, тем сильнее. Ты когда-нибудь замечала такую странность? То есть, я хочу сказать, как головная боль Действует на глаза?

— Они у тебя похожи на вареных устриц.

— Не важно, на что они похожи, главное — что я ими вижу. У меня тут были... ну, в общем, не буду называть это слово, но ты поймешь, что я

имею в виду. Начинается на «галь»...

— «Галлюцинации?»

— Именно. Когда видишь всяких там, а их нет.

— Не говори глупостей, Реджи.

— Это не глупости. Вот только что зачем-то открыл глаза

— и вижу: мой брат Амброз. Точно он. Я его хорошо разглядел. И скажу тебе честно, у меня даже мурашки по коже забегали. Как по-твоему: это знак, что кто-нибудь из нас скоро умрет? Если да, то надеюсь, это будет Амброз.

Гертруда рассмеялась. Смех был приятный и мелодичный (реакция Реджи Теннисона, которого снова качнуло, не в счет; в это прекрасное утро он покачнулся бы и от мушиного чиха).

— Дурачок, — сказала она. — Амброз здесь. Реджи опешил:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что он пришел проводить меня?

— Нет, конечно. Он сам уезжает.

— Уезжает? Гертруда удивилась:

— Конечно. Разве ты не слышал? Амброз едет в Голливуд.

— В Голливуд?

— Да.

— Как же его работа в Адмиралтействе?

— Он бросил ее.

— Бросил работу — тихую, непыльную, постоянный оклад плюс пенсия после ухода — и все ради Голливуда? Ну, знаете, я...

Реджи не находил слов и промышал нечто нечленораздельное. Какая чудовищная несправедливость! Сколько лет все родственники, известно на кого намекая, наперебой хвалили Амброза. Они с Амброзом были для всей родни живым воплощением сказочных героев: один — за хорошего братца, другой — за плохого. Один, так сказать, паинька, а другой — лодырь. «Если бы ты был таким положительным, как Амброз!..» И ладно бы один раз — нет, его постоянно этим донимали: «Положительный, как Амброз». А какую он свинью подложил!

Но тут в нем проснулось истинно братское, по-настоящему достойное чувство — ему стало жаль бедного несмышленища. Тот не подозревает, куда его несет. Дар речи вернулся к Реджи в виде бурного словесного потока:

— Он спятил. Точно спятил. Он даже не представляет, во что влип. Я знаю о Голливуде все. Когда-то я был знаком с одной девицей из кино, и она мне много чего порассказала. Пробыться со стороны там просто невозможно. Желающих — пруд пруди. Писателей особенно. Их там

тысячи, и все мрут от голода, как мухи. Она говорила: если воспроизвести шипенье бараньей котлетки в радиусе десяти миль от голливудского бульвара, все эти писатели кучами повылезают из своих нор и сбегутся к вам, завывая, как стая волков. Черт возьми, этот болван сам загнал себя в угол! Наверное, уже поздно звонить в Адмиралтейство и объяснять, что это была шутка?

— Но Амброз едет не на пустое место. У него контракт.

— Как!

— Точно. Видишь, вон там толстяк с кучей репортеров? Это мистер Льюэлин, акула киносценария. Он обещал Амброзу полторы тысячи долларов в неделю за сценарии.

Реджи зажмурился, потом осторожно открыл глаза.

— Я, кажется, заснул, — задумчиво сказал он. — И видел сон, — продолжал он, улыбнувшись при мысли о странном видении: — Будто ты говоришь мне, что кто-то предложил Амброзу полторы тысячи долларов за его сценарии.

— Мистер Льюэлин предложил.

— Ты не врешь?

— Истинная правда. Хотя, кажется, по-настоящему контракт подпишут только в Нью-Йорке, но все уже обговорено.

— Я сражен!

Подумав немного, Реджи поинтересовался:

— Он уже что-нибудь получил?

— Нет еще.

— Даже аванса? Ничего такого в виде сотни-другой монет, которые можно потратить с легким сердцем?

— Ничего.

— Так-так, — сказал Реджи. — Ясненько. И когда же начнется его карьера? Когда можно будет его по-настоящему поздравить?

— Во всяком случае, не раньше, чем он окажется в Калифорнии.

— К тому времени я уже буду в Канаде, — сказал Реджи. — Увы.

На какое-то мгновение он опечалился. Но только на мгновение. Ибо Реджи Теннисон обладал редким и замечательным качеством: он умел радоваться удаче ближнего, даже если ему при этом ничего не перепало. А может быть, его вдруг осенила мысль, что почтовое сообщение между Канадой и Калифорнией работает как часы и что с помощью пера и бумаги он может горы свернуть.

— Ну тогда это просто замечательно, — сказал он. — Рад за него. Знаешь, что я сделаю? Дам ему рекомендательное письмо к девушке, о

которой я тебе говорил. Она увидит, что у него приятные...

Голос его пресекся. В горле у него пересохло. За спиной кузины он увидел нечто.

— Гертруда, — позвал он шепотом.

— Что случилось?

— Я правду говорил про эти га-га... ну, сама знаешь. Может, в первый раз это и был настоящий Амброз, но сейчас точно — ОНО.

— О чем ты?

Реджи несколько раз поморгал, потом наклонился к самому уху Гертруды и зашептал:

— Только что я видел астральное тело одного моего приятеля, который, я точно знаю, сейчас торчит на юге Франции. Его зовут Монти Бодкин.

— Что?!

— Не оборачивайся, — предупредил Реджи, — оно у тебя за спиной.

Видение заговорило:

— Гертруда!

Голос был тусклый и безжизненный, каким и должен быть голос бесплотного духа.

Гертруда Баттервик резко обернулась, а обернувшись, смерила говорящего долгим, холодным, испытующим взглядом. Затем, не удостоив его ответом, презрительно повела плечом и отвернулась. Призрак постоял немного, переминаясь с ноги на ногу, виновато улыбнулся, скользнул прочь и затерялся в толпе.

Реджи Теннисон внимательно следил за ходом разыгравшейся перед ним житейской трагедии. Он уже понял, что поторопился с выводами. То был не плод воображения, а самый что ни на есть настоящий Монти Бодкин, собственной персоной. И Гертруда Баттервик только что дала ему от ворот поворот, причем в такой резкой форме, что даже Реджи, которому ситуация была до боли знакома, за всю свою жизнь ничего подобного не видел. Он ничего не понимал. Он был удивлен, ошарашен, заинтригован, и все эти чувства вылились в одно краткое восклицание:

— Эй!

— Ну что? — отозвалась Гертруда, пытаясь выровнять дыхание.

— Послушай, что все это значит?

— Что «все это»?

— Это правда был Монти?

— Да.

— Он позвал тебя.

- Я слышала.
- Но ты ему не ответила.
- Не ответила.
- Почему?
- Я не желаю разговаривать с мистером Бодкином.
- Почему?
- Ах, Реджи!

И тут Реджи попробовал взглянуть на эту загадочную историю под иным углом зрения. С какой стати, задал он себе вопрос, Гертруда и старина Монти у всех на глазах позволяют себе подобный спектакль? Ведь они в лучшем случае едва знакомы.

- Выходит, ты знакома с Монти?
- Да.
- Я не знал.
- Если хочешь знать, мы даже были помолвлены.
- Почему же я о об этом не слышал?
- Отец не велел нам объявлять о помолвке.
- Почему?
- Он был против.
- Почему?
- Ах, Реджи!

Реджи постепенно начал понимать.

- Так-так! Значит, вы с Монти были помолвлены?
- Да.
- А сейчас — нет?
- Нет.
- Почему?
- Неважно.
- Тебе что, не нравится старина Монти?
- Нет.
- Тогда почему ты...
- Ах, Реджи!
- А всем остальным он нравится.
- Правда?
- Честное слово. Редкой души человек!
- Я так не считаю.
- Почему?
- Реджи, ради Бога!

Реджи показалось, что пришло время вмешаться и дать дельный совет.

У него сердце кровью обливалось при мысли о несчастном Бодкине. По тому, как он вел себя во время недавней сцены, было ясно как дважды два, что парень сам не свой, и Реджи подумал: пора кончать эти шутки. До чего мы докатимся, сказал он сам себе, если девицы будут безнаказанно задирать нос и отшивать таких славных парней, как Монти.

— Погоди вздыхать-то — корсет лопнет. Возмущайся сколько угодно, но факт остается фактом: ты всего-навсего ноль без палочки, и то, что ты сейчас делаешь, будет самым глупым поступком в твоей жизни. Все вы, девчонки, такие. Бог знает что о себе навоображают, начнут швыряться честными людьми направо-налево, и этот им нехорош, и тот, а в результате останутся с... — в общем, останутся ни с чем. В один прекрасный день ты проснешься и будешь рвать на себе волосы с досады и говорить: какая же я дубина, что упустила Монти. Ну чем он тебе не угодил? Приятный, обходительный, животных любит, богат как не знаю кто — лучшей партии не придумаешь. Что ты о себе возомнила (говорю это тебе как друг)? Ты что, Грета Гарбо?^[31] Не валяй дурака, Гертруда, а послушай лучше моего совета. Беги за ним со всех ног, догони, поцелуй и скажи, что ты вела себя как последняя идиотка, но больше не будешь.

Центральный нападающий английской сборной бывает страшен во гневе, и вспышки молний, замелькавшие в красивых глазах Гертруды Баттервик, давали ясно понять, что еще немного — и Реджинальд Теннисон получит такую суровую отповедь, от которой, учитывая его ослабленное состояние, он не скоро оправится. Взгляд ее был суров. Она смотрела на него так, словно он был судьей, удалившим ее с поля во время решающего матча.

Но тут, по счастью, зазвонили колокольчики, засвистел паровоз, и мысль о том, что она может опоздать на поезд, отодвинула центрального нападающего на задний план, пробудив в ней женщину. С пронзительным и чисто женским визгом Гертруда бросилась бежать.

Реджи, по известной причине, не мог передвигаться так быстро. На ватных ногах он кое-как доковылял до поезда, но поезд тронулся, оставалось одно — прыгать. Приведя в порядок свои мысли, взбаламученные бурной встряской, он обнаружил, что в вагоне кроме него находится еще один человек, единственный, кого ему сейчас хотелось бы видеть, а именно Монти Бодкин. Он понуро сидел в углу, всем своим видом напоминая выжатый лимон.

Для Реджи это был приятный сюрприз. По умению совать нос в чужие дела ему не было равных в Лондоне, и теперь представилась возможность из первых уст, так сказать, узнать о неудачном романе. Голова у него

трещала, хотелось спать, но любопытство пересилило сон.

— Ба! — воскликнул он. — Никак это Монти! Вот так встреча!

Глава III

— Вот так встреча! — воскликнул Монти. — Что ты тут делаешь?

Реджи Теннисон, казалось, не слышал вопроса. В иных обстоятельствах он бы с радостью поговорил о своей персоне, но сейчас ему не хотелось.

— Еду в Канаду, — сказал он, — Но не будем на этом заострять внимание. Подробности потом. Скажи лучше, что там у вас произошло с моей кузиной Гертрудой?

Когда Реджи Теннисон нарушил уединение Монти, плюхнувшись как мешок с углем, тот сначала оторопел, потом сильно пожалел, что не в силах пресечь это в корне, то есть двинуть непрошеного гостя по физиономии и вытолкать за дверь. Ближайшие час-полтора он надеялся посвятить молчаливой беседе со своей измученной душой, и разговаривать с кем бы то ни было, даже с другом детства, был не расположен. Но от этих слов на него нахлынула волна иных чувств. Поскольку на платформе все его внимание было сосредоточено на любимой девушке, он не заметил маячившую за ней смутную фигуру. И только теперь сообразил, что это, наверное, был Реджи, а из слов, которые тот только что произнес, он понял, что Гертруда успела с ним поделиться. В мгновение ока Реджинальд Теннисон превратился из незваного гостя в полезного носителя информации, полученной прямо из первоисточника. Правда, он все еще пребывал в унынии и не стал скакать от радости, но сменил гнев на милость и даже предложил попутчику закурить.

— Она тебе что-нибудь рассказала? — спросил он.

— Конечно.

— А что именно?

— Сказала, что вы были помолвлены, а теперь помолвку расторгли.

— Из-за чего, не сказала?

— Нет. А из-за чего?

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Понятия не имею.

— Но ты хотя бы помнишь, из-за чего вы поссорились?

— Мы не ссорились.

— Как? Наверняка была ссора.

— Да нет же, говорю тебе. Беспрецедентный случай.

- Какой случай?
- Загадочный.
- Ах, загадочный? Понимаю.
- Рассказать все по порядку? Только факты.
- Давай.
- Слушай. Сам увидишь, случай беспрецедентный.

Наступило молчание. В душе Монти, судя по всему, происходила борьба: он сжал кулаки, и даже уши его от напряжения заходили вверх-вниз.

— И все-таки странно, — заметил Реджи. — Почему-то я раньше думал, что ты не знаком с Гертрудой.

— Познакомился. А иначе как бы мы обручились?

— Резонно, — согласно кивнул Реджи. — Но зачем скрывать-то? Почему я впервые слышу об этой вашей помолвке? Почему бы не тиснуть об этом в «Морнинг пост», чтобы весь Лондон знал? Так все делают.

— Везде есть тайные пружины.

— Что ты хочешь сказать?

— Скоро узнаешь. Позволь мне начать с начала.

— Надеюсь, не с самого детства? — забеспокоился Реджи. В теперешнем физическом состоянии ему хотелось краткого изложения фактов.

В глазах Монти Бодкина появилось мечтательное выражение — мечтательное и вместе с тем гневное. Он словно заново переживал события далекого, милого прошлого, ведь грустней всего в печали — мысль о счастье прошлых лет.^[32]

— Впервые я увидел Гертуду, — так начал он свой рассказ, — на пикнике у реки. Мы сели рядом, и с самого начала было ясно, что мы с ней — в высшем смысле — идеальная пара. Ради нее я прихлопнул осу, и с этой минуты для меня началась новая жизнь. Сначала я посылал ей цветы, потом стал звонить, потом сам зашел, потом мы ходили на танцы, а через две недели были уже помолвлены. Или что-то в этом роде.

— «Что-то в этом роде»?

— Вот это я и имел в виду, говоря о тайных пружинах. Из-за ее отца не могло быть и речи о настоящей помолвке. Ты, может быть, знаешь ее папашу — Дж. Г. Баттервик, торговая контора «Баттервик, Прайс и Мандельбаум»? Ну, конечно, знаешь, — поправился Монти с вымученной улыбкой, поняв абсурдность вопроса. — Он же твой дядя.

Реджи кивнул:

— Дядя. Сейчас, средь бела дня, трудно отрицать. Но знаю ли я его?

Честно говоря, мы редко видимся. Он меня не любит.

— Меня тоже.

— И знаешь, что он учудил — что он, старый хрыч, затеял? Ты спросил, что я делаю в поезде, и я ответил: еду в Канаду. Ты не поверишь, но он уговорил моих домашних послать меня в Монреаль, в какую-то мерзкую контору. Но давай не будем обо мне, — сказал Реджи, спохватившись, что прерывает нить душераздирающей истории. — Поговорим лучше о вас с Гертрудой. Ты остановился на том, что мой кровожадный дядя Джон невзлюбил тебя.

— Именно. Он, правда, не называл меня лодырем...

— А меня называл. И часто.

— ...но стал выдвигать условия. Сказал, что, прежде чем дать согласие на брак, он должен знать, как я зарабатываю себе на жизнь. Я честно признался, что никак не зарабатываю, поскольку покойная тетюшка оставила мне триста тысяч фунтов в первоклассных ценных бумагах.

— Ты поразил его в самое сердце.

— Я тоже так думал. Но нет. Он только надул щеки и заявил, что не позволит своей дочери выйти за человека, который не способен зарабатывать.

— Как мне это знакомо! Он всегда ворчал, что и у меня нет такой способности. Посмотри, говорит, на своего брата Амброза: сидит на хорошей должности в Адмиралтействе, а в свободное время сочиняет романы, и хоть я сам их не читал... А кстати, говоря об Амброзе, презабавнейшая история вышла...

— Мне продолжать? — безучастным тоном проговорил Монти.

— Конечно-конечно, — спохватился Реджи. — Только потом я все-таки должен досказать про Амброза. Ты очень удивишься!

Монти, насупившись, созерцал проносящийся мимо пейзаж. Его добродушное лицо всегда мрачнело, когда он вспоминал Дж. Г. Баттервика. В глубине души он тешил себя надеждой, что ишиас окажется неизлечим.

— Так на чем я остановился? — спросил он, отвлекшись от мрачных мыслей.

— На шутке насчет «способности зарабатывать».

— Ах, да. Он сказал, что ни за что не позволит Гертруде выйти за человека, который не способен зарабатывать, так что все обеты не в счет, пока я не докажу, что могу — так он выразился — найти работу и удержаться на ней ровно год.

— Сурово... Гертруда, разумеется, не стала слушать всю эту чушь?

— Стала, стала. Естественно, я тут же предложил ей собрать чемодан и быстренько зарегистрироваться где-нибудь по соседству. Думаешь, она согласилась? Нет. Как будто не в наши дни живет. Сказала, что очень меня любит, но решительно отказывается выйти за меня замуж, пока отец не даст добро.

— Не может быть!

— Еще как может.

— Не думал, что есть еще такие девушки.

— Я тоже.

— Прямо как из старинного романа.

— Именно.

Реджи призадумался.

— Конечно, все это неприятно, — заметил он, — но факт остается фактом: Гертруда — большой души человек. Я думаю, это в ней от хоккея. Так что же ты сделал?

— Нашел работу.

— Ты?

— Ну да.

— Шутишь!

— Не шучу. Я поговорил с дядюшкой Грегори — он знаком с лордом Тилбери, который руководит издательством «Мамонт». Тот пристроил меня младшим редактором в «Мой малыш», журнал для дома и детской. Меня уволили.

— Еще бы! И тогда...

— Дядюшка Грегори упросил лорда Эмсворта взять меня секретарем в Бландинг. Меня уволили.

— Естественно. А потом?..

— А потом я сам взялся за все дело. Познакомился с одним типом по имени Пилбем — у него сыскное агентство, — и когда выяснилось, что он ищет себе помощников, я стал одним из них.

Реджи выпучил глаза.

— Сыскное агентство? Ты хочешь сказать, где всякие детективные дела?..

— Точно.

— Неужели ты стал сыщиком?

— Вот именно.

— Ну и ну! Рубины магараджи, пятна засохшей крови и всякое такое?

— Вообще-то, — стал объяснять Монти, — мне мало что поручают. Я просто числюсь у них специальным сотрудником. Видишь ли, я сказал

Пилбему: он берет меня к себе — я даю ему тысячу фунтов, и мы поладили.

— Дядя Джон об этом не знает?

— Нет.

— Он знает только то, что ты нашел работу и держишься на ней?

— Ага.

Реджи был явно озадачен.

— Хочешь знать, что я об этом думаю? Похоже, можно ждать счастливой развязки. В здравом ли уме тот, кто бросает на ветер тысячу фунтов, чтобы жениться на Гертруде — это мы обсуждать не будем. Мне лично цена кажется завышенной, но у тебя на этот счет, я уверен, другая точка зрения. Так что же не заладилось?

Монти страдальчески поморщился:

— Не знаю! Вот это меня и пугает. Ни малейшей зацепки. Я отправился в отпуск в Канны, в полной уверенности, что все идет своим путем. Перед отъездом Гертруда была со мной так мила, лучшего и желать нельзя. И вот в одно прекрасное утро я получаю от нее телеграмму и читаю, что она разывает помолвку. Ни слова больше!

— Никаких объяснений?

— Ничего вообще. Мне просто отказали. Беспрецедентный случай. Я был потрясен.

— Естественно.

— Я сразу же на самолет, прилетел и — к ней. Она не желает меня видеть. Звоню по телефону — снимает трубку дворецкий с насморком. Но я знаю, что она со своими хоккеистками собирается в Америку, и вижу только один выход — купить билет на тот же пароход и по дороге все уладить. По-видимому, произошло какое-то недоразумение.

— Может, она что-нибудь такое про тебя услышала?

— Не могла, нечего было.

— А ты случайно, когда был в Каннах, не водился с какими-нибудь иностранками... ну, авантюристками? Я это к тому, что кто-то мог ей об этом рассказать, а?

— Не было там никаких иностранных авантюристок. По крайней мере, мне не попадались. Я жил в Каннах почти как отшельник. Только купался да играл в теннис — и больше ничего.

Тут Реджи всерьез задумался. Случай и впрямь, как выразился Монти, был какой-то беспрецедентный.

— Знаешь, что я думаю? — вымолвил он наконец.

— Что?

— Сдается мне, ты ей надоел.

— Как это?

— Ну, я хочу сказать, подумала она хорошенько и решила, что ты не тот, кто ей нужен. С девушками это бывает, сам знаешь. Посмотрят лишний раз на фотографию — и все, пелена спадает с глаз.

— Ох!

— Тут нужны решительные меры. Ей надо дать энергичную встряску.

— Как это — встряску?

— Ну, есть разные способы. Главное, ты не волнуйся. Я сам займусь этим делом. Очевидно, случилось то, что и должно было случиться. Она потеряла к тебе интерес. Твое очарование перестало на нее действовать. Но тебе незачем об этом беспокоиться. Все снова станет на свои места.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно. Я понимаю Гертруду. Я знаю ее с пеленок. Я поговорю с ней. Вообще-то я начал это дело, еще когда поезд не отошел, и надеюсь, заставил ее задуматься. Ну а теперь, на корабле, я пойду к ней и доведу все до конца.

— Спасибо тебе.

— Не за что. Да ради такого парня, как ты, — заявил Реджи, глядя на своего друга туманными, но полными искреннего чувства глазами, — я готов на что угодно.

— Спасибо, спасибо.

— Ведь и ты не откажешься в случае чего протянуть мне руку помощи?

— Да уж не откажусь.

— Ты прямо так и ринешься на помощь...

— Как тигр.

— Точно. Итак, предоставь это дело мне. Я все устрою так, что ты и глазом не успеешь моргнуть, как она снова тобой очаруется. А сейчас, — сказал Реджи, — если ты не возражаешь, я бы вздремнул чуть-чуть. Сегодня я лег без десяти шесть, и теперь все время спать хочется. От сна и голова пройдет.

— А у тебя болит голова?

— Дорогой мой, — сказал Реджи, — вчера вечером «Трутни» устроили мне проводы, тамадой был Кошкинкорм Поттер-Пирбрайт. Продолжать или и так все ясно?

Глава IV

В погожий летний день, когда солнце светит, волны плещут и тихо веет ветерок, нет ничего приятнее, чем плыть на океанском лайнере из Саутгемптона в Шербур. Но только, разумеется, при одном условии, что с вами на борту нет кого-нибудь вроде Монти Бодкина.

Если на вокзале Ватерлоо Монти всем своим видом напоминал привидение, тем более он походил на него в те несколько часов, когда пассажирское судно «Атлантик» выруливало из Саутгемптонской гавани и пересекало Ла-Манш. Все это время Монти беспрестанно мелькал то тут, то там и всем порядком надоед.

Завсегдатаи курительной комнаты давились пивом, когда он молча вставал на пороге, обводил присутствующих тоскливым взглядом и исчезал, чтобы затем — буквально через несколько минут — снова объявиться на том же месте все с той же мукой в глазах. Пожилые дамы, расположившиеся с вязаньем в салоне, чувствуя его тихое приближение, в испуге роняли спицы. Девушки в шезлонгах вздрагивали оттого, что его тень падала на страницы их книг, а подняв глаза, с ужасом встречали пристальный взгляд его бесцветных глаз. Казалось, от него негде укрыться.

Все дело в том, что Монти решил во что бы то ни стало найти Гертруду Баттервик, для этого нужно было обшарить все углы и закоулки корабля. Он уgomонился и перестал мельтешить, только когда судно застыло у входа в Шербурскую гавань. Только теперь он почувствовал, что туфли ему жмут, а ноги горят огнем, и решил сходить в каюту полежать. Приняв горизонтальное положение, он смог бы не только дать отдых усталым ногам, но и обдумать ситуацию. А ситуация требовала тщательного обдумывания.

Открыв дверь и обнаружив, что на его кровати расположился Реджи Теннисон, он испытал смешанное чувство. Отчасти сожаление, оттого что ноги нестерпимо болели и ему самому нужна была эта кровать, отчасти радость — ведь Реджи наверняка пришел не просто так, а с новостями.

Однако он ошибся. У Реджи новостей не было. Его поспешное «Ну как?» — могло означать только одно: на корабле он с Гертрудой не пересекался.

— Я ее везде искал, — сказал Реджи, словно не желая смириться с тем, что ему не удалось облагодетельствовать друга, — но она как сквозь землю провалилась.

Друзья помолчали. Затем, как раз когда Монти собрался было заметить, что если Реджи освободит койку, он с удовольствием займет его место, он увидел незнакомый чемодан, лежащий на полу.

— Что это? — удивленно спросил он.

Реджи сел. Ответ его прозвучал не очень уверенно.

— Ах, это? Я все думал, когда ты его заметишь. Это мой.

— Твой?

— Да. — И проникновенным голосом продолжил: — Монти, ты помнишь наш разговор в поезде?

— Про Гертруду?

— Не про Гертруду. Про нас с тобой. Про то, какими мы с тобой всегда были друзьями и что если бы один из нас мог для другого что-нибудь сделать, он бы пошел на это, не раздумывая. Помнишь, ты еще сказал, что при первой же возможности бросишься мне на помощь?

— Конечно.

— Как тигр, если не ошибаюсь?

— Совершенно верно.

— Отлично, — сказал Реджи. — Ну вот, теперь у тебя такая возможность появилась. На тебя вся надежда. Я поменялся с тобой каютами.

Монти только округлил глаза. После долгих мыслительных усилий его сознание было словно в легком тумане.

— Как это, поменялся каютами?

— Я попросил перенести твои вещи ко мне.

— Зачем?

— Так надо, старина. Дело в том, что тут возникла довольно щекотливая ситуация.

Реджи поудобней устроился на подушках. Монти снял туфли. Облегчение, наступившее вслед за этим, привело его в доброе расположение духа. Пошевеливая онемевшими пальцами, он говорил себе, что Реджи не стал бы этого делать, не будь у него веской причины. Оставалось только выяснить, что это за причина.

— Что еще за щекотливая ситуация?

— Сейчас расскажу. Дай только отдышаться. Можно сигарету?

— Вот, пожалуйста.

— А спички есть?

— И спички.

— Спасибо, — сказал Реджи. — Теперь слушай, — продолжил он после первой затяжки. — Ты знаешь Амброза?

— Твоего брата?

— Моего брата Амброза.

— Хорошо знаю. Мы с ним знакомы еще по Оксфорду и с тех пор довольно часто видимся...

— Ты знал, что он плывет на этом корабле?

— Амброз? Он же сидит в Адмиралтействе.

— Нет. Не сидит. В этом-то все и дело. Я хотел рассказать тебе еще в поезде, но ты не стал слушать. В этот час, как ты говоришь, Амброз должен быть в Адмиралтействе — парафировать всякие меморандумы или что они там еще делают, но реальность такова, что в настоящий момент он, в кепке и в полосатых штанах, спокойно разгуливает по палубе этого океанского лайнера. Он бросил Адмиралтейство и едет в Голливуд писать сценарии.

— Ты шутишь?!

— Более того, верь или не верь, у него контракт на полторы тысячи долларов в неделю.

— Что?!

— Я знал, что ты удивишься. Да, именно столько этот Льюэлин собирается ему платить. Полторы тысячи в неделю... Ты случайно не читал что-нибудь из Амбровозовой писанины?

— Нет.

— Полная чушь. Ни трупов, ни таинственных китайцев, ничего такого — хоть всю книжку пролистай. А Льюэлин готов ему платить полторы тысячи в неделю! По-моему, это — как ты выразился недавно?

— Беспрецедентный случай.

— Именно. Беспрецедентный.

Учитывая состояние Реджи Теннисона, хорошо еще, что он справился с такой фразой, как «парафировать меморандумы», но слово «беспрецедентный» подкосило его. Болезненная гримаса исказила его лицо, и он откинулся на подушки, сжимая руками виски.

— Ты спросишь меня, — продолжал он, когда приступ миновал, — какое отношение имеет Амброз к моему решению поменяться с тобой каютами? Отвечаю. Помнится, в поезде, когда ты рассказывал о своей помолвке и о том, почему вы ее не афишировали, ты употребил одно чрезвычайно удачное выражение. Ты сказал — как это? Ах, да. Ты сказал, что везде есть тайные пружины. Я верно запомнил?

— Верно, — ответил Монти, который и сам любил это выражение. — Да. Тайные пружины.

— Ну так вот, и здесь они тоже есть. Как я уже говорил, возникла

довольно щекотливая ситуация. Я тебе когда-нибудь рассказывал о Фуксии Флокс?

— Это кинозвезда?

— Да, кинозвезда.

— Я видел ее в кино, но не помню, чтобы ты о ней заговаривал.

— Странно, — заметил Реджи. — Должно быть, я очень скрытный. Потому что одно время мы с ней были очень близки. Скажу больше — я даже просил ее стать моей женой.

— Неужели?

— Да. Мы с ней тогда сидели в «Сердитом сыре». Она так смеялась! А до того она сунула мне за шиворот кусок льда. Я рассказываю тебе все это, — пояснил Реджи, — чтобы ты понял: мы с ней сильно дружили. Оттягивались на пару. Это было в прошлом году, когда она приезжала в Лондон сниматься в какой-то английской картине. В общем, это только прелюдия. Уловил идею? Мы с Фукси очень дружили.

— Понимаю.

— Идем дальше. Переходим к основной части. И вот только что иду я себе спокойненько по палубе, как вдруг кто-то — хрясь меня по спине, я чуть концы не отдал. Очухался, смотрю, а это мой братец Амброз. Разговорились, я, конечно, поздравляю его с голливудским назначением, а затем, по доброте душевной, предлагаю ему рекомендательное письмо к Фуксии. Она в Голливуде всех знает и могла бы поводить его на всякие там вечеринки, поэтому я и сказал про письмо. Нормальный братский жест, как по-твоему?

— Разумеется.

— Вот и я так думал, особенно если учесть, что он мне чуть хребет не сломал. Но знаешь, старина, это оказалось непростительной ошибкой, сейчас скажу почему. Говорю с ним, а сам замечаю, что он как-то странно улыбается. Ну, я думаю, он мне не верит, дескать: «Знаем, знаем — шапочное знакомство, она даже имени твоего не помнит»... Так обычно думают, когда говоришь, что знаком с какой-нибудь знаменитостью, — я и стал распространяться насчет того, как мы с ней оттягивались. Теперь-то я вижу, что представил наше знакомство вроде сцен из жизни Антония и Клеопатры... «Фукси! — помнится, воскликнул я. — Такая компанейская! Нет, ты должен с ней познакомиться! Да когда она узнает, что ты мой брат, она в лепешку расшибется! Уж мы с ней давали шороху, будь здоров!» В общем, я наговорил с три короба, сам знаешь как бывает...

— Да уж.

— Так вот, старик, — Реджи понизил голос, — они помолвлены!

— Что?

— То. Когда я сказал: «Ты должен с ней познакомиться», он ответил, что они уже познакомились — полмесяца назад, в Биаррице. Он там отдыхал от адмиралтейских посиделок. Тогда я спросил: «Ну и как она тебе?» Он ответил, что она его невеста, и тут же поинтересовался, что значит «давали шороху»... В общем, понимаешь, неловко получилось.

— Весьма.

— Если бы со временем инцидент исчерпался сам собой!.. — продолжал Реджи со вздохом. — Наоборот, чем дальше, тем хуже... «Она сядет на пароход в Шербуре», — говорит он. «Очень хорошо, — говорю я испуганно, но довольно бодро, — очень хорошо». — «Для кого?» — спрашивает он. «Для тебя, конечно», — отвечаю. «Да, — говорит он, — так что значит "давали шороху"?» — «А она знает про твои голливудские дела?» — спрашиваю. «Знает», — отвечает он. «Представляю, как она обрадовалась», — говорю я. «Вне всякого сомнения, — говорит он. — Но ты все еще не объяснил мне, что значит "давали шороху"?» — «Да так, ничего, — говорю я. — Просто мы очень дружили одно время». — «Да? — говорит он. — Ну-ну!» На том и расстались. Теперь тебе ясна ситуация? Понимаешь, к чему все идет? Он вне себя. Он меня подозревает. В чем-то нехорошем. А Фукси садится в Шербуре.

— Мы уже в Шербуре.

— Ну да. Тогда она уже здесь. И тут, старик, мы подошли к самой сути дела. Знаешь что?

— Что?

— Я случайно заглянул в список пассажиров, и, как назло, вижу, что ее каюта рядом с моей! Ты знаешь Амброза. Он и без того на взводе, а тут еще и это! Что он скажет?

— Ой!

— Вот именно, так что у меня не было выбора. Я должен был поменяться с тобой каютами. Ты следишь за мыслью? Улавливаешь?

— Да.

— И ты не против?

— Конечно нет.

— Так я и думал, — обрадовался Реджи. — Я знал, что на тебя можно положиться. Ты настоящий друг. Не знаю, как тебе, а мне лично Амброз всегда казался слишком грубым. Бывало, в детстве, только задень его — как даст пинка или схватит за брюки пониже спины... А сегодня он так на меня смотрел — похоже, с годами он не стал добрее. Твое благородное отношение к нашей рокировке уберегло меня от серьезной физической

травмы. И не думай, я этого не забуду. Можешь смело положиться на меня — я наизнанку вывернусь, но улажу твоё дело с Гертрудой. Я буду твоим ходатаем. Ничего не предпринимай, пока я не свистну.

— А я как раз собирался пойти в библиотеку и написать ей письмо.

Реджи помолчал, соображая.

— Хорошо. Вреда от этого не будет. Только об одном прошу: не унижайся.

— Я и не думал унижаться. Если хочешь знать, я буду суров и немногословен.

— То есть?

— Ну, для начала, я хотел бы написать так: «Гертруда». Вот так. Не «дорогая Гертруда» и не «милая Гертруда». Просто: «Гертруда!».

— Да, — согласился Реджи. — Тут задумаешься.

— «Гертруда, — напишу я далее, — Считаю твоё поведение беспрецедентным».

— Лучше не скажешь, — одобрил Реджи. — Дерзай. А я лично пока прогуляюсь по палубе. В последний раз, до того как Амброз заехал мне между лопаток, морской воздух помог моей голове. По крайней мере, в глазах не так рябит.

Глава V

Итак, Монти Бодкин отправился в библиотеку с твердым намерением написать Гертруде Баттервик такое письмо, от которого она вспыхнет, зарыдает и вообще поймет, кто она такая, а в это самое время Айвор Льюэлин стоял, облокотясь о перила, на верхней палубе и смотрел на береговое судно, несущее на борту сестрицу Мейбл.

Никто из репортеров, слушавших на вокзале Ватерлоо, как он вещает о великом будущем Кинематографа, и помыслить не мог, что берет интервью у человека, чья душа находится в глубоком смятении (но такова горькая истина). Мистеру Льюэл и ну было отнюдь не весело и не радостно — если бы мы так сказали, то ввели бы публику в заблуждение. Даже мысленно рисуя себе радужные перспективы Большого Экрана, он с тоской думал о том, как разительно они отличаются от его собственных.

Уже не первую ночь он беспокойно метался на подушке, содрогаясь при мысли о том, что его ждет. Порой он тешил себя надеждой, что Грейс, по здравом размышлении, возьмет и откажется от своего незаконного проекта. Но, тут же вспомнив, что здравомыслие и Грейс — вещи несовместимые, он вновь погружался в уныние. Контрабандистов принято изображать такими неунывающими ребятами, которым все нипочем. Айвор Льюэлин был исключением из правил.

Береговое судно подошло вплотную, и его пассажиры перетекли на лайнер. Выхватив из общего потока Мейбл Спенс, мистер Льюэлин сразу же отвел ее в сторонку, на безлюдную часть палубы. Она заметила его волнение, и ей стало жаль его — впрочем, он всегда вызывал у нее такие чувства.

— Ты нервничаешь, Айки!

— Ха, нервничаю!

— Наверное, переживаешь из-за...

— Тс-с-с! — зашипел Айвор Льюэлин, совсем как разбойник из фильма.

Мейбл Спенс поджала губы.

— Не строй из себя умирающего лебедя, — сказала она, ибо именно эту птицу, а не разбойника из кино напомнил он ей своим шипением и трепыханием. — Все хорошо.

— Хорошо? — В голосе киномагната зазвучала слабая нота надежды. — Ты его не взяла?!

— Взяла, разумеется.

— И Грейс, значит, хочет, чтобы я?..

— Разумеется, хочет.

— Тогда чего ж ты, — воскликнул мистер Льюэлин с вполне понятной горячностью, — чего же ты говоришь, что все в порядке?

— Я только хотела сказать, что все будет проще простого. На твоём месте я бы не беспокоилась.

— Ты бы — нет, — буркнул мистер Льюэлин. Он снял шляпу и промокнул лицо платком. Оставалась последняя надежда, что в плане со шляпой отыщутся хоть какие-то скрытые достоинства, которых он раньше не замечал, и он мысленно ещё раз представил себе этот план. Надежда не оправдалась.

— Послушай меня... — продолжал он, словно умоляя о последней милости. Обычно таким голосом он объявлял сотрудникам об уменьшении зарплаты в связи с финансовыми трудностями. — Я только хочу знать... А что, Грейс очень нужна эта вещь?

— Судя по всему, да.

— Думаешь, она расстроится, если я... — Он запнулся. — И стены имеют уши... Если я не стану?... — закончил он.

Мейбл подумала. Она всегда была очень осмотрительна в выражениях. Любила, что называется, точное словцо — *mot juste*. Слово «расстроится» в данном случае казалось ей неподходящим.

— Расстроится? — задумчиво повторила она, — Ну, ты её знаешь. Если она чего захочет — ни за что не отступится. Если ты собираешься увильнуть... тогда... тогда, но это лично моё мнение, она потребует развода из-за бесчеловечного обхождения.

Мистер Льюэлин задрожал. Слово «развод» всегда маячило перед ним на мысленном горизонте, как зловещий призрак, готовый в любую минуту материализоваться. С первых дней брака его чувства к молодой и прекрасной жене напоминали ощущения, какие испытывает человек, который повис над пропастью и держится за край кончиками пальцев.

— Но послушай...

— Что толку меня уговаривать? Я не Грейс. Если хочешь знать её мнение, так у меня есть от неё письмо. Оно в сумке. Держи. Она написала его сразу после того, как я приехала в Париж и передала ей твои слова. О том, что ты не собираешься выполнять её просьбу. А она на это: «Он не собирается? Да неужели?» — потом сощурилась и свистящим шепотом — ну, ты знаешь, как она может...

— Не продолжай! — взмолился мистер Льюэлин. — Знаю, знаю.

— В таком вот настроении она села писать тебе письмо. Сказала, что изложит план действий просто и ясно, чтобы ты ничего не напутал со шляпой, а остаток чернил потратит на то, чтобы объяснить тебе, что тебя ждет, если откажешься. Думаю, стоит ознакомиться.

Мистер Льюэлин взял у нее из рук пухлый конверт и вскрыл его. И пока он читал при свете, льющемся из окна библиотеки, его нижняя челюсть все больше отвисала, так что к концу письма второй подбородок почти совсем зарылся в тот, что под ним. Было ясно, что ни одна добрая мысль не смягчила его жены и не охладила яростного пыла ее замечаний. Она написала именно то, что обещала.

— Да... — пробормотал он, разорвал письмо на мелкие клочки и выбросил их за борт. — М-да... Это надо обмозговать.

— Иди. Обдумай как следует.

— Ну, я пошел, — сказал мистер Льюэлин и уныло побрел в библиотеку. Там никого не было, если не считать молодого человека, медитирующего в углу над листом бумаги. Мистер Льюэлин был рад одиночеству. Усевшись, он сунул в рот сигару и принялся думать.

Судя по поведению Грейс... она сощурилась и показала зубки...

Да-да, ему уже не раз доводилось это видеть, и всегда он испытывал неприятное ощущение!

Что, если махнуть на все рукой?

Боже упаси!

Тогда другой вариант?

Страшно подумать!

Дело в том, что, постоянно думая о всяких важных вещах, он почти ничего не знал о том, что делают с пойманными контрабандистами.

В этот момент в библиотеку бодрым шагом вошел старший стюард. «Он-то мне и нужен», — подумал мистер Льюэлин и поспешил перехватить его.

— Эй, — позвал он. — У вас есть минутка?

В начале плавания у стюардов, как правило, не бывает никаких минуток, но просьба исходила не от простого, а от более чем достойного пассажира, и стюард остановился.

— Чем могу помочь, мистер Льюэлин?

— Хотел бы поговорить, если вы не очень заняты.

— Пожалуйста. Надеюсь, ничего плохого не случилось? Мистер Льюэлин готов был смеяться сквозь слезы. С тем же успехом подобный вопрос можно задать висельнику, идущему на эшафот.

— Нет-нет, я... хотел спросить вас кое о чем. Мне кажется, вы должны

знать. Это касается контрабанды. Я, конечно, не собираюсь ей заниматься, как вы понимаете. Нет уж, увольте! Дурак я, что ли, чтобы играть в такие игрушки, ха-ха-ха!

— Ха-ха, — с готовностью подхватил стюард, ибо в Лондоне его специально предупредили, что его задача — сделать все возможное, чтобы другим приятно было находиться на корабле.

— Да нет, просто я вдруг подумал, что можно сделать фильм про контрабандистов. Только для этого нужно все точно знать. Так вот: что ждет человека, который пытался протащить что-нибудь через нью-йоркскую таможену, а его схватили?

Стюард хихикнул.

— Ответить на это, мистер Льюэлин, можно очень коротко: много чего ждет!

— Много чего?

— Много чего, — повторил стюард и снова хихикнул. Смех у него был здоровый и жизнеутверждающий, отчасти напоминающий бульканье виски, когда его льют из бутылки в стакан. Обычно такой звук нравился мистеру Льюэлину; но не сейчас.

Повисло молчание.

— И что же, например? — проговорил мистер Льюэлин дрожащим голосом.

Стюард оживился. Ему вообще нравилось распространять свет знаний. Он даже забыл, что спешит.

— Итак, — начал он, — представьте, что этого персонажа в вашей картине поймали, когда он пытался провезти что-нибудь очень ценное, например жемчужное ожерелье... Простите?

— Я... я ничего, — пробормотал мистер Льюэлин.

— Мне показалось, вы что-то сказали?

— Нет.

— Странно. Так на чем я остановился? Ах, да. Этот ваш персонаж, скажем, хочет нелегально пронести жемчужное ожерелье через нью-йоркскую таможену — и попадает. Тогда он оказывается в довольно неприятной ситуации. Конечно, за контрабанду могут отправить и в тюрьму, а могут только конфисковать товар и наложить штраф вплоть до полной стоимости конфискованного. Лично я осмелился бы предложить вам представить дело так, чтобы у него конфисковали товар, оштрафовали по максимуму, а потом посадили в тюрьму.

Мистер Льюэлин болезненно дернулся.

— Мне надо, чтобы было правдоподобно.

— Это и будет правдоподобно, — бодро заверил его стюард. — Так часто делают... чаще, чем кажется. Я почему это предложил — это позволило бы дать несколько тюремных сцен.

— Не люблю тюремные сцены, — заметил мистер Льюэлин.

— Бывают очень захватывающие, — возразил стюард.

— Ну и что? — сказал мистер Льюэлин. — Я их не люблю.

Стюард озадаченно примолк, но уже через минуту прежний энтузиазм вернулся к нему. Он был давним почитателем кино и понимал, что такой человек, как мистер Льюэлин, должен сначала досконально изучить предмет, а потом уж решать, с какого конца к нему лучше подступиться. Вероятно, мистер Льюэлин, со свойственным ему чутьем, собирается представить это не как драму, а как комедию...

И стюард задал вопрос:

— Может быть, вас привлекает смешная сторона ситуации? Я думаю, вы правы. Все любят посмеяться. Тогда, — продолжал он, заранее посмеиваясь над воображаемыми персонажами, — вышла бы очень смешная сцена, где таможенники его обыскивают. Особенно если он толстый. Возьмите хорошего толстяка — чем толще, тем смешнее, — и я гарантирую, что по крайней мере в саутгемптонском «Супер-Бижу» публика будет хохотать так, что в Портсмуте услышат. Мистер Льюэлин, судя по всему, не разделял вкусов саутгемптонского «Супер-Бижу». Лицо его оставалось все таким же каменно-застывшим. Он сказал, что не понимает, над чем тут можно смеяться.

— Не понимаете?

— Абсолютно ничего смешного.

— Как?! Ну вот, например, они раздевают его и дают ему рвотный порошок.

— Рвотный порошок? — выпучил глаза мистер Льюэлин. — Это еще зачем?

— Посмотреть, не прячет ли он чего внутри.

— Они посмеют?!

— Еще бы! Можно сказать, обычное дело.

Мистер Льюэлин мрачно посмотрел на собеседника. В свое время он недолюбливал многих киносценаристов, но ни один из них не был неприятен ему так, как этот разглагольствующий стюард. Такое смакование мерзких подробностей казалось ему отвратительным.

— Никогда об этом не слышал.

— Что вы!

— Чудовищно! — заметил мистер Льюэлин. — И это в

цивилизованной стране!

— Люди не должны заниматься контрабандой, — назидательно произнес стюард, — Вы и говорите им своей картиной: не беритесь за это дело, оно безнадежное!

— А оно безнадежное?

— Еще бы! У них отработанная система слежки. Мистер Льюэлин облизнул пересохшие губы:

— Я об этом тоже хотел вас расспросить. Как работают сыщики?

— О, они повсюду... Так и шныряют по Лондону и Парижу, да и по всему континенту.

— А в Каннах?..

— В Каннах-то их больше всего, после Лондона и Парижа, конечно. Сейчас ведь у американцев вошло в привычку плыть домой новым южным маршрутом, на итальянских кораблях. Солнечные ванны, к тому же модно... Думаю, в каждом каннском отеле имеется таможенный сыщик. Я знаю, что один есть в «Гигантике», еще один — в «Манифике»...

— В «Манифике»!

— Это такой отель, — пояснил стюард. — Ну и в других тоже свои сыщики есть. Накладно, конечно, держать их, но американская таможня в итоге выигрывает, рано или поздно они оправдают расходы. В заграничных гостиницах люди не боятся говорить открыто — а их подслушивают. Ну разве подумаешь на прилично одетого молодого человека, который случайно встал рядом, когда они в баре обсуждали план? Потом они встречают его на корабле — и опять же, им в голову не придет, что он тут неспроста. Но он — неспроста, и в Нью-Йорке они это почувствуют.

Мистер Льюэлин прокашлялся.

— Вы... кхм... видели его? Из «Манифика»?

— Лично я — нет, а мой знакомый видел. Высокий, хорошо одет, внешность приятная — знакомый говорил: последний, на кого можно подумать... Боже мой! — вскричал вдруг стюард, глянув на часы. — Время-то как летит! Мне нужно бежать. Смею думать, я хоть немного помог вам, мистер Льюэлин. На вашем месте я бы действительно вывел в картине таможенного сыщика. Весьма занятная профессия. А сейчас, надеюсь, вы меня извините? Тысяча дел. Так всегда бывает, пока не пройдем Шербур.

Мистер Льюэлин, конечно, извинил его. Особой радости этот разговор ему не доставил. Он погрузился в раздумья, зажав в зубах незажженную сигару; и раздумья эти могли бы продолжаться вечно, если

бы их не прервали.

За его спиной раздался голос:

— Извините, вы случайно не знаете, как пишется «беспрецедентно»?

Состояние мистера Льюэлина в данный момент не позволяло ему делать пируэты, но тут он сделал более или менее полный пируэт, насколько это вообще возможно для человека, чья талия исчезла еще лет двадцать назад. После этого он издал тонкий мышинный писк и обмяк в кресле.

Перед ним был зловещий незнакомец с террасы каннского отеля «Манифик».

В эту минуту дверь распахнулась, и вошла Гертруда.

Глава VI

Первые часы плавания она провела в каюте мисс Пассенджер, капитана женской хоккейной сборной, примеряя шляпки. Вот почему Монти, как ни старался, не мог найти ее. Пока он обшаривал прогулочную палубу, шлюпочную палубу, комнату отдыха, курительную комнату, библиотеку, гимнастический зал и все остальные помещения, кроме разве что машинного отделения и капитанской рубки, все это время она находилась в каюте мисс Пассенджер на палубе «В», примеряя, как уже было сказано, шляпки.

Со шляпками у мисс Пассенджер было все в порядке, ибо она задалась целью с первых дней своего пребывания в Штатах произвести на тамошних жителей неизгладимое впечатление. У нее были голубые шляпки, розовые шляпки, бежевые шляпки, зеленые шляпки, соломенные шляпки, вязаные шляпки, фетровые шляпки — и Гертруда все их перемерила одну за другой. Сам процесс этот, как оказалось, помогает заглушить сердечную боль.

Потому что, хотя по ее поведению на вокзале Ватерлоо это было не заметно, боль все-таки терзала ее сердце. После того, что случилось, девичья гордость не позволяла ей даже думать о Монти как о будущем муже, но вспоминать о нем ей никто не запрещал. Реджи Теннисон ошибся, предположив, что бывший жених потерял в ее глазах свой героический ореол. Нет, роковые чары все еще действовали.

Она изо всех сил старалась избавиться от этого наваждения, особенно когда поток шляпок иссяк. У мисс Пассенджер были в запасе еще и чулки, но чулки — это все-таки не то. Она отказалась, извинилась и вышла на палубу. И, случайно проходя мимо библиотеки, вдруг подумала, не взять ли ей книжку. Возможно, подумала она, ей предстоит бессонная ночь.

Расстановка сил в библиотеке в данный момент была такова: мистер Льюэлин и Монти разбились на два лагеря. Киномагнат томился в кресле, Бодкин же вернулся в свой угол. Его вообще было легко спугнуть, и полное отсутствие поддержки со стороны мистера Льюэлина заставило Монти отложить письмо. Когда вошла Гертруда, он задумчиво покусывал перо, глядя в пустоту.

Гертруда его не заметила. Библиотеку лайнера «Атлантик» украшали пальмы в кадках, и одно из этих растений закрывало ей обзор. Подойдя к книжному шкафу и убедившись, что он закрыт, а библиотекаря нет на

месте, она направилась к овальному столу, чтобы взять журнал. Тут наконец Монти ее увидел.

Она села в кресло у окна и раскрыла журнал, как вдруг над ее головой кто-то часто и взволнованно задышал. Подняв глаза, она увидела бледный, застывший лик. Гертруда даже икнула от неожиданности. Журнал упал на пол.

— Ага! — сказал Монти.

Два обстоятельства не позволили Гертруде Баттервик тотчас же встать и покинуть помещение. Во-первых, кресло, в котором она сидела, оказалось таким глубоким, что для того, чтобы высвободиться из него, ей пришлось бы проделать некое физическое упражнение, совершенно не соответствующее серьезности момента. Во-вторых, Монти, произнеся свое «Ага!», смотрел на нее с суровым осуждением, совсем как король Артур на королеву Гиневру, и от такой неслыханной наглости она онемела. Надо же, после всего, что он сделал, он еще смотрит на нее с осуждением! Она не находила слов.

— Наконец-то! — сказал Монти.

— Уйдите! — сказала Гертруда.

— Ну уж нет, — спокойно и с достоинством ответил Монти, — сначала я все скажу.

— Я не желаю с вами разговаривать.

Монти рассмеялся, и смех его напоминал скрип грифеля по бумаге.

— Не беспокойтесь. Все, что нужно, я сам скажу. — Подобными словами, наверное, король Артур начинал свой исторический разговор с Гиневрой. Он долго копил обиду, к тому же у него еще ноги болели — вот почему теперешний Монти Бодкин сильно отличался оттого вибрирующего нытика, который с видом просителя стоял перед ней на вокзале Ватерлоо. Сейчас он был холоден, тверд и безжалостен.

— Гертруда, — сказал он, — ваше поведение беспрецедентно.

Гертруда вскипела от негодования, глаза ее засверкали. Все, что было в ней женского, восстало против такого чудовищного обвинения.

— Нет!

— Да.

— Нет!!!

— Да и еще раз да. Совершенно беспрецедентно. Позвольте мне изложить факты.

— И нечего...

— Позвольте мне, — настаивал Монти, — изложить факты.

— И не трудитесь...

— Да Господи Боже мой! — вскричал Монти с явным укором. — Позволят мне, наконец, изложить факты? Как я их изложу, если вы все время меня перебиваете?

Даже самая бесстрашная девушка, скорее всего, испугается, если столкнется с непробиваемым пещерным человеком. То же самое случилось с Гертрудой Баттервик. Никогда, за все долгие месяцы их знакомства, Монти Бодкин не говорил с ней так. И эти слова — да и не только слова, сам тон, с которым он произносил их, — поразили ее не меньше, чем Айвора Лльюэлина просьба произнести по буквам слово «ишиас». Она почувствовала себя так, как если бы ее за ногу укусил кролик.

Монти наносил удары мастерски. Во взгляде его не было и тени любви, что могло бы смягчить боль. В них был только строгий укор.

— А факты, — продолжал он, — таковы. Мы встретились, понравились друг другу. Ради вас на том пикнике я прибил осу, и через две недели вы недвусмысленно дали мне понять, что любите меня. И все шло замечательно. На основании этой взаимности я засучил рукава и приготовился исполнять нелепые условия, без которых ваш папаша не дал бы добро на наш союз. Это было тяжелое испытание, но я пошел на него без колебаний. Этот библейский... Иаков или как там его звали — ничто по сравнению со мной. Я был готов, я даже рвался работать до седьмого пота, чтобы завоевать вас, потому что любил вас и вы говорили, что тоже меня любите. «Прежде чем жениться на моей дочери, — заявил мне ваш предок, — найдите себе работу и продержитесь на ней не меньше года». Я нашел работу. Я стал младшим редактором «Мальша».

Он остановился, чтобы перевести дух, но под его пристальным взглядом она не посмела заговорить. Подобный эффект производила на нее в школе учительница физкультуры, которая учила ее играть в хоккей.

Монти вдохнул поглубже и подвел итог.

— Вы знаете, что за этим последовало. В еженедельном послании дядюшки Обри своим цыпляткам я допустил глупую ошибку, позволив себе тон, который мой начальник, лорд Тилбери, не одобрил, и меня вышибли. И что потом? Я спасовал? Нет. На моем месте многие бы спасовали, но только не я. Дух старины Иакова разгорелся во мне пуще прежнего. Я засучил рукава и пошел секретарем к лорду Эмсворту в Блэдингский замок.

Перебирая в памяти превратности судьбы, которым он подвергся во время своего пребывания в Блэдингском замке, Монти Бодкин разразился горьким смехом — звук этот напоминал уже не скрип грифеля по бумаге, а лай гиены, так что Айвор Лльюэлин, укрывшийся в кресле, дернулся и

ткнул себя в глаз сигарой. В этом смехе ему почудилось что-то совершенно нечеловеческое. Так смеются те, кто, поймав вас с поличным, не проявят ни жалости, ни сострадания.

— После нескольких дней непрерывного нервного напряжения старик Эмсворт выставил меня. Но разве я сдался? Спрятал голову под подушку? Я втерся в доверие к коротышке Пилбему и получил место в его детективном агентстве. Эту должность я занимаю и по сей день.

Он никогда не говорил Гертруде, что заплатил Перси Пилбему тысячу фунтов за то, чтобы тот зачислил его в помощники, не упомянул и сейчас. Девушкам не интересны технические подробности. Им нравится только чистая идея.

— Эту должность, — продолжал он, — я занимаю и по сей день, несмотря на связанные с ней многотрудные и малоприятные обязанности. Не то чтобы Пилбем постоянно меня гонял, но по крайней мере дважды я получал такие задания, после которых человек послабее наверняка попросил бы расчет. В первый раз я два часа проторчал перед рестораном под проливным дождем. В другой раз меня послали на свадебные торжества в Уимблдон охранять подарки. Кто не испытал этого на своей шкуре, тому не понять, каким дураком себя чувствует человек, охраняющий свадебные подарки. Тем не менее я прошел через это, я выстоял. Все это, говорил я себе, приближает меня к Гертруде.

Он снова страшно захохотал. Смех этот уже меньше был похож на смех гиены и больше — на крик души, но для человека с чутким слухом он был по-прежнему неприятен, и мистер Льюэлин снова прянул, как испуганная лошадь.

— О, если бы это могло приблизить вас ко мне! Не успел я приехать в Канни в долгожданный отпуск, как вдруг — нате вам, ни с того ни с сего получаю телеграмму, в которой мне дают отставку! Да-а, — продолжал Монти, и голос его дрогнул от жалости к себе, — каково было мне, измученному морально и физически, вдруг узнать, что меня разжаловали и все мои усилия пропали даром!

Гертруда Баттервик подалась вперед. Она хотела ответить. Но он знаком руки велел ей молчать:

— Могу только предположить, что кто-то за моей спиной пришел и украл вас у меня. Если вы не окончательно спятили, то, я думаю, только этим и можно объяснить ваше поведение. Но позвольте сказать вам. Если вы думаете, что мною можно играть как кошка с мышкой, вы очень ошибаетесь. Ничего подобного. Я выведу на чистую воду этого змея, который тихой сапой втерся к вам в доверие, и если понадобится, поставлю

его на место. Я пойду к нему и для начала предупрежу. Если не подействует, тогда...

Гертруда обрела дар речи, стряхнула гипнотические чары, которые он все это время на нее наводил. Лицо ее пылало, взор метал молнии — даже мистеру Льюэлину, глянувшему на нее, стало как-то не по себе. Она напомнила ему его жену Грейс в тот момент, когда он осмелился предположить, что ее брат Джордж мог бы найти более подходящее применение своим талантам, чем должность эксперта по постановочной части в их кинокомпании.

— Лицемер!

— Ах, так? — Монти смотрел на нее в упор и был страшен во гневе. — Интересно, что вы имеете в виду?

— Вы отлично знаете, что я имею в виду.

— Нет, не знаю.

— Нет, знаете.

— Но я действительно не знаю, что вы имеете в виду. И более того, — продолжал Монти, — уверен, что и сами вы не знаете. Что еще за «лицемер»? Почему лицемер?

Гертруда возмутилась:

— Притворялись, что любите меня!

— Я и люблю.

— Нет, не любите.

— Сказано вам, люблю. Кому же, как не мне, знать, люблю я вас или нет!

— Тогда кто такая Сью?

— Что за Сью?

— Кто такая Сью?

— Что за Сью?

— Сью. Кто она такая? Кто Она Такая?

Монти подобрел. Что-то похожее на нежность проступило в его поведении. Несмотря на то, что она изводила его самым беспощадным образом, а теперь заладила свое, как часы с кукушкой, все же он любил эту девушку.

— Послушай, старушка, — сказал он с пониманием, — так можно до утра проговорить. Это все равно что повторять «на дворе трава, на траве дрова». О чем ты вообще говоришь? Что ты имеешь в виду? Скажи, и мы вместе разберемся. А то заладила одно: «Что за Сью? Что за Сью?» — а я и знать не знаю ника... — Голос его внезапно пресекся. Глаза беспокойно забегали. — Ты случайно имеешь в виду не Сью Браун?

— Понятия не имею, какая у нее фамилия. Я знаю одно: ты едешь в Канны, притворяясь, что любишь меня, а через неделю у тебя на груди — татуировка с ее именем в сердечке. Отрицать это бесполезно, потому что ты послал мне свою фотографию в купальном костюме, я ее увеличила и все увидела.

Наступило молчание. Пещерный Бодкин исчез, и на его место заступил Бодкин с вокзала Ватерлоо. Он как-то скособочился, поджал ногу, на лице его вновь появилась слабая заискивающая улыбка.

Он сам был во всем виноват. Уже не в первый раз эта «Сью» в сердечке причиняла ему неприятности. Совсем недавно, в Блэдингском замке, у него было неприятное объяснение с Ронни Фишем на ту же самую тему. Тогда Ронни задавал разные вопросы, теперь вот Гертруда задает. Монти даже пообещал себе, что если на этот раз каким-то чудом выпутается, то возьмет порошок, или пемзу, или пятновыводитель, или чем там еще выводят татуировки, и навеки сотрет эту несчастную «Сью». А заодно и сердечко.

— Послушай! — сказал он.

— И слушать не хочу.

— Но ты должна выслушать! Ты ошибаешься.

— Ошибаюсь!

— То есть я хочу сказать, ты ошибаешься в одном. В самом главном, я бы сказал. Твоя ошибка в том, что ты предположила, будто татуировка свежая. Это не так. Я все могу объяснить. Я сделал ее как дурак — бог знает почему я сделал такую глупость — почти три года назад, когда еще не был знаком с тобой.

— Да?

— Не надо! — попросил Монти. — По крайней мере, говори что хочешь, только не делай вид, будто ты не веришь ни единому моему слову.

— Я и так не верю ни единому твоему слову.

— Я говорю правду. Три года назад, еще безмозглым мальчишкой, я был помолвлен с девушкой, которую звали Сью Браун, и мне казалось, нет ничего дурного в том, чтобы вытатуировать на груди ее имя. Было чертовски больно и стоило — ты не поверишь сколько. Едва я это сделал, как помолвка отменилась. Мы были помолвлены две недели. Потом выяснили, что оба промахнулись, и расстались при обоюдном согласии. Она пошла своим путем, я — своим. Эпизод закончен.

— Да?

— Когда ты говоришь «Да?» таким тоном, ты ошибаешься. Я ее больше никогда не видел, она не появлялась на моем горизонте, и только

месяц назад, чисто случайно, мы встретились в Бландингском замке...

— Да?

— Сейчас ты сказала «Да», словно тебе показалось, что эта встреча что-то изменила. Ничего подобного. То мимолетное чувство, которое я испытывал некогда к Сью Браун, давно улетучилось. У нее — то же самое. Конечно, я и сейчас думаю, что она вообще-то — высший сорт, но влюбленность прошла. Остались одни воспоминания. Да что я! Достаточно сказать, что она с ума сходила по Ронни Фишу и вышла за него замуж. Вот!

— О?

К этому восклицанию Монти Бодкин не стал придирааться. Это было не презрительное «Да!», не снисходительное «Да...», которые, слетая с уст любимой, заставляют человека чувствовать себя так, словно он наступил на консервную банку. В этом восклицании были спокойствие, доброта и раскаяние. Оно говорило о том, что непонимание ушло, обиды забыты.

— Монти! Это правда?

— Конечно, правда. Черкни пару строк миссис Р. О. Фиш в Бландингский замок, Шропшир, — и ты сама убедишься, что все именно так и было.

Последние признаки оледенения, которые так неприятны У любимого существа, исчезли из глаз Гертруды. Началась оттепель, и светло-карие озера наполнились слезами раскаяния.

— О Монти! Какой я была глупой!

— Ну, что ты!

— Нет, правда. Ты ведь понимаешь, как я мучилась?

— Еще бы!

— Я думала, ты из тех мужчин, которые влюбляются во всех встречных женщин. А этого я вынести не могла. Ты ведь не будешь меня ругать за то, что я не могла этого вынести?

— Конечно, нет. Совершенно правильное отношение.

— Я хочу сказать, если человек, с которым ты помолвлена, порхает вроде мотылька, лучше сразу с ним порвать.

— Да-да. С этими мотыльками нужна твердая рука.

— Даже если очень больно.

— Вот именно.

— А отец всегда уверял, что ты такой.

— Он уверял? — ахнул Монти. — Старый су... извини, оговорился.

— Я, конечно, отвечала «Нет», но, знаешь, ты такой красивый, Монти!

Мне иногда кажется, что все девушки в мире должны сохнуть по тебе. Наверное, это глупо.

— Еще как глупо. С чего ты взяла, что я красивый?

— Но ты же красивый!

— Ничего подобного.

— Конечно, красивый.

— Ну ладно, будь по-твоему, — сдался Монти, — хотя лично я этого не замечал. Но, черт возьми, даже если бы я был писанным красавцем, думаешь, я бы посмотрел хоть раз на кого-нибудь, кроме тебя?

— Не посмотрел бы?

— Конечно, нет. Грета Гарбо, Джин Харлоу^[33] или Мэй Уэст^[34] — на что они мне? Тьфу!

— Монти! Мой дорогой!

— Гертруда! Старушка!

— Нет, Монти, не надо. Не сейчас. Толстяк смотрит.

Монти обернулся и признал, что ее замечание справедливо. И «толстяк», и «смотрит» было сказано верно. На свете трудно было найти человека толще, чем мистер Льюэлин, и никому из них не удалось бы посмотреть на них пристальнее, чем он.

— Да ну его! — сказал он. — Это Айвор Льюэлин, киношник.

— Я знаю. Джейн Пассенджер сидела рядом с ним за завтраком.

Монти насупился. Его распирало от чувств, им нужен был выход. В этот светлый миг примирения он жаждал обнять любимую, но не мог осуществить этого, пока на него таращится пучеглазый киномагнат. В такие светлые моменты человеку как никогда требуется уединение — но какое же может быть уединение в присутствии Айвора Льюэлина! Каким-то образом он создавал иллюзию большой парадной толпы с театральными биноклями.

И тут Монти осенило.

— Подожди! — сказал он и выбежал из комнаты.

— Вот! — сказал он, вернувшись через пару минут.

Гертруда Баттервик взвизгнула от восторга. На хоккейном поле это была бесчувственная машина, способная без зазрения совести ударить противника по ноге, но в остальных случаях она была воплощенная женственность, с чисто женской любовью ко всему красивому и неповторимому. А ей не часто доводилось видеть что-либо столь же красивое и неповторимое, как то, что протягивал ей сейчас Монти.

Это был один из тех предметов (а их на свете немало), которые буквально просятся к вам в руки из уличной витрины, — коричневый плюшевый Микки Маус с нежно-розовыми бусинками глазок. Монти предпочел его всем остальным, а там были желтый медвежонок, темно-

вишневый верблюд и зеленый бульдог из папье-маше, который, если его потрясти, качает головой. Но внутренний голос подсказал ему, что Гертруда бы выбрала этого.

И не ошибся. Она, крича от восторга, тотчас же прижала Микки к груди.

— О, Монти! Это мне?

— Конечно, глупышка. Кому же еще? Я заметил его утром у парикмахера в витрине, он мне сразу понравился. Голова откручивается. Можно класть конфеты или что хочешь.

— О Монти! Это... А, здравствуй, Амброз.

Романист вошел в комнату и остановился в дверях, оглядываясь, словно искал кого-то. Потом подошел к ним.

— Привет, Гертруда, — поздоровался он. Он вел себя как-то странно, рассеянно, что ли. — А, Бодкин! Не знал, что ты на пароходе. Вы не видели Реджи?

— Я — нет, — сказала Гертруда.

— А я — только что, — сказал Монти. — Думаю, он сейчас на палубе.

— Ага, — сказал Амброз.

— Смотри, что мне Монти подарил. Романист мельком глянул на Микки.

— Мощно, — сказал он. — Я ищу Реджи.

— Голова откручивается.

— Лучше не придумай, — сказал Амброз Теннисон таким тоном, будто ему все равно. — Извините, я должен найти Реджи.

Гертруда вовсю занималась прекрасной мышью. Она только что обнаружила, что, по случайному стечению обстоятельств, которые делают нашу жизнь такой интересной, это была точь-в-точь мисс Пассенджер.

— Вылитая Джейн, — сказала она. — У нее всегда такое лицо, когда она натаскивает нас перед матчем. Пойду покажу ей.

— Иди, — сказал Монти. — Думаю, ей будет приятно. А я пока схожу в бар, пропущу рюмочку. Нервное напряжение, знаешь ли!

Нежно обняв Гертруду за плечи, он проводил ее до дверей. Амброз хотел было последовать за ним, но его остановил звук, напоминающий чавканье копыт по болоту. Догадавшись, что его работодатель хочет поговорить с ним, он подошел ближе, всем своим видом выражая готовность помочь.

— Да, мистер Льюэлин?

Айвору Льюэлину стало чуть легче. Во мраке уныния и горя для него в последние две минуты забрезжил луч света, и вместе с ним родилась

бледная, шаткая, слабая надежда. Действительно, подумал он, сыщик, нанятый нью-йоркской таможней, не может быть на короткой ноге с такой симпатичной, пышущей здоровьем девушкой. Подруга сыщика, судя по всему, должна быть надушенной, тощей, с иностранным акцентом и, вполне вероятно, с кинжалом в чулке. Когда появился Амброз и оказалось, что он тоже знаком с этим типом, надежда дала новые ростки. Льюэлину Амброз очень нравился, он не мог водить компанию со шпионами.

— Скажите мне...

— Да?

— Этот молодой человек, который только что вышел. Вы с ним, кажется, знакомы?

— Да. Несколько лет. Его фамилия Бодкин. Мы с ним вместе учились в Оксфорде. Извините меня...

— Вместе учились? — переспросил мистер Льюэлин, начиная удивляться тому, что волновался из-за такой чепухи.

— Правда, я был на курс или два старше...

— Вы с ним хорошо знакомы?

— Ну да.

— Он ваш друг?

— Ну да.

— Кажется, я встречал его в Каннах.

— Правда? Вы извините меня...

— Вот я и подумал, — продолжал мистер Льюэлин, — может быть, вы знаете, кто он такой.

— Кто он такой?

— Чем занимается. Какая у него работа? Амброз Теннисон улыбнулся.

— А, понимаю! Странно, что вы об этом спросили, потому от него этого меньше всего можно было ожидать. Но моя двоюродная сестра Гертруда уверяет меня, что это суцая правда. Он детектив.

— Детектив!

— Да, сыщик. Надеюсь, вы меня извините? Я должен бежать, мне нужно найти брата.

Глава VII

Потрясенный сильнее прежнего, мистер Льюэлин некоторое время сидел как истукан. Затем в библиотеку ворвался девичий рой в сопровождении какого-то юнги, Льюэлин выбрался из кресла и вышел на воздух. Он должен был побыть один.

Слова Амброза убили в нем затеплившуюся было надежду, оставив от нее лишь холодный труп, который не подавал больше признаков жизни.

Ощущение, с каким он выходил из библиотеки и шел по палубе, было точь-в-точь как год назад, когда однажды утром, по совету врача решив заняться гимнастикой, на пляже Малибу он бросил мячиком в одного мускулистого типа, а мускулистый тип поспешил вернуть мяч обратно и попал ему прямо в солнечное сплетение. Помнится, земля под ним покачнулась — и сейчас то же самое.

Он шел в свою каюту, как раненый зверь в берлогу, едва ли осознавая, зачем он это делает, — и первое, что он там увидел, была Мейбл, сестра его жены. Засучив рукава, она склонилась над стулом, на котором восседал тощий юноша с серым лицом. Судя по всему, то был сеанс остеопатии.

Когда человек входит в комнату, рассчитывая побыть наедине со своими мыслями, и обнаруживает, что его свояченица, которую он всегда недолголюбил, превратила его убежище в клинику, — что он почувствует, сделав такое открытие? Скорее всего, его первые чувства будут настолько сильны, что для них не найдется слов. Так было и с мистером Льюэлином. Он стоял и молчал, а Мейбл Спенс смотрела на него через плечо спокойным и, как ему показалось, снисходительным взглядом. Ему этот взгляд не нравился. Однажды некий английский сценарист в очках в черепаховой оправе, нанятый его корпорацией, осмелился посмотреть на него подобным образом, и этого было достаточно, чтобы Айвор Льюэлин невзлюбил всех английских сценаристов (что стало впоследствии отличительной его чертой).

— Привет, — сказала Мейбл. — Заходи.

Ее пациент радушно поддержал приглашение.

— Да-да, входите, — сказал он. — Не знаю, кто вы, сэр, и что вы делаете в этой каюте, но можете войти.

— Я ненадолго. Я тут лечу головную боль мистера Теннисона.

— Головную боль мистера Теннисона-младшего.

— Да, Теннисона младшего.

— Не путать, — продолжал пациент, — с головной болью мистера Теннисона-старшего, если она у него бывает, — хотя, боюсь, это не так. Не знаю, кто вы, сэр, и что вы делаете в этой частной каюте, но должен сказать вам, что эта малышка — вы не возражаете против того, чтобы я называл вас «малышка»?

— Не отвлекайтесь.

— Эта малышка, — сказал Реджи, — ангел милосердия. Самое точное определение. Точнее не бывает. Она увидела меня на палубе, с первого взгляда определила, что у меня болит, привела меня сюда и стала мною заниматься. Надо бы потом посмотреться в зеркало — на месте ли голова или ее оторвали, но в остальном я чувствую себя намного лучше.

— У мистера Теннисона...

— Мистера Теннисона-младшего.

— У мистера Теннисона-младшего был похмельный синдром.

— Был. Никому бы такого не пожелал, сэр, не знаю, кто вы и что вы делаете здесь, в частной каюте...

— Это мой шурин, Айвор Льюэлин.

— А, волшебный фонарь... — сообразил Реджи. — Добрый день, мистер Льюэлин. Рад с вами познакомиться. Мой брат Амброз рассказывал мне о вас. Он вас очень высоко ценит, Льюэлин, очень высоко.

На киномагната вежливые слова не подействовали. Он мрачно глянул на молодого человека.

— Мне нужно поговорить с тобой, Мейбл.

— Хорошо. Начинай.

— С глазу на глаз.

— Ах так? Ну ладно, сейчас закончу.

Она мертвой хваткой вцепилась в шею Реджи, он только слабо вскрикнул.

— Ну-ну, потерпите, — успокоила она.

— Легко сказать «потерпите», а что если я у вас в руках развалюсь на части?

— Вот. Теперь все. Что скажете? Реджи чуть покрутил головой.

— Скажите «Бу».

— Бу!

— Громче.

— Бу!

— Теперь мне на ухо.

— Бу!

Реджи встал и блаженно улыбнулся.

— Чудо! Вот что это было. Обыкновенное чудо! Я стал другим человеком.

— Хорошо.

— И теперь я должен сказать, что был несказанно счастлив познакомиться с вашим семейством. В жизни не встречал такой дивной и благотельной семьи. Вы, мисс...

— Спенс моя фамилия.

— Вы, мисс Спенс, мертвых возрождаете к жизни. Вы, Льюэлин, первый заплатили реальные деньги моему брату Амброзу. Такое знакомство выпадает не каждому. Я должен чаще с вами видеться, мисс Спенс, и с вами, Льюэлин. Подумать только! — воскликнул Реджи. — Если бы полчаса назад кто-нибудь сказал мне, что я буду ждать сегодняшнего ужина как изголодавшийся червь, я бы не поверил. Прощайте, мисс Спенс, и вы, Льюэлин, или лучше сказать «до свидания», и спасибо, спасибо вам, мисс Спенс, и вам, Льюэлин, тысяча благодарностей. Как вас зовут?

— Мейбл.

— Отлично, — сказал Реджи.

Дверь закрылась. Мейбл Спенс улыбнулась. Мистер Льюэлин улыбаться не стал.

— Итак, — сказала Мейбл, — на сегодня добрых дел достаточно. Не представляю, где юноша мог так нагрузиться, Но он явно перестарался. Сейчас трудно поверить, что он может произвести впечатление. А мне всегда нравились такие сухопарые, длинноногие...

Мистер Льюэлин был не в настроении выслушивать лекции о внешних параметрах Реджи Теннисона, о чем и дал понять, заметавшись по комнате в буре эмоций, на манер умирающего лебедя.

— Послушай! Да будешь ты слушать, наконец!

— Хороший шаг. Что?

— Ты знаешь, кто с нами на корабле?

— Ну, теперь я знаю про Теннисона-старшего и Теннисона-младшего, потом по пути я встретила Фуксию Флокс, но кроме них...

— Тогда слушай, кто еще с нами плывет. Тот тип, который был в Каннах. Там, на террасе отеля. Который хотел узнать, как пишется «ишиас».

— Чушь.

— Чушь, говоришь?

— Ты все время о нем думаешь. Вот он тебе и мерещится.

— Разве? Ну хорошо, тогда слушай. Когда ты ушла, я пошел в библиотеку, сижу, а он вдруг выскочил как из-под земли, подкрался, в затылок дышит. На этот раз он хотел узнать, как пишется «беспрецедентно».

— Хотел узнать?

— Хотел.

— Так-так... Кажется, мальчик увлекся самообразованием. Такими темпами он наберет довольно приличный словарь. Ты подсказал ему?

Мистер Льюэлин сделал пару танцевальных па.

— Конечно, не объяснил. Откуда мне знать, как это пишется? А даже если бы и знал — что я, всем подряд должен растолковывать? Я просто сидел, смотрел на него и старался ровно дышать, чтобы сердце не выскочило.

— Может, он подошел случайно? Многие подходят случайно. Не вижу ничего страшного в том, что он плывет вместе с нами. И постарайся, — добавила Мейбл Спенс, — на досуге узнать, как пишется это слово.

— А ты не можешь?

— Я — нет.

— Тогда послушай и заруби себе на носу, — занервничал мистер Льюэлин. — Амброз Теннисон, как выяснилось, знает этого типа, и я спросил его, чем тот занимается, а Теннисон ответил: он детектив.

— Детектив?

— Детектив. «Дэ», «е», «те»... В общем, сыщик, — сказал Льюэлин. Это на Мейбл подействовало. Она задумчиво закусила губу.

— Точно?

— Куда уж точней!

— А ты уверен, что это тот самый человек?

— Разумеется, уверен.

— Странно.

— Что тут странного? Я тебе еще в Каннах говорил, что это таможенный шпион, и если ты мне не веришь, тогда, может, ты согласишься стюарду. Стюард ведь должен отвечать за свои слова? А он сказал мне, что в каннских отелях этих сыщиков как собак нерезаных. Он говорит, они так и выются вокруг, подслушивают разговоры. В один прекрасный день какая-нибудь глупая женщина сболтнет, как бы ей провезти что-нибудь, а им только того и надо. Этот парень здесь специально, чтобы следить за мной. Они так делают. Мне стюард рассказывал. Напав на след, они не отступают. Ну, что ты теперь скажешь? — спросил мистер Льюэлин, плюхаясь на кровать и пыхтя как паровоз.

Мейбл Спенс никогда не была горячей поклонницей своего шурина, но чисто по-женски ей стало его жалко. Она могла много чего сказать, и непременно сказала бы, и про его кровяное давление, и про то, что ему пора сесть на строгую диету, но она промолчала. Она подумала немного, пытаясь оценить ситуацию с чисто женской, практической точки зрения. И вскоре ее проницательный ум подсказал ей правильный выход.

— Не волнуйся, — сказала она.

Учитывая взвинченное состояние мистера Льюэлина, ей следовало бы произнести эту фразу более радостно. Лицо киномагната, и без того розовато-сиреневое, запылало королевским пурпуром.

— Не волноваться? Хороший совет.

— Не о чем волноваться.

— Значит, не о чем? Ну спасибо.

— Я знаю, что говорю. Сначала я думала, что ты преувеличиваешь, но раз этот человек — детектив, тогда ты, наверное, прав, и он ходит за нами из-за тех слов, которые тогда услышал. Но страшного ничего нет. Все очень просто. Он, вероятно, из того же теста, что и все, — ждет, когда ему предложат нормальную цену.

Мистер Льюэлин, видимо, хотел что-то сказать (должно быть, в ответ на слова «очень просто»). Он вздрогнул, проглотил что-то, и цвет его лица начал меняться к лучшему. Из пурпурного оно постепенно становилось розовато-сиреневым.

— Это верно.

— Еще бы!

— Я думаю, ты права. Он именно этого и ждет.

От этих слов он почувствовал себя так, словно после долгих блужданий по болоту выбрался наконец на твердую почву. В чем, в чем, а в том, как и за сколько нанимают людей, он разбирался.

Но радость недолго сияла в его глазах, он стал сомневаться:

— Как же это сделать? Нельзя просто так подойти к нему и спросить, сколько он берет.

— А тебе и не надо этого делать. — Мейбл посочувствовала неповоротливости мужского ума. — Ты хорошо разглядел его?

— Хорошо ли я его разглядел?! — повторил мистер Льюэлин. — А на что я, по-твоему, любовался битый час! Если бы у него были прыщи, я бы все их уже знал наперечет.

— Прыщей у него как раз нет. В этом-то все и дело. Он довольно симпатичный.

— А мне не нравится.

— Нет, он симпатичный. Похож на Боба Монтгомери. Наверняка он сам знает об этом. Более того, я уверена, что он мечтает сняться в кино с тех самых пор, как в первый раз побрился. Думаю, если ты поговоришь с ним с глазу на глаз и предложишь ему работу на киностудии, он за нее ухватится. И тогда...

— Тогда он не станет выдавать меня этим акулам!

— Разумеется, не станет. Это будет не в его интересах. Вообще, раз у тебя есть возможность раздавать работу в кино, ты можешь нанять кого угодно. Он клюнет на это, едва ты раскроешь рот.

— М-да, — заметил Айвор Льюэлин, после чего заметно погрузился и задумался.

Пока его не принуждали крайние обстоятельства, он не спешил добавлять новые имена к списку паразитов, присосавшихся к его кинокомпании. Каждое субботнее утро он выкладывал кругленькую сумму для родственников своей жены: свояка Джорджа, дядюшки Уилмота, двоюродного братца Эгберта и его сестры Женевьевы, которая, хотя он сильно сомневался в ее умении читать, состояла в его компании на должности чтицы с окладом триста пятьдесят долларов в неделю. Конечно, в случае крайней необходимости он мог бы добавить к ним и Монти Бодкина за любую фантастическую сумму, которую потребует эта кровожадная ищейка, но так ли уж это необходимо — вот в чем вопрос.

И тут он понял, что другого выхода нет. Старый, проверенный веками способ закрыть рот тому, кто много знает, — чего уж лучше! Прежде этот способ срабатывал безотказно, не подведет и на этот раз.

— Хорошо, — сказал он. — Амброз Теннисон с ним дружит, он-то все и провернет. Все лучше, чем идти на прямой контакт. Солиднее. Думаю, ты права. Он клюнет.

— Еще бы не клюнул! С чего ему отказываться? Я не думаю, что им много платят. Кругленькая сумма от кинокомпании Льюэлина покажется ему манной небесной. Говорила я, тебе не о чем беспокоиться?

— Говорила.

— И разве я была не права?

— Права, права, — кивнул мистер Льюэлин.

Он пристально посмотрел на свояченицу и подумал: как это раньше ему казалось, что он ее недолюбливает? В какой-то момент ему даже захотелось расцеловать ее.

Но, одумавшись, он потянулся к чемодану, достал сигару и принялся ее жевать.

Глава VIII

Монти Бодкин, пропустив рюмочку, не задержался в курительной, хотя там было много достойных людей, с которыми в иной момент приятно провести время. Он сошел вниз, чтобы произвести осмотр каюты, прежде принадлежащей Реджинальду Теннисону, — в ближайшие пять дней она должна была стать его пристанищем. Там он имел счастье лицезреть Альберта Юстаса Пизмарча, стюарда, обслуживающего этот сектор палубы «С». Сей ревностный муж не сразу попал в его поле зрения; вначале о его присутствии говорили лишь тяжкие вздохи, доносившиеся из ванной комнаты, но минуту спустя он вышел оттуда, и Монти смог оглядеть его в полный рост.

Поначалу ему показалось, что любоваться тут особо не на что. Вот если бы он встретил Альберта Пизмарча десятью годами раньше, когда время еще не сделало свое черное дело!.. А сейчас стюарду было уже за сорок. Время избавило его практически от всех волос, оставив взамен розовое пятнышко на носу. Его стройная некогда фигура тоже претерпела с годами частичные изменения. Кто видел Айвора Льюэлина, ни за что не назвал бы Пизмарча толстым, но все же для своего роста он был полноват. У него было круглое лунообразное лицо, на котором, как изюминки в тесте, сидели маленькие карие глазки. И при виде этих глаз дух беспечной радости, с которым Монти ворвался в комнату, стал понемногу улетучиваться.

Дело не в том, что у Альберта Пизмарча были такие маленькие глаза. У многих знакомых Монти были маленькие глаза. Смутило другое: во взгляде этих глаз Монти почудилось некое осуждение, словно стюарду не нравится его внешность. А мысль о том, что кому-то может не нравиться его внешность, особенно после того как он только что помирился с Гертрудой Баттервик, была для Монти как нож острый.

И он решил постепенно завоевать расположение Пизмарча, расточая улыбки и всячески показывая, что даже если почему-либо он, Монти, не соответствует его представлениям о физической красоте, то внутренний мир Бодкина отвечает самым высоким требованиям.

«Он, конечно, не Аполлон, — рассказывал бы потом Альберт в своей компании, хотя, конечно, не ему бы критиковать, — но очень приятный молодой человек. Тихий такой, вежливый. Выражается обходительно», — или как там обычно говорят слуги, когда хотят сказать, что кто-то умеет

поддержать разговор.

Под прицелом карих глаз Монти выпалил задорно и звонко:

— Добрый день!

— Добрый день, сэр, — сухо отвечал Альберт Пизмарч.

Монти Лишний раз убедился, что стюард его недооценивает. Очень уж неприветливо тот себя вел. Для Монти это было первое морское путешествие, у него еще не было опыта, исходя из которого он мог бы вывести среднюю степень доброжелательности стюардов, но в данном случае он явно имел право рассчитывать на более теплый прием.

Тогда он мысленно провел параллель со слугами. Если бы он приехал погостить в загородное имение и слуга оказался бы столь же непочтительным, у него были бы серьезные опасения, что тот подслушал, как хозяин за обедом нелестно отзывается о госте. Значит, у Альберта Пизмарча сложилось о нем предвзятое мнение.

Несмотря ни на что, он постарался поддержать приятную беседу.

— Добрый день, — еще раз сказал он. — Вы, как я понимаю, обслуживаете эту каюту?

— Эту и соседние с ней, сэр.

— Вижу, вы вовсю трудитесь. Честно исполняете свой долг.

— Я наводил тут порядок, сэр.

— Отлично.

— Я только что разместил в ванной ваши бритвы, зубные щетки, зубную пасту, флаконы, губку, мешочек для губки и помазок, сэр.

— Мощно поработали, — сказал Монти и сам понял, что в данных обстоятельствах эта фраза звучит бестактно и может быть неправильно истолкована, — спасибо.

— Не за что, сэр.

Помолчали. Солнечный луч так и не заблистал в глазах стюарда. Да, подумал Монти, с непринужденностью он переборщил. И тем не менее продолжил беседу:

— Так много пассажиров!..

— Да, сэр.

— Думаю, нас ждет приятное путешествие.

— Да, сэр.

— Конечно, если не будет шторма.

— Да, сэр.

— Прекрасный корабль.

— Да, сэр.

— Совсем не то, что в прежние времена, правда? То есть, я хочу

сказать, что, если бы Колумб увидел такой корабль, он бы глазам своим не поверил.

— Да, сэр, — подтвердил Альберт Пизмарч все так же сдержанно.

Монти сдался. Он сделал все, что мог. И чего ради он торчит здесь, пытаюсь задобрить этого твердокаменного стюарда, который никак не желает задабриваться, вместо того чтобы гулять с Гертрудой по палубе и дышать свежим воздухом? В конце концов, решил он (хотя на первый взгляд Бодкины дружелюбны, у них есть собственная гордость), в конце концов, какого черта! Если этот тип не сумел его по достоинству оценить, то есть другие, которые сумели! Надувшись, о» направился к двери, но едва взялся за ручку, как услышал сдержанное покашливание:

— Извините, сэр.

— Да?

— Вам не следовало этого делать, право, не следовало. Монти вдруг заметил, что Пизмарч смотрит на него с укором. Это еще почему?

— Да? — повторил он. Бывают ситуации, в которых «да?» — единственный возможный ответ.

— Не могу понять, как вы позволили себе это сделать, сэр.

— Что именно?

Стюард ответил жестом, полным достоинства, но в самый последний момент он подпортил его, почесав левое ухо.

— Вы можете подумать, что за вольности я себе позволяю, подобным образом разговаривая с вами...

— Нет-нет...

— Да, сэр, — настаивал Альберт Пизмарч, почему-то снова теребя себя за ухо. — С технической точки зрения это вольность. До тех пор, пока корабль не пристанет в нью-йоркской гавани, наши отношения приравнены к отношениям «хозяин — слуга». В общении с моими подопечными, с любым из джентльменов, занимающих вверенные мне каюты, я всегда говорю себе, что на время путешествия я вассал, а они — временно — мои сюзерены.

— Ого! — воскликнул Монти. — Здорово сказано.

— Благодарю вас, сэр.

— Лучше не скажешь.

— У меня хорошая школа, сэр.

— Случайно, не Итон?

— Нет, сэр.

— Ну, все равно здорово сказано. Но я, кажется, перебил вас.

— Ничего страшного, сэр. Я только хотел сказать, что, поскольку

наши отношения строятся по принципу «вассал — сюзерен», я не имею права говорить с вами подобным образом. Я вправе пойти к Джимми Первому...

— К кому?

— К старшему стюарду, сэр. По правилам, я должен был бы пойти к старшему стюарду, доложить и оставить дело на его усмотрение. Но мне не хочется огорчать такого человека, как вы, причиняя ему неприятности...

— То есть?

— ...потому что я очень хорошо представляю, что всему виной беспечность, и ничего более. Поэтому, надеюсь, вы не обидитесь, если я, не называя имен, просто скажу, что вам не следовало этого делать. Я по возрасту гожусь вам в отцы...

— По возрасту? — удивился Монти. — Сколько же вам лет?

— Сорок шесть, сэр.

— Ну, нет, тогда не годитесь. Мне двадцать восемь.

— А выглядите моложе, сэр.

— Не важно, как я выгляжу, главное — сколько мне лет. Мне двадцать восемь. Вы должны тогда жениться в... — он напрягся и пощелкал пальцами, — ...семнадцать. — Монти улыбнулся.

— Мужчины женятся и в семнадцать, сэр.

— Назовите хоть одного.

— Рыжий Перкинс, грузчик во Фрэттоне, — на удивление быстро нашелся Альберт Пизмарч. — Так что, видите, я был прав, когда говорил, что гожусь вам в отцы.

— Но вы мне не отец.

— Нет, сэр.

— Мы с вами даже не родственники, насколько мне известно.

— Нет, сэр.

— Ну, тогда, — сказал Монти, — честно скажу вам, что вы меня совсем запутали. Вы что-то сказали насчет того, что мне не следовало чего-то делать.

— Да, сэр. И готов еще раз это повторить. Вам не следовало этого делать.

— Чего делать?

— Молодость, молодость...

— Ну конечно, что же еще?..

— На мой взгляд, это не оправдание. Молодость! — воскликнул Альберт Пизмарч. — Молодо-зелено...

— Что вы все говорите загадками?

— Какие уж тут загадки: я имею в виду ванную, сэр.

— Ванную?

— То, что в ванной, сэр.

— Мыло?

— Нет, сэр. То, что на стене.

— Полотенце?

— Вы отлично знаете, что я имею в виду, сэр. Эта красная надпись. Много сил и времени придется потратить на то, чтобы ее оттереть. Но вы, конечно, об этом не подумали. Юность беспечна, не думает о завтрашнем дне.

Монти абсолютно ничего не понимал. Если бы не четкая артикуляция и не логичный подбор слов, можно было бы подумать, что стюард пьян и несет околесицу.

— Какая красная надпись? — растерянно переспросил Монти.

Потом пошел, заглянул в ванную; и застыл как вкопанный.

Все было именно так, как говорил Альберт Пизмарч. На стене была надпись.

Глава IX

Надпись была сделана лихо и размашисто, и человеку, который видел ее впервые, как сейчас Монти, поначалу казалось, что она гораздо больше, чем на самом деле. Создавалось впечатление, что это не стена с надписью, а, наоборот, гигантская надпись с крохотным кусочком стены.

На самом деле все произведение, если позволено будет так его назвать, состояло из двух высказываний: одно над зеркалом, другое — слева от него.

Первое высказывание гласило:

«Привет, малыш!»

Второе:

«Приветик, кися!»

Эксперт по каллиграфии, вероятно, сделал бы вывод, что автор был человеком добрым и впечатлительным.

В другом известном случае с надписью на стене, той, что появилась во время Валтасарова пира и, по словам Валтасара, испортила ему весь праздник, неприятными были сами слова «Мене, мене, текел, упарсин», почему-то огорчившие вавилонского царя. Странное дело: если бы кто-то написал эти слова в ванной Бодкина, он бы и не думал расстраиваться; хотя, конечно, зная нрав вавилонских царей, вполне можно допустить, что Валтасар, увидев нынешнюю надпись, только порадовался бы. О вкусах не спорят.

Монти было от чего прийти в ужас. Кроме слов: «Приветик, кися!» и т. д. ничего по-настоящему угрожающего не было. И все же, глядя сейчас на эти слова, он ощущал примерно то же, что мистер Льюэлин, когда его мускулистый товарищ попал ему мячиком в солнечное сплетение. Ванная поплыла у него перед глазами, и на какое-то мгновение он увидел двух Альбертов Пизмарчей, причем оба странно колебались из стороны в сторону.

Затем нормальное зрение вернулось к нему, и он уставился на стюарда. В голове его мелькнуло дикое подозрение:

— Кто это сделал?

— С кем не бывает, сэр...

— Безмозглый вы осел! — вскричал Монти. — Вы что, думаете, это я написал? Чего ради я стал бы писать такое? Это женская рука.

Именно это открытие привело Бодкина в такое смятение, и кто скажет, что у него не было причин волноваться? Ни один человек, невеста которого плывет на одном с ним корабле, не обрадуется, если обнаружит в своей каюте любовные послания, сделанные девичьей рукой, но меньше всего обрадуется тот, который только что благополучно выпутался из объяснений по поводу татуировки с сердечком. С чувством обреченности Монти отметил, что слова «Привет, малыш!» жирно обведены линией в форме сердца.

Но замечание Монти Бодкина о женской руке оказалось весьма кстати. От этих слов Альберт Пизмарч воспрял духом. Пафос пророка-обличителя слетел с него, и оказалось, он умеет по-человечески удивляться и даже радоваться.

— Теперь мне все ясно, сэр. Это молодая дама из соседней каюты.

— Что?

Альберт Пизмарч кашлянул в кулак.

— Довольно жизнерадостная дама, сэр. Вполне могла это сделать. Позвольте, я приведу вам пример. Примерно полчаса назад из ее номера раздается звонок, я вхожу, а она стоит перед зеркалом и красит губы помадой. «Добрый день», — говорит она. «Добрый день», — говорю я. «Вы стюард?» — говорит она. «Да, мисс, — говорю, — я стюард. Чем могу быть полезен?» — «Вот что, стюард, — говорит она, — Не могли бы вы вон из той корзинки на полу достать мне нюхательную соль?» — «Конечно, мисс, — говорю, — с удовольствием». Иду к корзинке, открываю крышку и как сигану назад! А молодая леди: «Эй, стюард, — говорит, — что такое? Странно вы себя ведете. Вы что, пьяны?» А я отвечаю: «Известно ли вам, мисс, что там в корзинке некое существо, которое щелкает зубами, когда вы поднимаете крышку? Если бы я зазевался, оно отхватило бы мне полпальца». А она говорит: «Ах да, забыла вас предупредить. Это мой крокодильчик». Вот, сэр, такая у вас соседка.

Альберт Пизмарч помолчал, переживая все снова. Но поскольку к его сюзерену еще не вернулся дар речи, он продолжил:

— Оказалось, она киноактриса и завела это животное по совету своего имиджмейкера. Вот такая у вас соседка, и простите меня за откровенность, я думаю, что вы совершили ошибку, сэр, серьезную ошибку.

Монти все еще пытался собрать мысли воедино. Он зажмурился и вновь открывал глаза, хмыкал, кашлял, мычал. Затем, постепенно, до его

сознания стало доходить, что собеседник упомянул о какой-то ошибке.

— Ошибка?

— Да, сэр.

— Чья ошибка?

— Я говорю, вы совершили ошибку, сэр.

— Я не совершал.

Альберт Пизмарч словно окаменел.

— Хорошо, сэр, — сказал он сухо. — Как вам будет угодно. Если вы хотите, чтобы я хранил молчание и ни во что не вмешивался, я буду хранить молчание. С формальной точки зрения вы вправе на это рассчитывать. Но я полагал, что все случившееся некоторым образом сблизило нас, и если можно так выразиться, вы могли бы отказаться от отношений сюзерена и вассала — иными словами, пассажира и стюарда — и позволили мне быть откровенным.

Монти из его слов ровным счетом ничего не понял, ясно было только одно: он каким-то образом умудрился обидеть собеседника. Хоть Альберт Пизмарч и говорил загадками, лицо его было как открытая книга. На нем ясно читалось уязвленное самолюбие.

— Да-да, — поспешил успокоить его Монти. — Конечно, конечно.

— Так я могу быть откровенным? — обрадовался Альберт Пизмарч.

— Вполне.

Стюард посмотрел на него по-доброму, что так естественно для человека, который, если бы в семнадцать лет женился на матери Монти (хотя, как мы знаем, в действительности этого не произошло) вполне мог бы теперь быть его отцом.

— Благодарю вас, сэр. В таком случае, сэр, позвольте мне еще раз напомнить вам, что, по-моему, вы совершаете серьезную ошибку. Я имею в виду сердечное увлечение этой дамы, пусть даже она такая красивая, как ваша соседка.

— А?

— Ваша соседка, — продолжал Альберт Пизмарч, — актриса, сэр, ее зовут мисс Флокс, а я помню, еще моя матушка говаривала: «Держись подальше от актрис, Альберт». И была права, как выяснилось значительно позже, когда, невзирая не ее слова, я взял и влюбился в девицу, игравшую в Портсмутской пантомиме. Очень скоро я понял, что актрисы и обычные люди движутся по разным орбитам и не могут найти общий язык. Начать с того, что она понятия не имела о пунктуальности. Сколько раз я по три четверти часа ждал ее на площади, а она появится как ни в чем не бывало и говорит: «А, вот ты где, Мордашка! Я не поздно?»

Он замолчал, откашливаясь. Для пущей достоверности последние восемь слов он произнес писклявым фальцетом — и голосовые связки не выдержали напряжения. Откашлявшись, он закончил свой рассказ:

— Но отсутствие пунктуальности — это еще полбеды. Все в ней было не так. С ней я был как на пороховой бочке, честно вам скажу. Взять хотя бы простой случай с чаем и сахаром. Положишь ей сахару, она говорит: «Ты что, хочешь испортить мне фигуру?». А в другой раз не положишь, так она: «Куда ты спрятал свой проклятый сахар!» — да еще и обидное слово прибавит.

Он горько усмехнулся: воспоминания были не из приятных. Потом, заметив, что Монти собирается что-то сказать, поспешил закончить свой рассказ:

— А все темперамент, сэр, артистический темперамент! Я очень скоро понял, что мы с ней несовместимы. И так во всем. Возьмите ее отношения с коллегами. Бывало, провожаю ее до сцены перед началом представления, и она все время твердит о том, какая это стерва Мод или Глэдис, а встречаю ее после представления и, чтобы ей было приятно, что я интересуюсь ее делами, говорю: «Надеюсь, дорогая, тебе сегодня не мешала стерва Мод или Глэдис?» — а она надувает губы и отвечает: «Буду очень тебе благодарна, если ты впредь не будешь называть моих лучших подруг стервами». На следующий день я говорю: «Ну как там твоя подруга Мод или Глэдис?» — а она на это: «Не знаю, что ты имеешь в виду под словом «подруга». Я ее терпеть не могу». Очень утомительно это было, сэр, вот почему я советую вам, как человек, который сам через это прошел, — не связывайтесь с актрисами, даже с самыми раскрасавицами. Дышите ровнее к этой юной леди, вот мой вам совет, сэр, и сами увидите, что так будет лучше.

Монти еле сдерживался. Был момент, когда, в состоянии вселенского счастья и полной безмятежности, он любил Альберта Пизмарча. Это состояние кончилось.

— Благодарю вас, — сказал он.

— Не за что, сэр.

— Благодарю вас, — повторил Монти, — во-первых, за то, что поведали мне историю своей жуткой жизни...

— Приятно это слышать, сэр.

— ...и во-вторых, за то, что дали мне ценный совет. Со своей стороны, сообщаю вам, что я не только не кручу роман с дамой из соседней каюты, но даже никогда ее не видел. И нечего, — тут Монти повысил голос, — коситься на дверь ванной, поскольку...

Лицо Альберта Пизмарча, как мы уже говорили, было как открытая книга. Сейчас на нем можно было прочесть удивление, смешанное с недоверием.

— Вы действительно ее не видели?

— Никогда.

— Тогда, сэр, — неуверенно сказал Альберт, — простите меня великодушно. Я был введен в заблуждение. Мой товарищ с палубы «В» сказал мне, что вы уговорили его хозяина поменяться каютами, и когда я увидел эту вашу соседку и понял, что нрав у нее не дай Боже, и вошел сюда, и нашел эти послания во всю стену, я, естественно, предположил, что вы решили поменяться номерами с джентльменом с палубы «В», чтобы оказаться поближе к даме из соседней каюты.

Монти весь кипел от негодования:

— Да не менялся я с джентльменом с палубы «В»! Это он поменялся со мной.

— Не вижу разницы, сэр.

— А я вижу.

— И вы не знаете даму из соседней каюты?

— Я уже говорил вам, что в жизни ее не видел.

Стюард неожиданно просиял. Сейчас он был похож на человека, долго бившегося над кроссвордом, безуспешно гадая, что бы это могло быть: «большая австралийская птица», как вдруг его осенило. И как наш кроссвордист-любитель, затрепетав, радостно воскликнет: «Эму!» — или как Архимед по одному известному поводу затрепетал и вскричал: «Эврика!», так сейчас и Альберт Пизмарч, затрепетав, воскликнул: «Ага!»

— Ага, сэр! — воскликнул Альберт Пизмарч. — Теперь мне все ясно. Дама из соседней каюты писала вот это на стене не из любви, а из озорства. Я ведь уже рассказывал вам, какая она шутница? Мне известен один подобный случай. Когда я служил на «Лорентике», Чудила устроил вечеринку для актрис, которые плыли с нами...

— Что еще за чудила?

— Второй стюард, сэр. У него было прозвище такое, Чудила. Так вот, как я уже говорил, Чудила пригласил девиц, веселье затянулось за полночь, но Чудиле нужно поспать часок-другой, чтобы к утренней вахте быть, как огурчик, — он просит у дам извинения и заваливается спать к Фляге...

— Какая еще фляга? Ничего не понимаю!

— Старший официант, сэр. У него прозвище было — Фляга. Так вот, как я уже говорил, Чудила спал у Фляги, а когда наутро поднялся в свою каюту, то увидел, что одна из молодых девиц написала губной помадой на

стене всякие ядовитые слова, и как он на это реагировал — это нельзя описать, это надо было видеть, по крайней мере так мне передавали очевидцы. Понимаете, он боялся, что в любой момент Старик вздумает провести инспекцию корабля...

— Как интересно...

— Очень, сэр. Я так и думал, что вы оцените. И он не смог их оттереть, Чудила не мог оттереть надписи, потому что помада несмываемая.

— Несмываемая?

— Научный термин, сэр, означающий, что краску невозможно оттереть без специальных химических составов.

— Что?! — закричал Монти, и стюард вдруг явственно различил, как уложенные красивыми завитками волосы молодого человека стали дыбом, каждый по отдельности, как иглы на взъяренном дикобразе. [\[35\]](#)

— Сэр?

— Стюард!

— Да, сэр?

— Вы не думаете... вы не думаете, что эти надписи сделаны помадой?

— Я знаю, что они сделаны губной помадой.

— Боже мой!

— Да, сэр. Несмываемой помадой.

— О Господи!

Альберт Пизмарч не понимал его отчаяния. Он не видел причин для чрезмерного волнения. Чудила — другое дело. У того была должность на корабле, которой он обязан соответствовать. Если бы надпись в его каюте выставили на всеобщее обозрение, Старик вызвал бы его, и парой слов дело бы не ограничилось. Но Монти — вольный пассажир.

Однако было ясно, что молодой человек принимает все это слишком близко к сердцу, поэтому Альберт Пизмарч осмелился взбодрить его, указав на другой аспект проблемы. В свободные от службы часы он размышлял о жизни и сейчас решил поделиться с Монти преимуществами своей, добытой упорным трудом, философии.

— На эти вещи, сэр, следует смотреть так: это просто судьба. Почему-то, если знаешь, что это предрешиено, все кажется не так уж плохо. Я все втолковываю своим коллегам, но, как ни удивительно, им этого не понять. Главная беда обычного стюарда на океанском лайнере, сэр, — это узость кругозора. Интересно, сэр, — продолжал Альберт Пизмарч, садясь на любимого конька, — задумывались ли вы об этом — я хочу сказать, задумывались ли вы о непостижимых путях судьбы или — как ее еще

называют — Провидения? Для примера возьмем хотя бы наш случай. Что мы имеем? Помаду. Хорошо. Чью помаду? Дамы из соседней каюты. Отлично. Но до войны дамы не пользовались губной помадой. Это война ее принесла. Итак, если бы не было войны, даме из соседней каюты нечем было бы писать на стене ванной.

— Стюард... — прошелестел Монти.

— Подождите еще секунду, сэр. Мы можем пойти дальше. Что стало причиной войны? Какой-то тип в Швейцарии выстрелил в германского императора.^[36] А если бы этот тип не стрелял в императора, не было бы войны, не было бы помады, и вашей соседке нечем было бы писать на стене ванной комнаты.

— Стюард!.. — повторил Монти.

— Только один момент, сэр. Мы еще не закончили. Можно заглянуть глубже. Почему появился на свете тот тип? Потому, что его отец и мать встретились и поженились. Вероятно, они встретились в кино или в другом таком же месте. Очень хорошо. Теперь подумайте сами, сэр. Представьте, что в тот вечер шел дождь, и она осталась дома. Или представьте, что, когда он надевал сапоги, за ним зашли приятели и увели метать дротики. Что из этого следует? Отец того типа не встретил бы мать того типа, некому было бы стрелять в императора, не было бы никакой войны, не было бы никакой помады, и даме из соседней каюты нечем было бы писать на стене ванной.

— Стюард! — взмолился Монти.

— Сэр?

— Если хотите знать, — сказал Монти, с трудом выговаривая каждое слово, — вы меня переоцениваете.

— Очень жаль слышать это, сэр. Я всего лишь показывал странные и удивительные пути...

— Я знаю. — Монти провел полбу рукой. — Но больше не надо. Ладно?

— Хорошо, сэр.

— Мне грустно, стюард.

— И правда, вид у вас грустный, сэр.

— Да. Видите ли, я помолвлен и собираюсь жениться...

— Надеюсь, вы будете очень счастливы, сэр.

— Я тоже надеюсь. Но буду ли? Вот в чем вопрос.

— Какой вопрос? — спросил, входя, Реджи Теннисон.

Глава X

Эмоции, захлестнувшие Монти Бодкина при виде старого друга, врывающегося в комнату, были примерно те же, только посильнее, что у осажденных воинов в Лакнау, когда они слышали звуки волюнок.^[37] Именно этот человек нужен был сейчас Монти, как никто другой. Даже если бы здесь собрались лучшие умы человечества, всем им он предпочел бы Реджи Теннисона.

— Реджи! — вскричал он. Тот удивился.

— Странно, — сказал он. — Чудеса какие-то. Я вхожу сюда, в эту тесную каморку, стою в двух шагах от тебя и ты орешь мне в самое ухо: «Реджи!» — и я даже не вздрагиваю. А ведь полчаса назад, если бы какая-нибудь птичка в дальней роще прочирикала нежнейшим голосом, я бы заткнул уши и забился в конвульсиях. И эта перемена, старик, произошла исключительно благодаря стараниям одной малышки, которая вцепилась в мою шею и буквально скрутила ее штопором. Это факт. Своими крохотными ручками она излечила мою больную голову в одну минуту...

Монти запрыгал по комнате почти как Лльюэлин перед Мейбл Спенс.

— К черту твою больную голову!

— А она уже не болит. И доложу тебе...

— Реджи, нам надо поменяться каютами!

— Не понимаю, о чем ты?

— Надо поменяться каютами!

— Но мы уже поменялись.

— Еще раз!

— Как, ты пойдешь наверх, а я вниз?

— Да.

— И поселишь меня рядом с Фуксией? — Реджи печально улыбнулся и покачал головой. — Нет, мой друг, — сказал он. — Извини, но нет. По крайней мере до тех пор, пока ты не предъявишь мне убедительных доказательств, что мой братец Амброз выпал за борт. Ты даже представить себе не можешь, Монти, — продолжал младший из Теннисонов, — до чего Амброз рассвирепел со времени последней нашей встречи. Думаю, он видел список пассажиров. Так или иначе, с тех пор как мы расстались и я пошел на палубу подышать, он ищет меня по всему кораблю, источая злобу и ненависть. Время от времени мне удается от него улизнуть, но он находит меня снова, а найдет — молча уставится и сопит, как дракон.

Дурак я буду, если поменяюсь с тобой обратно. И чего тебе понадобилось меняться? Эта каюта даже лучше, чем у меня. Никакого сравнения. Кровать тут мягче, мебель лучше, вместо одной гравюры — две, ковер красивее, стюард симпатичнее...

— Благодарю вас, сэр, — откликнулся Альберт Пизмарч.

— Даже не думай меняться. Ты тут как сыр в масле! А еще здесь есть отдельная ванная...

— Ха!

— Разве нет? Монти скривился:

— Ты упомянул ванную. Пойди и посмотри!

— Да я уже видел.

— Посмотри еще раз.

Реджи удивленно поднял бровь:

— Ты что-то темнишь, Монти. Не понимаю, к чему ты клонишь. Но если тебе так хочется, я посмотрю... Вот это да! — воскликнул он, открывая дверь ванной и отступая назад.

— Видишь?!

— Кто это сделал?

— Твоя подружка Фуксия, губной помадой.

Реджи был по-настоящему потрясен. Теперь он увидел Монти новыми глазами.

— Да, — почтительно сказал он, — ты, наверное, произвел на нее сильное впечатление, раз она такое сделала. Фуксия не такой человек, чтобы водить компанию с кем попало. Очень разборчивая. Прежде чем сунуть мне лед за шиворот, она больше месяца ко мне присматривалась. Вот уж не думал, старик, что ты такой проворный. И ты полчаса назад с ней познакомился?

— Да не знакомился я с ней! Не видел даже!

— Не видел?

— Нет. Я вошел, а тут на стене — вот это. Подозреваю, она к тебе обращалась.

Реджи обдумал это предположение:

— Ага, ага... Да, похоже на правду. Вот здорово, что я переехал!

— Ты не переехал.

— Нет, переехал.

— Реджи!

— Извини, старик, но это мое последнее слово.

— погоди, Реджи, послушай. Войди в мое положение. Я помолвлен!

— Извини.

— Помолвлен! Собираюсь жениться. А моя невеста может в любой момент зайти в ванную....

— Действительно, сэр! — вставил слово Альберт Пизмарч. Стюард был строг и невозмутим. Двадцать лет службы на флоте не сумели заставить его отступить от высоких моральных принципов, внушенных ему матерью, воспитывавшей его в викторианском духе.

— О, как вы правы, сэр! Нежная, чистая английская девушка... Она англичанка?

— Конечно, англичанка.

— Очень хорошо, сэр. Тогда, как я уже говорил, — продолжал Альберт Пизмарч нравоучительным тоном, — нежная, чистая английская девушка вряд ли станет заглядывать в ванную неженатого молодого человека. Она даже не помыслит об этом, нежная, чистая английская девушка. Она покраснеет от одной мысли.

— Точно, — заметил Реджи. — Хорошо сказано, стюард.

— Благодарю вас, сэр.

— Попали прямо в точку. Он прав, Монти. Не понимаю!

Ты, истинный джентльмен, дошел до подобной мысли. Если хочешь знать, я просто поражен. Как мог ты подумать, что такая благопристойная девица, как Гертруда, станет здесь мыться? Право же, Монти!

Наконец-то луч надежды блеснул на фоне грозовых туч, нависших на горизонте Монти Бодкина. Он приободрился.

— И правда! — сказал он.

— И правда! — сказал Реджи.

— И правда! — сказал Альберт Пизмарч.

— И правда! — повторил Монти. — Она ведь не станет?

— Конечно, нет.

— Какое счастье! Вы меня успокоили, — Монти с благодарностью посмотрел на своего вассала, — Пролили новый свет... — как, кстати, вас звать, стюард?

— Пизмарч, сэр. Альберт Пизмарч.

— Пролили новый свет на ситуацию, Альберт Пизмарч. Спасибо. Зато, что пролили новый свет. Может быть, еще не все потеряно.

— Да, сэр.

— И все же, на всякий случай, я попросил бы вас взять тряпку и уничтожить эту надпись.

— Бесполезно, сэр. Она несмываемая.

— Все равно, возьмите тряпку и попытайтесь.

— Хорошо, сэр. Как скажете.

— Спасибо, Пизмарч. Спасибо, Альберт.

Стюард удалился. Монти бросился на кровать и взял сигарету, чтобы успокоить расшатавшиеся нервы. Реджи придвинул стул и уселся рядом.

— Сообразительный малый, — заметил Монти.

— О, да!

— У меня словно камень с души свалился.

— Еще бы. Теперь, — сказал Реджи, — если Гертруда заглянет в ванную...

— Ты так не шути, старик, — взмолился Монти. — По крайней мере не сейчас.

— Я не шучу. Я тут как раз думал о вас с Гертрудой. Долго думал. Ты ведь не очень хорошо знаешь женскую психологию?

— Понятия о ней не имею.

— Этого я и ожидал. А если бы знал психологию, ты бы сразу увидел, почему Гертруда разорвала вашу помолвку. Нет-нет, — он сделал предупреждающий жест, — дай мне сказать. Я тебе все объясню. У меня все продумано. Давай по порядку рассмотрим все факты вашего с Гертрудой дела. Ты говоришь, ради нее на пикнике ты прихлопнул осу, с этого все и началось. Отлично. Лучшего начала не придумаешь. Тем самым ты приобрел в ее глазах героический ореол — девушки обычно влюбляются в такой ореол. Ты можешь убедиться в этом хотя бы потому, что через два дня она согласилась стать твоей женой.

— Через две недели.

— Две недели, два дня — какая разница? Важно то, что ты необычайно быстро добился успеха. Это доказывает, что у тебя был ореол. Не удивлюсь, если все эти две недели она видела в тебе сказочного принца. Очень хорошо. До этого момента ты был неотразим. Согласен?

— Ну да.

— А потом ты сам все испортил. Сделал неверный шаг: пополз пресмыкаться к ее родителю.

— Я не пресмыкался.

— Может, по-твоему, это не называется «пресмыкаться», но как еще назвать то, что ты сделал? По-моему, ты просто лебезил перед ним. А он возомнил о себе бог знает что и выставил дикие условия, и ты — нет чтобы сразу заткнуть ему рот, — ты взял и согласился.

— А что мне было делать?

— Быть умнее и перенять инициативу. Тебе надо было хватать Гертруду за шкуру и зарегистрироваться по-тихому где-нибудь в Шотландии, а если откажется — в глаз. Вместо этого ты идешь и

пресмыкаешься, и что в итоге? Ореола как не бывало. Представляю, как Гертруда говорит: «Ну что это за человек такой, этот Бодкин, если присмотреться как следует? Как с осами воевать — там он герой, но ведь не одни же осы вокруг!» Она поняла, что обманулась в тебе, что оса была лишь случайностью. Она сказала себе: «Если откровенно, то, по-моему, он просто размазня». Неудивительно, что придя к такому выводу, она сразу же дала тебе отставку. Все просто, как дважды два.

Монти в ответ только улыбнулся и в очередной раз затянулся сигаретой. Ему было приятно это слушать. Он и раньше хорошо знал недостатки своего приятеля, потому что Реджи Теннисон был из тех, которые думают, что знают все. Во всех остальных отношениях он был безупречен, но — надо прямо смотреть правде в глаза — любил не по делу наводить критику и раздавать советы.

Реджи Теннисон был из той породы людей, кто, узнав, что вы пошли за носками в «Баттерс и Баттерс», будет возмущаться, отчего вы не пошли в «Маттерс и Маттерс», потому что это единственная в Лондоне фирма, где можно приобрести приличные носки, а когда вы, сбегав в «Маттерс и Маттерс» и затоварившись носками, покупаете в придачу к ним еще и рубашку, он скажет: «Как? Рубашки от «Маттерс и Маттерс»?! Чушь какая. «Статтерс и Статтерс» — вот настоящее место!»

Но не всегда же такое терпеть! И Монти порадовался возможности на этот раз поставить приятеля на место.

— Значит, ты считаешь, что все дело в этом?

— Именно.

— А откуда ты знаешь?

— Ну, дорогой мой!

— Тебе не случалось ошибаться?

— Один раз, летом 1930-го.

— Значит, и на этот раз ты ошибся.

— Ты так думаешь?

— Да, я уверен.

— А почему ты уверен?

— Потому, — победоносно провозгласил Монти, раскрывая карты, — что мы с Гертрудой только что помирились, и оказалось, весь этот сыр-бор из-за того, что по причинам, которые я не стану объяснять, Гертруда решила, будто я ветреный человек, который влюбляется во всех подряд.

Он с радостью отметил, что не переоценил силу удара — самодовольство Реджи мигом исчезло. Стройная теория разрушилась, как картонный домик, и Реджи страдал. Монти даже показалось, что он

перестарался. Допустим, тебя послали в нокаут, но разве можно так убиваться?

— Она... как ты сказал?

— Она подумала, что я мотылек, — пояснил Монти. — Ты знаешь, какие они. Абсолютно нельзя положиться. Порхают то к одной, то к другой. Она думала, я тоже порхаю.

Реджи, видимо, лишился дара речи. Он встал со стула, дошел до ванной, открыл там кран, закрыл его и, судя по звуку, принялся оттирать едкую надпись зубной щеткой Монти.

— Слышь, Монти, — гулко прозвучало из ванной, — даже не знаю, как тебе сказать, но боюсь, я — из лучших побуждений — малость не рассчитал...

— Что?

— Да, — продолжал тот же потусторонний голос, — я малость не рассчитал. Видишь ли, я думал, что вы поссорились с Гертрудой из-за того, что она считает тебя размазней. А когда девушка считает парня размазней, есть только один способ разубедить ее в этом: показать, что он имеет успех у противоположного пола — пусть себе думает, что на самом деле оно-го! Короче, как ты выразился, мотылек, причем далеко не последний.

Монти усмехнулся. Любопытная идея и, право слово, в ней что-то есть. Реджи был мастер фантастических проектов.

— Понимаю, на что ты намекаешь. Довольно оригинально. Но я рад, что ты не успел сказать этого Гертруде.

В ванной наступило молчание. Затем Реджи заговорил голосом кающегося чревовещателя:

— Думаю, ты не уловил сути. Если бы ты слушал меня внимательнее, ты бы понял. Я сказал ей.

— Что?!

— Именно это я ей и сказал, и теперь понимаю, почему у нее был задумчивый вид, когда я уходил. Сосредоточенный такой. Понимаешь, я хотел представить тебя в лучшем виде и, боюсь, переусердствовал. Я высказался прямо и без обиняков. Если быть точным, я сказал ей: она ошибается, считая тебя размазней, на самом деле ты парень не промах, у тебя в запасе как минимум три девицы, причем ты ухитришься внушить каждой из них, будто она единственная и неповторимая.

Тут говорящий уронил в раковину что-то вроде пузырька с полосканием. Звон разбитого стекла заглушил все остальные звуки, и только когда стихло эхо, Монти убедился, что он в комнате не один.

Прямо по центру стояла молодая дама из соседней каюты.

Глава XI

Честно говоря, в первый момент личного знакомства с этой, если можно так выразиться, легендарной личностью Монти Бодкин не сумел поддержать ту самую репутацию, о создании которой так заботился его приятель Реджи Теннисон. Ничто не выдавало в нем современного Казанову; он, правда, дернулся, но на этом основании трудно было отнести его к классу порхающих.

А он действительно дернулся. К моменту непрошеного вторжения он и так еле стоял на ногах, а при виде девицы так резко отпрянул, что набил шишку о деревянную рамку объявления, висевшего на стене (те пассажиры, в планы которых не входило идти ко дну, могли узнать из него о правилах пользования спасательным жилетом).

Сделал он это не потому, что у него были пробелы по части этикета. Большинство людей, видевших прекрасную Фуксию только на экране, точно так же реагировали, узрев ее, так сказать, воочию.

В основном из-за ее волос. И еще из-за того, что на экране она казалась нежной и томной, хотя вне экрана была энергичной и подвижной. В частной жизни мисс Флокс меняла негу и томность на непринужденную игривость типа «детям до шестнадцати...», которая выражалась внешне — в очаровательной манящей улыбке, а внутренне и по сути — в привычке держать в корзинке крокодила и приглашать незнакомых людей открыть крышку.

Но в основном, как мы сказали, именно ее волосы приводили встречающих в состояние тихого шока. Казавшиеся с экрана пристойно светлыми, при непосредственном наблюдении они оказывались ослепительно рыжими. Казалось, она обмакнула голову в закат, и это, в сочетании с большими сияющими глазами и самоуверенным выражением лица, присущим большинству кинодив, обычно действовало на новичка сокрушительно. Монти, например, чувствовал себя так, словно его только что переехал автомобиль с включенными фарами.

Он стоял, разинув рот, а мисс Флокс, понимая, что произвела впечатление, улыбнулась своей блистательной улыбкой и тотчас же вступила в разговор:

— Доктор Ливингстон, я полагаю?^[38] Однако вы сильно изменились. А если нет, — любопытствовала она, — тогда кто?

На этот вопрос Монти смог ответить. Хотя он в последнее время

плоховато соображал, но имя свое он все-таки помнил.

— Моя фамилия Бодкин.

— А моя — Флокс

— Как поживаете?

— Спасибо, хорошо, — с готовностью поддержала разговор соседка. — Скриплю помаленьку. А что вы тут делаете?

— То есть?..

— Это же его каюта? Амброза Теннисона.

— Вообще-то нет.

— Значит, список пассажиров нагло врет. Кому же тогда принадлежит этот дивный интерьер?

— Ну, мне.

— Вам?

— Ну да.

Она округлила глаза:

— А не Амброзу?

— Нет.

Посетительнице почему-то стало смешно — она буквально корчилась от смеха.

— Послушайте, молодой человек, — выговорила она наконец, вытирая глаза. — У меня для вас сюрприз. Большой. Вы еще не принимали ванну? Потому что...

Монти вздрогнул:

— Я видел.

— Видели?

— Да.

— То, что я написала на стене?

— Да.

— Правда смешно? Это я губной помадой.

— Знаю. Несмываемой.

— Разве? — полюбопытствовала Фуксия. — Вот не знала.

— Так сказал Альберт Пизмарч.

— Кто это?

— Местный стюард.

— А, этот тип? Испугался моего крокодильчика.

— Об этом он тоже рассказывал.

Фуксия Флокс обдумала вопрос в свете новой информации:

— Значит, несмываемая? Так-так. Каждый раз, сидя в ванне, будете вспоминать обо мне.

— Буду, — честно сказал Монти.

— Что-то радости не вижу.

— Дело в том...

— Ладно. Понимаю. Ну так вот, простите. Большого от девушки ведь не требуется, правда? Я это сделала под влиянием минуты. Для старого перца Теннисона. Вы ведь его не знаете?

— Да нет, знаю.

— Откуда?

— По Оксфорду.

— А, понимаю. Вот это человек, да?

— В общем-то да.

— Мы с ним помолвлены.

— Да.

— А раз мы помолвлены, то мне казалось, я имею полное право... Но постойте, я что-то не пойму сценария. Почему здесь вы, а не Амброз? В списке пассажиров черным по белому написано: «А. Теннисон».

— «Р. Теннисон».

— Сама знаю. Но это опечатка. Реджи Теннисона на борту нет.

— Есть.

— Что?!

— Да. На самом деле...

Монти смотрел на дверь ванной. Сейчас она была закрыта. Даже если и так, подумал он, Реджи должен был слышать их голоса — странно, что он не показывается.

Объяснение было простым. Реджи действительно услышал женский голос, но подумал, что это его двоюродная сестра Гертруда. После того, что он ей наговорил, следовало ожидать, что она не замедлит установить контакт с Монти. А встречаться с Гертрудой ему не очень-то хотелось — нужно будет придумывать объяснения и как-то изворачиваться; так что он решил по возможности оттянуть момент встречи.

Заставило его выйти (ибо в следующую минуту дверь ванной открылась, и он все-таки вышел) следующее событие: после того как Монти объявил о его присутствии на борту, Фуксия закинула голову назад и издала пронзительный победный клич. Она всегда с нежностью думала о Реджи, и новость эта привела ее в восторг. А кто хоть раз слышал этот клич из уст Фуксии, тот никогда уже его ни с чем не спутает, поэтому Реджи, хотя и не с большой охотой, но все же вышел из укрытия. Надо было уговорить старого друга сматываться отсюда как можно скорее, потому что, раз Амброз рыщет по округе, как серый волк, и точит зубы, нипочем

не угадаешь, когда поздно бить тревогу. Меньше всего ему хотелось, чтобы Амброз застукал его с Фуксии, и хотя в каюте был еще и некто третий, то есть Монти, который вполне сойдет за гувернера, приглядывающего за молодежью, все равно он не чувствовал себя в безопасности.

Последующая сцена представляла собой одну из тех роковых встреч, когда исполнители не смотрят друг другу в глаза. Фуксия буквально воплощала экстаз. Реджи действовал как заговорщик, которого в самый ответственный момент пронзила зубная боль. Он был сдержан, говорил сквозь зубы и предпочитал объясняться жестами.

— Реджи!

— Тс-с-с! — Ред-ЖИ-И-И!

— Молчи!

Фуксии это не понравилось. Она была оскорблена в лучших чувствах.

— Так не встречают старых друзей! Что это ты тут изображаешь? Ты что, не рад мне, головастик несчастный?

— Конечно-конечно. Очень рад. Только не надо, — попросил Реджи, косясь на дверь, — поднимать такой...

— Да что ты вообще тут делаешь?

— Мы с Монти беседовали...

— Балбес! Я имею в виду — на корабле.

— Я? Плыву.

— Зачем?

— Выперли.

— Выперли?

— Да. Выставили на все четыре стороны. Предки.

— Что?

Монти решил, что пора пояснить сказанное. Телеграфный метод его приятеля не помогал мисс Флокс оценить ситуацию.

— Его родные, — сказал он, — выпихнули его в Канаду. По-моему, ты, Реджи, едешь устраиваться в какую-то контору, так, что ли?

— Ага, — рассеянно подтвердил Реджи. Все это время он осторожно пятился к двери, намереваясь беззвучно испариться. — Родные подыскали мне работу в какой-то занюханной монреальской фирме.

Теперь-то Фуксии Флокс все стало ясно. Она поняла масштабы трагедии.

— Ты хочешь сказать, они посылают тебя работать?

— Да.

— Работать? Тебя? — Теперь она воплощала сострадание. — Бедное,

бедное дитя, приди в материнские объятия!

— Не надо.

— Приди в материнские объятия! — настойчиво повторила мисс Флокс. — Подумать только, какая неслыханная жестокость — заставить тебя работать! Чемпиона среди лилий, которые не сеют, не жнут!^[39] Первого нашего бездельника! Никогда бы не подумала. Как ты, должно быть, страдаешь... Приди в объятия, кому сказала!

— Не приду.

— Поцелую — все пройдет.

— Не сомневаюсь, но лучше не надо. Тебе не понять весь ужас моего положения. Амброз...

— Что с Амброзом?

Добравшись до двери и ухватившись за ручку, Реджи почувствовал себя увереннее.

— Когда мне сказали, что Амброз отправляется в Голливуд, я предложил ему рекомендательное письмо к тебе. Я тогда не знал, что вы с ним помолвлены.

— Когда же он сообщил тебе?

— Почти сразу, — слабым голосом ответил Реджи, — после того, как я рассказал ему о том, как мы с тобой отрывались за компанию.

— Так он приревновал?

— Не то слово! Намажь его сажей — может играть Отелло без репетиции. Таскается за мной по всему кораблю и только и смотрит, как бы я с тобой не заговорил.

Реджи передернуло. Он вспомнил братнин взгляд, который словно ожег его кислотой. Мисс Флокс, кажется, напротив, обрадовалась.

— Милый Амми! Он такой с того самого вечера в Биаррице, когда я нежно шепнула «да». Напомните мне, чтобы я вам как-нибудь рассказала, как он разделался с одним испанцем, который... но мы отвлеклись от темы. Девушка ведь имеет право поцеловать своего будущего деверя? Имеет. И все дела!

— Тогда я пошел, — сказал Реджи.

С завидным проворством он повернул ручку и скользнул за порог, но мисс Флокс с не меньшим проворством метнулась вслед его удаляющейся фигуре, как мать за ребенком, а на посторонний взгляд — как волчица за козленком. В следующую секунду Монти оказался в комнате один и, чтобы не упасть, привалился к стене. Он устал. Может, думал он, для Голливуда это обычное дело, но для того, кто впервые окунулся в киношную жизнь, первого опыта хватило с избытком. Он чувствовал себя так, словно

вынырнул из пенного потока короткометражной комедии.

Краем уха он слышал шум погони, доносившийся из коридора. Что при этом мог чувствовать Реджи, оставалось только предполагать, зато Фукси явно была в ударе. Был слышен ее залиvistый смех. По правде сказать, он бы услышал его даже с другого конца корабля. Пленявшая кротостью на экране, в жизни мисс Флокс поражала жизнерадостностью, и легкие у нее были что надо. Смеялась она от души.

И вдруг все переменялось. Смех внезапно оборвался, его сменил странный и, судя по тону, зловещий вой. Вскоре из общего шума выделились голоса. Он узнал чистое сопрано мисс Флокс, легкий баритон Реджи и перекрывающий их более тяжелый звук, ожививший в нем детские воспоминания о том, как его водили в зоопарк посмотреть, как кормят львов.

Затем — молчание, а через пару секунд — торопливый топот за дверь. Мисс Флокс ворвалась и села на кровать. Лицо ее пылало. Она не могла отдышаться. Было ясно, что она только что перенесла серьезную эмоциональную встряску.

— Вы слышали? — спросила она.

— Слышал, — подтвердил Монти.

— Это, — сказала мисс Флокс, — был Амброз.

Монти и сам мог догадаться и теперь ждал, не проявляя никакого интереса к дальнейшим подробностям. Они стали известны не сразу, поскольку его собеседница некоторое время была занята своими мыслями и пуховкой.

Наконец она изрекла:

— Они кинулся на нас из-за угла.

— М-м?

— Да. Я ухватила Реджи и стала его целовать.

— Понимаю.

— И услышала шум, как будто шина лопнула. А это был Амброз.

— А-ха.

Мисс Флокс нанесла на свой носик последний штрих и отложила пуховку.

— Амброз все слишком серьезно воспринял.

— Кажется, я слышал, как он это воспринял.

— Он стал обзывать меня всякими словами — да, надо с ним серьезно поговорить. Любовь любовью, — заявила Фуксия, — но я не собираюсь смотреть, как кто-то теряет человеческий облик только из-за того, что мне вздумалось поцеловать старого друга. А вы?

- Что я?
- Вы бы стали?
- Стал бы что?
- Ругать Амброза за то, что он из себя такого дурака строит?
- Ну-у-у...
- Что вы хотите этим сказать этим «ну-у-у»?

Монти и сам точно не знал. Может, набраться смелости и попросить, чтобы его не вовлекали в междуусобицу?

По счастью, прежде чем он успел сделать это, она продолжила:

— С писателями одна беда: все они с приветом. Помню, один парень, который ставил диалог в «Тенях на стене», однажды прервал репетицию, чтобы объяснить мне, что когда я говорю «О!», обнаружив труп в багажнике, я должна произносить его так, чтобы звук слетал с моих губ плавно, в форме груши. Ничего себе? Амброз еще похуже.

- Да?
- Да, сэр. Видели бы вы его в Биаррице...
- А что он делал в Биаррице?
- Спросите лучше, чего он там не делал! Только потому, что он ущипнул меня за ногу.
- Амброз ущипнул вас за ногу?

— Да нет, испанец, с которым я познакомилась в казино. К тому времени, когда Амброз разделался с ним, я полагаю, он решил, что побывал на корриде. Небось до сих пор драпает, ведь еще двух месяцев не прошло.

Монти, кажется, не удивился, услышав суровую правду о жизни писателя.

- Реджи говорит, у Амброза всегда был тяжелый характер.
- Да, и все бы ничего. Даже приятно, что твой жених в любой момент может броситься на испанца — а эти испанцы, уверяю вас, бывают очень наглыми. Но когда он начинает вести себя как Кинг-Конг только из-за того, что я поздоровалась с его младшим братом Реджи, это неправильно. Нет, определенно нужно поговорить с Амброзом. Я не намерена терпеть такие выходки. Что я, раба какая?

Монти подтвердил, что она — не раба.

- Правильно, не раба, — согласилась мисс Флокс — Еще чего!

Женщины подвержены быстрым и резким перепадам настроения. До этой минуты трудно было представить себе более строгого и решительного человека, чем оскорбленная Фуксия. Губы ее были сжаты, глаза метали молнии. Но сейчас, ни с того ни с сего, эти губы стали подрагивать, глаза

наполнились слезами, и Монти смутился: он понял, что она вот-вот разрыдается.

— Постойте! — забеспокоился он. — Ну что вы!

— У-у-у, — завывала мисс Флокс — У-у-у...

Практически нет никаких добрых слов для ободрения девиц, рыдающих у вас в каюте. Даже самый лучший словарь не поможет. Поможет лишь легкое поглаживание, и ничего, кроме поглаживания. Вы можете применить это средство к голове или к плечу или к чему угодно, главное — применить. Монти выбрал голову, потому что она была ближе.

— Ну-ну, — стал успокаивать он.

Она продолжала плакать. Он продолжал утешать. И некоторое время все продолжалось в том же духе.

Но в утешительском деле есть один коварный момент, на который непременно обратит внимание тот, кто за это дело взялся. Если вы не соблюдаете все правила предосторожности, вы вдруг забываете убрать руку. Вы просто стоите, держа руку на голове утешаемого объекта, отчего сторонний наблюдатель может неправильно вас понять и презрительно поджать губы.

Гертруда Баттервик так и сделала. Она вошла именно тогда, когда Монти допустил такую оплошность. Подержав руку на голове объекта чуть более минуты, он замер в только что описанной позе. Сдавленный крик, похожий на кашель подавившейся кошки, заставил его оглядеться. В дверях стояла Гертруда Баттервик и презрительно поджимала губы.

Глава XII

Момент был опасный, Монти это сразу понял. Первым делом он убрал руку с волос мисс Флокс, да так быстро, словно они и впрямь были огненными. Затем попытался беззаботно рассмеяться. Однако обнаружив, что издаваемый звук больше похож на предсмертный хрип, он пресек его на ранней стадии, и в комнате воцарилась гнетущая тишина. Он смотрел на Гертруду. Гертруда смотрела на него. Затем она посмотрела на Фуксию, потом снова на него. После этого она достала из-под мышки Микки Мауса и положила его на диван, как венок на могилу старого друга.

Монти наконец обрел дар речи.

— А, вот и ты! — проговорил он.

— Да, вот и я, — отвечала Гертруда.

— Как жаль, — продолжал Монти, кончиком языка облизывая пересохшие губы, словно сидел перед фотографом, — жаль, что ты не пришла раньше. Ты бы застала Реджи.

— Да?

Тон, которым она произнесла свое любимое словечко, вряд ли бы понравился знакомому мисс Флокс, автору диалога в «Тенях на стене». Он слетел с ее уст не плавно, в форме груши, а отрывисто и резко, и Монти пришлось еще раз облизнуть губы.

— Да, — сказал он, — ты чуть не застала Реджи. Он был здесь и только что ушел. И стюард — он тоже только что ушел, — он тоже был здесь, приятный такой, толковый малый по фамилии Пизмарч. И Амброз. И Реджи. И еще Пизмарч. Все тут были.

— Да?

— Да. Нас тут было много. Между прочим, вы не знакомы? Это мисс Фуксия Флокс, кинозвезда.

— Да?

— Помнишь, мы видели ее в картине?

— Помню, — ответила Гертруда. — Тебе мисс Флокс очень понравилась.

Мисс Флокс так и вскинулась, как боевой конь при звуке горна:

— Что за картина?

— «Бруклинские любовники».

— Лучше бы посмотрели «Грозу над Полесьем»...

— Расскажите нам о «Грозе над Полесьем», — попросил Монти.

— А я не желаю слушать о какой-то «Грозе», — заявила Гертруда.

И снова возникло замешательство. Его уродливая тень все еще витала над каютой С-25, когда в комнату ввалилась огромная швабра, за которой следовал Альберт Пизмарч.

— Я принес швабру, сэр, — сказал Альберт.

— Ну так унесите обратно.

— Мне казалось, вам нужна была швабра, сэр.

— А сейчас не нужна.

— Очень хорошо, сэр, — холодно ответил Альберт Пизмарч. — Мне стоило большого труда раздобыть ее, но если вы велите отнести ее обратно, то как вам будет угодно, сэр.

Демонстративно не замечая Монти, он обратился к Фуксии:

— Можно переговорить с вами, мисс?

Фуксия досадливо посмотрела на него. С ним она чувствовала себя не в своей тарелке. Ей казалось, мир бы только выиграл, если бы в нем было поменьше таких вот Пизмарчей.

— Будьте так добры, стюард, — сказала она, пытаясь облечь свою мысль в подобающую форму, — убраться отсюда к чертям собачьим, и, пожалуйста, поскорее.

— Одну минуту, мисс, только скажу то, что я хотел сказать. Касательно вашего крокодила. Известно ли вам, что рептилия со скоростью в несколько узлов шлепает по коридору и в любую минуту может довести до обморока особо нервных пассажиров?

— Вы что, не закрыли корзинку? — горестно вскричала Фуксия Флокс.

— Нет, мисс. Отвечаю на ваш вопрос: я не закрыл корзинку. Когда мне велят открыть плетеную корзинку и я обнаруживаю в ней молодого крокодила, который норовит отхватить мне полпальца, я не спешу закрывать крышку. Он сейчас, вероятно, приближается к главному сходному люку, и если хотите знать мое мнение, мисс, его следует как можно скорее изловить силами специально отряженной группы.

Перспектива избавиться таким образом от Фуксии порадовала Монти. Не то чтобы ему так уж хотелось остаться наедине с Гертрудой, но, несомненно, ситуация бы несколько упростилась, если бы эти рыжие волосы не маячили перед взором любимой девушки.

— Пизмарч прав, — заметил он. — Вам надо немедленно его найти. Не дело, когда крокодилы рыщут по палубе. Это может не понравиться Фляге, правильно, Пизмарч?

— Данный случай, — холодно заметил Пизмарч, — вряд ли относится

к компетенции Фляги.

— Тогда Чудилы.

— И не к компетенции Чудилы. Это, скорее, касается Джимми Первого.

— Мы же не хотим огорчать Джимми Первого, правда? — воскликнул Монти. — На вашем месте я бы прямо сейчас пошел за ним.

Фуксия Флокс направилась к двери, бормоча сквозь зубы странные слова, принятые у обитателей Беверли Хиллз.

— Удивительно, как это люди не закрывают крышек, — бросила она на ходу.

— Вы не совсем меня поняли, мисс, — настаивал Альберт Пизмарч, провожая ее к выходу. — Осмелюсь сказать, вы не способны до конца понять мою точку зрения. Закрыв крышку, я бы приблизил руку к железным зубам рептилии чуть больше, чем мне бы хотелось. Посудите сами, мисс...

Голос его растаял вдали, и Монти понял, что комиссия из двух персон, которую образовали они с Гертрудой, готова начать заседание.

Он призвал на помощь все свое мужество. Дело и впрямь было провальное, это следовало сразу признать. Бодкины, со времен знаменитого крестоносца сэра Фарамона де Бодкэна, внесли вклад в суровую историю Острова, идя на риск, которого их страховые компании ни за что бы не одобрили, но ни один из них, казалось Монти, не попадал в такую сложную ситуацию, в какой находился сейчас их представитель из двадцатого века. Что такое удар сарацинского копья или пуля в ногу в сравнении с перспективой потерять счастье всей жизни?

Взгляд Гертруды был холоден, губы поджаты. По всему было видно, за это время она много думала о бабочках.

— Итак? — произнесла она.

Монти прокашлялся и еще раз облизал пересохшие губы.

— Это, — сказал он, — мисс Флокс.

— Знаю. Ты нас успел познакомить.

— Ну да. Успел. Да. Она немного разочаровывает, ты не находишь?

— В каком смысле?

— Вне экрана. Не так хороша, как можно было ожидать.

— По-твоему, некрасива?

— Нет-нет. Ни в коем случае! Что ты! Как раз наоборот.

— Да? — произнесла Гертруда с интонацией, которая ему не понравилась.

Он еще раз облизнул губы.

— Ты, наверно, удивилась, — сказал он, — застав ее здесь.

— Да.

— И наверняка подумала: что она здесь делает?

— Я видела, что она делает. Позволяет гладить себя по голове.

— Ну да, ну да, — торопливо проговорил Монти. — То есть это не совсем так. Ты не понимаешь, что я имею в виду. Я хочу сказать, ты, конечно, подумала: зачем она пришла сюда? Я тебе объясняю. И не гладил я ее по голове, а только поглаживал. Она пришла сюда для того, чтобы увидеться с Амброзом.

— С Амброзом?

— С Амброзом. Твоим двоюродным братом Амброзом. Вот зачем она пришла сюда. Увидеть его. Понимаешь, она хотела видеть Амброза — она думала, это его номер.

— Да?

— Очевидно, в списке пассажиров какая-то ошибка.

— Да?

— Да. Ошибка.

— А зачем ей понадобился Амброз?

— Как, зачем? Они помолвлены.

— Помолвлены?

— А ты не знала? Думаю, они это не афишируют, как и мы. Немногие, — продолжал Монти, — знают о нашей помолвке.

— Думаю, в нашем случае не о чем и знать.

— Гертруда!

— Я пытаюсь понять. Я застаю тебя здесь, ты гладишь по голове какую-то женщину...

— Не глажу. Поглаживаю. Каждый порядочный человек на моем месте сделал бы то же самое. Она так убивалась, бедняжка, они с Амброзом поссорились. А все Реджи, осел такой.

— Реджи?

Какая-то светлая мысль блеснула в голове Монти, как первый луч весны. В ушах у него зазвенело, и каюта осветилась радостным светом. Ощущение было ему незнакомо, но на самом деле на него нашло озарение. По-видимому, упоминание о Реджи принесло с собой поток света, озарившего тернистый путь, по которому он пока что пробирался впотьмах.

Впервые с тех пор, как она вошла в комнату, все показалось ему не так плохо. Голос его, когда он заговорил, звучал по-новому, строго и уверенно.

Он заговорил, и в голосе его прозвучала странная, незнакомая нотка

уверенности.

— Реджи, — сказал он, — повел себя очень плохо. Я как раз собирался зайти к тебе и рассказать. Хочу поговорить с тобой насчет Реджи.

— Нет, это я пришла к тебе поговорить о Реджи.

— Правда? Значит, ты слышала? Про него, про Амброза и про мисс Флокс?

— О чем это ты?

На лице Монти появилось почти пизмарчевское суровое выражение.

— Думаю, — сказал он, добавляя в голос еще больше металла, — что ты должна поговорить с Реджи. Или кто-нибудь еще должен. Я хочу сказать, может быть, такие вещи кажутся ему забавными, но, как я уже говорил, они не всегда уместны. Лично я ненавижу розыгрыши. И не вижу в них ничего смешного.

— О чем это ты? Я не понимаю.

— О том, что Реджи натворил. Он не понимает одного — конечно, по беспечности, — но он не понимает одного...

— Да что Реджи сделал?

— Я и рассказываю. Ты отлично знаешь, кто он: вун, каких мало.

— Неправда.

— Извини меня, но это правда. И вдобавок у него дурацкое чувство юмора. Что получается? Этот тупой осел идет к мисс Флокс и пичкает ее до отвала всякими бреднями о том, какой Амброз повеса и что ему нельзя верить ни на грош и так далее и тому подобное. Очень мило, да? Я, доложу тебе, все ему высказал. Мне эта история не нравится, и я хочу, чтобы он это понял. Как я объяснил ему, подобные шутки могут плохо кончиться. Возьмем, к примеру, этот случай. Мисс Флокс с ним не разговаривает. С Амброзом то есть. Она испила полную чашу, бедное создание, и ей хватило с избытком. Ты видела, как она тут рыдала. Казалось, Гертруда окаменела.

— Это сделал Реджи?

— Да.

— А... а зачем?

— Объясняю. У него извращенное чувство юмора. Лишь бы посмеяться.

— Над чем тут смеяться-то?

— Не спрашивай. Он говорит, что часто так делает. То есть идет к девушкам и плетет им, что их женихи — неисправимые повесы. Чтобы посмотреть, как те взовьются.

— Это не похоже на Реджи.

— Я тоже так думал. Но — увы!

— Ах он, гаденьш!

— Змей в человеческом обличье.

— Вредный мальчишка!

— Да уж.

— Бедный Амброз!

— Да.

— Больше не буду с ним разговаривать.

Глаза Гертруды метали молнии. И вдруг огонь поутих. По щеке ее покатила слеза.

— Монти, — робко сказала она.

— Слушаю?

— Прямо не знаю, как сказать тебе.

Внутри Гертруды Баттервик явно происходила борьба.

— Нет, скажу. Должна. Монти, ты знаешь, зачем я шла сюда?

— Позвать на обед? По-моему, скоро время обеда. Ты за чьим столом?

— Капитана. Но это неважно...

— А я — у Джимми Первого. Какая досада, что мы не вместе!

— Да. Но это все неважно. Я хочу сказать тебе... Я чувствую себя такой свиньей...

— Да?

Гертруда всхлипнула, опустила глаза и залилась краской.

— Я пришла сюда вернуть тебе Микки Мауса, которого ты мне дал.

— Микки Мауса?!

— Да. Ты не поверишь, Монти...

— Во что не поверю?

— Сегодня Реджи пришел ко мне и рассказал про тебя то же самое, что он рассказывал мисс Флокс про Амброза.

Монти удивился.

— Неужели?

— Да. Сказал, что не помнит случая, когда бы ты не крутил любовь с тремя девицами одновременно...

— Господи помилуй!

— ...и каждой внушаешь, что она у тебя единственная и неповторимая.

— Вот это номер! Гертруда еще раз всхлипнула.

— И знаешь, Монти, дорогой, я — ему — поверила!

Наступило напряженное молчание. Монти продемонстрировал, как ему тяжело, больно, горько и обидно это слышать.

— Такого, — сказал он наконец, — я от тебя не ожидал. У меня нет слов. Просто нет слов. Ты меня просто подкосила, старушка. Надо же быть такой...

— Да знаю, знаю. Но, понимаешь, после той татуировки...

— Я уже объяснил тебе. Самым подробным образом.

— Знаю. Но я же не виновата, что думаю о всяком таком.

— Нет, виновата. Нежная чистая английская девушка не должна думать о всяком таком.

— Ну ладно, так или иначе, я больше этому не верю. Я знаю, что ты меня любишь. Любишь, да?

— Люблю? Ты только вспомни: ради тебя я стал младшим редактором в журнале для родителей и нянь, потом секретарем у старого Эмсворта — то еще удовольствие! — а после этого пошел к Перси Пилбему. Думаю, за это время ты уже должна была понять, что я тебя люблю. Если твоя глупая башка не в состоянии оценить...

— А она глупая? — спросила Гертруда, мучимая угрызениями совести.

— Есть немного, — кивнул Монти. — Взять хотя бы последний случай. Только глупышка могла так реагировать, застав меня здесь с мисс Флокс. Мне даже обидно стало. Ты так на меня посмотрела!

— Но ты ведь гладил ее по голове.

— Не гладил, поглаживал. Чисто символически. Причем с самыми чистыми намерениями. Мне казалось, тут все ясно. У девушки горе, и я коснулся ее затылка — точно так же я погладил бы щенка, у которого болит живот.

— Ну да.

— Лично мне вообще не нравится гладить девушек по голове.

— Да-да, я понимаю.

Из глубин коридора послышался отдаленный звук горна. «Обед!» — сообразил Монти и облегченно вздохнул. Обед был сейчас очень кстати. Он поцеловал Гертруду.

— Пошли, — сказал он. — Выше знамя, шире шаг! А после погуляем по палубе, поговорим о том о сем.

— Да, замечательно. Ой, Монти, я так рада, что ты попал на корабль! Нам будет так весело!

— Еще бы!

— Наверное, у них тут бывают танцы по вечерам?

— Должны быть. Спрошу у Альберта Пизмарча.

— Кто это?

- Стюард.
- А, тот самый стюард! Странный он.
- Еще какой странный!
- Что это он ходит со шваброй? Монти вздрогнул и отвел взгляд:
- Со шваброй?
- Почему он принес сюда швабру? Монти облизнул губы:
- А он принес?
- Ты что, забыл? Монти собрался с духом:
- Ах да, конечно. Принес. Кто его знает, почему. Я, помнится, и сам все удивлялся. Может, он меня неправильно понял. Эти стюарды почти все психи, через одного. И на кой мне сдалась эта швабра? Швабра, ха! Глупость какая-то. Слушай, пойдем скорее, а то обед упустим.
- Сейчас. Где мой мышонок?
- Вот он.

Нежным, полным раскаяния взглядом Гертруда поглядела на Микки Мауса.

— Монти! Ты представляешь? Я ведь несла его сюда, чтобы вернуть тебе. Потому что мне казалось, между нами все кончено.

— Ха! Ха! — весело откликнулся Монти. — Вот уж бред так бред...

— А теперь мне так стыдно...

— Да ладно, ладно. Ну что, рванули к кормушке?

— Погоди. Мне надо зайти в ванную сполоснуть глаза. Монти вцепился в дверную ручку. Ему требовалась мощная поддержка. Весь мир, похоже, погрузился во мрак.

— Нет! — вскричал он с неожиданной горячностью. — Не надо ничего споласкивать. Никаких глаз.

— Разве они не красные?

— Конечно, нет! Они прекрасные. Они всегда прекрасны. У тебя самые потрясающие глаза на свете!

— Ты правда так думаешь?

— Все это знают. Весь Лондон. Как звезды в ночи.

Это был правильный ход. Больше не было речи о том, чтобы пойти в ванную. Он развернул ее, подвел к двери, вывел в коридор, пошел с ней по коридору — она не сопротивлялась. Пока они шли по коридору, она держала его за руку и, как голубка, ворковала у его плеча.

Монти не ворковал. Он тихо вибрировал, как человек, чудом избежавший страшной напасти.

Все обошлось. Везенье не оставило Бодкинов, опасность миновала. Но все равно пока он еще не пришел в себя.

Его далекий предок-крестоносец, сэр Фарамон де Бодкэн, о котором мы упоминали, описал подобное состояние, сообщая жене в своем письме о том, как его выбили из седла во время битвы: «Быв на волосок от гибели, не желал бы изведать оно́го состояния и через двенадцать недель. И по сей час не уразумею, на голове я стою иль на ногах».

Глава XIII

Только на третий день путешествия мистер Льюэлин созрел для осуществления плана, предложенного сестрицей Мейбл: как обезвредить таможенного сыщика, черная тень которого витала над киномагнатом и застила солнечный свет. Если уж быть точным, это произошло утром в десять часов тринадцать минут и сколько-то секунд.

Учитывая, что замысел Мейбл он воспринял с энтузиазмом, такая задержка может показаться читателю странной.

С детства усвоив золотое правило, что киномагнаты всегда хватают идеи с лету, читатель, возможно, говорит себе: это какой-то неправильный Льюэлин, хватка у него не та...

На самом деле заминка вышла по причинам, вникнуть в которые, как выразился бы Монти Бодкин, элементарно. Едва мистер Льюэлин собрался с духом, как разыгрался жестокий шторм, который на какое-то время занял все его помыслы и отвлек от насущных дел.

В первые несколько часов после ухода из Шербура океан был спокоен и безмятежен. Судно, урча, скользило по водяной глади, отливавшей чудным лазоревым цветом, почти как у Средиземного моря. Народ играл в теннис, вокруг шашек накалились неподдельные страсти, и самые изысканные из блюд молниеносно исчезали в желудках. Словом, все происходило под лозунгом «жизнью пользуйся, живущий...»

И вдруг внезапно, на второй день плавания, едва первые робкие стюарды начали разносить суп и в дремотной тиши прорезались стройные крики любителей шашек, небеса нахмурились, безобразные черные тучи затянули горизонт, а с севера налетел порывистый ветер, который до того лишь меланхолично подвывал в парусах. И тут «Атлантик» повел себя скорее как русский танцовщик, чем респектабельный корабль. По подсчетам Айвора Льюэлина, который лежал пластом на подушках, судорожно вцепившись в деревянную обшивку, корабль как минимум пять раз побил рекорд Нижинского по прыжкам и воздушным пируэтам.

Весь день и часть ночи «Атлантик» швыряло из стороны в сторону или, как зафиксировал в вахтенном журнале офицер, которого природа обделила воображением: «дул свежий северо-восточный бриз». Затем ветер стих, море уgomонилось, и на третий день плавания вновь выглянуло солнце.

Первым, кто встретил солнце, был Альберт Пизмарч, если, конечно,

слово «встретил» уместно в той ситуации, когда человека, любящего поспать, в пять утра вытаскивает из постели ночной дежурный. Пизмарч поднялся вместе с сорока девятью соседями по кубрику, на скорую руку оделся и, позавтракав чаем и булочкой с джемом, отправился во вверенный ему сектор на палубе «С». В восемь пятьдесят затрещал звонок, и он понял, что его присутствие требуется в тридцать первой каюте. Войдя туда, он обнаружил мистера Льюэлина, который возлежал на подушках, бледный и загадочный.

— Доброе утро, сэр, — проговорил Альберт Пизмарч учтиво (стюарды умеют напускать на себя учтивость, даже если им приходится вставать ни свет ни заря). — Что желаете на завтрак? Что вам принести? Яйцо вкрутую? Яичницу с ветчиной? Копченую селедку? Треску? Сосиски? Кэрри? Многие джентльмены начинают день с кэрри.

Мистер Льюэлин содрогнулся всем телом, точно зачерпнувший воды «Атлантик», и комната поплыла у него перед глазами. Перед тем как явиться к своему сюзерену, Альберт Пизмарч уже успел закончить дежурную уборку и заскочить в кубрик, чтобы привести себя в порядок, так что сейчас он был, как всегда, свеж и элегантен. Однако, несмотря на такую предупредительность, хозяин каюты глядел на него со злобой и отвращением. У него было такое лицо, словно перед ним находился не стюард, а его шурин Джордж или, не к ночи будет помянута, Женевьева, сестра двоюродного брата его жены, служившая у него чтицей за три с половиной сотни в неделю.

— Кофе, — процедил он, взяв себя в руки.

— Кофе? Хорошо, сэр. А что еще?

— Просто кофе.

— Пустой кофе, сэр? Будет исполнено, сэр. Удивительно, — заметил Альберт Пизмарч, который явно был не из тех, кто по утрам держит рот на замке, — до чего разнятся у людей вкусы, особенно в вопросе о завтраке. Как вы, наверное, догадываетесь, сэр, по роду моей профессии мне довелось встречаться с разными людьми. Помню, когда я служил на «Лорентике», в одной из моих кают оказался индивидуум, который любил завтракать репчатым луком. А еще один постоянно требовал дюжину устриц. Что с вами, сэр?

— Кофе! — просипел мистер Льюэлин.

— Сию минуту, сэр. Наверное, вы еще не совсем оправились после качки. Вчера, я заметил, вы не выходили, и сказал себе: «Вот и этот свалился. Экономия сил для официанта... Можно сказать, ваше отсутствие не прошло незамеченным. Утром вас спрашивал мистер Амброз Теннисон.

И еще мускулистая дама, мисс Пассенджер, — насколько я понял, она везет в Штаты свою хоккейную команду. Да, когда мы с вами были молодыми, это было в диковинку. В наше время юные леди не носились по полю с колотушками. Впрочем, я тут с вами совсем заболтался, сэр. Итак, вы заказывали кофе. Простите, запамятовал, что вы еще хотели?

Мистер Льюэлин выкатил глаза:

— КОФЕ!

Ситуация прояснилась. Пассажир хотел кофе. Не лук. Не устрицы. Обычный кофе.

— Значит, кофе. Сию минуту. Только отодвину экран от иллюминатора. Чудесная погода сегодня.

С видом важного чиновника, сдергивающего с памятника покров, он убрал экран, и каюта наполнилась золотистым сиянием. И тут в состоянии мистера Льюэлина произошла явная перемена к лучшему. Он избавился от Альберта Пизмарча — и это было как гора с плеч. Может, сейчас он и не резвился как дитя, но, во всяком случае, не ощущал себя трупом в морге. Лежа в постели, он любовался солнцем, размышлял о чем-то своем, и вскоре нить размышлений привела его к Монти Бодкину.

До последней минуты при мысли о Монти у него начинало сосать под ложечкой, как у кролика при мысли об удаве. Когда он представлял себе лицо Монти, к горлу подступала тошнота. Но сейчас за кормой распогодилось, и в нем проснулся оптимизм, и этот заряд оптимизма был настолько мощным, что ему показалось, будто страхи его напрасны. Он чувствовал, что Мейбл права. Нужно всего-навсего предложить ему контракт с компанией, и тот пойдет за ним хоть на край света. Бывали времена, особенно при обмене мнениями с очередным английским сценаристом, когда мистер Льюэлин горько сожалел об избранном поприще, но сейчас он ясно осознавал, что идет верным путем. Киномагнат договорится с кем угодно.

Вскоре прибыл кофе, и он окончательно пришел в чувство, причем настолько, что уже через четверть часа снова позвонил и заказал омлет с грибами, а еще через четверть часа затягивался сигаретой, а еще через полчаса опять позвонил и дал указание Альберту Пизмарчу доставить ему Амброза Теннисона.

Амброз, отыскавшийся на прогулочной палубе, где он прохаживался как Наполеон по «Беллерофону»,^[40] был препровожден в его каюту, подробным образом проинструктирован и направлен к Монти аккредитованным посланником.

Как и мистера Льюэлина, Монти укачало во время недавнего шторма. Он впервые наблюдал буйство водных стихий, и морская болезнь его подкосила, как только корабль изготовился совершить первый пируэт. Сутки он не вставал с постели и проснулся наутро с таким чувством, словно долго бродил «в сумрачном лесу, утратив верный путь во тьме долины» и каким-то чудом совершенно неожиданно выбрался оттуда невредимым. Когда явился Амброз, Монти еще не встал, однако плотно позавтракал и теперь безмятежно болтал с Реджи, заглянувшим стрелкнуть сигарету.

Приход Амброза внес принужденность в мирно текущую дружескую беседу. Реджи тут же вспомнилось обещание брата намылить ему шею (слова были сказаны после эпизода с Фуксией Флокс в коридоре), и было неясно, достал или нет Амброз мыло, если, конечно, на их фешенебельном корабле имелось подходящее.

Монти, со своей стороны, был стеснен присутствием романиста, поскольку ему почудилось, что вместе с ним в комнату вплыли обреченность, бесприютность и отчаяние, склепы, и саваны, и стоны привидений, завывающих на ветру. Всем своим видом Амброз Теннисон навевал беспросветную скорбь, будто он только что читал еженедельное обозрение и наткнулся на неприятную новость, и, смерив его пронизательным взглядом, Монти заключил, что Фуксия Флокс исполнила свое обещание и поговорила с ним так, как грозились.

И он не ошибся. Упомянутая дама принадлежала к той философской школе, которая настоятельно советует не копить в себе гнев после заката. Беседа состоялась в тот же вечер после ужина, и Амброз отправился спать в глубокой меланхолии, из которой не вышел до сих пор. Рыжая шевелюра редко сочетается с кротостью, изображать которую входило в амплуа Фуксии. Сцена началась и завершилась на верхней палубе, и один азартный слушатель едва не выиграл пари, поспорив с другим на два доллара, что Амброз за десять минут (по часам в курительной) не сумеет вставить ни слова. Мюзик-холльная закалка вкупе с голливудской практикой научили мисс Флокс всегда говорить первой, быстро и не смолкая. И к концу ее монолога от крепкой и здоровой юной пары остались одни осколки.

Случившееся наложило отпечаток на молодого человека, и, едва заметив брата, Реджи тут же испарился, пробормотав, что зайдет попозже. Теперь можно было поговорить с Монти один на один. Амброз подошел к кровати и мрачно уставился на лежащего с видом Первого Убийцы из трагедии Шекспира.

Дело было не только в разбитом сердце. У Амброза нашлись бы и иные причины для угрюмости и немногословия. Ему надоело бегать по поручениям мистера Льюэлина; неприятно было и то, что ему пришлось дышать тем же воздухом, что и Реджинальд Теннисон, пусть это и длилось несколько минут; а еще он думал, что нет ничего более идиотского, чем снимать Монти в кино.

Потому послание мистера Льюэлина прозвучало у него кратко, даже грубовато. Без всяких предисловий он изложил суть, мечтая поскорее разделаться с этим, чтобы затем вернуться на палубу и еще раз представить сцену, как он разбегается и прыгает за борт — такой оборот (полагал он и, возможно, был недалек от истины) оставит мисс Флокс в дураках.

— Знаешь Льюэлина?

Монти сказал, что знает: спрашивал у него, как пишутся всякие вещи, если Амброз понимает, что он имеет в виду. По-видимому, мистер Льюэлин был у Монти вместо карманного словаря, если того не оказывалось под рукой.

— Он приглашает тебя в кино, — процедил Амброз сквозь зубы.

Тут возникла небольшая путаница. Из слов Амброза Монти заключил, что киномагнат приглашает его посмотреть какую-нибудь картину из тех, что показывали на корабле, и с удовольствием порассуждал о преимуществах морского путешествия — эти современные лайнеры с холлами, бассейнами, кинозалами и еще всякой всячиной... «Честно тебе скажу, — признался Монти, — это роскошно». Он представил, что настанет день, когда на судах, курсирующих между Саутгемптоном и Нью-Йорком, будет ипподром, поле для гольфа и несколько акров охотничьих угодий.

От этих разглагольствований Амброз заскрежетал зубами: Монти отнимал у него драгоценное время. Каждая минута, проведенная в каюте, отодвигала тот момент, когда он выйдет на палубу и начнет спокойно, не торопясь, думать о самоубийстве.

— Да не смотреть кино, — пояснил он, пожалев о том, что однажды, когда на выпускном вечере в Оксфорде Монти упал в фонтан, он, как дурак, зачем-то вытащил его, — а играть в кино.

Монти ничего не понимал:

— Играть?

— Играть.

— Как — играть?

— Ну так, играть.

— В каком смысле «играть»? — продолжал допытываться Монти, как

будто это слово было тайным ключом к шифру.

Амброз Теннисон сжал кулаки и тихо застонал. Даже более уравновешенный человек на его месте признал бы, что Монти Бодкин своей дотошностью утомит кого угодно.

— Да Господи Боже ты мой! Что у тебя за манера? Тебе говорят элементарные вещи, а ты разеваешь рот и смотришь, как баран на новые ворота. Брось. Я сейчас в таком состоянии... я за себя не ручаюсь, могу и огреть. Послушай. Айвор Льюэлин, президент кинокомпании «Суперба-Льюэлин», Южная Калифорния, снимает фильмы. Чтобы снять эти фильмы, ему нужны актеры. Он желает знать, не хочешь ли ты стать актером.

Монти просиял. Наконец-то он понял:

— Он приглашает меня сниматься в кино?

— Вот именно. Он послал меня узнать, согласен ли ты. Что ему передать?

— Понимаю. Н-да, — Монти будто нарочно медлил с ответом. — Хм-хм...

Амброз потерял терпение:

— Да отвечай нормально, в конце-то концов!

Он себя уговаривал: будь мужественным, не теряй голову... «Ведь если его сейчас задушить, — думал Амброз, — присяжные заседатели вряд ли меня оправдают...» Но уж очень больно смотреть, как Монти ломается.

— Я никогда не играл. Разве что на утреннике в детском саду.

— Начать никогда не поздно! Или ты против? Ради Бога, скажи что-нибудь, чтобы я мог передать. Он ждет ответа.

— Не знаю, смогу ли...

— Хорошо. Этого достаточно.

— Не понимаю, зачем я ему понадобился?

— Я тоже. Но понадобился. Ладно, пойду и скажу, что ты благодаришь за приглашение, но у тебя другие планы.

— Да, это мне нравится. Другие планы. Хорошо сказано.

— Отлично.

Дверь хлопнула. Оставшись один, Монти проворно встал с постели, кинулся к зеркалу и долго вглядывался в свое отражение: ну что в его лице такого особенного? Ему было любопытно, что именно в его внешности заставило Айвора Льюэлина, который наверняка был хорошим физиономистом, выделить его из толпы и сделать столь лестное предложение.

Он тщательно изучил фактуру: посмотрел на свое отражение анфас, в

профиль, вполоборота и через левое плечо, с ласковой, нежной, презрительной, печальной улыбкой; затем нахмурился — сначала грозно, потом с укором. Затем он последовательно изобразил удивление, испуг, радость, ужас, отвращение и презрение.

Подведя итоги, он вынужден был расписаться в полном поражении. Как он ни улыбался, как ни хмурился — ему не удалось разглядеть того, что увидел Айвор Льюэлин. Там, где Льюэлин узрел «красу, что в путь суда подвигла на ахейцев...», ^[41] он видел все те же знакомые черты, давно уже примелькавшиеся в клубах лондонского Вест-Энда, — испугаться, конечно, нельзя, но и пленить публику особо нечем.

Он решил, что тут — какая-то загадка, и подумал: раз уж он поднялся, надо одеться. Но тут дверь сотряслась от мощного удара, и в комнату ворвалась мисс Фуксия Флокс собственной персоной — бесцеремонностью своей напомнив о нравах известного библейского города. ^[42]

Мисс Флокс еще вчера заметила, что Монти не принимает участия в жизни лайнера, и решила зайти по-свойски и провести его: постучать в дверь, а потом крикнуть в замочную скважину: «Выносите мертвых!»
Добрая душа.

Почему она не сделала этого раньше? — спросите вы. Да потому, что поздно встала. В Голливуде она могла, во имя искусства, быть на площадке ровно в шесть ноль-ноль, но на корабле она не торопясь завтракала в постели, поэтому только сейчас сумела нанести запланированный визит.

Приняв ванну и покормив крокодилчика (если ему не предлагали палец, он с удовольствием съедал желток от вареного яйца), она облачилась в зеленый спортивный костюм с леопардовым капюшоном и ярко-красную фетровую кепку. Потом повязала розовый бантик на шею крокодилу, сунула зверюгу под мышку и отправилась делать доброе дело.

Запирая дверь, она увидела Амброза, выходящего из каюты Монти.

— Ой, кого я вижу! — закричала она. — Привет, Амброз!

— Доброе утро, — ответил писатель спокойно, сухо, сдержанно и с достоинством. Эта встреча растревожила его, но он ничем не выдал своих чувств. Как человек, успешно выдернувший из души все слабые струны, он пожелал ей доброго утра и молча прошествовал по коридору в направлении каюты мистера Льюэлина — весьма удачно, как ему казалось, демонстрируя достоинство в изгнании. Тем самым он хотел показать мисс Флокс: вот идет человек с каменным сердцем, в котором нет места для слез и сожалений.

Она в ответ на это только улыбнулась — так улыбается мать, глядя на

капризного малыша, проводила его долгим любящим взглядом, а затем, подойдя к двери Монти, ударила по ней что есть силы, прокричала в скважину: «Выносите мертвых!» — и вошла сама.

Увидев ее, Монти вновь метнулся под одеяло. Ни одна испуганная нимфа не сделала бы этого проворней.

Фуксия не заметила смущения.

— Привет, красавчик, — сказала она. — Зарядку делаете?

— Нет, я...

Монти с трудом давалась роль радушного хозяина. Проявлять учтивость в данных обстоятельствах было выше его сил. Очевидно, посетительница намеревалась превратить его каюту в филиал собственной, и такая перспектива его не радовала. Конечно, Альберт Пизмарч справедливо заметил, что чистая, нежная английская девушка вряд ли нагрянет в холостяцкую спальню, но полностью исключать такую возможность все же не следовало. Глядя из-под одеяла, как непрощенная гостья устраивается на краешке кровати, он с нарастающим беспокойством стал думать о Гертруде.

И еще, подумалось ему, лучше бы мисс Флокс пришла без крокодила.

Впрочем, сейчас Фуксия была сама учтивость. Грусть, посетившая ее два дня назад, когда она сидела здесь, в этой каюте, и рыдала, была для нее не характерна. И кроме того, сейчас она сияла от счастья, как может сиять только рыжеволосая девица, которая пережила хорошую эмоциональную встряску. Настоящая жизнь в ее представлении состояла из серии душераздирающих ссор и мучительных примирений. Фуксия Флокс была по духу Мерфи из Хобокена,^[43] а хобокенские Мерфи все такие.

Со словами: «Ну, малыш, как жизнь?» — она осторожно положила крокодила на край покрывала и огляделась вокруг, как изгнанник, вернувшийся в родимый дом.

— Давненько я здесь не была. Но все до боли знакомо. Как там наш Ужас на стене ванной? На месте?

— На месте, — кивнул Монти.

Это настроило Фуксию на философский лад:

— Все-таки странно. Если бы это написал какой-нибудь Синклер Льюис,^[44] ему бы предложили по доллару за слово. А мне — ничегошеньки. Такие дела.

Монти молча кивнул в знак согласия. Да, словно говорил он, такие дела.

— Скажите, — спросил он, переводя тему разговора на то, что его

сейчас более всего волновало, — с этой зверюгой все в порядке?

— С крокодилом-то?

— Да.

Мисс Флокс удивилась:

— Конечно. Здесь совершенно безопасно.

— Я хотел сказать, — пробормотал Монти, чувствуя, что не так выразился, — не куснет ли он кого?

— Нет, — успокоила мисс Флокс, — если его не дразнить. На вашем месте я бы подобрала ноги и не шевелила пальцами. Он может кинуться на движущиеся объекты.

Пальцы ног у Монти окаменели.

— Хорошо, — сказала Фуксия, возвращаясь к прежней теме, — как жизнь? Вы вчера неважно себя чувствовали. Впервые в океане?

Монти чуть было не кивнул, но сдержался, вовремя вспомнив привычку крокодила бросаться на все, что движется.

— Да, — сказал он.

— Наверно, вы плохо переносите шторм. А мне лично понравилось. У меня всегда такое чувство, что буря и есть настоящая жизнь. Кстати о бурях, я встретила в коридоре Амброза.

— Да, он заходил сюда.

— И как он вам показался?

— Немного расстроен.

— Я тоже так подумала. — Мисс Флокс улыбнулась нежной улыбкой. — Бедняжка, — сказала она, и голос ее задрожал от любви. — Я расторгла нашу помолвку.

— Неужели?

— Да. Это я и имела в виду, когда говорила о бурях. Небольшая перебранка.

— И помолвка расстроена?

— Скорее, разбита. Ничего страшного, сегодня я собираюсь с ним помириться.

— Отлично. А то, по-моему, он страдает.

— Да, ему прилично досталось. Но все это для его же блага. Пусть раз и навсегда зарубит себе на носу, что нельзя срывать на мне зло. Подумать только! Как с цепи сорвался — и все из-за того, что я поцеловала Реджи!

— Да уж!

— Я думаю, девушка вправе подложить динамиту под любимое существо, если оно срывается по любому поводу и без повода.

— Ну конечно.

— Нужно же сохранять достоинство.

— Определенно.

— Это уже в третий раз. Я имею в виду, помолвка срывается. В первый раз это случилось через сорок три секунды после того, как я согласилась выйти за него.

— Через сорок три секунды?

— Да, через сорок три секунды. Думаю, это рекорд. По крайней мере, европейский. Я разорвала помолвку, потому что он замахнулся на Уилфреда.

— Это ваш младший братик?

— Нет, мой крокодильчик. Я поднесла Уилфреда к его лицу и сказала: «Поцелуй папу», — а Амброз завопил и выбил его у меня из рук. Представляете! Мог ведь покалечить.

Она так и кипела негодованием, в полной уверенности, что слушатель ей сочувствует, но Монти был всецело на стороне Амброза. Он подумал, что в описанной сцене писатель действовал отважно и решительно — хотел бы он сам (Уилфред, широко зевая, уселся около его правой ноги) совершить нечто подобное. Крокодил этот, судя по всему, представлял для гостии большую ценность в профессиональном плане, но в плане социальном, так сказать, встреча с ним не радовала.

«Интересно, как долго мисс Флокс здесь пробудет?» — подумал он.

— В тот раз все уладилось через неделю. Второй раз было серьезнее, потому что и правда похоже было на то, что это конец. Мы стали думать, куда поедет после свадьбы. Он хотел жить в Лондоне, а я — на милом побережье, там, где у меня так чудесно сложилась карьера. Да, мы спорили до хрипоты и так и не договорились. Амброз ведь упрям, как осел, но и меня не переупрямить, и в конце концов я разозлилась и сказала: «Все! Между нами все кончено!» — и все было кончено. Но вдруг, откуда ни возьмись, появляется Айвор Льюэлин, предлагает работу, и все тип-топ.

Мисс Флокс принялась пудрить носик. Монти кашлянул. Он смотрел на нее, как хозяйка на гостей в конце долгого обеда. Нельзя сказать, что он был утомлен разговором; напротив, беседа казалась ему весьма занимательной. Тем не менее он не мог избавиться от мысли, что не стоит так уж полагаться на суждение Альберта Пизмарча о привычках нежных, чистых английских девушек.

— Э-э, в общем... — сказал он.

— В тот раз, — подытожила мисс Флокс, изучая в зеркале свой нос и припудривая его в последний раз, — казалось, что все очень серьезно. Да. А то, что сейчас, — полная чепуха. Через полчаса он будет обнимать меня

и просить прощения, а я скажу: «О, Амброз!» — а он скажет, что страдает не только потому, что заставил меня страдать, хотя от этого он тоже страдает, а еще оттого, что знает, как я страдаю, зная, что он страдает оттого, что заставил меня страдать. А каков он был в коридоре — вот умора! Он смешной, честное слово, и я очень люблю его. Гордый такой. Сказал «доброе утро», глянул на меня, нос задрал и испарился. Все-таки мужчины — ненормальные. Ничего не поделаешь. Монти вновь кашлянул.

— Ну да, — сказал он. — А сейчас, поскольку, как я полагаю, у вас на утро столько дел...

— Вы правы.

— Помолвка там, помолвка здесь...

— Нет, у меня больше женихов нет.

Монти очень не хотелось, но он вынужден был пояснить:

— Не кажется ли вам, — вежливо заметил он, — что вам пора идти?

— Пора идти?

— И поскорее, — пояснил Монти.

Фуксия Флокс в немом изумлении уставилась на него. Это было что-то новенькое. Мужчины, как класс, обычно искали ее общества. Взять хотя бы испанцев — их надо было палкой отгонять!

— Но мы ведь еще не поболтали как следует. Посидим рядком, поговорим ладком. Или я вам надоела, соседка Бодкин?

— Нет-нет.

— Тогда какая муха вас укусила? Монти ухватился за покрывало:

— Тут... дело в том... мне кажется... я подумал... а вдруг случайно, знаете ли... Гертруда...

— Какая Гертруда?

— Моя невеста... Мне подумалось, что вдруг Гертруде придет в голову зайти ко мне посмотреть, проснулся ли я... В таком случае...

— Вот уж не знала, что у вас есть невеста!

— Да. Честно говоря, есть.

— Это та самая девушка, которую я видела здесь в самый первый день?

— Да.

— Милая.

— Да, очень.

— Вы сказали: Гертруда?

— Точно, Гертруда. Мисс Флокс задумалась.

— Гертруда? Звучит не слишком благозвучно. Конечно, есть Гертруда Лоуренс...

— Да, — прервал ее Монти. — Но не о ней сейчас речь. Понимаете, именно сейчас я не хотел бы расстраивать другую Гертруду — Баттервик.

Мисс Флокс рассмеялась:

— Как-как ее фамилия? Баттервик?

— Да.

— Ужас!

— Мне и самому не очень нравится, — согласился Монти. — Напоминает о ее отце, торговая фирма «Баттервик, Прайс и Мандельбаум». Но это не важно. Важно...

— Вы думаете, ей будет неприятно, если она увидит меня здесь?

— Думаю, сильно не обрадуется. В прошлый раз не обрадовалась. Из-за вас мне пришлось с ней объясняться.

Мисс Флокс прикусила губу. Ей все это явно не нравилось.

— Прimitивно мыслит эта ваша мисс Баттеркрик.

— Ну, что вы! — улыбнулся Монти. — Она умная и благородная. И фамилия ее не Баттеркрик, а Баттервик.

— Все равно звучит кошмарно, — скривилась мисс Флокс.

— Не так уж и кошмарно. И в конце концов, дело не в фамилии, а в том, что она подумает, если застанет вас здесь, можно сказать, на моих ногах. Она в обморок упадет. Знаете, везде есть тайные пружины. Реджи Теннисон, осел, пошел и наговорил ей про меня, что я вроде Дон-Жуана. И это после истории с татуировкой...

— Какой татуировкой?

— Долго рассказывать. Если коротко, то у меня была невеста по имени Сью Браун, и я сделал на груди татуировку: сердце, а в нем — ее имя.

— Вот это да! — воскликнула мисс Флокс. Ей стало любопытно:

— А дайте посмотреть!

Монти сидел, откинувшись на спинку кровати, и не мог отпрянуть. Но попытался.

— Нет, ни за что!

— Да ладно, покажите.

— Сказано вам, нет.

— Да что с вами? Какие у друзей секреты? Тем более на груди. За меня не беспокойтесь, я однажды играла в сцене соблазнения, фильм «Бозо, мужчина-обезьяна».

— Но я бы не...

— Да ладно, давайте.

— Нет, не могу.

— Ну и ладно. Ну и любуйтесь сами на свою дурацкую грудь.

Разобиженная, мисс Флокс подобрала крокодила, поправила на его шее розовый бантик и вышла из комнаты. Когда она закрыла за собой дверь и шагнула к своей каюте, чтобы положить Уилфреда в корзинку, в коридоре появилась Гертруда.

Гертруда хотела постучать в дверь Монти и сказать, что солнышко сияет и пора вставать. Теперь она передумала. Она постояла, посмотрела, развернулась на сто восемьдесят градусов и пошла обратно на палубу.

Над головой в тот день сияло безоблачное небо, дул легкий ветерок, но время от времени Монти замечал, что любимая девушка ведет себя как-то странно. Вроде ничего особенного, но как-то не так... Она неожиданно умолкала. Порой он ловил на себе ее задумчивый взгляд. Не столько задумчивый, сколько... ну да, странный. Вроде как оценивающий.

К вечеру, однако, настроение его улучшилось. Будучи по природе человеком жизнерадостным, после великолепного обеда он и вовсе развеселился.

Составители меню, знатоки своего дела, понимали: ничто так не поднимает дух, как вкусная и здоровая пища, и предложили на выбор пять видов супа, шесть вариантов рыбных блюд и вдобавок к этому запеченную курицу, ростбиф, бычьи хвосты, свиные отбивные, бараньи котлетки, сосиски, бифштекс, оленину под соусом, говяжье филе, фрикадельки, телячью печенку, зельц, три вида ветчины, рагу из утки под острым соусом и кабанью голову, затем шесть видов пудинга, несколько сортов сыра, мороженое и фрукты, чтобы уж совсем пустого места в желудке не осталось. Монти попробовал не все, но вполне достаточно, так что на шлюпочную палубу он вышел бодрым, свежим и настроенным на sentimentalный лад, как влюбленный питон.

Атмосфера на шлюпочной палубе также располагала к sentimentalности. Был тихий теплый вечер со звездами и закатом, и если бы у Монти не кончились сигареты, он так бы и стоял там и даже, глядишь, сочинил бы какие-нибудь стихи.

Но примерно через час, открыв портсигар и убедившись, что он пуст, Монти решил сходить в каюту и пополнить запас сигарет. Если бы Гертруда в этот момент была рядом, мысль о сигаретах ему бы и в голову не пришла, но Гертруда ушла играть в бридж с Джейн Пассенджер и двумя другими хоккеистками. Поэтому Монти спустился в каюту и стал открывать дверь, как вдруг услышал за спиной приглушенный вскрик. Обернувшись, он увидел Альберта Пизмарча.

Взгляд стюарда был суров и непроницаем.

— Туда нельзя, сэр, — сказал он.

Монти смотрел на него и ничего не понимал. С каждой новой встречей вассал все больше его озадачивал.

— Что вы хотите этим сказать?

Альберт Пизмарч, казалось, был удивлен такой постановкой вопроса:

— Разве молодая дама не поставила вас в известность?

— О чем?

— О том, что произошло. Я имею в виду не даму из соседней каюты, а другую, мисс Баттервик. Разве она не сказала вам, что поменялась с вами каютами, и вы теперь в номере В-36?

Монти стал тихо сползать по стене. Как и в прошлый раз, стюард раздвоился и заколыхался в воздухе.

— Да, сэр, именно так. Она поменялась с вами каютами. В этом плавании с вами обращаются как с посылкой, сэр, — сочувственно проговорил Пизмарч. — Как в песне поется, «нынче здесь, завтра там», и никогда заранее не знаешь где. Сперва тот джентльмен меняется с вами, теперь эта дама. Скоро вам придется памятку себе составлять, чтобы точно знать, где сегодня ваш угол.

Он фыркнул от смеха, потом помолчал, подумал над тем, что сказал, и, чувствуя, что сказано неплохо, решил повторить:

— Скоро вам придется памятку себе составлять, чтобы точно знать, где сегодня ваш угол. Но не думайте, сэр, — продолжал Альберт Пизмарч уже вполне серьезно, — что я одобряю все эти перемещения. Я осмелился заметить мисс Баттервик, что этого не следует делать, не спросив разрешения у судового казначея, но она сказала только: «Да бросьте вы, стюард» или что-то в этом роде, «делайте, что велят и поменьше болтайте». Я и перенес ваши вещи, как было велено. Но я, естественно, полагал, что она вас поставила в известность.

— Стюард, — тихо позвал Монти.

— Сэр?

— Пизмарч... Вы случайно не знаете, Пизмарч, мисс Баттервик входила... входила в ванную?

— Да, сэр, — бодро отвечал Пизмарч. — Первым делом вошла.

— И что?

— Да, сэр, она видела эту несмываемую надпись. Ее трудно не заметить, не так ли? И, судя по всему, очень ею заинтересовалась. Какое-то время она ее рассматривала, а затем повернулась ко мне и говорит: «Что это, стюард?» А я ответил: «Надпись помадой, мисс». А она сказала: «Ой!»

Монти схватился за стенку — единственное, что оставалось неизблемым в этом рушащемся мире.

— Ой?

— Ну да, сэр, так и сказала: «Ой!». Потом она меня отпустила и прикрыла дверь. А через некоторое время позвонила старой сплетнице — стюардессе, и попросила отнести вам записку в каюту В-36 — если помните, сэр, это на палубе, которая прямо над нами, ибо мы с вами находимся на палубе «С». Там она и лежит.

Монти ушел. Он уже вполне наслаждался обществом Альберта Пизмарча. У стюарда был такой вид, словно он вот-вот сообщит, что все это очередное проявление неисповедимых путей Провидения. Наверняка, так оно и было. Если бы, как сейчас осознал Монти, Гертруда Баттервик не родилась на свет (либо родилась однорукой или с укороченной ногой), она бы не попала в женскую хоккейную сборную и не поехала бы в Америку: в этом случае ее не было бы на «Атлантике», и тогда никто бы не додумался, что Монти Бодкину будет значительно лучше на палубе «D», чем по соседству с мисс Фуксией Флокс.

Все это было истинной правдой, тем не менее Монти мало улыбалось торчать здесь и слушать, как вещает Пизмарч.

На ватных ногах он приплелся в каюту В-36, в которой еще витал слабый аромат его любимого одеколona, которым пользовалась Гертруда Баттервик, но он не стал сентиментальничать и нюхать воздух. Его внимание было всецело сосредоточено на двух предметах, лежащих на столе.

Один из них был конверт, на котором стояло его имя, выведенное до боли знакомым почерком. Другой — плюшевый коричневый Микки Маус с розовыми глазами.

Микки Маус лучился улыбкой, которая в данных обстоятельствах показалась Монти приторной и абсолютно неуместной.

Глава XIV

Наутро после всех этих ужасных событий Природа рассиялась улыбками, по мнению Монти, крайне отвратительными и циничными. Но так уж сложилось, что на следующий день погода стояла и впрямь бесподобная: не было ни дождя, ни тумана, даже не веял легкий северо-восточный ветерок. Не обращая внимания на то, что в каюте под номером Б-36 разместился молодой человек, полностью утративший смысл жизни, в иллюминатор шпарило солнце, а на потолке резвились зайчики, словно все было к лучшему в этом лучшем из миров.

В самом начале десятого по ковру в коридоре прошаркали шлепанцы, и в дверях возник Реджи Теннисон.

При виде закадычного приятеля на сердце у Монти не сделалось легче. В настоящий момент своими взглядами на человечество он диаметрально расходился с Юлием Цезарем. Ему вовсе не хотелось видеть вокруг себя людей тучных, прилизанных и крепко спящих ночью.^[45] Реджи хоть и не был тучным, зато превосходно выспался и был в добром расположении духа. В комнату он шагнул, улыбаясь во весь рот, точь-в-точь Микки Маус. Неистощимое жизнелюбие этой мыши с утра действовало Монти на нервы. Неудивительно, что его «привет» прозвучал натужно и сухо.

Он только приступил к завтраку и надеялся побыть наедине со своими печальями и копченой селедкой. На худой конец, если не судьба побыть в одиночестве, он бы примирился с гостем вроде Амброза. Тощий Амброз с голодным блеском в глазах^[46] — это бы он еще пережил. Но выносить Реджи — это уже сверх человеческой мочи.

Однако будучи человеком воспитанным, он приготовился завязать беседу:

— Что-то ты рано сегодня, — буркнул он хмуро. Реджи облокотился о спинку кровати и запахнул халат.

— Твоя правда! — откликнулся он с энтузиазмом бойскаута, и селедка во рту у Монти обратилась в пепел.^[47] — Делать мне больше нечего — в постели валяться? Утро-то какое! Красотища! Давно такого не было! Солнышко блестит...

— Знаю, знаю, — пробрюзжал Монти. — Видел. Восторженности у Реджи чуть поубавилось. Он был задет.

На лице его появилось почти пизмарчевское выражение обиды:

— Ты чего надулся? Разве я виноват, что солнышко? Со мной не

посоветовались. О погоде — это я так, к слову, чтобы ты понял, с какой радости я встал смело на работу, отдаю все силы ей,^[48] в такое дурацкое время. Я хочу разыскать Мейбл Спенс и сразиться с ней в шашки. Ты знаком с Мейбл?

— Только шапочно.

— Большой души человек!

— Возможно.

— Что значит «возможно»? — разгорячился Реджи. — Я тебе говорю, это самая замечательная девушка на свете. Жаль, что я не Амброз.

— Почему?

— Потому что он едет в ее родной Голливуд, а я — в Монреаль, пропади он пропадом вместе с его кленами, хоть бы их червь пожрал. Может, я ее больше не увижу. Ладно, что зря душу травить. — Реджи приободрился. — Бутоны роз срывай в пору цветенья.^[49] Кстати, о бутонах, старина, помнишь галстук, который ты купил в Берлингтонском пассаже и завалился в нем в «Трутни» на обед? Это было примерно за неделю до скачек в Суффолке. Ну же, поройся в памяти. Такой сизоватый в бледную розочку. Так вот, он идеально подходит к костюму, в котором я собираюсь блеснуть перед Мейбл. Ты случайно его не прихватил? Я бы его одолжил у тебя.

— Посмотри в левом верхнем ящике, — вяло отозвался Монти, меланхолично заглатывая свешивающуюся с вилки селедку. Он был не расположен говорить о галстуках.

— Нашел, — сообщил Реджи, заглядывая в ящик.

Он вернулся к кровати. Мимолетная хандра, навеянная мыслями о разлуке с Мейбл, исчезла без следа. Он опять улыбался, словно припомнил что-то смешное.

— Слушай, Монти, а ты как сюда попал? Ты на таких скоростях перемещаешься по кораблю — у кого хочешь голова пойдет кругом. Мог бы по старой дружбе предупредить, что переехал. А то я сейчас захожу в твою старую каюту и как наподдам тому, кто там лежит в постели...

Монти поперхнулся.

— А он как завопит — гляжу: Гертруда. Конфликтная ситуация для обеих сторон.

— Шутишь?

— Нет, правда. А вообще, зачем вы поменялись?

— А она разве не сказала?

— Думаешь, я дождался ее объяснений? Покраснел и убрался.

Монти тяжело вздохнул:

— Вчера после ужина Гертруда надумала поменяться со мною каютами. Здесь лежала ее записка. Дело в том, что вчера утром, почти сразу после твоего ухода, нагрянуло это чудовище Фуксия — и, вероятно, Гертруда видела, как она от меня выходит. Из этого наблюдения она сделала два вывода: во-первых, что мы с ней в приятельских отношениях, и, во-вторых, мы соседи. В итоге она затеяла обмен, причем без моего ведома, так что шансов ее отговорить не было. При пособничестве Альберта Пизмарча она взяла и самовольно вселилась.

Реджи выслушал это повествование с участием, что естественно, ведь друг попал в беду. Его сметливый ум моментально уяснил источник трагедии.

— Там же надпись на стене. Монти снова вздохнул.

— Она ее видела. Это было первое, что попало ей на глаза.

— Она написала об этом в записке?

Монти обречено махнул вилкой в сторону туалетного столика.

— Видишь? Микки Маус. Я его подарил Гертруде в день отплытия. Вчера вечером он оказался тут.

— Вернула?

— Да.

— Дело труба. На все сто.

— Вот именно.

— Жуть, — проговорил Реджи задумчиво.

Помолчали. Монти прикончил селедку.

— Стало быть, она видела, как от тебя выходит Фуксия?

— Да. Так она написала! Но, Боже мой, вчера мы полдня не расставались, и хоть бы намекнула! Тогда бы я ей объяснил, что эта дама просто сидела здесь и говорила об Амброзе, о том, какой он осел и как она его любит, — совершенно невинный разговор, хоть передавай по Би-би-си в детской передаче. Теперь, понятно, поздно оправдываться — наверняка она считает меня тайным мормоном.

Реджи понимающе кивнул:

— Согласись, в ходе ее мысли прослеживается определенная логика. Сначала татуировка на груди — из этой ситуации ты кое-как выкрутился, но неприятный осадок остался. Потом, я, как последний дурак, хоть и из лучших побуждений, брякнул ей... Кстати, как ты это объяснил?

— Сказал, что другого такого вруна не сыскать во всем Лондоне.

— Молодец.

— Что нельзя верить ни единому твоему слову.

— Здорово.

— И что ты постоянно выкидываешь такие штуки, потому что у тебя мозги набекрень.

— Одобряю. Сильный ход. Лучше не придумаешь. То-то я гляжу, она меня не замечает.

— Не замечает?

— Полностью игнорирует. Единственный раз, когда хоть как-то отреагировала — это сейчас, в каюте. Гляжу: холмик на постели, — Реджи приободрился, заново переживая еще свежую в памяти сцену — Ну, говорю я себе, устрою Монти приятный сюрприз. Поплевал я на руку, размахнулся да как наподдам! Да, неловко получилось. Кстати, твои слова навели меня на мысль — я понял, как вас помирить. Проще пареной репы. Сейчас пойду к ней и скажу, что это я намалевал эту ахиною.

Поднос зазвякал, покачнувшись на коленях у Монти. Впервые за этот день он посмотрел на пляску солнечных зайчиков без отвращения. И даже взглянул в глаза Микки Мауса и внутренне не содрогнулся.

— Реджи, так ты пойдешь к ней? Честно?

— Конечно, пойду, куда денусь.

— А она поверит?

— Еще бы! Гляди, как все замечательно сходится. Ты выставил меня в таком свете, что она поверит любой небылице, раз я перед ней таким подлецом выгляжу.

— Извини.

— Ничего страшного. Весьма дальновидно с твоей стороны.

— А как ты объяснишь про помаду?

— Скажу, одолжил.

План казался осуществимым — Монти откинул последние сомнения. С волнением в груди он глядел на Реджи и видел, насколько глубоко заблуждался, поторопившись сравнить его приход с чумой и моровой язвой. Теперь Реджи предстал перед ним таким современным Сидни Картоном.^[50] Однако, размышляя о поступке, который ради него собирался совершить друг, он не мог подавить в себе легкие угрызения совести.

— Не боишься, что она взбеленится?

— Кто? Гертруда? Моя двоюродная сестра? Девочка, для которой я был заботливой нянькой и шлепал щеткою для волос? Уж не воображаешь ли ты, будто меня волнует, что обо мне подумает пампушка Гертруда? Боже упаси! Плевал я на нее с высокого дерева. Обо мне не беспокойся.

Монти раздирали противоречивые чувства. Конечно, ему неприятно было слышать, как предмет его любви именуют «пампушкой». Но радость

была сильнее.

— Спасибо, — выдавил он.

— Итак, с надписями мы разобрались, — продолжал Реджи. — Перейдем к вашим с Фуксией играм в колечко...

— Не играли мы ни в какое колечко.

— Ну, в садовника, не все ли равно.

— Говорю тебе, мы беседовали об Амброзе.

— Звучит неубедительно, — заметил Реджи скептически. — Впрочем, дело твое, держись своей версии, если тебе так нравится. Я хочу сказать, тебе самому придется поднапрячься и как-то замять эту историю. Насчет надписи будь спокоен, ее я беру на себя. Сейчас схожу к Гертруде, а после займусь охмурением Мейбл Спенс. Кстати, как по-твоему, что лучше: замшевые ботинки, белые фланелевые штаны, галстук и пиджак с эмблемой «Тринити-холла»^[51] или замшевые ботинки, белые фланелевые штаны, галстук и голубая куртка?

Монти призадумался.

— На мой взгляд, голубая куртка.

— Резонно, — согласился Реджи.

Тем временем Мейбл Спенс, не подозревая о том, какой ей уготован сюрприз, сидела у Айвора Льюэлина и слушала из его трепещущих уст рассказ о провале вчерашних переговоров. Мистер Льюэлин все еще лежал в постели, и его смертельно бледное лицо составляло резкий контраст с розовой пижамой.

— Этот субъект сказал, у него другие планы.

При этих зловещих словах голос киномагната дрогнул, и его мрачность, казалось, передалась Мейбл Спенс. Она тихонько присвистнула и, глубоко задумавшись, взяла сигарету из пачки, лежащей возле кровати. Этот, казалось бы, невинный жест привел мистера Льюэлина в чрезвычайное раздражение.

— Не трогай мои сигареты! Свои у тебя есть?

— Вот оно, традиционное южное гостеприимство. Ладно, кладу на место... Значит, говоришь, другие планы?

— Он так сказал.

— Мне это не нравится.

— Мне тоже.

— Сдается мне, он не хочет играть в наши игры. Расскажи по порядку, что у вас произошло.

Мистер Льюэлин устроился повыше на подушках.

— Я подослал к нему старшего Теннисона с готовым контрактом, только в графе о жалованье стоял пропуск. Ясно? Деньги для меня не играли роли. Главное было выяснить, согласен ли он пойти ко мне актером, и если да, он был волен проставить любую приемлемую для себя сумму. Теннисон вернулся и говорит: сказал «Спасибо», но у него другие планы.

Мейбл Спенс покачала головой:

— Мне это не нравится.

Это замечание взбесило Льюэлина не меньше, чем самовольство с сигаретами.

— Заладила одно и то же. Естественно, тебе это не нравится. Как будто мне это нравится. Может, по-твоему, я пляшу от радости? Или распеваю песни? Или устраиваю бурные овации и кричу «бис»?

Мейбл по-прежнему пребывала в раздумьях. Она была решительно сбита с толку. Окажись в ее шкуре Монти Бодкин, он бы непременно заявил, что случай беспрецедентный. Но она призналась, что это выше ее разумения.

— Естественно, выше. Я тоже ничего не понял, — сказал мистер Льюэлин, — пока Теннисон не сообщил дополнительную информацию. Знаешь, что он сказал? Оказывается, этот Бодкин без пяти минут миллионер. Улавливаешь, что это значит? Это значит, что шпионажем он занимается не корысти ради. Как садист какой-то. На денежную сторону ему начихать. Ему приятно упиваться человеческими страданиями. Ну, разве мыслимо совладать с таким человеком?

На миг он погрузился в раздумья. А вдруг, размышлял он, над ним тяготеет злой рок — раз в жизни судьба столкнула с таможенным сыщиком, и надо же тому оказаться миллионером да еще с изуверскими наклонностями.

— Все, выхожу из игры. Меня раскрыли. Внесу ожерелье Грейс в декларацию, заплачу пошлину, и точка.

— Я бы на твоём месте поостереглась.

— Мне все равно, что бы ты делала на моём месте. Как я сказал, так оно и будет.

— Разумеется, тебе виднее.

— Правильно, мне виднее.

— Между прочим, вчера вечером пришла телеграмма от Грейс, — произнесла Мейбл задумчиво.

Железная решимость мистера Льюэлина поколебалась. Краски на его лице потухли. Непроизвольно копируя Монти Бодкина, он облизал губы кончиком языка.

— Телеграмма? От Грейс?

— Да.

— Покажи.

— Она у меня в каюте.

— И что же она пишет?

— Дословно не помню. Если вкратце: учти, провалишь дело — ты знаешь, что тебя ждет.

— Знаю, — прошептал мистер Льюэлин пересохшими губами.

Мейбл Спенс взглянула на него с сочувствием.

— Айки, ей-богу, — сказала она, — я бы на твоём месте довела дело до конца. К чему искушать судьбу? Ты ведь знаешь Грейс. У неё импульсивный характер. Не забывай, она сейчас в Париже, и все, что ей нужно для развода, это надеть шляпку и вызвать такси.

Мистер Льюэлин помнил об этом.

— Ну, не хочет Бодкин идти на сотрудничество. Допустим, он уже пронюхал о твоей затее. Допустим, он подаст сигнал на берег и накажет своим приятелям-таможенникам глаз с тебя не спускать. И что? Пока тебя не начнут проверять, тебе ничего не грозит. А к тому моменту Джордж вместе с добычей будет уже за милю от дока.

Мистер Льюэлин не желал внимать словам утешения. Вероятно, виной тому было предубеждение к операции «эпизод со шляпой», в немалой степени — из-за участия в ней шурина, и предубеждение это было сильным. Оптимизм Мейбл вместо счастливой улыбки вызвал у него кислую ухмылку.

— Думаешь, такой смысленный парень ничего не заподозрит, когда увидит, как мы с Джорджем сшибаем друг с друга шляпы, точно пара водевильных комиков? Да он в ту же секунду раскусит, что дело нечисто!

— Ничего он не раскусит. Его там вообще не будет.

— А куда же он денется? Едва мы сойдем на берег, он тотчас сядет мне на хвост.

— Не сядет. Смело иди и встречайся с Джорджем, мы задержим его на пароходе.

— Да? И каким образом, интересно знать?

— Запросто. Например, по пути его перехватит Реджи Теннисон. Они с Бодкином большие друзья. Реджи уведет его в укромное место на пару слов. Предоставь это дело мне. Я разберусь.

Мистер Льюэлин, как мы уже видели, никогда не испытывал к свояченице большой симпатии, но поневоле признал, что есть у неё в характере что-то, располагающее к доверию. Ему стало чуть легче дышать.

— Естественно, я не стану посвящать Реджи в наш проект. Просто объясню, что ему делать, и все.

— Думаешь, ему этого будет достаточно?

— Вполне.

— Вы с Реджи отлично спелись, как я погляжу.

— Он мне нравится. И мне его жалко, бедняжку. Домашние отсылают его в какую-то монреальскую контору, он из-за этого сам не свой. Он считает, что если вообще ему надо работать, то он предпочел бы совсем иные края — там, где просторы величественны и безбрежны, где мужчины походят на мужчин, а главное, женщины — на женщин. Что-нибудь наподобие Голливуда.

Мистер Льюэлин настороженно прищурился, в глазах его мелькнула тень подозрения. Он нутром чуял что-то недоброе. Оно витало в воздухе.

— Ну-ну, — заинтересовался он. — Вот оно как?

— И знаешь, мне подумалось, может, подыщешь ему местечко на киностудии?

Видимая часть туловища Айвора Льюэлина конвульсивно задержалась, а бегущая по одеялу рябь показывала, что невидимую часть также сотрясают судороги. Хотя подобные дискуссии повторялись с изрядной частотой, как только они затевались, ему всякий раз изменяло самообладание. Когда перед ним обрисовывалась перспектива подыскать местечко для родственника или знакомого родственника, родственника жены или знакомого родственника жены, у него появлялось такое ощущение, будто его внутренности перемешивают колом. В подобных ситуациях он имел обыкновение реветь как морской лев, который требует рыбу, и так он и поступил.

— Ага! — воскликнул он. — Вот оно, началось. Прямо как в воду глядел.

— Реджи принесет тебе огромную пользу.

— Интересно, чем? У меня уже есть подметальщик.

— У тебя же куча эпизодов из английской жизни. Реджи может тебя консультировать. Сумеешь, Реджи? — обратилась Мейбл к видению в сияющих фланелевых брюках и изящной голубой куртке, которое вразвалочку прошествовало в каюту, даже не удосужившись постучаться, что с неудовольствием отметил про себя мистер Льюэлин.

На киностудии в Льюэлин-сити людей, ищущих встречи с Айвором Льюэлином, обычно предварительно час-другой мариновали в приемной, но на пароходе нравы были демократичнее, киномагнат уже не раз ощутил это на собственной шкуре.

— Привет! — бодро поздоровался Реджи. — Привет, привет и еще раз привет. Доброе утро, Мейбл, доброе утро, Льюэлин. Вы оба сегодня выглядите исключительно, замечательно и очаровательно. Потрясающая розовая пижама,

Льюэлин. Как сполох зари. Я везде искал вас, юная Спенс, и меня направили сюда. Как вы смотрите на партию в шашки?

— С удовольствием.

— И я с удовольствием. Поразительно, вы замечали, насколько у нас сходятся вкусы? Я бы сказал, родственные души обретают друг дружку. А, сигареты! — обрадовался Реджи, примечая пачку возле кровати.

Он выудил сигарету, закурил и кивнул с видом ценителя.

— Отличные сигареты, Льюэлин, — похвалил он от чистого сердца. — Мои любимые. Кстати, когда я входил, — продолжил он, — мне послышалось, меня о чем-то спросили. В памяти отложилось: «Сумеешь, Реджи?» Что я должен суметь?

— Помочь Айки.

— Я всегда рад оказать Айки посильную помощь. А в чем?

— Мы как раз обсуждали возможность устроить тебя в «Супербу». Я-то знаю, что эта монреальская контора вызывает у тебя отвращение.

— Терпеть ее не могу. Там я буду как птица в золоченой клетке. Великолепная идея! — сказал Реджи, награждая мистера Льюэлина одобрительной улыбкой. — Выдумка — первый сорт. Дорогой мой, я буду счастлив служить вам. Очень великодушное предложение. Какая должность?

— Ты можешь давать консультации по английским эпизодам. Ты же хорошо знаешь светскую жизнь.

— Как облупленную.

— Слышишь, Айки? Теперь у тебя не будут охотиться на лис в июле.

[\[52\]](#)

— Только через мой труп. Отныне, дорогой Льюэлин, за английские эпизоды не беспокойтесь. Положитесь во всем на меня, — сказал Реджи, угощаясь еще одной сигаретой. — Теперь об условиях. Мой братец Амброз говорил, что ему обещано полторы тысячи в неделю. Меня лично такая сумма на первых порах устроит. Надеюсь, вы черкнете мне пару строк, чтобы был документ. Можете не торопиться. В любое удобное для вас, дорогой Льюэлин, время.

Мистер Льюэлин обрел дар речи. До того язык ему сковывали те особые эмоции, которые всякий раз производило упоминание о злополучной лисьей охоте. Эта была скорбная тема. Центральная сцена

суперфильма «Славный Девон», она вызвала резкую отповедь в британской прессе и бурю негодования у краснолицых президентов охотничьих обществ. Тогда мистер Льюэлин проявил недюжинный стоицизм, но фильм с треском провалился на всей территории островного королевства, и это выбило его из колеи.

— Пошел вон! — рявкнул он. Реджи удивился.

«Здесь что-то не то», — подумал он про себя.

— Как это, вон?

— Да, проваливай! Вместе с английскими эпизодами!

— Айки!

— Что «Айки»? — прогрохотал мистер Льюэлин, разворачивая батареи к свояченице. — Думаешь, мало мне паразитов, лазящих в мой карман? С меня хватит твоих родственников: братец Джордж, дядюшка Уилмот, кузен Эгберт и его сестра Женевьева!

Тут мистеру Льюэлину пришлось сделать передышку, чтобы ухватить за подол ускользавшее самообладание. При последних словах у него засосало под ложечкой. По неведомой причине три с половиной сотни в неделю, которые он выкладывал Женевьеве, сестре двоюродного брата своей супруги, угнетали его сильнее всех прочих невзгод, вместе взятых. Очкастое дитя с вечно разинутым ртом, как у почтового ящика, она тянула максимум на тридцать центов в год — и ни центом больше.

— Мало того, что я кормлю целую прорву твоих чертовых родичей, — подытожил он, колоссальным усилием воли отгоняя насморочную девицу, назойливо вертящуюся пред его мысленным взором, — так когда кончаются родичи, я, выходит, должен бежать на улицу и бросаться на всяких проходимцев и осыпать их благодеяниями — а то, не приведи Бог, у меня заведется пара лишних долларов, которые я смогу положить себе в кошелек? По-твоему, Льюэлин-сити следует забить под завязку всякими английскими пижонами, которые только спят, едят и разгуливают по верхней палубе под ручку с моей родственницей?

— По шлюпочной палубе, — уточнила Мейбл.

— Мне что, купить свору ищеек и натаскать их на желторотых юнцов, чтобы уж точно никого не прозевать? Или сенбернаров, чтобы хватали этих типчиков и волокли всех ко мне?

Реджи повернулся к Мейбл и вопросительно вскинул бровь. Тираду мистера Льюэлина он выслушал с живейшим вниманием, и ему показалось, что она допускает одно-единственное истолкование.

— Пожалуй, дельце не выгорело, — сказал он.

— Или борзых?..

Реджи приостановил его взмахом руки.

— Льюэлин, дорогой, прошу вас, — проговорил он несколько чопорно, — Нас не интересуют ваши собаководческие прожекты. Правильно ли я понимаю, что вам не требуется мое содействие в съемках английских эпизодов?

— Кажется, он намекает именно на это, — предположила Мейбл.

Реджи огорченно цокнул языком:

— Вы упускаете отличный шанс. Подумайте как следует. Мистер Льюэлин продолжал выстраивать очередную аллегорическую цепочку:

— Я что — филиал министерства финансов, чтобы транжирить деньги на всяких бездельников?

Мейбл возмутила такая дискриминация.

— Джордж у тебя получает тысячу, — возразила она. Мистер Льюэлин вздрогнул.

— Не упоминай при мне Джорджа!

— А Женестьева...

Мистер Льюэлин снова вздрогнул, на сей раз заметнее.

— И не поминай, — произнес он с мольбой в голосе, — при мне Женестьевы.

— А брат Реджи — полторы. Незаметно, чтобы ты мелочился, раз установил Амброзу такой оклад.

Мистер Льюэлин вытаращил глаза. Он было собрался справиться у свояченицы, уж не путает ли она его с Рокфеллером, Пирпонт Морганом, Скотти из Долины Смерти или индийским магараджей, но реплика Мейбл сбила его с мысли.

— Амброс Теннисон? Что ты имеешь в виду? Для знаменитости — это практически задаром.

— Ты в этом уверен?

— Конечно.

— И чем же он так знаменит?

— Это великий писатель.

— Ты его читал?

— Нет. Когда мне читать? Другие читали. Даже твой братец Джордж. Кстати, это он мне подкинул идею пригласить его в «Супербу-Льюэлин».

— Джордж явно свихнулся.

Реджи показалось, что он должен вмешаться. За исключением тех случаев, когда Амброс носился за ним по коридорам, грозя свернуть шею, он был искренне привязан к брату, и ему не нравился такой разговор. Пожалуй, он мог повредить избранной им карьере. Погубить ее в

зародыше.

— Это ты напрасно, — вступился он за брата. — У Амброза есть недурственные вещицы.

— Что значит «недурственные вещицы»? — возмутился мистер Льюэлин. — Он знаменитость. Большая шишка в литературе.

Мейбл фыркнула:

— Кто тебе это сказал?

— Сама и сказала, — торжествующе отозвался мистер Льюэлин. Он радовался редкой возможности утереть свояченице нос.

— Когда?

— У меня на званом обеде, когда этот сценарист, которого я выписал из Англии, болтал всякую чепуху про книги. Ну, этот, в очках с черепаховой оправой. Так вот, он брякнул, что Теннисон — полное ничтожество, а ты встала у него за спиной и говоришь: «Теннисон — это вещь, все признают, кроме отдельных высоколобых интеллектуалов». А еще ты добавила, что Теннисона будут читать и тогда, когда от этого очкарика не останется даже номера в телефонном справочнике, — а тот как-то чудно хихикнул, буркнул: «Да бросьте вы, милочка» — и съел банан. На следующий день я ненароком разговорился с Джорджем, и среди прочего поинтересовался, правда ли этот Теннисон — такая важная птица, а он ответил: высший смак, и посоветовал, когда я буду в Лондоне, непременно установить с ним контакт.

Мейбл Спенс захрипела, словно ее душили.

— Айки! — простонала она.

Она созерцала его с тем священным трепетом, с каким мы разглядываем редкий предмет антиквариата.

— Айки! Признайся, что пошутил.

— В каком смысле?

— Нет, это невозможно. Нарочно не придумаешь. Неужели ты принял брата Реджи за того самого Теннисона?

Мистер Льюэлин заморгал. Ему стало не по себе. У негоросло подозрение, что его надули, но в чем именно заключался подвох, пока оставалось загадкой. Затем, когда тревога наполнила его до краев, мелькнула успокоительная мысль: контракт еще не подписан.

— А разве это не так?

— Ты настоящий балбес. Теннисон уже сорок лет как умер.

— Умер?

— Конечно, умер. Джордж тебя разыграл. Ты же знаешь, какой он шутник. Удивительно, как он еще тебе не посоветовал пригласить на

работу Данте.

— Кто такой Данте? — заинтересовался мистер Льюэлин.

— Он тоже умер.

Мистер Льюэлин, как мы уже говорили, ровным счетом ничего не понимал, ясно было только одно: мало того, что его свояк Джордж еженедельно заграбастывал из казенной кассы на тысячу долларов больше, чем того стоил, вдобавок он так и норовит заполнить киностудию мертвыми душами. И он весь вскипел от праведного гнева. Вероятно, мертвые души справились бы с фабулой и диалогами не хуже, чем большинство подведомственных ему живых сценаристов, но ему претила та неразборчивость, с которой Джордж пускал в ход свое хваленое чувство юмора, и он высказался на этот счет скупно, но метко.

Затем опять смешался.

— А Амброз Теннисон — кто такой?

— Брат Реджи.

— И все?

— Собственно, да.

— Не сочинитель?

— Сочинитель... в некотором смысле.

— Но не этот, как его, гений?

— Нет.

Мистер Льюэлин ринулся к звонку и большим пальцем надавил на кнопку.

— Слушаю, сэр? — отозвался Альберт Пизмарч.

— Пригласите сюда мистера Теннисона.

— Мистер Теннисон здесь, — сказал Альберт Пизмарч со снисходительной улыбкой.

— Мистера Амброза Теннисона.

— Ах, мистера Амброза Теннисона? Разумеется, сэр. Прощу прощения, сэр. Будет исполнено, сэр, — сказал Альберт Пизмарч.

Амброз Теннисон, явившийся несколько минут спустя, был уже не тот мрачный женоненавистник, который на протяжении последних двух суток шнырял по «Атлантику» и всем своим видом нагонял на пассажиров зеленую тоску. После бурного примирения с Фуксией, которое состоялось накануне на прогулочной палубе прямо перед вторым завтраком, он опять был жизнерадостен и бодр. В комнату он вступил подобно процессии бражников из комической оперы, разыгранной в единственном лице, излучая приветливость и добродушие.

Хотя строгого правила здесь нет и программу можно изменять без

предварительного уведомления, однако давно уже подмечено, что Природа, поставляя в наш мир юных английских прозаиков, отдает предпочтение двум разновидностям: циникам — любителям коктейлей, и душкам — любителям пива. Амброз принадлежал ко второй категории. У него был крепкий мускулистый торс, орлиный взор, выдающийся подбородок, румянец во всю щеку и руки как окорока; в часы досуга он мог рвануть с места и вскарабкаться на Пиренеи, более того — совершить это восхождение с песней на устах.

По всему было видно, еще минуту — и он запоем от счастья. Мейбл Спенс вдруг стало стыдно. Она горько пожалела, что в порыве откровенности открыла своему свояку глаза на всех этих Теннисонов.

Реджи тоже чувствовал себя неважно. Во время недавней перепалки он хранил молчание, огорошенный той стремительностью, с какой развивались события. Было ясно, что порхающий перед ним мотылек вступает в опасную полосу, и, глядя на него с состраданием, он чувствовал, что кому-то — пусть даже ему самому, если в голову придет что-нибудь стоящее, — необходимо подготовить беднягу к тому, что его ждет.

Но провести разъяснительную беседу возможности не представилось — не успел Амброз войти, как мистер Льюэлин заговорил.

— Эй, ты! — гавкнул он.

Самый доброжелательный наблюдатель счел бы такое поведение грубым, и неудивительно, что Амброз оторопел, как будто налетел на фонарный столб. Однако, находясь в том безмятежном состоянии, когда весь мир видится сквозь розовые очки, он решил пропустить колкость мимо ушей.

— Доброе утро, мистер Льюэлин, — сказал он приветливо. — Вы меня звали? Наверное, опять по поводу Бодкина? Мистер Льюэлин, — пояснил он, ослепляя улыбкой встревоженного младшего брата, — вбил себе в голову, что Монти Бодкин — прирожденный киноактер.

При этой сногсшибательной новости Реджи оторвался от дум о братской солидарности.

— Кто?! — воскликнул он. — Монти?

— Ага, — подтвердил Амброз с добродушной улыбкой. — Представляешь? Он собирается сделать из бедного Монти кинозвезду.

— Обалдеть.

— Сомневаюсь, что у Монти имеется сценический опыт.

— Я тоже.

— Ах да, вспомнил, он как-то рассказывал про утренник, на котором выступал, когда ходил в младшую группу детского сада.

- Спорим, он провалился.
- Очень может быть. Правда, невероятно?
- Беспрецедентно.

Но тут в братский диалог вторгся мистер Льюэлин. Он бы сделал это значительно раньше, не будь осложнений с голосовыми связками. Телячья восторженность Амброза раздражала его подобно кожной болезни, вызывая почесывания по всему телу.

— Хватит болтать! — заорал он. — Бодкин тут ни при чем. Слышишь, ты! Хоть на полминутки попридержи язык и обрати на меня внимание.

Амброс с изумлением посмотрел на мистера Льюэлина. Прежде Льюэлин так с ним не обращался. До сих пор киношный президент производил впечатление человека уравновешенного и любезного.

— До меня дошли слухи, что ты не тот Теннисон. Амброс опешил. Он взглянул на Реджи, словно прося поддержки:

- Боюсь, я не совсем понимаю.
- Разве я говорю не по-английски?
- В общем, по-английски. Но я вес равно ничего не понял, — сказал Амброс, пытаясь не раздражаться.
- Почему ты все это время скрывал, что неправильный Теннисон?
- Вы постоянно употребляете это специфическое выражение. Будьте столь добры, разъясните, кто, с вашей точки зрения, «Теннисон правильный», тогда, пожалуй, я сумею дать исчерпывающий ответ.
- Ты знаешь, кого я имею в виду. Писателя Теннисона. Амброс смерил мистера Льюэлина ледяным взглядом.

Сердце его вконец ожесточилось. Он мог смело отправляться обратно в Адмиралтейство — распекать подчиненного, проморгавшего, как аферистка под темной вуалью стащила военно-морское соглашение.

— Меня никогда не оставляло ощущение, — произнес он, и в голосе его прорезался оксфордский холодок, — что я и есть писатель Теннисон. Насколько я в курсе, у меня нет однофамильцев в литературной среде. Конечно, существует небезызвестный поэт Теннисон, но, полагаю, вам не могло прийти в голову...

Реджи почувствовал, что самое время огласить новость.

— Представь себе, могло, в том-то и заковыка. Его разыграл Джордж, большой затейник, у них в Голливуде таких любят. Короче, возникла путаница. Он принял тебя за настоящего профи.

- Быть не может.
- Еще как может.
- Ты уверен?

— Точно.

У Амброза опять поднялось настроение. Мимолетную досаду, которую, возможно, посеяло в нем странное поведение мистера Льюэлина, как рукой сняло. Он запрокинул голову и разразился гомерическим хохотом, который прокатился по каюте подобно громовому раскату.

И тут терпение мистера Льюэлина лопнуло. Лицо над розовой пижамой побагровело. А глаза если не совсем выпрыгнули из орбит, то были к тому близки.

— Тебе смешно? — прошипел он.

Амброз силился подавить хохот, понимая, что в данной ситуации смеяться нехорошо.

— Все-таки забавно, — пробулькал он виновато.

— Так-так, — сказал мистер Льюэлин. — Отлично, тогда я тебя еще посмешу. Ты уволен. Как только мы доберемся до Нью-Йорка, можешь пересесть на первый же пароход в Англию, или прыгай с причала, или топись, или поступай как знаешь. Но в Льюэлин-сити тебе путь заказан.

Амброз перестал хохотать. Видя, как улыбка сползает с его лица, Реджи судорожно соображал, как бы ему засвидетельствовать братскую симпатию, но в голову ничего не приходило. В растрепанных чувствах, он позаимствовал у Льюэлина еще одну сигарету и закурил.

— Что?

— Что слышал.

— Но... вы приняли меня на работу.

— Когда?

— У меня контракт...

— Когда я подписывал контракт?

— Но...

— Все, угомонись.

— Нельзя же так просто взять и вышвырнуть меня на улицу.

— Отчего ж?

— Я подам в суд.

— Ради Бога, — сказал мистер Льюэлин. — Выкroiшь свободную минутку, заезжай, будем судиться.

Румянец увял на щеках Амброза, глаза округлились. Реджи тоже не остался безучастным.

— Ну ты даешь, Айки, — проговорил он с жаром. — Это уже не по правилам.

Мистер Льюэлин развернулся к нему, как бык к пикадору.

— Тебя кто просил встречать?

— Вопрос не в том, — парировал Реджи с чувством невозмутимого достоинства, — кто меня просил. Такая постановка не отражает сути. Едва ли вы вправе требовать, чтобы собеседник ждал формального приглашения, чтобы, так сказать, выразить свою точку зрения по поводу... ну вот, забыл, что хотел сказать.

— Вот и славно, — сказал мистер Льюэлин.

— Но вы, мистер Льюэлин, наверное, не знаете главного, — сказал Амброз.

— А?..

— На основании ваших обещаний я бросил службу. Уволился из Адмиралтейства.

— Так поступи обратно.

— Но... я не могу.

Вот именно из-за этого Реджи и чувствовал себя как на иголках. С первой минуты у него было предчувствие, что Амброз может столкнуться с подобным препятствием, и признавал, что это препятствие из разряда труднопреодолимых.

У самого Реджи были свои, правда весьма оригинальные, взгляды на работу. Он считал, что некоторым людям — к числу которых он относил и себя самого — работать совершенно ни к чему. Он имел некоторое представление о скачках, неплохо играл в бридж и покер, умел с очаровательной непринужденностью перехватить займы, так, чтобы дающему было тоже приятно, — этих талантов ему хватало с избытком, и домашние нанесли ему глубокую психологическую травму, обманом заманив в какую-то гадкую контору. Немного терпения, незначительная финансовая поддержка, позволяющая выкарабкаться из черной полосы, — и он жил бы припеваючи. Ибо Реджи Теннисон был из тех молодых людей, которых питают вороны.^[53]

На беду, в нашем мире вороны не питают таких, как Амброз. Амброзам необходима постоянная работа. А когда они ее теряют, им очень трудно отыскать новое место.

— Задумайтесь, Льюэлин! — сказал Реджи. — Напрягите извилины! Вы не имеете права отмочить такую штуку.

Тут на арену ступила Мейбл Спенс. Ее опрометчивые слова, вырвавшиеся в запале, накликали этот кошмар, и она была в ужасе от того, что натворила. Вытянувшееся лицо Амброза маячило перед ней немым укором. Про Адмиралтейство она мало что знала, но догадывалась, что для Амброза это был кусок хлеба насущного, и этот кусок хлеба он потерял по

ее милости.

— Реджи дело говорит, Айки. Ты не имеешь права.

— С чего ты взяла?

— Ты знаешь прекрасно: хоть контракт не подписан, у вас была устная договоренность.

— К лешему устные договоренности.

— И вообще, чего ты добиваешься? Ну какой тебе прок отпихивать мистера Теннисона? Положим, он не Шекспир, но для «Супербы» пишет нормально.

— Сильно сказано, девушка! — одобрил Реджи. — Амброз будет гордостью киностудии.

— Только не моей, — поправил президент кинокомпании. — Лично я его на порог не пущу.

— А что же ему делать?

— Это вопрос не ко мне. Меня это не касается.

— Возьми его хоть на испытательный срок.

— Не возьму.

— Вдруг он окажется прекрасной находкой.

— Не окажется.

Реджи загасил сигарету и потянулся за следующей. Лицо его было непроницаемо и сурово.

— Льюэлин, — сказал он, — ваше поведение беспрецедентно.

— Не встревай!

— Нет, Льюэлин, я буду встревать. Ваше поведение беспрецедентно. Вы беретесь руководить киностудией, а сами в этом деле ничего не понимаете.

— Вот оно как?

— Не перебивайте меня, Льюэлин. Повторяю: вы беретесь руководить киностудией, а сами в этом деле ничего не понимаете. Лезете из кожи вон, чтобы заполучить малого вроде Монти Бодкина, парня во многих отношениях замечательного, за исключением того, что на сцене он — полный профан, не способный сыграть даже уключину в «Пинафоре», [54] — и в то же самое время отвергаете таких восходящих светил литературы, как Амброз Теннисон. О собственной персоне распространяться не буду, позволю себе только заметить, что вам подвернулся уникальный шанс — заполучить редкого специалиста по английской жизни, но вы прошляпили удачу и собственноручно загнали себя в угол. Нисколько не удивлюсь, если вы снимаете драм, где

аскотские скачки^[55] происходят в разгар зимы, а дерби^[56] — поздней осенью на Пламстедских болотах. Вот в какой угол вы загнали себя, Льюэлин, — сказал Реджи. — И очень глупо, — добавил он, подводя итог.

— Правильно, — подхватила Мейбл. — А теперь, Айки, послушай меня.

Истинное величие генералов состоит в умении вовремя отступить. Один Реджи — это было еще туда-сюда. Одна Мейбл тоже его не запугала бы. Но Реджи в придачу с Мейбл — от такой комбинации дух его надломился. В постельном белье произошло нечто вроде землетрясения, из него выскочила фигура в развевающейся розовой пижаме, метнулась прочь — и в следующую секунду она была уже в ванной, запирала дверь на задвижку. Из крана хлынула вода, и стало понятно, что уши магната защищены от дальнейшего натиска.

Мейбл надрывалась изо всех сил, и Реджи от нее не отставал.

— Айки! — кричала она, барабанив в дверь ванной.

— Айки! — кричал Реджи, делая то же самое.

Они перестали стучать так же внезапно, как и начали. Было ясно как день, что противник окопался вне пределов досягаемости, и Реджи повернулся, собираясь принести соболезнования пострадавшему брату:

— Амброз, старина...

Голос его осекся. Амброза Теннисона не было среди присутствующих.

Глава XV

Ни Реджи Теннисон, ни Мейбл Спенс не заметили, как Амброз ушел, — до того они увлеклись выманиванием мистера Льюэлина из укрытия. Обстановка в каюте была далека от безмятежной.

В тот момент, когда романист решил, что пора уносить ноги, Альберт Пизмарч стоял, вальяжно привалясь к дверям и, припав большим красным ухом к деревянной панели, жадно ловил отзвуки драмы, разыгрывающейся в каюте. Двери на океанских лайнерах открываются внутрь, и когда неожиданно дверь каюты С-31 распахнулась, Альберт Пизмарч попал врасплох. Внезапно потеряв опору, он рухнул ничком, как труп из стенного шкафа в детективной пьесе и, налетев на Амброза, крепко сжал его в объятиях — точь-в-точь двое фланеров на парижском бульваре, признавших друг в друге старых однокашников.

Амброз с глухим рыком отшвырнул от себя Альберта, тот, жалобно пискнув, пролетел часть коридора и со всего маха шмякнулся об пол. Амброз поспешно удалился, Альберт поднялся, потирая нежную часть своего туловища чуть пониже короткой белой куртки.

И пока он стоял, приводя себя в порядок, из каюты появились Реджи и Мейбл и, подобно Амброзу, исчезли в конце коридора, из чего он заключил, что занавес опущен и представление окончено.

Боль постепенно стихла, и Альберт вновь обрел душевное равновесие. Он смекнул, что по счастливому стечению обстоятельств ему довелось услышать спектакль, представляющий широкий общественный интерес, и у него язык зачесался — до того потянуло поделиться впечатлениями об этом сенсационном происшествии.

Наиболее подходящим кандидатом на роль доверенного лица, безусловно, был Нобби Кларк — коллега и напарник по секции «С», — но, как назло, именно сейчас в их отношениях наметилась трещина. Не далее чем сегодня утром мистер Кларк обиделся на то, что Альберт играючи ткнул его локтем во время бритья, а когда тот попытался возвести вину на превратности Судьбы, Кларк еще больше обиделся и употребил выражение, которое глубоко ранило тонкие чувства Пизмарча, оставив в душе неприятный осадок.

Мысленно подыскивая замену, Альберт вспомнил, что забыл убрать поднос из каюты мисс Флокс.

— Сейчас в тридцать первой такой тарарам был, доложу я вам,

мисс, — сказал он приветливо, заходя в каюту несколько минут спустя. — Право, был удивлен. Возбужденные голоса. Повышенные тона. Я случайно оказался рядом. Иду по своим делам и вдруг — звонок...

Фуксия Флокс, уже при полном параде, сидела перед зеркалом и наносила на лицо те завершающие штрихи, которые добавляют изюминку. Ей очень хотелось выглядеть красивой, поскольку она спешила на палубу, где у нее было назначено свидание с Амброзом.

— Надеюсь, ваша повесть не бесконечна? — осведомилась она миролюбиво, но с некоторым нетерпением.

— Что вы, мисс. Впрочем, уверен, вам это будет весьма и весьма интересно. Дело-то касается мистера Амброза Теннисона, вашего жениха.

— Откуда вы знаете, что он мой жених?

— Боже правый, мисс, — сказал Альберт Пизмарч по-отечески, — кто ж на корабле об этом не знает! Что касается лично меня, то затрудняюсь ответить, кто меня проинформировал. Скорее всего, это был мой коллега Кларк, ему об этом сообщил один человек, встречавшийся с тем человеком, который однажды видел вас с мистером Теннисоном на прогулочной палубе.

— Ну и проныры вы, стюарды.

— Как правило, нам удается держать руку на пульсе событий, — Альберт сделал легкий поклон, принимая комплимент. — Я всегда говорил, мы на корабле почти как в средневековом замке — интересуемся, что делают наши сюзерены, поскольку, как я уже вам говорил, хотя, возможно, это были не вы, а кто-то другой, во время путешествия стюард ощущает себя вассалом. Нет, это был Кларк, почти наверняка. К сожалению, у меня нет возможности проверить мою гипотезу лично, после утреннего инцидента в каюте я не разговариваю с Нобби Кларком.

Мисс Флокс позавидовала этому баловню Судьбы.

— Везет же некоторым! — сказала она. — Так что было дальше? И, пожалуйста, поскорее. Мне пора убегать. Что с мистером Теннисоном?

— Он вызвал конфронтацию.

— Что?

— Это такой политический термин, — снисходительно пояснил Альберт Пизмарч, — проще говоря, тарарам. Из-за мистера Теннисона у мистера Льюэлина в комнате произошла катавасия.

— Мистер Льюэлин здесь тоже как-то замешан?

— Непосредственным образом, мисс.

— Так что же случилось? Неужели мистер Теннисон затеял с мистером Льюэлином ссору?

— Такая формулировка, мисс, искажает факты. Правильнее сказать, это не мистер Теннисон затеял с мистером Льюэлином ссору, а мистер Льюэлин — с мистером Теннисоном. Судя по всему, мистер Льюэлин обиделся на мистера Теннисона из-за того, что тот неправильный мистер Теннисон, что и высказал. Тогда мистер Теннисон-младший и мисс Спенс объединились...

— Как это — неправильный Теннисон?

— Не великий поэт. Не знаю, знакомы ли вы с творчеством мистера Теннисона, написавшего «Мальчика на горящей палубе».^[57]

У Фуксии глаза полезли на лоб.

— Вы хотите сказать, Айки подумал, что это Амброз и есть?

— Именно, мисс. Его ввел в заблуждение некий Джордж.

— Ну и лопух! Амброз, должно быть, посмеялся.

— Верно, мисс. Собственными ушами слышал.

— А вы в это время где были?

— Случайно проходил мимо...

— Понятно. Значит, Амброз смеялся.

— Да, мисс, так и заливался, и это не понравилось мистеру Льюэлину. Очень был расстроен, судя по голосу. Сказал, что раз мистеру Теннисону так весело, он его еще посмешит, и объявил, что поездка мистера Теннисона в Льюэлин-сити отменяется. А потом как рывкнет: «Ты уволен!»

— Что-о?

— Так и сказал, мисс. Слово в слово: «Ты уволен!» Последовала сильнейшая конфронтация: галдеж, вопли, и вдруг дверь как распахнется, как собьет меня с ног...

Альберт Пизмарч запнулся, обнаружив, что зрительный зал опустел. Мимо него пулей пронеслось нечто призматическое, и он остался в каюте один. Горестно рассудив, что ни разу еще не встречал женщину, обладающую умением слушать, он подхватил поднос с остатками завтрака, сунул в рот кусок остывшего бекона и удалился.

Выйдя на прогулочную палубу, Фуксия Флокс окунулась в смешанную атмосферу оцепенения и бурной активности, какая обычно царит на прогулочной палубе погожим утром. В шезлонгах, стоящих длинной шеренгой, возлежали, как рыбы на лотке, полуобморочные фигуры, замотанные в пледы, а перед их ослепленным взором туда и сюда, гордо поигрывая бицепсами, сновали атлеты, обмениваясь восклицаниями «Какое утро!» и уточняя, сколько километров намотали.

Там и сям толпились группки людей, не попавших ни в одну из категорий. Чересчур деятельные для бригады рыб и чересчур вялые для атлетов, они пилились в море, перегнувшись через перила, или просто топтались на месте, посматривая на часы и прикидывая в уме, долго ли до супа.

Амброза не было видно, зато наметанный глаз Фуксии сразу наткнулся на Реджи. Тот задумчиво стоял в стороне, зажав во рту одну из трофейных льюэлиновских сигарет, которыми он предусмотрительно набил себе портсигар. Несмотря на всю тягостность недавнего разбирательства, был в нем и светлый момент: Реджи пополнил свой запас.

— Послушай, — сказала Фуксия, без лишних предисловий, — что там у Айки с Амброзом?

Вынимая сигарету из рта, Реджи умудрился вложить в этот незамысловатый жест столько высокой печали, что у Фуксии сердце екнуло. Видно, зря она надеялась, что Пизмарч раздул из мухи слона.

— Скверная ситуация, — произнес он мрачно. — Он тебе рассказал?

— Нет, мне доложил наш доморощенный оратор, стюард. Видимо, он прятался за занавеской. Это правда, что Айки выгнал Амброза?

— Да.

— Но ведь был же контракт...

— Не было контракта.

— Как?

— Вот так. Судя по всему, его собирались подписать в Нью-Йорке.

— В таком случае, должно быть письмо или еще что-нибудь.

— Насколько я понял, нет ничего.

— Ты хочешь сказать, у Амброза нет ни единой бумажки?

— Ни клочка.

Это было настолько поразительно, что Фуксия на миг онемела. А затем рассвирепела как фурия.

— Какие же болваны, эти мужчины! Почему этот несмышлениш не посоветовался со мной? Я бы все ему объяснила. Это надо же, бросить все и отправиться в Голливуд, поверив на слово Айки Льюэлину! Слово Айки! Курам на смех! Если бы у Айки была единственная дочь, которой он пообещал куклу на день рождения, знаешь, что бы она сделала, будучи смышленным ребенком? Попросила бы адвоката оформить контракт, не забыв о штрафных санкциях. О Господи Боже мой! — сказала мисс Флокс, ибо была чрезвычайно возбуждена. — Знаешь, Реджи, чем это пахнет?

— Чем?

— Мы с Амброзом не сможем пожениться.

— Ерунда! — сказал Реджи. Медитации на палубе привели его к выводу, что положение хоть и скверное, но не настолько. — Допустим, Амброз оказался на бобах, бросил Адмиралтейство и всякое такое, но разве твоих заработков не хватит на двоих?

— Их хватит на дюжину. А что толку? Амброз не согласится быть иждивенцем. Он ни за что на мне не женится.

— Какая разница? Это все равно что брак с богатой наследницей.

— Амброз не женится на наследнице.

— Почему? — воскликнул Реджи, который, позволь это закон, с радостью расписался бы с дюжиной богатых невест. — Почему?

— Потому что он из породы тупоголовых ослов, — воскликнула мисс Флокс, и в жилах ее вскипела горячая кровь хобокенских Мерфи. — Потому что это вообще не человек. Он как актер на сцене — изображает благородство, одним глазом следит за партером, другим — за галеркой. Нет, что это я, он совсем не такой, — продолжала она, резко меняя тон, отчего измученные тяжким трудом режиссеры «Супербы» понуро побрели в столовую в надежде промочить горло замороженным солодовым молоком. — Я восхищаюсь его твердыми принципами. Жаль, перевелись на свете мужчины с такими представлениями о чести и достоинстве. Не смей говорить про Амброза дурное, слышишь? Это самый замечательный человек в мире. Ты можешь сколько угодно издеваться над тем, что он не желает жить за мой счет, но учти: за это легко схлопотать по уху.

— Да-да, — Реджи слегка опешил. — Совершенно согласен.

В наступившей тишине к ним подошла насморочная девица без подбородка и попросила мисс Флокс написать ей в альбом пару теплых слов. Та исполнила эту просьбу с видом дамы из Комитета общественного спасения, подписывающей смертный приговор.

Девица сбила ее с мысли. Снова оставшись с Реджи наедине, она бросила на него озадаченный взгляд, словно очнувшийся лунатик:

— Так о чем мы говорили? Реджи откашлялся.

— Об Амброзе. Я говорил, что Амброз показал себя молодцом, отказавшись на тебе жениться и жить за твой счет.

— Ты так сказал?

— Естественно, — Реджи постарался говорить как можно убедительнее. — Замечательный поступок. Дух захватывает.

— Да-да, — произнесла Фуксия. — Может, он и прав, мне что прикажешь делать?

— Это, конечно, вопрос.

— У меня на душе кошки скребут.

— Верю.

— Мы были такими счастливыми.

— Вы и теперь счастливые.

— Если хочешь знать мое мнение, — Фуксия внезапно очнулась от задумчивости, — то все-таки он чокнутый. Ему нужно проверить голову. Почему он будет жить за мой счет? Он ведь может писать книжки.

Реджи хоть и беспокоился о собственной безопасности, почувствовал, что его долг — сказать суровую правду о таланте Амброза.

— Милая моя, Амброз — потрясающий парень, принципиальный, образец чести и достоинства, но писатель он не самый лучший. Думаю, что его гонорара за роман едва ли хватит на то, чтобы неделю кормить пончиками лилипута. Причем не самого прожорливого.

— Он посредственность?

— Да, в литературе. Зато, — добавил Реджи с опаской, — в нем много чести и достоинства. И принципы будь здоров. Я всегда это говорил.

Фуксия устремила в океан взор, полный тоски.

— Что же делать? — спросила она.

— Да, закавыка, — согласился Реджи. — Разве что...

— Что?

— Ты лучше меня знаешь Льюэлина. Может, он из тех, кто в горячке наговорит лишнего, а потом раскаивается. Может, это он так? Короче, сколько шансов, что у него проснется совесть? Как, по-твоему, вдруг он все обдумает в спокойной обстановке, купаясь в ванне — он как раз туда собирался, когда я уходил, — и сердце его смягчится...

— У него нет сердца.

— Ясно.

— Я бы с радостью свернула ему шею.

— У него нет шеи.

Они снова умолкли, погружившись в горькие думы об Айворе Льюэлине. Казалось, этот тип абсолютно неуязвим.

— Тогда остается единственный выход, — сказал Реджи, — прибегнуть к давлению извне....

— Что-что?

— Правда, я не очень уверен, что из этого что-нибудь получится...

— Давай, не тяни. Что у тебя на уме?

— Я тут сейчас размышлял, и мне вдруг кое-что вспомнилось, а именно: этот Льюэлин, почему — никто не знает, одержим идеей снимать Монтис Бодкина.

— Какого Бодкина? Который у меня за стеной?

— Совершенно верно, только он уже не за стеной, а в тридцать шестой каюте.

Фуксия задумчиво потерла подбородок:

— Бодкин? Бодкин... Мне кажется, я знаю всю актерскую братию, от Бэби Лероя до последнего статиста, но о таком не слыхала.

— Он не артист. Но Льюэлин, кажется, во что бы то ни стало решил запечатлеть его в какой-нибудь роли. Мне про это сказал Амброз, а потом Мейбл Спенс подтвердила. Если Монти согласится, Льюэлин мигом подпишет контракт. По-видимому, дело тут в том, что ему вожжа под хвост попала.

Фуксия умела смотреть в корень.

— Пожалуй, я догадываюсь, в чем дело, — сообразила она. — С Айки такое бывает. У всех голливудских шишек случаются такие заскоки. Они начинают искать алмазы в мусорной куче. Это льстит их самолюбию.

— Монти, судя по всему, ему отказал. И я тут вот что подумал: если бы удалось его убедить, он мог бы выставить условия: мол, возьмете Амброза — подпишу контракт. Если я верно оцениваю ситуацию, Льюэлин ради Монти готов горы свернуть. Мне кажется, с ним надо провести беседу.

В глазах Фуксии вновь засияла надежда:

— Ты прав. Так в какой он каюте, говоришь?

— В тридцать шестой. Моей кухне Гертруде, с которой он крутит роман, очень не понравилось ваше соседство, и она переселила Монти в другое место.

— Она видит во мне угрозу?..

— Можно и так сказать.

— Верно. Братец Бодкин в последний раз именно на это намекал.

— Итак, решено. Я иду к Монти и пытаюсь его подбить на этот трюк.

Фуксия покачала головой:

— Только не ты. Я сама займусь этим делом. Мы с Бодкином теперь такие друзья! Уже дважды обменялись визитами и сумели отлично поладить, почти как братья Уорнеры.^[58] Как, по-твоему, он уже встал?

— Вряд ли.

— Тогда я иду прямо сейчас. Главное в таких вещах — женский подход.

Через несколько минут она, демонстрируя женский подход, энергично барабанила в дверь, а тем временем Монти, облачившись в купальный халат, в седьмой раз перечитывал записку Гертруды, которую он получил

вскоре после того, как Реджи отправился исполнять благотворительную миссию. В тридцать шестой каюте ванной не было, и Монти собирался пойти в душевую, расположенную в конце коридора. Но прежде, не в силах побороть искушение, он в очередной раз решил перечитать записку.

И чем дольше он читал, тем теплее становилось у него на душе. Вот это настоящий друг, думал он про себя. Выжать из Гертруды такое послание — наверняка пришлось давить на газ до упора. Буквально каждая строчка письма дышала любовью и раскаянием за подозрения, которые, как сейчас стало ясно автору, были абсолютно беспочвенными. Кончалась записка заверением, что, если Монти случайно окажется в библиотеке около двенадцати дня, он может рассчитывать на самый радушный прием.

Приводя себя в надлежащий вид, Монти тщательно выскоблил лицо, извлек из гардероба серый костюм в тонкую голубую полоску и теперь готовился принять душ. Единственным облачком, омрачающим его счастье, было воспоминание о галстук в розочку, который он одолжил Реджи. Этот галстук в сочетании с серым костюмом идеально подходил для знаменательного момента.

Было бы преувеличением сказать, что он обрадовался, увидев мисс Флокс. Но открытой угрозы не почувствовал. Он надеялся, что визит можно прервать в любой момент — прошмыгнуть мимо гостьи и спрятаться в ванной. Даже Фуксия с ее непревзойденным умением совать свой нос в чужие дела, рассудил он, будет затруднительно поддерживать непринужденную беседу с тем, кто заперся в ванной.

Потому его троекратный «привет» прозвучал искренне и сердечно — он знал, что стратегический путь к отступлению в полном порядке.

— Вы к кому? — учтиво осведомился он.

— К вам.

Мисс Флокс собиралась было что-то еще сказать, когда ее взгляд упал на Микки Мауса, сиявшего улыбкой, сидя на туалетном столике, и под действием мышиных чар она запнулась на полуслове, напрочь забыв о своей миссии. Ни одно существо на свете не находило такой отклик в ее душе, пробуждая в ней самые лучшие чувства.

— Какая прелесть....

Ей не хватило слов. Она стояла и умилялась, разинув рот. Похожую реакцию можно наблюдать у посетителей Лувра перед статуей Ники Самофракийской.

— Послушайте, отдайте его мне! — воскликнула она.

Монти не хотелось казаться излишне черствым, он сочувствовал ей от всего сердца. Было видно, что ей приглянулся Микки Маус, которого он и

сам теперь полюбил, получив от Гертруды записку. Однако он был тверд:

— Ни за что.

— Ну, пожалуйста.

— Весьма сожалению, но эта мышь принадлежит моей невесте.

— Гертруде — хи-хи — Баттервик? Монти похолодел.

— Очень вас попрошу, — изрек он ледяным тоном, — произносить имя моей невесты без дурацкого «хи-хи». Это неуместно, возмутительно и...

— Сколько вы за нее хотите?

— За кого? — переспросил Монти с досадой — кому понравится, что его перебивают в тот самый момент, когда он только-только добрался до сути своей обличительной речи.

— За мышь. Назовите ваши условия. Сколько? Монти решил, что с этим бредом пора кончать.

— Я уже уведомил вас, — сказал он, вворачивая глагол в стиле Альберта Пизмарча, — что мышь — это собственность моей невесты, мисс Гертруды Баттервик... не мисс Гертруды — хи-хи — Баттервик, а мисс Гертруды Баттервик, коротко и ясно. Хорош я буду, если стану раздавать или продавать ее Микки Мауса всем подряд, а тем более вам.

— Почему это мне «тем более»?

— Потому, — сказал Монти, чувствуя, что настал момент истины и ему выпадает уникальная возможность раз и навсегда очистить поле от этой пунцововолосой бестии, разрушающей его счастье, — что ваша привычка наведываться ко мне вроде привидения весьма тревожит Гертруду и действует ей на нервы. Несчастное дитя рвет и мечет, ибо всякий раз, проходя мимо моей каюты, она видит, как вы выскальзываете из-за двери. Она рвет и мечет, и я ее не виню. Не считите, пожалуйста, за грубость и не поймите меня превратно, но вы сами обязаны сознавать, что девушки не любят таких штучек. Если она увидит, что вы разгуливаете по кораблю с ее мышью, мои шансы повести ее к алтарю упадут до нуля. Так что выбросьте из головы пустые притязания. Микки Маус никогда не будет вашим.

Казалось, красноречие Монти произвело на мисс Флокс впечатление. Она изобразила покорность, и пока она изображала покорность, в памяти Монти внезапно всплыли слова, которые, ожидая своего часа, крутились у него на языке с тех самых пор, как Фуксия переступила порог. Только из-за того, что она, сорвавшись, заговорила о Микки Маусе, он не произнес их непосредственно при встрече:

— Чем обязан честью?

Точно человек, очнувшийся ото сна, Фуксия оторвала замороженный взгляд от мыши и слегка повела плечами, словно пытаясь выбросить ее образ из головы. Ей стало стыдно, что, пойдя на поводу у чувств, она отвлеклась от цели.

— Я пришла посоветаться.

— То есть?

— Посоветаться. У нас в Голливуде это вроде ритуала. Они там по любому случаю проводят совещания. Помнится, однажды я пыталась дозвониться до Айки, а его секретарша ни в какую: «Извините, мисс Флокс, — говорит, — мистер Льюэлин совещается». Так вот, раз уж мы затронули Айки, самое время перейти к сути. Я к вам по делу. Понимаете, к чему я клоню?

— Нет.

— Я пришла по тому же поводу, что и Амброз, — насчет работы в кино.

Монти было совсем не до улыбок. На время встречи он планировал сохранять предельную суровость, от начала и до конца выдерживая на лице такое выражение, которое мисс Флокс назвала бы «задний-план-замри», а сам он мысленно определил как «застывшая мина». Но при последних ее словах он не сумел подавить легкую самодовольную усмешку. Даже более чем усмешку. Его губы невольно раздвинулись, и он хмыкнул.

Несомненно, в этой настойчивости, словно хотел он сказать, есть что-то чрезвычайно лестное. Он мельком скосил глаза на зеркало, но оно не сообщило ничего такого, чего он не ведал прежде. Насколько он сумел разглядеть, там отражалось привычное бодкинское лицо. Хоть тресни, ни намек на скрытый шарм. И тем не менее Айвор Льюэлин, ежедневно встречающий сотни людей и даже не удостоаивающий их второго взгляда, не просто желает заполучить это лицо, но просто требует.

Монти Бодкин даже в какой-то мере заужал Айвора Льюэлина. Над киномагнатами принято посмеиваться, видя в них забавных комических персонажей, но чего у них не отнять, так это чутья. Они чуют истину.

— О! А! Ну да, — сказал Монти.

— Ну, так что скажете?

— Вы имеете в виду, подпишу ли я контракт?

— Да.

— Ни за что.

— Почему?

— Не могу.

Фуксия выбросила вперед страждущую руку. Ее намерение вцепиться

в отворот халата и кокетливо его покрутить было настолько прозрачно, что Монти отшатнулся. Девушки и прежде пытались крутить отвороты его одежды, но тщетно.

— Не могу, и все, — повторил он.

— Почему? Может, есть на свете вещи, до которых Бодкины не снизойдут? Слышали такую историю: гуляет мамаша с ребенком, вдруг откуда ни возьмись какие-то субъекты в гриме. Малыш тыкает пальцем и говорит: «Смотри, мама, актеры!» А мама в ответ: «Тише, милый, всякое в жизни бывает».

— Нет, дело не в том.

— А в чем?

— Я не умею играть. Просто как чурбан.

— С вами это раньше бывало?

— Да, но не до такой степени.

— Вы когда-нибудь выступали перед публикой?

— Только однажды, в пять лет, в младшей группе детского сада. Представлял я дух просвещения. Помнится, на мне была белая хламида, а в руке — факел. Выходил на сцену и произносил: «Я дух просвещения». На самом деле вышло не совсем то, роль я забыл, но режиссерский замысел таков.

От этой автобиографической детали Фуксия слегка приуныла.

— И после этого вы не выступали?

— Нет.

— Это весь ваш сценический багаж?

— Ага.

— М-да, — задумчиво протянула мисс Флокс — Честно говоря, те люди, которых я знаю, пробились на киноэкран, имея более солидный трудовой стаж. Например, Джордж Арлисс.^[59] Впрочем, в кино своя специфика. Главное там — быть фотогеничным и попасть к удачному оператору и режиссеру. Я тоже не Сара Бернар.^[60] До Голливуда работала в мюзик-холле.

— В мюзик-холле?

— Ну да. Пела в хоре, пока не обнаружилось, откуда доносится шум. Затем приехала в Голливуд, с меня там сняли фотопробы, и оказалось, что я в самый раз. Может, и у вас выйдет что-нибудь в этом роде. Попытка не пытка. Вам наверняка понравится Голливуд. Он всем нравится. Кругом — холмы до горизонта, вечно купаешься в солнечных лучах. Откровенно говоря, чем-то таким он забирает душу. То есть жизнь там бьет ключом.

Малибу, Каталина, Аква Калиенте.^[61] Все время кто-нибудь разводится, если не вы сами, то кто-то из друзей, так что есть о чем посудачить длинными вечерами. И это далеко не такой уж сумасшедший дом, каким его принято изображать. Я лично знаю двух-трех человек отчасти вполне нормальных.

— У меня такое чувство, что мне там будет хорошо.

— Так вперед, мой дорогой, туда, куда манит судьба. Возможно, вас поджидает грандиозный успех. Как знать! На Олимпе полно свободных мест. А не достигнете вершин — можно отсиживаться внизу и придумывать разные отговорки. Да, еще деньги. Вы их любите?

— Люблю.

— Я тоже, будь они неладны. Правда, великолепная штука? Нравится слушать шелест купюр? Знаете, свои сбережения я храню в чулке, совсем как в старые добрые времена. Каждую неделю подкладываю тридцатку. Это создает ощущение уюта. В настоящий момент у меня в чулке шесть пятаков. Глядите, если не верите, — сказала мисс Флокс и принялась оголять стройную ногу.

Это лирическое отступление Монти хотелось пресечь в корне. Уже и то нескромно, думал он, если месяц на девушку засмотрится в окно.^[62] С лихорадочной поспешностью он заверил собеседницу, что верит ей на слово.

— Ну ладно, вернемся к прежней теме: если вы любите деньги...

— Видите ли, мне их и так девать некуда.

— В самом деле?

— Ага. Сотни тысяч. Фуксия Флокс поникла.

— А, — произнесла она разочарованно. — Тогда дело другое. У вас и так все есть. Я не знала. Знала только, что вы друг Реджи. Я думала, все молодые и знаменитые лондонские денди сидят на бобах, как он. Но если вы из миллионеров, тогда ясно, почему Голливуд у вас не вызывает большого энтузиазма. Местечко довольно симпатичное, но если бы мне подарили Монетный двор Соединенных Штатов, я бы, пожалуй, и сама там не торчала. Нокаут, шеф. Сдаюсь.

— Мне очень жаль.

— А мне-то как жаль! Я ведь надеялась, что вы сумеете повернуть для Амброза одно дельце.

— Какое дельце?

— Бедняга Амброз попал в переплет. У него сорвался контракт с Льюэлином.

— Господи! Быть не может.

— Увы, может. Айки прознал, что это не он написал про мальчика на пылающей палубе.

— А почему он должен это писать? — спросил заинтригованный Монти.

— Потому что Айки считал, что нанимает того самого Теннисона — ну, того, знаменитого.

— Это не он написал про мальчика.

— А кто?

— Вы имеете в виду того Теннисона, которого мы в школе переводили на латынь?

— Не знаю, кого и на что вы переводили в школе, но совершенно ясно, что не Амброза, и у Айки по этому поводу имеются претензии.

— «На пылающей палубе мальчик стоял» написал Шекспир.

— Ничего подобного. Теннисон. Вообще-то не всели равно? Суть в том, что Теннисон бывает правильный и неправильный, и Амброз оказался неправильным. На этом основании Айки расторгает контракт, и полторы тысячи в неделю — тью-тью.

— Ничего себе! У меня нет слов.

— У меня тоже. И я надеялась, что вы будете паинькой и поступите к Айки актером. Тогда можно было бы выдвинуть ультиматум, мол, пойду на работу, но только вместе с Амброзом. Почему бы вам все-таки не попробовать? Капиталы — не помеха. В Голливуде вам будет весело.

Монти вздрогнул:

— Я скорее умру от голода, чем буду играть в кино. При одной мысли я трясусь как лист.

— У меня на вас аллергия...

Последнее замечание было обращено к Альберту Пизмарчу, который только что вошел. Одной из притягательных сторон путешествия на борту «Атлантика» было круглосуточное общество Альберта Пизмарча в неограниченных количествах.

— Я принес мистеру Бодкину губку, мисс, нечаянно забытую в каюте, из которой он выехал вчера вечером, — произнес стюард. — Не правда ли, вы хватились губки, сэр?

— Спасибо. Да, я заметил, что она куда-то запропастилась.

— Слушайте, приятель, — сказала мисс Флокс, — не вы ли говорили, что про мальчика на пылающей палубе написал Теннисон?

— Совершенно верно, мисс.

— Мистер Бодкин утверждает, что это не так. Альберт Пизмарч

снисходительно улыбнулся:

— Насколько я заключил по галстукам в шкафу, мистер Бодкин оканчивал Итон, отсюда и пробелы по части литературы. Как вам, вероятно, известно, Итон входит в систему так называемых престижных школ, а эти учебные заведения в Англии, — сказал Альберт, воодушевляясь, ибо тема давала ему немало пищи для рассуждений, — далеко не соответствуют образовательным стандартам. Им не хватает практицизма и творческого полета. Если хотите знать мое мнение, то маленьких оболтусов там ничему не учат. Сама суть образования в Англии с его косностью и упором на...

— Спасибо, достаточно.

— Простите, мисс?

— Достаточно.

— Хорошо, мисс, — сказал Альберт Пизмарч обиженно, но по-прежнему боевито.

— Знаете что, — сказала Фуксия, поворачиваясь к Монти как человек, которому удалось заткнуть рот канарейке, — не хотите идти к Айки, дело ваше, но ведь можно и так: сделайте вид, что согласны, лишь бы взял Амброза обратно. Примите душ, а потом сходите к нему, поговорите.

У Альберта Пизмарча было что сказать по этому поводу.

— Я бы воздержался, сэр, — ласково, но строго посоветовал он. — В текущий момент я бы никому не советовал наносить мистеру Льюэлину визиты.

— Не советовали бы?

— Именно, сэр. Чтобы не попасть под горячую руку. Позвольте поделиться собственным опытом, сэр. Не так давно я был у мистера Льюэлина и чисто случайно, забывшись, напел несколько нот из «Свадебной песни пахаря»...

— Гм...

— Это номер, с которым я выступаю сегодня вечером на концерте для пассажиров второго класса, — пояснил Альберт. — Зачастую во время путешествий программу не удастся вытянуть силами одних любительских талантов, и тогда старший стюард обращается к Джимми Первому с просьбой поручить кому-нибудь из стюардов подготовить номер. Как правило, выбор падает на меня и мою «Свадебную песню пахаря», неизменно пользующуюся успехом среди всех присутствующих на борту. Итак, занятый мыслями о «Свадебной песне пахаря», с которой надо бы еще поработать перед концертом для пассажиров второго класса, я, как выражаются французы, позволил себе отрешиться и нечаянно пропел одно

место: «дин-дон, дин-дон, дин-дон, спешу, заслышав звон», убирая поднос с завтраком из каюты мистера Льюэлина. Сэр, он развернулся ко мне, как тигр из джунглей. Аки лев рыкающий, если можно так выразиться. Нет, в обозримом будущем лично я никому не советую вступать с мистером Льюэлином в какого-либо рода взаимоотношения.

— Слышали? — спросил Монти, очень довольный. Мисс Флокс смирила стюарда испепеляющим взглядом.

— Вы явились специально, чтобы лезть не в свое дело? Альберт Пизмарч собрал все чувства в кулак, как ранимый вассал, которого незаслуженно отчитала хозяйка замка.

— Я всего-навсего порекомендовал мистеру Бодкину подождать, пока мистер Льюэлин немного остынет...

— Сто тысяч чертей...

— Видите, — сказал Монти, — Раз он в таком состоянии, какой смысл вести с ним переговоры? На что я могу рассчитывать? Поэтому наш план теряет смысл, а сейчас, уж извините, я быстренько приму душ. У меня важное свидание в библиотеке.

Когда человек с чувствительным сердцем взбудоражен сценой, которую устроила ему представительница противоположного пола, мало вещей на свете так стремительно восстанавливают его дух, как погружение в ледяную морскую воду. Тщательно заперев дверь на задвижку, ибо всякое бывает, Монти блаженствовал в ванной. Надо сказать, залезая туда, он пронзительно вскрикнул, почувствовав, как ледяная вода обожгла спину, но вскоре приободрился и повеселел. Он шумно плескался и распевал во весь голос — быть может, отдавая дань Альберту Пизмарчу, — отрывки из «Свадебной песни пахаря», которые он помнил.

Не то чтобы он был черствым. Пожалуй, ни один человек на свете так не сочувствовал бедняге Амброзу. Какая чудовищная подлость, говорил он себе, что дело его вошло в неуправляемый штопор. Но, вспоминая о содержимом записки, полученной от Гертруды, и мысленно себе представляя, что еще пару минут — и он будет в библиотеке заглядывать ей в глаза, он чувствовал себя счастливым.

Не без опаски вернулся он к себе в каюту. На счастье, мисс Флокс уже убралась. Единственный, кого он там застал, был Альберт Пизмарч — стюард просматривал газету со сводкой последних известий, которую по утрам доставляли пассажирам океанских лайнеров.

— Слыхали? — сказал он, вежливо приподнимаясь при виде входящего Монти. — В Лондоне произошла утечка газа, сэр, четверо

погибших.

— Да? — сказал Монти, доставая из шкафа брюки и весело их натягивая.

Он чувствовал, что нехорошо проявлять равнодушие к судьбе незадачливой четверки, но просто не мог состроить скорбную мину. Он был молод, светило солнце, а в полдень в библиотеке — встреча с Гертрудой. Погибни в Лондоне хоть четыре сотни, и это бы не испортило ему утро.

— А вот еще. Прилично одетая женщина по рассеянности родила здорового ребенка в чикагском трамвае. Вернее, забыла, — поправился Альберт Пизмарч после более пристального изучения заметки. — Тоже странно, если хорошо подумать, сэр. И весьма симптоматично.

— Ага, — поддакнул Монти, одевая единственную на свете выходную рубашку, достойную грядущего свидания в библиотеке.

— Дело в том, сэр, что у женщин не так устроена голова, как у мужчин. Думаю, это связано со структурой костей.

— Ваша правда, — согласился Монти. Он поправил галстук, придирчиво осмотрел себя в зеркале и легко вздохнул. Недурственный галстук. Можно даже сказать, высший класс. И все-таки далеко не такой, как сизоватый в розочку.

— Возьмем, к примеру, мою матушку, — продолжил Альберт Пизмарч, и в голосе его прозвучала нотка нежного укора, который здравомыслящий мужчина испытывает, созерцая недостатки противоположного пола. — Постоянно все теряет и забывает. Буквально каждые пять минут теряет очки. В каких только экзотических местах я их не находил в детстве! Она даже на айсберге умудрилась бы их потерять.

— Кто?..

— Моя мать, сэр.

— На айсберге?

— Да, сэр.

— Ваша мать бывала на айсберге?

Альберт Пизмарч убедился, что не полностью завладел вниманием сюзерена.

— Моя мать в жизни не бывала на айсберге, сэр. Я просто сказал, что она куда-нибудь засунет очки даже на айсберге. Такова женская природа — из-за структуры черепа. Как я говорил, они постоянно все теряют и забывают.

— Пожалуй, вы правы.

— Я знаю, что прав, сэр. К примеру, юная леди, которая недавно была

здесь, ваша мисс Флокс...

— Попрошу вас не называть ее *моей* мисс Флокс.

— Да, сэр. Хорошо, сэр. Я только хотел сказать, что она прошла полкоридора и даже не вспомнила про свою игрушку. Пришлось бежать ей вслед. «Эй, мисс, — говорю я, — вы не забрали мышь». А она в ответ: «Ах, стюард, верно, спасибо большое». Что с вами, сэр?

Монти не проронил ни слова. Единственное, что сорвалось с его губ, это вой вроде звериного. Вытаращив глаза, он обшаривал взглядом туалетный столик в тщетной надежде, что ослышался.

Но ошибки быть не могло. Его не приветствовала широкая дружеская улыбка. На туалетном столике было пусто. Микки Маус исчез.

Глава XVI

Опершись рукой о туалетный столик, чтобы не упасть, Монти впился глазами в Альберта Пизмарча. Нижняя челюсть у него отвисла, лицо побледнело, приобретя окраску рыбьего брюха. Его действия вызвали у стюарда смутные подозрения. Такое лицо он не раз наблюдал у пассажиров, но не при полном штиле. Насколько позволяли судить внешние симптомы, Монти вполне мог оказаться жертвой утечки газа, которая произошла в Лондоне. Такой же человек, поникший, удрученный, с безжизненным и тусклым взором, «во тьме ночной отдернул полог ложа царя Приама, чтоб ему поведать, что в пламени пол-Трои»^[63] — или что-то в этом роде, как показалось Альберту Пизмарчу.

— Прощу прощения, сэр? — изумился он.

Монти лишился языка. Последние несколько секунд в горле у него что-то слабо булькало, и стюарду вспомнилась кошка его матери, которая, болея, точно так же булькала горлом.

— Вы, бульк-бульк?

— Извините, сэр?

— Вы, бульк-бульк?

— Совершенно верно, сэр. Я вернул мышь молодой даме.

Долгий безмолвный взгляд пробуравил Альберта Пизмарча подобно смертоносному лучу. Затем Монти, словно в припадке родимчика, содрогнулся от галстука до носков, и на миг показалось, что вот-вот из него, как раскаленная лава, хлынет поток слов. Но чувства его так и остались невысказанными. Словарный запас Монти был не так уж богат, и он никак не мог подобрать выражения, чтобы адекватно выразить то, что внушал ему Альберт Пизмарч. Возможно, эта задача была бы по плечу Шекспиру. Или Рабле. Но никак не Монти. Из всех существительных и прилагательных, которые он мысленно перебирал в голове, не было ни одного, которое бы он не забраковал как маловыразительное или неточное. Он был не в том настроении, чтобы довольствоваться малым, и потому хранил молчание. Молча он накинул пиджак, пригладил волосы щеткой и поплелся к дверям под недоуменным взглядом своего компаньона.

Бредя по коридору на подкашивающихся ногах, он размышлял об Альберте Пизмарче и о той серьезной социальной проблеме, которую представляют собой подобные личности. Их нельзя убить. Нельзя даже заключить их в специальный приют и запереть на замок. Однако,

предоставленные сами себе, они спуют по белу свету и подобно гангрене подтачивают государственные устои. Он мысленно нарисовал себе мир в виде огромного супового котла, на краю которого с трудом балансировали приличные люди вроде него, постоянно пихаемые внутрь Альбертами Пизмарчами.

А в конце плавания, заметьте, этому типу еще придется давать чаевые.

Погруженный в горькие раздумья, он налетел на Реджи Теннисона.

— А, это ты, — сказал Реджи.

Монти мог бы возразить, что перед ним уже не Бодкин, поскольку после того, что с ним сотворил Альберт Пизмарч, от прежнего Бодкина осталась одна кожара или шелуха. Но он не был расположен к метафизическому полету фантазии, и согласился, что это он.

— А я как раз иду к тебе.

— Да?

— Хотел справиться, уговорила ли тебя Фуксия насчет Голливуда.

Видел ее?

— Видел.

— И как, уговорила?

— Нет.

Реджи кивнул:

— Так я и думал. В этой голливудской приманке все-таки есть что-то сомнительное. Я бы все отдал, лишь бы попасть на киностудию. Амброз — то же самое. А перед тобой все ползают на коленях, умоляют попробовать себя в новом качестве, а ты нос воротишь. Ирония судьбы. Но такова реальность. Ты уже виделся с Гертурдой?

— Еще нет.

— Я уладил твое дельце.

— Знаю. Получил от нее записку.

— Теперь все в полном порядке.

— О, да.

Реджи взяла легкая досада. Другой человек сказал бы себе: к чему слова благодарности, он просто рад был помочь, но все-таки хотелось, чтобы его добрые дела сыскали хоть толику признательности.

— Не видно, чтобы ты сиял как медный пятак, — заметил он.

— Реджи, — сказал Монти, — случилось непоправимое. Фуксия унесла мышь Гертруды.

— Мышь?

— Ну да.

— Белую мышь?

— Микки Мауса. Помнишь Микки Мауса, которого я подарил ей, а она вернула назад...

— Ах, вот оно что! — Реджи покачал головой. — Старик, ты совершенно напрасно отдал Фуксии Гертрудину мышь.

Монти возвел глаза к потолку, словно умоляя небеса удержать его от крайностей.

— Я не отдавал!

— Но она у нее.

— Верно.

— Расскажи по-человечески, — попросил Реджи. — Пока звучит как-то сумбурно.

Но и в полном виде повествование не внушало оптимизма. Реджи показалось, что его друг здорово влип. Он так и сказал.

— Самое лучшее — изъять мышь у Фуксии, — предложил он.

— Совершенно верно, — одобрил Монти. Независимо от друга он пришел к такому же выводу.

— Если Гертруда увидит у нее мышь...

— Ага, — поддакнул Монти.

— Она...

— Ага, — поддакнул Монти.

От нетерпения Реджи прицокнул языком:

— Ты должен действовать, приятель, а не быть мокрой курицей. Я бы на твоём месте незамедлительно установил с ней связь.

— Но у меня свидание с Гертрудой в библиотеке.

— М-да, с тобой каши не сваришь. Кстати, что ты скажешь Гертруде, если она спросит про мышь?

— Не знаю...

— А кто должен знать? Слушай. Ты скажешь ей вот что. Нет, — сказал Реджи, поразмыслив минутку, — не пойдет. А если так? Нет, тоже не пойдет. Вот что, найди какое-нибудь укромное местечко и придумай что-нибудь вразумительное.

Дав этот дельный совет, Реджи Теннисон удалился. Вдруг ему вспомнилось, что, захлопотавшись, он так и не сыграл с Мейбл в шашки.

А Монти поплелся в библиотеку.

В библиотеке было пусто. Гертруда еще не пришла на randevu, а даже самые стойкие затворники — дамы с вязанием и сочинители посланий на открытках — дрогнули и постыдно выползли на воздух понежиться на солнышке. Плюхнувшись в мягкое кресло, Монти стиснул голову руками, приводя мысли в порядок, и, собрав волю в кулак, стал сосредоточенно

обдумывать план действия.

Мышь... Каким образом ее заполучить?

Задача была непростой. Это самоочевидно. Если Монти когда-либо доводилось видеть любовь с первого взгляда, так это тогда, когда Фуксия Флокс появилась у него на пороге и взгляд ее упал на мышь. Ошибки быть не могло, в ней вспыхнула страсть. Теперь, когда мышь послала ей сама Фортуна при содействии своего баловня Альберта, — сможет ли она с ней расстаться?

Монти боялся, что нет. Всем своим поведением она напоминала девушку, из когтей которой вырвать мышь весьма и весьма затруднительно, раз уж она прикипела к ней всем сердцем. Единственное...

Да, такой вариант вполне реален. Говорят, у женщин есть совесть, у матери на коленях или где-то еще их обучают основам этики. Если с ней поговорить по душам и заострить ее внимание на том, что, принимая Микки Мауса из рук Альберта Пизмарча, которого, как она прекрасно сознавала, никто не уполномочивал делать такие подарки, она совершила нечто граничащее с серьезной кражей, быть может, она согласится вернуть вещь, полученную в обход закона. Конечно, многое зависит от того, насколько жизнь в Голливуде повлияла на восприятие добра и зла. Если сильно, то все потеряно. Если не так уж сильно, призыв к лучшим чувствам наверняка...

Но тут рядом с ним раздался голос, прервав его размышления в тот самый момент, когда мысли стали обретать некие контуры.

— Привет, Монти.

Он рассеянно поднял глаза.

— Привет, — поздоровался он.

Если бы Монти Бодкину кто-то сказал (скажем, утром во время бритья), что солнце не успеет закатиться, как он не обрадуется Гертруде Баттервик, он бы подумал, что говорящий по своим умственным способностям принадлежит к той же категории, что и Альберт Пизмарч. Однако сейчас, заглянув Гертруде в глаза, он не почувствовал душевного трепета. При нынешних обстоятельствах она скорее была препятствием, выросшим между ним самим и стоящей перед ним задачей — взять Фуксию на бордаж и выцарапать мышь у нее из глотки. Ему хотелось еще подумать и совсем не хотелось разговаривать, пусть даже с самой божественной представительницей прекрасного пола.

Гертруда смотрела нежно. Муки совести сделали ее податливой, как пластилин. Даже ребенок мог бы сейчас увести у нее из-под носа хоккейный мяч.

— Какое прекрасное утро!

— Угу.

— Ты получил записку?

— Угу.

В сияющих глазах Гертруды мелькнула тень беспокойства. Единение двух сердец представлялось ей как-то иначе — в смете не предусматривался Монти апатичный, Монти хмурый, Монти, который выглядел так, словно умелый чучельник набил его опилками. Она ожидала увидеть нечто искрометное, журчащее и слегка подпрыгивающее от счастья. А что если, — спрашивала она себя, — он ее не простил?

— Монти, — произнесла она неуверенно, — ты на меня не сердишься?

— Я?

— У тебя вид какой-то странный.

Монти спустился с облаков. Он взял себя в руки. Разум ему подсказал, что драгоценное время уходит в песок. Что бы там ни было впереди, надо жить настоящим.

— Извини ради Бога, — сказал он. — Задумался. Знаешь, как оно бывает. Созерцательное настроение.

— Ты не сердишься на меня?

— Нет.

— А выглядишь так, словно сердишься.

— Ну что ты, ни капельки не сержусь.

— Я боялась, ты будешь сердиться, ведь я Бог знает что про тебя навоображала. Простишь ты меня, милый?

— За что?

— Я сваляла такую дурочку.

— Да что ты, что ты!

— Я рада, что ты не злишься.

— Ни чуточки.

— Монти!

— Гертруда!

Если бы в окрестностях затаился репортер с блокнотом, в следующие несколько минут он не услышал бы ничего достойного лечь под перо. Занятые в сцене персонажи, казалось, ощутили, что ситуация зовет к действию, а не к диалогу. Но затем, когда миновал первый накал страстей, Монти потуже затянул галстук, а Гертруда пригладила волосы, и беседа возобновилась.

Начала ее Гертруда, заговорив о Реджинальде Теннисоне и выдвинув

мнение, что с него надо шкуру содрать. Причем, как она уточнила, живьем. И еще — добавила она — обмакнуть его в кипящее масло, ибо она считает, что ради одной овцы можно потерять все стадо. ^[64]

Монти испытывал жестокие муки. Ему было обидно за Друга. Хотя Реджи по легкомыслию и заявил, что мнение Гертруды для него пустой звук, все же он не заслуживал таких наказаний. Ему лично разглагольствования о сдирании кожи и обмакивании в кипящее масло представлялись неэффективными, о чем тут говорить!

— С Реджи все в порядке, — обронил он двусмысленно.

— В порядке? — Голос Гертруды прозвучал так, точно ее поразил гром. — После того, что он сотворил?

— А-а-а, ну да.

— Что значит «а-а-а, ну да»?

— Я хотел сказать, си женес савэ, ^[65] — сказал Монти, в очередной раз прибегая к репертуару Альберта Пизмарча, не защищенному авторскими правами. — То есть, он, конечно, осел, но ничего не попишешь, молодая кровь, если ты меня понимаешь.

— Разумеется, не понимаю. Не вижу для него ни малейших оправданий. Ведь он мог нам жизнь разрушить! И откуда берутся такие идиоты? Знаешь, поначалу, когда он явился и сказал, что эта гадость на стене — его рук дело, я ему не поверила. Джейн Пассенджер убеждена, что это женских рук дело.

Монти провел пальцем по воротнику. Идеально скроенный и пошитый по его меркам в лучшем лондонском ателье, сейчас он сдавливал ему горло.

— Поменьше слушай свою Джейн.

— Я и сама думала, что почерк женский. А потом кое-что" вспомнила.

— Хм...

— Когда мы с Реджи были детьми, он иногда писал на стенах. Ну, скажем...

— Все ясно, — поторопился заверить ее Монти. — Я уловил твою мысль.

— Скажем: «Смерть Бленкинсону».

Монти заморгал:

— Кому-кому?

— У нас служил дворецкий по фамилии Бленкинсоп. Однажды он нажаловался отцу, что Реджи таскает варенье, и тогда отец выпорол Реджи, а Реджи вышел на улицу и написал на всех стенах белым мелом: «Смерть

Гарольду Бленкинсопу». Бленкинсоп очень расстроился. Он сказал, это роняет его авторитет среди слуг, тем более, он от них скрывал, что его зовут Гарольд. И вот, припомнив этот случай, я поняла, что Реджи сказал утром правду.

Монти захлестнула волна благодарности к Г. Бленкинсопу, и он про себя пожелал ему доброго здоровья, в какой бы тихой гавани тот ни коротал остаток дней своих. Что же до достойной всяческого восхищения принципиальности, с которой этот честнейший дворецкий отнесся к краже варенья...

— По правде говоря, мне иногда кажется, — Гертруда сменила гнев на милость, — что у него не все дома. Впрочем, что мы все о Реджи да о Реджи? У меня осталась всего минутка, Джейн перед ланчем собирает нашу команду в спортивном зале. Вчера за ужином Анджела Проссер, наш левый полусредний, прямо у нее на глазах съела три порции пудинга, и Джейн опасается, что мы потеряем спортивную форму. Между прочим, когда ты отдашь мне мышку?

Наверно, бывают в жизни мгновения, когда Дамокл забывает про нависший над ним меч. По всей очевидности, в предыдущие несколько минут мысль о грозящей ему опасности начисто выветрилась у Монти из головы. Теперь угроза вновь предстала перед ним в полный рост, и он содрогнулся от носа до кормы, как корабль, борющийся со штормом.

— Мормышку? — спросил он упавшим, надтреснутым голосом.

— Моего Микки. Можешь принести его прямо сейчас? А то как-то не верится, что мы помирились.

— О-о-о, а-а-а, — проямлил Монти. — О-о-о, а-а-а. Ладно.

— Так ступай, — сказала она.

— Сначала я тебе кое-что расскажу, — проговорил он.

Затем, уже во второй раз за последние четыре дня, его посетило вдохновение, тем самым уравнив его с другими представителями класса Бодкинов. Ближайший его соперник, сэр Хилари Бодкин, современник королевы Анны, согласно семейному преданию, передаваемому из уст в уста от отца к сыну, высказал дельную мысль перед битвой при Бленхейме^[66] и еще одну, следующей весной.

— Значит, так, — начал он. — Ты уж прости, но дело в том, что в настоящий момент мышь, так сказать, выбыла из строя.

— Потерялась?

— Нет, не потерялась. Дело в том, что, когда ты ее прислала назад, я несколько вышел из себя, принялся пинать ее ногами... футболить из угла в угол... в общем, у нее оторвалась нога.

— Давай я пришью.

— Ее уже пришивают. Стюардесса. Страшная копуша. Просто феноменальная копуша. Сомневаюсь, чтомышь вновь поступит в обращение в ближайшем будущем... в самом ближайшем будущем... В общем...

— Ничего страшного. Главное, ты знаешь, у кого она.

— Да, знаю, — ответил Монти.

Без особого рвения Гертруда отправилась туда, куда звал ее долг, — делать наклоны и шпагаты вместе с остальными членами всеанглийской хоккейной сборной, а Монти неподвижно замер в кресле, если не считать периодических приступов, напоминающих пляску святого Витта.

Так он сидел минут двадцать, а затем вдруг подскочил, как юный факир с чувствительной кожей, впервые прилегший на ложе, утыканное шипами. Он вдруг осознал, что попусту разбазаривает драгоценное время. Сейчас каждая минута на счету. Необходимо незамедлительно переговорить с Фуксией, малейшее промедление смерти подобно. Он вылетел из комнаты и принялся искать ее, наведываясь в наиболее вероятные места. Десять минут спустя он обнаружил ее на шлюпочной палубе. Она играла в кольца с корабельным врачом.

Отвратительная манера у некоторых корабельных врачей — заграбастывать самую красивую девушку на борту и уводить ее играть в кольца или настольный теннис. Это тревожное явление портит удовольствие от путешествия по океану и понуждает многих молодых людей закусывать нижнюю губу и хмурить брови. Но мало на свете найдется молодых людей, которые бы закусывали губу и хмурились с такой озлобленностью, как сейчас Монти. Он переминался с ноги на ногу, и, по мере того, как утекали минуты, в нем нарастала неприязнь к ветрогону-кольцеметателю, не дающему девушке с ним посоветаться.

Этот тип мог подыскать себе тысячу полезных занятий: проверять у людей языки, вырезать аппендиксы, разливать по бутылкам микстуру или хотя бы просто сидеть в своем кабинете, уткнувшись носом в справочник, и освежать в памяти медицинские знания. Вместо того он торчал здесь и, улыбаясь до ушей всем своим жирным лицом, попеременно с фуксией набрасывал кольца на колышки.

Хорошенькое дельце, подумал Монти с вполне законной горечью.

Единственный способ, который напрашивался сам собой, — быстренько пройти мимо них, сделав многозначительное лицо и покашляв в кулак, а потом еще раз в обратном направлении, опять сделав многозначительное лицо и опять покашляв. И он прокурсировал туда и

обратно, вероятно, раз пять-шесть, пока, наконец, не заметил, что средство начало действовать. На середине седьмой пробежки он увидел, что Фуксия слегка встрепелась, как будто от удивления. После восьмой она явно заколебалась. А когда он развернулся, чтобы пойти на девятый круг, она уставилась на него с нескрываемым интересом.

То же самое произошло с доктором. С кольцом в руке, он устремил на Монти пристальный взгляд, и наблюдатель, окажись таковой неподалеку, прочитал бы в его глазах профессиональное любопытство. Доктор быстро реагировал на остро выраженные симптомы, которые проявлялись у пассажиров, вверенных его опеке, и сейчас ему почудилось, что молодой человек демонстрирует характерные признаки параноидального диатеза.

Затем, когда, казалось, еще немного, и он составит историю болезни, со стороны спортивного зала подошла Гертруда Баттервик. Лицо ее разбурчалось после комплекса оздоровительных упражнений.

— Монти, — окликнула она, и Монти завертелся на месте, как будто в него вставили волчок. У него напрочь вылетело из головы, что спортивный зал расположен на шлюпочной палубе.

— А привет, дорогая, — сказал он. — Уже позанималась?

— Что значит «уже»? — удивилась Гертруда. — Скоро ланч. Пойдем пройдемся. Мне нужно тебе кое-что сказать.

Окатив мисс Флокс холодным взглядом, она повела его прочь, вниз по лестнице на прогулочную палубу.

— Монти, — сказала Гертруда.

— Чего?

Казалось, она пребывает в нерешительности:

— Монти, можно тебя кое о чем попросить? Ты не подумаешь, что я жуткая идиотка?

— Да нет.

— Но ведь ты не знаешь, о чем я хочу попросить. Можешь кое-что мне пообещать?

— Все, что твоей душе угодно.

— В общем, это насчет Фуксии. О, я знаю, — добавила Гертруда, видя, что Монти воздевает руки к небу, — между вами ничего нет. Но, Монти, миленький, можешь дать мне слово, что не будешь с ней разговаривать?

Монти подошел к перилам и устало привалился к ним спиной. Такого рода затруднения он не предвидел.

— Дать слово?

— Ну да.

— С ней не разговаривать?

— Да.

— Но...

Монти ощутил в ее тоне едва различимый холодок.

— А тебе так нужно с ней разговаривать?

— Нет-нет, ни в коем случае. Только...

— Что «только»?

— Ты ведь знаешь, какая она.

— Да, знаю. Поэтому и не хочу, чтобы ты с ней разговаривал.

— Я имею в виду, есть у нее такая манера навязываться, если ты меня понимаешь. Положим, она сама первая со мной заговорит.

— Ты поклонись и ответишь спокойно: «Мисс Флокс, предпочитаю не поддерживать с вами отношения».

— Кто, я? — переспросил Монти испуганно.

— И удалишься прочь. Эта женщина полна коварства.

— Черт побери, она обручена с Амброзом!

— Это она так говорит.

— Правда обручена. Доподлинно известный факт.

— Ну и что, какая разница? Такие девицы, как она, никогда не довольствуются одним кавалером. Не удивлюсь, если выяснится, что она флиртует с половиной мужчин на корабле. Видел ее с этим доктором?

Последнее высказывание Монти счел нужным опровергнуть.

— Боже ты мой! Да они просто играют в кольца — по-моему, довольно невинное занятие.

Холодок в тоне Гертруды стал более ощутим:

— Понимаю, ты привязан к своим друзьям. Монти рубанул воздух.

— Она мне не друг. Обычная знакомая, и то с большой натяжкой.

— Пусть ей и остается, — сказала Гертруда. — И чем с большей натяжкой, тем лучше. Итак, ты даешь слово, что не будешь с ней разговаривать?

Монти не сразу ответил. А когда ответил, голос его был чужим и скрипучим:

— Ладно.

— Вот и чудесно. Донесся звук гонга.

— Ланч! — радостно воскликнула Гертруда. — Идем.

Молодому человеку, желающему пообщаться с девушкой и при этом давшему своей суженой слово с ней не разговаривать, наша современная цивилизация, несмотря на все те нелицеприятные вещи, которые о ней

время от времени говорят, предоставляет ряд преимуществ по сравнению с более ранними историческими периодами.

Будь Монти Бодкин трилобитом, барахтающимся в первобытной слизи, ему не удалось бы установить с Фуксией контакт. Будь он кроманьонцем, ему бы пришлось передавать свои мысли при помощи рисунков и изображать на стенах пещеры бизонов эпохи палеолита, а ни для кого не секрет, что это хлопотное дело. Но проживая в двадцатом столетии, он имел под рукой карандаши, конверты и бумагу и решил ими воспользоваться.

Сразу же после ланча, старательно обходя людные места из боязни столкнуться с Гертрудой, он прошмыгнул в свою каюту, прихватив с собой кучу канцелярских принадлежностей, и в три пятнадцать по летнему времени завязалась интенсивная переписка Бодкин — Флокс.

В такого рода мероприятиях труднее всего сочинить первое письмо, поскольку оно задает тон. Отбросив с самого начала вариант: «Мисс Флокс, ваше поведение беспрецедентно», поскольку из-за мистера Льюэлина, не оправдавшего его ожиданий, он до сих пор не знал, как пишется «беспрецедентно», Монти осмотрительно воспользовался формой третьего лица.

«Мистер Бодкин шлет привет мисс Флокс; мистер Бодкин выражает надежду при первом же удобном случае получить назад Микки Мауса, которого ей вручил этот осел Альберт Пизмарч».

Он перечитал письмо и остался доволен. Оно ему показалось лаконичным и вместе с тем полным внутреннего достоинства. Он никогда не видел дипломатической ноты, которую посол одной великой державы вручает послу другой великой державы, но, по его представлениям, такая нота выдерживается в похожем стиле — вежливая, сдержанная и без эквивоков.

Он нажал на звонок и приказал стюарду, убиравшему его спальню, прислать к нему Альберта Пизмарча.

При обмене дипломатическими нотами первостепенную роль играет посланник, и Монти нутром чуял, что Альберт Пизмарч, непосредственный виновник несчастья, — идеальный кандидат. После беглого осмотра шлюпочной палубы он удостоверился, что Фуксия опять играет в кольца, из чего вытекало, что посреднику придется изрядно попотеть, побегав

вверх-вниз по лестнице. Мысль о взмокшем Альберте Пизмарче, карабкающемся по ступенькам, нашла живой отклик в его душе.

Вскоре послышались далекие звуки «Свадебной песни пахаря», и появился Альберт Пизмарч.

— Здорово, Пизмарч.

— Добрый день, сэр.

— Передайте эту записку мисс Флокс и принесите ответ. Мисс Флокс на шлюпочной палубе.

На лице вошедшего стюарда было написано неодобрение, поскольку Монти потревожил его в тот самый момент, когда он собирался поваляться и спокойно выкурить трубку. При последних словах неодобрение стало заметнее. Он брезгливо поджал губы на манер испанской дуэньи и соорудил до боли знакомую Монти гримасу. Сомнения быть не могло: стюарда беспокоила моральная сторона дела.

— Разумно ли это, сэр?

— Хм-м-м...

— Конечно, я вполне отдаю себе отчет, — продолжил Альберт Пизмарч с чувством оскорбленного достоинства, что было вполне в его стиле, — что не вправе критиковать и делать замечания, но возьму на себя смелость заметить, что за время пути я к вам весьма привязался, сэр, и болею за вас всем сердцем. Но, при всем моем уважении, разумно ли это, спрашиваю я. Естественно, если вы настаиваете, я подчинюсь и доставлю письмо мисс Флокс, ибо всегда рад услужить, но позвольте спросить напоследок: разумно ли это?

— Пизмарч, — сказал Монти, — вы осел.

— Нет, сэр, прошу прощения, сэр, я не осел. У меня больше житейского опыта, чем у вас, и, извините за выражение, сэр, я знаю, о чем говорю. Мой дядя Сидней, служивший коммивояжером в одной портсмутской фирме, бывало говаривал: «Никогда не оставляй письменных свидетельств, Альберт», — и вы когда-нибудь убедитесь, что лучше правила не придумаешь. Оно спасло дяде Сиднею жизнь. О, я прекрасно понимаю, что у вас на душе, сэр. Не думайте, что я слеп. Эта мисс Флокс — если можно так выразиться, фам фаталь.^[67] Несмотря на помолвку с чистой и нежной английской девушкой, простите за это напоминание, вы попали под ее чары...

— Слушайте, — сказал Монти. — Отправляйтесь-ка туда, куда я вас послал с запиской, и пошевеливайтесь.

— Хорошо, сэр, — вздохнул Альберт Пизмарч. — Как вам будет угодно.

После ухода стюарда вплоть до его возвращения (а это был немалый срок) Монти мерил шагами каюту. Из-за ограниченности пространства измерение каюты шагами — не самое удобное занятие на океанских лайнерах, однако Монти старался изо всех сил и уже почти преуспел, как дверь отворилась.

— Леди дала мне письмо, сэр, — сказал Альберт Пизмарч глухо — видимо, сказывалось дурное настроение, жара и непривычные физические упражнения.

— Она что-нибудь сказала?

— Нет, сэр. Только рассмеялась.

Монти это не понравилось. Он вообразил себе этот смех — ехидный и дребезжащий, от которого при некоторых обстоятельствах человек может взвиться, как будто ему в жизненно важные органы сунули сбивалку для яиц. Без особых надежд он вскрыл конверт, и его худшие опасения подтвердились, ибо тон послания не оставлял места для оптимизма.

«Мисс Флокс шлет привет мистеру Бодкину и вернет ему Микки Мауса только на определенных условиях. Мисс Флокс говорит: поднимайтесь наверх, и мы все обсудим».

Альберт Пизмарч отер платком потный лоб.

— Это все, сэр?

— Как, все? — Монти выкатил глаза. — Это только начало.

— Надеюсь, сэр, вы не попросите меня опять подниматься по лестнице?

— Еще как попрошу.

— Мне нужно репетировать «Свадебную песню пахаря», сэр.

— Ну и репетируйте по дороге.

Стюард возражал бы и дальше, но Монти отстранил его властной рукой и с головой ушел в литературное творчество. Нахмутив лоб, он перечитал написанное. Он не знал, какие внести улучшения. Разве что... Его карандаш застыл над бумагой.

— Вы не знаете, как пишется «беспрецедентно»? — спросил он.

— Нет, сэр.

Монти решил не добавлять еще одно предложение. Он перечитал письмо и зачеркнул лишнее «с» в слове «условия».

«Мистер Бодкин шлет привет мисс Флокс и просит принять к сведению следующее: как он придет наверх что-то обсуждать,

когда он клятвенно пообещал своей невесте не разговаривать с мисс Флокс? Весь смысл этого обмена записками в том, что мистеру Бодкину запрещено разговаривать с мисс Флокс.

Мистер Бодкин выражает недоумение: что еще за условия? Мистер Бодкин подчеркивает, что дело о возвращении Микки Мауса представляется ему ясным и бесспорным, поскольку мышь принадлежит мисс Баттервик и никоим боком не принадлежит мисс Флокс».

На этот раз интервал затянулся, но наконец тяжелое сопение возвестило о возвращении Альберта Пизмарча. Он протянул Монти конверт и, извинившись, присел на кровать и стал потирать больную мозоль.

Монти вскрыл конверт, прочитал послание и застыл, словно зачарованный. Ему открылась вся глубина падения женщины, а это всегда производит ошеломительный эффект.

«Мисс Флокс шлет привет мистеру Бодкину. Он прекрасно знает, какие условия. Если ему так нужна мышь, он обязан пойти к Айки Льюэлину и подписать контракт, а заодно его уговорить, чтобы он восстановил на работе беднягу Амброза, невзирая на то, что он не писал про пылающих мальчиков.

Мисс Флокс в заключение доводит до его сведения, что если мистер Бодкин не исполнит свой долг, то завтра же она появится с Микки Маусом на прогулочной палубе, и когда мисс Баттерсвист (хи-хи) подойдет и спросит: «Откуда, черт возьми, у вас мышь?», мисс Флокс ответит: «Хи-хи, это подарок мистера Бодкина на добрую память». И мисс Флокс будет весьма удивлена, если после этого мисс Баттерплюх не намылит мистеру Бодкину шею и не даст ему от ворот поворот.

P.S. Думай быстрее, приятель!»

Монти очнулся. Он тяжело дышал. С этим абсурдом пора кончать, это решено. Бывают в жизни периоды, когда мужчине следует забыть о рыцарском долге и потолковать с противоположным полом по душам. Его предок, сэр Фарамонд, осознал это, когда, вернувшись раньше обещанного из Крестового похода, застал свою жену, поющей в унисон с тремя трубадурами.

Изыски в виде третьего лица, подумал он про себя, явно излишни.

Ситуация требовала добротной рубленой прозы, расставляющей все точки над *i*. В один присест он вывел одну пылкую строку и протянул послание Альберту Пизмарчу.

Оно гласило:

«Знаете, кто Вы?»

Мисс Флокс ответила:

«Да, сэр. Я — девушка с Микки Маусом».

Раздраженный подобной вольностью, Монти посуровел:

«Вы — воровка!»

Через пять минут Альберт Пизмарч прихромал обратно в ставку с донесением:

«Боже! Зачем же так?»

Монти не уступил ни на каплю и ни на йоту и отказался смягчить вынесенный вердикт.

«Да, Вы — гнусная воровка».

На это мисс Флокс отреагировала по-философски:

«Ах, так. Ну и ладно».

Тогда Монти выдвинул ультиматум:

«Отдайте мышь подателю сего письма, не то пожалуюсь старшему стюарду».

Но когда Альберт Пизмарч возвратился, пыхтя, как загнанный олень, в руках у него не было Микки Мауса. Вместо этого он принес клочок бумаги, на котором стояло одно-единственное бранное слово. Прочитав его, Монти мрачно насупил брови.

— Ну, погоди! — процедил он сквозь зубы.

Глава XVII

Когда стрелки на корабельных часах остановились на четырех и озабоченные стюарды захлопотали, готовя чай с кексом для проголодавшихся пассажиров, которые с двух пятнадцати ничего не брали в рот, Реджи Теннисон, скитаясь по судну в поисках Монти, увидел, что тот выходит от старшего стюарда.

По натуре своей Реджи не был человеком черствым. Он и в самом деле оставил Монти в трудную минуту, когда последний нуждался в совете и утешительном слове, но только потому, что ему хотелось сыграть с Мейбл Спенс в шашки. Но при этом друга не забывал и довольно многое передумал о его тяжелом положении, а после ланча и еще одной партии в шашки отправился его искать — справиться, как продвигаются дела.

Некоторое время поиски были безрезультатными, но, когда часы пробили четыре, его усилия были вознаграждены. Чисто случайно, как уже было сказано, когда он проходил мимо кабинки старшего стюарда, он увидел Монти, который оттуда выходил.

Он был не один, а с корабельным врачом. Врач обнимал его рукой за плечи, и лицо его было добрым и озабоченным.

— Не беспокойтесь, — говорил он, — идите к себе и ложитесь в постель. Я пришлю вам со стюардом кое-что, будете это принимать каждые два часа, запивая небольшим количеством воды.

С этими словами корабельный врач по-приятельски похлопал Монти по плечу и убежал прочь — видимо, возвращаясь к прерванной игре в кольца с самой красивой девушкой на борту.

Реджи окликнул Монти дружеским «Эй!», и тот обернулся на зов, моргая глазами. Вид у него был слегка ошалевший.

— Что с тобой? — спросил Реджи, — Ты подхватил проказу или что-нибудь в этом роде?

— Пойдем в курительную, — сказал Монти с жаром. — Мне надо срочно промочить горло.

— Но медик сказал, тебе нужно вернуться в каюту и лечь.

— К лешему и медика, и каюту, — проговорил Монти стой же странной горячностью.

Реджи оставил попытку урезонить друга. Что бы с ним ни приключилось, было ясно как божий день, что он не собирается ложиться в постель и каждые два часа что-то глотать, запивая небольшим количеством

воды. Всем своим естеством он стремился в курительную пропустить стаканчик-другой. Разомлев от полуденной жары, Реджи и сам был не прочь выпить чего-нибудь прохладительного, и, оставив уговоры, он, тихо изумляясь, последовал за Монти.

Залпом осушив первый стакан, а затем, уже более степенно, опорожнив второй, Монти, казалось, спустился на землю с высоких небес, где витал его дух. Он взглянул на Реджи, как будто видел его впервые, — туман в его глазах рассеялся, взор просветлел и обрел обычную осмысленность, поэтому Реджи счел возможным продолжать с того места, на котором остановился.

— Что с тобой? — спросил он. Монти забил озноб.

— Реджи, — ответил он, — я свалял дурака.

— Как это?

— Сейчас расскажу. Где стюард?

— Зачем тебе стюард?

— А ты как думаешь, зачем?

Стакан перед ним вновь наполнился, и Монти слегка утих. Вид у него был по-прежнему пришибленный, и по всему было заметно, что он прошел через нечеловеческое испытание, но голос его стал ровнее, хоть и оставался бесцветным.

— Реджи, старина, все сорвалось.

— С Фуксией?

— И со старшим стюардом, и с доктором, и с местным сыщиком. Ты знал, что на кораблях бывают сыщики? Я лично — нет. А оказывается, бывают. Огромные и усатые. Видал ефрейтора? Тогда у тебя есть общее представление.

Он опять онемел, впад в подобие транса, и только легонько ткнув ему в руку горячей сигаретой, Реджи вновь привлек его внимание.

— Ой! — вскрикнул Монти.

— Давай дальше, старина, — сказал Реджи. — Я весь внимание. Ты говорил о старших стюардах, докторам и корабельных сыщиках.

— Ну да. Верно. Теперь-то, конечно, я понимаю, что напрасно туда сунулся.

— Куда?

— К старшему стюарду. Но Фуксия повела себя так, что, мне показалось, иного выхода нет.

— Как повела?

— Сейчас скажу. Гадко, мерзко, подло, по-свински.

— Значит, у вас был разговор?

— Нет. Мы состояли в переписке, через Альберта Пизмарча.

— О, ты ей писал?

— А она мне. А Пизмарч порхал туда-сюда, горланя «Свадебную песню пахаря».

— Горланя что?

— Неважно. Главное, я написал Фуксии и потребовал Микки Мауса назад, а она в ответ — через Альберта Пизмарча, как я уже говорил, — пригрозила выставить мышь на всеобщее обозрение, а Гертруде сказать, что это мой подарок, если я не пойду к старине Льюэлину, не подпишу с ним контракт и не уломаю его насчет Амброза.

Реджи посерьезнел:

— Об этом я как-то не подумал. Теперь мне ясна ее линия. Это шантаж. Стратегия, несомненно, недурственная, хоть и гнусная. Что ж, женщины есть женщины.

— Нет, они не такие. Не все такие.

— Возможно, ты прав, — сказал Реджи примирительно. — А что дальше?

— Я сыграл ва-банк. Объявил, что пойду к старшему стюарду— Монти вздрогнул. — Только что был у него, — добавил он.

— Что же произошло?

Монти для подкрепления духа глотнул из стакана. Было видно, что ему больно ворошить прошлое.

— Это был необдуманный шаг, старина. Я полагал, что это рутинная, заурядная процедура, но не тут-то было.

— Что случилось?

— Сейчас расскажу. Вошел я к нему и говорю: «Можно к вам на пару слов?» — а старший стюард в ответ: «Да, пожалуйста». Ну, сел я на стул и говорю: «Могу я рассчитывать, что это останется строго между нами?» — а он мне на это: «Что останется между нами?», а я ему: «То, что я вам собираюсь сообщить. Могу ли я рассчитывать, что то, что я собираюсь вам сообщить, останется строго между нами?» — а он говорит: «Идет» или что-то в этом роде, но смысл таков. Тогда я ему: «Меня обокрали!»

— Он удивился?

— Вроде. С рассеянным видом надавил на звонок. И вдруг как вцепится.

— В звонок?

— Себе в волосы. Ты слушаешь меня или нет? Я же ясно сказал: как вцепится себе в волосы! И забормотал, мол, по всему кораблю развешаны плакаты, закливающие не играть в карты с незнакомцами, и тем не менее

ни одного плавания не обходится без того, чтобы кто-нибудь ему не пожаловался, что его обобрали шулеры. А я сказал, меня никто не обирал, меня обокрали. А он опять как вцепится себе в волосы и спрашивает, уж не хочу ли я сказать, что у меня украли ценности, а я ему: «Вот именно». И тут заходит Уильям Морж — по звонку, естественно.

— А кто такой Уильям Морж?

— Я тоже с минуту гадал, но старший стюард пояснил: «Это корабельный сыщик». Он вкратце пересказал ему мои злоключения и прибавил: «Происшествия такого рода не украшают репутацию пароходства, не успеют люди подняться на борт, как их миглом обворовывают». А я говорю: «Добрый день, инспектор. Меня обокрали». А детектив в ответ: «Не может быть, сэр», а я ему: «Очень даже может, разве я не ясно сказал?» Я был слегка на взводе, понимаешь?

— Вполне.

Монти сделал еще глоток и продолжил:

— И гак, старший стюард и Морж принялись совещаться. Стюард спрашивает, не приметил ли Морж на борту бандитскую шайку? А Морж ему: «Кажется, нет». А стюард в ответ: очень подозрительно, потому что крупные ограбления обычно совершают банды международных налетчиков. Потом они еще немного посоветались, и Морж заявил, что первым делом мне нужно составить подробную опись украденных вещей, вытащил блокнот и говорит: «Мистер Бодкин, не продиктуете ли мне список пропавших драгоценностей?». И тут, старина, я почувствовал, что сел в лужу. Знаешь, как оно бывает?

Реджи кивнул. Он знал.

— Только тогда до меня вдруг дошло, что меня могут превратно понять — все-таки, сигналю SOS и вызываю корабельного детектива из-за плюшевого Микки Мауса. И они действительно сочли мои действия странноватыми, поскольку, едва я огласил новость, старший стюард принялся ловить воздух ртом, и Морж то же самое, а затем они переглянулись, и стюард вышел, а через минуту-другую вернулся вместе с доктором, и доктор засыпал меня вопросами типа «Голова не кружится?», «В глазах не рябит?», «Не роняли ли меня головой в детстве?», «Не слышу ли я голосов и нет ли у меня мании преследования?», а кончилось все дело тем, что он обнял меня с отеческой фамильярностью — так ласково, понимаешь, — и увел из каюты, наказав лежать, не жариться на солнце и каждые два часа принимать то, что он пришлет, запивая небольшим количеством воды.

У Реджи была светлая голова и проницательный ум. Он умел читать

между строк.

- Они подумали, что ты слетел с катушек.
- У меня тоже возникло такое ощущение.
- Хм... А тебя роняли головой в детстве?
- Вроде нет.
- Просто интересно. Реджи призадумался.
- Жутко неприятная история, — сказал он.
- Жутко, — согласился Монти.
- Дым рассеется, а ты так и будешь без мыши.
- Так и буду.
- А вдруг Фуксия блефует? Как ты думаешь, она выполнит угрозу?
- Наверняка.

Реджи опять задумался.

- По моему мнению, тебе остается одно — принять ее условия.
- Что? Стать киноактером?
- Выходит, так.

Монти дернулся, как в лихорадке.

— Не хочу я быть актером! От одной мысли об этом на меня нападает тоска. Ненавижу кино и театр. Я постоянно отлынивал даже от любительских постановок. Сколько раз меня приглашали приехать в гости в какой-нибудь дом, и я уже было соглашался, но, обнаружив, что в одиннадцатом часу у них репетиция пантомимы или чего-то благотворительного, тут же как кролик юркал в кусты. У меня хронический... как его... Начинается на «син».

- Синдром?
- Точно. Хронический синдром.
- Занятно, — произнес Реджи мечтательно. — А я люблю выступать.

Я тебе рассказывал?..

- Ага.
- Когда?
- Не все ли равно? Сейчас речь не о том, а о моей мыши.
- Да, — сказал Реджи, призванный к порядку, — совершенно верно.

Итак, в киноактеры ты идти не хочешь, следовательно, мы опять возвращаемся к исходной задаче. Как заполучить мышь?

- У тебя есть какие-нибудь соображения?
- Была тут одна мысль — нет, не пойдет.
- Какая мысль? Реджи потрянул головой:
- Забудем.
- Как это «забудем», — спросил Монти, — если я понятия не имею,

о чем речь? Что за мысль?

— Мне пришло на ум следующее: как правило, если у кого-то есть какая-то вещь, которую тебе хочется иметь, ты можешь ее выкупить. Интересно, подумал я, а не поставить ли эту мышиную возню на коммерческие рельсы? Монти его одобрил:

— Здорово!

— Боюсь, правда... у тебя есть одно чрезвычайно удачное выражение?

Монти подсказать не сумел. Вид его говорил о том, что у него их много.

— Вспомнил. Тайные пружины. Боюсь, тут задействованы тайные пружины. Предлагать Фуксии деньги нет смысла. Единственное, что ее интересует, это место для Амброза. Иначе он на ней не женится, он принципиальный. Так что она с презрением отвергнет твоё золото.

Монти не так легко было заставить отступить. Идея ему понравилась. Мысль о том, что можно провести финансовую операцию, нашла отклик в его душе. Прежде это не приходило ему на ум.

— Как, по-твоему, сколько золота она отвергнет с презрением? — спросил он пытливо. — Две тысячи фунтов?

Реджи вытаращил глаза. Слышать, как подобную сумму упоминают между прочим, невыносимо. Он давно знал Монти и так привык к нему, что порой забывал, до чего тот богат.

— Две тысячи? Шутишь, наверное?

— Да нет. Хотя, к сожалению, ты прав, — добавил Монти, когда первая вспышка энтузиазма угасла. — Мы понапрасну сотрясаем воздух.

В глазах Реджи Теннисона вспыхнул странный огонек. Нос задержался. Он нервно схватил сигарету.

— Постой-постой, — сказал он. — Дело, кажется, сдвинулось с мертвой точки. Появились кое-какие нюансы. Но давай до конца определимся. Ты это серьезно, насчет двух тысяч?

— Какой разговор!

— То есть человек, который добудет Микки Мауса, получит это колоссальное вознаграждение?

— В ту же секунду. Подумаешь! Перси Пилбем заработал тысячу фунтов за то, что взял меня в свое сыскное агентство. А тут вопрос жизни и смерти.

Реджи глубоко вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Выписывай чек на имя Реджинальда Теннисона.

Монти плоховато соображал.

— Разве мышшь у тебя?

— Конечно, нет.

— А зачем ты сказал, что у тебя?

— Я этого не говорил. Но скоро будет.

Реджи нагнулся вперед. Еще прежде, на ранних этапах беседы, он огляделся по сторонам и убедился, что в курительной, как обычно бывало в этот час, кроме них нет ни души, тем не менее он понизил голос. Понизил до такой степени, что Монти ничего не слышал, кроме сплошного гула, в котором, ему показалось, он уловил слова «Мейбл Спенс».

— Говори громче, — попросил он. Реджи заговорил более внятно.

— Итак, старина, если хочешь знать, я стою на распутье. Ты знаком с Мейбл Спенс?

— Естественно.

— Я ее люблю.

— И что?

Реджи обиделся, но решил продолжать, опуская комментарии.

— Я люблю Мейбл, но примерно через сорок восемь часов наши пути разойдутся, она отправится в Голливуд, а я — в Монреаль. И вот, я спрашиваю себя: «Ехать мне в Голливуд вслед за ней либо двигать в Монреаль?». В Монреале я, скорее всего, зачахну от тоски, а в Голливуде — окажусь с пятью фунтами в кармане и абсолютно без перспектив. Еще две минуты назад, — разоткровенничался Реджи, — я бы поставил сотню к восьми против Золотого Запада. Любовь — любовью, а кушать-то надо, верно?

Монти сказал, что вполне может быть. В его теперешнем состоянии полного душевного смятения он плохо себе представлял, что настанет такая пора, когда кусок вновь пойдет к нему в горло, однако он допускал, что некоторые не прочь покушать.

— Но то, что ты сказал, — продолжал Реджи, — меняет весь расклад. С парой тысяч в заглазнике я смело могу отправляться на Запад. Фуксия мне как-то рассказывала, что в Голливуде можно снять комнату за восемь долларов в неделю, а за пять взять напрокат поддержанный автомобиль и, если играть в карты с умом и почаще ходить на коктейли, то прокормишься одними закусками. Черт побери, две тысячи фунтов мне, небось, пришлось бы зарабатывать лет двадцать!

Монти интересовали не столько жизненные проекты собеседника на два ближайших десятилетия, сколько метод, каким он рассчитывает проложить себе путь в Калифорнию. Он вернулся к сути вопроса.

— Реджи, ты в самом деле достанешь мышшь?

- Конечно.
- Но как?
- Запросто. По всей вероятности, Фуксия держит ее в своей каюте.
- Ты хочешь сказать, что пойдешь туда и поищешь?
- Именно. Плевое дело. Обернусь за десять минут.

Уже не впервые Монти Бодкин оказывался в роли капиталиста, вербующего себе подручных для грязной работенки. Не так много недель минуло с того дня, как в курительной Бландингского замка он нанял Перси Пилбема, частного детектива, и дал ему поручение похитить рукопись знаменитых мемуаров высокородного Галахада Трипвуда. Он задумчиво закусил нижнюю губу совсем не оттого, что идея поражала странностью и новизной, а оттого, что любил Реджи и испытывал примерно те же эмоции, как если бы тот ему сообщил, что собрался войти в клетку к тигру.

— А что если она тебя застукает? — спросил он, приходя в ужас от картины, которая при этих словах возникла в воображении.

— Ой! — сказал Реджи. — Мне это тоже приходило в голову. Фуксия во гневе опасна. Да-да, этот аспект нельзя упускать из виду. Я тебе вот что скажу: пойду-ка я пройдуся по палубе и тщательно обмозгую эту сторону вопроса.

Сегодня днем Монти уже приходилось сокрушаться по поводу медлительности Альберта Пизмарча, однако по сравнению с Реджи стюард, несмотря на одышку и мозоли, действовал просто молниеносно. Наверное, пройдут долгие часы, думал Монти, прежде чем в дверях курительной вновь объявится знакомый силуэт.

Но Реджи вскоре реабилитировал себя, полностью очистившись от подозрений. Он задержался отнюдь не потому, что парил в облаках или точил лясы с пассажирами.

— Полный порядок, — сказал он. — Я поговорил с Фуксией. Все улажено.

Монти смутился:

— А зачем ты с ней говорил?

— Такова стратегия, дорогой мой, — ответил Реджи скромно, но гордо. — Я представился твоим поверенным. Сказал, что ты меня уполномочил предложить за мышь сто фунтов.

Монти смутился еще сильнее. Видимо, его друг вообразил, будто совершил блестящий дипломатический маневр. В его показном самодовольстве было что-то обескураживающее.

— Какой в этом смысл, черт побери? Наверное, хохотала как безумная?

— Да, это ее повеселило. Она объяснила, что дело не в деньгах, я тебе и раньше говорил. Ей нужна, сказала она, работа для Амброза, и она не отступится, пока не получит свое. Я притворился, будто она меня убедила, а под конец — в этом, собственно, и заключалась хитроумная уловка — говорю: «Ладно, послушай, почему бы тебе самой не встретиться с Монти и не обговорить это лично?» А она ответила, что ничего не имеет против — сегодня вечером в десять ноль-ноль.

— Но...

— Итак, вы сегодня встречаетесь.

— Да, но, черт возьми... Реджи выставил руку.

— Понимаю, что тебя гложет. Как бы Гертруда вас не застукала. Верно?

Монти согласился, что это так.

— Не беспокойся. Не думай, что я про это забыл. Я устроил все так, что риск практически равен нулю, — вы встречаетесь во втором классе, на прогулочной палубе. Не забудь время, будем действовать синхронно. Десять ноль-ноль.

— На прогулочной палубе, — задумчиво повторил Монти. — Может, и пронесет.

— Само собой, пронесет. Ну посуди сам, что делать Гертруде во втором классе? Зачем пассажирам из первого там гулять? Не вижу ни малейшей опасности. В десять ты встретишься с Фукси на прогулочной палубе — она сделает вид, что голова болит, и отпросится у Амброза пораньше спать, — и удержишь ее минут на пятнадцать, мели любой вздор, лишь бы убедительно. А я тем временем аккуратно прочешу каюту и найду мышь. По логике, нам известно, что она где-то там, и в каюте не так много укромных уголков, куда поместится средних размеров Микки Маус, так что дело, можно сказать, в шляпе. Ну что, есть изъяны в данном сценарии?

— Ни одного.

— По-моему, тоже. Верные деньги. Повтори-ка, мне это приятно слышать, — ты дашь...

— Две тысячи фунтов.

— Две тысячи фунтов... — прошептал Реджи, растягивая слоги.

— Что за вопрос? Конечно, дам.

— Не говори ты просто «дам»! Лучше лишний раз произнеси: «две тысячи фунтов». Это звучит словно чудесная музыка. Понимаешь, с двумя тысячами в Голливуде я любого заткну за пояс.

— Любого?

— Ну да. Меньше чем через год у меня появится собственный дом. Две тысячи фунтов! А ты не мог бы это напеть? Хочется послушать, как будет звучать в виде песни.

Глава XVIII

Вероятно, за исключением некоторых марок сигарет, от одной затяжки которых, как обещает реклама, недельный покойник выскакивает из могилы и начинает отплясывать ча-ча-ча, ничто так не поднимает девичий дух, как примирение с возлюбленным. Когда Гертруда Батгервик после ужина забежала в каюту за носовым платком, она почти порхала по воздуху, насколько это возможно для человека, который весит сто тридцать три фунта в купальнике благодаря регулярной закалке хоккеем и другими видами спорта на свежем воздухе. От полуденных грез, сдобренных теплой ванной с морской водой и порцией высококалорийной пищи, щеки у нее размялись. Походка обрела упругость, глаза сияли. Казалось, ее переполняет восторг.

Альберт Пизмарч, которого она застала за утренней уборкой, был совершенно в другом настроении. Он часто-часто дышал, лицо осунулось, в глазах читалась тревога, как будто он только что выглянул в иллюминатор и увидел айсберг, а на нем свою мать, разыскивающую очки.

Вид у него был до того загнанный, что Гертруда сочла своим долгом спросить, что случилось. Она была потрясена до глубины души. До сего момента если стюард и не светился, то, по крайней мере, производил впечатление человека приветливого и относительно жизнерадостного. Сейчас перед ней стоял новый, незнакомый Альберт Пизмарч, на душе у которого явственно скребли кошки.

— Что с вами? — спросила она. Альберт Пизмарч горестно вздохнул.

— Вы ничем не поможете, мисс, — ответил он, подбирая с пола туфлю, дыша на нее и засовывая в стенной шкаф.

— У вас неприятности?

— Да, мисс.

— Вы уверены, что я ничего не могу сделать?

— Уверен, мисс. Это судьба, — произнес Альберт Пизмарч и мрачно прошествовал в ванную, чтобы сложить полотенца.

Гертруда неуверенно топталась в дверях. Она нашла носовой платок, однако голос совести ей подсказывал, что так просто взять и уйти, оставив несчастного один на один с его бедами, было бы бесчеловечно. По всей очевидности, жизнь Альберта Пизмарча полна страданий и невзгод,^[68] и любой человек, который изучал в школе стихи Вальтера Скотта, знает назубок, в чем в таких случаях предназначение женщины. Добрая от

природы, Гертруда Баттвервик сегодня была на пике душевного подъема, и роль ангела-хранителя казалась ей особо заманчивой.

И пока она стояла в нерешительности, стюард внезапно громко простонал. Сомневаться не приходилось, это был признак агонии. Гертруда решила остаться и, в крайнем случае, оказать первую помощь, хоть и слышала, что ничем не может помочь.

— Что вы сказали? — спросила она, когда стюард опять возник в поле ее зрения.

— Когда, мисс?

— Мне послышалось, вы что-то сказали.

— В ванной?

— Да.

— То, что я бандольеро, мисс, — по-прежнему мрачно ответил Альберт Пизмарч.

Гертруда растерялась. Слово показалось ей смутно знакомым, но она не могла припомнить, что это такое.

— Бандольеро?

— Да, мисс.

— Кто это?

— Признаться, мисс, я не совсем уверен. По-видимому, что-то вроде испанского разбойника.

Гертруду озарило.

— Вы, наверное, имеете в виду песню? Ну, конечно. Как я сразу не догадалась. Это же любимая песня мистера Бодкина. Я знаю ее наизусть.

Под влиянием эмоций, вырвавшихся наружу, лицо Альберта Пизмарча перекосилось.

— Завидую вам, мисс, — изрек он скорбно. — А я вот постоянно забываю второй куплет.

Гертруда опять растерялась:

— Вы из-за этого так расстроены?

— Да, мисс.

— Но ведь забытый куплет можно промычать, на худой конец.

— Это не дело, мисс. Мычание не удовлетворит запросы публики. Я должен спеть.

— Вы хотите сказать, перед зрителями?

— Да, мисс. Сегодня вечером на концерте во втором классе. Этим вечером, часиков этак в десять, я буду стоять на подмостках в салоне второго класса и исполнять свой долг. А как мне его исполнять, когда я даже название не способен выговорить, не говоря уж о том, чтобы разучить

второй куплет. Так вы говорите, песня называется не «Бандольеро»?..

— Да, уверена.

— А как правильно: «бандольеро» или «бандолэро»?

— Попробуйте и так, и так.

Альберт Пизмарч опять горестно вздохнул:

— Интересно, мисс, вы когда-нибудь задумывались о неисповедимых путях Судьбы? Об этом, право, стоит подумать. Отчего я сейчас в такой ситуации — должен петь со сцены не то «бандольеро», не то «бандолэро»? А оттого, что некоему джентльмену по фамилии Дж. Г. Гарджес стукнуло в голову купить билет на наш корабль.

— Честно говоря, не очень понимаю.

— И неудивительно, — сказал Альберт Пизмарч мрачно, но не без удовлетворения. — Однако если вы будете слушать внимательно, то сами убедитесь: в этом нет ничего сложного, все проще простого. Не будь мистера Дж. Г. Гарджеса на судне, я бы не оказался в таком положении. Если вы подробно проанализируете сопутствующие события — назовите это, если угодно, стечением обстоятельств, — приведшие к тому, что он отправился в плавание именно в этот конкретный момент... это поможет вам осознать, что мы лишь беззащитные мальки в когтях беспощадного...

— Кто такой мистер Гарджес?

— Пассажир второго класса, мисс. Больше ничего не знаю, он для меня всего лишь имя. При этом он бродит где-то рядом, во втором классе, и заметьте, мисс, всему виной злой рок. Возьмем простейший аспект. Представьте, что Дж. Г. Гарджес в младенчестве заболел крупом или корью или чем-нибудь в этом духе... Допускаете такую возможность, мисс?

— Вполне.

— Хорошо. Пойдем дальше. Представьте, что болезнь оказалась смертельной. Плыл бы он сейчас на корабле? Как вы считаете, мисс?

— Наверяд ли.

— Совершенно верно. Теперь упростим задачу. Представьте, а это с каждым может случиться, он нажил себе астму, или бронхит, или еще какую-нибудь болезнь, дающую осложнения на горло. И что тогда? Смог бы он исполнять «Свадебную песню пахаря» на концерте для пассажиров второго класса? Нет. У вас есть возражения, мисс?

— Что вы, что вы!

— Естественно, не смог бы. А почему? А потому, что он и не мечтал бы подступиться к строчке, когда нужно сначала набрать полные легкие воздуха, а потом долго-долго тянуть. Слышали «Свадебную песню

пахаря», мисс? Она звучит вот так.

Устремив на Гертруду взор, напомнивший ей крупную рыбину, которую она видела в зоопарке, Альберт Пизмарч втянул в себя побольше воздуха, сделал грудь колесом и запел странным рокочущим голосом, звучащим как дальние раскаты грома над холмами:

Дин-дон, дин-дон,
Я спешу, заслышав звон,
В утро свадьбы мне не спится,
И красавица девица
В белом платье под венец
Стре-е-е-мiiiiиится!

Он умолк, будто вынырнул со дна на поверхность, задыхаясь, как пловец в конце дистанции.

— Теперь вам ясно, мисс?

Гертруде было ясно. Астматик Гарджес никогда бы не одолел последней ноты. Ей показалось, что она тянулась минут десять.

— И все-таки не пойму, — произнесла она, — почему вы против того, чтобы мистер Гарджес пел эту песню?

Чело Альберта Пизмарча омрачилось. Было видно, что он страдает от вопиющей несправедливости,

— Это моя песня, мисс. Мой коронный номер, с которым я выступал на большинстве концертов с тех самых пор, как поступил на этот корабль. В программке регулярно значилось: «Свадебная песня пахаря. Исполнитель: Альберт Пизмарч». В конце каждого плавания, по настоянию матери, я отдавал ей программку, и она вклеивала ее в альбом. Сам старший стюард однажды обронил — в шутку, естественно, без задней мысли: «Если бы ты почаще спешил, Пизмарч, и поменьше об этом пел, цены бы тебе не было». Так что сами видите, мы с моей «Свадебной песней пахаря» превратились, можно сказать, в живую легенду.

— Вижу.

— Утром, когда Джимми Первый вызвал меня и попросил выступить на концерте для второго класса — опять не хватило талантливых любителей, — я ответил, как всегда: «Да, сэр, хорошо, сэр. Как всегда, "Свадебная песня", сэр?». А он мне в ответ: «Да, к сожалению». И все было ясно и определено. А потом, часа в четыре, он опять посылает за мной и говорит, что «Свадебная песня пахаря» в моем исполнении отменяется,

поскольку некий пассажир по имени Дж. Г. Гарджес изъявил желание ее спеть. Протянул мне это чертово бандольеро и говорит: «Поднатужься и спой вот это». А когда я запротестовал, объяснив, что нельзя освоить новую роль за одиннадцать часов, он пригрозил вычестить у меня дневное жалованье. И вот теперь надо мной висит бандольеро, а до концерта всего час. Понимаете, мисс, отчего меня трясет?

Нежное сердце сжалось. Оно обливалось кровью. Гертруда вела беззаботную жизнь обычной английской девушки и видела мало жизненных драм.

— Ужас!

— Спасибо, мисс. Очень мило с вашей стороны. Теперь мне полегче, и я вам еще кое-что скажу. Когда я пожаловался в кубрике, они принялись швырять в меня разными предметами.

— Не расстраивайтесь, — попыталась утешить его Гертруда. — Вас ждет грандиозный успех, помяните мое слово. «Бандольеро» — прекрасная песня. Я всегда с огромным удовольствием слушаю, как ее поет мистер Бодкин. Такой зажигательный ритм.

— Да, ритм там есть, — допустил Альберт Пизмарч.

На мгновение показалось, что его чело вот-вот прояснится, но лишь на мгновение. Его взор загорелся и вновь угас.

— А слова? Вы об это подумали, мисс? Вдруг я забуду слова?

— А вы пойте: «Я бандуруру ля-ля-о ля-ля!» или что-нибудь в этом духе. Зрители ничего не заподозрят. Никто не ждет от испанской песни содержания. Они подумают, что это испанский колорит.

Альберт Пизмарч вытаращил глаза. Было ясно, что его собеседница открыла новую школу мысли.

— Я бандуруру, я бандуруру, — напел он вполголоса на пробу.

— Замечательно. Мистер Бодкин часто так делает. И не забудьте про «карамба».

— Простите, мисс?

— Карамба. Это такое испанское слово. Есть еще одно, «маньяна».^[69] Если собьетесь, повторяйте их. Помнится, на прошлое Рождество мистер Бодкин пел «Бандольеро» у нас на деревенском концерте, и практически весь второй куплет у него состоял из «карамбы» вперемешку с «маньяной». Все прошло на «ура».

Альберт Пизмарч набрал полные легкие воздуха, совсем как перед «Свадебной песней пахаря».

— Мисс, — произнес он, глядя на Гертруду с собачьей преданностью, — вы подарили мне новое дыхание.

— Рада за вас. Не сомневаюсь, ваш номер будет гвоздем программы.

— У меня хорошее ухо, и я легко схватываю мелодию, а со словами всегда какая-то ерунда. Увы! Помнится, первые шесть раз, исполняя «Свадебную песню пахаря», я постоянно путался и пел: «В сером платье под конец», что извращает смысл.

Он помолчал, потом продолжил нерешительно:

— Мисс... Хотя, думаю, теперь с помощью «карамбы» я справлюсь, и все же... Не хотелось бы злоупотреблять вашим великодушием, у вас, конечно, сотня важных дел... и все-таки, мисс, не могли бы вы...

— Вы хотите, чтобы я пришла на концерт и поддержала вас аплодисментами?

— Вы читаете мои мысли, мисс.

— С удовольствием приду. Когда ваш выход?

— Я заявлен на десять ноль-ноль.

— Договорились.

Альберту Пизмарчу не хватало слов, он лишь устремил на Гертруду взгляд, полный обожания.

В нашем эгоцентричном мире трудящемуся человеку нелегко вообразить, что кому-то тоже несладко, и если кто-нибудь в этот поворотный момент его певческой карьеры сказал бы Альберту Пизмарчу, что приступ трусости не у него одного, он бы очень удивился. Он бы изрек «карамба», но не поверил бы ни за что. Однако дело обстояло именно таким образом.

Ожидание десяти вечера, как мы уже видели, Альберту Пизмарчу далось нелегко, приведя его нервную систему в полное расстройство. Подобным же образом сказалось оно на Монти Бодкине. За двадцать минут до назначенного срока у него затряслись поджилки. Он сидел за столиком в курительной, глядя перед собой невидящим взором, и поминутно то закидывал ногу на ногу, то одергивал галстук. Перед ним стоял стакан виски с содовой, но, поглощенный своими тревогами, он едва его пригубил.

Навязчивые страхи, бушевавшие Монти, были того же происхождения, что и страхи Альберта Пизмарча: он боялся забыть слова.

Поначалу поручение занять Фуксию Флокс пятнадцатиминутной беседой, пока Реджи Теннисон обшарит ее каюту, показалось ему несложным. Он опрометчиво согласился. И только сейчас, представив возможность провала, он стал судорожно подбирать магические слова, которыми можно на целых четверть часа удержать на продуваемой

насквозь палубе особу с таким порывистым темпераментом. В этот мрачный час ему казалось, что самый сладкоречивый демагог, и тот бы не справился с поручением.

Безусловно, Альберт Пизмарч был в более выгодном положении. Благодаря доброму совету Гертруды он мог надеяться, что в самом крайнем случае пробелы можно будет заполнить спасительной «маньяной». Монти не мог взбодрить себя такими приятными мыслями. Нечего греха таить, не было у него в запасе своих «маньян». Ему надо было изобрести что-нибудь содержательное, мало того — интересное. Да что там, занимательное, увлекательное, захватывающее дух.

И пока он сидел, боясь заглянуть в будущее, на табурет рядом с ним неожиданно плюхнулось массивное тело — на его одиночество посягнул мистер Льюэлин.

— Можно составить вам компанию? — поинтересовался магнат.

— Можно, — ответил Монти сквозь зубы.

— Поболтаем? — предложил король кинематографа. Качества, незаменимые для человека, желающего стать президентом крупной кинокомпании, — стойкость духа и бульдожье упорство, не дающее смириться с поражением. Айвор Льюэлин ими обладал.

Многие на его месте впали бы в отчаяние, спасовав перед непреклонностью таможенного сыщика, который весьма недвусмысленно отклонил предложение о сотрудничестве. Они повели бы себя, как Альберт Пизмарч, запутавшийся в сетях злодейки-судьбы: оскорбились, ушли в себя, хотя виду бы не показали. Они бы признали, что продолжать борьбу бесполезно.

Именно это твердил себе Айвор Льюэлин целый день и вечер в придачу.

Но за обедом его взгляды претерпели метаморфозу. Он вновь обрел веру в собственные силы. Он проглотил вермишелевый суп, палтуса с отварным картофелем, две порции куриного рагу, кусок кабаньей головы, суфле, вальдшнепа по-шотландски, вазочку мороженого и напоследок кофе с коньяком. Человек, сильный духом, так нагрузив свой желудок, непременно обнаружит последствия. И они не замедлили сказаться: у мистера Льюэлина вспыхнула надежда. Пока он сидел в салоне, сытый буквально по горло, его внезапно озарило: вполне может быть, запорол все дело посланник, которому было поручено передать предложение.

И чем дольше он рассматривал эту гипотезу, тем более она казалась правдоподобной. Мало того, что Амброз — неправильный Теннисон; вдобавок ко всему, ему не хватает обаяния. Теперь он припоминал: когда

того послали к Монти с предложением от «Супербы», вид у него был какой-то отсутствующий. Должно быть, вступая в переговоры, он был либо излишне прямолинеен, либо излишне витиеват, либо что-нибудь еще. Вот так всегда, подумал мистер Льюэлин, никакой лояльности. Придется действовать самому. Тогда все встанет на свои места. И он приступил к осуществлению задуманного.

Трудно было выбрать более неподходящий момент. Монти и без того дрожал, как осиновый лист, а непрошеное вторжение окончательно выбило его из колеи. Как он уже признавался Амброзу, с мистером Льюэлином он был едва знаком, если не считать консультаций по вопросам правописания, но сейчас он бы спровадил и самого близкого друга. Ему хотелось побыть в одиночестве и прикинуть, что же наплести Фуксии, чтобы на четверть часа приковать ее внимание.

Он вытащил сигарету и нервно закурил.

— Красота! — воскликнул мистер Льюэлин.

— Что?

— Красота! — повторил мистер Льюэлин, кивая в экстазе, как будто ему показали «Мону Лизу». — О, как вы прикурили! Какое изящество... Легкость... И что там еще... Точь-в-точь Лесли Говард.^[70]

Не в привычках Айвора Льюэлина было расточать комплименты потенциальным работникам, обычно он упорно старался привить им комплекс неполноценности, что оказывалось весьма кстати, когда вставал вопрос о деньгах. Но сейчас был случай особый, редчайшая ситуация, когда подействовать мог только старый добрый елей, причем в обильных дозах.

— Вы наверняка полагаете, — продолжал он, — что в прикуривании сигареты нет ничего особенного, — подумаешь, взял и прикурил. Но, позволю себе заметить, именно по таким мелочам узнается настоящий актер. Вы созданы для экрана. Да, сэр. Именно так! — воскликнул мистер Льюэлин в новом приливе энтузиазма. — Этот жест, которым вы опрокидываете виски. Шикарно! Вылитый Рональд Колман.^[71]

Довольный тем, что начало получилось удачным и наживка заброшена, он умолк, дожидаясь, когда лесть подействует. Он умильно посмотрел на своего даровитого собеседника, и ничуть не смутился, наткнувшись на взгляд, от которого другой бы сразу увял. Даже для этой брезгливой гримасы у него нашлось доброе словцо.

— Кларк Гейбл^[72] тоже возвращает глазами, — сказал он. — Но не так выразительно.

Монти почувствовал себя, как чувствует себя застенчивая золотая рыбка. Казалось, он не может и пальцем шевельнуть, не вызвав комментариев. Даже то, что на данном этапе все комментарии носили благожелательный характер, не радовало. У него засвербило в носу, но он удержался и не почесал его, как сделал бы при более благоприятных обстоятельствах, чувствуя, что мистер Льюэлин непременно сравнит его с приемом какого-нибудь Носаки Терпенте или кого он там вспомнит.

И в нем вскипела злость. Хватит, сказал он себе, сколько можно! Сначала Амброз, потом эта Фуксия, а теперь еще и Льюэлин! Настоящая облава.

— Знаете что, — сказал он с жаром, — если вы все это затеяли ради того, чтобы заманить меня в актеры, то зря стараетесь. Меня это не интересует.

У мистера Льюэлина екнуло сердце, но он не сдался. Даже столкнувшись с категорическим отказом, он все еще не верил, что есть на свете человек, который воротит нос от его киностудии.

— Выслушайте меня, — начал он.

— Не желаю ничего слушать! — вскричал Монти. — Надоело. С утра и до вечера я только и делаю, что гоняю людей, которые хотят завербовать меня в киноактеры. Амброзу Теннисону я уже сказал: нет. Фуксии сказал: нет. И вот, только я уселся подумать о... в общем, подумать, как появляетесь вы — и опять мне приходится отвлекаться и говорить: «Нет». Все. Сыт по горло.

— Неужели вы не хотите, — спросил мистер Льюэлин дрогнувшим голосом, — видеть свое имя в лучах славы?

— Не хочу.

— Не хотите, чтобы миллионы девушек мечтали о вашем автографе?

— Не хочу.

Несмотря на весь заряд оптимизма после куриного рагу, мистер Льюэлин не мог больше скрывать от себя, что сдает позиции.

— Не хотите познакомиться с Луэллой Парсонс?^[73]

— Не хочу.

— Не хотите играть в дуэте с Джин Харлоу?

— Даже с Клеопатрой.

Внезапно мистера Льюэлина осенило. Ему показалось, он догадался, где зарыта собака.

— А, понял! — воскликнул он. — Ясно как божий день. Вам не нравится это занятие. Что ж, давайте подыщем другое. Как насчет эксперта по производственной части?

— Какой смысл звать меня в эксперты? Я мало что знаю.

— Чтобы быть экспертом, не нужно много знать, — заметил мистер Льюэлин и хотел было для убедительности добавить, что с этой должностью справляется даже свояк Джордж, но в этот момент Монти, взглянув на часы, вскрикнул и соскочил с табурета. Увлечшись беседой, он не заметил, как промелькнуло время. Стрелки часов неумолимо приближались к десяти.

— Мне пора, — сказал он. — Спокойной ночи.

— Эй, погодите!

— Не могу.

— Послушайте! — сказал мистер Льюэлин, убеждаясь, что словами этого сумасброда не удержать. — Поразмышляйте на досуге на эту тему, и если надумаете играть в эту игру, дайте мне знать, и мы все уладим.

Монти невольно растрогался. Как это мило, подумал он, — деловой человек, акула киносинематографа, а ведь не зачерствел за годы яростной конкурентной борьбы, а даже наоборот, сумел сохранить в душе столько юношеского задора. Он подобревшими глазами посмотрел на мистера Льюэлина.

— Хорошо, я подумаю, — сказал он.

— Ну и отлично.

— Вряд ли в ближайшие дни у меня будет настроение для игры.

— Ничего страшного, — сказал мистер Льюэлин. — Подумаете об эксперте по производственной части.

— Давайте к этому вернемся позднее, когда у меня будет больше свободного времени, — сказал Монти. — А сейчас, пока! Мне пора двигаться.

Он оставил салон, взял курс на противоположный конец корабля и развил такую скорость, что минуты не прошло, как он оказался на тускло освещенной прогулочной палубе второго класса. Оглядевшись, он не заметил ни души, чему весьма обрадовался. Фуксия еще не пришла.

Он закурил, вернулся мыслями к предстоящему разговору—и опять отвлекся прежде, чем мыслительный процесс набрал обороты. До ушей донеслись звуки музыки.

Должно быть, где-то неподалеку полным ходом шло веселье. Он услышал треньканье пианино, а в следующую минуту чей-то голос, похожий на корабельную сирену, затянул песню. Это мучение продолжалось несколько минут. Затем голос умолк, и раздался гром аплодисментов.

Песня окончилась, но мелодия все еще звенела в воздухе, Монти

мурлыкал ее себе под нос. Ибо это была песня, которую он хорошо знал и частенько исполнял, песня, которая пробуждала в нем светлые воспоминания, — словом, «Бандольеро».

Его распирало от избытка чувств. К «Бандольеро» он пристрастился еще на первом курсе и удерживать его от пения стало главной заботой его друзей, но с недавних пор этот номер путем сложных ассоциаций навевал ему мысли о Гертруде.

Дважды на деревенских ярмарках он пел под ее аккомпанемент, и оба эти концерта вместе с предшествующими репетициями были свежи в его памяти. Теперь, когда он слышал «Бандольеро», или думал о «Бандольеро», или, сидя в ванне, напевал отрывки из «Бандольеро», он видел перед собой милые черты.

Казалось, они и сейчас у него перед глазами. Да, так оно и было. Гертруда только что вышла из дверей напротив и стояла, глядя на него с явным изумлением. И припомнив, что с минуты на минуту из ночи должна выскочить Фуксия, превратив их тет-а-тет в любовный треугольник, он до того ужаснулся, что покачнулся назад, словно возлюбленная огрела его хоккейной клюшкой.

Гертруда опомнилась первая. Кичливые аристократы, путешествующие по морю первым классом, не имеют обычая вторгаться на территорию второго, и она удивилась при виде Монти не меньше, чем он при виде ее. Но потом догадалась:

— Привет, дорогой, — сказала она. — Ты тоже пришел послушать?

— Что?..

— Как поет Альберт Пизмарч.

Ни один утопающий, в третий раз идущий ко дну, не цепляется за спасательный круг с такой бешеной энергией, с какой Монти уцепился за это спасительное предположение.

— Ага. Именно. Пришел послушать. Гертруда улыбнулась:

— Он, бедняга, очень нервничал. И попросил меня поддержать его аплодисментами.

Эти слова всколыхнули застарелые анти-пизмарчевские настроения, возникшие после дурацкой выходки с Микки Маусом. Так вот зачем она сюда явилась! Чтобы аплодировать этому гнусному Пизмарчу!

Монти чуть плохо не стало. Дело было не только в том, что этот тип честолобив до омерзения, хотя, было бы кому аплодировать! — истинный артист выше мнений толпы. Его чувства были значительно более глубокими. Все мы заражены крупницей суеверия, и у Монти появилось ощущение, что в том постоянстве, с которым Альберт Пизмарч возникает у

него на пути, есть нечто мистическое, вроде семейного проклятия. У этих, как их там, был монах без головы, у тех — забыл, ну, эти — призрак охотника, а у него — Альберт Пизмарч.

В ослепительной вспышке озарения Альберт впервые предстал перед ним в истинном свете — не прозаическим стюардом, а колдуном, наводящим порчу.

— Ты опоздал. Он только что выступил. Довольно удачно получилось. Даже очень. Но никто не поет «Бандольеро» так, как ты, Монти.

Это был комплимент, и при более благоприятном стечении обстоятельств Монти оценил бы его по достоинству. Но сейчас он пребывал в душевном смятении и пропустил фразу мимо ушей, поскольку озирался кругом, словно Макбет, ожидающий призрака Банко. Оговаривая условия совещания Бодкин — Флокс, Реджи сказал: «десять ноль-ноль», а десять ноль-ноль наступило несколько минут назад. То есть в любой момент из темноты могла вынырнуть рыжеволосая голова.

И что тогда делать?

— Кстати, — заволновался он, — который час?

— Зачем тебе?

— Так просто. Хочу проверить часы.

— Сколько на твоих?

— Пять минут одиннадцатого.

Гертруда взглянула на свои изящные часики.

— Твои спешат. На моих — без пяти. Монти вздохнул с облегчением.

— Пошли отсюда, — предложил он.

— Почему? Здесь так занятно.

— Занятно?

— Словно другой корабль.

— А мне не нравится.

— Да почему?

— Слишком... э-э-э... темно.

— А мне нравится. И потом, я хочу дождаться Альберта Пизмарча.

— Это еще зачем?

— Чтобы его поздравить. Он неплохо выступил, и так, бедняга, нервничал — в самый последний момент его заставили поменять песню. Сейчас у него, наверное, как гора с плеч. Он может обидеться, если я не скажу, что мне понравилось.

— Верно, — сказал он. — Конечно. Точно. Да. Ты абсолютно права. Жди здесь. Сейчас я его приведу.

— Зачем, не надо!

— Нет, надо. Я хочу сказать, может, он пойдет другим путем... Ну, например, через люк или еще как...

— Об этом я не подумала. Хорошо. Только не приводи его прямо сейчас. Пусть он сначала зайдет ко мне в каюту и прихватит шаль, а ты возвращайся.

— Договорились.

— Может, мне сходить с тобой?

— Нет, — сказал Монти. — Нет-нет. Не беспокойся. Не нужно.

Через несколько минут Монти вернулся заметно повеселевшим. Он больше не хмурился и не отирал лоб носовым платком. У него был вид человека, который прошел через горнило и обрел наконец место попрохладнее.

— До чего же хорошо, — сказал он. — Как будто другой корабль.

— А я что говорила?

— И была абсолютно права.

— Темнота не смущает?

— Нет, так даже лучше.

— Нашел Пизмарча?

— Ага. Он как раз допивал пиво, которым его угостили друзья и поклонники.

— Наверное, он рад, что песня имела успех.

— Еще бы! Насколько я понял, он собирается включить «Бандольеро» в постоянный репертуар. Судя по всему, до этого он специализировался на «Свадебной песне пахаря».

— А ты попросил его принести шаль?

— Да. Я распорядился на этот счет, скоро явится.

Он умолчал о том (у мужчин бывают свои маленькие секреты), что прежде чем исполнять поручение, наказал Альберту Пизмарчу занять наблюдательный пост у перехода из первого класса во второй и, подобно Горацию на мосту,^[74] предотвратить вторжение Фуксии. После этого маневра ему полегчало. Теперь полный порядок, думал он. Как мы уже убедились, он не причислял стюарда к выдающимся стратегам нашего времени, однако такую простую и бесхитростную операцию, казалось, трудно провалить.

Он вдохнул полной грудью свежий океанский воздух, чувствуя себя генералом в конце триумфального сражения. И нежно поцеловал Гертруду, причем не один, а множество раз.

Все складывалось замечательным образом. Вне всяких сомнений. Она оценила его порыв, однако особой пылкости он не заметил. Манеры ее

были сдержанны и в голосе сквозил холодок. По всему видно было, что-то ее смущает.

— Монти, — тихо сказала она.

— А?

Молчание. Потом, после паузы:

— Монти, помнишь, о чем мы с тобой говорили перед ланчем?

— А?

— Про мисс Флокс и про то, чтобы вы не общались.

— Ах это! Ну да...

— Ты с ней не разговаривал?

Монти выпятил грудь колесом. Будь на нем накрахмаленная сорочка, а не более современная рубашка из мягкого пике она бы в момент лопнула. Ни одну грудь не распирает так, как грудь человека с чистой совестью.

— Нет!

— Я очень рада.

— Я с ней даже не виделся!

В голосе Гертруды опять послышался холодок:

— Ясно. А если бы встретил, заговорил бы?

— Нет-нет. Ничего подобного. Я бы с ней даже не поздоровался.

— Здороваться нужно.

— Не всегда.

— Я против этого не возражаю.

— Ну хорошо, поздоровался бы — холодно.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Тогда я спокойна. Она нехороший человек.

— Точно.

— Наверное, потому что из Голливуда.

— Совершенно верно.

— Или потому, что рыжая.

— Тоже возможно.

— Значит, ты с ней не разговаривал?

— Ни словом не обмолвился.

— Я так счастлива... Монти!

— Гертруда!

— Ой, кто-то идет.

Кто-то в белой куртке двигался прямо на них из темноты. Он тяжело дышал, но упорно напевал «Бандольеро».

— Пизмарч? — окликнула его Гертруда.

— А, вот вы где, мисс, — сказал Пизмарч вежливо. — Я принес вам шаль.

— Спасибо большое.

— Не знаю, ту или нет — она висела у вас в шкафу. Голубая и пушистая на ощупь.

— Да, это она. Все правильно. Спасибо большое. Выступление прошло великолепно, от всей души поздравляю.

— Благодарю, мисс. Да, пожалуй, я и впрямь всех сразил наповал. Публика неистовствовала. Отличный номер, мисс. Вы правильно отметили, очень зажигательный. Я намерен чаще исполнять его в будущем.

— Мистер Бодкин так и сказал.

Стюард стал вглядываться во тьму:

— А, так это мистер Бодкин рядом с вами, мисс? Я его не узнал. У меня для вас сообщение, сэр, — сказал Альберт Пизмарч учтиво. — Следуя вашей инструкции, сэр, я подстерег мисс Флокс и отослал ее назад, уведомив, что в настоящий момент вы не можете встретиться с ней, как было ранее условлено, а она попросила передать, что все понимает, ничего страшного, и будет ждать вас у себя в каюте в любое время между одиннадцатью вечера и полуночью.

Глава XIX

Украдкой пробираясь по коридорам, на цыпочках спускаясь по лестницам, уворачиваясь от встречных стюардов, стюардесс и пассажиров, Реджи Теннисон, покинув салон в десять ноль-ноль, в три с половиной минуты одиннадцатого стоял возле дверей Фуксии. Сердце его бешено колотилось и, казалось, вот-вот лопнет от натуги, а позвоночник под смокингом извивался, как змея. Он так долго не смелдохнуть, что почти забыл, как это делается. Как Монти Бодкина перед свиданием с Фуксией и Альберта Пизмарча перед исполнением «Бандольеро», его одолела трусость.

Собираясь надело, он был настроен на легкий и непринужденный лад, точно юный фланер, решивший размять ноги после обеда. Однако с каждым шагом образ беспечного гуляки становился все менее убедительным, и когда наконец он остановился в тиши коридора, испуганно озираясь по сторонам и настороженно прислушиваясь к глухому и зловещему поскрипыванию половиц, от которого сердце уходило в пятки, трактовка роли кардинально изменилась. В настоящий момент он весьма талантливо изображал одного из тех подозрительных субъектов, которых любит задерживать полиция. Полицейский, случись таковому оказаться рядом, не сказал бы наверняка, что именно замыслил Реджи — убийство, поджог, кражу со взломом или покупку шоколадки после восьми вечера, но ясно было одно: он замыслил что-то нехорошее.

Секунд сорок молодой человек простоял в неподвижности, лишь глазами бешено вращал. Затем, когда ему показалось, что так может длиться до бесконечности, внезапно в голове у него промелькнула мысль, от которой он вновь осмелел и приободрился, а легкие обрели былую эластичность. Лицо его посуровело, плечи расправились, а губы беззвучно зашевелились, словно внутренний голос шепнул ему на ухо: «Две тысячи фунтов», а он ответил: «Помню, помню, не забыл». Он судорожно рванул дверную ручку и вошел внутрь.

Учитывая, что хозяйка каюты когда-то была ему дорога — однажды дело даже дошло до предложения руки и сердца, — можно было бы подумать, что, оглядывая ее апартаменты и натываясь глазами на ее вещи, Реджи Теннисон настроится на сентиментальный лад — в порыве, скажем, нежности схватит щетку для волос и с легким вздохом прижмет к губам, ласково коснется оранжевой губной помады или пинцета для бровей.

Однако случай был явно не тот. Эмоции Реджи были в точности как у Десмонта Каррузерса — героя книги, которую он сегодня утром взял почитать в библиотеке, — когда тот вступал под сень индийского храма, чтобы похитить гигантский сапфир из глазницы местного божества. Десмонт был сосредоточен на деле, и Реджи следовал его примеру. Он сконцентрировал внимание на комод, который стоял в углу. Когда после обследования выяснилось, что тот заперт на ключ, он почувствовал себя примерно так же, как Десмонт Каррузерс, когда обнаружил между собой и идолом пару огромных кобр, которых туда подложил коварный жрец. Подобное чувство всегда посещает человека, когда он замечает, что его выставили на посмешище.

Некоторое время он простоял, не зная что делать.

Но это длилось недолго. Разум ему подсказал, что где есть комоды, там есть и ключи, а внутреннее чутье привело к туалетному столику. Ключи нашлись в верхнем ящике, и он уже было собрался вернуться к комоду, но тут взгляд его упал на фотографию в серебряной рамочке, прислоненную к зеркалу. Это был его брат Амброз, снятый анфас с дымящейся трубкой во рту.

Романистам, пишущим о героических подвигах и приключениях, следует в законодательном порядке запретить фотографироваться с трубкой. Это несправедливо по отношению к читателям, которым этот снимок может попасться на глаза. Они получают такими мужественными и суровыми, что испугаться можно. Это и произошло с Реджи. В лихости, с которой Амброз закусил трубку, ему почудилось что-то жутковатое. При мысли о том, что этот здоровяк спокойно разгуливает по кораблю и в любой момент может вломиться в дверь и его застукать, Реджи Теннисона прошиб холодный пот.

Но тут внутренний голос опять шепнул ему на ухо: «Две тысячи фунтов!», и он поборол минутную слабость. Он вернулся к комоду, подобрал подходящий ключ и, стиснув зубы, начал лихорадочный обыск.

Он совершенно напрасно тратил силы и нервы. Уже после беглого осмотра стало ясно, что Микки Маус может быть где угодно, только не в комод. Сама природа Микки Маусов такова, что любой охотник за ними может сразу сказать, есть он в данном месте или нет. Это вам не рубин магараджи или секретный договор, которые можно незаметно сунуть под камзол, укрыв от настырных глаз. У Микки Мауса есть габариты. Если, выдвинув ящик, вы не находите его сразу, следовательно, он не здесь, и рыться в женском белье — пустая потеря времени.

Тем не менее несколько мучительных минут Реджи в белье рылся.

Слишком много было поставлено на кон, и в такой ситуации человеку нелегко сдаться и признать поражение. Внутренний голос — быть может, несколько занудливо, если вообще уместно к нему придирается, — продолжал нашептывать про две тысячи фунтов, и эти слова подстегивали его как шпоры. Будь он даже одним из тех таможенников, которые являлись мистеру Льюэлину в ночных кошмарах, и тогда бы он не перетряхивал вещи с большим рвением.

Ему казалось абсолютно невероятным, что эта мебель не выдаст искомое, обеспечив счастливый финал. Где же еще в этой чертовой комнате, спрашивал он себя, может храниться Микки Маус?

Ящик за ящиком он обшарил туалетный столик. Обыскал гардероб. Ощупал пространство сверху гардероба за спасательным кругом. Нигде ничего. Достаточно было один раз хорошенько оглядеться вокруг, чтобы убедиться, что Микки Маус не лежит на стуле и не валяется на кровати. Он где-то в этом проклятом комод, это точно, сказал себе Реджи и погрузил дрожащие пальцы в стопки носовых платков, шарфов, поясов, шерстяных джемперов, шелковых джемперов, зеленых джемперов, красных джемперов, странных причиндалов в кружавчиках, странных причиндалов без кружавчиков итого, что, как подсказывал ему жизненный опыт, называлось «трусики».

Ничего хорошего. Пришлось бросить это занятие. Скрепя сердце, он запер комод и, не переставая бросать через плечо долгие тоскливые взоры, вернулся к туалетному столику и положил ключи на место, стараясь при этом не смотреть на фотографию Амброза. Но не сумел, содрогнулся, вышел на середину комнаты и стал медленно поворачиваться вокруг своей оси, шаря глазами по ковру, словно надеялся увидеть там секретные лазы или тайники.

И внезапно, пока он так поворачивался, в глазах его вновь вспыхнул огонек. Он кое-что приметил. Нет, не секретный лаз и не тайник, а плетеную корзинку, притулившуюся возле кровати, — не большую, но и не маленькую, идеально подходящую для того, чтобы девушка с изобретательным умом, которой нужно припрятать коричневого плюшевого Микки Мауса, использовала ее по этому назначению.

«Гип-гип ура!» — воскликнул внутренний голос, сменив пластинку.

«Ага!» — отозвался Реджи.

«Две тысячи фунтов!» — сказал внутренний голос, опять принимаясь за старое.

«Они самые!» — ответил Реджи.

Он бодро подскочил к плетеной корзинке, наклонился, приподнял

крышку и сунул руку внутрь.

Фуксия Флокс пила с Амброзом послеобеденный кофе. Она сидела в салоне битый час, а, может, и больше, осторожно стараясь разогнать его уныние. Она высказывалась в том духе, что не все еще потеряно, и, вероятно, найдется выход из той плачевной ситуации, в которой они оказались. Так проходило время. Вдруг, мельком взглянув на часы, Фуксия увидела, что стрелки подбираются к десяти — а в это время она условилась встретиться с Монти во втором классе на палубе и обсудить дела.

Поскольку раньше, чем будут выполнены ее условия, расставаться с роковой мышью она не собиралась, беседа с Монти представлялась ей пустопорожней тратой времени, но она дала слово, и потому, в десять часов одну минуту приложив ладонь ко лбу, мастерски изобразила недомогание, и, сославшись на головную боль, предложила разойтись по каютам и лечь спать.

Это вышло настолько естественно, что Амброз перепугался, и еще пять минут ушло на то, чтобы его успокоить и убедить, что болезнь, хоть и мучительна, но не смертельна. Она смогла уйти только в десять часов семь минут.

Она припустилась бежать и за минуту и тридцать шесть секунд добралась до назначенного места. Здесь, как уже было описано, она наткнулась на Альберта Пизмарча, который, широко расставив ноги, стоял поперек пути, как Аполлион.^[75]

Переговоры с Альбертом были краткими. Отнюдь не по инициативе стюарда, ибо он мог говорить долго и самозабвенно, вспоминая о своем триумфе на подмостках эстрады. Но годы, проведенные на голливудских киностудиях, сделали Фуксию непревзойденной специалисткой в искусстве отшивать хвастунов. И в двенадцать минут одиннадцатого Альберт Пизмарч, передав сообщение Монти, растворился в ночи, а мисс Флокс развернулась и пошла вниз по направлению к своей каюте.

Она была раздосадована, и не без причины. Ей совершенно не улыбалось киснуть в четырех стенах в такое детское время, ибо она была любительницей ночной жизни как в городе, так и на корабле, и обычно резвилась примерно до половины пятого утра, веселя прямо на глазах. Но она сама лишила себя выбора. Непревзойденный артистизм, с которым она сыграла роль хрупкого создания, умирающего от головной боли, закрыл ей дорогу обратно в салон, где звучала музыка и сияли огни. Вернись она назад, Амброз точно решит, что она изображает геройство и молча страдает ради того, чтобы скрасить его одиночество, и его рыцарская душа

этого не потерпит. Он будет носиться с ней как с малым ребенком: отправит ее в постель, так что этот вариант отпадал.

Хочешь не хочешь, а на вечер у нее не оставалось ничего, кроме каюты. Свернув в коридор, она взглянула на часы: было ровно четырнадцать минут одиннадцатого. Бормоча под нос замечание, которое она как-то слышала от режиссера, когда однажды в разгар съемок она вдруг решила прогуляться на свежем воздухе, Фуксия подошла к своей каюте. Взявшись за ручку, она отдернула пальцы, словно коснулась раскаленного металла, потому что в этот момент за дверью раздался дикий крик.

Она не медлила ни секунды. У Фуксии Флокс могла быть куча пороков — Гертруда Баттервик насчитала бы с десятков, — но в недостатке храбрости ее нельзя было упрекнуть. Услышав вопль, она, конечно, вздрогнула, но другая девушка на ее месте вздрогнула бы сильнее. После этого она перешла к действиям. Оружия при ней не было, а раз в ее каюте кого-то убили, значит, там должен находиться убийца вместе с трупом, и тем не менее без малейших колебаний она рывком распахнула дверь.

Глаза ее уперлись в Реджинальда Теннисона. Сунув в рот мизинец правой руки, он кружил по комнате, выделявая танцевальные па в духе Астера.^[76]

Девушка, которая настроилась увидеть в своей спальне самого дьявола в человеческом облике, а вместо того обнаруживает молодого человека, с которым ей приходилось часто обедать, ужинать и прогуливаться под ручку, вероятнее всего, испытает определенные трудности при подборе слов, передающих степень ее изумления. Оттого, что он пляшет, посасывая палец, ей не становится легче. И в первые минуты негаданной встречи она просто стояла в дверях, разинув рот.

Реджи был не более многословным. Заметив ее, он прекратил кружение, однако не произнес ни слова. Сегодня вечером на пути в каюту он придумал, что скажет, если вдруг по несчастью явится хозяин и застанет его врасплох. Теперь же, когда это случилось, он молчал. У него болел палец, и он сосал его.

Первой нашлась Фуксия:

— Реджи, ты ли это?

Реджинальд Теннисон вынул палец изо рта. Если бы он с виноватым видом прятал глаза, еще куда ни шло, но он глаз не прятал. Он вел себя как человек, который кипит от возмущения и праведного гнева.

— Что за черт, — спросил он с пафосом, — сидит у тебя в корзинке?

Фуксия стала понемногу понимать, в чем дело. Ей стало смешно. Она смотрела на вещи просто и здраво, любила незамысловатую комедию, и реакция тех, кто приоткрывал ее корзинку, всегда ее веселила.

— Это мой крокодил.

— Кто?

— Крокодил. Не знаешь, что такое крокодил? Не беда, это Дело наживное.

От того, что он услышал, Реджи не стало легче.

— Крокодил? У тебя здесь что — питомник? Что делать крокодилу в цивилизованной каюте?

Фуксии не терпелось приступить к расспросам, но у нее было такое предчувствие, что пока ее гость не получит удовлетворительных разъяснений, не стоит и пытаться переключить его внимание на иные предметы.

— Обычный рекламный трюк. По мысли моего имиджмейкера, это улучшает общую композицию. Одно время он колебался между крокодилом и мангутом, потом — между крокодилом и домоседкой, которая сидит, зарывшись в книжки, но в конце концов большинство голосов получил крокодил, и я этому рада, потому что крокодил — отличное вложение капитала. Хочешь верь, хочешь не верь, но это именно так. Он прекрасная реклама, и тот, кто не ходил с крокодилом под мышкой, не поймет, сколько радостей он приносит. А что случилось? Уилфред тебя укусил?

— Он чуть не отхватил мне руку.

— Не надо было его дразнить.

— Я его не дразнил.

— Тогда, может, он принял тебя за муху.

— Он что, дурак? Разве я похож на муху?

Во время разговора Фуксия широко улыбалась — она всегда так улыбалась, беседуя с теми, кто только что заглянул в корзинку. Но сейчас улыбка сползла с ее лица, она сурово поджала губы.

— Ты похож, — сказала она спокойно, но решительно, — на человека, который сейчас расскажет, что он делает у меня в каюте.

С самого начала беседы у Реджи было неприятное предчувствие, что рано или поздно ему придется пролить свет на этот вопрос. Теперь такой момент наступил, но неприятное предчувствие не отпускало. Положение у него было шаткое, и, как многие в подобной ситуации, он прибег к нападению.

— Не все ли равно? Разве об этом речь? Этот твой людоедский

крокодил. Видишь — палец. Если это не страшная рана, тогда я не видел страшных ран. Крокодилы какие-то! — сказал Реджи с горечью, ибо эта тема не оставляла его равнодушным.

Фуксия его поправила:

— Не увиливай. Что ты, наказание божье, делаешь в моей каюте? Лучше признавайся по-хорошему, юный Реджи, а то будет худо.

Реджи кашлянул. Не вынимая мизинца правой руки изо рта левой он подергал себя за воротник и опять кашлянул.

— Ну?

Реджи собрался с духом. Если бы наступательная тактика могла в итоге принести победу, он продолжал бы в том же духе, но одного взгляда на хозяйку каюты было достаточно, чтобы убедиться в обратном. В Фуксии не осталось и капли той беззаботности, которая в более счастливые времена делала ее отличной соседкой по ресторанному столику. Теперь она смотрела сурово и была настроена решительно. Глаза ее сверкали, подбородок был боевито выставлен вперед, зубы скрежетали. Реджи даже со страху показалось, что волосы у нее порыжели еще больше.

Он решился во всем чистосердечно признаться.

— Послушай, Фукси!

— Ну?

— Я тебе все расскажу.

— Давно пора.

— Я здесь искал эту мышь.

— Ах так!

— Ну, которую ты стащила. Он меня попросил ее найти. Фуксия улыбнулась, но улыбка получилась мрачной. Это признание ее не удивило. Она была способна делать умозаключения на основании видимых улик и давным-давно заподозрила, что тут не обошлось без Монти.

— Ах, так! — сказала она. — И что, нашел?

— Нет.

— Не повезло?

— Да.

— Ясно. Сейчас найдешь.

Из-под накидки, которая была у нее переброшена через руку, она извлекла Микки Мауса.

— О, Господи!

— Уж не думаешь ли ты, что я настолько глупа, чтобы оставить его в каюте, когда тут кишмя кишат громилы вроде тебя?

С неприкрытым вождением Реджи уставился на мышь. Глаза его

вылезли на макушку.

— Фукси! — вскричал он. — Отдай его мне!

Мисс Флокс задумчиво посмотрела на него. Она была давно знакома с Реджинальдом Теннисоном, хорошо знала, что этот молодой человек — без руля и без ветрил, но никогда не подозревала, что в нем столько нахальства.

— Что? Отдать его тебе?

— Да.

— Держи карман шире, — предупредила Фуксия. — Отдать тебе мышь! Ничего себе! За кого ты меня принимаешь?

Реджи сделал умоляющий жест.

— Фукси! — крикнул он. — Фукси, старушка, ты себе даже не представляешь, до чего мне нужна эта мышь!

— Реджи, старик, ты даже себе не представляешь, до чего она мне самой нужна.

— Имей совесть. Я все тебе расскажу. Понимаешь, я влюблен.

— По-моему, ты влюблен постоянно.

— На этот раз это настоящее чувство, самого высшего класса.

— Кто она?

— Мейбл Спенс.

— Славная девушка, — похвалила Фуксия. — Мне она всегда нравилась. Ты с ней объяснился?

— Еще нет.

— Мейбл для тебя чересчур разумная.

— Ничего не чересчур. По крайней мере, я на это надеюсь. Загвоздка в том, что без мыши дело не двинется. У меня ни гроша за душой. Единственный шанс поправить дела — это заполучить мышь и отдать ее Монти. За нее он готов отсыпать две тысячи фунтов.

— Что?

— Ну да. С двумя тысячами я смогу поехать в Голливуд. В противном случае придется тащиться в Монреаль и до скончания века киснуть на работе.

Огонь потух в глазах Фуксии, губы задрожали — ошибки тут быть не могло. Хобокенские Мерфи были людьми горячими и заводились с полоборота, но сердце у них было тоже горячим.

— О, Реджи!

— Теперь ясно, к чему я клоню?

— Конечно.

— И что скажешь?

Фуксия сокрушенно потрянула пламенной шевелюрой.

— Не могу.

— Фукси!

— Что «Фукси»? Сказано тебе, не могу. Если Бодкин тебя просветил по мышинной части, ты знаешь мои обстоятельства. Я обязана выбить для Амброза должность сценариста, и единственное средство для этого — мышь. И не смотри, пожалуйста, на меня такими глазами. Я имею такое же право завести семью, как и ты. Амброз не женится на мне, пока у него не будет работы. Вот и приходится держать Бодкина на крючке.

— Полагаю, ты отдаешь себе отчет, что это пахнет шантажом?

— Это и есть шантаж, — заверила его Фуксия. — Если хочешь знать, я презираю себя за это. Но лучше уж презирать себя, чем потерять Амброза. Реджи, птичка моя, ты ведь знаешь, ради тебя я на все готова! Но сейчас ты требуешь невозможного. Не могу я отдать тебе мышь — не могу, и все. Понимаешь?

Реджи кивнул. Он понимал, что сел в лужу.

— Естественно.

— И не делай такого лица, Реджи, дорогой, это просто невыносимо. Почему бы тебе не уломать этого дурака Бодкина, чтобы он устроился к Льюэлину? Ведь если этот номер пройдет, будет полный порядок. Он только тебя увидит — и мигом надавит на Айки по поводу Амброза.

— Боюсь, это безнадежно. Монти поклялся, что не пойдет в актеры ни за какие коврижки. Так он сказал.

— Лично меня он утомил.

— Меня тоже. Однако факт остается фактом, — сказал Реджи. — Что ж, мне пора. Спасибо за приятный вечер.

В задумчивости посасывая палец, он направился к дверям, на прощание метнув неприязненный взгляд в сторону плетеной корзинки. Дверь за ним закрылась. Фуксия не старалась его удержать: ей нечего было сказать.

Она присела на постель. Обычно, когда она оставалась одна, то открывала плетеную корзинку и ворковала с ее обитателем, чтобы тот не подумал, что о нем забыли, однако после недавней душераздирающей сцены на сердце у нее кошки скребли, и ей было не до воркования с крокодилами. Она сидела, глядя перед собой, в горле у нее стоял ком, из глаз, казалось, вот-вот брызнут слезы, — она любила всплакнуть, когда на душе скребли кошки; но ее горькие думы прервал стук в дверь.

Она поднялась, осушила слезы, взгляд ее посуровел. Она подумала, что это Альберт Пизмарч явился почистить ковер и прибрать, а на самом

деле удовлетворить свою порочную склонность к долгим интеллектуальным беседам. Сейчас она была готова оторвать голову любому, явившемуся к ней поболтать.

— Войдите, — пригласила она.

Дверь отворилась. На пороге стоял отнюдь не Альберт Пизмарч, а Амброз Теннисон. В руке он держал один пузырек, другой торчал у него из кармана, ибо любой влюбленный, видя, как предмет его любви, пошатываясь, ковыляет прочь, держась за голову и кусая губы от невыносимой боли, не станет сиднем сидеть, покуривая сигару, а помчится со всех ног к корабельному врачу за лекарством от мигрени. Так поступил и Амброз, расставшись с Фуксией в салоне. Пока она поднималась вверх на палубу второго класса, он спустился вниз в медицинский кабинет, расположенный где-то в утробе корабля.

Затем ему пришлось немного подождать, пока искали доктора. Днем корабельные врачи играют в кольца с самой красивой девушкой на борту, а после обеда они берут самую красивую девушку на борту, а если та занята, вторую по красоте, и устраивают партию в триктрак. Тем не менее доктор пришел, и Амброз с двумя пузырьками высокоэффективных микстур отправился в обратный путь.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

Неожиданное появление возлюбленного странным образом подействовало на Фуксию. Увидев вместо Альберта Пизмарча, на которого уже настроилась, Амброза, она расклеилась. Внезапно ее захлестнула волна пронзительной нежности, в горле запершило, и по щекам заструились слезы. Она полностью утратила над собой контроль.

— У-у-у-у, — всхлипывала она. — У-у-у-у.

Как уже ранее подчеркивалось в этом повествовании, мужчина, в присутствии которого девушка вдруг начинает издавать звук «у-у-у-у», имеет в запасе единственное средство для ободрения, а именно — легко погладить ее по голове или плечу. Естественно, этот рецепт годится только для более или менее посторонних представителей мужского пола. Если зрителем выступает человек, который любит эту всхлипывающую девушку и она ему платит взаимностью, ситуация требует более категоричных мер: обнять ее, приласкать, осушить слезы поцелуями, броситься перед ней на колени и захлеб прошептать ничего не значащие слова.

Амброз Теннисон не сделал ничего из вышеперечисленного. Он стоял неподвижно, с окаменевшим лицом, зажав в руке пузырек, а другой торчал у него из кармана.

— Я тебе кое-что принес, — произнес он глухо. — От головной боли.

Еще не выплакавшись до конца, Фуксия села и вытерла глаза. Она была поражена. Вместо того чтобы шагнуть вперед и взять ее руку в свою, Амброз оставался безучастен, и это было настолько удивительно, что слезы ее остановились, словно кто-то закрутил кран.

— Амми! — вскричала она.

Амброз был по-прежнему холоден и подчеркнуто галантен.

— Я бы раньше принес, — сказал он, — если бы не пришлось ждать доктора.

Он помолчал немного.

— А потом, — сказал он с деланным безразличием, — я услышал, как ты разговариваешь с каким-то мужчиной, и решил вас не беспокоить.

Он поставил пузырьки на туалетный столик и развернулся к дверям — Фуксия преградила ему путь.

От ее слез не осталось и следа. Теперь она была энергична и полна решимости:

— Постой, Амброз. погоди хотя бы минутку.

Маска непроницаемости, казалось, треснула, и лицо Амброза ожило. Сейчас он совершенно не походил на свою фотографию в серебряной рамке. Будь у него во рту трубка, он наверняка бы ее уронил.

— Ты сказала, что у тебя болит голова.

— Знаю.

— И ушла в каюту.

— Послушай, Амми. Я сейчас все объясню. Ради всего святого, давай не будем опять начинать ссору. Ей-богу, иногда хороший скандал необходим как воздух, но только не сию минуту. Присядь, и я расскажу тебе все как на духу.

Глава XX

Избавившись от Фуксии Флокс, Реджи Теннисон не сразу отправился на розыски своего патрона, чтобы дать полный отчет о случившемся. В момент горького разочарования, когда все воздушные замки, казалось, рухнули и душа ноет так, словно ее скрутило в узлы и протащило сквозь бельевого пресс, — в такой момент каждый инстинктивно ищет уединения. Реджи хотелось побыть одному, чтобы зализать раны, и не только фигурального свойства. Замедленная мыслительная реакция крокодила Уилфреда, оказавшегося явно не способным провести различие между выпускником Итона и мухой, привела к тому, что теперь у него саднил мизинец.

Сначала он укрылся в салоне, однако долго там не усидел. Помещение, по счастью, было пустым, но душным. В нем витали странные, едва уловимые запахи, специфичные для салонов океанских лайнеров, — кажется, вот-вот здесь наступит нестерпимая вонища, но все остается по-прежнему. От всего этого на Реджи еще сильнее накатила тоска, он вышел вон и направил стопы на открытую палубу.

Ход оказался верным. Теплый вечерний воздух освежал и бодрил. И хотя с большей охотой он бы и дальше предавался своим невеселым думам, но, поймав себя на том, что мысль о предстоящем разговоре с Монти уже не вызывает у него острого приступа тошноты, минут через двадцать после ухода от Фуксии он спустился на палубу «В».

Не успел он добраться до каюты, как дверь ее резко распахнулась, словно ручку рванул человек с горящей душой, и в коридор вывалился его братец Амброз — с перекошенным лицом и запавшими глазами. Он словно не заметил Реджи и молча прошествовал мимо. Реджи в недоумении глядел ему вслед, пока тот не скрылся из виду. После этого он проследовал в каюту. Но, едва переступив порог, отпрянул назад, словно его укусили крокодилы.

Монти Бодкин сидел на краю кровати с Микки Маусом в руке и с отсутствующим видом откручивал ему голову.

— А, это ты, Реджи, привет, — произнес он хмуро, откручивая голову, затем приворачивая ее на место и вновь откручивая.

Реджи Теннисоном овладело такое чувство, которое иногда бывает во сне, — чувство абсурдности происходящего. Перед ним сидел Монти Бодкин, и тут же, если зрение его не подводило, находился Микки Маус

собственной персоной — роковой мышонок, истинный виновник переполоха. Монти был похож на кусок штукатурки: движения его были вялыми, а tout ensemble^[77] утратило жизненную искру. К данной ситуации подходило только слово «беспрецедентно».

— Что это? — тихо произнес Реджи, указывая на мышь дрожащим пальцем.

Монти по-прежнему напоминал собой кусок штукатурки.

— Ты прав, — сказал он. — Микки Маус опять у меня. Буквально с минуту назад Амброз притащил.

Реджи рухнул в кресло и крепко-накрепко ухватился за подлокотники. Немного полегчало.

— Кто? Амброз?

— Он самый.

— Ты говоришь, Амброз принес Микки Мауса?

— Ну да. По всей очевидности, Фуксия рассказала ему свой план, а он наложил президентское вето. Он, мол, этого не потерпит. Это ей не в бирюльки играть — шантажировать людей Микки Маусами. Забрал у нее мышь, а потом притащил мне.

Реджи еще крепче вцепился в кресло.

— Ты это серьезно?

— Вполне.

— Прямо так и сказал: это ей не в бирюльки играть?

— Ага.

— И воздействовал на нее исключительно силою воли?

Реджи глубоко вздохнул. Его обуревали новые, доселе незнакомые чувства. В некотором смысле он всегда любил бедолагу Амброза, хотя был о нем не самого высокого мнения. И уж тем более ему не приходило в голову, что его брат — сверхчеловек какой-то. Тем не менее, если Монти не врет и Амброз на самом деле убедил Фуксию переменить политику, то за это деяние его по праву надлежит зачислить в разряд сверхчеловеков. Это уж точно. Амброз храбро ринулся в бой, совсем как Наполеон, сэр Стаффорд Криппс^[78] и вся прочая братия.

— Ого! — произнес Реджи, совсем как пораженный громом Альберт Пизмарч.

— Очень благородно со стороны Амброза, — проговорил Монти, оживляясь. — Правда, широкий жест? Другой на его месте пальцем о палец бы не ударил, пустил бы дело на самотек, а в довершение еще бы и куш сорвал. Но старина Амброз не таков.

— Резонно, — согласился Реджи.

— Амброз встал на дыбы. Изъял у нее незаконно присвоенную собственность. Весьма благородно с его стороны, по-моему. Так я ему и сказал.

Помолчали. Монти отвернул Микки Маусу голову, прикрутил ее на место и снова начал откручивать.

— Ну да Бог с ним... — сказал Реджи.

— А?..

— Давай лучше поговорим о тебе.

— Обо мне?

— Ты-то почему не скачешь до потолка, а сидишь здесь, как пень? Микки этот у тебя. Что-то бурной радости не вижу...

Монти горько усмехнулся:

— Что радоваться-то? Есть Микки— нет Микки, мне теперь все равно. Все кончено.

— Кончено? — выдохнул Реджи, словно ему наподдали по мягкому месту. — Как это, кончено?!

Реджи вытаращил глаза. Если он верно уловил смысл выражения, то это означает полнейший крах. Плакали две тысячи вместе с голубой мечтой составить партию на зависть всему Голливуду.

— Кончено? — голос его дрогнул, пальцы онемели. — У тебя с Гертрудой?

— Да.

— Почему?

Монти открутил Микки Маусу голову, затем прикрутил ее на место и опять принялся откручивать.

— Сейчас расскажу. Когда ты разработал эту чертовски хитрую схему — подослать меня к Фуксии во второй класс, — ты не учел одной немаловажной детали, а именно: в этот день там был концерт. А на концерте выступал Альберт Пизмарч, и ты, конечно, не мог предвидеть, что он попросит Гертруду прийти и поддержать его аплодисментами...

— Ужас какой! И Гертруда потащилась во второй класс...

— Точно.

— И застукала тебя с Фукси?

— Нет, не застукала. Я успел перехватить Альберта Пизмарча и велел ему Фуксии увести. Он так и сделал, а потом случилось вот что. Стоим мы с Гертрудой, разговариваем, и вдруг — откуда ни возьмись — Альберт, берет под козырек и рапортует: все в полном порядке, с мисс Флокс он виделся, передал, что свидание отменяется, а она ответила, ничего

страшного, она будет ждать меня в своей каюте часиков этак в одиннадцать.

— Ничего себе!

— Так-то.

— С ума сойти!

— Ага.

— Бывают же такие дураки!

— Да, не самое блестящее проявление *savoir-faire*,^[79] — поддержал Монти. — На Гертруду эти несколько слов сильно подействовали. Читал про взрыв газа в Лондоне, когда ухлопало четверых? Так вот, наши отношения развивались примерно в том же ключе. Если ты не против, я не стану воспроизводить то, что она наговорила, поскольку мне не хотелось бы заострять внимание на деталях. Но поверь на слово, между нами все кончено — решительно, окончательно и бесповоротно.

Каюта погрузилась в тишину. Реджи сидел в кресле, впившись в подлокотники. Монти тем временем открутил Микки Маусу голову, прикрутил ее на место и принялся откручивать заново.

— Жалко, — наконец проговорил Реджи.

— Спасибо за сочувствие. Конечно, приятного мало.

— Знаешь, я тут подумал, — сказал Реджи, вставая, — пойду-ка прогуляюсь по палубе.

Через несколько минут после его ухода в дверь постучали, и вошла Мейбл Спенс.

— Надеюсь, не потревожила? Реджи Теннисон здесь?

— Только что вышел, — ответил Монти, — он на шлюпочной палубе.

— Спасибо.

Гулять по шлюпочной палубе было приятно, вернее, было бы приятно человеку, жизнь которого не пошла под откос, а надежды не разлетелись вдребезги. Веял легкий ветерок, на безоблачном небе сверкали тихие звезды. Но Реджи не чувствовал дуновения ветра, не замечал звезд. Мертвой хваткой, какой недавно цеплялся за кресло, он впился в поручни. В подобные жизненные моменты человек хватается за любую деревяшку.

Здесь его и нашла Мейбл Спенс. При звуке ее шагов он обернулся, выпустил поручни и застыл, не отрывая от нее глаз.

По ночам на палубе не видно ни зги, но любовь придает зрению остроту, и сквозь лиловатый сумрак, обволакивающий девичий стан, Реджи разглядел, что Мейбл Спенс выглядит на миллион долларов. Смелая девушка, свято верившая, что свежий воздух полезен для кожи, была без

накидки. В свете звезд ее шея и руки отливали белизной. И при мысли, что вся эта красота вскоре отправится в Южную Калифорнию, в то время как он будет прозябать в Монреале, Реджи пронзило такой острой горечью, что палуба заколыхалась под его ногами подобно трясине, а из груди вырвался глухой стон.

Мейбл выглядела озабоченной.

— Что с тобой? — спросил он.

— Ничего.

— Такой ночью не может укачать.

— Меня не укачало. Это просто...

— Просто что?

— Ой, не знаю.

— Любовь? — Реджи сильнее впился в поручни. Мейбл Спенс не имела привычки ходить вокруг да около.

Она всегда брала быка за рога. Когда на повестке дня вставал неотложный вопрос, она, не теряя времени даром, действовала спокойно и уверенно, за что ее недолюбливал свояк Айвор Льюэлин, но ценило большинство знакомых.

— Я только что от Фуксии. Она говорит, ты в меня влюблен.

Реджи попытался было что-то ответить, но голос его не слушался.

— Я решила тебя найти и выяснить, правда ли это. Ну и?

— Э-э-э...

— Это правда?

Реджи был настолько обескуражен такой абсурдной постановкой вопроса, что каким-то чудом обрел дар речи. Чертовски глупо, подумал он, спрашивать о подобных вещах, когда вот уже несколько дней он специально мельтешит у нее перед глазами, чтобы продемонстрировать свои чувства в наиболее наглядной форме. Такая разумная девушка, как она, так и подмывало его сказать, могла бы сама догадаться, что молодые люди не бросают таких взоров, какие он на нее бросал, не пожимают руки так, как он пожимал, не целуют на темных палубах так, как он целовал, если ничего не имеют в виду.

— Конечно, правда. Да ты и сама знаешь.

— Ты так считаешь?

— Значит, должна знать. Разве я на тебя не паялился?

— Ну, паялился.

— Пожимал руку?

— Пожимал.

— Целовал?

— Да, было дело.

— Так что же здесь непонятного?

— Знаю я вас, городских. Вам ничего не стоит надсмеяться над чувствами простой труженицы!

От ужаса Реджи налетел спиной на поручень.

— Что?

— Что слышал.

— Неужели ты?..

— Ну...

— Неужели ты думаешь, что я из тех мотыльков, о которых говорила моя кузина Гертруда?

— Твоя Гертруда что-то говорила о мотыльках?

— Да. Она их терпеть не может. Порхают с цветка на цветок. А я совсем не такой. Я чертовски тебя люблю.

— Здорово.

— Влюбился с первого взгляда — в тот самый день, когда ты чуть не свернула мне шею.

— Отлично.

— Именно тогда я стал тебя боготворить.

— Здорово.

— И с каждым днем мне все хуже, хуже.

— Ты хочешь сказать: лучше, лучше. ^[80]

— Нет, не хочу. Я хочу сказать: хуже, хуже. А все отчего? А оттого, что это гиблое дело. Гиблое дело, — повторил Реджи, Ударяя по поручням, — Абсолютно гиблое, черт подери!

Мейбл положила нежную ладонь на его руку.

— Гиблое? — удивилась она. — Почему? Может, ты думаешь, я тебя не люблю? Да что ты! Очень люблю.

— Честно?

— Просто опупела.

— И пойдешь за меня замуж, если я сделаю предложение?

— Даже если не сделаешь, — ответила Мейбл.

Она щебетала как птичка, и многие — во-первых, дядя Джон, во-вторых, мистер Айвор Льюэлин — сочли бы ее радостный тон совершенно неуместным. Ну как можно говорить о браке с Реджинальдом Теннисоном с такой легкомысленной восторженностью!

Ее слова произвели на Реджи странное впечатление: он рванул вперед, как скакун, словно норовил размозжить себе голову о поручни. Он был взволнован до глубины души.

— Мы не можем пожениться, в том-то и загвоздка! Неужели не ясно?
У меня нет ни гроша.

— Но...

— Знаю-знаю. Ты столько зарабатываешь, что хватит на двоих, верно?

— И еще останется.

— Все равно, что жениться на богатой наследнице и тому подобное.
Знаем, знаем. Этот вариант исключается.

— Реджи!

— Исключается.

— Реджи, дорогой!

— Нет, не искушай меня. Говорю тебе, исключается. Я не буду сидеть у тебя на шее. Никогда не думал, что благородство Амброза окажется таким прилипчивым, но симптомы налицо. Я уже с этим смирился.

— Да что с тобой?

— Сейчас объясню. Посмотрел я тут на Амброза, как он расхаживает гоголем и показывает пример благородства, и стал другим человеком. Если бы меня спросили вчера: «Порядочны ли Теннисоны?», я бы ответил уклончиво: «Кто как». Но сегодня я заявляю со всей ответственностью: «Да, черт побери, все до единого». Я люблю тебя, Мейбл, люблю, как не знаю кто, но ни за что не стану нахлебником. Лучше умереть от несчастной любви.

Мейбл вздохнула:

— Это сильнее тебя?

Реджи кивнул.

— А ты не можешь умерить свое благородство?

— Не могу.

— Ясно. Разумеется, я уважаю твою позицию.

— Вот счастье-то! Зачем мне твое уважение, когда я хочу жениться.
Сидеть напротив тебя за завтраком и протягивать чашку, чтобы ты подлила кофе...

— А я бы повторяла смешные словечки, которые малыш Реджи сказал няне...

— Точно. Раз уж ты сама затронула этот вопрос, то, признаться, у меня мелькала мысль о таком развитии событий.

— И все же ты решил хранить честь?

— Прости, старушка. Так надо. Это дело принципа.

— Ясно.

Наступило молчание. Реджи притянул к себе Мейбл Спенс и обвил рукой ее талию. Он чуть было не сломал ей ребро, но не вернул душевного

равновесия ни ей, ни себе.

— Что-то я разболтался, — угрюмо заметил он после долгой паузы. — Дело в том, что утром все складывалось как нельзя лучше. Помнишь, английские сцены папаши Льюэлина? Выдай он мне контракт, я бы как пить дать мог жениться. И ведь он почти созрел, но тут началась свистопляска с Амброзом, и вот — осечка.

— Говоришь, почти созрел?

— Ну, не то чтобы совсем, но, думаю, уломать его было вполне реально. Какая вопиющая несправедливость: этот твой свойственник мог бы все уладить, если бы только захотел, а мы не можем настроить его на нужный лад! Или можем? Как, по-твоему, стоит над ним поработать?

— Поработать?

— Ну, там, крутиться у него под ногами. Оказывать мелкие любезности. Обворожить старикана.

— Вряд ли.

— Так я и думал. А как насчет того, чтобы связать его обязательством? Спасти ему жизнь или что-нибудь в этом роде... Например, снять со взбесившейся лошади...

— Реджи!

Голос Мейбл Спенс зазвенел. Голос Реджи тоже. В волнении она схватила его за руку, и точеные пальцы остеопата пинцетом впились в его плоть.

— Прости, пожалуйста, — произнесла Мейбл, ослабляя хватку. — Ты прямо перепугал меня своим озарением. Реджи, ты даже не представляешь, насколько ты прав! Попал в самую точку. Именно так мы и поступим.

— Снимем Льюэлина со взбесившейся лошади? — Несмотря на природный оптимизм и склонность к авантюрам, Реджи одолели сомнения. — На корабле это довольно затруднительно.

— Да нет, ты окажешь Айки кое-какую услугу, а он за это сделает все, что ты пожелаешь. Давай его отыщем и огласим наше предложение. Скорее всего, он у себя в каюте.

— Что я должен делать?..

— По пути расскажу.

— Небось, убить кого-нибудь.

— Не говори ерунды.

— Но...

Мейбл вытянула руку и угрожающе растопырила пальцы:

— Сейчас опять ущипну!

— Не надо.

— Тогда пошевеливайся.

Мистера Льюэлина в каюте не оказалось; единственный, кто обретался там на данный момент, был Альберт Пизмарч. Казалось, он очень обрадовался гостям и тут же недвусмысленно дал понять, что с удовольствием поделится с ними воспоминаниями о своем недавнем триумфе. С теми, кто пытался делиться с ней воспоминаниями о триумфе, Мейбл долго не церемонилась. Не успел стюард дойти до концерта для пассажиров второго класса и «Бандольеро», как получил суровый отпор. После лаконичных «да-да» и любезных посулов непременно все выслушать в следующий раз Мейбл отрядила его на поиски своего свояка. Наконец появился мистер Льюэлин. Он был возбужден. Все конспираторы возбуждаются, когда получают весть, что их срочно вызывает на связь товарищ по конспиративной работе.

Когда он увидел Реджи, к возбуждению примешались иные эмоции. Он застыл в дверях и насупился.

Мейбл не обратила на это внимания.

— Заходи, Айки, — сказала она со свойственной ей очаровательной непринужденностью. — Не стой как статуя культурно-просветительного кинематографа. Погляди направо, потом налево, убедись, что стюард не подслушивает в коридоре, затем заходи и прикрой за собой дверь.

Мистер Льюэлин выполнил инструкцию, хотя и неуклюже. Казалось, он вот-вот потребует от Реджи исчерпывающих объяснений.

— А теперь слушай внимательно. Я рассказала Реджи про ожерелье, которое тебе нужно тайно пронести через таможню.

С губ киномагната сорвался леденящий душу стон.

Реджи поморщился:

— Только, пожалуйста, без пения, Льюэлин. Сейчас не время. Потом споете.

— Ты... ты все рассказала? Реджи расставил акценты:

— Да, Льюэлин, Мейбл ввела меня в курс дела. Итак, мой дорогой, мне все известно. Про ожерелье, про то, как вы боитесь, — короче, я знаю все. И в обмен на некоторые уступки готов взять мероприятие в свои руки.

— Что-о-о?

— Повторяю, в обмен на некоторые уступки готов взять мероприятие в свои руки. Я сам пронесу ожерелье. Выше нос, Льюэлин. Хлопайте в ладоши, пляшите от радости и расточайте ваши знаменитые улыбки.

Теперь мистер Льюэлин по-новому посмотрел на Реджи. В его взгляде уже не было бараньей неприязни, которая так задела молодого

человека на ранней стадии переговоров. Должно быть, такими глазами раненый солдат смотрел на сэра Филипа Сидни.^[81]

— Вы это всерьез?

— Конечно, всерьез, Льюэлин. В обмен на определенные уступки...

— Айки, сегодня утром мы уже обсуждали эту тему, — сказала Мейбл. — Реджи хочет получить должность эксперта по английским сценам.

— По контракту. На три года.

— Лучше на пять. С зарплатой...

— Семьсот пятьдесят долларов...

— Тысяча.

— Верно. Ты абсолютно права. Эта сумма значительно лучше.

— Круглее.

— Точно. Проще запоминается. Итак, Льюэлин, тысяча долларов в неделю.

— И учти, никаких «дополнительных условий».

— Что это за штука? — осведомился Реджи.

— Неважно. В твоём контракте их не будет. Я-то знаю, какие они бывают у Айки.

Благодарность приятно разливалась по организму, и все же мистер Льюэлин воспротивился этому наглому предложению. Любой киномагнат, независимо от отличных качеств, непременно взбунтуется, если ему предложат выкинуть из контракта пункт «дополнительные условия».

— Совсем никаких? — горестно уточнил он, поскольку всегда питал слабость к подобным пустячкам.

— Ни одного, — подтвердила Мейбл.

На миг Айвор Льюэлин заколебался. Но едва он заколебался, перед глазами у него предстало видение. Видение носило форменную фуражку и чавкало жвачкой, оно стояло нью-йоркском доке и рылось в его багаже. А в багаже не было ничего, ровным счетом ничего такого, что могло бы насторожить даже самого придирчивого таможенника. Его сомнения рассеялись окончательно.

— Будь по-вашему, — покорился он.

— А теперь, — сказала Мейбл, — вот тебе ручка и бумага. Думаю, нужно черкнуть несколько строк.

Когда с деловой частью было покончено, за визитерами захлопнулась дверь, и мистер Льюэлин, оставшись один, переоделся в розовую пижаму, надеясь впервые за всю дорогу забыться праведным сном, Мейбл

высказалась в том духе, что неплохо бы еще прогуляться по шлюпочной палубе.

Хотя Реджи целиком и полностью был «за», он вынужден был ответить отказом. Совесть не позволяла ему принять программу в предложенном виде. С сего дня он перестал быть легкомысленным и эгоистичным молодым человеком, у которого одни развлечения на уме. Пройдя очищение в горниле великой любви, Реджи Теннисон впал в альтруизм.

— Ты пока поднимайся, — сказал он. — Я буду через минутку. Мне надо обстричь одно небольшое дельце.

— Какое дельце?

— Дипломатическое. Соединить парочку юных сердец. Бедняга Монти Бодкин, по большей части из-за меня, хотя я действовал с самыми благими намерениями, рассорился с моей кузиной Гертрудой.

— Той самой, которая не любит мотыльков?

— Именно с ней. Так вот, из-за меня, хотя, повторяю, я действовал с самыми благими намерениями, она вбила себе в голову, что Монти — мотылек. Так что сначала надо вправить ей мозги, а потом уже можно спокойно гулять по палубе. Нельзя оставлять беднягу Монти в таком пиковом положении.

— Даже до завтрашнего утра?

— Даже до завтрашнего утра, — твердо сказал Реджи. — Если я не сделаю доброе дело, мне будет не по себе, и прогулка не пойдет впрок. Понимаешь, от всей этой чехарды сердце мое переполнилось сладостью и светом, ^[82] и я обязан дать им выход.

— Хорошо, только недолго.

— Пять минут, если сразу удастся отыскать Гертруду. Хотя, по моим прикидкам, она в салоне. Как я заметил, в эту пору там всегда много дам.

Интуиция его не подвела. Гертруда была в салоне. Она сидела в углу вместе с мисс Пассенджер, капитаном английской хоккейной сборной, и ее заместительницей мисс Пердью.

Пока он шел к ее столику, Гертруда холодно взирала на него, поскольку, как уже было отмечено, недолюбливала Реджи. Если опустить излишние подробности, она считала, что от него одни неприятности.

— Да? — произнесла она надменно.

Человека, имеющего за плечами опыт общения с Фуксией Флокс, которая цедила свое «Да?» сквозь стиснутые зубы, не запугаешь «Да?», исходящим от тривиальной особы женского пола, к тому же приходящейся ему двоюродной сестрой.

— Выйди из рамы, Мона Лиза, — бодро произнес Реджи. — Ты мне нужна на пару слов.

И, взяв ее за руку, он стянул ее со стула и отвел в сторону.

— А теперь выкладывай, что за ерунда у тебя получилась с Монти.

Гертруда напряглась:

— Я не хочу говорить на эту тему.

От нетерпения Реджи прищелкнул языком.

— То, о чем ты хочешь говорить, — это одно, а то, о чем пойдет разговор, — совсем другое. Можешь вообще ничего не говорить, твое дело — намотать себе на ус, что я тебе скажу. Гертруда, ты ослица. Ты кругом не права. Ты превратно судишь о Монти.

— Кто? Я?

— Молчи, — приказал Реджи. — И слушай внимательно.

Он трещал как пулемет, ни на минуту не забывая, что время поджигает. Должно быть, Мейбл Спенс уже на шлюпочной палубе — стоит в свете звезд, облокотившись о поручни. Если кто-либо на свете и брался провернуть дело в один момент, то этим человеком был Реджинальд Теннисон.

— Все, что от тебя требуется, — это слушать. Итак, касательно Монти. Излагаю факты. Постарайся уловить суть.

Никто бы не сумел обрисовать картину доходчивее его. Хотя он ужасно торопился, и пока говорил, ему постоянно мерещилась Мейбл Спенс, в одиночестве стоящая на палубе, он не скомкал повествования. Ничего не пропуская, он добросовестно, шаг за шагом, осветил цепь событий.

— Вот так оно все и было, — подытожил он. — Монти у себя в каюте. Если он еще не приготовился ко сну, смело ступай к нему и бросайся на шею. Если же он уже улегся, крикни в замочную скважину: «Привет!» и скажи, что все в полном порядке, пусть завтра, как только встанет, ждет тебя на палубе для торжественного примирения. А теперь...

Гертруда Баттервик криво усмехнулась:

— М-да...

— Что ты хочешь этим сказать?

Реджи взяла досада. Беседа, на которую он мысленно выделил пять минут, тянулась уже почти десять, а Мейбл Спенс все это время в одиночестве созерцала звезды. И вот в самый неподходящий момент кузины имеют наглость говорить «М-да...».

Гертруда опять усмехнулась:

— Блеск, а не история. Больше всего мне понравилось про то, как

мисс Флокс похитила Микки. Вот уж не предполагала, что вы с Монти такие фантазеры.

Реджи разинул рот. На такую реакцию он никак не рассчитывал.

— Уж не думаешь ли ты, что я вру?

— С тебя станется.

— Да все это правда от первого слова до последнего.

— В самом деле?

— Короче, ты мне не веришь?

— Как можно тебе верить после всего того, что я о тебе слышала?

Спокойной ночи. Я иду спать.

— Подожди секундочку...

— Спокойной ночи!

Гертруда удалилась прочь. В углу мисс Пердью многозначительно переглянулась с мисс Пассенджер.

— Сдается мне, Баттервик потеряла аппетит, — произнесла мисс Пердью.

Мисс Пассенджер вздохнула:

— У Баттервик любовь. Ее, беднягу, бросил любимый человек.

— Бросил?

— Со всего размаху. Бедняжка Баттервик!

— Бедняжка Баттервик! — отозвалась мисс Пердью. — Какое несчастье. Давай еще покурим, и ты мне все расскажешь подробно.

Глава XXI

В кругах, связанных с морскими транспортировками, королевский почтовый пароход «Атлантик» по техническим данным проходил по разряду судов, пересекающих океан за четверо суток, разумеется, если в пути его не поджидали стихийные бедствия вроде бурь и гроз или напасти вроде бунта в открытом море или нападения пиратов. То есть в среднем плавание занимало шесть дней с хвостиком. На этот раз, отчалив из Англии в среду днем, «Атлантик» должен был прибыть в Нью-Йорк во вторник сразу после второго завтрака, и он не обманул ожиданий общества. Попыхивая трубами, корабль вошел в гавань точно по расписанию.

На заключительных этапах путешествия все шло по плану. Был дан концерт для первого класса (номером шестым прозвучало «Бандольеро» в исполнении А. Ю. Пизмарча). Был съеден прощальный ужин. Поступившие на борт утренние газеты радостно сообщили согражданам, что за время их отсутствия американские женщины не утратили старой доброй привычки колошматить супругов молотками по голове, а престарелых ловеласов, как и встарь, периодически застукивают в любовных гнездышках. На борт явились портовые чиновники и с характерной для нью-йоркских портовых чиновников неохотой роздали талоны на высадку — всем своим видом говоря о том, что на сей раз они, так и быть, делают поблажку, но вообще-то с этим безобразием пора кончать. Затем путешественники сошли на берег и сгрудились в таможенном отделении для досмотра багажа.

По окончании рейса среди членов экипажа трансатлантического лайнера обычно преобладают радостные эмоции.

Капитан счастлив, что наконец-то его перестанут преследовать кошмары, будто он сворачивает не туда, куда надо, и уплывает в Африку. Казначей счастлив, что хоть немного передохнет от людей наподобие Монти Бодкина. Доктор поздравляет себя с тем, что, перенеся очередную волну увлечения триктраком и метанием колец, так ни к чему и не пристрастился. Матросов согревает мысль об отпуске на несколько дней и о покое, стюарды радуются по тому же поводу — те из них, кто сделался двоеженцем, успели подавить в себе горечь разлуки с женами и детьми, оставшимися в Саутгемптоне, и теперь предвкушают радость свидания с женами и детьми в Нью-Йорке.

Среди пассажиров, однако, мы встречаем неоднородные эмоции, меняющиеся в зависимости от личных обстоятельств. Сегодня в толчее, осаждающей таможенные посты, были те, у кого легко на душе, и те, у кого тяжело.

Тяжело, например, было Амброзу Теннисону. Он не выказывал признаков оживления при виде знаменитой нью-йоркской панорамы и не беспокоился при мысли о предстоящей таможне. Реджи Теннисон, напротив, находился в превосходной форме, настроение ему не портил даже неудавшийся роман Монти. Пока корабль пересекал бухту, он без конца целовал Мейбл Спенс.

Айвор Льюэлин также примыкал к бригаде жизнелюбцев. В последний раз подобное блаженство он испытывал в то незабвенное утро, когда переманил от Цыцбаума, из «Некклюсульта», сразу троих звезд и чехословацкого режиссера. Теперь, когда злополучное ожерелье не висело над ним тяжким грузом, он наконец получил возможность сосредоточить всю силу своего могучего интеллекта на своей Джордже и ударе в область жилетной пуговицы, которым он намеревался наградить последнего, как только тот похлопает его по спине. Он и влепил ему точь-в-точь такой удар, о каком мечтал: Джордж сломался пополам, как складной метр, и чуть было не проглотил зубной протез. В настоящее время мистер Льюэлин беседовал с репортерами о «Светлом будущем большого экрана».

Переключив внимание на Монти Бодкина, мы опять наблюдаем явственные признаки острой хандры. К панораме Нью-Йорка Монти остался так же равнодушен, как и Амброз. Созерцая ее в черной меланхолии, он не заметил в ней ничего особенного, если вообще что-то заметил. При виде статуи Свободы в голову полезла всякая чушь: вспомнилась кошмарная девица из мюзик-холла, Белла Как-там-ее, с которой их однажды вместе занесло на театральную вечеринку. Не выпуская из рук Микки Мауса, которого Альберт Пизмарч тщательно упаковал в оберточную бумагу, он с угрюмой миной раскрыл чемоданы для досмотра — состояние его расшатанной нервной системы несколько не улучшилось оттого, что он стоит рядом с Гертрудой Баттервик, ибо обе их фамилии начинаются на «Б».

На одно короткое мгновение он поймал ее взгляд. Она смотрела сквозь него, холодно и надменно. На сердце у него полегчало, когда между ними втиснулись их спутники по фамилии Берджесс, Восток и Биллингтон-Тодд и заслонили ее своими туловищами и чемоданами.

Гертруда тоже была не в безоблачном настроении. Стоять рядом с

человеком, которого она некогда любила, — это было предпоследней каплей, готовой переполнить чашу тоски и уныния. Однако завершающий штрих, видимо, решил-таки внести Альберт Пизмарч, который вот уже десять минут скакал вокруг нее, точно кузнечик, на которого напялили белый сюртук.

Альберт Пизмарч добросовестно относился к своим обязанностям. Он был не из тех стюардов, которые в последний день набьют карманы чаевыми и — поминай как звали. Когда корабль бросал якорь, Пизмарч отыскивал своих клиентов и начинал хлопотать. Последние минут десять, как мы уже говорили, он хлопотал вокруг Гертруды, и по мере того, как он хлопотал, ее нежное сердце твердело, уподобляясь одноименному органу слонихи-отшельницы. Бывают в жизни моменты, когда человек расположен к светским беседам со стюардами, а бывают — когда не расположен. Гертруда страстно желала одного: оглядеться по сторонам и удостовериться, что Альберт Пизмарч куда-нибудь сгинул.

И тут произошло чудо. Альберт исчез. Еще минуту назад он увлеченно рассказывал историю про собаку, которую держал его приятель из Саутгемптона, и вдруг — как сквозь землю провалился. Наконец-то наступило вожаделенное одиночество.

Но ненадолго. Не успела она вздохнуть с облегчением, как он появился опять.

— Прошу прощения, что пришлось отойти, мисс, — извинился он тоном истого джентльмена, возникая, как кролик из шляпы фокусника. — Меня отозвали на минуточку.

— Ради Бога, ступайте, раз у вас дела, — предложила Гертруда.

Альберт Пизмарч расплылся в великодушной улыбке.

— Мое первостепенное дело — оказывать помощь и содействие даме, — произнес он галантно. — Просто я краем глаза заметил, что меня поманил мистер Бодкин. Пришлось отлучиться. Мистер Бодкин просил кое-что вам передать. Он шлет привет и почтительно просит уделить ему минуту внимания.

Гертуду затрясло мелкой дрожью. Лицо ее вспыхнуло, глаза налились злобой, словно ей не зачили гол в решающем матче.

— Ни за что!

— Ни за что?

— Да!

— Вы не хотите разговаривать с мистером Бодкином?

— Не хочу.

— Хорошо, мисс. Я мигом, только передам информацию.

— Ну и тупица!

— Простите, сэр?

— Это не вам, — ответил Реджи Теннисон, поскольку эти слова произнес не кто иной, как он. Взяв направление из секции «Т», он зашел с тыла. — Я обращаюсь к мисс Баттервик.

— Хорошо, сэр, — сказал Альберт Пизмарч и исчез. Реджи смерил Гертруду суровым братским взглядом.

— Тупица! — повторил он. — Почему ты отказываешься разговаривать с Монти?

— Потому что не хочу.

— Идиотка! Дубина! Тупица!

Наверняка на свете есть девушки, которые позволяют своим кузенам поносить себя последними словами, но Гертруда была не из их числа. Ее пылающее лицо еще сильнее налилось краской.

— Не смей говорить со мной в таком тоне!

— А вот и посмею, — откликнулся Реджи сурово, но на всякий случай отступил за огромный саквояж. — Я-то, признаться, когда шел сюда, надеялся, что ты пораскинула мозгами и одумалась. Но что я слышу? Ты заявляешь стюарду, что не желаешь разговаривать с бедным Монти. Гертрудхен, ты выводишь меня из себя.

— Убирайся вон!

— Никуда я не уберусь. И не говори мне, что два дня и две ночи не спала, думала, взвешивала «за» и «против» и все равно не веришь, что я сказал тебе правду. Ты посмотри, как все замечательно сходится — помнишь, мы в школе проходили про фатализм в греческой трагедии, ну, как одно событие происходит из другого. Фуксия выкрадывает у Монти мышь... Чтобы выманить ее из каюты, пока я буду проводить обыск, он назначает ей свидание на палубе второго класса...

— Я уже это слышала.

— Так за чем же дело стало?

— Я не верю ни единому слову.

Реджи Теннисон набрал полную грудь воздуха и выдохнул.

— Гертрудхен, — произнес он, — твое счастье, что ты дама. Поэтому я не дам тебе в глаз, хотя ты на это напрашиваешься буквально каждым своим словом. Знаешь что? Пожалуй, я натравлю на тебя Амброза. Может, ты его хоть послушаешь.

— Не послушаю.

— Это тебе так кажется, — поправил ее Реджи. — Спорим на что угодно. Стой здесь, и ни шагу с места.

— Не буду я здесь стоять.

— А куда ты денешься без таможни? Ты, мой друг, в западне! Некоторое время после ухода Реджи Гертруда испускала слабые стоны, вперив невидящее око в спину мистера Биллингтона-Годда, который беззлобно пререкался с инспектором по поводу коробки сигар. Время, ей казалось, обратилось вспять. Она вновь чувствовала себя ребенком, готовым лопнуть от злобы, совсем как в те далекие времена, когда у них с Реджи была общая детская и он постоянно побивал ее б подушечных боях. Подобно вспышкам молнии на грозовом небе, в ее сознании проносились горькие и справедливые упреки, которые она могла бы высказать ему, если бы они вовремя пришли ей на ум.

Очнувшись, она обнаружила рядом с собой свою подругу мисс Пассенджер. На добродушном лице мисс Пассенджер было серьезное и озабоченное выражение, а в мускулистой руке — бумажный пакет.

— Привет, Баттервик.

— Здравствуй, Джейн.

В голосе Гертруды не звенели приветственные колокола. Она неплохо относилась к мисс Пассенджер, уважала ее как капитана и лихого правого крайнего нападающего, но в данный момент ее общество было в тягость. Она опасалась...

— Твой молодой человек, Баттервик...

Ровно этого Гертруда и опасалась — что мисс Пассенджер полоснет ей ножом по сердцу, заведя разговор о Монти. Когда-то по беспечности она поведала капитану английской хоккейной команды историю своей загубленной любви, и с тех пор та завела дурную манеру, когда они оставались наедине, сворачивать беседу на эту малоприятную тему.

— Ах, Джейн!

— Я только что с ним говорила. Шла к тебе справиться, как дела, и он перехватил меня по дороге. Сказал, ты не хочешь с ним разговаривать.

— Да, не хочу.

Мисс Пассенджер вздохнула. Под ее грубоватой наружностью таилось отзывчивое сердце, и как частное лицо и капитана хоккейной команды, ее огорчала разлука двух юных сердец. Как частное лицо, она дорожила дружбой с Гертрудой, зародившейся еще в добрые школьные времена за чашкой какао в дортуаре, и ей было горько видеть подругу несчастной. Как капитан хоккейной команды, она боялась, что из-за роковой страсти та потеряет спортивную форму.

Это был уже не первый случай в ее практике. Еще свежи были воспоминания о первенстве графства, когда за три минуты до конца матча

при счете 1:0 ее вратарь, которая незадолго перед тем поссорилась со своим избранником, вдруг, закрыв лицо руками, разрыдалась в момент атаки на ворота и пропустила гол.

— Ты совершаешь ошибку, Баттервик.

— Ах, Джейн!

— Вот именно, ошибку.

— Давай не будем об этом.

Мисс Пассенджер снова вздохнула.

— Как знаешь, — произнесла она с сожалением. — Я только хочу сказать, что твой Бодкин прислал тебе этот сверток. По-моему, там этот Микки Маус.

При известии, что в бумажном свертке скрывается пресловутая мышь, Гертруда вздрогнула от отвращения:

— Мне он не нужен! К тому же он не мой, а мистера Бодкина. Ему и отдай.

— Он ушел.

— А ты его догони.

— Это уж слишком! — возмутилась мисс Пассенджер. Ей хотелось казаться учтивой, но всему есть пределы. — Я не собираюсь гоняться за молодыми людьми под носом у таможенников. Жизнь слишком коротка.

— Уж не думаешь ли ты, что я оставлю его у себя?

— Другого выхода нет. Гертруда прикусила губу.

— Слушай, Джейн, возьми его себе, а?

— Нет, — отрубила мисс Пассенджер. — Нет, Баттервик, даже не заикайся.

Через толпу пробирался Альберт Пизмарч, лицо его выражало готовность прийти на выручку.

— Пизмарч! — позвала Гертруда.

— Да, мисс.

— Вам нужна мышь?

— Нет, мисс.

— Тогда, может, вы знаете, в какую гостиницу поехал мистер Бодкин?

— В «Пьяццу». По моей рекомендации. Прекрасный современный отель со всеми бытовыми удобствами, неподалеку от театров и прочих мест публичных увеселений.

— Спасибо.

— Не за что. Могу еще быть чем-то полезен?

— Нет, спасибо.

— Отлично, мисс, — сказал Альберт Пизмарч и отправился дальше

протягивать руку помощи.

— Джейн, — сказала Гертруда. — Я не поеду в гостиницу вместе с командой. Мне нужно в «Пьяццу».

— Зачем?

— Там остановился мистер Бодкин, и я намерена вернуть ему Микки Мауса, даже если ради этого придется запихнуть эту мышь ему в глотку.

Уже в третий раз с начала беседы мисс Пассенджер не сумела подавить вздоха.

— Не глупи, Баттервик.

— Я не глуплю.

— Нет, глупишь. И я прекрасно тебя понимаю. Ты считаешь себя обиженной и по-своему абсолютно права. Но, как говорится, что было, то прошло. Мы, женщины, злопамятны и не умеем прощать, а потом всегда сожалеем. Я раньше тебе не рассказывала, у меня был жених — славный, замечательный парень, а какой правый полусредний — закачаешься, и я с ним порвала. Дело в том, что однажды у нас была смешанная игра в провинции, и он сам вел все мячи, вместо того, чтобы пасовать мне на фланг. Помнится, я обозвала его самовлюбленным негодяем и вернула кольцо. На следующий день, разумеется, я пожалела об этом, но из-за глупого упрямства не предложила мириться; так мы расстались, а через пару месяцев он женился на левом полузащитнике из «Гиртона». И потому прошу тебя, старушка, будь благоразумной. Не ломай себе график. Прости Бодкина!

— Ни за что!

— Ты обязана!

— Нет!

— Баттервик, ты моя близкая подруга, но, прости за откровенность, ты ведешь себя как салага.

— Никакая я не салага!

— Ты себе льстишь, — раздался голос Реджи Теннисона. — Ты самая обыкновенная салага с разбитой физиономией. Гертруда, — продолжал Реджи, — я притащил Амброза, сейчас он проведет с тобой разъяснительную беседу.

Глава XXII

Пока в таможенной секции «Б» шла разъяснительная беседа, Фуксия Флокс поджидала Амброза на улице, возле выхода с причала «Белая звезда».

В мозгах у нью-йоркского таможенника вечно копошатся всякие темные мыслишки, и кинозвезда, возвращающаяся из Европы к родным пенатам, обычно успевает утомиться, пока ее багаж проходит досмотр. Но на этот раз фуксия проскочила таможню в два счета. Инспектор, к которому она попала, для начала захотел ознакомиться с содержимым маленькой плетеной корзинки, которую она держала в руках, а ознакомившись, казалось, растерял всю сноровку и весь энтузиазм. Чувства служебного долга едва хватило ему на то, чтобы дать приказ открыть чемоданы — шаря внутри, он уже вел себя как человек, который своевременно сделал выводы и осознал, что береженого бог бережет. В итоге — халтура.

Итак, чувствуя себя объектом искреннего восхищения со стороны толпившихся неподалеку грузчиков и праздных джентльменов, она должна была бы таять от счастья (хотя она терпеть не могла околачиваться возле таможни, восторги публики не оставляли ее равнодушной, даже если исходили от самых отверженных слоев). Тем не менее ей опротивело здесь торчать, дожидаясь Амброза. Она стояла, хмурилась и раздраженно пинала тротуар.

Фуксия уже готова была плюнуть, поймать такси и ехать в «Пьяццу» — она там всегда останавливалась, когда бывала в Нью-Йорке, — но тут на улице появилась Мейбл Спенс.

— А, Фукси, вот ты где, — сказала Мейбл. — Амброз Теннисон просил передать, чтобы ты его не ждала.

— Вот как? Любопытно, что, по его мнению, я тут делаю целых десять минут?! Чем же он, горемыка, так занят?

— Они с Реджи борются с этой Гертрудой.

— И кто побеждает?

— Кто его знает, — ответила Мейбл. — Мы с Реджи перекинулись буквально парой слов, и он опять запрыгнул на ринг. Судя по всему, они уламывают мисс Баттервик простить Бодкина.

— А что отмочил мистер Бодкин?

— Кому как не тебе это знать. Ведь это из-за тебя вся каша и

заварилась.

Во взоре Фуксии сверкнуло недоумение. Она сделала круглые глаза, точно девушка с кристальной совестью, теряющаяся в догадках.

— Из-за меня?

— Так Реджи сказал.

— Я ничего такого не сделала.

— То есть ты чиста как стеклышко?

— Еще чище. Может, раз-другой забрела к нему скоротать часок-другой, но боже ты мой...

— Ладно, ладно, — сказала Мейбл. — Меня можешь не убеждать, мое дело сторона. Но так надо, и Реджи, по-моему, неплохо все продумал. Ему нравится мистер Бодкин. Как бы то ни было, тебе не имеет смысла утюжить здесь мостовую. Сеанс может затянуться. Ты где остановилась?

— В «Пьяцце».

— Тогда не смогу тебя подбросить. Я сейчас еду в контору Бара. Мне надо переговорить с адвокатом.

— Кем?

— Адвокатом. Человеком, который разбирается в законах. Мне требуется юридическая консультация.

— Зачем? Реджи уже пошел на попятную, и ты собираешься получить с него компенсацию за моральный ущерб?

На миг сияющие глаза Мейбл потухли, и ее взгляд исполнился нежности и истомы.

— Реджи, мой милый розовенький ягненок...

— Фу! — возмутилась Фуксия.

— Мы просто без ума друг от друга. Нет, адвокат мне нужен насчет его контракта. Конечно, у меня есть письмо, но...

— Контракта? Какого контракта?

— Реджи тебе разве не сказал? Айки подписал с ним контракт на пять лет, Реджи будет у него консультантом по английским эпизодам. Правда, пока все, что у нас есть на руках, это клочок бумаги и те несколько строк, которые я заставила его накарябать. Я слишком хорошо знаю Айки, потому хочу оформить документы так, что комар носа не подточит, и наставить столько печатей, сколько на них уместится. Меня нисколько не удивит, если вдруг обнаружится, что Айки написал свою писульку симпатическими чернилами. Эй, такси!

Не часто Фуксия Флокс позволяла своим визави тараторить без передышки, как делала эта особа, не дававшая и слова вставить, но сообщенные ею сведения были настолько сногшибательны, что не было

физической возможности ее перебить. Она лишь стояла, широко раскрыв рот, и очнулась только в ту минуту, когда Мейбл залезла в такси и захлопнула дверцу.

— погоди! — закричала она, обретая одновременно дар речи и двигательные способности, и, рванув вперед, ухватила за край окна. — Что ты сказала? Айки взял Реджи на работу?

— Ну да, консультантом по английским эпизодам.

— Но...

— Мне правда пора, — сказала Мейбл. — Может, придется просидеть в конторе до самого вечера. Ты ведь знаешь, какие они, эти адвокаты.

Нежно, но решительно разжав Фуксины пальцы, она скомандовала водителю трогать, и он послушался. Такси укатило, а Фуксия, взбаламученная невероятным происшествием, осталась наедине со своими думами.

В мыслях ее царил полнейший кавардак. Если новость соответствует действительности, то это означает только одно — с Айвором Льюэлином случилось нечто странное. И дураку ясно, что ни один человек в мире, находясь в здравом уме, не возьмет Реджи на работу. До такого мог додуматься разве что Санта-Клаус. Значит, единственное объяснение, которое напрашивается само собой, — мистер Льюэлин внезапно превратился в Санта-Клауса. Должно быть, на него нашел загадочный приступ человеколюбия, которым до сей поры славилась исключительно персонажи Чарлза Диккенса. Но с какой стати? Время-то совсем не рождественское. Он явно не мог наслушаться рождественских гимнов.

Постой-постой. Ну да, теперь она припоминает. Однажды, это было в те дни, когда она еще служила хористкой в театре музыкальной комедии, ей довелось услышать в гримерной фантастическую историю про одного знаменитого театрального режиссера, который, попав в автомобильную катастрофу и набив себе на лбу шишку величиной с куриное яйцо, до такой степени переродился, что по собственному почину отказался надувать автора и заживлять часть его гонорара. Наверное, с Айвором Льюэлином стряслось нечто подобное. Может, он стукнулся головой о письменный стол, когда искал на полу запонку?

Она затрепетала от радости. Раз Айвор Льюэлин до того повредился, что выдал Реджи контракт на пять лет, значит, он может взять на работу и Амброза. Если уж пошла такая удача, размышляла она, нужно действовать. Срочно лететь в контору на Седьмую авеню, куда он устремляется подобно почтовому голубю, едва ступает на берег, и ковать железо пока горячо, то есть, иными словами, замолвить за Амброза словечко, пока Айки еще не

очухался.

Однако дальнейшее показало, что надобности в поездке на Седьмую авеню нет никакой, поскольку в этот момент из таможенного отделения в сопровождении носильщика, груженного чемоданами, вышел тот, кто ей был нужен, и проследовал мимо, приветливо помахав ей рукой, которая до этого обвивала талию шурина Джорджа. В приступе благодушия, которое не должно омрачать ни единое темное пятнышко, к помахиванию рукой мистер Льюэлин присовокупил лучезарную улыбку и «привет, Фукси». Улыбка получилась настолько естественной, а «привет, Фукси» — таким радостным и сердечным, что она, не колеблясь ни секунды, прыгнула как тигрица и ухватила его за лацкан пальто. Теперь она убедилась: из законченного мерзавца Айвор Льюэлин обратился в одного из братьев Чирибл.^[83]

— Привет, Айки! — воскликнула она, расцветая улыбкой с самонадеянностью любимого чада, собирающегося попросить преданного отца купить ему шоколадку. — Послушай, Айки, до меня дошли кое-какие новости.

— Да?

— От Мейбл. Про твою сделку с Реджи Теннисоном. Игривость слетела с лица мистера Льюэлина, словно ее смело шваброй. Он резко напряжился, подобрался, растревожился, точно муха, обследующая кусок липучки.

— А конкретно?

— По ее словам, ты подписал с ним контракт на пять лет. У мистера Льюэлина отлегло от сердца.

— Ну да, совершенно верно.

— А как же Амброз?

— Что, Амброз?

— Ты прекрасно понимаешь, почему я спрашиваю. Раз уж ты взялся раздавать Теннисонам контракты, почему Амброз обделен?

Лицо мистера Льюэлина потемнело. Ее слова затронули обнаженный нерв. Конечно, вам всякий скажет, что, если вы не сочинили про мальчика на палубе — это еще не криминал, но Айвор Льюэлин не в силах был превозмочь обиду. И уж точно не мог простить Амброзу, что тот оказался неправильным Теннисоном. Президент «Супербы» вообще надолго утратил способность хладнокровно рассуждать о правильных и неправильных Теннисонах.

— Тьфу! — фыркнул он, взволнованный до глубины души.

— Что?

— Мне он и даром не нужен.

— Айки!

— Я его не возьму, — с чувством изрек мистер Льюэлин, — даже если ты мне приплатишь.

Он оторвал ее пальцы — Фуксии подумалось, что сегодня все только и занимаются тем, что отцепляют ее от себя, — и с проворством, способным поразить неосведомленного наблюдателя, не подозревающего, что даже тучные киномагнаты умеют развивать приличную прыть, когда им следует ускользнуть от назойливых просителей, запрыгнул в такси и скрылся из виду.

В этот момент из дверей таможни вышел Монти Бодкин.

Известно, что кварталы, прилегающие ко входу на пирс «Белая звезда», — не самая красивая часть Нью-Йорка, и удивительно, что ни одна из патриотических организаций не догадалась вывесить здесь столь распространенную в сельской глубинке табличку, дающую настоящий совет туристам не судить о городе по «задворкам». Тем не менее этот внешне неказистый район обладает одним преимуществом, которого лишены другие, более респектабельные городские кварталы.

Формально, таможня расположена на американской территории и по идее должна будить в душе человека, впервые очутившегося в Соединенных Штатах, целый спектр эмоций. Но на самом деле, только отыскав выход на улицу рядом с конвейерной лентой, выплевывающей ручную кладь, и оказавшись на воздухе, он произносит: «Наконец-то!» Тогда и только тогда он ощущает, что теперь он в Америке и для него начинается новая жизнь.

Монти, топчущегося в дверях, эти чувства обуревали с особой остротой. Его положение было незавидным даже по сравнению с обычным иммигрантом, начинающим жизнь с нуля, и будущее рисовалось ему сплошным белым листом. Отдав Микки Мауса Гертруде Баттервик, он словно подвел черту под определенным жизненным этапом — начертал «Finis».^[84] Это был символический акт. Не то чтобы он сказал всему «прощай», но что-то вроде того.

Никаких планов на жизнь у него здесь не было, и он волен был поступать, как ему заблагорассудится. Мог с горя отправиться в кругосветное путешествие, а мог в Скалистые горы, стрелять медведей. Мог заточить себя на далеком острове в южном море и растить или ловить копру — в зависимости от того, овощ это или рыба. Или мог уйти в монастырь. Все было туманно.

Он вдыхал нью-йоркский воздух и думал, что он чудно пахнет.

Пока он принюхивался к воздуху, вокруг поднялась какая-то суматоха и толкотня, и вдруг оказалось, что он стоит, помаргивая глазами, под ясным взглядом Фуксии.

— Эй! — воскликнула та с жаром и прицепилась к отвороту его пальто. — Эй, послушай!

Вид Монти произвел на нее глубокое впечатление. В карусели недавних событий она ни на секунду не забывала, что, хотя Айвор Льюэлин выжал из своего нрава все благодное млеко,^[85] существует на свете человек, способный заставить его вобрать это млеко обратно. И сейчас этот человек находился перед ней. От таких авторитетов, как Реджи с Амброзом, ей было известно, что Айвор Льюэлин мечтает заполучить себе на службу артистические дарования этого Бодкина и пойдет на все ради его подписи под контрактом. Потому, презрев неудачу с мистером Льюэлином, на которого цепляние за лацкан пальто не оказало должного воздействия, она прицепилась к пальто Монти.

— Слушай! — воскликнула она. — Можешь сделать одолжение? Очень нужно, ясно тебе?

В иные времена, после которых минули всего-навсего считанные дни, обнаружив, что Фуксия прилипла к его пальто, Монти незамедлительноотреагировал бы и попытался ее отодрать. Но в настоящий момент у него не возникло даже поползновений. Он оставался вялым и недвижимым. Пускай всякие Флоксы обовьют меня хоть с головы до ног, размышлял он в бесконечной печали, какое это имеет значение...

— Что за одолжение? — переспросил он.

— Сходи к Айки Льюэлину и упроси его принять Амброза обратно. Есть в тебе хоть частица человеческой благодарности? Только подумай, что Амми делает для тебя в данную минуту.

— Что?..

— Повторяю, только подумай...

— Это я понял. И спросил: «что?» Что он делает?

— Улаживает твои отношения с этой Баттерплюх. Монти оцепенел.

— Ее фамилия Баттервик.

— Ну, с Баттервик. В настоящую минуту в таможенном отделении Амброз вкалывает, как бобер, дабы у вас с этой змеюгой Баттервик все было в полном ажуре.

Монти снова оцепенел.

— Могу я тебя попросить не обзывать мисс Баттервик зверюгой?

— Я сказала — змеюгой.

— Змеюга, зверюга, не вижу большой разницы. Не думаю, что от

стараний Амброза все будет в ажуре, но и на том спасибо. Между нами все кончено. Она... — Голос его дрогнул. — Она не желает со мной разговаривать.

— Не волнуйся, все образуется. Амброз ее приструнит. Монти замотал головой.

— Нет, это за пределами человеческих возможностей. Она дала мне отставку, это однозначно. Хотя, повторяю, приятно знать, что старина Амброз не остался в стороне.

— Он просто чудо.

— Точно.

— Золотой человек.

— И в высшей степени порядочный, — согласился Монти угрюмо.

— На свете нет ничего, чего бы он ни сделал ради друга.

— Наверное, нет.

— В таком случае, — вкрадчиво проговорила Фуксия, с новой энергией впиваясь в лацкан пальто, — что тебе стоит оказать ему пустяковую услугу? Сходить к Айки и подписать контракт. Но прежде, чем выведешь свою закорючку, поставь ультиматум насчет контракта для Амброза. Я понимаю, тебе от этого мало радости, тебя тошнит от одной мысли о карьере киноактера. Но прикинь: быть может, ты окажешься настолько бездарным, что тебя выгонят к концу недели да еще заплатят неустойку? То есть тебе не придется никого из себя корчить...

— Собственно говоря, — сказал Монти, — по этому пункту у меня нет затруднений. Льюэлин сказал, что я могу работать экспертом по постановочной части.

— Здорово!

— Да, но только вот я подумал: а не уйти ли в монастырь?

— В жизни бы не решилась.

— Возможно, ты права.

— Послушай, — выпалила мисс Флокс, — по-моему, ты не до конца осознал, что стоит на кону. Суть дела такова. Если Амми не получит эту работу, мы не сможем пожениться.

— Правда? А почему?

— По всей видимости, писательство не приносит ему сверхдоходов, из чего следует, что семью содержать придется мне в одиночку, а его вовсе не радует перспектива влиться в клан голливудских мужей, которые сидят на шее у своих женушек и за это выгуливают собаку и поливают фикус. И я его не виню. Но такое положение вещей, безусловно, плохо стыкуется с супружеским блаженством в любой форме. Поэтому он обязан получить

это место. Обязан. Ну что, идешь к Айки?

Монти открыл рот и, оторопев, уставился на нее. Кто бы мог подумать? Оказывается, счастье этих двоих зависит от того, пойдет ли он навстречу пожеланиям мистера Льюэлина — иными словами, все зависит от его каприза.

— Ты шутишь?

— Что значит «шучу»?

— Я сказал: ты шутишь, имея в виду, что ты, конечно, не шутишь... словом, я хотел сказать, что эта новость для меня вроде хорошей зуботычины. Я не имел ни малейшего понятия, что тут такие дела.

— Вот именно. Амброз ведь гордый, как черт.

— Ужасно несправедливо по отношению к тебе! Разумеется, я пойду к Льюэлину!

— Пойдешь?

— Естественно. Мне терять нечего — планов никаких, идей тоже... Собственно, я тут как раз подумал, что отныне я сам себе хозяин, и тут ты подошла. До позавчерашнего дня я был более или менее пристроен — служил в детективном агентстве «Аргус», если ты о таком слышала, но это лишь оттого, что везде есть тайные пружины. Мне надо было где-нибудь числиться, чтобы жениться на Гертруде. А когда Гертруда дала мне отставку, все эта затея потеряла смысл, и я отправил в агентство телеграмму с просьбой меня уволить. Так что теперь я абсолютно свободен. Я, как ты помнишь, подумал: а не уйти ли в монастырь? Были у меня еще кое-какие соображения на предмет южных морей и Скалистых гор, но с равным успехом я могу отправиться в Голливуд заведовать киносъемками.

— Я сейчас тебя расцелую!

— Ну и на здоровье. Мне уже все едино. Ну, что, мне ловить такси и ехать к Льюэлину? Где он обретается?

— У себя в конторе.

— Хорошо, только быстренько сниму номер в гостинице...

— Ты в какой гостинице будешь жить?

— В «Пьяцце». О ней хорошо отзывался Альберт Пизмарч.

— Вот так штука! И я тоже в «Пьяцце». Знаешь, мы с тобой сделаем вот что. Я заброшу тебя на такси к Айки, а сама поеду в гостиницу и забронирую для тебя номер... Вы, миллионеры, небось предпочитаете «люксы»?

— Лучше «люкс».

— Хорошо, будет тебе «люкс». Значит, я буду ждать твоего прихода.

— По рукам.

Фуксия отпустила пальто Монти и сделала шаг назад, не отрывая от него обожающих глаз.

— Братец Бодкин, ты истинный ангел!

— Да что ты.

— Нет, ангел. Ты спас мне жизнь. И Амброзу тоже. Ничего, ты об этом не пожалеешь. Держу пари, ты полюбишь Голливуд. Собственно, что я хочу сказать: положим, эта змеюга...

— Никакая она не змеюга.

— Ну, Баттеркрик...

— ...вик.

— Положим, эта твоя Баттервик тебя отшила, ну и подумаешь! Вообрази только, сколько сотен девушек ты встретишь в Голливуде.

Монти замотал головой:

— Они для меня пустое место. Я буду хранить верность Гертруде.

— Ну как знаешь, — произнесла мисс Флокс — Я только хотела сказать: раз уж ты решил расстаться с проклятым прошлым, то в Голливуде для этого имеются широченные возможности. Эй, такси! В «Пьяцу»!

А тем временем Айвор Льюэлин, довольный и благодушный (в зубах сигара, шляпа набекрень) подъезжал к нарядному зданию, в котором размещалась корпорация, где он занимал почетный пост президента. Беседа с Фуксией Флокс оставила в его душе неприятный осадок, однако раздражение вскоре выветрилось, и к киномагнату вновь вернулось отличное настроение. Нью-йоркские улицы обладают чудодейственным свойством вселять бодрость, и только человек, окончательно убитый горем, не ощущает радости и веселого оживления, катая по ним в открытом такси погожим воскресным днем. Фуксия с ее домогательствами изгладилась из памяти, и за несколько кварталов до пункта назначен мистер Льюэлин принялся мурлыкать себе под нос мелодии из старых популярных кинофильмов производства студии «Суперба-Льюэлин». Он мурлыкал их, вылезая из такси и расплачиваясь с шофером, и со шлягером на устах вступил в любимый, знакомый кабинет. Сердце Айвора Льюэлина принадлежало Южной Калифорнии, но нью-йоркское отделение он тоже любил.

Некоторое время ушло на своего рода неофициальный прием, который работники кинокорпораций любят устраивать по случаю возвращения президентов, но вот наконец последний подхалим удалился, и он вновь остался наедине со своими думами.

О более приятной компании он и помыслить не мог. минуту на

минуту, рассуждал он про себя, может позвонить с докладом Реджи Теннисон, и тогда вся передрыга с чертовым ожерельем Грейс будет списана со счетов. Несколько минут спустя, удовлетворенно крикнув, он протянул руку телефону на столе и услышал в трубке, что снаружи находится джентльмен, который желает его видеть.

— Проводите его ко мне, — произнес он и откинулся на спинку стула, складывая лицо в радушную улыбку.

В следующий миг улыбка исчезла с его лица. Перед ним стоял совсем не Реджи Теннисон, а шпион Бодкин. Мистер Льюэлин снова наклонил стул вперед, воинственно наставил на него сигару и уперся в Бодкина взглядом.

Между взглядами, которые киномагнат кидает на таможенного шпиона во время плавания на океанском лайнере, когда у него в каюте лежит ожерелье его супруги ценою в пятьдесят тысяч, и взглядом, которым он его достаивает в своем кабинете, на суше, убежденный, что ожерелье тоже на суше, прослеживается тонкое, но вполне ощутимое различие. В случае с мистером Льюэлином различие было скорее ощутимым, чем тонким. Обращенный к Монти взор был полон такой неприкрытой свирепости и вражды, что даже его собеседник, целиком поглощенный своей душевной травмой, заметил произошедшую в директоре «Супербы» перемену. Это был уже не прежний весельчак и балагур, разливавшийся соловьем в курительной «Атлантика» и сыпавший комплиментами по поводу художественного мастерства, достигнутого на ниве прикуривания сигарет и опрокидывания в себя виски. Тип, сидящий напротив Монти, походил на вредного брата того человека. Монти стало не по себе.

— Ээ... Здравствуйте, — нерешительно проговорил он.

— Ну, — ответил мистер Льюэлин.

— Я вот... решил к вам зайти, — сказал Монти.

— Ну, — повторил мистер Льюэлин.

— И вот... пришел, — сказал Монти.

— За каким чертом? — спросил мистер Льюэлин. Вопрос мог бы быть сформулирован в более вежливой форме. Монти с ходу придумал несколько вариантов, как можно преподнести ту же мысль в более любезной и изящной манере. Однако вопрос прозвучал, и нужно было на него отвечать.

— Я хорошенько все взвесил, — сказал он, — и надумал подписать контракт.

Мистер Льюэлин перебросил сигару из левого угла рта в правый.

— Да? Я тоже все взвесил. В моем кабинете ты ничего подписывать не

будешь.

— А где вы хотите устроить подписание? — живо откликнулся Монти.

Сигара мистера Льюэлина пропутешествовала в обратном направлении, выиграв по сравнению с предыдущим забегом долю секунды.

— Послушай, — сказал он, — выкинь-ка ты этот контракт из головы.

— Как это выкинуть?

— Никаких контрактов ты не получишь, — произнес мистер Льюэлин, доходчиво разъясняя свою мысль.

Монти растерялся:

— Мне казалось, на корабле вы говорили...

— Мало ли что я говорил на корабле!

— Я полагал, вы хотите, чтобы я работал у вас экспертом по постановочной части.

— Нет, не хочу.

— Не хотите, чтобы я был экспертом по постановочной части?

— Не хочу даже, чтобы ты мыл посуду в буфете, — во всяком случае, в «Супербе».

Монти показалось, что тема себя исчерпала. Он потер нос. После мрачных раздумий в голове его витал некоторый туман, тем не менее он начал смекать, что на этом рынке его услуги вряд ли найдут применение.

— А-а?

— Нет, — отрезал мистер Льюэлин. Монти поскреб подбородок.

— Ясненько.

— Рад за тебя.

Монти потер нос, поскреб подбородок и почесал левое ухо.

— Усвоил, — произнес он.

Мистер Льюэлин промолчал. Он взглянул на Монти, точно на жучка в салате, и опять запустил сигару учебным галопом.

— Усвоил, — повторил Монти. — А как насчет Амброза?

— Кого?

— Амброза Теннисона.

— А что с ним?

— Вы примете его на работу?

— А как же!

— Вот здорово!

— Он может взобраться на Эмпайр-стейт-билдинг и прыгнуть вниз, — ответил мистер Льюэлин. — Я ему оплачу потраченное время.

— Правильно ли я понимаю, что Амброс вам тоже не нужен?

— Абсолютно правильно.

— Ясно.

Монти потер нос, поскреб подбородок, почесал левое ухо и потер носок одного ботинка о задник второго.

— Тогда что ж... честь имею.

— Надеюсь, ты сумеешь отсюда выбраться, — сказал мистер Льюэлин. — Дверь позади. Поверни ручку.

Техника, позволяющая выбраться из кабинета президента «Супербы», и впрямь оказалась простой и незамысловатой, как и пообещал хозяин, и хотя у Монти было такое чувство, словно силач огрел его по голове мешком с песком, процедура ухода прошла у него без затруднений. Оставшись в одиночестве, мистер Льюэлин поднялся со стула и принялся расхаживать взад и вперед по комнате, выражая удовлетворение всеми своими тремя подбородками. У него было такое ощущение, будто он стер в порошок гремучую змею, а ничто так не повышает жизненного тонуса, как магический эффект, возникающий при стирании змеи в порошок.

Он по-прежнему вышагивал по кабинету, когда ему доложили о приходе Мейбл Спенс, но даже то обстоятельство, что Мейбл явилась с контрактом, который не замедлила сунуть ему на рассмотрение, — документ, щедро уставленный печатями, был подготовлен одним из владельцев крупнейшей юридической фирмы Нью-Йорка, а проверен и одобрен двумя остальными, — не сумело погасить в его глазах озорные искорки и лишить стан упругости. Будь у него выбор, он предпочел бы себе иную долю, чем состоять работодателем Реджи, но он уже давно смирился с мыслью, что выбора у него нет. Реджи, как он решил про себя, был той горькой пилюлей, которая прилагается к банке варенья. С невозмутимым, если не сказать, великодушным видом он скрепил документ своей подписью.

— Спасибо огромное, — сказала Мейбл, когда из кабинета удалились четверо свидетелей, затребованных по ее настоянию. — Теперь я за Реджи спокойна. Хотя ты и лучше прочих, Ганга Дин,^[86] ручаюсь, ни единой лазейки ты не отыщешь.

— А кто это ищет лазейку? — спросил мистер Льюэлин не без возмущения в голосе.

— Всякое бывает. Я просто хотела сказать: приятно сознавать, что у тебя ничего не получится. Если когда-нибудь возникнет надобность в хороших юристах, Айки, очень тебе рекомендую. Эти люди — сама скрупулезность и прилежание. Ты бы лопнул от смеха, если бы видел, как они бились над пунктом о штрафных санкциях. Никак не могли

угомониться. Зато, когда с делом было покончено, получилось, что Реджи запросто обдерет тебя как липку за причиненный ему материальный ущерб, если ты запамтуешь нежно поцеловать его на ночь или подоткнуть одеяло. Потрясающая работа, — подытожила Мейбл, пряча контракт в косметичку с беззаботной игривостью, от чего мистер Льюэлин только поморщился. — Ну да ладно, а у тебя что слышно? Ты уже виделся с Реджи?

— Нет. Ума не приложу, куда он запропастился. По логике, вот уже полчаса, как он должен быть здесь.

— Ах, да. Ну, конечно. Он задержался, чтобы поговорить со своей кузиной, мисс Баттервик.

— Чего ради? Это не его дело...

— Впрочем, это неважно. Ему удалось пронести ожерелье.

— Откуда ты знаешь?

— Я рядом стояла, когда он проходил таможню. Все прошло без сучка, без задоринки.

— А куда он засунул эту штуковину?

— Понятия не имею. Он у меня жутко скрытный.

— Ну хорошо, будем надеяться...

Его замечание прервал телефонный звонок. Он снял трубку.

— Это Реджи? — поинтересовалась Мейбл.

Мистер Льюэлин сухо кивнул. Он сосредоточенно слушал. И по мере того, как он слушал, глаза его медленно вылезали из орбит, а лицо приобретало тот багровый оттенок, который бывает лишь в минуты величайших потрясений. Вскоре он залопотал нечто нечленораздельное.

— Боже мой, Айки, что стряслось? — встревожилась Мейбл Спенс. Она недолго любила свояка, однако когда налицо явные признаки апоплексического удара...

Мистер Льюэлин положил трубку и бессильно откинулся на спинку стула. Он хрипло дышал.

— Твой Реджи звонил!

— Слава тебе Господи!

— Черта с два, — уточнил мистер Льюэлин. У него заплетался язык. — Знаешь, что он учудил?

— Что-нибудь гениальное?

Льюэлина затрясло. Сигара, которая до той поры висела, прилепившись к кончику нижней губы, свалилась ему на колени.

— Гениальное! Ну да, гениальнее некуда. По его словам, он долго ломал голову, как бы ему похитрее пронести ожерелье, и наконец

додумался запихнуть его в плюшевого Микки Мауса, который принадлежит этому Бодкину. Теперь ожерелье у Бодкина!

Глава XXIII

Ярость, kloкoтaвшaя в нутре Гeртруды вoзлe тaмoжeнных пoстoв, пpoдoлжaлa бyшeвaть вoвcю, кoгдa oнa дoбрaлacь дo «Пьяццы», зaкaзaлa нoмeр, пoднялacь к ceбe в кoмнaтy и cнялa шлyпкy. Ee, мирнyю пo нaтyрe, мoгли вывeсти из ceбя тoлькo пpoдaжныe и пpeдвзятыe хoккeйныe cудьи, кoгдa тe зaявляли, чтo oнa былa внe игpы, кoгдa ee тaм и в пoминe нe былo. Нo дaжe y caмoй кpoткoй дeвyшки пoвaлит oгoнь из нoздpeй, eсли ee извoдить тaк, кaк ceйчac.

Нaхaльcтвo Мoнтeгю Бoдкинa, кoтopый пocлe вceгo cлyчившeгocя cпoкoйнo вcyчил eй Микки Мayca и yдpaл, пpeждe чeм oнa в знaк пpeзpeния зaпyлилa в нeгo пpeкpacнoй мышьy, пpичинялo eй чyть ли нe физичecкyю мyкy. Oнa взялa из pyк кopидopнoгo cтaкaн c xoлoднoй вoдoй, нo мыcли ee былe дaлeки oт xoлoднoй вoды. Eщe пpeждe oнa ycпeлa выacнить y дeжyрнoгo, в кaкoм нoмeрe oтaнoвилcя Мoнти, и тeпeрь твepдилa пpo ceбя, чтo кaк тoлькo этoт мaлыш в yнифopмe кyдa-нибyдь cгинeт, oнa cпycтитcя пo лecтницe — нoмeр Мoнти был вceгo этaжoм нижe — и вpyчит eмy Микки пo вceй фopмe. Вклaдывaя тoгo в pyки Мoнти, oнa нaмepeвaлacь пpoнзить eгo кpacнopечивым взглядoм, впoлнe дocтaтoчным, чтoбы пocтaвить нa мecтo и дoвecти дo нeрaзвитoгo coзнaния, кaкoв eгo cтaтyc в глaзax Г. Бaттepвик, члeнa aнглийcкoй жeнcкoй cбopнoй пo хoккeю.

Итaк, кaк тoлькo кopидopный cкpылcя вдaли, oнa взялa Микки Мayca и oтпpaвилacь к Мoнти. В нacтoящий мoмeнт oнa cтyчaлa в двeрь, кoтopая, кaк eй cкaзaли, вeдeт в eгo нoмeр.

Зa двeрью пocлышaлcя звyк шaгoв, и ee ceрдцe yчaщeннo зaбилocь. Гeртpyдa нaбpaлacь мyжecтвa — и, кaк тoлькo двeрь oтвopилacь, oчyтилacь лицoм к лицy c Фyкcиeй Флoкc.

— Пpивeт, — cкaзaлa Фyкcия, пpoявляя вepx дpyжeлюбия, cлoвнo тoлькo ee и ждaлa. — Зaxoди.

В этeх cлoвax былo cтoлькo yбeдитeльнocти, cвидeтeльcтвyющeй o силe хaрaктepa, чтo Гeртpyдa пoкopнo пpoшлa внyтpь.

— Пpиcаживaйcя.

Гeртpyдa oпycтилacь нa cтyл. Гoвopить oнa пo-пpeжнeмy нe мoглa. Хoтя Мoнти знaчил для нee нe бoльшe, чeм нoль бeз пaлoчки, y нee былo тaкoe oщyщeниe, бyдтo тлeющий внyтpи oгoнь paзгopeлcя испeпeляющим плaмeнeм. Ee oтнюдь нe yдивилo, чтo пo aпapтaмeнтaм Мoнти вoльнo

разгуливает эта особа, ведущая себя здесь точно хозяйка. Наблюдение лишь подтвердило имевшиеся ранее подозрения. Но сердце разрывалось. Она вцепилась в Микки Мауса и погрузилась в скорбь.

— Бодкина нет, — сказала Фуксия. — Он у Айки Лльюэлина по поводу контракта для Амброза. Вот праздник-то будет, когда вернется и застанет тебя. У меня самой на душе праздник, если ты не возражаешь, что я так говорю. Братец Бодкин, конечно, не из моего близкого круга, но парень он что надо, и, кроме всего прочего, Реджи говорит, он весь извелся после твоей отставки. Словом, я страшно рада, что ты хорошенько все обдумала и решила простить жестокие слова. Черт возьми, — голос у Фуксии потеплел, — ну какой смысл ссориться с любимым? Я раньше тоже ссорилась с Амброзом, но теперь — ни за какие коврижки. Излечилась. Порой это забавно, но, в общем, не стоит того. Когда вдруг оказываешься на волоске от потери обожаемого предмета, начинаешь соображать, что к чему. Точно тебе говорю, клянусь бородой Сэма Голдвина.^[87] Ведь еще час назад казалось, у нас с Амброзом нет ни малейшего шанса обзавестись собственным домом, хоть волком вой. Теперь, когда я вспоминаю, как подло я с ним иногда вела себя, мне становится жутко стыдно. Тебя, наверное, тоже мучают угрызения совести. — Голос ее пресекся, а в глазах загорелись огоньки. — Послушай, надеюсь, ты не думаешь избавиться от Микки? Гертруда, наконец, обрела дар речи.

— Я пришла, чтобы его вернуть.

— Бодкину? — Фуксия понимающе кивнула. — По-моему, пустой номер. Он этого не допустит. Во всяком случае, так было прежде. Полагаю, он тебе рассказал о том, как я стянула этого Мауса?

Гертруда вытаращила глаза. Она слушала вполуха, но последние слова задела ее за живое.

— Что?

— Ну да, стянула. Ты что — не в курсе? Потом Амброз заставил вернуть.

— Что?

— Ну, не то чтобы «стянула», на самом деле все было вот как: Пизмарч, это стюард, вручил мне Микки Мауса, подумав, что он мой, я и ухватилась за эту возможность. Заявила Бодкину, что до тех пор, пока он не вытребует у Айки местечко для Амброза, я буду морочить тебе голову, притворяясь, что это его подарок. Гадкая шутка, верно? Теперь-то мне и самой это ясно, но тогда мне представлялось, что затея — высший класс. Только когда Амброз отчитал меня, как отец-пилигрим, до меня наконец

дошло, какой я была негодницей.

Гертруда поперхнулась. Вверх и вниз по спине ее поползли странные мурашки — сказывалось действие совокупности аргументов. «В третий раз говорю, — возглашал Предводитель в «Охоте на Снарка».^[88] — То, что трижды сказал, то и есть», и вот она уже трижды слышала одну и ту же историю. Сначала в исполнении Реджи, затем Амброза. А теперь свои показания присовокупила Фуксия Флокс.

— Значит, это правда?

— Что, правда? — удивилась Фуксия.

— Ну, то, что мне все говорили... Реджи... Амброз.

— Насчет Реджи судить не берусь, — сказала Фуксия, — но за моего Амми ручаюсь головой, что бы он тебе ни понарассказывал. А почему ты спрашиваешь, правда это или нет? Ты что, не знала?

— Я не верила.

— Ты просто феноменальная дурочка, прости за выражение. Я-то, честно говоря, увидев, как ты скребешься под дверью, вообразила себе, что ты прозрела и явилась к братцу Бодкину заключать мировую. Уж не хочешь ли ты сказать, что собиралась устроить здесь второй раунд?

— Я пришла отдать Микки.

— В знак того, что все кончено?

— Да, — еле слышно прошептала Гертруда. Потрясенная, Фуксия вздохнула.

— По-хорошему говоря, Баттерчих, ты мне изрядно надоела. Вместе со своими завихрениями! Неужели ты всерьез подумала, что я с твоим Бодкином кручу шуры-муры?

— Сейчас уже нет.

— И на том спасибо. Бодкин! Просто смех. Я бы не прикоснулась к Бодкину, даже если бы ты поднесла его мне на особом шампуре под беарнским соусом. А все отчего? А оттого, что для меня существует единственный мужчина — мой Амми. Боже, как я его люблю!

— Уж не сильнее, чем я Монти, — возразила Гертруда.

В глазах у нее стояли слезы, но говорила она с жаром. Известие, что эта девушка ей не соперница, пролило целительный бальзам на ее душу, однако ей крайне не понравилось, что та гнушается Монти, даже на шампуре под беарнским соусом.

— Вот и чудесно, — сказала Фуксия. — Будь я на твоём месте, я бы ему прямо так и сказала.

— Хорошо, скажу. Как, по-твоему, он меня простит?

— Домыслы, которые ты высосала из пальца? Естественно, простит.

Мужчины в этом аспекте молодчины. Их можно гонять как угодно, но едва дело доходит до центральной любовной сцены и экран чернеет, они моментально тут как тут. Я бы на твоём месте подбежала и чмокнула его в щечку.

— Так я и сделаю.

— Подставь ему подножку и выдай что-нибудь типа: «О, Монти, мой дорогой!».

— Так я и сделаю.

— Тогда приготовься, — сказала Фуксия, — это он.

Не успела она договорить, как раздался звонок. Фуксия пошла к дверям открывать. Гертруда перевела дух — то был совсем не Монти, а Амброз Теннисон со своим братом Реджи.

Вид у Реджи был самоуверенный и решительный, как у человека с великими замыслами, который не намерен тратить время на пустяки.

— Где Монти? — поинтересовался он. — А, привет, юная Герти. Ты здесь?

— Ну да, — откликнулась Фуксия. — Она дожидается Бодкина. У них все в полном ажуре.

— Пелена спала с глаз?

— Вот именно.

— Очень своевременно, глупышка, — сказал Реджи по-братски сурово. Покончив с Гертрудой, он вернулся к главной цели визита: — А где Монти?

— У Айки в конторе. По поводу твоего контракта, Амми.

— Контракта?

— Ну да, я поднажала, и он отправился к Айки улаживать твои дела. Возможно, в настоящий момент все уже утряслось.

Амброз Теннисон надулся, как пузырь.

— Фукси!

Не найдя подходящих слов, он привлек мисс Флокс к своему жилету.

Реджи неодобрительно хмыкнул.

— Понятно-понятно, — пробормотал Реджи не то чтобы с досадой, а, скорее, с нетерпением делового человека, не желающего размениваться на телячьи нежности. — А когда он вернется? Мне он экстренно нужен.

— А зачем?

— Мне он нужен — в неотложном порядке — в связи с кое-каким... Боже! Он тут и смотрит мне в лицо! Гертруда, — властно произнес Реджи, — будь так добра, подай-ка сюда Микки Мауса, которого ты баюкаешь на коленях.

Поведение Реджи на протяжении поездки, в частности его злобные выпады в таможенном отделении, убили в душе Гертруды Баттервик практически все добрые чувства, которые девушке положено питать к близким родственникам. И от этих слов в сердце ее ничто не шелохнулось.

— Ни за что! — воскликнула она. Реджи топнул ногой по ковру:

— Гертруда, я требую!

— Только через мой труп.

— Господи, ну на кой он тебе понадобился? — осведомился Амброз с едва заметной грубостью, которая зачастую вылезает наружу при обращении старшего брата к младшему.

Реджи насторожился и стал похож на юного посла, которого попросили выдать государственную тайну.

— Это секрет. На моих устах печать молчания. Суть в том, что во всем есть тайные пружины. Короче, мне он нужен до зарезу.

Гертруда плотно сжала губы и крепче сжала в пальцах предмет раздора.

— Хозяин — Монти. Сперва я его верну, а потом Монти отдаст мне обратно.

— А после этого можно его забрать? — поинтересовался Реджи с энтузиазмом человека, готового пойти на компромисс.

— Нет!

— Елки-палки! — произнес Реджи. Он не часто употреблял подобные выражения, но сейчас ему показалось, что ситуация того требовала.

Пока он говорил, раздался дверной звонок.

Фуксия советовала Гертруде Баттервик подбежать к Монти и чмокнуть его в щеку, как только он появится, и та в точности так и поступила, когда отворилась дверь. Конечно, было бы лучше, если бы сакральная сцена протекала в более интимной обстановке, но наличие аудитории ее не смутило. Она поцеловала Монти и о чем-то страстно запричитала. Реджи тем временем допытывался у Монти, можно ли взять Микки, а Фуксия с Амброзом выспрашивали, удалось ли достичь положительного результата на переговорах с мистером Льюэлином.

Такой разворот событий смутил Монти.

Фуксия первой заметила, что объект ловит ртом воздух.

— Ну-ка расступитесь! — скомандовала она. — И давайте по очереди, черт побери. Баттерплюх, — сказала она, поскольку была девушкой справедливой и признавала верховное главенство Любви, — тебе первое слово. Только, пожалуйста, покороче.

— Дорогой мой, — проворковала Гертруда, нежно склоняясь над

креслом, в котором утопал Монти, — я все понимаю.

— М-м? — переспросил Монти туманно.

— Мисс Флокс мне рассказала.

— М-м?

— Я люблю тебя.

— М-м?

Тут вперед выступил Реджи.

— Правильно, — рубанул он. — Она тебя любит. Такие вот дела. А теперь, старина, займемся Микки Маусом...

— Что с контрактом? — осведомилась Фуксия. Лицо Монти исказилось от боли.

— Айки принял Амброза на работу?

— Нет.

— Как, нет?

— Вот так. Сказал, что не возьмет.

— Не возьмет?

Фуксия уставилась на Амброза. Амброз уставился на Фуксию. Глаза у обоих округлились от ужаса.

— О, силы небесные! — воскликнул Амброз. — А я-то возомнил...

— Ах ты, ложки-поварешки! — воскликнула Фуксия. — Ты же пообещал...

— Знаю.

— Обещал сказать Айки, что к нему наймешься...

— Знаю. Только мои услуги ему тоже не нужны.

— Что?

— Не имею права, — изрек Реджи, подытоживая свое замечание, — предавать гласности причины, по которым мне требуется Микки Маус. На моих устах печать молчания, однако...

— Как, не нужны?

— Вот так.

— Ничего не понимаю, — вмешалась Гертруда. — Ты что, собирался в Голливуд?

— Ну да.

— Монти, дорогой, какой Голливуд? Ты же служишь у мистера Пилбема в его детективном агентстве.

Лицо Монти опять исказилось от боли:

— Уже не служу. Я уволился.

— Уволился?

— Ну да. В тот вечер, когда ты меня отшила, послал Пилбему

телеграмму.

— Монти!

Амброз, Фуксия и Реджи заговорили все разом:

— Но Льюэлин мне лично говорил...

— Айки бегал кругами и умолял тебя уломать...

— Этот Микки Маус...

— Монти, — с трудом выдавила из себя Гертруда, — неужели ты опять без работы?

— Ага.

— Но в таком случае мы не сможем пожениться. Отец не позволит.

Реджи стукнул по столу:

— Гертруда!

— Что тебе от меня нужно?

— Чтобы ты прекратила молоть чепуху. Ты затеваешь дурацкие дебаты и отвлекаешь Монти от серьезных вещей. Говоришь, отец не даст тебе позволения на брак? В жизни не слышал большей ерунды. В наш просвещенный век девушка не слушает, развесив уши, наставления отца.

— Я не могу выйти замуж без его согласия.

— По-твоему, — голос Реджи увял, — по-твоему, получается, что счастье Монти должно зависеть от каприза пучеглазого дядюшки Джона!

— Не смей называть моего отца пучеглазым дядюшкой Джоном!

— А вот и посмею! Он мне приходится пучеглазым дядюшкой Джоном. Если я вру, — продолжил Реджи, выстраивая замысловатую сентенцию, — то чей же он пучеглазый дядюшка Джон? Не считая Амброза?

— Ты это о чем? — восторженно воскликнул Амброз, который, заслышав свое имя, очнулся от глубочайших раздумий.

Реджи обернулся к нему, словно радуясь возможности пообщаться с разумным созданием.

— Рассуди нас, молодой человек. Здесь находится гадкая юная Гертруда, которая заявляет, что не выйдет замуж за Монти, если дядя Джон не даст добро. Это бред или не бред?

— Если я выйду замуж без разрешения, отца это убьет.

— Чушь!

— Нет, не чушь. У отца слабое сердце.

— Чушь полнейшая!

— Нет, не полнейшая.

— Чушь полнейшая, и если бы здесь не было дам, я употребил бы более крепкое выражение. Скажи на милость, слабое сердце! Старый

зануда что физиономией, что здоровьем — вылитый ломовой жеребец.

— Отец ни капельки не похож на ломового жеребца!

— Тогда извини...

— Послушай, — сказала Фуксия, — мне не хочется вступать в семейные дискуссии и очень хочется узнать, как на самом деле выглядит твой отец, но кто-то позвонил в дверь. Потому предлагаю временно отложить диспут и узнать, кто там.

Амброз стоял ближе всех к дверям. Снова погружившись в раздумья, он рассеяно отомкнул замок.

В комнату вошла Мейбл Спенс, а следовал за ней Айвор Льюэлин.

Глава XXIV

В облике мистера Льюэлина, когда он пружинистой походкой переступил порог, ничто не напоминало о физическом и моральном упадке, подкосившем его в процессе телефонного разговора. То была минутная слабость, и с ней было покончено. Президенты крупных кинокорпораций выносливы и жизнестойки. Они быстро приходят в себя. Вы можете довести Айвора Льюэлина до белого каления, но вам не удастся сломить его доблестный дух. Он был человеком, умеющим не только получать, но и давать сдачи. За долгие годы усердных тренировок он выработал в себе навык с достоинством сносить удары Судьбы^[89] и, перешагнув через низшее «я», силой своего гения обратить поражение в победу.

За этим он сюда и явился. После скоропалительных переговоров с Мейбл его планы получили окончательное оформление, а схемы обрели завершённый вид. Его мало смущал тот факт, что ради достижения своих целей ему предстоит полностью пересмотреть тактику и не только отказаться от растирания гремучих змей в порошок, а первым делом помириться с гремучими змеями и установить с ними братские отношения. Киномагнаты не смущаются, совершая поворот на сто восемьдесят градусов.

— Приветствую вас, мистер Бодкин, — благосклонно пророкотал он, производя первый залп.

Монти тем временем с головой увяз в персональной пучине отчаяния, и только поистине сногсшибательное и поразительное происшествие способно было выудить его оттуда. Перемена в мистере Льюэлине и его странная приветливость сделали свое дело — Монти от изумления вытаращил глаза.

— Здравствуйте, — ответил он.

— Послушайте, мистер Бодкин, мне необходимо с вами объясниться. — Мистер Льюэлин умолк. Казалось, его внимание моментально переключилось на что-то другое. — Какая прелесть, — произнес он. — Чудная мышка. Ваша?

— Ее хозяйка — мисс Баттервик.

— Если память мне не изменяет, я не имел чести быть представленным мисс Баттервик.

— Ой, извините. Мисс Баттервик, моя невеста. Мистер Льюэлин.

— Очень рад.

— Я тоже, — сказала Гертруда.

— С обоими Теннисонами я знаком, с Фукси, разумеется, тоже. Чудненько, чудненько, — проговорил мистер Льюэлин благодушно. — Похоже, мы здесь все друзья. Ха-ха.

— Ха-ха, — произнес Монти.

— Ха-ха, — произнесла Гертруда.

Фуксия, Амброз и Реджи не произнесли «ха-ха», но мистер Льюэлин, по всей видимости, вполне удовлетворился теми «ха-ха», которые сорвал. Ему показалось, что вокруг установилась благоприятная атмосфера. Он еще немного посиял, затем улыбка сползла с его лица, оно приняло сосредоточенное и озабоченное выражение.

— Видите ли, мистер Бодкин. Как я уже говорил, мне надобно с вами объясниться. Так-то. Дело в том, что после вашего ухода примчалась моя свояченица, и я ей пересказал содержание нашей маленькой беседы, и то, что она сказала, заставило меня взглянуть на вещи под иным углом зрения. Пока я слушал ее, меня вдруг как громом поразило: вдруг вы всерьез восприняли мою манеру вести разговор? Мне даже стало не по себе, я страшно взвинтился, правда, Мейбл?

— Верно, — сказала Мейбл Спенс. Она не была подхалимкой, но знала, что порой поддакнуть — дело святое.

— В общем, я страшно взвинтился, — продолжал Льюэлин. — Меньше всего на свете я ожидал, что вы примете мои словоизлияния за чистую монету. Я-то не сомневался, что вы сразу поняли шутку. Ну, естественно! У нас это зовется розыгрышем. Со временем вы освоитесь в наших краях и привыкнете к американским обычаям. Черт! — сказал мистер Льюэлин с неподдельным удивлением. — Если бы не Мейбл, мне бы в голову не пришло, что вы можете предположить, будто я все переиграл и не хочу вас брать в «Супербу». Нет уж, сэр, я вам не хамелеон какой-нибудь! В моем бизнесе необходимо хорошо знать, что у тебя на уме, иначе не заработаешь. Уж если я что решил, на том и стою.

Монти почувствовал, как у него защемило в груди и сперло дыхание. Он был не из тех молодых людей, которые схватывают все на лету, но здесь было нечто такое, что он затрепетал от внезапно нахлынувшей надежды.

— Вы...

— Да?

— Вы приглашаете меня в Голливуд?

— Совершенно верно, — сказал Льюэлин сердечно.

— И Амброза тоже? — спросила Фуксия Флокс.

— Разумеется, — сказал мистер Льюэлин с не меньшей сердечностью.

— И вы заключите с нами официальный контракт?

— Само собой. Конечно. Все подпишу. В любое время, ребята, заглядывайте ко мне в контору. Ясное дело, я не могу это сделать здесь, — заметил Льюэлин и радостно загоготал, настолько нелепой выглядела сама идея о подписании контракта в гостиничном номере.

Мейбл Спенс исправила эту точку зрения.

— А что такого! — сказала она обнадеживающим тоном, открывая косметичку. — У меня с собой контракт Реджи. Ты пока поболтай о том, о сем, а мы с Реджи сделаем копии, перед уходом ты поставишь свою подпись — и дело в шляпе.

Льюэлин перестал гоготать. В пределах данной комнаты он планировал выдерживать тон добросердечности на высоте, но при последнем предложении проницательный наблюдатель уловил бы в его облике отчетливые признаки состояния, называемого мукой.

— Можно, конечно, и так, — сказал он.

Последние слова он произнес уже не прежним звенящим голосом, а выговорил медленно и сипло, словно в горле у него застрял какой-то острый предмет. Одновременно он наградил свою свояченицу одним из тех взглядов, которым мужчины удостаивают родственников супруги, страдающих, по их мнению, недостатком такта.

Мейбл Спенс, по-видимому, оставила этот взгляд без внимания.

— Я что говорю? — произнесла она бодро. — Изменить придется всего пару строчек. Итак, мистера Бодкина ты берешь экспертом по производственной части, а мистера Теннисона — сценаристом. Будь повнимательней, Реджи, когда дойдешь до этого пункта.

— Не беспокойся, — сказал Реджи. — Эксперт по производственной части... Сценарист... Понятно.

— Тогда остается уладить последнее, — продолжала Мейбл, — а именно: условия. Я хочу сказать, штрафные санкции и всякое такое мы перепишем в том виде, в каком они есть.

— Точно, — поддакнул Реджи.

— Точно, — поддакнул Амброз.

— Точно, — поддакнул Льюэлин. Ему по-прежнему мешал предмет, застрявший в дыхательных путях.

— По моему разумению...

— Знаешь что, послушай...

— С Амброзом вопрос решенный, — подчеркнул Реджи. — Все честь

по чести. Он будет получать обещанные тысячу пятьсот.

— Верно. А мистер Бодкин?

— Как насчет тысячи? Прекрасная круглая сумма. Помните, мы сошлись во взглядах?

— Знаешь что, — произнес мистер Льюэлин с дрожью в голосе, — тысяча долларов — это куча денег. Я даже кухне своей жены плачу три с половиной сотни, а ведь она ценнейший кадр... Плюс ко всему, на дворе депрессия... Кино переживает не лучшие времена...

— Ладно, пусть будет тысяча, — вмешался Реджи, которому надоело это крохоборство. — Тебе, Монти, тысячи хватит?

— Ага. — У Монти, как и у Льюэлина, что-то произошло с дыхательными путями. — Хватит.

— Вот и отлично. Вопросов больше нет. Теперь за дело.

Двое писцов ретировались к письменному столу, и с их удалением из эпицентра событий в беседе наступило затишье. Пережевывание сведений о том, что из-за своей настырной свояченицы ему придется подписать контракты прежде, чем он заполучит мышь, вместо того чтобы сначала заполучить мышь, а потом ничего не подписывать, привело мистера Льюэлина в тихое, меланхоличное настроение. А поскольку у прочих присутствующих вроде бы не было мыслей, которые нужно незамедлительно выразить вслух, в комнате повисла тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием ручек, которого мистер Льюэлин старался не слушать.

Реджи с Мейбл были скоры на руку. Через некоторое время они, сделав дело, поднялись из-за стола и предъявили плоды своих трудов.

— Вот ручка, — сказала Мейбл.

— Распишитесь вот здесь, — сказал Реджи. — Там, где мой большой палец.

— Только не на пальце, — добавила Мейбл. — Ха-ха.

— Ха-ха, — сказал Реджи.

Обоих распирало от радости и жизнелюбия, и, видимо, эта веселость разъедала душу Айвора Льюэлина подобно купоросу. Когда он ставил свою подпись, его страдания вырвались наружу, и в сердце Мейбл Спенс шевельнулась жалость. Она сочла, что пора озарить его жизнь солнечным светом за все пролившиеся над ней дожди.

— Какой у вас симпатичный мышонок, мисс Баттервик, — проговорила она, и мистер Льюэлин нервно вздрогнул и поставил кляксу. — Видимо, вы с ним не расстанетесь.

— Боже упаси! — вскрикнул потрясенный Монти.

— Да, никак не могу, — ответила Гертруда. Мейбл кивнула.

— Именно этого я и боялась, — сказала она. — А я-то, Ай-ки, тешила себя надеждой, что мы подарим его Жозефине.

— Да? — осторожно ответил мистер Льюэлин. Он впервые слышал о существовании Жозефины.

— У Айки, — Мейбл пустилась в объяснения, — есть маленькая калека-племянница, которая жить не может без Микки Мауса.

У Гертруды неприятно засосало под ложечкой. У Монти неприятно засосало под ложечкой. У мистера Льюэлина приятно засосало под ложечкой. Он недолюбливал Мейбл, но ему нравилось, как она делает дело. Он взглянул на нее с неожиданным восхищением. «Калека!» На редкость меткий штрих.

— Калека? — переспросил Монти.

— Калека? — переспросила Гертруда.

— В прошлом году она попала под машину.

— «Роллс-ройс», — уточнил мистер Льюэлин, любивший филигранную отделку.

— И с тех пор она прикована к постели. Ну что ж, — сказала Мейбл со вздохом, — придется побегать по магазинам. Хотя, боюсь, у них нет того, что нужно. Ей ужасно тяжело угодить. Кто не знает, какими капризными становятся дети, когда они болеют и страдают...

— У нее золотые кудри, — сказал мистер Льюэлин.

— Монти, — проговорил Реджи, зная, что его работодатель равнодушен к идеям взаимопомощи и сотрудничества, — не будь негодеем, не отнимай мышку у несчастного увечного ребенка.

— И голубые глаза, — сказал мистер Льюэлин.

— Монти! — воскликнула Гертруда с мольбой в голосе.

— Э-э... — ответил Монти.

— Разумеется, бедняжка имеет полное право на мышь, — сказала Гертруда. — Я и не думала оставить ее себе.

— Отлично сказано, юный хоккейный ас, — сказал Реджи от всего сердца.

— Ты точно решила? — спросила Мейбл.

— Да ради Бога! — сказала Гертруда, буравя Реджи взглядом, полным неприязни. — Мистер Льюэлин, возьмите.

По всему было видно, что ей чрезвычайно тяжело разлучаться с сокровищем, и человек, хорошо воспитанный, принимая этот дар, помялся бы и поотнекивался хотя бы ради приличия.

Мистер Льюэлин выхватил мышь, как обезьяна, прыгающая на

дерево за кокосом. В следующий миг он уже пятился к дверям, будто опасался, что решение пересмотрят.

Уже в дверях он, видимо, смекнул, что не проявил достаточной куртуазности.

— Ну, ладно... — начал он.

По всей вероятности, он сочинял в уме благодарственную речь. Но слова не лезли в голову. Он еще немного постоял, светясь смущенной улыбкой, а затем ушел. Когда за ним затворилась дверь, зазвонил телефон.

Реджи подошел и снял трубку.

— Алло!.. Все правильно. Пришлите его наверх. Там внизу Альберт Пизмарч, — сказал он, — просит аудиенции.

Монти хлопнул себя по лбу.

— О Господи! Я ни разу не дал ему на чай! Хотя проплыл с ним пол-океана.

В интервале, промелькнувшем между объявлением о визите Альберта Пизмарча и возникновением Альберта Пизмарча собственной персоной, в гостиной состоялась неформальная дискуссия по вопросам этики. Фуксия Флокс выступила против Пизмарча, упирая на то, что если позволять стюардам океанских лайнеров гоняться за забывчивыми клиентами по нью-йоркским гостиницам, вскоре эти стюарды станут рыскать за ними с собаками по всей Америке. Реджи, человек более гуманный, заявил, что справедливость есть справедливость и надо ему сколько-нибудь сунуть. Монти был занят тем, что пытался разменять десятку на две пятерки.

Лицо Альберта Пизмарча, когда он наконец вошел в комнату, выражало хорошо знакомый почтительный упрек. Он воззрился на Монти, как на блудного сына.

— Сэр, — произнес он.

— Знаю, знаю.

— Не слишком порядочно с вашей стороны, сэр, уйти, и концы в воду...

Монти и думать забыл про размен десятки на две пятерки. Глядя в эти глаза, полные укора, слыша этот укоризненный голос, он сгорал от стыда и раскаяния. С десяткой в руке он подскочил к Альберту Пизмарчу.

— Знаю, знаю, — сказал он. — Вы абсолютно правы. И как я мог забыть! Вот, держите.

Альберт взглянул на купюру, и вся суровость его моментально растаяла.

— Благодарю, сэр.

— Не за что.

— Очень великодушно с вашей стороны.

— Да что вы, нисколько.

— Спасибо за подарок и за проявленную заботу, — сказал Альберт Пизмарч.

Он аккуратно сложил купюру и засунул ее в носок.

— Признаться, не ожидал. Теперь мне несколько затруднительно говорить с вами напрямую. И тем не менее, сэр, я вынужден с вами потолковать. Как я уже говорил, сэр, не слишком порядочно с вашей стороны было уйти, и концы в воду. Поступок бывает либо порядочным, либо непорядочным, и при виде непорядочности долг каждого человека, особенно когда он, если можно так выразиться, питает душевное расположение к вышеупомянутому индивиду, вроде как я к вам, желая ему всяческого добра и надеясь на его будущее процветание и успех...

В мире не так много людей, способных заткнуть Альберта Пизмарча, когда из него начинает бить словесный фонтан, но, на удачу, один из них оказался в комнате.

— Эй! — произнесла Фуксия.

— Простите, мисс?

Фуксия была настроена решительно.

— С какой стати, — задушевно осведомилась она, — вы нарушаете нашу честную дружескую компанию и что-то такое мелете? У нас здесь что, по-вашему? Общественная трибуна? Или выпускной вечер, на котором вы произносите прощальное слово?

— Я не очень улавливаю ход вашей мысли, мисс.

— Ах так! Тогда объясните вот что. Откуда вы набрались такого нахальства? Зачем сюда явились? К чему все эти словеса? И когда вы, в конце концов, удосужитесь объяснить, о чем, собственно, речь?

Альберта Пизмарча обидела такая манера.

— Мистер Бодкин понимает, о чем я говорю, мисс.

— Ты что-нибудь понимаешь? — Фуксия повернулась к Монти.

— Нет, — ответил Монти. — Сам гадаю.

— Ну же, сэр, — сказал Альберт Пизмарч. — Загляните к себе в душу.

— Заглянуть к себе...

— Прислушайтесь к голосу совести. Ни для кого не секрет, — заговорил Альберт Пизмарч, с легкостью садясь на любимого конька, — что есть вещи, о которых джентльмен в присутствии посторонних предпочитает умалчивать, но это отнюдь не то же самое, что утверждать, будто вы не знаете, о чем речь. Загляните к себе в душу, сэр, и прочтите ее

сообщения. Поразмыслите, сэр... Напрягите ум...

— Стюард, — сказала Фуксия.

— Слушаю, мисс.

— Мистер Льюэлин только что подписал с мистером Теннисоном контракт на пять лет. Мистер Теннисон отправится в Голливуд писать сценарии для кино, и мы с ним сразу поженимся.

— Счастлив за вас, мисс.

— Еще бы. Иначе я бы так двинула вас по башке, весь остаток жизни бы помнили. Если бы я не была такой счастливой, вас бы уже сейчас везли в больницу. А теперь, стюард, послушайте меня. Не объясните ли вы — но только коротко и понятно, — что именно вы пытаетесь выдавить из своей жирной груди.

Альберт Пизмарч, рыцарь без страха и упрека и сама галантность в отношении к противоположному полу, склонил голову.

— Разумеется, мисс, если мистер Бодкин не против.

— С удовольствием послушаю, — сказал Монти.

— Итак, мисс, я намекаю на акцию мистера Бодкина, сомнительную с моральной точки зрения, которая заключалась в попытке пронести через нью-йоркскую таможенную дорогостоящее жемчужное ожерелье, не заплатив пошлину, как это положено по закону.

— Что?

— Все обстоит именно так.

— Это правда?

— Нет, конечно, — ответил Монти. — Бредни полоумного.

— В таком случае, сэр, быть может, вы объясните, — проговорил Альберт с тихим торжеством в голосе, — каким образом эта штука попала внутрь Микки Мауса, которого вы вчера вечером поручили мне упаковать в оберточную бумагу?

— Как!

— Вот именно — как? Вчера вечером, — продолжал Альберт Пизмарч, обращаясь ко всей компании в целом, — присутствующий здесь мистер Бодкин вызвал к себе стюарда и сказал, чтобы тот разыскал меня и попросил зайти к мистеру Бодкину, а когда я явился, мистер Бодкин говорит: «Пизмарч», а я: «Что угодно, сэр?», а мистер Бодкин: «Пизмарч, у меня есть плюшевый Микки Маус, будьте столь добры, упакуйте его в оберточную бумагу», а я: «Будет исполнено, сэр» — и несу Микки Мауса в себе, но только я принялся за упаковку, как сказал про себя: «Ого! Там внутри что-то есть». Расследование подтвердило правильность моих подозрений. Я отвинтил Микки Маусу голову и обнаружил внутри то

самое дорогостоящее жемчужное ожерелье, на которое сейчас намекал. «Ого!» — сказал я себе. Я был изумлен, сэр, — сказал Альберт Пизмарч, глядя на Монти, как гувернантка. — Изумлен и огорчен.

— Но...

— Вот именно, сэр, — с твердостью повторил Альберт Пизмарч. — Изумлен и огорчен.

— Но я понятия не имею...

Реджи почувствовал, что ему необходимо вмешаться:

— Дело в том — какое там у тебя выражение? — в общем, все проще пареной репы, старина. Ожерелье принадлежит Льюэлину. В обмен на некоторые уступки я взялся протащить его через таможеню. В тот вечер, когда мы болтали в твоей каюте, я наблюдал, как ты откручиваешь и прикручиваешь Микки Маусу голову, и меня посетила идея...

— Теперь ясно, — сказала Мейбл, — почему Айки так охотился за мышью.

Альберт Пизмарч, казалось, пропустил этот обмен мнениями мимо ушей.

— Вот именно, сэр, — подытожил он, — я сказал себе «Ого!» и был изумлен и огорчен, поскольку провоз контрабанды есть нарушение закона, а я придерживался о вас значительно лучшего мнения, сэр. Итак, я подумал про себя...

— Не все ли равно, что вы подумали! — оборвала его Фуксия. — Что с ожерельем?

— На этот счет существует жесткая инструкция, которая распространяется на весь корпус стюардов, мисс, и эта инструкция предписывает все ценные вещи, найденные случайно либо припрятанные умышленно, незамедлительно сдавать казначею.

— Черт! — сказала Фуксия.

Она повернулась к другим и прочитала по их глазам, что это слово как нельзя лучше отражает всеобщее настроение. Первым заговорил Монти:

— Бедняга Айки!

Реджи поддержал эту точку зрения:

— Точно. Папаша Льюэлин — не тот человек, с которым хочется отправиться в долгий поход, однако его жаль.

— Хочешь — не хочешь, придется ему заплатить пошлину, — заметила Мейбл.

— Айки может себе это позволить, — возразила Фуксия.

— Может, конечно. Но Грейс сказала: не платить. Вот в чем беда. Боюсь, эта новость ее огорчит. Ты ведь ее знаешь.

Фуксия согласно кивнула. Миссис Льюэлин не была для нее человеком посторонним.

— Она вполне способна взбелениться и получить парижский развод.

— Твоя правда.

— Есть еще один аспект, — подчеркнул Реджи, — когда известие дойдет до папаши Льюэлина, он запросто может взорваться. Как известно, под воздействием неожиданных потрясений мужчины плотной комплекции имеют свойство взвинчиваться и откидывать копыта. С ними случается так называемая кондрашка. Они вцепляются себе в горло и рушатся на пол.

— Истинная правда, — согласилась Фуксия.

— Все верно, — поддержала Мейбл.

— Как пить дать, — благоразумно заметил Реджи, — когда Льюэлину откроется, что он нанял меня специалистом по английским эпизодам, Амброза — сценаристом, а Монти — экспертом по производственной части, положил нам всем огромное жалованье и обязался держать пять лет — и все это впустую, он сгорит от горя.

— Итак, я подумал про себя: «Ого!», — продолжил Альберт Пизмарч, вновь овладевая вниманием аудитории благодаря паузе, последовавшей вслед за последней ремаркой. — «Ого!» сказал я про себя. Затем я еще чуточку подумал и сказал себе: «Хмм...». Потом еще капельку подумал и сказал себе: «Ага! Вот что я сделаю. Я не стал бы этого делать ради других», сказал я себе, «только ради мистера Бодкина, ибо он проявил себя как приятный и обходительный молодой джентльмен, и таким молодым джентльменам хочется оказать добрую услугу». В конечном итоге я не понес ожерелье казначею, как это предписывает жесткая инструкция, а просто-напросто сунул его в карман, и вот оно тут.

С этими словами он извлек из брючного кармана карандаш, моток бечевки, ластик, три пенса мелочью, ожерелье, пачку жвачки, две пуговицы, пастилки от кашля и положил все это на стол. Затем взял карандаш, моток бечевки, ластик, три пенса мелочью, пачку жвачки, пуговицы и пастилки от кашля и отправил их обратно на хранение.

Прошло некоторое время, прежде чем кто-либо из присутствующих сумел заговорить.

Первым нарушил молчание Монти.

— Вот это да! — изрек Монти. — Хорошо бы сюда эту штуку.

— Какую штуку, мой милый? — спросила Гертруда.

— Шампанское, — ответил Монти. — По мне, ситуация требует бутылок шесть — самого лучшего. Я хочу сказать, у нас с тобой — полный порядок, у Амброза с мисс Флокс — полный порядок, у Реджи с мисс

Спенс — полный порядок, и в ближайшем будущем я намерен озолотить Альберта Пизмарча, хотя во многих отношениях он форменный осел. Но обмыть это дело мы сможем в лучшем случае лимонадом. У них в Америке, — разъяснил он Гертруде, — есть такая жуткая штука под названием «сухой закон»,^[90] не разрешающая....

Фуксия уставилась на него, поражаясь, что существует человек, настолько оторванный от фактов реальной жизни.

— Простофиля ты мой, сухой закон давным-давно отменили.

— Правда? — Монти был потрясен. — А мне никто не сказал.

— Конечно, отменили. Если ты подойдешь к телефону и сделаешь заказ, тебе принесут столько шампанского, сколько пожелаешь.

Еще с минуту Монти, оцепенев, стоял столбом. Затем твердым шагом двинулся к телефону.

— Примите заказ! — сказал он.

Женщины, жемчуг и Монти Бодкин

Перевод с английского С. Кузнецова (Семита), Н. Трауберг, 2002

*Шеран [\[91\]](#)
с любовью*

Глава I

Как обычно, когда погода не преподносила никаких сюрпризов, калифорнийское солнце всюду заливало съемочную площадку компании «Суперба-Льюэлин» в Льюэлин-Сити. В огромной студии царил покой, изредка нарушаемый звуком шагов директора-распорядителя, спешащего со своими неотложными распоряжениями, или случайным воплем, доносящимся из авторского гетто, где какой-нибудь писатель с болью в затылке тщетно пытался придать хоть какой-то смысл только что переданному ему для очередной правки сценарию. На часах было полтретьего пополудни, и в этот час весь снующий рой от киноиндустрии обычно имел тенденцию к некоторому снижению своей активности.

В офисе, на дверях которого выгравированная надпись предполагала, что в нем должен работать

Помощник режиссера

и ниже, в левом углу, маленькими буквами

М. Бодкин

сидела и ждала своего шефа, когда тот вернется с обеда, Санди Миллер, секретарша М. Бодкина.

Секретарши в Голливуде либо величавы и надменны как изваяния, либо миловидны и живы. Санди относилась ко второй разновидности. Хотя бодрая душа таких секретарш всегда готова к смеху не хуже зрителей за кадром в телевизионном шоу, на этот раз она позволила случайной морщинке нарушить безупречность ее алебастрового лба (именно такие лбы должны иметь голливудские секретарши). Она думала (что с ней случалось часто, когда она была в задумчивом расположении духа), как сильно она любит М. (то есть Монти) Бодкина.

Возникло это внезапно, после обеда, когда они вместе ели рагу «Бет Дэвис»^[92] в столовой при студии, и неуклонно росло несколько месяцев, пока желание потрогать его светлую шевелюру не стало почти непреодолимым. А непосредственной причиной ее морщинки была мысль о том, что очень глупо связывать себя с человеком, чье сердце, по всем признакам, принадлежит другой. На его столе стояла фотография могучей

девицы с надписью «Твоя Гертруда». От фотографий с такими надписями не отмахнешься. Они что-то значат, так сказать, несут весть, и весть эта не ускользнула от Санди, особенно — в то утро, когда она увидела, что Монти целует портрет. (Он попытался отвертеться, сказав, что сдувает пылинку, но такое объяснение, при всем своем остроумии, нисколько ее не убедило.)

Она не знала, кто такая эта Гертруда, так как М. Бодкин был очень сдержан, когда дело касалось его личных дел. Вот она, Санди, ничего от него не скрывала. Долгими послеобеденными часами, когда бизнес затухал и было время поговорить по душам, она рассказала ему всю свою историю — от детства в маленьком иллинойском городке и приятного досуга в школе до того момента, когда дядя Александр, ее крестный, сделал очень похвальную вещь — заплатил за ее обучение на секретарских курсах, после которых она сменила несколько мест, получше и похуже, пока не обосновалась в Голливуде, потому что именно его ей давно хотелось посмотреть. А о Монти она знала только то, что у него неплохой аппетит и на носу веснушка. Это ее огорчало.

Тут он вошел, как всегда дружелюбный, поздоровался, бросил нежный взгляд на могучую девицу и занял свое место.

Без подготовки очень сложно сказать, каким главным качеством должен обладать помощник голливудского магната. О Монти вы, скорее всего, сказали бы, что он вообще не похож на такого помощника. Его приятное, немного заурядное лицо предполагало, скорее, дружелюбие, чем голливудскую хватку. В Лондоне, скажем, — в клубе «Трутни» на Довер стрит (Вест Энд), в котором он был достаточно популярен, — вы бы встретили его без малейшего удивления. В директорском крыле студии «Суперба-Льюэлин» он явно выпадал из общей картины. Это очень остро переживал и сам президент, Айвор Льюэлин. Есть на студии небольшое декоративное озерцо, на дне которого, по его мнению, юный помощник должен был покоиться с большим кирпичом на шее. Хотя Айвор Льюэлин не был особенно расточительным, он бы с удовольствием снабдил его кирпичом и веревкой за счет фирмы.

Подкрепившись за обедом, Монти пребывал в хорошем расположении духа. Собственно, он почти всегда в нем пребывал, и эта самая эйфория была для хозяина как нож острый. Мистер Льюэлин полагал, что если человек пролез в его компанию, то, по крайней мере, он бы мог, ради приличия, вести себя так, будто его беспрестанно гложет совесть.

— Простите, опоздал, — сказал помощник режиссера. — Завяз, понимаете, в очень клейких спагетти и только-только спасся. Что-нибудь

особенное случилось?

— Нет.

— Никаких землетрясений и других кар Божьих?

— Нет.

— Никаких беспорядков в сценарном загоне? Туземцы на местах?

— Да.

В этих односложных ответах слышалась странная краткость, и Монти был немного озадачен. У него сложилось впечатление, что Санди чего-то не договаривает. Он питал к ней нежные чувства, конечно — исключительно братские, к коим даже Гертруда, всегда склонная бросать косые взгляды на друзей женского пола, не смогла бы придраться, и ему было больно думать, что что-то не в порядке.

— Вы какая-то рассеянная, — сказал он. — О чем-то думаете?

Санди показалось, что наконец-то появился шанс что-нибудь выудить из человека-загадки. Никогда до этого их беседы не начинались в таком ключе.

— Если хотите знать, — сказала она, — я думаю о вас.

— Обо мне? Польщен!

— Я пыталась понять, что вы здесь делаете.

— Я — помощник режиссера. Вон табличка.

— Да. Это меня и удивляет. В большинстве студий вы приходились бы режиссеру племянником или хотя бы зятем. А тут... никакой не родственник, даже не свойственник — и, как говорится, помреж. Вы мне сами признавались, что у вас совершенно нет опыта по этой части.

— Неплохо, а? Зато я привношу свежий взгляд.

— Как вам удалось получить эту работу?!

— Я познакомился с Льюэлином на пароходе, когда плыл из Англии.

— И он сказал: «То, что надо! Поезжайте со мной и помогайте мне ставить фильмы»?

— Да, примерно так.

— Сперва вы должны были ему понравиться.

— Можно ли за это осуждать? Конечно, свою роль сыграла и небольшая услуга...

— Какая?

— Да неважно.

— Нет, важно. Так в чем было дело?

— Он очень нуждался в одной штуке. Чтобы я ее отдал, ему пришлось согласиться на мои условия. Так и ведут дела.

— Чего он от вас хотел?

— Если я скажу, вы пообещаете больше не спрашивать?
— Обещаю.
— Честное слово?
— Честное слово.
— Хорошо. Ему была нужна мышь.
— Что!
— То, что я сказал.
— А я не поняла. Какая мышь? Зачем ему мыши?
— Вы обещали не спрашивать.
— Но я не думала, что вы скажете «мышь»!
— В этом мире всякий может сказать все что угодно.
— Мышь! Почему?..
— Тема закрыта.
— Вы так и не объясните?
— Конечно, нет. Мои уста склеены. Как у моллюска. Санди не могла вынести такого разочарования. Если бы у нее в руках оказалось более опасное оружие, чем маленькая записная книжка, она, без сомнения, метнула бы его в Бодкина.

— Могу я вам сказать кое-что интересное? Меня от вас просто мутит. Я изо всех сил пытаюсь собрать материал для будущих мемуаров великого Монти Бодкина и не могу ничего выжать, потому что этот Монти — один из сильных молчаливых англичан, которых вполне резонно называют чурбанами. Придется поведать почтенной публике, что когда упомянутый Монти прерывал траппистский^[93] обет молчания, говорил он так, словно у него во рту картошка.

Это слово произвело на Монти должный эффект. Копье пробило его доспехи.

— Картошка?
— Да. Вареная.
— Вы с ума сошли!
— Мне что! Мое дело сообщить.

Дискуссия разгоралась, и миролюбивый Монти поднял руку.

— Не надо ссориться. Заметив, что мое произношение, скорее, похоже на звон серебряного колокольчика (спросите любого!), я бы перевел беседу на другие темы. Ну, например, на Льюэлина. Он был в столовой.

— Да?
— Да. И ел пудинг, или десерт. Если хотите — сплошной крем и сахар.
— Да?

— Лопал, как оголодавший эскимос. К сожалению, я не так близок с ним, чтобы предупредить, что к его внушительной фигуре прибавится несколько фунтов. Что поделаешь, нельзя! Он бы укусил меня за ногу.

— Да?

— Что вы заладили «да?», «да?»! Странная вещь с этим Льюэлином, — задумчиво сказал Монти. — Я вижусь с ним каждый день почти год. Казалось бы, у меня должен выработаться иммунитет, но, как только я с ним встречаюсь, у меня начинают трястись поджилки и индекс Доу Джонса^[94] моментально регистрирует резкое падение духа. Я начинаю шаркать ногой, теревить пуговицы и покрываюсь холодной испариной, если вы простите мне такие подробности. На вас он тоже так действует?

— Я его никогда не вижу.

— Везет людям!

— Как-то делала одну работу для его жены...

— Какая она? Само смирение и кротость?

— Смирение и кротость? Ну, что вы! Она — хозяйин в доме. По ее команде Льюэлин прыгает сквозь обруч и слизывает куски сахара, которые она кладет ему на нос. Прямо как в этих стихах о Бен Болте:^[95] «Она улыбнется — он плачет от счастья, она недовольна — он плачет от мук».

— Я декламировал это в детстве.

— Наверное, с огромным успехом.

— Я думаю, да. Но вы меня порядком удивили. Не могу себе представить, что Льюэлин дрожит от страха. Мне он всегда казался одним из апокалиптических чудищ. Она, должно быть, необычная женщина.

— Не без того.

— Наверное, из-за нее он и собрался в Европу.

— Куда?

— В Европу. Очень скоро.

— Кто вам сказал?

— Один субъект, которого я встретил в столовой. Такой, вроде автора мелких диалогов или типа при этой тележке, на которой ездит оператор. Да, они на время уедут.

— Без него вам будет тоскливо.

— Не будет. Я еду с ними.

— Что!

Если вы скажете, что эти слова совершенно потрясли Санди, вы будете совершенно правы. Ее глаза расширились, а привлекательная

челюсть упала вниз на целый дюйм. В хорошие минуты ей иногда казалось, что если бы они с Монти работали вместе подольше, общение сделало бы свое дело. Считается, что оно отвлекает от прежней любви. Но теперь, при этих словах, надежда съежилась и умерла.

Дар речи вернулся к ней не сразу.

— Вы уезжаете?

— Еще как!

— Обратно в Англию?

— Именно. Надеюсь, вы поможете мне написать прошение об отставке. Так что, берите карандаш, записную книжку, и приступим.

Санди была девушка с характером. Мечты лежали кучей обломков, но голос ее был тверд.

— Вы уже что-нибудь написали?

— «Уважаемый мистер Льюэлин».

— Начало хорошее.

— Я тоже так думаю. Но тут как раз начинается та часть, где я нуждаюсь в сочувствии, поддержке и совете. Слова надо подобрать одно к одному.

— А зачем? Судя по вашим рассказам, он и так будет рад от вас освободиться.

— Да, будет. Я не удивлюсь, если он пустится в пляс по улицам и зажарит быка на рыночной площади. Но не забывайте, внезапная радость так же опасна, как и нежданное горе. Льюэлин сейчас нагружен по уши этим пудингом. На полный желудок такая весть может оказаться фатальной.

Глава II

1

Дым в клубе «Трутни» становился все гуще, а это означало, что его члены, подобно антилопам или другой дичи, собирались к источникам вод, чтобы вкусить аперитива. Когда напитки разлили, Виски-с-Лаймом, сделав животворящий глоток, сказал:

— А вы знаете, кого я вчера встретил на Пиккадилли?

— Кого? — поинтересовался Мартини-без-Оливки.

— Монти Бодкина.

— Монти Бодкина? Не может быть!

— Может.

— Да он в Голливуде.

— Значит, вернулся.

— Ах, *вернулся!* — сказал с облегчением Мартини. — А то я подумал, что ты видел астральное тело, или как его там. Сплошь и рядом бывает. Сидит человек, обедает у себя в Америке, или еще где, и смотрит на своего приятеля в Лондоне. Так это был настоящий Монти Бодкин?

— Загорелый и поджарый.

— Сколько же он пробыл в Голливуде?

— Год. Контракт на пять лет, но ему нужен только один.

— Почему?

— Потому.

— Почему ему нужен только один год?

— Потому что ее отец поставил такое условие.

— Чей отец?

— Гертруды Баттервик.

— Ты не мог бы говорить яснее? — спросил Виски-с-Апельсиновым соком. — Вчера вечером я немного припозднился, и сейчас не в самой лучшей форме. Кто, если говорить по порядку, эта Гертруда Баттервик?

— Девушка, с которой помолвлен Монти.

— Кузина Реджи Теннисона, — пояснил образованный Виски-с-Вермутом. — Играет в хоккей.

Апельсиновый сок поморщился. Прошлой ночью он как раз старался утопить в вине свои печали, вызванные девушкой, которая играет в хоккей.

Опрометчиво согласившись быть судьей на ее матче, он лишился невесты, утверждавшей, что он шесть раз незаслуженно удалял ее с поля.

— Какие условия, какие отцы? — совсем растерялся Виски-с-Лаймом.

— Я только что сказал.

— Он поставил условие?

— Да.

— Ее отец?

— Да.

— То есть Гертруды?

— Да.

— Прости, не понимаю.

— Все очень просто. Мне объяснил сам Монти за бутылкой превосходного зелья. Чрезвычайно интересная история, вроде Иакова и Рахили, [\[96\]](#) только Иакову надо было служить семь лет, а Монти — всего один.

Апельсиновый сок слабо застонал и приложил лед ко лбу. Лимонный продолжил:

— Как-то на обеде или ужине он повстречал Гертруду и решил, что она — именно то, что надо. Вероятно, она подумала то же самое, потому что через неделю они были помолвлены. И когда им осталось собрать подружек да шаферов и побежать за епископом, ее отец отказался дать согласие.

Виски-с-Лаймом был заметно тронут, впрочем, как и все присутствующие, за исключением Апельсинового сока, который слишком увлекся кубиками льда.

— Что он сделал?

— Не дал согласия.

— Постой-ка, разве в наши дни оно кому-нибудь нужно?

— Другим — не знаю, а Гертруде Баттервик нужно. Викторианская барышня. Слушается папу.

— Это ее хоккей попутал, — заметил Апельсиновый сок.

— Монти, конечно, был озадачен, сбит с толку, поражен, как и вы. Он умолял плюнуть на запрет и бежать, но она не согласилась. Знаете, вся эта чепуха — у отца слабое сердце, потрясение его убьет, и так далее.

— Какая дура!

— Несомненно. Тот же Реджи Теннисон мне поведал, что папаша Баттервик не только похож на лошадь, но и здоров как лошадь. Тем не менее, вот так!

— Моим дочерям я не позволю притронуться к клюшке, — сообщил

Апельсин. — Да уж! Не позволю!

— Почему ее отец не дал согласия? — спросил Ликер-со-Льдом. — У Монти куча денег.

— В этом, — ответил Лимонный сок, — как раз и проблема. Монти получил наследство от тетушки, а старый Баттервик — из тех субъектов, которые начинают с самого низа в шестнадцать лет, а о наследстве и не слышали. Он сказал, что не отдаст дочь за бездельника.

— Ах, вон как!

— Вообще-то не совсем так. Монти поговорил со старым перечником, и тот пошел на попятный. Если Монти удастся проработать где-нибудь хотя бы год, — пожалуйста, женитесь. Вот Монти и устроился в кинокомпанию Льюэлина в Льюэлин-Сити, Южная Калифорния.

Соку было трудно повернуть голову, но он это сделал, чтобы бросить суровый взгляд на оратора. Он не любил неряшливо рассказанных историй.

— Вот ты говоришь: «Монти устроился...», как будто это легче легкого. А всякий знает, что в Льюэлин-Сити может пробраться, в самом худшем случае, незаконнорожденный сын одного из владельцев. Как же Монти это удалось?

Лимон добродушно хмыкнул.

— Ты будешь смеяться.

— Не буду, — заверил Апельсин. — По крайней мере, не сегодня.

— Все началось на борту «Атлантика» по пути в Нью-Йорк. Гертруда Баттервик отправлялась на соревнования в Америку с английской женской сборной по хоккею. Монти хотел быть рядом с ней. Реджи Теннисона семья хотела сплавить в какую-то канадскую контору. Пока все ясно?

Присутствующие согласились, что *пока* — все ясно.

— Среди пассажиров был и Айвор Льюэлин, глава компании, и сестра его жены, Мейбл Спенс. На этом перечень действующих лиц заканчивается. И сейчас все понятно?

— Да.

— Подходим к решающему моменту. Все поднялись на борт в Саутгемптоне, за исключением этой Мейбл. Она присоединилась к ним в Шербуре, куда явилась из Парижа, где была вместе с женой Айвора, Грейс. Теперь представьте, что он чувствовал, когда она сказала ему, что прихватила с собой жемчужное ожерелье, не сообщив о нем на таможне! Грейс рассчитывала, что Льюэлин провезет его контрабандой в Нью-Йорк. По всей вероятности, она считает, что делиться с американским правительством — очень глупо. Обычно она говорит, что у них и так слишком много денег. Пускай с этими справятся, а лишнее только

навредит. Все понятно?

Аудитория дружно кивнула.

— Как вы можете легко представить, Льюэлин разволновался. Он всегда боялся таможенников. Даже когда его совесть была чиста, он прятал глаза от их неприятного взора. Он дрожал, когда они смотрели на него, пожевывая жвачку. Когда же они молча указывали на его чемодан, он открывал его так, будто в нем лежит труп.

Ликер-со-Льдом сказал, что ему знакомо это чувство, и хотел начать длинную историю о том, как он однажды попытался провести лишнюю сотню сигарет в Фолькстоун, но Апельсиновый сок продолжил свое повествование:

— Естественно, сперва он решил от всего откреститься, но тут призадумался, что скажет Грейс. Таможенных инспекторов он боялся, но все же не так, как жены, и причины у него были. Когда она еще снималась, ее называли пантерой экрана, а если уж ты была пантерой, ты пантерой и останешься. Поэтому он пришел к заключению, что, как ни тяжело, он все же подчинится. Это его не радовало.

— Какая уж тут радость! — вставил Виски-с-Лаймом.

— Проблема была в том, как вообще провезти контрабанду.

— Да уж, проблема!

— С того дня он потерял покой и сон.

— Тут потеряешь!

— Но однажды вечером Реджи нашел выход.

— Реджи Теннисон?

— Да. Я же сказал, что он тоже был на корабле и, пока они плыли, очень сдружился с Мейбл Спенс, а она поведала ему о страшной проблеме. Тогда Реджи пошел к Льюэлину и сказал ему, что все будет хорошо, если только они возьмут у Монти мышь. Должен упомянуть, что Монти купил для своей Гертруды плюшевого Микки Мауса с отвинчивающейся головой. Такая, понимаете, банка для шоколадных конфет. Апельсин нервно вздрогнул. Сейчас он не мог слышать о шоколаде.

— Монти и Гертруда немного поссорились — это часто бывает между влюбленными, и она вернула ему мышь, а Реджи сказал Льюэлину, что положит туда ожерелье, так что Монти и не узнает.

— Умно, — признал Виски-с-Лаймом.

— Гениально! — отозвался Ликер. — И все прошло, как он задумал?

— Без задоринки. На берегу, конечно, Льюэлин рассказал все Монти, и тот увидел, что ему прямо с неба упало волшебное кольцо, — теперь он сможет получить работу на этот самый год. Короче говоря, все так и

вышло. Перед тем как они расстались, Льюэлин подписал с ним контракт на пять лет и взял его к себе в помощники.

— И Монти помирился с Гертрудой?

— О, да! Сегодня они обедают в «Баррибо».^[97]

Апельсин заметил, что это пустая трата денег. Рано или поздно, предсказал он, Гертруда Баттервик бросит жениха, а денег не вернешь.

— Почему ты так думаешь? — спросил Лимон.

— Она играет в хоккей, — ответил Апельсин.

2

Монти сидел в холле всемирно известного отеля, и взоры его постоянно обращались к вращающейся двери, из которой в любой момент могла появиться Гертруда. Его чувства, хотя и близкие к экстазу, окрашивало легкое беспокойство. Уверенный в выборе, который он сделал еще год назад, он поневоле думал о том, что у Гертруды было достаточно времени взвесить все «за» и «против» и изменить свое решение, особенно если мы учтем, что ее отец и не пытался скрыть аллергию на само слово «Бодкин», и не собирался ослабить влияние на преданную дочь.

Правда, она согласилась прийти без явных колебаний, но с прежним ли пылом, с прежним ли огнем? Именно об этом спрашивал себя Монти, и именно это мешало ему находиться в том состоянии, которое французы называют *bien etre*.^[98] Его дух то поднимался, то опускался, и когда он только что сумел его приободрить, почти убедив себя, что все его страхи безосновательны, в дверь, которой судьба предназначила впускать только индийских махарадж и тexasских миллионеров, вошел пожилой человек с лошадиным лицом, в котором Монти не без труда распознал мистера Баттервика, главу компании «Баттервик, Прайс и Мандельбаум Импорт-Экспорт». Мистер Баттервик подошел к тому месту, где сидел Бодкин, вызываясь фыркнул и произнес такие страшные слова:

— День добрый, мистер Бодкин. Гертруда не будет с вами обедать.

Описать воссоединение разлученных сердец особенно трудно, когда одно из них отсутствует. Простой хроникер в таких обстоятельствах растеряется и сникнет, как будто он во всю прыть бежал, чтобы успеть на субботний поезд, и вдруг узнал, что тот ходит только по воскресеньям. Но насколько хуже, насколько горше тому, кто рассчитывал быть одним из главных действующих лиц! Чувства влюбленного, который собирался

пообедать с возлюбленной, а вместо нее получил ее отца, легче представить, чем описать. Скажем только, что Монти пережил их сразу все, и если бы не сидел в глубоком кресле, закачался бы и рухнул на пол.

Мистер Баттервик выглядел как лошадь, готовая взять высокий барьер, и, надо сказать, это его не красило. Но не поэтому Монти смотрел на него как на змею, и заговорил с ним не сразу.

— Что! — вскричал Монти.

— Не будет обедать? — добавил он же.

— Черт! — обобщил он свои впечатления. — Как так, не будет? Мы договорились по телефону еще вчера вечером.

— Верно, — признал Баттервик, — но потом я поговорил с ней и объяснил, что лучше пойти мне.

Монти понял из этих слов, что старая образина решила угоститься за его счет, и это ему не понравилось. Мистер Баттервик, однако, рассеял его сомнения.

— Есть я не собираюсь, — сказал он с легкой, но слишком холодной улыбкой. — После того, что я вам скажу, вам захочется побыть одному, а я в любом случае буду ужинать в ресторане, где знают мою диету. Дело в том, что Гертруда очень чувствительная девушка, и ей неприятно причинять людям боль. Будет лучше, если я сообщу вам новости.

Монти не очень понимал, о чем идет речь. Мистер Баттервик оставил шляпу на вешалке, а то бы он напомнил ему Безумного Шляпника.

— Я не совсем вас понял, — сказал бедный Бодкин.

— Что ж, объясню, — ответил мистер Баттервик. Менее суровый человек сказал бы: «Что ж, напущу еще морозу». — Я решил, что вы не должны видеться с моей дочерью.

Отель «Баррибо» построен на славу, и не было случая, чтобы потолок обрушивался кому-нибудь на голову, однако в тот момент Монти был уверен, что случилось именно это, и очень удивился, почему магараджи и техасские миллионеры так спокойно это восприняли. Затем здравый смысл вернулся на положенное ему место, и Монти недоверчиво посмотрел на собеседника.

— Что! — вскричал он.

— Не видеться? — прибавил он же. И обобщил:

— Черт знает что! Опять за прежнее?

— Выражение странное, но смысл я улавливаю, — сказал мистер Баттервик. — Да, именно так.

— Мы же договорились!

— Я как раз к этому подхожу. У-ох!

— Что значит: «У-ох!»? Это не ответ.

— Это междометие, — сказал с достоинством мистер Баттервик. — Я застонал от боли. Желудочные колики.

Монти это знал, и очень радовался, хотя было бы лучше, если бы старый гад болел бубонной чумой.

— Хорошо, — уступил он, — если хотите говорить «У-ох», говорите, дело ваше. Но вернемся к теме. Вы обещали, что, если я буду целый год зарабатывать сам, вы не станете мешать нам с Гертрудой. Я думал, что это глупо, и сейчас думаю, но я сказал себе, что нет толку спорить, принялся за дело и честно выполнил условие. Весь последний год я был помощником режиссера на киностудии Льюэлина в Южной Калифорнии. Как вы думаете, Льюэлин платит своим сотрудникам? Каждую пятницу я получал маленький конвертик с тысячей долларов внутри. И у вас хватает духу сказать, что наше соглашение — пустой звук? Может, вы прямо так не сказали, но явно собираетесь. Что ж, мистер Баттервик, если такие приемы обычны в вашем кругу, я могу только посочувствовать экспорту и импорту. Люди с более высокими понятиями назвали бы это жульничеством.

— Вы закончили, мистер Бодкин?

— Нет.

— И все же, отложите дальнейшие рассуждения и дайте мне возможность ответить.

— А у вас есть что сказать?

— Да, и много.

— Сказать, а не пороть чепуху.

— Это не чепуха. Вы утверждаете, что честно выполнили условия. Я в этом сомневаюсь.

— Уж не хотите ли вы намекнуть, что я не служил у Льюэлина? Вы с ума сошли, Баттервик! Позвоните на студию Александре Миллер и спросите ее. Она — моя секретарша. Сидели вместе каждый день.

— Нет, я не это имел в виду. Просто ваша работа не считается.

— Не считается?

— Нет, потому что вы получили ее нечестно. Вы получили ее... Я хотел сказать «хитростью», но «шантаж» — более подходящее слово. Вы запугали Льюэлина этим плюшевым Микки Маусом с жемчугом. Разумеется, когда я заключал наше соглашение, я ожидал не этого. Я предполагал, что вы используете обычные способы, с помощью которых приличные люди находят работу. Тем самым, как я уже сказал, этот год не считается.

Он замолчал, и снова Монти показалось, что большая порция отеля «Баррибо» падает ему на голову. Он сник, притих и растерянным видом напоминал пойманного на вокзале воришку. Но вместе с тем он почувствовал невольный трепет. Он никогда не подозревал, что мистер Баттервик — ясновидец, но сейчас стало ясно, что он владеет шестым чувством, экстрасенсорными способностями и тому подобными вещами, а этим не хочешь — восхитишься, даже если вам кажется, что более умные родители утопили бы его в младенчестве.

— Как вы узнали? — слабо произнес Монти.

— От дочери.

— Она вам *рассказала!*

— Она мне все рассказывает.

Монти был потрясен. Он поверить не мог, что какая бы то ни было девушка могла себя так вести. Обычно он полагал, что королева всегда права, но сейчас чуть не произнес неосторожных слов. Какому отцу понравится, если его дочь назовут полоумной идиоткой? Но он их не произнес. Да, стало бы легче, но — не произнес, поскольку надеялся, что такт и мягкость сделают свое дело.

— Может, мы это обсудим? — спросил он.

Мистер Баттервик ответил, что они именно этим и заняты, а пора бы кончить, ему надо идти в свой целебный ресторан.

— Понимаете, — не унялся Монти, — в духе... ну, в таком женедевском духе. Я признаю, что с этим Микки Маусом вел себя... скажем так, не совсем нравственно, хотя и сумел уломать Льюэлина.

— Какая мерзость!

— Да-да, конечно. Теперь, когда вы со всей ясностью показали мне, как я оступился, я и сам это вижу. Это был неверный шаг, и он никогда не повторится. В следующий раз я буду осмотрительней.

— Я что-то не понял. В следующий раз?

— Вы поймете, если послушаете внимательно. Предположим, вы дадите мне еще один год. Если я буду зарабатывать себе на жизнь, и вы будете уверены, что я не жульничаю, вы дадите согласие и позволите мне жениться на девушке, которую я люблю, то есть — Гертруде, — прибавил Монти для ясности. — Короче, вы позволите епископу, подружкам невесты и всем прочим собраться и исполнить то, чего от них ожидают, — добавил он, выражая мысль еще яснее.

Мистер Баттервик выслушал предположение в суровой задумчивости. На его взгляд, это не было идеальным решением. Он надеялся, что беседа, которая, кстати, все не кончалась, разлучит его дочь и этого

неподходящего ухажера, и терпеть еще год ему не хотелось. С другой стороны, он был честным человеком и признавал, что речи Монти не лишены своей логики.

— Хорошо, — согласился он.

— Замечательно, — отозвался Монти.

— Гертруду вы, конечно, не увидите.

— Если вы настаиваете.

— Но против писем возражать не буду.

— Великолепно! А сейчас осталось подумать о подходящей работе. У вас, случайно, не найдется свободного места?

Мистер Баттервик заверил Монти, что не найдется.

— Жалко. А чем вы, собственно, занимаетесь в этом Экспорте-Импорте?

— Мы экспортируем и импортируем.

— Так я и думал. Вероятно, это подошло бы мне как нельзя лучше, но если вы говорите, что ничего нет, поищу где-нибудь в другом месте. Мне надо подумать.

— Что ж, я вас оставлю, мистер Бодкин.

— А? Ах да, всего хорошего, — сказал Монти.

Он прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться и подумать, но тут же услышал мелодичный голос, который сказал в его левое ухо: «Привет», — и когда он взглянул вверх, то увидел, что к нему присоединилась Александра (Санди) Миллер, которую он никак не рассчитывал увидеть по эту сторону Атлантики.

Он ей об этом сказал.

— Санди! — вскричал он. — Что ты здесь делаешь?

— Обедаю с тобой, да?

— Я имел в виду...

— Или ты кого-то ждешь? Если нет, проводи меня к столику и как следует накорми. Я умираю с голоду.

— Коктейль?

— Нет, спасибо. Только поем. О, Монти! Какая же все-таки удача, что я на тебя натолкнулась. Я думала, мне придется искать тебя по всему Лондону с ищайками. Ты удивлен, что меня здесь увидел?

— Потрясен. Почему ты не в Льюэлин-Сити?

— Все объясню, когда будем есть, разве что упаду от голода. Нет, какая удача!

— А?

— Я думала, что ты развлекаешь какую-нибудь прелестную девицу. Я и развлекаю.

— Премного благодарна, сэр.

— Не за что, — сказал Монти со всей ожидаемой от него бодростью. Пока они шли к столику, он почувствовал, что ему становится легче. Да, он страдал, что у него отняли Гертруду, но уже не так сильно. Санди, конечно, не Гертруда, но все-таки лучшей замены не найти. Он подумал, что она как-то особенно хороша, и не удивился, когда какой-то техасский миллионер восхищенно присвистнул.

К ним подошел официант и взял заказ. Потом Монти спросил:

— Так что ты делаешь в Лондоне?

— Здесь мой хозяин, и мое место рядом с ним. Если же ты спрашиваешь, почему я сюда приехала, ответ прост. Я гоняюсь за любимым человеком.

— Не знал, что ты кого-то любишь.

— Люблю, и еще как!

— Он в Лондоне?

— Да.

— Вон оно что...

На секунду Монти показалось, что он, скажем так, расстроился. Он беззаветно любил Гертруду, о чем говорить, но когда девушка обедает с молодым человеком и рассказывает, что она в кого-то влюблена, это все-таки бестактно. Однако первобытная ревность быстро уступила природной доброте. Монти напомнил себе, что за такой привлекательной девушкой, как Санди, непременно кто-нибудь ухаживает, и она имеет полное право поделиться этим со своим старым приятелем.

— Хороший парень? — спросил он.

— Очень.

— И ты его нашла?

— Да, нашла.

— Что ж, желаю удачи.

— Спасибо. Конечно, есть загвоздка, как ты бы выразился. Он с кем-то помолвлен.

— Это плохо.

— Да, так труднее.

— Но ты все преодолеешь.

— Ты думаешь?

— Уверен. Только оставайся такой, какая ты есть, и считай, что дело в шляпе. Если, конечно, его пассия — не прекрасная Елена.

— Ну, нет, она помясистей.

— Ты ее знаешь?

— Видела фотографию.

— Морда какая-нибудь?

— Да нет, ничего, но, знаешь, властного типа. Мужу пришлось бы нелегко.

— Ты должна его спасти.

— Попробую.

— Что ж, буду наблюдать за твоими успехами с превеликим интересом.

— Спасибо.

— Но ты мне так и не рассказала, как ты здесь очутилась. Какой-то хозяин...

— Скорей, хозяйка. Я работаю у Грейс Льюэлин.

— Уж не родственница ли нашего Льюэлина?

— Жена. Как ты помнишь, она тоже собиралась в Европу.

— Ну конечно. А как ты получила работу?

— Именно об этом я тебя спрашивала, если помнишь. Но ты решил тогда строить из себя сильного, молчаливого мужчину. Я просто услышала, что ей нужна секретарша, и предложила свои услуги.

— Какие именно?

— Так, что-то вроде горничной и компаньонки, не говоря о массажистке. Если надо что-то для нее сделать, зовут меня. К примеру, почти все утро я растирала ей спину, а потом искала секретаря для Айвора. Грейс хочет, чтобы он написал историю их кинокомпании. Что случилось?

— Случилось?

— Ты подпрыгнул, как удивленная креветка, словно я сказала что-то важное. Сказала я?

— Честно говоря, да. Насчет секретаря для Льюэлина.

— Что в этом такого особенного?

Монти решил рассказать все. Ну, почти все.

— Дело в том, что примерно это я и сам ищу, — сказал он. — Видишь ли, один человек побился об заклад, что я не смогу заработать себе на жизнь хотя бы один год, и я просто должен выиграть.

— Ты уже целый год зарабатывал!

— На студии? Это не считается. Оппозиция поймала меня на

технической уловке, и я должен начинать заново. Ты не могла бы придержать для меня это место?

Санди посмотрела на него с нескрываемым удивлением.

— Ну конечно. Ставка, должно быть, приличная.

— Очень.

— Хорошо. Сделаю, что могу. Машину водить умеешь?

— Конечно.

— Для Грейс это очень важно.

— А она не умеет?

— Нет. Ни она, ни муж.

— И у них нет шофера?

— Нет. На этой статье она экономит. Очень экономная женщина. И еще. У тебя случайно нет аристократических родственников?

— Нет. Зачем они?

— На Грейс это бы сильно повлияло. Ну да ладно, я все равно ей скажу, что есть. Так что если она спросит тебя о двоюродном братце, герцоге, не отвечай: «А кто это?». Упомяни, что надеешься увидеть его на следующей неделе.

— Хорошо, Санди. Спасибо тебе.

— Да не за что. Я рада, что ты составишь мне компанию в Меллингеме.

— Где?

— В Меллингем-холле. Грейс там остановилась. Мы сейчас допьем кофе, и я сразу пойду к ней наверх, поговорю.

— Наверх?

— Они сняли здесь номер на четвертом этаже. Кстати, мне в голову пришла забавная мысль. Хочешь, поделюсь?

— Валяй.

— Я просто представила, какое лицо будет у Льюэлина, когда он услышит, что ты станешь его секретарем.

Монти чуть не выронил чашку кофе. Об этом он не подумал.

— О, Господи! Все пропало! Он никогда не согласится.

— Согласится, если Грейс прикажет, — ответила Санди.

Глава III

1

Санди не долго отсутствовала за столиком. Возвратившись примерно через десять минут, она сообщила Монти, что предварительные переговоры прошли в теплой и дружественной обстановке, и проводила его в номер на четвертом этаже, где, представив его, благоразумно оставила один на один с миссис Льюэлин.

Монти пошел на эту встречу с тяжелым сердцем. Он чувствовал то, что чувствовал всякий, кто видел Грейс впервые. Что-что, а властность в ней была, и он не удивлялся, что его бывший хозяин схватывал сахар с носа по одному взмаху ее руки. Она была крупной, что и полагалось в свое время всем пантерам экрана, а в ограниченном пространстве гостиничного номера казалась совсем огромной. Глаза у нее были несколько навывкате, но знакомые с этим мирились, только бы взор ее не сверкал, поскольку тогда возникало чувство, что в пороховой погреб попала молния.

Сейчас он не сверкал. Санди явно провела хорошую подготовительную работу, так как Грейс, скорее, сияла радушием. Тем не менее Монти был не в своей тарелке. Случилось так, что, как ни странно, она напомнила ему воспитательницу из детского сада, чья железная дисциплина отравила его лучшие годы. Те же вулканические силы за спокойным лицом. Те же глаза, грозные, словно Марс. То же невысказанное обещание звонко шлепнуть линейкой по рукам. Из-за всего этого Монти не уловил смысл ее вступительной речи. Когда он пришел в себя, она уже рассуждала о том, какой вклад внесет Льюэлин в американскую словесность. К его облегчению, тон у нее был такой, словно его собственное участие — дело решенное.

— Мисс Миллер говорит, что она вам все объяснила. Несомненно, вы сможете ему помочь. Я вижу это как великий роман, роман о грандиозной индустрии, выросшей практически на ровном месте. Когда я впервые приехала в Голливуд, Льюэлин-Сити был просто кучей лачуг. Если я скажу, сколько я тогда получала, вы мне не поверите. Буквально крохи. Кстати, о жалованье. Мы не сможем платить вам очень много.

Она назвала цифру, которая даже Монти, существу ребенку в таких вопросах, показалась не слишком щедрой. Конечно, это было жалованье, и

тем самым подходило под условия Дж. Б. Баттервика. Главное — вернуться от этого Дж. Б., подумал Монти, и принял предложение без малейшей критики, а хозяйка снисходительно улыбнулась, выражая этим, что он прав.

— Тогда все улажено, — быстро сказала она. — Теперь я вас оставлю. Иду в парикмахерскую. Не уходите. Подождите немного здесь. Я хочу, чтобы вы увиделись с моим мужем.

— А когда?..

— Начнутся ваши обязанности? Нескоро. Мы съездим в Канны на недельку-другую, а потом уж оседем в деревне.

— Мисс Миллер сказала, что вы сняли там дом.

— Да, в Сассексе. Такой Меллингем-холл. Моя дочь уехала туда позавчера посмотреть, все ли в порядке. Очень приятный старый дом в очень тихом месте, как раз для работы моего мужа.

— Да, вроде бы — ничего.

— Замечательные соседи! Лорд Риверхэд, лорд Вокинг, сэр Перегрин Вуэлс. Совсем другое дело, а?

Она оставила его, и он углубился в размышления. Думать без нее было легче, что само по себе неплохо, но пришлось остаться один на один с мыслями о неминуемой встрече. Честно говоря, он ожидал ее с беспокойством. Хотя Санди и сказала, что принятый женской частью семьи, он может не опасаться мужской, к главе всемирно известной кинокомпании Монти всегда относился примерно так, как относится нервный новобранец к сердитому сержанту, и словесные заверения не могли убедить его, что брак, даже на такой женщине, одарил Льюэлина сладостью и светом,^[99] которых ему так не хватает.

Казалось бы, самое время кровь разогреть и стиснуть кулаки,^[100] но как раз в тот момент, когда Монти этим занялся, звякнул ключ, и вошел Льюэлин. Он остановился, вытер лоб и уставился на гостя с восторгом человека, увидевшего Тадж-Махал в лунную ночь.

— Привет, Бодкин! — сказал Айвор Льюэлин. Уточним. Такое слабое слово, как «сказал», не должно бы употребляться, когда в запасе у летописца есть слова «возгласил», «пропел» и даже «нежно вывел». Мистер Льюэлин издал те самые звуки, которые издает голубь, увидев особенно приятную голубку, и протянул гостю руку, явно очарованный встречей.

Монти испугался. Он ожидал увидеть космическое чудище, а перед ним оказался истинный ребенок, радостный и добродушный, как будто

только что из Диккенса. Таких изменений он понять не мог.

— Здрасьте, мистер Льюэлин, — слабо выговорил Монти.

Рука, двигавшаяся ему навстречу, крепко сжала его руку, а другая, тоже принадлежавшая мистеру Льюэлину, нежно погладила его плечо.

— Очень рад тебя видеть! Встретил жену в холле, и она говорит, ты хочешь помочь мне с этой книгой. Замечательно! Поразительно! Гениально! Слушай, Бодкин, тут такое дело. Ты мне, случайно, не одолжишь пятьсот фунтов?

Один из двух состоятельных членов клуба «Трутни» (другим был Пуффи Проссер), Монти часто спасал неимущих друзей и знакомых, и не удивлялся их покушениям на его карман. Но впервые мультимиллионер обращался к нему с такой просьбой, а потому, как сказал бы Китс,^[101] он поглядел на него с ужасным подозрением, а глаза его уравнились размером с обычными мячами для гольфа.

— А? — выговорил Монти, и то с трудом.

Человеку, решившемуся попросить взаймы, легко спутать удивление с нерешительностью. Мистер Льюэлин так и сделал; и его непомерное дружелюбие окрасилось нетерпением.

— Ну, не валяй дурака, Бодкин. Уж пятьсот фунтов ты накопил, когда выживал из меня по тысяче долларов в неделю. Столько не растратишь!

Монти поспешил очистить себя от обвинения в распутстве и пьянстве.

— Нет-нет. Что вы! Деньги у меня есть.

— И ты ими поделишься?

— Конечно-конечно.

— Молодец. Чековая книжка тут?

— Да-да.

— Тогда — к делу!

Пока Монти выписывал чек, мистер Льюэлин сохранял благоговейное молчание, будто малейшая помеха могла сорвать их сделку, но как только он положил чек в карман, он расцвел с прежней силой.

— Ну, спасибо, Бодкин. Кстати, как у тебя дела? Совсем забыл спросить.

— Хорошо. А у вас как, мистер Льюэлин?

— Да не очень. Домашние дразги.

— Мне очень жаль.

— А мне-то! Слушай, Бодкин. Ты, наверное, удивился, что человек с моим состоянием занимает деньги. Оригинально, подумал ты. Объясню в двух словах: «Общий счет».

— Прошу прощения?

— У нас с женой общий банковский счет. Она его открыла, когда ты поступил на студию.

— Да? — сказал Монти, а Льюэлин нахмурился.

— Вот ты говоришь «Да?» так это легкомысленно, и не подозреваешь, что нет на свете более печальных слов. Они значат, что я не могу оплатить ни малейшей покупки без того, чтобы жена не спросила: «А это тебе зачем?». Нет для мужчины слов, горше этих. Не знаю, говорила она тебе, что мы ездили во Францию?

— Да, вроде бы — в Канны.

— Верно. Ты в этих Каннах бывал?

— Конечно. Кстати, если помните, мы там и познакомились.

— Именно. Значит, тебе известно, что в Каннах — просто сказочные возможности по части азартных игр. Два казино, а за углом — само Монте-Карло. Бодкин, я очень люблю рулетку. Как раз сейчас я изобрел новую систему и должен ее опробовать. Но если я выпишу чек, а она меня спросит, на какие нужды, и я ей отвечу: «На рулетку», она... она очень образно выразится. Бодкин, моя жена не любит азартных игр. Против выигрыша она, конечно, не возражает, но проигрывать — не хочет, а самая лучшая система все же предполагает некоторые издержки. В общем, она не хочет, чтобы я развлекался за зеленым сукном, и тут ничего не поделаешь.

— Могу себе представить.

— Надеюсь, что нет. Кстати, у нас то же самое, если ей еще что-нибудь не нравится.

— Видимо, миссис Льюэлин очень сильная личность.

— Железная женщина. Возьми, к примеру, эту штуку, которую она заставляет меня писать. Мне это не нравится, Бодкин, совсем не нравится. Разве напишешь историю киностудии, скрывая самое интересное? Если бы я приоткрыл некоторые дела, которые творились у нас поначалу, книга вызвала бы такой восторг, что меня бы просто посадили. Думаешь, ей что-нибудь можно втолковать? Не думай. Если она приказала — спорить бессмысленно. Мне, конечно, будет немножко легче работать с таким старым другом. Кстати, почему тебе опять нужна работа? Насколько я знаю свою жену, она платит мало.

— Это точно.

— Такая... скажем, практичная.

— Я заметил.

— Как же ты согласился?

Если Монти и колебался, то не больше мгновения. Что-то в этом новом, улучшенном Льюэлине превращало желание поделиться с

ближним почти в обязанность. В Льюэлин-Сити он бы и представить себе не мог, что говорит о своих невзгодах шефу, но сейчас — дело другое.

Он рассказал ему все. Он рассказал о великой любви к Гертруде, о ее послушании отцу и о кознях этого самого отца, а мистер Льюэлин мрачно и внимательно слушал.

Наконец он произнес:

— На твоём месте я бы дважды подумал, перед тем как жениться.

Монти ответил, что он уже подумал больше двух раз; по правде говоря, он последнее время только об этом и думает. Мистер Льюэлин заметил, что он не совсем то имел в виду. Он хотел сказать, что супружество — это тебе не шутка. Не стоит бросаться туда, очертя голову, да ещё верещать, будто ты сорвал банк в Монте-Карло. Да, супружество — вещь хитрая. Есть в нём такие ловушечки. Сразу не разглядишь, а потом — слишком поздно.

— А тут, — заверил он Бодкина, — до превращения в полный ноль — один шаг. И ещё. Главное — смотри, чтобы у твоей избранницы не было никаких дочерей.

Монти сказал, что он будет очень осторожен.

— Жены сами по себе не сахар, особенно если они были пантерами, но до падчериц им далеко. Моя падчерица, дочка Грейс от предыдущего брака, умудряется командовать даже своей матерью, а со мной она обращается как с мексиканским... ну, этим, вроде пиона...

— Пеоном?

— Именно. Ох уж эти современные девушки! А все школа, школа! Там они этого и набираются. Я просил-молил Грейс не посылать Мэвис в Нью-Йорк, в такой, знаешь, особенный колледж. Вернется оттуда, говорю, чистой воображалой, как будто она царица Савская^[102] или кто там ещё. Все без толку. Не слушает. Ладно, что тебе мои беды? Спасибо за пять сотен.

— Да не за что.

— Тогда, может, дашь тысячу?

— Пожалуйста.

— Я так и думал. Молодец ты, Бодкин!

— Спасибо, мистер Льюэлин.

— Какой там мистер!

— Спасибо, Льюэлин.

— Зови меня просто Айвор.

— Спасибо, Айвор.

— Или даже Джумбо. [\[103\]](#) Это такое прозвище.

— Спасибо, Джумбо.

— Нет, Бодкин, это тебе спасибо.

Так началась прекрасная дружба, надежная, как новый двенадцатицилиндровый двигатель.

2

Грейс была не из тех женщин, которые легкомысленно относятся к своим волосам. Если она садилась к парикмахеру, она следила за тем, чтобы он не ел даром свой хлеб. Поэтому прошло немало времени, пока она рассталась с Антуаном, специалистом по скальпам, чтобы выпить чаю со своей дочерью. Последние два дня Мэвис была в Сассексе, изучала Меллингем-холл, и они условились встретиться в одной из тех чайных, которыми так знаменит Лондон.

Мистер Льюэлин, рассказывая Монти о своей падчерице, которая досталась ему как неотъемлемая часть приданого, не оставил и тени сомнений в ее устрашающих свойствах и, надо сказать, не преувеличил их. Она являла собой ярчайший пример того, что может получиться, когда роковой красавец (а отец был именно им) женится на роковой красавице. Если союз их будет благословлен потомством, вы получите суперпантеру. Ею Мэвис и была. Даже Грейс дрожала перед ней, что же до Льюэлина, то, как он и рассказал Монти, в ее присутствии он чувствовал себя последним пеоном. Она была высокой, красивой, стройной. Как правило, Айвору нравились высокие стройные девушки, но у нее была привычка: когда он высказывал свое мнение или вообще хоть что-то говорил, она молча поднимала брови, иногда прищелкнув языком, а это все-таки обидно.

— Ты опоздала, — сказала она матери, когда та вошла в чайную. — Я тебя жду уже битый час.

— Прости, дорогая, я нанимала секретаря, чтобы помочь с этой книгой о студии. А потом я пошла к Антуану, и он меня очень долго держал. Мыл голову, укладывал, сушил... Как тебе его работа?

— Могло быть и хуже.

— И на том спасибо.

— А вообще, вряд ли. Почему ты ходишь к этому безрукому типу?

— Мне говорили, он самый лучший в Лондоне.

— Может, и лучший. Меня не интересует его нравственность. А вот

причесывать он не умеет.

Для Грейс было ясно, что ее дочь не в лучшем расположении духа. Она приналегла, и с помощью чая и пирожных в конце концов воцарилось что-то более похожее на мир и согласие.

— Что ж, — сказала Мэвис, — Меллингем вполне подойдет. Он мне понравился.

— Так я и думала.

— Правда, там скучновато.

— Как раз то, что мне нужно. После нашей Америки...

— Да, непохоже. И все-таки никого нет... Сколько оттуда до Брайтона?

— Примерно час езды.

— Кто ж этот час нас будет возить?

— Бодкин, новый секретарь. А разве ты собираешься уехать?

— Да, нужно бы заглянуть в Шропшир, к друзьям одной моей одноклассницы. Я им, в сущности, обещала. А как соседи?

— Ближе всех — лорд Риверхэд. Примерно в пяти милях.

— Да уж, расстояние! А ты не думала, что в таком месте могут водиться грабители?

— Грабители?

— Оно для них — как по заказу. Надо бы купить тебе ружье. И еще, нужен телохранитель. Найми-ка сыщика.

— Ну что ты говоришь!

— То. Не забывай, что этот твой жемчуг — не твой. По завещанию отца, он отойдет ко мне, как только я выйду замуж. Да, забочусь о своем имуществе. Не собираюсь его дарить любому охламону, который вздумает заглянуть туда в черной маске. Только не говори, что теперь таких вещей не бывает! Бывает, и еще как. Наверное, английский громила скажет: «Прощу прощения» прежде чем дать тебе по голове, но суть не в этом.

Так и случилось, что через полчаса Грейс сидела в приемной частного сыщика, Шерингема Эдера, державшего заведение на грязной узкой улочке, как раз за углом от чайной. Мэвис выбрала его из всех собратьев, поскольку в телефонном справочнике его фамилия стояла первой (кстати, это доказывало, что он поступил очень мудро, заменив псевдонимом свою фамилию Твист). Знакомые звали его Шимпанзе, или просто Шимпом, из-за некоторого сходства с нашими далекими предками. Да, именно знакомые. Друзей у него не было.

На его счастье, Грейс думала только о себе, почти ничего не замечала, ибо человек придиричивый был бы разочарован видом и самой конторы, и

ее хозяина. Пыли там хватало, а Шимп, даже на взгляд самого непритязательного критика, не радовал взора. Одни только щелочки глаз и напыленные усики не позволили бы ему участвовать в конкурсе красоты.

Грейс заметила, однако, что вид у него вдумчивый, а за этим она и пришла.

Начала она решительно:

— Мистер Эдер?

— Да, мадам.

— Моя дочь только что вам звонила.

— Миссис Льюэлин?

— Да.

— Чем могу служить? — спросил Шимп со всей учтивостью, на какую был способен. С первого взгляда он понял, что здесь пахнет деньгами. Одно платье чего стоило!

— Перейду прямо к делу.

— Конечно-конечно.

— У меня есть жемчуг.

Только собака может наострить уши, но Шимп был к этому близок. Жемчуг, трам-та-ра-рам! Это вам не фунт изюма. До сих пор сыщика Эдера использовали, как правило, чтобы получить вещественные доказательства, необходимые для бракоразводного процесса.

— Его украли? — спросил он, едва дыша.

— Нет, но украсть могут, — ответила Грейс — Поэтому я и пришла к вам. Полагаю, у вас есть специальные агенты?

— Агенты?

— Ну, которые следят, чтобы не украли подарки на свадьбе и тому подобное.

— А, вы имеете в виду опытных работников, специально натренированных для защиты частной собственности?

— Если вам так больше нравится, извольте. В общем, моя дочь говорит, что такой работник мне бы не помешал.

— Совершенно верно, мадам. У меня очень большая и очень эффективная контора, — сказал Шимп, не моргнув и глазом. Он не любил отвлекаться на частности. — Конечно, я предоставлю в ваше распоряжение самых лучших людей. Когда свадьба?

— Какая свадьба?

— Вы вроде бы сказали...

— Ничего подобного. Это просто пример. Давайте-ка, я расскажу все

по порядку.

— Конечно-конечно!

— Значит, так. Я только что привезла из Штатов очень дорогое ожерелье.

— Понятно-понятно.

— Не знаю, почему вы повторяете слова, наверное — есть причины. Итак, сейчас оно в банке, и может там спокойно лежать, но я, трам-та-ра-рам, хочу его носить. На фиг мне побрякушка за пятьдесят тысяч долларов, если ее никто не видит? Поневоле вспомнишь стихи про драгоценности, от которых тебе никакого прока, потому что они на дне. Не читали?

Шимп этих стихов не читал. Он вообще плохо знал стихи. За исключением не очень пристойных куплетов, великая английская поэзия была для него закрытой книгой.

— У меня обедал один тамошний профессор, я как раз надела этот жемчуг, вот он и вспомнил... как же это? Нет, забыла. Я ела спаржу, тут нужно большое внимание. Главная мысль в том, что на свете есть миллионы долларов, но толку от них никакого, потому что они лежат на морском дне. А, вот! — воскликнула Грейс, внезапно оживившись. — Вспомнила. Удивительно, как это вдруг всплывает! «О! Как много чистых ту-ру-рум жемчужин сокрыто в темных ту-ру, ту-ру-ру, глубинах океана».

[104] Если я оставлю жемчуг в банке, он с таким же успехом может лежать на дне. Права я?

— Еще бы, еще бы! — заверил ее Шимп. — Жемчуг, хранящийся в банке, теряет всякую ценность.

— С другой стороны, я не хочу, чтобы совершенно посторонние люди его украли. Значит, мне нужен, скажем так, сторож.

Шимп чуть не сказал «Конечно-конечно», но заменил это простым «Да».

— Постоянная охрана, — пояснила Грейс — В Беверли Хиллз мы держали двух охранников, дневного и ночного, каждый с дробовиком. Но в Беверли Хиллз если у вас нет сторожей, пеняйте на себя. Я надеялась, что в Англии все по-другому, даже с дочерью поспорила. Она сказала, Англия кишит жуликами, и, боюсь, она права. Так что будет разумней, если кто-то присмотрит за преступниками, прямо тут же, в доме. Я собираюсь провести лето в деревне, вокруг там буквально никого нет. У вас есть на примете кто-нибудь толковый?

На это Шимп сказал, что сам возьмется за дело.

— А как же эти ваши сыщики?

— Я бы не стал доверять работу такой важности даже очень опытному

работнику. Пятьдесят тысяч долларов, вы сказали?

— Да, примерно.

— Должно быть, очень красивое ожерелье.

— Еще бы, еще бы. Господи, теперь я повторяю!

— Тогда это работа для меня. Как вы меня представите?

— Вы не обидитесь, если я скажу, что вы — камердинер моего мужа?

— Ну, что вы, мадам. Я часто изображаю слуг.

— Придется сбрить усы.

— Естественно, мадам, — выговорил Шимп, словно актер, готовый на все ради искусства. Он любил свои усики, но еще больше ему нравилось попасть в дом, где есть жемчуга в пятьдесят тысяч долларов. К тому же, усы можно отрастить. Нужны только время и помада.

— Понимаете, — сказала Грейс, — смотреть надо и за моим мужем. Камердинеру это как раз несложно.

Шимп встрепенулся, как боевой конь при звуках трубы.

— Нужны доказательства?

— Какие еще доказательства?

— Ваш муж вам изменяет? Хотите развестись? Он явно сморозил глупость.

— Нет, какой кретин! — сказала Грейс — Мой муж не посмеет мне изменить, даже если вы принесете ему под елку всех девочек из «Плейбоя».

Шимп огорчился. Он знал, что эти доказательства — его конек. Но Грейс сверкала богатством, и он подавил досаду, спросив, почему надо следить за таким праведным человеком. Сам он знал только одну причину для слежки.

— Он на диете, — ответила Грейс. — Дочь предложила, и я ему спуску не дам. Не пить, не обжираться. Обыскивайте его комнату. Если найдете пирожные или сладости — сразу сообщайте мне, а я уж разберусь.

В голосе ее было столько пантерьего, что Шимп, человек не слишком чувствительный, поневоле вздрогнул. Он легко представил себе, как она разбирается.

— Он давно толстеет, да и тогда, вначале, худобой не отличался. Я, конечно, не знаю, что он ел там у себя на студии, но теперь все изменится. Мы с вами сделаем из него Фреда Астера. [\[105\]](#)

— Конечно, ко...

— Я вам дала наш летний адрес?

— Нет, мадам.

— Меллингем-холл, Меллингем, Сассекс. Пока я вас не вызову, не

приезжайте. Мы сперва прошвырнемся в Канны. Вы там бывали?

Шимп ответил, что нет, всем своим видом показывая, что ему больно слышать об этом курорте. Именно там отдыхали одни... неприятные люди, мистер Моллой и его жена Долли. В прошлом их дорожки не раз пересекались, и всегда с плачевным результатом.

Проводив Грейс до двери и заверив ее, что он прилетит по малейшему ее зову, Шимп уселся за стол и возобновил изучение открытки, прерванное визитом. На картинке был изображен бульвар Круазетт в этих самых Каннах, а на оборотной стороне беглым женским почерком было написано: «Веселимся вовсю. Рада, что нет тебя».

Утешало только то, что не было никакой опасности повстречать эту парочку в Меллингем-холле. Память о том, как миссис Моллой, напоминавшая леди Макбет, ударила его рукояткой пистолета по темечку, была слишком свежа.

Глава IV

1

Монти сидел и писал письмо Гертруде. Наблюдательный читатель помнит (а вялый и рассеянный — забыл), что мистер Баттервик, выставляя условия, разрешил переписку, и Монти, естественно, воспользовался такой оплошностью врага. Поздно вечером, в половине двенадцатого, прибыв в Меллингем-холл, Монти поднялся к себе и взял перо.

Если мы опустим привычные в таких случаях заверения в вечной любви, письмо примерно такое:

«Итак, я на месте (адрес смотри на конверте). Начинаю вторую попытку честно проработать целый год, раз уж так настаивает твой слабоумный папаша, чей желудок, надеюсь, не поддается лечению. Вероятно, он сказал тебе, что он и слушать не стал обо всех моих муках на киностудии. Если в своем экспорте-импорте он так относится к деловым соглашениям, то очень скоро попадет в какую-нибудь историю. Замечу, что у нас, в «Трутнях», все считают его жуликом и шулером.

К счастью, я сумел сорвать его мрачные замыслы, и в дураках остался он. Он думал, я не найду работу, а я нашел. Помнишь этого Льюэлина? Сейчас он в Англии, жена заставляет его писать мемуары и наняла меня к нему секретарем. Меньше чем за год он их точно не напишет, и тогда даже такой шулер, как твой отец, не сможет сказать, что я не зарабатываю.

Кстати, о Льюэлине. Ты будешь смеяться. Он обрадовался мне, как сыну после долгой разлуки, и занял у меня денег. Ты удивляешься. Ты поднимаешь брови. «Постой! — говоришь ты. — Он же просто обложен долларами. Зачем ему деньги?» Вопрос логичный, но дело объясняется просто. У него с женой общий счет, и она следит за каждым его чеком. Это не совсем удобно, поскольку они едут в Канны, где он даже не сможет поиграть в казино. Поэтому он обратился ко мне, и сейчас мы с ним — не разлей вода. Другими словами, он уже не Льюэлин — гроза студии, а мой закадычный приятель.

Старушка его — женщина с характером. Под стать ей и дочка, которую я еще не встречал, но, по слухам, она будет почище своей мамы. Хотя со мной миссис Льюэлин вполне ладит. Она уважает аристократию, а мне удалось создать впечатление, что я прихожусь родней

чуть ли не половине всех именитых семейств Англии. Ей и в голову не придет меня уволить, а что до Льюэлина, он не отпустит меня, даже если его попросит умирающая бабушка. Короче, судя по всему, Баттервику-старшему не на что особенно рассчитывать. Здесь он проиграл.

Пока в Меллингеме все спокойно. В скором времени, может быть, начнутся вечеринки, но сейчас тут пока одни американцы, мистер и миссис Моллой, с которыми Льюэлин познакомился в Каннах. Видимо, этот Моллой какой-то нефтяной король. Поначалу он только и говорил что о нефти. Правда, сегодня вечером посередине ужина он внезапно замолчал. Наверное, миссис Моллой (он зовет ее Долли) украдкой нахмурила бровь, вежливо намекая, что он всем надоел.

Ну, вот и все. Уже поздновато. Целую тебя. Да, напомни обо мне своему отцу, чтобы он лопнул!»

2

А тем временем в комнате, гораздо более удаленной от крыши, чем чердак, отведенный для жилья секретарю, мистер Моллой и его жена Долли собирались ложиться спать. Миссис Моллой, в халате, только что стерла с лица крем от Элизабет Арден, банку которого тщетно искал парфюмер из Канн с того дня, как прекрасная американка нанесла ему визит. Мистер Моллой, в пижаме, докуривал последнюю сигарету, сквозь клубы сизого дыма глядя на жену, ибо даже в креме она была светом его жизни. Он часто думал о том, что без нее просто не выжил бы. Особенно полезной оказалась она в том случае, когда ударила Шимпа Твиста пистолетом по темечку.

Они были дружной парой. Удивительное сходство мистера Моллоя с американским сенатором самого высшего сорта очень помогало ему продавать акции несуществующей нефтяной компании. Он и сам скромно гордился, что если ему не помешают махать руками и говорить по-деловому, он продаст акции «Силвер Ривер» тем, кто воззовет к нему из Абердина или Новой Англии.

Таланты Долли, его жены, лежали в другом направлении. Если только случайные возможности иногда не отвлекали ее от призвания, она была поистине гениальной карманницей. По меткому выражению мистера Моллоя, ее пальчики так легки, словно она просто берет леденец у спящего младенца.

Каждый уважал искусство другого, что, как всем известно — верный

залог крепкого брака. Если Моллой, по кличке Мыльный, проворачивал дельце, жена его искренне радовалась, а сам он первым хвалил ее, когда она возвращалась из магазинов с нужными в доме вещичками.

Наконец Долли стерла весь крем, и оказалась исключительно красивой женщиной со сверкающими глазами и вишневыми губками. Все в ней было рассчитано на то, чтобы привлечь самого разборчивого мужчину, хотя вряд ли она понравилась бы покойному Джону Ноксу.^[106] Она улыбалась какой-то тайной мысли, а когда заговорила, в ее голосе слышались восторженные нотки.

— Ну, вот мы и здесь, дорогой.

— Поскорей бы ими заняться!

— Тебе не придется долго ждать. Миссис Льюэлин говорила мне, что богачи кишат тут, как блохи. Лордов — просто куча, и все — сосунки. Пока она их не знает, но если я в ней не ошиблась, скоро узнает.

— Прошу, прошу! Я готов. Каждый день упражняюсь в деловом стиле речи.

— У тебя и раньше неплохо получалось. И не только соседи...

Моллою было неприятно охлаждать ее энтузиазм, но ничего не поделаешь.

— Если ты думаешь о Льюэлине, забудь. Его я не трону.

— Я думала, он как раз в твоём вкусе. Его просто распирает от денег. Он — голливудский босс, а ты можешь себе представить, какие деньги у этих боссов.

— Не спорю. Но у них с женой общий банковский счет. Нет, он не говорил, я такие вещи просто чую. Посмотришь на человека — та-ак, общий банковский счет... По глазам видно. Всучить ему «Силвер Ривер» — очень неплохо, но надо обдурить и жену, а она — не из таких. Она рисковать не станет. Скажем прямо, тут есть известный риск.

— Да, не без того.

— Конечно, никакой «Силвер Ривер» нету...

— Может, есть. Мало ли что бывает.

— Да. Может, и есть.

— Вот было бы совпадение!

— Да уж...

— Но вообще-то я думала не о Льюэлине.

— А о чем?

— Помнишь этот жемчуг у миссис Льюэлин? Ты его часто видел в Каннах. Пятьдесят тысяч долларов, не меньше. Пятьдесят тысяч зелененьких, да еще без налогов!

Такой достойный человек, как Моллой, не разевает рот и не выпучивает глаза, как бы его на это ни вызывали, но когда Долли закончила свою речь, он уподобился сенатору, озадаченному — нет, оглушенному заявлением политического противника.

— Ты собираешься его свиснуть? — выдохнул он.

— Точно. Такой уж я уродилась. Есть вопросы?

— Лапочка, мне это не очень нравится.

— Почему?

— Это не твой стиль. Лучше не надо.

— Кто это сказал?

— Да кто угодно. Вспомни хотя бы тот случай с миссис Проссер. [\[107\]](#)

Долли вздрогнула. Эпизод, на который намекал ее муж, она вспоминать не любила. Так хорошо начиналось, и так плохо кончилось! Она-то понимала, кто в этом виноват.

— А знаешь, почему ничего не получилось? Потому что ты связался с этим хорьком Шимпом. Ты сам пошел к нему и сказал, где они лежат. И дом, и комнату, и даже место...

У Моллоя хватило совести покраснеть.

— Я думал, он поможет, — слабо выговорил он.

— Да уж, он помог. Самому себе. Они недолго помолчали.

— Шерингем Эдер! — горько сказала Долли.

— Я часто удивлялся, — сказал ее муж, радуясь, что разговор уходит от его собственных промахов. — Неужели Шимп действительно сыщик?

— Наверное, купил лицензию, а то бы ему не разрешили держать контору. Но, конечно, это витрина. Он проникает в чужие дома и там что-нибудь хапает. А может, шантажирует, с него станется.

— Одно хорошо, — заметил Мыльный. — Здесь он нам не мешает.

— Да уж. Ну, как насчет жемчуга?

— Не знаю, дорогая. Я еще не совсем уверен, но — тебе решать.

— Золотые слова! Поверь, я знаю, что делаю.

Воцарилась полная гармония. Царила она и тогда, когда Шимп, открыв дверь, осторожно юркнул в комнату в той манере, в какой особенно мерзкие создания заползают под мокрый камень.

«Встречаясь, — гласит викторианская книга этикета, — воспитанные люди обмениваются любезностями». Нарушение этого правила

объяснялось тем, что Мыльный и Долли временно потеряли дар речи, а Шимп закрывал дверь, чтобы обеспечить приватную обстановку. Он пришел с деловым предложением, и переговоры обещали быть достаточно сложными и без посторонних.

Когда он обнаружил, что в Меллингем-холле, кроме жемчуга в пятьдесят тысяч долларов, есть и некие супруги, по сравнению с которыми винтовая лестница — это линейка, он поначалу огорчился. Он боялся соперников, особенно Долли. Да, Мыльный только и умел всучивать эти свои акции, но вот Долли — дело другое. Она девица умная, сообразительная, а если дойдет до физических действий, предела ей нет. Шишка на голове давно зажила, но он хорошо помнил то незабываемое ощущение, которое вызвала в нем рукоятка пистолета.

Но Шимп никогда не поддавался отчаянию. Когда он начал беседу, в его манере не было и намека на скованность. Он был спокоен, холоден и собран.

— Привет, Мыльный, — сказал он. — Привет, Долли. Ну, вот мы и встретились. Как в старое доброе время.

Не обращая внимания на то неприятное слово, которое Долли применила к нему, когда обрела дар речи, он продолжил:

— Признаюсь, не думал вас тут встретить. Я заметил вас за ужином и подумал, что у меня начались видения. Потом я вспомнил, что вы были в Каннах, Льюэлины тоже там были, а вы уж непременно познакомитесь с такими богатыми людьми. Я так думаю, это твоя идея, Долли. Просто вижу, как ты делаешь глазки папаше Льюэлину. Кстати, ты замечательно выглядишь. Впрочем, как всегда. У нас были небольшие разногласия, но я всегда считал, что ты — самая красивая из тех, кто стаскивал шелковое белье прямо из-под носа у продавщицы. Я смотрю, Мыльный, ты все лысеешь. Не шути этим! В лысом виде ты будешь истинным пугалом. Вообще-то ты и сейчас — не кинозвезда... Дар речи вернулся и к Мыльному.

— Что, — напряженно спросил он, — ты здесь делаешь?

— Крыса, — добавила Долли, посчитав, что в словах супруга не хватает прямого обращения.

— Как раз собираюсь рассказать, — ответил Шимп, — Я — слуга мистера Льюэлина. Профессиональное прикрытие. Наняла меня миссис Льюэлин, чтобы охранять ожерелье. А вы здесь, полагаю, чтобы его украсть.

— Конечно, надеешься прихватить его первым, — сказала Долли, с неприязнью глядя на него.

— Да, я об этом подумывал. Долли сердито вскрикнула:

— Что за судьба такая? Только мы с Мыльным находим что-нибудь стоящее, ты сразу все портишь!

Видимо, Шимпа огорчили ее слова. Он выглядел так, словно его ударил лучший друг.

— Ничего я не порчу. Я помочь хочу. Что до этого случая, почему бы нам не объединить усилия? Три головы лучше одной, даже если одна — твоя, Мыльный.

— А что у меня такое с головой? — не без пылкости спросил Моллой.

— Да нет, она похожа на слоновую кость, — ответил Шимп. — Правда, не очень хорошую.

Обычно такие замечания побудили бы Долли защитить череп своего супруга. У нее был большой словарный запас, и она умела им пользоваться, но было у нее и деловое чутье. Ей показалось, что у Шимпа есть план, и глупо отвлекаться на второстепенные вопросы. Шимп был не из тех, кто ей нравился, но она уважала его ум.

— Как это, «объединить усилия»?

— Стать партнерами. Организовать синдикат.

— То есть работать заодно?

— Да. Так будет лучше.

— И разделить добычу?

— Вот именно.

— В какой, интересно, пропорции?

— Тридцать процентов вам, семьдесят — мне.

Только мысль о том, что громкий звук в этот час неуместен в тихом доме, удержала супругов от волчьего воя. Им пришлось подвывать вполголоса.

— Тебе — семьдесят? — прошипела Долли, а Мыльный попросил его не смешить, у него и так болит губа. Словом, предложение не снискало успеха. Долли дошла до того, что сравнила сыщика с южноамериканскими летучими мышами, известными своим пристрастием к свежей крови.

Шимп ожидал такой реакции, и остался спокоен.

— Рассудите сами. Вернее, рассуди сама, Долли, а потом в легкой, доходчивой форме объясни это Мыльному. Вы здесь гости, да?

— Ну и что?

— Сейчас скажу. Льюэлины вас сюда пригласили: «Ах, погостите в нашем уютном доме!». Так?

— Ну?

— Значит, они не думают, что вы тут останетесь. Скоро они будут

подбрасывать вам расписания поездов, а как-нибудь за завтраком намекнут, что пора бы и честь знать. Что ж, придется уехать. А я — на постоянной работе. Вы уже давно помашете ожерелью ручкой, а я все еще буду здесь, ждать своего шанса. Рано или поздно дождусь. Это я по мягкости сердечной предлагаю вам тридцать процентов, по старой дружбе. Ну, как, не передумали?

Он сказал все, что мог. Долли бросила на него взгляд василиска, в самой своей лучшей форме.

— Не пойдет, — ответила она.

— Вы отказываетесь?

— За тридцать процентов? Да если бы это были драгоценности короны, и то...

— Будешь жалеть. Равно как и Мыльный.

— Не беспокойся за нас. Проваливай. Дверь — прямо за тобой.

— Ладно-ладно. Я уйду. Но вы совершаете большую ошибку. Мы бы хорошо сработались.

Произнеся это, Шимп растворился в ночи, а Долли вспомнила еще три слова, которые она могла бы к нему применить.

Монти закончил письмо, облизал края конверта, запечатал его и устало откинулся в кресле. Писал он легко, нежные слова просто лились как сироп, но далось это не без труда. Что поделаешь, Гертруда относилась к его письмам, как будто она — литературный критик, а они — книги, присланные на рецензию, так что приходилось попотеть.

Было уже поздно, но он не ложился, а все сидел и думал 6 Гертруде. Здесь нет ничего удивительного, если мысли нежные, любящие, но это было не так. Год назад преданность не позволила бы ему усомниться в том, что Гертруда — в первой десятке ангелов, но двенадцать месяцев в Голливуде сделали его более придирчивым, более строгим.

Ему никогда не нравилась ее дурацкая покорность отцу и его глупым условиям, а сейчас его это просто раздражало. Стала бы Джульетта вести себя так с Ромео, думал он. А Клеопатра с Марком Антонием? Да что вы! Она бы просто попудрилась и побежала в ближайшую регистратуру. Папочке не понравится? Ну, и Бог с ним.

Он закурил трубку, и под успокаивающим влиянием табака его мысли стали благодущнее. Ни у Джульетты, ни у Клеопатры, напомнил он себе, не было такого отца, как Дж. Б. Баттервик. Под его железной пятой дочь вполне могла лишиться собственной воли. Он честно вспомнил, как сам пресмыкался в тех редких случаях, когда его приглашали на воскресный ужин. «Да, мистер Баттервик», «Вот именно, мистер Баттервик» и «Золотые слова, мистер Баттервик», с начала и до конца. Ползал и пресмыкался вроде этих, как их, пеонов.

Размышляя над предстоящим годом каторжных работ, он пришел к выводу, что Гертруда скорее нуждается в сочувствии, нежели в осуждении, и тут его вывели из задумчивости шаги, хлопанье двери и появление Айвора Льюэлина в лиловом халате.

— Привет, Бодкин! Конфетки есть?

Немного удивленный вопросом, Монти ответил, что нет.

— И пирога нету?

— Нету, к сожалению.

— Я бы съел даже сырный крекер, — тоскливо сказал Льюэлин. У

Монти не нашлось и его, и мистер Льюэлин грузно опустился на кровать, словно только что узнал, что кинозвезда решила пересмотреть условия контракта.

— Я знал, что особо надеяться не на что, — сказал он. — Только что заходил к этой Миллер. Ни у кого ничего нет, а мне надо хорошо питаться! Помнишь, я тебе говорил: «Не женись на женщине, у которой есть дочь?» Могу повторить. Знаешь, что придумала моя падчерица? Посадить меня на диету!

— Не может быть!

— Может. Еще как может! Она говорит, я слишком толстый. Ты бы назвал меня толстым, Бодкин?

— Ни в коем случае. В меру упитанным — да.

— А она говорит, я жирный.

— Врезать бы ей как следует!

— Конечно, но кто на это решится?

— Да, вы правы. Это нелегко.

— Очень трудно. Ты когда-нибудь пытался врезать девице из колледжа?

— Нет.

— И не пробуй. Что ж, придется молча страдать. Ты помнишь, на обед был баварский крем?^[108]

— Да. Очень вкусный.

— Мне и попробовать не дали. А эти пирожки? Я на них только смотрел. Мне дают диетический хлеб. Ты его ел?

— Не припомню.

— Если бы ел, припомнил бы. Чистая промокашка.

— А вы не могли бы настоять на своем?

— Женатые мужчины не настаивают. Ладно, Бодкин, пойду-ка я спать. Хотя черта с два уснешь на пустой желудок. Спокойной ночи.

Не прошло и трех минут после того, как ушел недокормленный посетитель, а дверь снова открылась. Монти не ожидал, что его спальня станет местом паломничества.

На сей раз то была Санди. Она несла блюдо с баварским кремом, о котором так выразительно говорил Льюэлин.

любезностями, и Монти легко бы нашел, что сказать, поскольку его посетительница была на удивление мила. Однако внимание его приковал баварский крем. Он собирался обсудить этот десерт, но Санди сказала:

— Ты еще не лег? Хорошо. Пошли.

— Куда это «пошли»? — спросил Монти.

— К Льюэлину. Отнести ему вот это.

— Это?

— Да. Ему не дали за обедом.

— Он мне говорил.

— Ты его видел?

— Он только что ушел.

— Заходил в гости?

— Просил поесть.

— Бедняжка. У тебя, конечно, ничего не было?

— Да.

— Ну, тогда он еще больше обрадуется. Пошли.

— Зачем я нужен?

— Будешь меня морально поддерживать и прикрывать, если мы кого-нибудь встретим.

— А мы можем кого-нибудь встретить?

— Все бывает.

— Что же мы тогда скажем?

— Я скажу, что у меня мышь и я попросила тебя найти мне кошку.

Или лучше, я услышала соловья и позвала тебя послушать?

— Нет, хуже.

— Ты так думаешь?

— Мышь, и только мышь. Но как ты объяснишь этот крем?

— Будем надеяться, они его не заметят.

Пока они спускались по лестнице, Монти был задумчив. Недавно он размышлял о Гертруде. Сейчас он думал о Санди, и удивлялся новой, неведомой стороне ее характера. Он не ожидал от нее такой многосторонности. Одно дело — стенографировать, он знал, что тут она мастер, и совсем другое — спасать людей от голода баварским кремом, да еще ночью. Он честно признавал, что сам бы на это не решился. А она решилась, не ради себя, не ради карьеры, просто по доброте сердца, чтобы спасти ближнего этим самым кремом.

Он не знал, что она такая добрая. Конечно, он хорошо, по-братски относился к ней, но ему в голову не приходило, что в ней есть такие глубины. Значит, братских чувств тут мало, их надо подкрепить почтением

и восхищением. Он вспомнил о человеке, которого она любит, и понадеялся, что тот достоин ее.

Они пришли на третий этаж, тихо постучались и увидели голову Айвора Льюэлина. Его лицо, мрачное поначалу, при виде подноса расцветилось как в цветном кино.

— Что?! — выговорил он. — Что-что-что?

— Это вам, — ответила Санди. — Как видите, ложка прилагается. Ну, мне пора.

Как истинная герл-скаут, она не требовала благодарностей за сегодняшний подвиг. Ей хватило того, что она добавит в мир радости.

— Спокойной ночи, — сказала она и исчезла, как всегда — мгновенно.

Монти собрался было последовать за ней, но его остановила тяжелая рука, опустившаяся ему на плечо.

— Не уходи, — сказал Айвор не совсем внятно, так как рот его был забит кремом. — Надо поговорить.

Он усадил Монти в кресло, а сам встал рядом, словно отец, решивший потолковать с любимым сыном. Монти показалось, что сейчас он заговорит о некоторых сторонах жизни, и уже собрался сказать, что он и так все знает о птичках и пчелках, но Льюэлин начал так:

— Вот, ты терзался в «Баррибо» из-за одной девицы. Расскажи мне о ней. Ты говорил, что ее отец не позволит тебе жениться, пока ты не проработаешь целый год. Что за глупая идея!

— Глупее некуда.

— Он, должно быть, полный дурак.

— Вот именно.

— Человеку такого сорта я бы не доверил даже вестерн класса «Б». Так расскажи об этой девушке, Бодкин. Какая она?

— Вы ее видели на пароходе.

— Не помню. И вообще, я не про вид спрашиваю. Какой она человек?

— Такая, знаете, свежая. Много гуляет.

— Среди цветов, да? Этот тип?

— Не совсем. Она такая... ну, энергичная. Играет в хоккей.

— А, любит коньки!

— Нет, английский хоккей — на траве. Она хорошо играет. Входит в сборную Англии. Потому она и была на пароходе.

— А, вспоминаю. Мясистая, с большими ногами.

Монти вздрогнул. Он знал, что Льюэлин человек прямой, это все знали на студии. Да, тот называл вещи своими именами, но *вещи*, и *своими*, а не Гертруду — мясистой девушкой с большими ногами.

— Я бы так не сказал, — холодно заметил он.

— А я бы сказал, — не сдался Льюэлин. — Похожа на мою первую жену. Выступала с атлетическими номерами. Я был тогда совсем молодой и жутко влюбился. После женитьбы она ушла со сцены и так растолстела, что еле могла встать. Вполне обычное явление с девицами такого типа. Вот эта, твоя, бросит хоккей — и пожалуйста! Но я не поэтому советую тебе дать ей под зад.

— Под зад? — удивился Монти. — Это вы мне советуете?

— Именно. «Привет» — и все, хватит. Никогда не женись на тех, кто ставит условия. Так было со мной в Уэльсе, там я влюбился в школьную училку. Знаешь, какое она поставила условие?

— Нет.

— Никогда не догадаешься.

— Куда мне!

— Она сказала, что не будет иметь со мной дела, пока я не освою великую английскую литературу. Сам понимаешь, училка. Английская литература, легко сказать! Шекспир, Милтон, сам знаешь, как их там... ну, ты знаешь. А главное, она ставила условия.

— Что же вы сделали?

— Учился, чуть не умер, даже стал их, гадов, различать, и вдруг смотрю — не хочу я на ней жениться! Видеть ее не мог. Ну, сбежал в Америку, стал работать у Джо Фишбейна, он тогда был большой шишкой, и, наконец, открыл секрет успеха. С тех пор я назад не оглядывался. Старик мне был как отец. В общем, считай, мне повезло, Бодкин, но ведь не может всем и всегда везти. Потому я тебе и советую, держись подальше от тех, кто ставит условия.

— Это не она, это отец.

— Какая разница! Она согласилась с ним, да? Нет, Бодкин, нельзя связываться с попугаем, который повторяет за папочкой. Жениться тебе надо на Санди Миллер. Вот это — ангел. Можно сказать, с риском для жизни приносит мне баварский крем. Подумать страшно! Поймай ее Грейс...

Он остановился, и Монти заметил, что ему действительно страшно. Собственно, он и сам испугался. Предположение Льюэлина просто потрясло его.

— Она уже в кого-то влюблена, — запинаясь, произнес он. — Ради него приехала в Англию.

— Не знал, не знал. Это она тебе сказала?

— Да.

— Может, ты ее не понял?

— Понял.

— Жаль. А что он хоть за тип?

— Не знаю.

— Надо узнать. Мы не можем допустить, чтобы такая хорошая девушка досталась кому попало. Господи, а вдруг он киноактер? Надо будет точно проверить. Который час?

— Не знаю.

— Во всяком случае, поздно. Тебе пора. Выметайся, Бодкин. Спокойной ночи.

Монти ушел, но не лег спать. Он спустился вниз, открыл дверь на улицу и, стоя на крыльце, стал слушать соловья, о котором упоминала Санди. У того была очень длинная программа, зато прекрасный голос. Наконец соловей умолк, то ли для того, чтобы отдохнули связки, то ли для того, чтобы вспомнить, какая песня идет следующей. Повсюду воцарилась тишина.

Есть что-то успокаивающее в атмосфере сельского дома ранним утром, когда все тихо; но только когда все тихо. Если же вы стоите, пытаетесь впитать покой всеми порами, а какой-то грубый голос говорит вам «Замри», и в ваше солнечное сплетение упирается дуло тридцать восьмого калибра, эффект обычно испорчен.

Именно это произошло с Монти Бодкином, и немало его удивило. Он замер. Более того, он лишился дара речи. Вообще он был словоохотлив, но вдруг обнаружил, что сказать ему нечего.

3

Говорила рослая молодая женщина с такой фигурой, что захоти потягаться с ней борец-тяжеловес, ему бы пришлось нелегко. Глаза у нее были как у Медузы Горгоны, чей взгляд с одного раза превращал встречного в камень, а пистолет в ее руке был весомым довеском к этому дару природы. Так и чувствовалось, что он вот-вот выстрелит.

Многие девушки на ее месте растерялись бы, но она знала, что делать:

— Сюда.

«Сюда» означало чулан, обычный атрибут старинных английских усадеб, такой комод под лестницей. Обычно он напоминает Саргассово море, куда заносит различные предметы, отжившие свой век. Чулан, в который пригласили Монти, содержал, среди прочего, треснувшую вазу,

разбитый графин, прожженный абажур, несколько пустых бутылок, несколько галош и часть ржавой газонокосилки. Мы называем ее последней, ибо о нее он и ударился подбородком, и крик его мог бы вызвать замечание незнакомки, если бы та в этот самый миг не заперла его на ключ, «оставив мир ему во тьме», как выразился бы поэт Грэй.

Монти любил приключенческие книги и часто задавался вопросом, что чувствуют персонажи, которых заперли в подземелье мрачные субъекты в плащах и шляпах. Сейчас он это знал. Правда, с потолка не капало, но больше ничего хорошего сказать он не мог бы. Как он и подозревал, было очень неприятно. Возьмем, к примеру, запах, в котором немалую роль играли галоши.

Время шло, и, как бывает, когда ты долго находишься в неподвижности, Монти захотелось потянуться. Он и потянулся, свалив с верхней полки две бутылки и прожженный абажур. Когда они падали ему на голову, он отпрыгнул, и снова запутался в косилке; а ясные, звонкие звуки, вызванные этим, услышал проходящий мимо Льюэлин, который подумал (и ошибся), что сердце выбило у него два передних зуба.

Перед этим потрясением он был, как выразился бы словарь синонимов, доволен, рад, счастлив, в упоении, в восторге, на седьмом небе. Ходил он на кухню, чтобы отнести туда блюдо из-под крема и замести тем самым следы преступления, а теперь возвращался, словно верный гонец, который пронес важный документ через линию противника.

Ему было чем гордиться, поскольку его падчерица, Мэвис, позвонила как раз перед обедом и сказала, что собирается приехать вечером. Мысль о том, что она повстречает его на лестнице с блюдом в руках, была достаточно страшной.

К счастью, все обошлось, но нервное напряжение осталось. Звук, вызванный столкновением Бодкина, бутылок, абажура и косилки, раздался внезапно, и Льюэлин подпрыгнул дюймов на шесть. Сперва ему захотелось поскакать к себе с той скоростью, какую позволит его вес, но любопытство сильнее страха. В чулане кто-то сидел, и надо было узнать, кто. Приложив губы к двери, он сказал:

— Эй!

Услышав это несложное слово, Монти испытал примерно то, что испытала девушка в Канпуре при звуках шотландских дудок.^[109] Если помните, она им обрадовалась; обрадовался и Монти. Даже по одному междометию он смог распознать голос, и от мысли о том, что рядом — друг и защитник, красные шарики понеслись по сосудам с такой прытью, словно Монти хлебнул железистой микстуры. Не тратя времени на

вопросы, что же понадобилось его спасителю здесь в этот час, он высвободил ногу из-под косилки, снял с головы абажур, прижал губы к двери (конечно, изнутри) и сказал:

— Привет.

— Говорите громче, — отозвался Льюэлин, — не слышу. Что вы сказали?

— Выпустите меня отсюда.

— Нет, что-то другое. А кто вы?

— Это я, Бодкин.

— Кто, Бодкин?

— Да.

— Тот самый Бодкин, с которым я недавно разговаривал?

— Именно. Монти.

— Что ты там делаешь? Давай рассказывай.

— Меня заперли.

— Кто?

— Грабитель.

— Какой?

— Тут одна девушка грабит дом.

— Да что ты!

— Правда.

— Какая такая девушка?

— Плохая.

— Я спрашиваю, — пояснил мистер Льюэлин, — потому что сегодня должна приехать моя падчерица. Она сказала, поздно вечером.

— Вы бы меня сначала выпустили!

— Ну конечно, старик! О чем разговор? Только вот, где ключ?

— Он в двери.

— Ах, да. Тогда все просто. А вот скажи-ка, — спросил мистер Льюэлин, выполнив, как сказали бы на студии, «Эпизод с ключом», после которого Монти вылетел из чулана, словно пробка из бутылки, — эта твоя грабительница, она высокая?

— Не маленькая.

— Блондинка?

— Не разглядел. Темно было.

— Ну, глаза сами светятся. Какие они? Не как у гадюки?

— В этом роде.

— Как она себя вела? Властно? Грозно? Грубо?

— И то, и другое, и третье.

— Так сказать, недружелюбно?
— Вот именно.
— Все ясно, это Мэвис. Вероятно, пошла поздороваться с матерью.
— Ночью?
— Наверное, она приняла тебя за вора, пошла сообщить мамаше, а потом — звонить в полицию.
— В полицию?!
— Я так думаю, уже звонит. На твоём месте я бы скорее лег.
— Сейчас лягу.
— Там они тебя искать не будут. Кстати, а как это все случилось? — спросил Льюэлин, пока они поднимались по лестнице.
— Я стоял, слушал соловья, и вдруг — она.
— Да?
— Говорит: «Замри».
— Почему?
— Да так. Я замер. Потом затолкала меня в чулан.
— А ты не мог что-нибудь сделать?
— Например?
— Ну, свернуть ей шею...
— Нет. Она вытащила огромный револьвер и уперла мне в живот.
— Серьезно?
— Куда уж серьезней.
Мистер Льюэлин неодобрительно цокнул языком:
— И чему только их учат в нынешних школах!

Миссис Грейс Льюэлин принадлежала к тем счастливым людям, которые засыпают, стоит им закрыть глаза. Но кое-какие вещи могли спугнуть и ее сон, в частности — внезапный визит дочери, которая, как и предсказывал Льюэлин, пришла поговорить о грабителях.

Верная себе, Мэвис не постучалась в дверь, а хлопнула ею так, что Грейс спросонья подумалось, что это просто взрыв. Мгновение-другое сильные выражения дрожали на ее устах, но тут она разглядела посетительницу и успокоилась. Она знала по опыту, что на каждое выражение Мэвис ответит своим, еще более сильным; и благоразумно начала беседу в мирных тонах.

— Это ты, дорогая? Как поздно!

— Машина сломалась. Я думала, так и не доберусь.

— Ты надолго?

— Нет, завтра утром уезжаю. К этим, в Шропшир. Заехала за вещами. А тебе оставлю вот это — и Мэвис достала кольт тридцать восьмого калибра, который произвел такое впечатление на Монти. — Возьми, хорошая штука.

Грейс с отвращением на него посмотрела. Роковые женщины в трудную минуту полагаются не на оружие, а на свои чары, и то, что Мэвис назвала «штукой» (положив при этом на кровать), ее нервировало. Она недолго любила револьверы с тех пор, как первый муж, показывая свои трюки в будущем вестерне, прострелил себе ногу. Косметическая маска задрожала на ее лице, когда она крикнула:

— Убери! Он мне не нужен!

— Ну-ну, — спокойно сказала Мэвис — Это ты так думаешь. Револьвер должен быть в каждом доме, особенно — в таком, на отшибе. Я предупреждала тебя, что скоро явятся грабители. Что ж, они явились.

— Как?!

— Нашла одного в холле.

— Ой, Господи!

— Все в порядке. Я заперла его в чулане.

— Он задохнется!

— Очень может быть. Так ему и надо! Подозрительный тип с похоронным выражением лица и соломенными волосами.

— Соломенными?

— По крайней мере, мне так показалось. Они торчали дыбом во все стороны, когда я ткнула кольцом ему в живот.

— Он что-нибудь сказал? Объяснил?

— Нет. Такой, знаешь, неразговорчивый. И в каком смысле, объяснил?

— В смысле, что он — Бодкин. Да, конечно. У Бодкина волосы соломенные.

— Какой еще Бодкин?

— Новый секретарь твоего отчима. Я же тебе говорила, что наняла человека помогать с этой историей киностудии.

— Это я помню. Что ж, будет ему урок не оставлять по ночам двери открытыми. Всякий решил бы, что он — вор. Но если ты его наняла, я думаю, он не опасен. Все-таки, оставлю-ка я револьвер. Никогда не знаешь, когда он может пригодиться. К примеру, захочешь пристрелить Джумбо.

— Ради Бога, не называй его Джумбо.

— Да его все так зовут. Как он ладит с твоим детективом?

— Кажется, неплохо.
— Ничего не подозревает?
— Нет, мистер Эдер очень хороший лакей.
— Такая у них профессия, всё должны уметь. А какой он?
— Уродливый.
— Но хоть умный?
— О, да!
— Смелый?
— Наверное. Разве бывают трусливые сыщики?
— Ну, тогда отдай револьвер ему.
— Да у него свой есть.
— Конечно, и скорей всего не один. Что ж, тогда я за тебя не беспокоюсь.
— А может, останешься?
— Никак нельзя.
— Почему? Ты же с ними незнакома.
— Не со всеми.

При этих словах голос у Мэвис стал мягче, а глаза, которые в обычном состоянии, по словам мистера Льюэлина, подошли бы гадюке, нежно засветились. Монти сказал бы, что это невозможно в принципе, но она чуть ли не смутилась. Мы не посмеем утверждать, что девица с ее силой характера могла хихикнуть, но какой-то звук она издала и вывела ножкой вензель на ковре.

— Я встретила Джимми Пондера. Помнишь, он был в Каннах?
— В Каннах много кто был.
— Джимми ты должна помнить
— Такой, в очках? Ел суп с присвистом?
— Ничего подобного! — отрезала Мэвис — Он похож на греческого бога и просто набит деньгами. Совладелец одной ювелирной фирмы.
— Ну как же, припоминаю. «Тиффани».
— Нет, другой. Он прислал мне письмо, что будет в Шропшире.

Когда дело касается ее ребенка, мать всегда прочтет между строк. Грейс показалось, что ей все ясно.

— Дорогая, уж не влюбилась ли ты в него?
— Еще как! Только увижу, начинаю косеть, а сердце бьется как тамтам. Но не думай, что я за него так прямо и выйду. Я должна быть уверена, что не промазала. Мои подруги выходят за греческих богов, а потом кусают локти. Мне нужно мнение со стороны. Поэтому я уговорю их пригласить тебя. Ты его освидетельствуешь, дашь зеленый свет, и тогда —

к алтарю!

— Если он сделает тебе предложение.

— Ну, это я гарантирую, — заверила Мэвис.

Глава VI

1

А теперь заглянем домой к Гертруде Баттервик. Хороший летописец должен прежде всего знать, когда пришло время перевести дыхание. Аристотель считал, что нужно пичкать читателя без передышки страхом и жалостью; но ошибался. Нельзя все время мучить людей. Душедробительная драма, когда кто-то тычет в кого-то револьвером, должна перемежаться простыми домашними сценами, в которых отцы мирно беседуют с дочерьми, а дочери, соответственно, — с отцами. Иначе получится слишком густо. И данный летописец ощущает, что он — на верном пути, переходя от бурного Меллингема к дому 11 по Крокстед Роуд в Западном Далидже, где мистер Баттервик («Баттервик, Прайс и Мандельбаум») беседует со своей дочерью, Гертрудой.

То, с чего мы начнем, поистине — в духе Чехова, покажет нам Гертруду, которая прощается со страстным молодым человеком в сиреневато-сером костюме. Человек этот немного мрачен; по-видимому, его не радуют фотографии школьной хоккейной команды, развешанные по стенам.

— Значит, так... — сказал он.

— Боюсь, что так, Уилфред.

— Ясно, — мрачно откликнулся молодой человек. Не успел он уйти, как появился мистер Баттервик.

— Добрый вечер, душенька.

— Привет, пап. Ты сегодня рано.

— Да. Совсем желудок замучил. Решил сегодня уйти пораньше и принять Алка-Зельтцер.^[110] Тебе пришло письмо.

— Спасибо, папа. Это от Монти.

— Да? — Мистер Баттервик постарался скрыть свои эмоции, но это ему не удалось. Он разрешил им переписываться, но это не значит, что он был от этого в восторге. — Кстати, а кого это я встретил на лестнице?

— Это Уилфред Чизхолм. Мой друг. Мы сегодня играли с ним в хоккей, и он меня проводил. Он в сборной.

— Что?

— Играет в хоккей за Англию.

— Да? Что ж, пойду поищу лекарство.

Дверь закрылась. Гертруда, мягко улыбаясь, открыла письмо, но улыбка медленно сползла с ее лица, сменившись нахмуренным лбом. Она поджала губы. Как выразался один из Трутней, женщину, играющую в хоккей, легко вывести из себя, и замечания Монти о мистере Баттервике, с его точки зрения — вполне умеренные, произвели на Гертруду неприятное впечатление.

Она и так не отвечала сразу, а это письмо просто требовало ответа. Встала она и подошла к столу с тем самым видом, который у нее бывал, когда рефери удалял ее с поля. Никто бы не поверил, что она вообще способна улыбаться. Выглядела она как человек, собравшийся намылить кому-нибудь голову. Через минуту-другую она ее мылила.

Гертруда относилась к Монти примерно так же, как учительница из Уэльса к юному Айвору Льюэлину. Так и просится слово «назидательно». Как та учительница, она хотела такого мужа, у которого выправлены все ошибки. Принимая предложение, она сказала себе, что Монти, который пойдет под венец, будет сильно отличаться от Монти, предлагающего ей руку и сердце.

Представьте, что вы написали пьесу и, прежде чем показывать ее в столице, решили испробовать в провинции. Когда пьеса еще только на пути в Бродвей или Лондон, вы часто слышите слова: «Вот тут надо подправить». Иногда их говорит режиссер, иногда — местный критик, а то и швейцар, случайно заглянувший на репетицию. В случае с Гертрудой это был внутренний голос. «Вот тут надо подправить», — слышала она, и соглашалась. Привычки надо изменить, недостатки — вытравить. Среди недостатков она выделяла привычку называть ее отца жуликом и шулером; не нравилось ей и пожелание «чтоб он лопнул». Она была любящей дочерью, такие чувства ее огорчали.

Она дописывала четвертую страницу, и дело спорилось, когда вошел мистер Баттервик, похожий на лошадь, у которой есть тайная печаль. Желудок совсем разгулялся, а лекарство кончилось.

— Ты занята, душенька? Прости, не хотел мешать...

— Заходи, папа. Я просто пишу Монти.

— Так я и думал, что письмо от него. Как он, здоров?

— Вроде бы, да. Веселый такой... До поры до времени, — добавила Гертруда, скрипнув зубами.

— Где он сейчас?

— В каком-то Меллингем-холле. Это Сассекс.

— Без сомнения, лодырничает?

— Кажется, нет. По его словам, работает у Айвора Льюэлина, этого, из кино.

— Опять? После той истории с Микки Маусом? Невероятно!

— Да, странно.

— Мистер Льюэлин собирается снимать в Англии?

— Нет, они отдыхают. Он пишет книгу о киностудии и нанял Монти секретарем.

— М-да? — сказал мистер Баттервик, прикидывая в уме, не выходит ли новая должность за рамки соглашения; но с неохотой признал, что если этот Бодкин не использовал подлога или угрозы, секретарское место можно считать вполне удовлетворительной работой. Это ему не нравилось. Даже Монти Бодкин мог занимать такую должность целый год, и страшно было подумать, что же тогда будет.

Сменив неприятную тему, Баттервик сказал:

— Гертруда, у тебя случайно нет Алка-Зельтцера? У меня кончился.

— Есть в ванной. Сейчас принесу.

— Спасибо, душенька, — сказал Баттервик, массируя окрестности третьей пуговицы на жилетке.

Оставшись один, некоторое время он думал, как несправедливо, что он, Баттервик, должен непрерывно страдать, когда этот бездельник зеленеет как дерево при потоках вод,^[111] и тут взгляд упал на письмо, которое Гертруда положила на стол, чтобы ненароком не исказить цитаты.

Известно, что мастера экспорта-импорта никогда не читают чужих писем. Они вообще очень добродетельны. Тем не менее придется признать, что когда мистер Баттервик увидел злополучное письмо, он схватил его, как морской котик хватает рыбу, чувствуя, что в письме есть что-нибудь о нем. Ему захотелось узнать, насколько выразительны эти фрагменты; и в этот злосчастный миг он забыл, что он — мастер экспорта-импорта. Когда Гертруда принесла лекарство, она увидела его с письмом в руке. Он как раз дошел до того места, где Монти желал ему лопнуть.

Отцу, имеющему такую дочь, как Гертруда, очень повезло: как бы ни отклонился он от прямого пути, она не упрекнет его и не рассердится, поскольку придерживается мнения «папа всегда прав». Если бы падчерица Айвора Льюэлина застала его за чтением ее личной корреспонденции, последствия были бы примерно такими же, что при взрыве на лондонской улице. Но Гертруда сказала:

— Ты читаешь письмо от Монти?

У мистера Баттервика хватило совести выглядеть как мелкий воришка, пойманный на карманной краже.

- Да так, посмотрел, — признался он.
- Тебе оно не понравилось?
- Вообще-то нет.
- И мне тоже. Я как раз ему об этом пишу.
- Ты не мягчи, пиши подтверже.

Гертруда уверила его, что о мягкости нет и речи. Говорила она с такой спокойной силой, что у Баттервика подскочило сердце от нечаянной надежды.

- Тырываешь помолвку?
- О, нет!
- А почему? — запротестовал мистер Баттервик. — Черт возьми! Почему ты хочешь выйти замуж за такого типа?
- Я обещала.
- Обещания иногда нарушают.
- Я так не делаю.
- Не можешь ты его любить!
- Я к нему очень привязана.
- Подумай, а вдруг ты встретишь человека, который отдаст все, лишь бы жениться на тебе.

Слова эти явно порадовали Гертруду. Довольная улыбка на мгновение смягчила ее лицо.

- Что ж, не буду отрицать, — сказала она. — За эту неделю мне уже сделали два предложения.

- Два?
- Одно — Клод Уизерспун, о нем и говорить не стоит. Никто не выйдет за Клода, разве что на пари.

Втайне мистер Баттервик считал этого Клода более подходящей партией, чем Бодкин, но благоразумно промолчал.

- А другое — от полисмена.
- От кого?!
- Он не обычный полицейский. Уилфред был в Итоне и Оксфорде и везде играл в хоккей. Он сын сэра Уилбефорса Чизхолма, ну, ты знаешь, заместитель главы Скотланд-Ярда. Понимаешь, он захотел пойти по стопам отца, а сэр Уилбефорс настоял, чтобы он начал с самых низов.
- Очень разумно, — признал мистер Баттервик. — Если бы у меня был сын, он бы начал упаковщиком. Иначе дела не освоишь.
- Уилфред когда-нибудь займет тако-ое место в Скотланд-Ярде...
- Не сомневаюсь, — ответил отец, твердо веривший в семейные связи. — Уилфред? А это не его я встретил на лестнице?

— Его.
— Замечательный молодой человек. Прекрасные манеры. Как он извинился, наступив мне на ногу!
— Да, папа, Уилфред очень милый.
— Он сделал тебе предложение?
— Перед самым твоим приходом.
— И ты отказала?!
— А что я могла сделать? Я же обещала Монти. Мистеру Баттервику было больше нечего сказать. Он знал, что такое чувство долга ничем не проймешь. Не иначе, как в мать — та приглашала в гости людей, которых лично он не подпустил бы и на расстояние выстрела. Ирония заключалась в том, что когда дело не касалось долга, Гертруда слушалась его беспрекословно. Никто не мог пожелать лучшей дочери. Одна беда, воспаление совести. Если уж в приступе безумия она дала слово Монти, совесть не даст ей с ним разойтись.

Если только...

Мистер Баттервик вернулся к себе в кабинет и подошел к столу. У него появилась идея.

Разорвать помолвку можно лишь в том случае, если Бодкин не выдержит срока. О мистере Льюэлине он знал только то, что тот — глава огромной студии, а для этого надо, по крайней мере, обладать умом. Человек умный внемлет здравым доводам. А что, если пообедать с ним где-нибудь и поговорить о том, что он слишком поспешно нанял этого Бодкина? Интересно, как долго после такой беседы тот усидит на своем месте?

Да, попробовать стоит, решил Баттервик. В конце концов, что он теряет?

У тех, кто занимается экспортом-импортом, мысль — это дело. Через полминуты он был за столом. Еще через минуту он нашел ручку, бумагу и конверт.

«Уважаемый мистер Льюэлин», — начал он.

2

Айвор Льюэлин, напевавший то, что мог вспомнить из «Вернулись добрые деньки», остановился на полуслове к вящему облегчению автомобилистов и пешеходов.

— Бодкин, ты когда-нибудь был в тюрьме? — спросил он Монти.

Монти ответил, что нет. Он вел «кадиллак», который Грейс купила здесь, в Англии, поскольку отвозил Льюэлина в Лондон, где у того, судя по всему, была назначена деловая встреча.

— А я вот был, в молодости, — сказал мистер Льюэлин. — Напился, хулиганил, сопротивлялся полиции. Не так уж приятно.

Монти с этим согласился.

— Зато какое счастье, когда тебя выпустят! Прямо как жаворонок, который увидел, что забыли запереть клетку. Ты, наверное, заметил, что сегодня утром я какой-то особенно бодрый?

— Я заметил, что вы все время поете.

— И я скажу тебе, почему. Сегодня я обедаю с одним человеком. Ты теряешься в догадках, как я сумел уговорить жену? Пошевелил мозгами, вот как. Я сказал ей, что еду к адвокату. Глава киностудии должен постоянно видаться с адвокатом. Жены могут сердиться, их дело, но помешать — не могут. Скажешь им, что адвоката нет, разразится жуткий скандал, и все, крыть нечем.

— Значит, вы не собираетесь встречаться с адвокатом?

— Нет, Бодкин, не собираюсь. Я получил письмо от одного человека, который предлагает мне встретиться по одному важному делу, вот я и еду к нему в клуб. Не стоит и говорить, что там мне удастся по-человечески пообедать. Я знаю эти лондонские клубы! Хорошо кормят. Для затравки — суп, потом — дичь или ростбиф, йоркширский пудинг, а напоследок — шикарный десерт. И, конечно, сыр! Ты говоришь, пою? А что тут удивительного? Зима тревоги нашей^[112] отступит под обильными лучами благой весны, и этим я обязан Дж. Б. Баттервику! Странно как иногда все сходится. Помнишь, я рассказывал, что был влюблен в училку и зубрил эту английскую словесность? Осторожно! Мы чуть не угодили в канаву!

И в самом деле, рука у Монти дрогнула, машина вильнула, а зазевавшаяся курица обрела крылья голубки и скрылась за горизонтом. Монти пережил серьезное потрясение. Он не отличался приткостью мысли, но даже и большему тугодуму не составило бы особого труда догадаться, что отец Гертруды решил наладить связь с его хозяином.

Внезапному желанию угостить Льюэлина обедом могло быть только одно разумное объяснение. Очевидно, он решил сделать все, что только в человеческих силах, чтобы Льюэлин немедленно сменил секретаря. «Насколько было бы лучше, — слышал Монти, — нанять для такой серьезной работы одаренного молодого человека в роговых очках, который умеет печатать и стенографировать. Конечно, дорогой мистер Льюэлин, если вспомнить тот случай с плюшевым Микки Маусом, Монти Бодкин —

не самый надежный человек. Послушайтесь моего совета, увольте его немедленно. Выбросьте его во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубовой». [\[113\]](#)

Такие мысли проносились в голове у Монти, когда он смотрел на своего пассажира, который теперь пел «Люби меня, и радость расцветет». Может быть, мелькнула надежда, он неправильно расслышал имя?

— Вы сказали, Баттервик? — выдавил он.

— Когда?

— Когда говорили о письме.

— О каком письме?

— О том, в котором кто-то приглашает вас пообедать. Это был мистер Баттервик?

— Это он и есть. По крайней мере, именно так он подписался. Отправил из какого-то Западного Далиджа.

— Это под Лондоном.

— Сколько тут пригородов!

— Да, есть кой-какие.

— Ну и Бог с ними, — сказал терпимый Льюэлин. — Ты не знаешь песню «Барни Гугл»?

— Нет.

— Ее мало кто знает в наши дни. Она из старых.

— А письмо...

— Пришло, когда жены не было дома. Это хорошо. Я смог ей сказать, что адвокат мне просто позвонил. Нет, как меня изменили обстоятельства! Я прочитал его два раза, я прижал его к груди, как манну небесную. Получи я такое предложение от совершенно незнакомого человека у себя в Льюэлин-Сити, я бы сказал секретарю, чтоб тот послал его к черту, но в наше суровое время каждый, кто пригласит меня на обед, становится Особо Важной Персоной, тем более, если речь идет о лондонском клубе. Помню, много лет назад приехал я в Лондон и мне случилось пообедать в одном из здешних клубов. В жизни не забуду! Курица под восточным соусом и три гарнира. Да, Бодкин, это были деньки!

— Конечно...

— Красота, а не деньки!

— Так вот, этот Баттервик...

— Что-то у тебя голос дрожит. Ты что, его знаешь?

— Он отец Гертруды.

— Очень может быть, но это не меняет дела. Кто такая Гертруда?

— Девушка, с которой я помолвлен. Я же вам рассказывал.

— Ах, да, скачет по цветочкам.

— Не скачет она по цветочкам! Это вы говорили. Не думаю, чтоб она вообще заметила цветок.

Хорошее настроение Льюэлина уменьшилось настолько, что он нахмурил брови.

— Запомни одно, Бодкин, раз уж мы с тобой работаем: я редко ошибаюсь. Если я сказал, что она скачет, то... Пстой! Помню-помню! Это та Гертруда, чей отец не позволяет тебе жениться на ней, пока ты не проработаешь хотя бы год.

— Именно. А вас он пригласил, чтобы вы дали мне пинка под зад. Он только об этом и мечтает.

— Я не совсем понял, Бодкин. Расшифруй.

— Он хочет, чтобы вы меня выгнали.

— Когда ты говоришь «выгнать», ты имеешь в виду «уволить»?

— Именно. Он все продумал, этот Макиавелли! Он считает, что я не найду другой работы. Ему-то известно, что я — не подарок.

Мистер Льюэлин громко фыркнул, и Монти показалось, что что-то произошло в моторе. Льюэлин затрясся от гнева, лицо его исказилось, словно он только что просмотрел плохие пробы.

— Уволить? — сказал он, борясь с чувствами. — Да только ты один меня понимаешь! Ты один мне помогаешь! Кому еще я расскажу о своих бедах? Не думай, я не забыл, что сделал этот недомерок. Нет, не забыл! Баварский крем. А прошлой ночью она принесла мне куриную ножку и кусок яблочного пирога. Но я не могу с ней *разговаривать*. Она бесшумно утекает ко мне, как струйка нефти, оставляет еду и исчезает, будто спешит на поезд. С тобой все по-другому. Ты меня *слушаешь*. Уволить *тебя*! Я тебя не уволю, даже если меня попросит президент Соединенных Штатов, и весь сенат упадет на колени. Если этот ублюдок думает, что мне можно запудрить мозги, он ошибается. «Баттервик, — скажу я ему после обеда, — ты гнусный пес. У тебя столько шансов, что я выгоню Бодкина, как у меня, что жена даст мне шоколадный эклер. Фига с два, Баттервик», — вот что я ему скажу.

— Спасибо, мистер Льюэлин, — растрогался Монти.

— Сколько раз я тебе говорил, зови меня Джумбо! — вскричал Айвор Льюэлин.

Монти в приподнятом расположении духа оставил своего друга и благодетеля в Клубе Пожилых Консерваторов, а сам отправился перекусить в «Трутни». Там он узнал, что его приятель Проссер уже завел список, принимает ставки на его женитьбу, и сейчас они — сто к восьми.

Внеся свой вклад, Монти вернулся, чтобы встретить Льюэлина, который вскоре появился из дверей клуба.

Но это был уже не тот Льюэлин, что еще утром насвистывал веселые песни. Ушла жизнерадостность, с какой он выводил «Добрые деньки», и «Люби меня», и даже «Барни Гугл», если бы вспомнил слова этой песни. Лицо его было мрачным, взгляд потухшим. В ответ на вежливый вопрос Монти, понравился ли ему обед, он разразился смехом, который иногда называют глухим, а иногда — горьким.

— Я не кролик, — сказал он.

Монти не понял этого загадочного замечания. Да, глава кинокомпании «Суперба-Льюэлин» не похож на кролика, и настолько, что об этом не стоит и говорить. Он еще меньше похож на кролика, чем на жаворонка в клетке.

— Вас кто-нибудь так назвал? — предположил Монти.

— Назвал, ха! Это Баттервик так думает, — горестно произнес Льюэлин. — Морковка! Латук! Огурцы! Я заказал утку, а она — из орехов! Нет, какая бурда! Так бы ему и сказать, но я слишком вежлив. Представляешь, выбор? Или морковный пудинг, или из отрубей!

Монти все понял. Он вспомнил воззрения своего возможного тестя на здоровое тело и здоровый дух. Он и сам имел удовольствие испытать хлебосольство Баттервика, воспоминание о котором не могло пройти в течение нескольких дней.

— Он пригласил вас в диетический ресторан?

— Да, язви его душу!

— Он вегетарианец.

— Он — гадюка!

Монти совсем расцвел. Даже после ободряющей беседы в машине у него еще были сомнения, сможет ли хозяин противостоять коварным интригам. Если бы Баттервик угостил Льюэлина хорошим ростбифом и йоркширским пудингом, то, разморенный от яств, он мог вполне оказать своему благодетелю маленькую услугу, особенно, если после ужина тот предложил бы ему портвейн и хорошую сигару. Голодного Айвора Льюэлина, с фальшивой уткой внутри, переубедить невозможно.

На всякий случай Монти спросил:

— Обо мне за обедом не говорили?

— Какой обед?! Это издевательство! Ложь! Обман!

— Как говорится, утка?

— А?

— Ладно, я так. Случайная мысль. Так он говорил обо мне?

— Ха!

— То есть говорил?

— Он только о тебе и говорил. Он пытался меня заставить...

— Чтобы вы меня выгнали?

— Точно. Начал еще до того, как мы сели обедать (если это, конечно, обед). Пока мы ели, он был слишком занят, пережевывал пятьдесят раз каждый кусочек, так что беседу мы вели на нейтральные темы. Но когда мы вернулись в его клуб, он начал. Чего он только не говорил! И ты транжира, и ты бездельник... в общем, разное. Я просто рассвирепел. «Баттервик, — сказал я ему, — вы клевете на замечательного молодого человека, который мне дорог, как сын. Хватит, Баттервик. Мне не о чем с вами разговаривать. Вы — гад чистой воды. Надеюсь, по пути в Западный Далидж вас переедет автобус».

— Великолепно!

— Я мог выразиться и крепче, но он меня пригласил. Пришлось соблюдать приличия.

— Конечно, Джумбо! Вы всегда правы! Вы истинный друг! — воскликнул Монти. — Самый что ни на есть...

Пока они ехали обратно, в машине сохранялось молчание. Монти понимал, что его друг и брат все еще не может пережить свои беды, и по деликатности его не трогал. Но когда дорога свернула к Меллингем-холлу, Льюэлин опять горько рассмеялся.

— Какая ирония судьбы! — сказал он.

— Прошу прощения? — переспросил Монти.

— В этом клубе я столкнулся с человеком, которого знаю по Голливуду. Такой Фланнери. Он был тогда агентом, директором труппы. Сейчас накопил денег, вернулся в Лондон и открыл ночной клуб.

— Да?

— Мы, в некотором смысле, родственники. Он женился на моей третьей жене.

— Правда?

— Не повезло бедняге. Так вот, он сказал, чтобы я приходил к нему в ночной клуб с друзьями, когда только ни пожелаю!

— Даром накормят!

— Напоят!

— Замечательно!

— Но сложно, — вздохнул Льюэлин, — потому что моя жена следит за мной получше полицейского. Как я от нее вырвусь?

Прибыв к месту назначения, мистер Льюэлин предоставил Монти отвести машину в гараж, а сам с тяжелым сердцем медленно побрел к себе в спальню. Там был Шимп, как ему и полагалось.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он.

— Фыр! — подобно дикому тигру ответил Льюэлин.

— Надеюсь, вы великолепно провели день, сэр.

— Фрр! — сказал Льюэлин, как другой тигр.

— Мадам оставила для вас сообщение, сэр. Она просит захватить часы, которые она забыла.

— О чем вы говорите? Куда их захватить?

— В Шропшир, сэр.

— В Шропшир?

— Да, сэр. Мадам разговаривала с мисс Мэвис по телефону, вскоре после вашего отъезда, и та попросила ее срочно приехать.

— Вы хотите сказать, что она уехала?

— Да, сэр. На несколько дней.

Они долго молчали. Наконец Льюэлин заговорил.

— Я верю в чудеса, — сказал он. — Вот это да! Верю, и все тут.

Поставив машину в гараж и возвратившись в дом, Монти с удивлением обнаружил там Айвора Льюэлина, совершенно не похожего на того, с которым он рассуждал об иронии судьбы. Судя по всему, в этот короткий промежуток ему, как ей и свойственно, успела улыбнуться удача.

— Эй, Бодкин! — сказал Льюэлин. — Помнишь, я говорил, что этот Фланнери пригласил меня в ночной клуб? Все даром, даже выпивка.

Память у Монти была не настолько слабой, чтобы забыть такие вещи.

— Еще я говорил, что мне трудно принять его предложение.

— Из-за миссис Льюэлин?

— Точно. Она бы меня ни за что не отпустила. Знаешь, что я сейчас услышал из очень надежных источников?

— Я весь внимание.

— Ты что?

— Внимание.

— Ах, да. Так вот, надежный источник только что сообщил мне, что миссис Льюэлин уехала в Шропшир на несколько дней. Где этот Шропшир?

— К северу.

— Не очень близко?

— Что вы! Часа три-четыре, если поездом.

— И нет никакой возможности, что она вдруг приедет?

— Ни малейшей.

— Тогда, Бодкин, подай машину завтра после обеда, и мы помчимся как ветер. Ты повезешь нас в Лондон. Я сказал «нас», потому что мы возьмем с собой недомерка. Она это заслужила, к тому же, мне будет с кем потанцевать. Люблю танцевать! Несколько лет назад я даже брал уроки у Артура Меррея.

— Говорят, он самый лучший учитель.

— А то!

— Ну, вы повеселитесь.

— Еще как, Бодкин, еще как!

Однако, судя по его лицу, в бочке меда все же была ложка дегтя.

— Жаль, что там не будет карнавала, — задумчиво сказал Льюэлин. — У меня есть костюм капитана Кидда.^[114] Вот бы надеть!

Глава VII

1

Джаз-банд («Герман Цильх и двенадцать разгильдяев»), который до того ограничивался современной музыкой, перешел к одному из старомодных вальсов, чьи сахаринные звуки пронзали кинжалами сердце Монти. По неудачной случайности, Герман выбрал как раз ту мелодию, под которую он (Монти, не Герман) так часто танцевал, охватив объемистую талию Гертруды, и если уж это — не соль на рану, то он (то есть снова Монти) и не знал, где эту соль искать.

Немного раньше, этим днем, он в четвертый раз перечитал *ее* письмо. Каждое слово жалило его как змея и кусало как скорпион. Когда девушка, склонная воспитывать ближних, запекает своего жениха, она его именно запекает. Она заверила отца, что не смягчит выражений, и выполнила обещание, как бы выразился мистер Льюэлин, с гаком. Кроме обращения «сэр», и подписи «с уважением» или, скажем, манеры писать от третьего лица, здесь было все. Стоит ли удивляться, что после первого прочтения Монти почувствовал, будто его огрели кочергой или кастетом.

Он был один за столиком, мистер Льюэлин танцевал с Санди, и если бы у Монти было менее мрачное настроение, то он бы ими любовался. Особенно трогала разница их стилей. Санди двигалась как пушинка на ветру, а вот Артур Меррей, судя по всему, учил Льюэлина наспех. Вероятно, у него не было времени предупредить его, чтоб он не наступал на ноги партнерше.

Однако жалость к Санди меркла перед жалостью к себе. Герман пел песенку, и это стало последней каплей.

«Ах, я тебя не удержал!»

— «Как верно», — думал Монти.

«Любовь и радость потерял!»

«Один к одному».

«Я это знал, я это знал, я это зна-а-ал!»

Монти решил, что есть кое-какой выход, и потянулся к бутылке шампанского, которым в изобилии снабдил их мистер Фланнери. Он и так уже выпил достаточно, но теперь продолжил, и после второго бокала заметил, что его духовное зрение заметно изменилось. До сих пор он был жабой под бороной,^[115] с помощью же благородной влаги стал бодрой жабой, энергичной, мало того — мятежной, которая не потерпит, чтобы всякие особы распекали их в письмах.

Гертруду, думал он, надо поставить на место. Зазнаётся, вот в чем суть. Слишком сильно задирает нос. Вместо того чтобы хвалить небеса за то, что они послали ей такого хорошего человека, она позволяет себе оскорбительные выпады, и все из-за того, что он позволил себе критиковать ее отца.

Короче говоря, когда к столу подплыл мистер Льюэлин, и подковыляла Санди, они обнаружили Монти в опасном расположении духа. Если бы Гертруда Баттервик оказалась рядом, только кодекс человека, окончившего Итон, помешал бы Монти заехать ей в глаз.

Мистер Льюэлин был в прекрасном настроении. Правда, и сейчас он не походил на жаворонка, но живостью к нему приближался. С Шелли бы они поладили.^[116]

— Прекрасное местечко! — весело сказал он. — Класс, элегантность, вкус. То, что французы называют шиком.

Монти не разделял его мнения. До того, как Гертруда наложила вето на посещение ночных клубов, он в них бывал. Нет, он не пропадает в них, как некоторые члены «Трутней» (тут сразу вспоминается Пуффи Проссер), но бывал достаточно, чтобы отличить приличное место от того, куда в любой момент может нагрянуть полиция, поскольку спиртное продают в неурочное, ночное время. Опытный глаз сразу опознает безвкусицу низкопробных клубов. Многие могут сказать и вывеска. Добропорядочный клуб называется как-нибудь вроде «Амбассадор», а вот такой — «Ча-ча-ча» или «Крапчатой устрицей».

Клуб, возглавляемый мужем третьей жены Льюэлина, звался «Веселой креветкой» и вкусом не блистал. Оформлял его, судя по всему, нетрезвый сюрреалист. Там было темновато, а это — дурной знак. Герман со своим джазом были явными отбросами общества, которым самое место в тюрьме. Монти чувствовал, что полицейский дух просто витает в воздухе.

Он сказал об этом хозяину.

— Вы не думаете, что нам пора уходить? — осведомился он, и Льюэлин посмотрел на него с изумлением.

— Уходить? — воскликнул он, как будто не мог поверить своим ушам, которые после танцев стали ярко-красными. На нем был бумажный колпак, подарок клуба, и все говорило о решимости быть душой компании.

— Очень поздно.

— Только темнеть начало.

— А выпивку еще подают.

— Что ж тут плохого?

— Я думаю о полиции.

Мистер Льюэлин не разделял этих пораженческих настроений.

— Чепуха! Такой осмотрительный человек, как Отто Фланнери, просто обязан ладить с полицией. Договорился с ней — и открыл клуб.

— С английской полицией договориться нельзя. Мистер Льюэлин не поверил своим ушам.

— Смешно! Что ты порешь, Бодкин? Англия — цивилизованная страна. Конечно, у Фланнери все схвачено. Жаль, его сегодня нет. Хочу спросить, как он справляется с моей третьей женой. Там, в этом клубе, не успел.

— Надеюсь, они ладят, — сказал Монти. Он был благодарен мистеру Фланнери за теплый прием и мог только пожелать ему личного счастья.

Мистер Льюэлин в этом сомневался.

— Вряд ли, — сказал он, — с Глорией особенно не поладишь. Очень пылкая. Заводится с полоборота. По крайней мере, заводилась в мое время. Скажешь, что тебе не нравится ее шляпа, — и все, готов. Помню, собралась у нас компания, сели мы играть в бридж. Ну, они ушли, а я и заметь, — так, для разговора, — что если бы она дала мне трефы вместо бубнов, я бы точно выиграл роббер. Смотрю, она встала, ушла на кухню, принесла ведро воды и вылила его на меня и на кота, он как-то подвернулся. Кстати, ты знаешь, что мокрый кошачий хвост увеличивается в два раза?

Монти сказал, что не знает. Его жизнь текла слишком тихо и размеренно, чтобы встречаться с мокрыми котами.

— В два раза. Куки... кота звали Куки, что, впрочем, совершенно не важно. А вот еще помню... Что с тобой, Санди? Ты как-то притихла.

И впрямь, прошло много времени с тех пор, как Санди что-нибудь говорила. Она просто сидела, глядя вдаль. Наверное, пытается залечить душевные раны, подумал Монти. Тут она вышла из задумчивости.

— Я думала о ваших женах, — сказала Санди.

— И что?

— Миссис Льюэлин — четвертая?

— Пятая. Ты забыла Бернардину Фриганцца.

— Мне кажется, это немало.

— Что поделаешь, Голливуд! Тебя к ним прибывает течением. После работы совершенно нечего делать, вот ты и женишься.

Монти предположил, что есть тут и спортивный интерес, такое соревнование. Когда имеешь дело с большими цифрами, непременно тянет на рекорд. Могла начаться интересная дискуссия о супружеской жизни Голливуда, но у столика остановился стройный молодой человек в итонском галстуке и сказал:

— Привет, Бодкин!

— Чизер! — вскричал Монти.

Вскричал он не сразу, череда лет почти стерла из памяти и прозвище, и фамилию старого приятеля. Но он их вспомнил и произнес. Подстрекаемый и облегчением, и шампанским, он весело представил школьного товарища и мистеру Льюэлину, и Санди:

— Мистер Льюэлин, мистер Чизхолм. Мисс Миллер, мистер Чизхолм. Вместе учились в школе, — пояснил он.

Льюэлин тоже оживился.

— Приятель Бодкина, — мой приятель! Присаживайтесь, Чизхолм. Хотите шампанского?

— Нет, я не пью.

— Не пьете?! — недоверчиво спросил Льюэлин. — Что же вы тогда здесь делаете?

— Танцую. Вы не против, мисс Миллер?

Он отправился танцевать с Санди, а мистер Льюэлин проводил его сочувствующим взглядом.

— Печально видеть, что молодой человек тратит зря свою молодость. Подумай, что он упускает. Опять же, вредит своему здоровью. Шампанское очень полезно. Если бы в его годы мне предложили выпить, я бы прыгал и скакал, а он, видите ли, не пьет.

— Может быть, он пообещал своей маме?

— Возможно. Мамы, они такие. То же самое с женами. Возьмем, к примеру, мою. И чего она ни с того ни с сего сорвалась в Шропшир? Не спорю, очень удачно, но ты мне скажи, что ей там нужно?

— Она вам ничего не сказала?

— Ни слова.

— И вы не знаете, когда она вернется?

— Не имею ни малейшего понятия. Уехала и оставила меня развлекать этих Моллоев.

Монти не заметил, чтобы за исключением утреннего «Здрасьте» Льюэлин развлекал своих гостей, но критиковать хозяина было не в его правилах.

— Кто они такие? — спросил Монти. — Где вы с ними познакомились?

— В Каннах, в казино... ах, да, Бодкин, я должен тебе тысячу фунтов! Прости, но в данный момент я не могу с тобой рассчитаться.

— Ничего страшного.

— Я даже не успел испробовать свою новую систему.

— Жаль.

— Не то слово! Кстати, ты не одолжишь мне еще сотни две?

— С удовольствием.

— Спасибо, Бодкин! Ты настоящий друг!

— То же самое я сказал вам, когда узнал, как вы обошлись с Баттервиком.

— Верно сказал. Значит, мы с тобой друзья, — произнес Льюэлин, на которого уже оказывало эффект шампанское. — А знаешь, зачем мне две сотни? Они мне очень нужны. Ты помнишь этого типа в Меллингем-холле, который похож на обезьяну, с вросшим ногтем?

— Да, помню.

— Такой Эдер, мой слуга. Я намекнул ему, что не плохо бы подкрепиться, и он согласился мне помочь, но на коммерческой основе. Да, скажу вам, он крепкий калач! Позавчера мы ударили по рукам, и он принес мне батончик «Марс» за *пять фунтов!*

— Ужасно!

— Да, я очень удивился.

— Вымогательство, вот это что!

— Настоящий моралист так бы и сказал. С другой стороны, нельзя не уважать человека, который берет то, что само плывет в руки. Он бы далеко пошел в Голливуде.

Трезвенник Чизхолм вернулся вместе с Санди, опять отказался выпить и сослался на то, что его ждут друзья.

— Так вы здесь с друзьями?

— Не совсем, — загадочно ответил Чизхолм, и удалился.

— Наверное, общество трезвенников, — предположил Льюэлин. — Их тянет друг к другу, Бодкин. Так ты с ним учился? Он не в моем вкусе. Не мой тип.

— Зато как танцует! — сказала Санди. — В жизни такого не встречала.

Монти снова ощутил то самое, что тогда, в «Баррибо», когда она сказала ему, что влюблена в какого-то типа. Ну что это? Никакого такта. Он танцевал с ней несколько раз, и ему не нравились ее нынешние восторги.

Однако он подавил досаду, напомнив себе с обычной честностью, что помолвлен и вряд ли может чего-то требовать от Санди. Сегодня она казалась особенно прелестной. Посетительницы «Креветки» были грубоваты и сильно накрашены. А Санди — простая и свежая, словно подснежник среди орхидей, подумал Монти. Шампанское будит в мужчине поэта.

Но рана от ее слов осталась. Страдая не хуже Гамлета, Монти хотел одного — уйти домой и лечь.

— Нам давно пора, — сказал он. Льюэлин беззаботно усмехнулся.

— Бодкин ожидает налета полиции, — сказал он Санди. — Чепуха! Уж Отто Фланнери об этом побеспокоился. Подмазал здесь, подмазал там, и все в порядке. Когда я был молод, — начал Льюэлин, переходя к автобиографии, — люди были злее, суше. У легавых была неприятная привычка, такая честность, что ли. Я часто попадал в облавы и часто платил наутро штраф. В конце концов я усвоил один простой урок, который надо бы ввести в школьную программу: как только врывается толпа с криками «Просим оставаться на своих местах!», надо первым делом встать и ненавязчиво пробраться в кухню. Там всегда есть черный ход, через который носят продукты. Потом — перемахнуть через забор, и ты в безопасности. Я всегда прибегал к такой тактике. Конечно, Отто умаслил местное гестапо, но на всякий случай я приглядел ту дверцу, откуда выносят еду, — кстати, очень хорошую. Надо написать Отто, что у него прекрасный шеф-повар. Дверь как раз у тебя за спиной, Бодкин, так что даже в самом худшем...

Конец его фразы остался потерянным для будущих поколений, так как именно в этот момент хлопанье пробок шампанского и музицирование Германа Цильха перекрыл зычный голос, напоминающий рык сержанта шотландских гвардейцев, обращающегося к новобранцам:

— Просим оставаться на своих местах!

Если верить предписаниям, изложенным в книге Фаулера,^[117] словечко «пожалуйста» было бы весьма уместно, но говоривший сумел донести до аудитории свою мысль, а это — немало. Кроме Айвора Льюэлина, Монти Бодкина и Александры Миллер, посетители замерли

как вкопанные.

Когда Льюэлин говорил о своем умении испаряться через черный ход, он не хвастался. Голос еще заканчивал слово «местах», а он уже был с другой стороны служебной двери. При своем жизненном опыте, он не испытывал необходимости дослушивать такие фразы. Как молодой человек на летающей трапедии,^[118] он пронесся по воздуху. Монти и Санди устремились вслед за ним.

Проникли они именно на кухню, судя по запахам, шуму и белым колпакам. Повара не обращали на них никакого внимания, разве что взглянули искоса. Почти все они служили у Отто Фланнери еще тогда, когда заведение его называлось «Резвой козой» и даже «О-ля-ля», и рейды полиции были для них не в новинку. Один человек в колпаке спросил у Монти, когда тот пролетал мимо: «Легавые, приятель?», и, в ответ на взволнованное «Да», заметил: «Что ж, бывает». Этим интерес работников кухни ограничился.

Как мистер Льюэлин и предполагал, черный ход кухни вел на задний двор, забитый мусорными баками. Монти сел на ближайший из них и глубоко вздохнул. После духоты, царившей в «Креветке», местный воздух, на его взгляд, соперничал с лучшими морскими курортами. Монти сидел бы и дышал без конца, но Льюэлин, человек действия, этого допустить не мог.

— Не пыхти ты, как дельфин на суше, — сурово сказал он. — Мы должны убраться отсюда до того, как они начнут все прочесывать. Ну-ка, помоги мне перебраться через забор.

Монти подсадил Льюэлина, и тот уселся на заборе как Шалтай-Болтай. Несмотря на спешку, он не смог удержаться от замечаний в адрес Отто Фланнери.

— Не понимаю, — сказал он. — Просто не понимаю. Отто был умным, дельным человеком. И что же? Он не предпринял элементарных мер безопасности. Наверное, это все Глория. Она очень экономна. Я так и слышу: «Отто, зачем тебе тратить деньги? Ты и так совершенно выложился с этим клубом, а тут еще отстегивай целой ораве легавых, которые и так не мрут с голоду! Может, они никогда и не заглянут, вот и сиди тихо». И этот дурак позволил себя уговорить. Со мной она всегда была такая. Ворчала над каждым долларом, который я отдавал, чтобы поладить с нужными

людьми. Помню, как-то раз...

В этот момент Льюэлин внезапно потерял равновесие (не надо размахивать руками, когда говоришь о третьей жене) и упал с забора на улицу. Беспокойство компаньонов быстро рассеял бодрый голос, который объявил, что, за исключением небольшого синяка, все в порядке, и он ждет их в машине в соседнем переулке.

Когда Монти уже собирался помочь Санди взобраться на забор, он услышал шаги со стороны черного хода, и сердце его сделало такой прыжок, которым прославился Нижинский.^[119] Случилось так, что это была его первая встреча с полицией, и он немного нервничал.

Каково же было его облегчение, когда в незнакомце он распознал старого доброго Чизера!

— Чизер! — радостно крикнул он.

— А, это ты, Бодкин. Так я и думал.

— Мы как раз собирались перебраться на ту сторону.

— И это я думал.

— Понаставили всяких заборов!

— Не без того.

— Господи, Чизер, как я тебе рад! Когда я услышал шаги, чуть в обморок не упал.

— Ты думал, это легавый?

— Да.

— А это он и есть.

Монти подумал, что шутка — не ахти какая, но из вежливости улыбнулся. Теперь, когда спешить некуда, ему захотелось поболтать.

— А ты в хорошей форме, Чизер.

— Спасибо.

— Немного поправился?

— На фунт, на два.

— Тебе идет.

— Спасибо.

— Что поделываешь?

— Да вот, служу в полиции.

— Что?!

— Рейды мы проводим в гражданской одежде. Ты арестован. Сюда, пожалуйста.

Монти, совершенно ошарашенный, пошел туда, куда указывал Чизер. Если старый добрый друг действительно из полиции, и если старый добрый дух школьного братства так мало значит для него, что он готов

арестовать того, кто был с ним в одной команде по крикету, то делать нечего.

Санди, как свойственно всем женщинам, думала иначе. Она решила, что приглашение Чизера относится и к ней, но в отличие от Монти не собиралась безропотно подчиниться. Именно такие обстоятельства будят в девушках Жанну д'Арк или Боадицею.^[120] Она оглядела мусорные бачки и, воспользовавшись тем, что Чизер стоял к ней спиной, ловким движением схватила один из них, а там — опрокинула его, как третья жена Льюэлина опрокинула в свое время ведро воды, на голову ничего не подозревающего офицера.

Вряд ли можно было придумать что-то более действенное. Такое положение вещей не может длиться вечно, но на какое-то время констебль Чизхолм был выведен из строя. Санди мигом вспрыгнула на забор, к ней присоединился и Монти. Они спрыгнули на улицу и вихрем понеслись к машине.

Льюэлин стоял у дверцы, покуривая сигару.

— Ну, наконец, — сказал он. — Что так долго?

Монти не ответил. Он не мог говорить. К нему пришла любовь. Конечно, она приходила к нему и раньше; например, в двенадцать лет он влюбился в актрису из пантомимы. Но, по сравнению с этим, все они были мимолетными увлечениями. Быть может, кто-нибудь мог бы не влюбиться в девушку, проявившую только что такие замечательные свойства, кто-нибудь — но не Монти Бодкин.

3

По дороге домой Санди заснула на заднем сиденье. Мистер Льюэлин наконец вспомнил слова песни «Барни Гугл» и теперь напевал ее. У него был приятный баритон, может быть — немного нетвердый в верхнем регистре, и в любой другой момент Монти был бы рад его послушать, а то и, вспомнив слова и мелодию, подхватил бы припев. Но сейчас все его мысли были устремлены к девушке, которая спала, свернувшись, на заднем сиденье. Как, спрашивал он себя, мог он так долго оставаться слепым? Такой характер, такие таланты! Как мог он принять за братскую привязанность ту испепеляющую страсть, которую так хорошо изображала на экране миссис Льюэлин в свою бытность пантерой?

Льюэлин, закончив петь, проявил склонность к беседе. Монти обрисовал в общих чертах, что с ними случилось у черного хода, и

Льюэлин сурово осудил Чизера.

— Я поражен, — сказал он. — Куда катится мир, если люди не способны протянуть руку помощи бывшему школьному товарищу? Вот она, полиция! Священные узы исчезают, когда звучит голос сержанта. Но не будем тратить силы на такую низость. Лучше подумаем о нашем героическом недомерке. Какое проворство, Бодкин!

— Да.

— Какое присутствие духа!

— Да.

— Что было в баке?

— Бутылки.

— Наверное, этот трезвенник пожалел о том, что собирался сделать.

— Наверное.

— Она надела бак ему на голову?

— Да.

— Великолепно! Поразительно! Конечно, хорошо бы швырнуть в него пирожное, но нельзя же все сразу! Бодкин, ты должен на ней жениться!

— Она кого-то любит.

— Это она так думает. Ну, возьмем фильмы. Любит героиня кого-то, и бац — поняла, что на самом деле любит Кэри Гранта.^[121] Бодкин, отбей ее у этого типа, как Кэри Грант. У тебя получится, ты только попробуй. Он, наверное... Господи! — воскликнул Льюэлин. — Ну, дела!

— Что?

— Да я вспомнил. Совсем из головы вылетело. А то я весь вечер тебе хотел сказать. Помнишь, я танцевал с Санди?

Монти сказал, что помнит. Такое зрелище не забывается.

— Ты сказал, что она любит другого, а я сказал, что попробую узнать, кто он такой, по определенным каналам. Может, это актер или еще кто.

— Да?

— Я проверил. Все в порядке.

— В каком смысле?

— В прямом.

— Я не совсем понимаю.

— Это ты.

— Кто?

— Тот, кого она любит.

— Я?

— А то кто же? Я ее прямо спросил, она ведь относится ко мне как к отцу, которому можно доверить тайну. «Недомерок, — сказал я, —

говорят, ты в кого-то влюбилась. Кто он? Давай говори». Что ж, она стала нести всякую чепуху, это, мол, не мое дело, но в конце концов раскололась. «Если вы не будете наступать мне на ноги и не скажете ничего Монти, то я признаюсь». Я не очень понял, почему она выбрала такие странные условия, но согласился. Тут она и говорит, что любит тебя. Вероятно, она морочила тебе голову. Это понять легко. Она хотела, чтобы ты ревновал. Решила показать, что на тебе свет клином не сошелся. Тогда бы ты ее заметил, а это уже полдела. Остается только ждать, когда все сработает. Женщины, они любят такие штуки. Взять, к примеру, мою училку. Она все время расписывала мне ихнего органиста. Только на двадцатый пятый раз, когда она опять начала рассказывать, какой у него магнетический взгляд и какой он вежливый, я почувствовал — надо что-то делать. Вот и с тобой так, да? После этой истории с баком я просто уверен. Бодкин, девушка, которая способна надеть бак, полный пустых бутылок, на голову полицейскому, будет хорошей женой и матерью. Так что, спеши, дорогой, и Бог тебе в помощь. Почему ты смотришь на меня как крупная лягушка?

— Я думаю о Гертруде.

— О ком?

— О Гертруде Баттервик. Я с ней помолвлен.

— Совсем забыл!

— А я — нет.

— Да, проблема.

— Вот именно.

Примерно полмили в машине было тихо. Потом Льюэлин сказал:

— Я придумал!

— Да?

— Только ответь на один вопрос. У нее есть контракт?

— Что?

— Контракт, черт возьми! Сам знаешь, какие бывают контракты.

— Если вы имеете в виду предложение в письменной форме, то я его не делал.

— Тогда все замечательно. В суд она не пойдет. Просто позвони ей по телефону и скажи, что все кончено.

Монти был поражен.

— Я не могу.

— Почему?

— Не могу, и все.

— Хочешь, я позвоню? Какой у нее номер?

— Нет-нет.

— Что-то я тебя не понимаю. Ты меня совсем сбил с толку. Не говори глупостей. Ты ведь ее не любишь, так?

— Не люблю.

— Ты любишь недомерка?

— Да.

— А любовь побеждает все?[\[122\]](#)

— Не совсем. Она не побеждает запрета на такой вот звонок.

— Не понимаю.

Монти не ответил. Он вел машину сквозь ночь, тихую ночь, ибо его хозяин впал в сердитое молчание. Ему было ясно, что дальнейшие споры ни к чему не приведут. Если мистер Льюэлин так легко относится к слову английского джентльмена, совершенно не осознавая, что есть вещи, которые делать можно, и вещи, которые делать нельзя, то джентльмену этому остается молча вести машину.

Глава VIII

1

Грейс прогуливалась по лужайке близ дома в Шропшире, куда ее срочно вызвала дочь. Как раз в этот момент она обсуждала с ней Джеймса Пондера. Встреча в верхах практически не прерывалась, и Мэвис, чей нрав не допускал терпения, раздраженно требовала, чтобы на этот раз Грейс окончательно определилась. К счастью, Грейс как раз определилась утром. Речь ее была несколько пространна, но если передать ее смысл одним словом, то мы напишем: «Действуй». Джеймс Пондер сумел произвести на нее самое благоприятное впечатление.

— Лучше не придумаешь!

— Рада, что ты это поняла.

— Он очарователен.

— Да, мне нравится.

— Из хорошей семьи.

— Первый сорт. Один из его предков приплыл вместе с Вильгельмом Завоевателем, или приплыл бы, если бы не опоздал на корабль. Кажется, заминка с паспортом.

— Жаль, что он не унаследует титул.

— Да, перед ним очередь в пятьдесят семь голов.

— Конечно, риск немалый, он такой красавец.

— Ничего, я рискну.

— За ним придется присматривать.

— Как-нибудь присмотрим.

— За этими фотогеничными мужчинами — глаз да глаз, — заметила Грейс. Она думала об отце Мэвис, первом из ее трех мужей, который был очень фотогеничен, и порой ей казалось, что присмотреть за ним могли только Эдгар Гувер^[123] с целой командой его лучших помощников. — Ты должна быть готова ко всему.

— Я справлюсь.

— Да, справишься, — сказала Грейс. Они прогуливались рука об руку, она видела профиль дочери, и ее твердый подбородок не оставлял сомнений. Вряд ли с таким подбородком возможны неудачи в браке. Грейс гордилась своей наследницей. Для Айвора Льюэлина Мэвис была жалом в

плоть, но те же самые качества очень нравились Грейс. Пантеры любят, когда их дочери перенимают их пантерьи повадки, так много легче управляться с мужем. Она сознавала, что замужество — это лотерея, и на греческих богов не всегда можно полагаться, но если Джеймс Пондер, беря в жены Мэвис, и захочет отклониться от пути истинного, он об этом горько пожалеет.

— Дорогая, я думаю, тебе не стоит волноваться.

— А я и не волнуюсь.

— Так что, если он сделает пред...

— Когда, — поправила Мэвис — Я наметила на ранний вечер. Несколько дней я его избегаю. Отведу в сад, в какой-нибудь укромный уголок, и спрошу, почему он избегает меня. Он скажет, что не избегает, а я скажу: «Нет, избегаете и мне это больно, Джимми, очень больно! Я думала, мы друзья...» И он мне ответит, а я отвечу ему, так что, засекая по секундомеру, через пять минут мы обнимемся. Есть вопросы?

— Нет, дорогая.

— Как тебе сценарий?

— Замечательный!

— Ты думаешь, пора?

— Начинай прямо сейчас.

Они присели на старую скамейку в конце лужайки, и Грейс увидела глаза своей дочери. В них она прочитала неумолимую решительность, и на сердце стало еще спокойней. Ей казалось просто невероятным, что можно противостоять им, особенно, если они полны слез. Для нее Джеймс Пондер уже начал свой медовый месяц.

Ко всему прочему, она была рада вернуться домой. Она уже достаточно погостила здесь, и ей не терпелось сменить роль гостьи на привычную роль хозяйки.

— Что ж, раз тебе больше не нужна моя помощь, — сказала она, — я поеду. Как раз успею на послеобеденный поезд.

— Если хочешь, оставайся. Они будут рады.

— Нет, пожалуй, я вернусь.

— А ты куда-нибудь торопишься?

— Хочу проследить, не нарушает ли твой отчим диету.

— Потолстел вдвое, это уж точно. Без тебя он, наверное, ест все, что попадает под руку.

— Он не осмелится.

— Я бы не зарекалась. Наверное, у него есть сообщники, которые его подкармливают.

- Ни у кого бы духу не хватило.
- А этот новый секретарчик, как там его зовут?
- Бодкин. Он никогда на это не пойдет.
- По-твоему, ему можно доверять?
- Да.
- По-моему — нет.
- Что ты имеешь в виду?

— Понимаешь, я тут думала о твоём Бодкине. Доверять ему не легче, чем подбросить слона средней упитанности. Ему придется немало попотеть, чтобы убедить меня, что он не жулик. Как он выбрался из чулана? Он что, Гудини?^[124] Я пришла его выпустить, но там его не было, хотя я точно помню, что заперла дверь. Не говори, что ее открыло ветром. Ветер не может повернуть ключ. Да и не было никакого ветра. И все-таки он как-то открыл ее, а это не всякий сумеет. Наверное, он сбежал из половины английских тюрем. Конечно, ты не спрашивала у него рекомендации?

Вспомнив, что именно так все и было, Грейс переменяла тему.

— Бодкин не может быть жуликом. Он из очень хорошей семьи. У него родственники во всех знатных домах Англии.

- Кто тебе это сказал?
- Санди Миллер. Она у меня работает.
- А кто сказал ей?
- Ну, наверное, он.
- Вот именно. Должно быть, он из тех обездоленных младших сыновей, которые решают попытать счастья среди воров.
- Мэвис!

— Ну что, «Мэвис», что «Мэвис»?! Все сходится. Зачем он открыл ночью дверь?

- Может быть, ему захотелось прогуляться.
- В два часа ночи?
- Да, это немного странно.

— Я бы назвала это «пойман с поличным». Не спорь, мама. Такие, как этот твой Бодкин, — отбросы общества, как выражаются в газетах. Он — пшют и плут. Они очень юркие — хорошо выглядят, хорошо одеты, хорошо воспитанны и проникают в приличные дома, чтобы потом впустить свою банду. Знаешь, почему Бодкин такой обходительный? Ему надо втереться в доверие. Так приказал главарь шайки.

- Я не понимаю.
- Все очень просто. Он устраивается на работу в дом, усыпляет нашу

бдительность и, когда чувствует, что настал час, идет к парадной двери, открывает ее и подает сигнал сообщникам. Будет ли честный человек открывать ночью парадные двери? Конечно, нет. Не окажись я на пороге, Бодкин стал бы ухать как филин или подавать еще какие сигналы, чтобы собрать приятелей. Нет, не говори, что ухать он не стал бы! Человек, который прокрадывается по ночам, чтобы открыть парадную дверь, обязательно будет ухать, это уж как пить дать.

Грейс была потрясена. Красноречие Мэвис сделало свое дело — долгие дебаты в школе научили ее при помощи неоспоримых аргументов приводить всех к единому мнению. Вероятно, так же поступал Демосфен, выступая перед древними греками. Миг-другой Грейс колебалась, затем мысль о хорошей родословной Монти и его именитых родственниках опять взяла верх.

— Не верю.

— А ты поверь.

— Мистер Бодкин — обычный молодой человек. В нем нет ничего зловещего.

— Именно таких и выбирают. Чтобы хорошо выглядел и вызывал доверие. Послушай моего совета, уволь его сразу, как приедешь.

Мысль о голубокровных родственниках опять подбодрила Грейс. Она собиралась встретиться с ними и войти в их круг. А ждать, что они прижмут к своей груди женщину, выгнавшую их родственника, по крайней мере глупо. Как бы она выглядела в их глазах, если бы уволила того, кто так дорог лорду Риверхэду, лорду Уокингу и сэру Перегрину Вуэлсу, то есть всем, кто вместе с женами составляют общество, которое она собиралась принимать в своем доме. «Неслыханно!» и «Как она посмела?» — ответили бы они на ее приглашения.

— Хорошо, я подумаю, — сказала Грейс.

2

Моллои одевались к обеду. Долли весело щебетала, Мыльный, который всегда был не против перекинуться дружеским словечком, странно молчал. Он выглядел расстроенным: над его шекспировским лбом, как заметил Шимп, несмотря на все самые дорогие лосьоны и шампуни, которые покупала ему жена, просвечивала лысина. Долли заметила в зеркале, как он хмурится.

— Ты о чем-то задумался?

Мыльный неуютно заерзал. Втайне он надеялся, что вопрос не всплывет.

— Да нет, ничего.

— Ну, скажи мне, что у тебя на уме?

Мыльный заколебался. Он знал, что Долли очень нравится здесь, в Меллингеме, и он не хотел ее расстраивать. Но знал он и то, что его уклончивость будет воспринята еще хуже; и выбрал меньшее из двух зол.

— Мне кажется, мы попросту теряем время.

— Хорошо устроились.

— Мне надо работать.

— В тебе говорит артист, дорогой. Все артисты немного нервничают, когда позволяют себе отдохнуть.

— Я не хочу отдыхать.

— Но должен! Ты обязан следить за здоровьем. После такой тяжелой работы в Каннах...

— Канны! — Мыльный вздохнул. — Это место взывает к лучшим сторонам моей души. Нет, ты подумай! Прибывает поезд, набитый богатыми простофилями, даже о деньгах говорить не надо. Так и ловятся, так и ловятся.

— Ты хорошо поработал в этом году.

— Да, выгреб все, — согласился Мыльный, немного просветлев. — Помнишь того типа, которому я продал акции «Силвер Ривер»?

— Помню, только фамилию забыла.

— Я тоже.

— Такие напояженные усики...

— Точно. Я встретил его у стойки в казино.

— И околдовал своими чарами.

— Да-да. Мне даже не пришлось размахивать руками. Вот об этом я и говорю. Этот тип — большая шишка в ювелирной фирме. Казалось бы, такой человек не должен покупать нефтяные акции у субъекта, с которым познакомился в баре, но, видно, атмосфера Ривьеры оказала на него большое влияние.

— И твое искусство, дорогой.

— Но в основном — воздух. Он просто усыпляет здравомыслие. Кажется, мне снова пора туда.

— Нельзя оставить здесь это ожерелье!

— Она забрала его с собой и не вернется несколько недель.

— Сегодня вечером она вернулась.

— Ты уверена?

— Конечно! Я ее видела.

— Тогда это уже кое-что...

— Я видела ее в машине вместе с Бодкином. Вероятно, он ездил встречать ее на станцию. Мне кажется, он влюбился.

— Кто?

— Бодкин.

— Почему ты так думаешь?

— У него такой вид, будто его отвергла девушка. Он тебе ничего не говорил?

— А?

— Дорогой, ты меня слушаешь? Готова поспорить, он получил от ворот поворот.

Монти бы сильно удивился, если бы узнал, с каким безразличием воспринял эту новость Мыльный. Долли была просто шокирована.

— С тобой разговаривать...

— А?

Долли это надоело. Женский инстинкт подсказывал ей, что муж ее плохо слушает, и она собралась узнать, в чем дело.

— Не темни, Мыльный. Что тебя тревожит, кроме ностальгии по Ривьере? Что тебя гложет?

— Ничего.

— Неправда. И нечего притворяться, я вижу.

Ее тон убедил Мыльного, что дальнейшее упорство будет иметь тяжелые последствия. Их супружеская жизнь напоминала воркование двух влюбленных голубков, но иногда приходят минуты, когда голубка готова взорваться не хуже динамита. Он колебался, он знал, как она это воспримет, но все же решил сказать.

— Что ж, если хочешь знать, я думаю, не сваляли ли мы дурака с Шимпом.

Он оказался прав. В Долли заклокотало все ее женское негодование. В глазах появился недобрый огонек, словно она опять готова ударить частного детектива рукояткой пистолета.

— Ты сошел с ума!

— Просто предположил.

— Связываться с этой бациллой? С его тридцатью процентами?!

— Знаю, знаю. Тридцать процентов — это мало.

— Это мерзко!

— Все равно, ты сама знаешь, какой он хитрый. У него может быть какой-то свой план насчет этого жемчуга. Хорошо мы будем выглядеть,

если он нас обскачет! Надо бы пойти на мировую.

Долли испытывала в этот момент те чувства, которые испытал бы при Ватерлоо герцог Веллингтонский, если бы скомандовал «Гвардейцы, за мной!», и обнаружил, что гвардейцы что-то не в настроении. Дело ясное, Мыльный струсил. Она постаралась говорить спокойно, как с непослушным ребенком.

— Дорогой, не надо так думать.

— Возможно, он что-то знает.

— Я тоже что-то знаю.

Мыльный просветлел. По натуре скромный, он понимал, что его потолок — продажа несуществующих акций, но глубоко верил в гениальность своей жены.

— У тебя есть план?

— Да, и самый лучший!

— Почему же ты молчала?

— Я ждала, пока она придет.

— В чем он заключается?

Звук гонга прервал их совещание. Долли встала и направилась к двери.

— Позже расскажу, — бросила она. — Еще не время.

3

Грейс сидела во главе стола в глубоком удовлетворении. Она уже пропустила два коктейля, и они возымели свой обычный эффект, утвердив мысль, что она живет в лучшем из возможных миров.

Ей казалось, что все складывается как нельзя лучше. Сомнения относительно Монти ее больше не тревожили. Короткий разговор с Шерингемом Эдером убедил ее, что Льюэлин был без нее тих и послушен. Ко всему прочему, ее согревала мысль о том, что сейчас происходит в Шропшире.

Когда она оттуда уехала, еще ничего не произошло, так как Мэвис решила перенести нежную сцену на вечер, когда она сможет надеть платье с низким вырезом. Но осталось недолго ждать того телефонного звонка, который принесет ей известие, что Джеймс Пондер собирается стать ее зятем; и от этого ей становилось лучше.

До того, как она его увидела, сердце ее было беспокойно: она еще боялась, что это — тот человек в очках, который с присвистом ест суп. Но

и одного взгляда было достаточно, чтобы рассеять последние страхи. Глаза Джеймса Пондера светились, как и глаза Мэвис, и на них не было никаких стекол. К обеду опасения окончательно рассеялись. Она специально села рядом с ним и внимательно слушала, когда он ел суп, но не смогла услышать ни одного неподобающего звука. Юноша в Каннах напоминал водопад, с шумом разбивающийся о гальку, тогда как Джеймс Пондер не подавал и намека на какие-либо звуковые эффекты.

Чем больше она смотрела на него, тем больше проникалась благодарностью. Ее крошка, как часто бывает теперь, могла бы привести в дом существо с бородой и длинными волосами, в сандалиях, без денег и без знатной родни. Вместо этого явился хорошо одетый племянник графа, бредущий дважды в день, обутый по последней моде, да к тому же учредитель одной из ювелирных фирм. «Просто крышу сносит», — могла бы она сказать, если бы была знакома с таким выражением.

Оставалось только подождать телефонного звонка, который и раздался до конца трапезы. Телефон, как водится во всех приличных английских домах, был расположен в самом неудобном месте, рядом с парадной дверью, и Грейс выпрыгнула, чтобы взять трубку. Немного ранее мы говорили о проворности Айвора Льюэлина, когда тот направил свои стопы поближе к черному ходу И подальше от полиции, но по сравнению с Грейс он просто еле передвигал ноги. В воздухе послышался свист, и ее уже не было.

Ничто не может порадовать летописца больше, чем возможность рассказать во время образовавшейся паузы о непринужденной беседе, которая так оживляет застолье. Все составляющие были в наличии. Мистер Льюэлин знал сотни историй о жизни Льюэлин-Сити. Монти мог развлечь воспоминаниями о клубе «Трутни». Долли и Мыльный могли внести свою лепту, порассуждав о деловом мире Америки.

Но, как ни обидно, приходится сообщить, что в отсутствии хозяйки, по одному очень меткому выражению, царил тишина. Мистер Льюэлин пребывал в задумчивости после недавней беседы с Шимпом, которая стоила ему десять фунтов, так как именно столько запросил сыщик за пирог со свининой. Монти размышлял, как бы ему, никого не обидев, освободиться от обязательств по отношению к Гертруде. Долли и Мыльный были в глубоком раздумье: она размышляла чад своим планом, он — строил догадки, что же это за план. Когда Грейс вошла, ее взорам предстало то, что могло вполне сойти за собрание восковых фигур.

— Это Мэвис, — сказала она.

— А? — неприветливо откликнулся Льюэлин, все еще думая о

пироге со свиной.

— Я хочу, чтобы вы присоединились к моему тосту! Мистер Льюэлин, чей стакан был наполнен водой, издал недобрый смешок.

— За Мэвис и Джеймса!

— Какой еще Джеймс?

— Джеймс Пондер. Неужели ты забыл? Мы виделись в Каннах.

— Такой, с усиками?

— Да. Мэвис только что с ним обручилась. Послезавтра она привезет его сюда. Раньше просто не получится.

Глава IX

1

Обычно после обеда Грейс с удовольствием пропускала роббер-другой бриджа, так как была очень азартным игроком, особенно если у нее на руках четыре пики, одна из которых — дама, но сегодня вечером она собиралась написать поздравительное письмо Мэвис (такие важные вещи не делают по телефону) и пошла к себе его писать. Монти, отпущенный на свободу, тоже удалился. Он хотел побыть наедине со своими мыслями. Нет, он не ожидал, что они его порадуют, но уж какие есть, такие есть.

Как он и предполагал, они оказались неприятными. Однажды он прочитал роман знаменитой Розы М. Бэнкс, которая вышла замуж за его приятеля из «Трутней», Бинго Литтла, и кое-что запомнил. Название, «Узы чести», поначалу немного его разочаровало, вкусы влекли его к крови и к гангстерам, но Бинго практически навязал ему книжку, и, к удивлению Монти, она произвела на него большое впечатление. Рассказывалось в ней о таком Обри Карузерсе, который встретил на океанском лайнере такую Соню Деринфорд, которая возвращалась с Востока, влюбился в нее, а она — в него, и они обнялись на палубе при лунном свете во время какого-то маскарада.

Ну что ж, скажете вы, поскольку у Сони веселые голубые глаза, волосы цвета спелой пшеницы и прелестный мелодичный смех; но не так все просто. Обри помолвлен с одной девушкой из Англии, и не может расторгнуть помолвку, потому что он человек чести. Ни один Карузерс не нарушил своего слова.

Однако, влип, думал Монти, читая; думал и сейчас, когда сам влип. В книжке все заканчивалось замечательно, английская девушка разбилась в машине, но в его случае ни один букмекер не взялся бы поставить больше чем восемь к ста, что это повторится. Оставалось выбирать между тем, чтобы плюнуть на фамильную честь Бодкинов или провести всю оставшуюся жизнь с разбитым сердцем. Тут не захочешь, а призадуматься.

Обри Карузерс, перед которым стоял тот же выбор, почти все время ходил из угла в угол, сжав губы и глядя в пол, — равно как и Монти, вернувшийся к себе в комнату.

Однако Обри ходил по открытой палубе, где не на что наткнуться, а Монти, напротив, действовал в маленькой спальне. Поэтому довольно скоро он столкнулся с умывальником, и как раз тер ушиб, когда кто-то постучался. Прихрамав к двери, он увидел Санди.

Многие в подобной ситуации застыли бы и выпучили глаза. Монти был одним из них; и Санди пришлось начать беседу, что она сделала при помощи своего обычного приветствия.

Монти вновь обрел дар речи. Собственно говоря, мы не назвали бы это речью, но ничего другого у него в запасе не было. Трудно быть красноречивым, если ты размышляешь о любимой девушке, а та, откуда ни возмись, оказывается в твоей спальне.

— Привет, — ответил он.

Острота ситуации ошеломила его. Рядом с ним была та, для которой он — сказочный принц на белом коне. Ему хотелось обнять ее и обнимать, пока у нее ребра не затрещат, и он готов, пожалуйста, — но что толку, когда честь Бодкинов говорит: «Нельзя»? «Какая ирония!» — думал он, потирая ушибленную ногу. Томас Харди^[125] выжал бы из этого не меньше трех томов.

Санди была, как всегда, собрана. Если в ней и горела страсть того рода, на которой специализировалась некогда пятая жена Льюэлина, она ее не выказывала.

— Извини, что я так, попросту, — сказала она. — Я знаю, Уже поздно.

— Нет-нет. Когда угодно!

— Я почувствовала, что должна тебя увидеть. Почему ты массируешь ногу? Ревматизм?

— Ударился.

— Почему?

— Ходил из угла в угол.

— Почему?

— Не знаю.

— Должна быть какая-то причина.

— Честно говоря, я думал.

— Да, это дело опасное. Что ж, я принесла тебе еще пищи для размышлений. Меня беспокоит Льюэлин.

— Разве он не в порядке?

— Какое там!

— А что с ним?

— Не знаю. Должно быть, что-то серьезное. Я заглянула к нему, чтобы отнести остатки десерта, ну, такой, вроде крема, а он не обрадовался.

— И не стал есть? — изумился Монти, припомнив, что крем за ужином был действительно хорош, и он представить себе не мог, что Льюэлин не кинулся на него, как погребенный под лавиной лыжник — на бочонок бренди, доставленный сенбернаром.

Нет, все-таки чуда не было. Санди покачала головой:

— Крем-то он взял, но очень рассеянно, и взгляд у него был какой-то стеклянный, как будто он думает: «Что мне эти кремы?» Ну, словно это диетический хлебец.

Монти многозначительно, хотя и беззвучно, присвистнул.

— Не нравится мне это.

— Мне тоже.

— Скверно. Очень скверно.

— Вот и я думаю. Может, это из-за падчерицы?

— То есть как?

— Знаешь, отчимы иногда ужасно их любят. Прямо как родных. Может, он думает, каким унылым и печальным будет дом без нее. Когда миссис Льюэлин сообщила ему новости, он был просто потрясен.

— Расстроился?

— Как будто сел на гвоздь. Наверное, оплакивает потерю.

— Кого это он потерял? Мэвис?

— Да.

Она затронула тему, правду о которой Монти знал из надежного источника. Если мистер Льюэлин и впал в меланхолию, то уж точно не из-за того, что его падчерица покинет семью.

— Этого не может быть, — сказал он. — У него просто озноб от этой девицы. Он относится к ней примерно как к случайно повстречавшейся кобре.

— Откуда ты знаешь?

— Он мне сам рассказал. Она его извела.

Санди засмеялась. У нее, по мнению Монти, был очаровательный смех, как у Сони Деринфорд, и он бы с удовольствием его слушал так часто, как ей взбредет посмеяться.

— Да, это не совсем укладывается в мою теорию. Ты ее видел?

— Видел.

— Когда?

Монти заколебался, сомневаясь, стоит ли рассказывать ей больше. На студии «Суперба-Льюэлин» ему удалось зайти на съемки «Отелло», и он запомнил, как жалобы этого мавра растревожили Дездемону. Если он

поведает, что произошло с ним в ту злополучную ночь, Санди, которая и так пала жертвой его чар, еще глубже погрузится в безнадежную любовь. Зачем причинять ей горе?

И тем не менее историю он поведал.

— А потом она вытащила огромный револьвер и закрыла меня в чулане, — завершил он.

— Ну, знаешь!

— Вот именно.

— Теперь я вижу, что ты имеешь в виду. Девушка на любителя.

— Золотые слова.

— Наследственное. От матери.

— И от отца Орlando Маллигена. Он играл главные роли в этих эпических вестернах и всегда убивал кучу народу. Выйдет так это на улицу, а навстречу ему идет злодей. Они друг в друга стреляют. Конечно, злодею надеяться не на что. Так и вижу Мэвис в этой ситуации. Она ему покажет, этому Джеймсу Пондеру.

— Очень возможно. После медового месяца.

— Ну, конечно, после.

— Ладно, его дело. Нам надо выяснить, что с Льюэлином. Может, он тоскует?

— Пойду и спрошу.

— Да, пожалуйста.

— Ты тоже пойдешь?

— Я думаю, лучше не надо. Он скорее все расскажет тебе. Как только дверь мистера Льюэлина открылась в ответ на стук, Монти увидел, что мрачные описания Санди никак не преувеличены. Мистер Льюэлин не просто тосковал — он тосковал по чему-то очень серьезному. Походил он на человека, прошедшего все три вида экзотического лечения, описанного в специальных номерах журнала «Ланцет». Монти случалось видеть рыбу на прилавке, в которой было больше, скажем так, *joie de vivre*. [\[126\]](#)

Внешне он тоже изменился к худшему. Глядя из-под нахмуренных бровей, он походил скорее на страшного владельца студии «Суперба-Льюэлин», чем на того весельчака, который еще недавно напевал «Добрые деньки» и «Барни Гугл». Именно такого Льюэлина, вероятно, видел мистер Баттервик через стол, уставленный морковкой и вегетарианскими утками.

— Ну? — скорбно спросил он. — Чего надо?

Монти почувствовал, что тут уместна мягкость. Опасаясь, что открытая, фамильярная улыбка добавит масла в огонь, он на нее не

решился.

— Простите, что помешал, — выговорил он. — Санди Миллер мне только что сказала, что вы ее до смерти напугали. Она думает, вам очень плохо, как будто рефери уже досчитал до десяти, и послала меня узнать, в чем дело. Скажите мне, что у вас болит? Санди ужасно волнуется.

Его слова волшебным образом изменили настроение Льюэлина. Он заметно смягчился и заметил, что недомерок — большой молодец.

— Сердце есть, вот что главное. Я ценю ее заботу. В чем-в-чем, а в сочувствии я та-ак нуждаюсь! Перед тобой — погибший человек, Бодкин.

— Неужели? А что случилось?

— Садись, и я тебе расскажу.

Монти присел. Мистер Льюэлин, еще немного побыв в Пучине Отчаяния, [\[127\]](#) наконец выбрался на поверхность и заговорил:

— Бодкин, тебя никогда не привязывали к бочке с порохом, к которой прикреплена зажженная свеча?

— Вроде бы нет. А что?

— То, что я именно в этом положении. Свеча все короче, сижу, жду взрыва. Меня уже ничто не может спасти. Ты знаешь этот жемчуг миссис Льюэлин?

Монти сказал, что знает. Он мог бы добавить, что каждый, кто преломил хлеб с Грейс за одним столом, не мог пропустить его мимо внимания.

— Это подарок ее первого мужа, Орландо Маллигена.

— Красота!

— Да, красота в ней была. Все-таки, молодость.

— Собственно, я про жемчуг.

— Да, выглядит он ничего, хотя сделан в Японии.

— Сделан?

— Он фальшивый.

— Фальшивый?

— Подделка.

— Подделка?

— Бодкин, реши, наконец, ты человек или эхо в Альпах, — сказал Льюэлин, возвращаясь к прежней, легкой манере. — Я понимаю, ты удивлен. Грейс тоже удивится, когда обнаружит. Больше всего меня пугает то, что она тогда скажет.

Монти был ошеломлен. Он помнил, что Орландо Маллиген был вполне крутым парнем, всегда готовым пристрелить сколько угодно бандитов, но не мог поверить, что кому бы то ни было хватит смелости

подсунуть Грейс фальшивое ожерелье. Наполеону — пожалуй, больше некому, да и ему — лишь в те годы, когда он упивался властью и совсем уж разошелся.

— Вы хотите сказать, — уточнил Монти, — что Орландо Маллиген посмел ей всучить фальшивый жемчуг? Должно быть, железный человек.

Мистер Льюэлин заметил, что его не поняли, и поспешил объяснить:

— Нет, он-то подарил настоящий. Заменяли его гораздо позже.

— Кто?

— Я.

— Господи!

— А что поделаешь? Пришлось, когда мы открыли совместный счет. На студии я зарабатываю восемьсот тысяч долларов в год, но что в них толку, если миссис Льюэлин следит за каждым чеком? Мне была нужна небольшая заначка, вот я и подумал о жемчуге. Я взял его, чтобы заново нанизали, а на самом деле подменил. Но я еще не знал...

— Чего вы не знали?

— Насчет Мэвис.

— А что с ней такое?

— Когда Орландо Маллиген откинул копыта — цирроз печени, — оказалось, что ожерелье завещано Мэвис, и она получит его, как только выйдет замуж.

— А-а!

— Бодкин, не издавай животных криков. Я в очень нервном состоянии.

— Простите.

— Слишком поздно. Из-за тебя я прикусил язык.

— Я только хотел сказать, что я понял, почему вы беспокоитесь.

— Беспокоюсь — слишком слабое слово. Я оцепенел. Наверное, ты никогда не видел миссис Льюэлин, когда она разойдется?

— Еще нет.

— Побудешь со мной, увидишь, — заверил Льюэлин, содрогнувшись. — Превзойдет саму себя. Конечно, я понимал, подменяя ожерелье, что иду на некоторый риск.

— Но тогда вам казалось, что это хорошая мысль?

— Точно. Не думал, что какой-нибудь псих женится на Мэвис. Шансы бесконечно малы. Их практически нет!

— Хотя она, в сущности, красавица? Сам не видел, было темно, но, судя по слухам...

Мистер Льюэлин поворчал, но согласился.

— Да, девица ничего, но что такое красота? Видимость. Мнимость. Душа, вот что важно.

— Золотые слова.

— А ее душу давно пора отдать в чистку. Когда она узнает, что ее жемчуг — японская поделка, из нее ползет гремучая змея.

— А вдруг она примет его за настоящий, как миссис Льюэлин?

— Не дури. Она выходит замуж за ювелира, который способен различить подделку с пятидесяти шагов.

— Может быть, Пондер не проболтается?

— Конечно, проболтается! Бодкин, ты все-таки идиот. Уходи-ка ты лучше и посиди где-нибудь. У тебя есть своя комната, так? Сделай одолжение, иди туда. Если случайно споткнешься о ковер, упадешь с лестницы и сломаешь себе спину в трех местах, я не очень расстроюсь. Нет, что же это! Приходит, порет всякую чушь погибшему человеку. Убирайся, Бодкин. Не могу видеть твою глупую рожу.

Монти не задержался. Ему было жаль уходить, он надеялся дать еще совет-другой, но что-то ему подсказало, что в нем больше не нуждаются.

2

Внимательный наблюдатель, взглянув на супругов Моллой в то время, когда Грейс произносила тост о помолвке, без особого труда заметил бы, что ее речь произвела на них более сильное впечатление, чем можно было бы предположить, учитывая, что с Мэвис они совершенно незнакомы. Зато этот наблюдатель, вероятно, уловил бы, что во взглядах, которыми они обменялись, светится явная досада. Вместо того, чтобы радоваться соединению любящих сердец, они позволяли предположить, что желают этим сердцам заболеть совершенно неизлечимой холерой. Супруги Моллой одновременно вспомнили, что этот Джеймс Пондер — тот простодушный субъект, которому Мыльный продал все акции «Силвер Ривер». Упоминания о Каннах и об усиках было достаточно, чтобы освежить их память. Мысль о встрече с Пондером, который, без сомнения, уже разузнал все что надо, их не пленяла.

Особенно расстроился Мыльный, ибо именно ему предстояло ответить перед разгневанным Пондером. Как только они вошли в свою комнату и стали держать совет, он выразил свое огорчение.

— Что же делать? — сказал он, и Долли согласилась, что это

действительно проблема.

— Конечно, тот самый тип.

— Да уж! Имя, фамилия.

— Не иначе, успел выведать все об этих акциях.

— Да, время у него было.

— А послезавтра приедет сюда.

— Точно.

Установлено, что сердце в скорби и тоске любой надежде радо. Сердце Мыльного не было исключением.

— Может быть, он меня не узнает? — предположил он.

— Не говори чепухи, дорогой. Если уж тебя кто увидит, то не скоро забудет. Ты ведь такой вальяжный, — сказала Долли не без супружеской гордости. — В полицейском участке он выберет тебя мигом, даже если ослепнет на оба глаза.

— Завтра я отсюда смоюсь.

— Конечно. А сегодня вечером мы посмотрим, удастся ли мой план. Я не хотела начинать так скоро. Надо бы его отшлифовать. Но что сейчас говорить! В любом случае, он не так уж плох.

Мыльный, который подобно Обри Карузерсу ходил из угла в угол, резко остановился. За всеми волнениями вечера то, что у Долли есть план, напрочь выпало у него из головы.

— План?

— Я же говорила.

— Но тот был про жемчуг. Теперь мы не можем на него рассчитывать. Нам пора подумать, как бы потихоньку удрать, пока не грянул этот Пондер.

— Мне нужно это ожерелье.

— Мне тоже.

— Мне очень-очень нужно.

— И мне, но...

— Хочешь узнать, что я задумала?

— Что ж, потолковать невредно.

— Она хранит его у себя в комнате.

— Ну и что? Ворваться и огреть ее мешком по голове? Вопрос был явно иронический, но Долли приняла его всерьез.

— Можно попробовать, но у меня есть план получше. Мы разобьем окно на первом этаже, скажем, в столовой. Как будто это воры с улицы.

— Но...

— Не перебивай, дорогой. Лучше послушай. Потом я иду к Грейс и

говорю, что в доме грабители.

— Она, наверное, заберется под кровать или запрется в ванной.

— Такая женщина? Что ей воры! Она выбежит вместе со мной, чтобы их схватить, а ты проберешься к ней — и все, дело сделано. Тебе даже не придется искать. Она наверняка оставит его в шкатулке. Берешь и уходишь.

Мыльный покачал головой. Он думал о том, что даже лучшая женщина может отклониться от пути истинного, стоит ей только приняться за что-нибудь практическое.

— Ничего не выйдет, дорогая.

— Почему это? План верный. Красота, а не план! Все равно что найти деньги на улице.

— А завтра?

— Что завтра?

— Когда здесь будет куча легавых, которые будут задавать глупые вопросы?

— При чем тут мы?

— При том, что меня первого заподозрят.

— Почему это?

— Потому что Пондер ткнет в меня пальцем.

— Он приедет послезавтра.

— А мы еще не уедем. Легавые нас не отпустят.

— Да, не отпустят, и вот почему: мы уедем раньше. Как только ожерелье будет у нас, мы сядем в машину и покатаем в Лондон. И не бормочи «посты на дорогах», мы проскочим до всяких постов. Сколько понадобится времени, чтобы собрать полицейских в такой дыре? Несколько часов. Мы оставим машину где-нибудь в пригороде, а в Лондоне нас не легче найти, чем пару иголок в стоге сена. Что там, труднее.

Мыльный не ответил. Он не мог. Любовь к жене и восхищение ее умом сковали ему язык. Когда она сказала ему, что у нее есть план, как он мог сомневаться, что план этот прост, эффективен, непогрешим, словом — само совершенство?

Ночь уже клонилась к утру, когда Грейс закончила письмо к Мэвис. Она приняла душ, положила на лицо косметическую маску, надела пижаму

и легла спать. Когда ее веки уже сковывал сон, который всегда приходил к ней быстро, дверь неслышно открылась и, прижав палец к губам, как какой-нибудь член тайного общества, который пришел поговорить с другим членом тайного общества, на пороге появилась миссис Моллой. Она произнесла «Тсс!» с такой многозначительностью, что Грейс невольно воскликнула шепотом:

— Миссис Моллой!

— Тиш-ше!

Грейс могла сказать, что если говорить еще тиш-ше, будет просто ничего не слышно, но тяга к знанию преодолела обычную суровость.

— Господи, что там такое? Пожар?

— Воры!

— Что?!

— В дом пробрался вор.

— Что ж, смелый человек, — сурово отозвалась Грейс. К ней неожиданно пришла идея. — А парадная дверь открыта?

— Я не пошла посмотреть. Почему вы спрашиваете?

— Так, подумала. Моя дочь говорит, обычно им кто-нибудь помогает изнутри. Открывает парадную дверь и кричит совой, это у них сигнал. Хорошо бы этот работал один. В отличие от своего первого мужа, я не умею расправляться с бандами.

— А ваш муж умел?

— На экране. Он снимался в вестернах. Орландо Маллиген.

— А, вот это кто! Я видела его в «Шерифе Пестрой Скалы».

— Значит, вы застали его в лучшем виде. Поговаривали даже об «Оскаре». Как раз в том году я получила своего «Оскара» за «Страсть в Париже».

— Вы замечательно там сыграли!

— Да, все говорят.

— Сколько же фильм собрал?

— Забыла, но очень много.

— Еще бы!

В этот момент им обоим пришла в голову мысль, что они отклонились от повестки дня. Долли сказала: «Так насчет грабителя» — и Грейс поняла, что ценные минуты, отведенные на борьбу с преступным элементом, тратятся на пустую болтовню. Она встала с кровати и поискала глазами оружие. Вспомнив, что Мэвис оставила револьвер в верхнем ящике стола, она его вытащила.

— Господи, — сказала Долли, — да у вас револьвер!

— Только я не умею стрелять.
— Я умею.
— Тогда вы его и берите. С той поры, как Орландо себя прострелил, у меня аллергия на всякие пистолеты.
— Не может быть!
— Прострелил себе ногу. Показывал мне, как быстро он может выхватить кольт. Вы думаете, вор еще там?
— А куда он денется? Куда ему спешить? Пойдемте, посмотрим.
— Я сотру маску.
— Да Господи, вы же не к президенту собираетесь! Это просто вор.
— Даже вору я в таком виде не покажусь. Идите вперед с этой штукой, а я вас скоро догоню.
— Когда именно?
— Минут через пять.
— Тогда я лучше подожду.
— Я бы вам не советовала. Мы же не хотим, чтобы этот ворюга слонялся по дому и хватал, что попало. У вас есть револьвер. Пойдите и скажите ему, чтобы не валял дурака.

На Долли повлияла не столько сила, надо сказать — немалая, сколько мысль о том, как скажется дальнейшая задержка на нервах Мыльного. Он страдал от недуга, известного в медицине как «мандраж», и любая зацепка в программе могла привести к полному срыву. Дрожь в коленках грозила перейти выше, поэтому небольшая профилактическая беседа с женой была ему просто необходима.

Маску снять нелегко. На то, чтобы довести свою внешность до кондиции, которая удовлетворит даже самого придирчивого вора, у Грейс ушло больше пяти минут. Уверившись наконец, что теперь она не оскорбит своим видом преступный элемент, она вышла из ванной и нажала на кнопку у изголовья кровати. У Шимпа зазвонил звонок, нарушая тем самым его сон, в котором он уже покидал Меллингем-холл с ожерельем в кармане.

Звонок провели по его же собственному предложению, и любивший поспать сыщик уже сожалел об этом. Женщинам, по его убеждению, нельзя давать возможность вытаскивать человека из постели только потому, что им что-то послышалось. Сейчас он решил, что дело именно в этом, и порядком рассердился. От всего сердца выругавшись, он надел халат, зевнул и пошел вниз. Если бы он был знаком с работами покойного Шопенгауэра,^{[\[128\]](#)} он бы подписался под каждым его словом, весьма нелестным для женщин.

С одного взгляда на Грейс он понял, что страха среди ее чувств не было. Редко видел он менее робкое создание. Весть о том, что к ней проник кто-то, не значащийся в списке приглашенных, пробудила в ней весь таящийся до времени огонь, и она была опять той тигрицей, которая выиграла «Оскара» за роль Мими, королевы апачей в фильме «Страсть в Париже». Губы ее были сжаты, глаза недобро поблескивали, и она в угрожающей манере размахивала зонтиком. Грейс бы первая признала, что это — не идеальное оружие, но в сочетании с кольтом тридцать восьмого калибра оно вполне убедит грабителя, что в эту ночь ему не повезло.

— А, это вы. Наконец-то, — сказала она.

— Мадам, я явился со всей возможной быстротой, — достойно промолвил Шимп, — поскольку до этого спал.

— Я тоже, пока ко мне не ворвалась миссис Моллой.

— Миссис Моллой? — со значением спросил Шимп.

— Она сказала, что в доме воры.

— Миссис Моллой... — задумчиво произнес Шимп. — Она их видела?

— Нет, слышала.

— Ха!

— Что значит «Ха»?

— Мадам, я просто хотел выразить соответствующие чувства.

— Не надо, — заметила Грейс с той раздражительностью, о которой ее муж рассказывал Монти. — Она пошла вниз с револьвером, и я сейчас туда пойду. Только еще здесь кое-что сделаю.

— А миссис Моллой была с мистером Моллом?

— Нет.

— Любопытно.

— Наверное, она не хотела его будить.

— Возможно-возможно, мадам.

Теперь в голосе Шимпа явно сквозила раздумчивость. Во всем, что касалось супругов Моллой, он был просто ясновидцем. Он думал о том, о чем вряд ли подумал бы человек, менее с ними знакомый, и ему не нужен был план или чертеж, чтобы почуять темное дело. Словно чей-то голос прошептал ему в ухо, что выманить Грейс из комнаты и запустить туда Мыльного — именно тот замысел, который, скорее всего, возникнет в пытливом уме Долли.

— Разрешите заметить, мадам...

— Да, что?

— Вы собираетесь уйти, а в вашей спальне никого не будет?

— Нет, не собираюсь. Неужели я буду так рисковать, когда по дому разгуливают воры? Тут останетесь вы. Для этого я вас и вызвала. Подыщите себе местечко, где спрятаться, а когда надо — прыгайте на них, как леопард.

— Отлично, мадам! — сказал Шимп, довольный, что их мысли так созвучны. — Я спрячусь в шкафу.

Ободряющая беседа, которую Долли провела с Мыльным, оказала самый благотворный эффект, впрочем, как и все ее беседы с мужем, когда она давала ему поручение, чуждое его обычному стилю жизни. Под воздействием ее чар страхи и сомнения испарились, и на их место пришел неукротимый дух победителя. К комнате Грейс он направился твердой смелой поступью. «Дверь приоткрой, а глаза открой пошире и жди, пока не увидишь, что она идет вниз», — напутствовала его Долли, и он выполнил ее инструкции слово в слово.

На пороге он снова дрогнул, но вскоре преодолел себя. Дверь была открыта. Он прокрался внутрь, словно танцевал среди цветов, дошел до туалетного столика, и тут из шкафа появился Шимп.

— Могу я чем-нибудь помочь, мистер Моллой? — спросил сыщик, и Мыльный издал приглушенный крик, какой издал бы кот, которому наступили на хвост, хотя он болеет ларингитом.

Из-за беспокойно проведенной ночи Грейс проснулась поздно. Вы не можете преследовать с зонтиком грабителей в два часа ночи так, чтобы на вас это вообще никак не сказалось. По возвращении в свою комнату, она ленивым жестом отпустила Шимпа, забралась в постель и укрылась поудобней. Только после гонга, возвестившего о начале ланча, она опять была среди присутствующих.

Там она обнаружила отсутствие мистера и миссис Моллой, и узнала от Санди, что мистер Моллой был вынужден уехать после важного телефонного звонка, связанного с его обширными нефтяными интересами. Это сплошь и рядом бывает с теми, кто занимается нефтью. Санди добавила, что миссис Моллой осталась, только подвезет мужа до станции.

Грейс слышала новости без особого сожаления. Прошлой ночью, когда они плечом к плечу стояли, или могли бы стоять против врага, объявись он перед ними, между ней и Долли возникли узы боевого братства; но к Мыльному она не питала особой привязанности, стойко перенесла его потерю и, встав из-за стола, решила сразу излить всю историю про грабителей, позвонив дочери по телефону.

Ей было что рассказать, и она была хорошим рассказчиком. Мэвис не составило особого труда понять основные моменты драмы. Ее первый отклик на татей в ночи, посетивших Меллингем-холл, вылился в слова: «А, говорила я? Предупреждала?» Потом она стала тревожно расспрашивать.

— Он не унес мой жемчуг?

Слово «мой» неприятно резануло слух ее матери. Она не забыла, что жемчуг скоро должен перейти к дочери, ей просто не нравилось, чтобы об этом напоминали. Материнская любовь мешала ей хоть в чем-нибудь отказать Мэвис, но она жалела, что жемчуг попал в эту категорию. Она так долго его носила, что как-то считала своим, и поневоле думала, что покойный Орlando Маллиген несколько напортачил с завещанием.

Отгоняя эту недостойную мысль, она ответила:

— Нет, дорогая, жемчуг в порядке.

С другого конца провода послышался вздох облегчения.

— Вот хорошо! Вообще, пока в доме твой Бодкин, ни за что нельзя ручаться.

— Не говори глупости, дорогая!

— При чем тут глупости? Разве не ясно, что все эти ночные свистопляски — его рук дело? Там у вас сова не ухала?

— Нет.

— Вероятно, ты просто не расслышала.

— Я спала.

— Ах да, я совсем забыла. Все равно, это его штуки. А парадная дверь была открыта?

— Нет. Вор разбил окно.

— Значит, Бодкин его подговорил. Конечно, ему выгодней, чтобы сообщник проник через окно. Он все рассчитал. Значит, он — ни при чем, грабитель — сам по себе. Эти золоченые жулики — хитрые птицы. Они свое дело знают.

Материнская любовь едва выстояла. Беседуя с Мэвис, Грейс часто чувствовала нежданное раздражение. Именно этот отклик вызывали в ней некогда режиссеры, которым казалось, что они знают все на свете. С некоторым усилием она изобразила шутливый, легкий тон.

— Дался тебе этот Бодкин!

— Не связывай меня со всякими королями преступного мира.

— Нет, у тебя на него зуб. Бедный, бедный!..

— Он станет очень богатым, если ты его не выгонишь. Конечно, это зависит от того, как его банда делит добычу. Платят они процент от выручки или у этого мордоворота постоянное жалованье?

Тут Мэвис допустила несправедливость — кем-кем, а мордоворотом он не был. Санди Миллер, к примеру, с самого начала считала его идеалом красоты. Но Грейс решила обратить внимание на другую часть фразы.

— Мистер Бодкин — не жулик!

— Хочешь поспорить? — сказала Мэвис — Ладно, если даже он чист, как свежавыпавший снег, сделай милость, возьми жемчуг, отнеси в банк, положи в сейф, и пусть его охраняют люди с винтовками. До свидания, мама, мне пора. Джимми ждет. Мы собрались поиграть в гольф.

Грейс (совершенно зря) швырнула трубку. Ее раздражало, когда она, сильная женщина, проигрывала в спорах с дочерью, что мистер Льюэлин отнес бы к тлетворному влиянию школы. «Отправьте девушку в школу, — говорил он, — и вам конец». Она будет слушать доводы разума с тем же вниманием, с каким режиссер, получающий десять тысяч в неделю, прислушивается к мнению массовки.

Что касается Монти, ее чувства постоянно менялись. После разговоров с Мэвис она была готова поверить, что его давно разыскивает полиция, чтобы задать ему «пару вопросов». Но, освободившись от этого влияния, она тут же вспоминала о титулованных родственниках, и к ней возвращалась прежняя уверенность. Она отказывалась верить в то, что человек, так близко связанный с цветом английской аристократии, которую она благоговейно почитала, станет открывать по ночам двери и подражать бурой сове. Этого можно ждать от плебеев или изгоев, но не от тех, чьи имена красуются у Дебрета,^[129] хотя бы мелким шрифтом, по боковой линии. Не прошло и двух минут, после того как она повесила трубку, как ей стало совершенно ясно, что опасения ее дочери — полнейший вздор.

Но в одном Мэвис права. Жемчуг надо поместить в банк, и у нее есть человек, который подошел бы для этой роли как нельзя лучше — Шерингем Эдер, частный детектив, чья работа, по-видимому, большей частью и заключалась в выполнении таких конфиденциальных заданий.

Она за ним послала.

— Мистер Эдер.

— Да, мадам.

— Надеюсь, вы умеете водить машину?

— О да, мадам!

— Понимаете, я хочу, чтобы вы взяли мое ожерелье, отвезли его в брайтонский банк и отдали управляющему, чтобы тот положил его в сейф.

Только раз в жизни похожий озноб прошиб тщедушное тельце Шимпа — когда глава присяжных сказал: «Не виновен», — хотя он ждал, что его посадят лет на пять. В тот раз он чуть было не запел как херувимы и серафимы, и сейчас испытал такое же желание. Мы не слишком преувеличим, сказав, что примерно это, вероятно, испытывает астроном, когда случайно открывает новую планету, или могучий Кортес,^[130] когда он смотрит на Тихий океан.

Если бы он действительно запел, то, скорей всего, «Закончен тяжкий труд». Много дней напрягал он мозг, пытаясь придумать, как же ему незаметно удалиться из Меллингем-холла, прихватив с собой жемчуг, и вот ему предлагают это, как на блюде. Он так умилился, что не сразу смог ответить.

Однако, наконец, он выговорил:

— Хорошо, мадам.

— Мне не хочется с ним расставаться, но когда грабители так и шмыгают под носом, ничего другого не придумаешь. Надо было это

сделать еще в Беверли Хиллз.

— Полностью согласен с вами, мадам.

— Я думала, здесь все по-другому, но, видимо, у вас в Сассексе столько же злодеев, как там, у нас.

— В последнее время Англия все больше похожа на Америку, мадам.

— Кому вы говорите! Хорошо, я сейчас его принесу. Скажите там, в банке, чтобы жизни за него не жалели.

— Хорошо, мадам.

2

День выдался чудесный, с голубым небом и легкими ветерками. Пчелы жужжали, птицы щебетали, белки сновали туда и сюда, все больше рыжая на солнце. Одним словом, природа улыбалась, но не так широко, как Шимп, когда шел в гараж покурить. Его художественное чутье подсказывало, что слуге не пристало курить на людях, и, к тому же, он не мог дожидаться, когда приедет Долли, чтобы рассказать ей о задании, которое ему только что поручено. По всей вероятности, думал он, она просто лопнет от злости.

Вражда между Шимпом и любимой женой мистера Моллоя была давней. Да, они бывали деловыми партнерами — иногда обстоятельства складываются так, что сотрудничество просто неизбежно, — но по большей части враждовали и соперничали, а каждый, кто вступал в борьбу с Долли Моллой, должен быть очень осторожным. Когда речь шла о деньгах, вражда пробуждала в ней сходство с леди Макбет. Мы упоминали о том случае, когда она стукнула его рукояткой пистолета по голове; был и другой, когда она подмешала ему снотворного,^[131] да еще сунула ему в руку лилию, добавив тем самым к физическому вреду моральное оскорбление. Сейчас же, сидя на вершине мира, обвитой радугой, он был не прочь немножко помучить ее примерно так, как главный негодяй мучает героя в каком-нибудь триллере. Шимп Твист не привык миловать побежденных. Если он мог поиздеваться, он издевался.

Ему не пришлось долго ждать. Долли приехала скоро. Она была привлекательной, как и всегда, но физиономист мог бы заметить, что лицо под удалой шляпкой не так уж сияет. Мы уже говорили о пчелах, птицах, небе и ветерках. Все это придавало особое очарование садам Меллингем-холла, и, казалось бы, каждый его обитатель должен был испытывать особый восторг. Но душа миссис Моллой не восторгалась ввысь. Если

говорить о ней, птички и пчелки старались напрасно.

Она еще не оправилась от вчерашнего провала. Казалось бы, дело в шляпе, остается только подумать, как потратить деньги, которые им даст мистер Уиппл, скупавший у них краденное.

Вид Шимпа добавил тот последний штрих, который так приятен судьбе, любившей посмеяться над женским горем. Ее план провалился. Мыльный уехал, ей некому поплакать в жилетку, а тут еще придется беседовать с Шимпом, что ее не развлекало и в счастливые минуты.

Она попыталась его не заметить, но он был не из тех, кого легко обойти, особенно когда он хотел над кем-нибудь поиздеваться. Подобно Аполлиону в «Пути паломника»,^[132] он без зазрения совести шел к заветной цели. Конечно, хорошо бы его переехать, это заманчиво, но все-таки неразумно. Нет, дело не в совести, Долли всегда считала, что хороший Шимп — это мертвый Шимп, но она знала, как заводится полиция из-за таких поступков.

Она нажала на тормоз, и Шимп, подойдя к окну, просунул туда голову, плечи и омерзительную улыбку, начиная обмен любезностями с небрежной легкостью, ранившей ее, как нож.

— Привет, Долли! Что-то ты неважно выглядишь. А все потому, что не спишь по ночам. Рано ложись, рано вставай, а то конец девичьему румянцу. Провожала Мыльного?

— Да.

— Наверное, ему пришлось смыться? Он тебе рассказал, что с ним было ночью?

— Да.

— Подкачал твой план, подкачал. Мне бы тебя предупредить, что он не сработает. На бумаге — все честь честью, а на практике — чепуха. Что ж, вернемся к чертежной доске. А то — никакого проку, только у Мыльного худо с нервами. Не хочешь, засмеешься! Видела бы ты его, когда он меня заметил! Он, бедняга, думал — дело в шляпе, но забыл, что бессонный Шерингем Эдер следит за каждым его движением. У него волосы встали дыбом, сколько уж их там есть. Как его ни встречу, лысина выросла, а то ли еще будет! Ты никогда не думала, каково тебе придется с совершенно лысым Моллоем? Нет, такой мысли не выдержать.

С непогрешимой точностью он затронул самую болезненную тему. Счастливую жизнь Долли омрачало одно — страх, что Мыльный совсем облысеет. Она испробовала все лосьоны и притирки, но без толку. Упустив шанс переехать Шимпа, когда она была в машине, Долли испытала острую необходимость выразить себя. Она взмахнула своей красивой ручкой, а

Шимп схватился за нос, отшатнулся и стал потирать уши, но вскоре пришел в себя.

— Нехорошо, плохо, — сказал он с упреком.

Долли ответила, что, с ее точки зрения, это очень хорошо. Жаль только, что под рукой не оказалось гаечного ключа, пришлось использовать руку.

— Какая же ты зараза! — сказал Шимп.

— Не спорю, — ответила Долли.

— Ты чуть не сломала мне нос.

— Не спорю.

— Когда-нибудь ты по своей стервозности угодишь за решетку.

— Со мной все в порядке, пока всякие обезьяны, которым место в зоологическом саду, не треплются насчет Мыльного.

— Я только сказал...

— Сама слышала.

— Да я просто шутил.

Долли, перейдя к анатомии, сообщила, что бы она сделала с ним и с его шутками. Когда ее задевали за живое, она бывала и грубой.

— А теперь сменим тему, — продолжала она. — Не мог бы ты убраться? Мне надо поставить машину в гараж.

Тут настал звездный час для Шимпа. Он даже перестал потирать нос.

— Не утруждай себя, — сказал он. — Она мне скоро понадобится. Миссис Льюэлин послала меня в Брайтон положить ее жемчуг в банк.

— Что!

Шимп подавил зевок.

— Я вот только думаю, доберусь ли я с ним до города. Кто его знает! Теперь ты, наверное, жалеешь, что отказалась от дележки. Если бы мы работали вместе, ты бы свое получила, пальцем не пошевелив, потому что слово — слово, и для Шерингема Эдера уговор дороже денег. А теперь ты не получишь ни гроша, а я уж посмеюсь.

К несчастью, Шимп опять ухмыльнулся, вероятно, для того, чтобы иллюстрировать свои слова. Такая веселость возмутила Долли, и она проявила ярость, на которую, будь он более тактичным, она вряд ли была бы способна. Ею овладели те чувства, которые побудили Самсона разрушить храм в Газе. [\[133\]](#)

— Ни гроша? — вскричала Долли, как ни странно, сквозь зубы. — И ты не получишь! Хочешь знать, что я сейчас сделаю? Пойду к миссис Льюэлин и скажу, что, если она собирается отпустить тебя одного с ожерельем, она не в себе. «Миссис Льюэлин, — скажу я ей, — можно вас

на минутку? Хочу с вами поговорить о Шерингеме Эдере, которому вы так доверяете. Он обманщик из обманщиков. Если вы хотите знать, я тоже. Мы с этим Шерингемом провернули не одно дельце». Затем я расскажу ей вполне достаточно, чтобы, подойдя к ее дверям, ты сто раз подумал, прежде чем войти. Не удивлюсь, если она возьмет со стены нож с восточным узором и всадит тебе под ребра. На экране она всегда так делала. А может быть, она напустит на тебя кошку.

Как мы уже говорили, Долли жалела, что не подготовилась получше к этой беседе. Особенно огорчали ее мысли о кольте, который так пригодился ей в прошлый раз. Но ей не стоило расстраиваться. Ее слова произвели на Шимпа неизгладимое впечатление. Под ударом рукоятки он покачнулся и упал, но и сейчас с ним случилось то же самое. Вся разница только в том, что на этот раз у него на голове не выросла шишка.

Некоторое время он просто не мог говорить. Когда дар речи вернулся к нему, в голосе его звучал неопиcуемый ужас.

— Ты что, меня выдашь?

— Совершенно верно.

— Ты не сможешь!

— Кто тебе сказал?

— Это же... — Шимп искал верное слово. — Это неэтично.

— Чего-чего? Не понимаю.

— Ну, подло. Так не делают. Нельзя стучать на делового соперника, если он тебе не угодил.

— Очень даже можно.

— Потом, она же тебя выгонит!

— А зачем мне здесь торчать? Главное — чтобы тебя выгнали. Вышвырнут за шкуру, глазом моргнуть не успеешь.

Шимп помолчал, обдумывая ее слова; и, всегда готовый к компромиссу, если иначе не получалось, сказал Долли:

— Так насчет соглашения. А что, если шестьдесят на сорок?

— Нет!

— Это совсем неплохо.

— Нет, плохо. Я сама упру этот жемчуг.

— Так ты его и упрешь!

— Упру, и очень скоро. А ты позвонишь миссис Льюэлин и скажешь ей, что заболел корью, или отравился рыбой, или еще что-нибудь в этом духе, и, к большому сожалению, не можешь поехать в Брайтон.

Шимп тяжело вздохнул. Так вздыхает проигравший.

— Ясно?

— Да.

— Прямо, как будто ты женишься, и священник спрашивает: «Согласен ли?..» — весело щебетала Долли, и Шимп, как раз думавший о том, что было бы здорово ее придушить, быстро передумал. Здесь больше подошло бы кипящее масло.

Обычно в таких случаях последнее слово принадлежит женщине, но на этот раз оно осталось за Шимпом.

— Еще два года, — сказал он, — и твой супруг будет лысый, как новенький бильярдный шар.

3

Не один Шимп в Меллингем-холле вспоминал недобрым словом Долли Моллой. В кабинете, который был специально выделен для создания монументальной истории «Супербы-Льюэлин», сидел Айвор и думал о ней с не меньшей теплотой. Как и Шимп, он был бы не прочь освежать ее тупым ножиком и погрузить в кипящее масло.

Ему было противно даже не то, что Грейс, перед тем как пойти спать, зашла к нему, разбудила, всучила кольт тридцать восьмого калибра и отправила коротать остаток ночи в столовой на тот случай, как она объяснила, если грабитель вернется. Да, это могло отравить и более приятное настроение, но душу его, как раскаленный радиатор, жгла мысль о том, что миссис Моллой спугнула того самого человека, который избавил бы его от этой японской подделки. Подобного потрясения он не испытывал с тех пор, как Вайнштейн увел из-под носа великолепный фильм, выкупив все права на модный роман, за которым он гонялся неделями. Вот зануда, думал он. Лезет не в свое дело.

В этом месте своих размышлений он заснул, и спал, прикорнув в кресле, когда в столовую вошла Грейс. Обнаружив, что он храпит, она ткнула его в бок левой рукой, поскольку в правой держала шкатулку с драгоценностями.

— А?! Что?! — воскликнул Льюэлин.

— Проснись! — сказала Грейс, и добавила: — Спит! В такое время!

Льюэлин достаточно проснулся, чтобы сердиться.

— Спасибо, что мне вообще удалось заснуть в этом доме. Вытаскиваешь меня посреди ночи, тащишь в какое-то кресло...

— Зачем это обсуждать?

— У меня вся спина задеревенела.

— Сказано, зачем это обсуждать? Я не знаю, что делать, — призналась Грейс— Просто не знаю.

Человек посильнее предложил бы ей убраться, чтобы он мог доспать, но Льюэлин, хотя и злился, этого сделать не мог. Сейчас, уже проснувшийся, он распознал в поведении супруги некоторые признаки, указывающие на то, что она чем-то расстроена. А когда Грейс чем-то расстроена, то люди, хорошо ее знавшие (конечно, кроме Мэвис), предпочитали осторожно выбирать выражения.

Поэтому Льюэлин довольно кротко спросил:

— А в чем дело?

— У Эдера болит живот.

Мистер Льюэлин, почти совсем проснувшийся, обнаружил, что не в состоянии поддерживать диалог на таком высоком интеллектуальном уровне.

— Что? У кого?

— Живот. У Эдера. Просто корчится.

Льюэлин явно припомнил, о ком идет речь, и не слишком огорчился. Человек, который спрашивает с вас пять фунтов за шоколадку и десять фунтов за пирог, автоматически теряет право на сострадание. Нам безразлично, все ли у него в порядке.

— Да?

— Поэтому он не может ехать в Брайтон.

И опять Льюэлин как-то смутно почувствовал, что суть разговора от него ускользает.

— Ему нужно в Брайтон?

— Это я хотела его туда послать, чтоб он положил в банк мой жемчуг. Что же еще делать, когда вокруг столько воров?

Пока она говорила, в холле зазвонил телефон, и она ушла, оставив Льюэлина созерцать шкатулку. Он чувствовал облегчение, сравнимое только с тем, которое пришло к Шимпу, когда тот услышал из уст присяжных: «Не виновен». По правде сказать, он еще не до конца выкарабкался из того супа, который еще недавно грозил его поглотить, но короткий отдых был ему обеспечен. Жемчуг из банка не достанешь, но сейчас, благодаря спасительной боли у его слуги, всегда есть шанс, что в Меллингем-холл нанесет визит более удачливый воришка. Небольшая, а все-таки надежда. Надежда же, мы уже замечали, легко рождается во время скорби.

Льюэлин с нежностью думал о желудочном соке, который уж точно сделал то, что надо; но тут обладатель этого сока внезапно появился в окне.

Несчастный киномагнат удивился. Тут удивишься! Человека корчит, а он прогуливается и заглядывает в окна.

Вероятно, Льюэлин выразил бы свои чувства, если бы Шимп не заговорил первым.

— Эй, приятель! — сказал он. Сейчас, когда они с Льюэлином перешли на короткую ногу, он отбросил те велеречивые формы, которые употреблял при общении с Грейс. При новых отношениях формальность была неуместна. — На выпивку есть?

Если бы какой-нибудь сопляк обратился к нему в таком тоне на студии, разговор с ним был бы короткий, но в тех стесненных обстоятельствах, в которые он сейчас попал, он не мог отвергать всякого, кто задает такие вопросы. Лишенный спиртного с той ночи в «Креветке», он стремился к нему, как олень к источнику вод.^[134] Ему не нравились манеры Шимпа, но кому они нравились? И он вполне приветливо ответил, что на выпивку у него есть.

— Достал шампанского, — сказал Шимп. — Могу уступить за сорок фунтиков.

Должно быть, совершенно естественно, что мистер Льюэлин на какое-то мгновение заколебался. Сорок фунтов за бутылку он все-таки платить не привык, да и небольшой запас наличности стремительно таял. Но он вспомнил, как приятно шампанское, а что до денег, всегда можно положиться на бездонный кошелек своего друга Бодкина.

Он решил проверить почву:

— А бутылка маленькая?

— Большая.

— Это дело!

— Я уже ее отнес и поставил в комод, в верхний ящик.

— А лед?

— В ванной.

— Вас никто не заметил?

— Меня никто никогда не замечает. Я — как тень. Сделка состоялась, и Льюэлин из чистой вежливости спросил Шимпа о здоровье.

— Вам лучше?

— Что?

— Я слышал, вам было плохо.

По уродливому лбу Шимпа пробежало облако. Ему не нравилось всякое напоминание о разговоре с Долли.

— То хуже, то лучше, — сказал он.

— Всегда так.

— Сейчас я чувствую себя хорошо!

Льюэлин подумал, еще бы ему не чувствовать, когда он продал бутылку шампанского за сорок фунтов; однако сохранил миролюбие.

— У меня тоже бывают боли.

— Да?

— Схватывает вот здесь.

— Говорят, висмут помогает.

— Да, я тоже слышал.

Можно было бы сказать, что беседа достигла той степени дружелюбности, после которой идут одни комплименты, но Шимп испортил идиллию неуместным замечанием:

— Ну, где они?

— А?

— Мои сорок фунтиков.

— Я позже заплачу.

— Нет. Или наличные, или все насмарку.

— Я должен достать деньги из тайника.

— Хорошо, подожду.

— И увидите, где я их прячу? Нет уж!

Шимп согласился со справедливостью его слов. У него тоже были свои тайнички.

— Хорошо, — сказал он. — Я зайду за деньгами.

Оставшись один, Льюэлин подошел к окну. Из него открывался красивый вид на парк, тем самым — и на аллею. По ней расхаживал Монти. Голова у него была опущена, брови — нахмурены, что типично для человека, размышляющего о своих сердечных проблемах. Взглянув на него, Льюэлин ощутил одно из тех внезапных озарений, которые так поражали его сподвижников в Льюэлин-Сити.

— Эй, Бодкин! Иди сюда!

Монти подошел к окну. Вчера вечером они с мистером Льюэлином расстались не совсем мирно, но призывающий его голос был вполне дружелюбным, и он решил не поминать старое. Вероятно, Льюэлин дал солнцу сесть в его гнев, ^[135] но при свете все выправилось.

Более того, даже если что-то недоброе все еще теплилось в груди у Льюэлина, Монти был уверен, что любой огонь угаснет, как только он кое-что узнает. Утром Санди обрисовала надежнейший план спасительных действий, который мог прийти только в такую голову, как у нее; и Монти, без колебаний, назвал его блестящим. Мистер Льюэлин не знал, что делать, и сам Монти не знал, что делать, Макиавелли — и тот не знал бы,

окажись он рядом, а вот Санди нашла выход!..Итак, стремясь поделиться вестью, он заглянул в окно.

Но первым заговорил мистер Льюэлин:

— Бодкин, у меня есть идея!

— И у меня! — ответил Бодкин. — Или, скорей, у Санди, и вы не ошибетесь, если назовете это озарением. Ее доброе сердце было так тронуту вашей бедой, что она стала искать выход, и сегодня нашла. Вы гадаете, что сказать миссис Льюэлин, когда она обнаружит, что жемчуг фальшивый и это вы его подменили.

День выдался жарким, но по широкой спине Льюэлина пробежал холодок.

— Вряд ли я много скажу. Говорить будет она.

— Ну, когда она будет переводить дух.

— Скорее всего, не будет.

— Хорошо, предположим, что она все-таки его переведет. Что сы тогда сделаете? Скажете, что это она подменила жемчуг! Не хотела расставаться с ним, отдавать Мэвис — и продала. Сами знаете, как она любит деньги. Вся красота этого плана в том, что тут не возразишь. Попробовать, конечно, можно, но кто ей поверит?

Они долго молчали. Монти испугался, поскольку ожидал услышать от хозяина что-нибудь вроде «Гип-гип-ура!», а тот выглядел примерно так, как, бывало, там, на студии, когда кто-то, зазевавшись, не успевал ему поддакнуть.

Наконец он заговорил:

— Недомерок это придумал?

— Да, целиком и полностью.

— Ей бы надо сходить к психиатру.

— Вам не нравится? — спросил потрясенный Монти.

— Ни в малейшей степени. Да за кого она меня принимает? За укротителя, который заходит в клетку и одним своим взглядом вгоняет в дрожь царя зверей? Я бы не решился разговаривать так с Грейс по международной. Даже если я в Париже, а она — в Гонолулу.

Монти благоразумно промолчал. Был миг, когда он чуть не сказал: «Льюэлин, вы человек или мышь?» — но удержался. Хотя теперь они подружились, он никогда не терял к Льюэлину того почтения, которое обрел в Голливуде. Когда-то он сказал Санди, что хозяин напоминает ему одно из наименее приятных чудищ Апокалипсиса, и с тех пор никогда не был уверен, что это сходство не вернется. Поэтому он промолчал, а Льюэлин продолжил помягче:

— Пойми меня правильно, Бодкин. Я не говорю, что недомерок плохо придумал. Просто мне это не по плечу. Тут подошел бы кто-нибудь вроде Орlando Маллигена, хотя и он вряд ли справился бы, если бы вдрызг не напился, что с ним часто бывало. Санди не видела Грейс, когда" та по-настоящему разбушует. Я слышал от ее бывших мужей, что ничего подобного не было с землетрясения в Сан-Франциско в тысяча девятьсот шестом году. Когда мы снимали «Страсть в Париже», от нее сбежали три режиссера, два помрежа и ассистентка. Так и не оправились. Конечно, мы выдадим недомерку поощрительную премию, но плана не примем, его осуществить нельзя. Да и вообще, у меня есть идея, плод долгих напряженных раздумий. Вот это — дело верное. Ты берешь футляр с ожерельем, чтобы отвезти в банк, и по дороге бросаешь его в первый попавшийся пруд или омут, где он и останется, пока рак не свистнет. А хочешь, можешь его зарыть.

Льюэлин остановился, явно довольный тем, что нашел выход там, где другие провалились. Он был так доволен собой, что Монти было очень неудобно спрашивать, словно он критикует дитя долгих раздумий. Однако он собрался с духом и сказал:

— А дальше что?

— Бодкин, я тебя не понимаю.

— Вы говорите, пока рак не свистнет. Он-то не свистнет, а я вернусь домой.

— Все равно не понимаю.

— Что я скажу? Я уйду с ожерельем, прихожу без него и без справки из банка. Разве миссис Льюэлин ни о чем не спросит?

Льюэлин отмахнулся от проблемы беззаботным жестом. Он всегда гордился тем, что быстро придумывает выход.

— Ну и что? Что-нибудь наплетешь.

— Э-э-э... Что именно?

— Скажем, на тебя напали разбойники. Поймали, связали и отобрали жемчуг.

— А откуда они про него узнали?

— У них повсюду шпионы. Монти все равно не успокоился.

— Вы думаете, миссис Льюэлин этому поверит?

— Она не сможет возразить.

— Но сможет рассердиться.

— Да она всегда сердится!

— Так и вижу, что меня посадят в тюрьму.

Льюэлин отмахнулся от этого возражения еще одним беззаботным

жестом.

— А что такого? Больше года, ну, двух, не дадут, а тюрьмы сейчас — это просто санатории. Концерты, лекции, фильмы. Тебе понравится. И вот еще, ты все ломал голову, как удрать от твоей хоккеистки к нашему недомерку. Как ты думаешь, хоккеистка будет терпеть, что ты в каталажке? Поймет и простит, да?

Монти задрожал от соломенных волос до подошв. Он полагал, что изучил все стороны вопроса, но это от него ускользнуло, и взглянул на Льюэлина с благоговейным трепетом. Сатирики, думал он, рады посмеяться над хозяевами киностудий, но когда вы в безвыходном положении, за разумным советом вы идете именно к ним. Дрожащим от волнения голосом Монти произнес:

— А ведь верно! Вы правы.

— Я всегда прав.

— Она не выйдет замуж за арестанта.

— Ни в коем случае.

— Хорошо. Я еду.

— Вот это разговор! Вот это дух нашей студии!

— Давайте мне жемчуг. Пойду заводить машину, — сказал Монти, а Шимп, который приблизился в своей обычной, бесшумной манере, чтобы получить сорок фунтов, причитающиеся ему за шампанское, остановился, словно зачарованный. Тем самым, он отчетливо услышал слова Льюэлина: «Не спеши. Давай повторим весь сценарий, чтобы ничего не перепутать».

Шимп услышал достаточно. Все ясно. Монти доверили ту работу, которая предназначалась для него. Если бы не Долли, он сейчас бы ее и выполнял.

В баре «Веселая креветка» мистер Льюэлин говорил, что Шимп своего не упустит, и был прав. Когда у Шимпа появлялась возможность разжиться, он действовал, как молния. В настоящем случае и стратегию, и тактику он создал за рекордное время.

Ему понравилось, что Льюэлин просил Монти не спешить, потому что первым делом он должен был вывести из строя «кадиллак». Тогда Монти придется ехать в микроавтобусе. Шимп, каким бы маленьким он ни был, не спрятался бы в «кадиллаке», а в микроавтобусе это легче легкого.

Возвратившись в дом и перепрыгивая по три ступеньки за раз, он побежал к себе за револьвером. Потом с такой же скоростью помчался в гараж поколдовать над «кадиллаком».

Глава XI

1

Имени того, кто звонит, Грейс не разобрала и попросила его повторить. Наконец она поняла — «Баттервик». Ей было бы гораздо приятней, если бы перед этим шло слово «лорд», но она любила поболтать по телефону, тем более — вместо беседы с мужем, особенно когда он практически спит.

— Я вас слушаю, мистер Баттервик.

— Это миссис Льюэлин?

— Да.

— Ап-чхи!

— Что?

— Я чихнул.

— А, простите.

— Прямо напасть какая-то.

День для мистера Баттервика начался плохо. Вчера вечером у него просто щекотало в горле, а сегодня дошло до того что он не решился ехать на работу. Без работы он тосковал. Как все, кто занимается импортом и экспортом, он считал потерянным тот день, когда ничего не импортировал и не экспортировал. Человек его специальности, чье сердце — в конторе, [\[136\]](#) чувствует себя дома, да еще простуженный, как шильонский узник. [\[137\]](#)

Ему было бы легче, если бы дома была и Гертруда, но она ушла на собрание своего хоккейного клуба, и без нее Баттервику было совершенно нечем заняться. Музыкант поиграл бы на пианино, или электрогитаре, или гобое, или на кимвалах, или еще на чем-нибудь, но его не учили музыке. Он бы мог почитать хорошую книжку, но их теперь не пишут. Только и оставалось, что бить баклуши, что настоятельно советовал покойный граф Толстой вместо курения. И тут он вспомнил о письме этого Монтроза Бодкина его дочери Гертруде.

Она принесла Алка-Зельцер, когда он только пробежал его, но в памяти задержалось то, что миссис Льюэлин правит у себя в доме, а следовательно, он сделал ошибку, когда стал порочить Бодкина перед ее мужем. Долгая деловая жизнь научила его выбирать того партнера (в данном случае — партнершу), который главнее.

Он подошел к столу Гертруды. Да, в одном из ящичков лежало письмо. Он взял его и удостоверился, что его предположения совершенно верны. Когда он дошел до замечаний о нем самом, он невольно вздрогнул, но продолжал читать и нашел то, что искал.

Монти лишь намекал, какое положение занимает в доме миссис Льюэлин, но строки на то и строки, чтобы читать между ними. «Мамаша Льюэлин еще та штучка», «Общий счет в банке, и он не может выписать и чека без ее согласия», «...она бы никогда не позволила». Так не пишут о хозяине собственного дома, который пасет всех жезлом железным. [\[138\]](#) Читателю ясно: когда воля его столкнется с волей супруги, он подожмет лапки и скажет: «Хорошо, дорогая».

Особенно заворожил Баттервика пассаж поближе к концу: «Она ужасно любит аристократию и думает, что я в родстве с половиной знатных семейств Англии».

Ну, все! Это безоговорочно доказывало, что Монти взялся за старое. Как и в первый раз, эта змея в человеческом облике пробралась к Льюэлинам, как выразилась бы та же змея, дуриком. Именно из-за таких вещей приличные люди думают о том, до чего же докатились нынешние змеи.

«Половина знатных семейств»? Если бы мистер Баттервик был склонен к разговорным выражениям, он бы насмешливо бросил: «Еще чего!». Он знал все о семье Монти. Его отец был адвокат с небольшой провинциальной практикой, а тетя, которая оставила ему деньги, получила их, выйдя замуж за одного питсбургского миллионера, который, заехав как-то в Лондон, увидел ее среди танцовщиц в театре Адельфи. Добавьте к этому ее брата Ланселота, который загремел в кутузку за махинации как раз в том году, когда Джинджер обскакал Цесаревича, и список его родственников будет полным.

Еще недавно мы видели, как мистер Баттервик жалеет, что ему нечего делать. Сейчас ему просто шло в руки очень хорошее дельце. Все мы любим изгонять змей, а уж изгнать такую змею, как Монти, — истинное наслаждение. Через десять минут (пришлось подышать целебным бальзамом) он набирал номер Грейс. Мистер Баттервик любил говорить по телефону четко и ясно.

— Насколько мне известно, у вас работает некий Бодкин.

— Да, есть такой.

— Боюсь, я должен вас предупредить... Ап-чи!

Грейс чуть не выпустила из рук трубку. Зловещее слово «предупредить» пришло слишком скоро после разговора с Мэвис и

тронуло больной нерв. На мгновение она подумала, уж не полиция ли это. Такие весомые слова могли проистекать только из Скотланд-Ярда.

— Что вы сказали? — дрожащим голосом спросила она.

— Я *собирался* сказать, что этому Бодкину доверять нельзя.

Грейс стало еще хуже.

— Кто вы?

— Друг.

— Чей? Его?

— Нет, ваш.

— Вы из полиции?

— Что вы!

— О, — облегченно сказала Грейс.

— Я хочу вам помочь.

— Спасибо.

— Меня зовут Баттервик.

Среди добродетелей Грейс терпения не было.

— Знаю, — сказала она, еле удержавшись от того, чтоб добавить «вашу поганую фамилию». — Никак не пойму, при чем тут вы? Вы знаете Бодкина?

— Он помолвлен с моей дочерью Гертрудой. Я против.

— Да? О чем же вы хотите меня предупредить?

— Я случайно узнал... Мне сказали... Короче говоря, я обнаружил, что он выдает себя за родственника аристократов. Это не совсем так.

Из телефона раздалось то, что называют криком души:

— Не совсем так?!

— Вот именно.

— Моя секретарша мисс Миллер сказала мне, что у него титулованные дядюшки и братья по всей Англии.

— Она ошибается, без сомнения, — по его вине. Его отец адвокат, тетя — танцовщица, а дядя Ланселот сидел в тюрьме за махинации. Других родственников нет.

Звук, который издала Грейс, могли услышать в Западном Далидже.

— Ах он... — последние два слова пропали даром, так как она бросила трубку.

Мистер Баттервик вернулся к своему бальзаму в хорошем расположении духа. Он был уверен, что теперь Монти Бодкин не сможет удержаться на работе необходимые двенадцать месяцев. Миссис Льюэлин этого не сказала, но сам дух их беседы убедил его, что молодой мошенник скоро окажется не у дел. Наверное, в этот самый момент его уже

выбрасывают на улицу. Ему показалось, что Грейс не любит, когда ее обманывают, и быстро воплотит это чувство в действие. Если бы Гертруда, которая возвратилась домой через несколько минут, не была так занята своими мыслями, она бы очень обрадовалась, что отцу настолько лучше.

Было видно, что мысли эти невеселые. Ее глаза пылали, грудь тяжело вздымалась, а душа, по всей вероятности, металась, как коктейль в электрическом миксере. Словом, выглядела она так, как будто ее несправедливо наказали за нарушение правил в самом решающем матче.

— Отец, — сказала она, слишком расстроенная, чтобы употребить обычное «пап». — Я не выйду замуж за Монти. Я выйду за Уилфреда Чизхолма.

Нелегко поднять благодарный взор, когда вдыхаешь бальзам, но Баттервик это сделал.

— Дорогая моя! Какие новости! Я счастлив, да, счастлив! Почему ты так решила?

— Я узнала, что Монти мне не верен.

— Я давно это подозревал.

— Он ходит с девушками по мерзким ночным клубам.

— Меня это не удивляет.

— По дороге домой я встретила Уилфреда, у него был синяк под глазом. Я спросила, в чем дело, и он рассказал, что получил увечье во время рейда по ночным клубам. Он пытался арестовать одного субъекта, с которым учился в школе, некоего Монти Бодкина...

— Вот это да!

— ...которого он застал с девицей во дворе за кухней.

— Ну и ну!

— Он уже его арестовал...

— А Бодкин его стукнул?

— Нет, девица высыпала ему на голову мусорный бак, в котором было много пустых бутылок, и одна из них угодила ему прямо в глаз. Потом Бодкин с девицей перебрались через стену и убежали, а сержант очень сильно отругал Уилфреда за то, что тот их упустил. Бедный Уилфред был расстроен, но почти утешился, когда я сказала, что выйду за него замуж. У тебя случайно нет телеграфного бланка?

— Сейчас посмотрю в столе. Хочешь послать телеграмму Бодкину?

— Вот именно, — сказала Гертруда, и зубы ее щелкнули так, словно где-то поблизости испанские танцоры разом ударили в свои кастаньеты.

Знатоки кинематографа могут припомнить фильм, который шел на экранах много лет назад. Правда, снял его не Льюэлин. Герой (Морис Шевалье^[139]) выдает себя за именитого аристократа, а потом оказывается, что он — приказчик, который торгует мужской одеждой. Слуги в замке поют по этому поводу такую песенку:

Вот это да! Месье Морис
 Не граф, не герцог, не маркиз,
 Он человек совсем простой,
 Не то делец, не то портной.

Какая горькая ирония, думала Грейс. Когда-то она смеялась, а теперь, когда оказалась в роли обманутой хозяйки, не видит здесь ничего смешного. На самом деле, она в худшем положении, чем герцогиня, или кто там был в этом фильме; ведь той попался портной или приказчик, а не бандит с большой дороги.

Повесив трубку и вернувшись в кабинет, где мистер Льюэлин, наконец обретя покой досыпал свое, она была накалена до крайнего предела. Одного сообщения о вероломстве Монти хватило бы, чтобы разбудить в ней беса, но ее особенно разозлило, что теперь Мэвис, как всегда, скажет: «Я же тебе говорила!». На свете есть девушки — их мало, но все-таки, если хорошенько поискать, найти их можно, — которые дадут совет, не получают нужного отклика, потом окажутся правыми, и все же не скажут: «Я же тебе говорила!». Мэвис была не из их числа.

Успокаивающий голос нашептывал Грейс, что беды еще не случилось. Жемчуг в безопасности, под надзором Льюэлина, но факт остался фактом: хотя Мэвис ее предупреждала, она позволила этой змее Бодкину торчать в Меллингем-холле, и теперь дочь не упустит возможности ей это припомнить.

Тем самым, когда она вошла в кабинет, настроение у нее было не совсем безоблачным. Собственно, вошла она как фурия и так хлопнула дверью, что Льюэлин мигом вернулся из страны грез. Ему снилось, что он — разведчик, которого должны расстрелять на рассвете, и звук, произведенный дверью, в точности совпал с роковым залпом.

Моргнув раз пятнадцать, он, конечно, поначалу рассердился.

«Хорошенькое дело! — думал он. — Человеку не дают ни минуты покоя». Конечно, он этого не сказал, поскольку с первого взгляда на Грейс понял, что по всему побережью объявлено: «Близится шторм», и всякий, кто осмелится заговорить с ней, может винить только себя.

— Где мистер Бодкин? — спросила Грейс.

Обрадованный, что она выбрала такую безобидную тему, Льюэлин ответил:

— Только что был здесь.

Простой ответ, казалось бы — совсем не обидный, но Грейс лязгнула зубами.

— Я не спрашиваю, где он был. Я спрашиваю, где он сейчас.

— Чего не знаю, того не знаю. Наверное, уже выехал.

— Выехал?

— На машине.

— На машине?

— В Брайтон.

— В Брайтон?

Тут Льюэлин мог бы спросить у Грейс, как он в свое время спросил у Монти, человек она или эхо, но он благоразумно решил этого не делать, и Грейс продолжала:

— Значит, он поехал в Брайтон?

Сказала она это тем многозначительным тоном, который многим не нравился в Беверли Хиллз.

— Я наняла мистера Бодкина к тебе секретарем. Мы не договаривались, что он в рабочее время сможет развлекаться на курорте, когда ему заблагорассудится.

— Он туда поехал не развлекаться...

— Конечно, морской воздух его освежит, но я ему плачу не за это. Брайтон! Нет, вы подумайте! Он хоть удосужился спросить у тебя разрешения?

Мистер Льюэлин заметил, что Грейс ошибается, а это естественно, и даже забавно. Он позволил себе усмехнуться; и она попросила его не хихикать, как полоумная гиена. Это тоже показалось ему довольно смешным.

— Да, я ему разрешил. Точнее, я его сам туда послал.

— Зачем?

— Ради тебя. Чтобы оказать тебе услугу. Ты хотела положить свой жемчуг в банк. У Эдера заболел живот, и я послал Бодкина.

За время их совместной жизни Грейс несколько раз, беседуя с мужем,

испытывала смешанные чувства, но редко они достигали такого уровня, как в этот раз. Если бы мистер Льюэлин не закрыл глаза, чтоб хоть секунду передохнуть, он бы просто испугался.

Что-то странное произошло с ее голосовыми связками. Она глотнула раза два, и когда ей удалось заговорить, это был почти шепот:

— Ты — отдал — Бодкину — мой — жемчуг?!

— Конечно. — Тут Льюэлину пришло в голову, что неплохо бы подготовить Грейс к приезду обокраденного Монти. — Надеюсь, с ним ничего не случится.

— Случится?!

— Понимаешь, я немного беспокоюсь, — сказал Льюэлин так, что ему самому понравилось. Именно-именно — легкое беспокойство. — Теперь на сельской дороге очень легко встретить разбойников. Не хочу тебя пугать, но все может быть. Вдруг Бодкин по пути в банк их встретит? Надо было подумать об этом, когда ты хотела отправить Эдера. Такие ценные вещи нельзя доверять одному человеку. Тут нужны крепкие парни с карабинами, как в федеральных почтовых экспрессах. Одиночку очень легко ограбить. Предположим, хорошенькая девушка стоит на обочине рядом с машиной. Она машет рукой, может быть — плачет: «Ах, не можете ли вы завести машину? У меня ничего не получается...» Он, конечно, согласен. «Вероятно, неполадки с дифференциалом», — говорит он и выходит из машины. Тут из кустов вылетает целая банда. Р-раз — и они скрылись вместе с жемчугом. Я не хочу сказать, что именно это произойдет с Бодкином, может, и обойдется, но все-таки, на всякий случай...

Прошло немало времени перед тем, как Грейс смогла ответить на самую длинную из речей, обращенных к ней мужем. Ее отчаяние достигло той точки, когда kloчущая ярость ненадолго уступает место ледяному спокойствию. Возьмем ураган — он всегда утихает у мыса Гаттерас, чтобы лучше приняться за дело. Когда она заговорила, стало ясно, что и речи нет о том угасающем недоверии, о котором так часто пишут театральные критики.

— Не говори ерунды, — резко сказала она, давая понять в этих трех словах, что ее недоверие где было, там и осталось. — Если Бодкин что-нибудь такое расскажет, я вызову полицию и предупрежу, чтобы они не забыли взять с собой наручники. Если они будут немножко грубы с этим гадом, я не очень расстроюсь. Знаешь, кретин, кому ты отдал жемчуг? Жулику, прощельге, бандиту, наводчику! А если ты спросишь, что я собираюсь делать, я отвечу — пойти к себе и принять три таблетки

аспирина.

Долли сидела на простенькой скамейке у лужайки недалеко от гаража и пребывала в мрачной задумчивости. Ее приободрила моральная победа, которую она одержала над Шимпом, но ненадолго. Она с детства привыкла смотреть фактам в глаза, а сейчас факты были такие, что смотреть им в глаза не очень приятно. Получалось, что ее перепалка с Шимпом — не конец, а только начало. Сейчас ее мучил вопрос, который мучил многих: «Что теперь делать?».

Она бы быстро нашла ответ, если бы ее разум был полон планов и схем, ожидающих воплощения, но позорный провал прошлой ночи исчерпал, пусть на время, творческие способности. Как она говорила самой себе, у нее было не больше идей, чем у кролика, а каждый, кто изучал этих животных, знает, что им неведомо вдохновение. И кто поручится, что оппозиция не плетет свои темные планы? Она не любила Шимпа, он ей никогда не нравился, но ум его уважала.

Так она сидела и грустила, а когда дошла до самого дна, к ней приблизился Монти, беспечно размахивая футляром. Нельзя сказать, что он пел «тра-ля-ля», но вид у него был такой, что он мог запеть в любой момент. Монти еще пребывал под впечатлением беседы с Льюэлином.

Вид футляра подействовал на Долли не хуже двойной дозы стимулятора, снабженного и железом, и витаминами В и Е. Она видела эту самую штуку в спальне у Грейс, и даже менее сообразительная особа без труда догадалась бы, что это. Шерингема Эдера послали в банк, а когда, на его беду, ему стало плохо, то же самое дело поручили Монти. Все это она ясно видела, мало того — она мигом сообразила, как это использовать.

Она приветствовала Монти с необычайным пылом, который его немного озадачил, так как их отношения до последнего времени носили, скорее, формальный характер. Ему, конечно, льстило, что Долли так ему рада, но он не понял, чем вызвано ее необычное радушие. Мысль о том, что она ведет себя так с каждым, когда рядом нет мужа, он отверг, как недостойную. Нет, видимо, дело в том, что он, Монти, особенно хорош сегодня.

— Здравсьте, мистер Бодкин! — прощепетала Долли. — Что за погода!

— Здравствуйте, миссис Моллой. Погода хорошая.

— А солнце?!

- Да, солнце я заметил.
- Вы куда-нибудь собираетесь?
- Собственно говоря, да.
- Я так и думала. Мне показалось, вы идете в гараж.
- Я еду в Брайтон.
- Нет, правда?
- Мне надо кое-что отвезти.
- Меня не подвезете? Мне надо в парикмахерскую.

На мгновение Монти заколебался. Он не рассчитывал брать пассажиров и не знал, как их общество может повлиять на самое дело. Но, подумав, он решил, что это даже хорошо. Пока она будет в парикмахерской, он пойдет на пирс и случайно обронит жемчуг в глубокое синее море. Это даже лучше, чем ручей или омут, о которых говорил Льюэлин.

— Ну конечно! — сказал он. — Только мне надо выезжать. Вы готовы?

- Сейчас сумочку захвачу. Это секунда. Подождете?
- Да-да.

Когда Долли вернулась, в руках у нее была сумочка, а в сумочке — кольт тридцать восьмого калибра, вещь совершенно необходимая для того, что она задумала.

Монти озадаченно созерцал внутренности «кадиллака». Что бы он там ни видел, это ему не нравилось.

— Вот что, — сказал он, — не хочу вас огорчать, но в этой машине что-то сломалось. Она не заводится.

- Утром все было в порядке.
- Вы сегодня на ней ездили?
- Отвезла мужа на станцию.

— Что ж, теперь вы никого не сможете никуда отвезти. Она даже не тарахтит! Я неплохо вожу, но тут — я пас. Не разбираюсь в моторах.

— Я тоже.

— Когда что-то ломается, я просто сажусь и вызываю Дядьку из гаража.

— Точно как я!

— Он мне говорит, что случилось, чинит, и я спокойно еду дальше, не имея ни малейшего представления, какого черта этой штуковине понадобилось. Надеюсь, вас не шокирует слово «черт».

— Нет-нет, я его слышала.

— Вот эта машина впала в какой-то транс.

— Может, каталепсия?

— Если это так называется. Видно, придется ехать в микроавтобусе. Вы поедете?

— Ну конечно! Чем он плох?

Монти очень понравилось, что она так легко все приняла, другая бы раскапризничалась. Он совсем умилился и понял, что поездка будет приятная; и впрямь, что может быть лучше, чем компания умной и жизнерадостной женщины? Словом, он предвосхищал беседу, которая так и льется, так и сверкает, словно имбирное пиво.

Какое-то время она и лилась.

— Вы давно знаете Льюэлинов? — спросил он.

— Примерно месяц. Мы познакомились в Каннах.

— Вы были в Каннах? Вот это место!

— Да уж, первый класс!

— Море, горы!

— И не говорите.

— А вы играли в казино?

— Немного. Мы там были по делу. Мой муж занимается нефтью, он налаживал контакты. Виделся с людьми, заключал сделки.

— Я всегда думал, как это заключают сделку?

— Да очень просто. Машут руками, и говорят без умолку.

— Здорово! Особенно, если знаешь, что сказать.

— Да, это знать надо.

— В бизнесе, — задумчиво произнес Монти, — я совершенно не разбираюсь. Один мой знакомый неплохо зарабатывает на экспорте и импорте, но что он делает, в толк не возьму. Наверное, отправляет полдюжины роялей в Западную Африку, а из Западной Африки ему присылают обезьян, павлинов и слоновую кость. Может так быть?

— Вполне. Я сама в делах не разбираюсь.

— Потом отправляет обезьян на Гавайи, а ему оттуда присылают целый вагон камертонов.

— Наверное, этот тип на Гавайях сидел и не знал, что ему делать с камертонами, и мечтал о павлине или обезьянке.

— Очень может быть.

— Это называется торговлей.

— Да, я слышал.

Все это время они ехали по пустынным дорогам, но Долли понимала, что скоро начнутся населенные районы, менее подходящие для ее замысла. Разговор был так интересен, спутники так хорошо ладили, что ей было

просто больно вынимать кольт и требовать этот жемчуг. В утешение она говорила себе, что чем позже она заберет ожерелье, тем дольше он будет добираться до Меллингем-холла, поэтому неделикатно его задерживать. Если уж надо что-то делать, то не откладывай и не тяни, как сказал бы Шекспир, а начинай с поспешностью.

Она потянулась за сумочкой и извлекла оттуда кольт.

— Вы не остановитесь на минутку, мистер Бодкин? — спросила она.

Монти не совсем ее понял.

— А зачем? Вам хочется нарвать полевых цветов?

— Не столько нарвать цветов, — ответила Долли, — сколько взять у вас этот жемчуг.

Пока она говорила, Монти заметил, что своей прекрасной ручкой она приближает к его ребрам какое-то мерзкое оружие, и подпрыгнул, насколько можно подпрыгнуть, если сидишь. Он вспомнил Мэвис, и печально подумал: неужели каждая представительница слабого пола будет действовать в такой беспокойной манере? «Что это? — спрашивал он себя. — Все женщины, как поется в песенке, кровожадны и страшны, или ему просто не везет?» Миссис Моллой, наверное, получше этой Мэвис, она, по крайней мере, не собирается запереть его в тесном и душном чулане, но вообще-то разницы мало. Ему уже не казалось, что с такой спутницей приятно ехать по сельской местности. Если мы скажем, что он глядел на нее критически, мы не преувеличим.

А вот она явно смущалась и хотела то ли объясниться, то ли извиниться.

— Вы, наверное, удивляетесь, — сказала она. — Честное слово, я бы не стала все это делать без крайней необходимости. Вы — хороший парень, очень хороший, но дело есть дело. Все как с этой торговлей. Вы мне — жемчуг, а я вам — прекрасную пешую прогулку, которая принесет пользу, и даже удовольствие.

Монти был озадачен, но теперь все понял.

— Господи! — выдохнул он. — Да вы же воровка!

— Надо чем-нибудь заниматься.

— Как стыдно! Такая милая женщина — и тыкает револьвером приличным людям в ребра.

— Я вас понимаю, даже согласна, что в лучшем обществе это не принято, но поймите, миленький, мы просто теряем время! Оставь меня, хочу побыть одна, как сказал один дядя. Короче, выходите из машины.

— Вместе с тобой! — сказал Шимп, появляясь сзади, как черт из табакерки. — И поживее, я спешу. Да, Долли, брось свой бульдог и оставь

футляр на месте. Я не хочу неприятных случайностей.

Никто не убеждает лучше, чем человек с револьвером. Величайший оратор мог бы говорить несколько часов, и все зря, а Шимп убедил Монти и Долли в кратчайший срок. Молча смотрели они, как удалялась машина. Только когда она совсем скрылась, Долли заговорила.

Слово, которое она произнесла, было таким ярким и емким, что соломенные волосы зашевелились. Монти слыхивал всякие ругательства, например, в клубе «Трутни», когда кто-то прищемил палец Дарси Чизрайту, но вот этого выражения не знал, и оно подействовало на него, вероятно — своей новизной.

Долли вроде бы чувствовала, что позволила себе лишнее.

— Прошу прощения, — сказала она. — Вырвалось.

— Ничего-ничего...

— Если бы вы знали, как я себя чувствую!

— Да уж, могу себе представить.

— Прямо хоть кричи!

— Кричите, если хочется.

— Вы действительно хороший парень, — отозвалась Долли. — Наверное, злитесь на меня?

— Ни капельки! — ответил Монти. — И знаете, почему? Умеете хранить секреты?

— Не очень.

— Ну, этот постарайтесь сохранить. Жемчуг — фальшивый.

— Что?!

— Подделка. Могу произнести по буквам. Питер, Оскар, Дэвид, Дэвид, и так далее. Их выращивают в Японии.

— Вы шутите.

— О, нет!

— То есть, он ничего не стоит?

— Не больше бумаги, на которой написана цена.

— Поверить не могу!

— Конечно, не можете. Но поверите, когда услышите все. Чтобы услышать все, у Долли ушло достаточно времени, так что к концу рассказа они уже подходили к Меллингеу. Вероятно, о ней много говорит то, что прежде всего она восхитилась мистером Льюэлином, которому достало ума придумать такой способ, чтобы разрешить свои финансовые трудности.

— А ведь и не подумаешь, что у него есть мозги.

— Что вы, он очень умный. Я самого высокого мнения о его

мыслительных способностях. Во время полицейской облавы он просто незаменим. Да, мозги у него — будь здоров.

— Если миссис Льюэлин узнает про эти фокусы, она его размажет по ковру в гостиной.

— А как она догадается? Джентльмен, только что покинувший нас, забрал все доказательства. Кстати, а кто он такой? Мне показалось, вы его знаете, да я и сам его где-то видел.

— Это Твист. Считает себя сыщиком. Миссис Льюэлин, наверное, поручила ему сторожить жемчуг, а для виду — наняла лакеем к мужу.

— Ой, Господи! Значит, он вернет ей ожерелье?

— Не смешите меня. Все, на что Шимп накладывает лапу, выходит из обращения. Кстати о смехе, сейчас я посмеюсь. Когда я представлю, как Шимп пытается получить за нитку со стекляшками пятьдесят тысяч, а она не стоит и десяти долларов, я просто лопну от хохота. Ну что ж, здесь мы расстанемся, братец Бодкин, — сказала Долли, когда они подошли к главной улочке Меллингема. — Мне еще надо зайти на почту, отправить телеграмму Мыльному, а вы, наверное, захотите поболтать с хозяйкой.

Глава XII

Мистер Льюэлин чувствовал себя необычайно бодро. Он еще не опустошил бутылку шампанского, но выпил достаточно для того, чтобы прийти в самую лучшую форму. Самым замечательным плодом возлияния было то, что страх перед Грейс полностью исчез. Подумаешь, Грейс! Если он чего не перепутал с тех, училкиных дней — пыль под чьей-то там колесницей, ^[140] не больше. Зайдет — он посмотрит на нее и сразит неназойливой беспечностью, как какой-нибудь из этих храбрецов, о которых он говорил Монти; да, тех самых, что усмиряют кровожадных самодержцев леса.

День продвигался и достиг вершин красоты. Небеса стали еще синее, ветерки — еще нежнее, а птицы и пчелы делали свое дело с тем особым блеском, с той избыточной живостью, в которых — вся разница. Быть может, мы не вправе сказать, что, глядя из окна спальни, Льюэлин ощутил зов пустыни, но он подумал, что неплохо бы выйти на воздух. Спрятав бутылку под кровать, он спустился вниз и шагнул в открытые просторы. Вскоре после того, как он присел на ту же скамейку, на которой недавно сидела Долли Моллой, глаза его закрылись, и он почти сразу заснул.

Проснувшись, он обнаружил, что к нему присоединилась Санди. Она сидела рядом, и, поглядев на ее профиль, он сразу понял, что с ней не все в порядке. Именно такими бывают девицы, которым судьба недавно дала в зубы. Когда она повернулась к нему, он заметил, что глаза у нее грустные, лицо озабоченное. Она напомнила ему его четвертую жену, которая выглядела именно так, когда он рассказывал ей смешную историю.

— Простите, — сказала Санди. — Я не хотела вас разбудить.

— А я прикорнул? Тяжелая была ночь. Грейс заставила меня просидеть до утра в столовой. Что случилось? Ты какая-то невеселая.

— Что мне веселиться? Меня только что выгнали.

— Грейс тебя уволила?

— Да.

Льюэлин нахмурился.

— Слишком она любит распоряжаться! Ну, мы это исправим, — сказал он, или вернее, сказало его голосом шампанское. — А в чем дело?

— Она узнала, что у Монти нет знатных родственников.

— Кому они нужны? Вот у меня, к примеру, их тоже нет, а сам я не хуже других.

— Я сказала ей, что они у него есть. Поэтому она его и взяла.

Льюэлин все понял. Страсть жены к аристократии не укрылась от него.

— Так что мне придется уехать в Америку, — продолжала Санди.

— А что плохого в Америке? Земля свободных, обитель отважных.

— Да, но Монти останется в Англии, и я его больше не увижу, — сказала Санди, и слезы, которые до этого она пыталась сдержать, хлынули своим ходом. — Не надо меня гладить по голове, — добавила она.

— Надо, — уверенно возразил Льюэлин. — Если я не могу гладить тебя по голове, кого же мне тогда гладить? У меня сердце кровью обливается. А почему ты думаешь, что Бодкин не поедет за тобой в Америку?

— Зачем ему ехать? Он меня не любит.

— Дура ты, честное слово! Любит.

— Что!

— Сам говорил. О, если бы ее обнять — ну, в таком духе. Поскольку я как раз сказал ему, что ты от него без ума...

— Что?!

— Ну да, сказал. Мужчинам нравится слышать такие вещи. Мы как раз шли из этого клуба.

— Вы же обещали!..

— Не доверяй человеку в моем положении. Неужели ты думаешь, что я смог бы управлять такой студией, если бы иногда не нарушал слова? Хочешь, чтобы я держал обещание, напиши все на бумаге, позови свидетелей, нотариуса и поставь печать. Даже после этого у тебя останется шанс пообщаться с моими адвокатами. Но мы отвлеклись. Пока ты меня не сбила с пути, я говорил о том, что Бодкин считает тебя лучшим созданием на свете и готов отдать полцарства за возможность поставить твои тапочки рядом со своими. Только одно его держит — это самое обязательство.

— Он помолвлен с Гертрудой Баттервик.

— Знаю. Он мне все сказал. Она — дочь человека, который приглашает на обед и кормит овощами с морковкой. У такого отца не может быть приличная дочь. Чем раньше Бодкин от нее отделается, тем лучше.

— Как он от нее отделается? Он очень благородный. Вот кто всегда держит слово.

— Молодой еще. Подрастет — образумится.

— Он не может сказать ей, что любит меня.

— Почему? Может. Позвонит по телефону... Да ты не беспокойся!

Очень скоро она его сама выгонит.

— Хотела бы я так думать!

— Ну и думай. Что за прок сидеть и плакать? Честно говоря, он уже кое-что сделал. Надеется попасть в тюрьму, а это все разрешит.

— В тюрьму?!

— Он увез этот фальшивый жемчуг и обронит его по дороге. А когда он вернется без жемчуга и расскажет, как его ограбили, миссис Льюэлин сейчас же его посадит. Собственно, она уже собирается. Тогда эта мымра его прогонит, и все хорошо. Много ему не дадут, а пока что ты сможешь носить ему передачи.

Последние несколько фраз Льюэлин произнес неразборчиво и наконец опять заснул. Он привык спать восемь часов, а не коротать ночи в креслах. Сквозь дрему он смутно слышал, как Санди что-то еще говорит, но его не смогли бы уже разбудить из пушки.

Когда он очнулся, никого рядом не было, и в воздухе носилась вечерняя прохлада, лишаящая очарования отдых на природе. Чувствуя, что теперь лучше бы допить шампанское, Льюэлин поднялся к себе и прикончил бутылку. После этого он спустился вниз, готовый к любой судьбе.^[141] Поразительно, как изменил эликсир его мировоззрение! Если кто помнит, в баре «Веселая кроветка» с Монти произошло примерно то же самое. Вероятно, в лучших сортах шампанского есть что-то волшебное, не только оживляющее тело, но и вдохновляющее душу.

Тут он заметил, что откуда-то доносятся неприятные звуки. Сосредоточившись, он установил, что шум исходит из гостиной. В следующий момент он распознал голос Грейс, которая кого-то отчитывала.

Ему не потребовалось долго размышлять, чтобы догадаться, кто это. Очевидно, то был его друг Бодкин, и от этой мысли шампанское забурлило у него в венах. Он грозно нахмурился. Он не мог допустить, чтобы с его другом так обращались.

Айвор Льюэлин открыл дверь и смело вошел в гостиную.

Как он и предполагал, Грейс стояла посреди комнаты подобно Статуе Свободы, а Монти стоял рядом и выглядел так, словно его нарезали кусочками. Судя по всему, он впервые видел великую актрису в одной из ее любимых ролей. Он ожидал, что, когда он вернется без жемчуга и без более или менее благовидного оправдания, в доме будет шум, но его воображение просто меркло перед открывшейся реальностью. Монти был похож на человека, который со свечой в руке ищет, где течет из трубы газ.

Мистер Льюэлин, напротив, был собран и спокоен, как пристало тому, кто только что выпил кварту первоклассного шампанского. Он

чувствовал себя хозяином в доме и не собирался терпеть никаких беспорядков.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Уходи, — ответила Грейс.

— То есть как, уходи? Я только вошел. А, Бодкин, привет! Как съездил?

— Очень выгодно, — съязвила Грейс — Он прихватил мой жемчуг. Я же тебе говорила!

— Да ну!

— И это все, что ты можешь сказать?

— А что такого? В этом доме нельзя говорить «Да ну»? Надо было меня предупредить.

Если бы Грейс не знала, что муж не может раздобыть спиртных напитков, она бы решила, что он навеселе, а так — отнесла некую медлительность его мысли на счет слабоумия. При всем его оглушительном успехе в кинобизнесе, она считала, что имей он хоть на унцию больше разума, он был бы полоумным. Как ни странно, остальные его жены придерживались того же мнения.

— Тебя, видимо, не интересует, что я потеряла ожерелье стоимостью в пятьдесят тысяч долларов.

— Ха!

— Что ты сказал?

— Я сказал «Ха!»

— Почему?

— Потому что мне хочется. Если мне хочется сказать «Ха», я его и говорю. Вот такой я человек. Прямой и честный. Не люблю ходить вокруг да около. И вообще, что это за бред? Как это — Бодкин украл жемчуг?

— Может быть, ты слушаешь?

— Замечательно! Давай, начинай, Бодкин!

— Я думаю, будет проще, если я тебе перескажу. Он говорит, что по дороге в Брайтон его ограбили.

— Как раз об этом я тебя и предупреждал. Поехать в Брайтон — все равно, что в Нью-Йорке выйти ночью в Центральный Парк. За каждым кустом по бандиту.

В холле зазвонил телефон.

— Бодкин, ответь, — сказал Льюэлин. — Если меня, скажи, что я вышел.

— Стойте на месте, — сказала Грейс. Монти остался стоять.

— Мистер Бодкин рассказывает, — начала Грейс, — будто на него

напал Эдер и угрожал ему пистолетом.

— Очень хорошо, — сказал Льюэлин, как удовлетворенный книгой критик. — Нет, в самом деле здорово! Эдер? Мой слуга?

— Да.

— Что ж, это все объясняет! Я никогда не доверял этому типу. Бодкина надо пожалеть, а не ругать. Что тут можно сделать, если тебе грозят револьвером? Да, история замечательная.

— Если в нее поверить.

— А ты не поверила?

— Нет.

— Тебе не угодишь. Мне эта история нравится. А, Санди, заходи. Мы вот обсуждаем...

Последние слова были адресованы Санди Миллер, которая ворвалась в комнату с листком бумаги и была совсем непохожа на Санди, которая плакала на скамейке. Глаза ее горели, нос дрожал, тело подергивалось, словно она — девушка из телерекламы, которую только что уговорили попробовать новый чудодейственный шампунь.

— Монти! — вскричала она.

Льюэлин испытывал к Санди отеческую нежность, но не мог позволить такого обращения.

— Нельзя бегать и кричать «Монти», — сказал он сурово. — Если хочешь что-нибудь сообщить, предупреди хотя бы.

— У меня для него телеграмма. Я ее приняла по телефону.

— Отпечатай в трех экземплярах и передай дальше.

— От Гертруды Баттервик. Монти! Она разорвала помолвку!

Монти вернулся к жизни так внезапно, что чуть не вывихнул спину. Он распустился как цветок, политый добрым садовником. Чувства его были такими, что он забыл о Грейс.

— Санди!

— Я думала, ты обрадуешься.

— Не то слово! Совсем не то! Ты знаешь, что это значит? Мы можем пожениться!

— Скорей бы.

— Я люблю тебя, Санди!

— И я! В смысле, я тебя тоже! То есть люблю.

— О, счастье! О, радость!

— Мистер БОДКИН! — сказала Грейс.

— Не перебивай, — сказал Льюэлин. — Разве у тебя нет уважения к двум молодым сердцам, соединившимся весною? Что ж, это действительно

счастливый конец. Я предчувствовал, что все хорошо кончится. Немножко старомодно, да, но публика это любит.

Опять зазвонил телефон.

— Ответь, Бодкин. Нет, я сам отвечу. Может быть, это викарий хочет попросить денег на починку местного органа. Сейчас я ему не откажу.

Он вышел и сразу вернулся.

— Это тебя, Грейс. Мэвис. Наконец-то мы одни, — сказал он, когда дверь закрылась. — Теперь я смогу поговорить с тобой, недомерок. Бодкин рассказал мне о твоём плане насчет жемчуга. Я очень долго думал и пришел к выводу, что в нем что-то есть. По некоторым причинам я был против, но сейчас я всеми руками «за». Я сильный человек, и никогда не боюсь признавать ошибки. Когда Грейс вернется, я скажу ей: «Грейс...»

Он бы продолжил свою речь, но дверь открылась, в комнату вошла Грейс. Ее волнение, и до этого заметное невооруженному глазу, достигло новых высот. Она перешла к сути, не размениваясь на мелочи.

— Мэвис говорит, что Джеймс Пондер говорит, что жемчуг поддельный.

Мистер Льюэлин остался спокойным и недвижимым. Он лениво зевнул и даже небрежно отряхнул с рукава пылинку.

— Вряд ли тебе надо об этом сообщать, — кротко сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Я так и думал, что он это обнаружит. Даже я, не эксперт, и то заметил, что это японская подделка. Если бы ты спросила у меня совета, я бы тебе сказал, что всех не обманешь.

— О чем ты говоришь?! Ты намекаешь...

— А что же еще? Я знаю твой обычный ход мысли. Ты понимала, что придется отдать ожерелье Мэвис, а раз тебе все равно не владеть им, можно его продать и выручить деньги. Ты думала, что Мэвис все равно не догадается. Ты же не могла предвидеть, что она соберется замуж за ювелира. Ты, наверное, думала, что на ней вообще никто не женится. Вот и решила попытать счастья, а вышла промашка. Что ж, чтобы не расстраивать Мэвис, придется мне купить еще одно ожерелье. Конечно, отчасти, я хочу помочь тебе выбраться сухой из воды, но пусть это будет хорошим уроком: не жульничай, играй по-честному! Иди и больше не греши. ^[142] А я попытаюсь вздремнуть, — сказал Льюэлин и удалился.

— Вернись! — вскрикнула Грейс, но он уже ушел. Молча, с горящими глазами она кинулась за ним, и тишина, словно пластырь, начала свое целительное дело.

— Что, ты думаешь, эта мымра с ним сделает? — спросил Монти. Он

любил Льюэлина и боялся за него.

— И думать не хочу, — ответила Санди.

— Он, должно быть, неплох в ближнем бою, но и она — достойный противник. К тому же, она быстрее бежит.

— Почему он на ней женился?

— Он мне объяснил. Ему было нечем заняться. Они вдумчиво помолчали, думая об одном и том же.

— А ты видела эту «Страсть в Париже»? — спросил Монти.

— Нет. А ты?

— И я не видел. Льюэлин рассказывал, что за время съемок она сжила со свету трех режиссеров, двух помрежей и одну ассистентку. Они так и не оправились.

— При чем здесь ассистентка?

— Я думаю, попалась под руку. Они опять вдумчиво помолчали.

— Маленькая, скромная, в очках...

— Кто?

— Эта ассистентка.

— Почему в очках?

— Что? Очень может быть. Наступила третья пауза.

— Надеюсь, тебя это все не очень пугает? — сказала Санди.

— Что?

— Вот, ты заглянул в семейную жизнь. Я ведь не хочу быть такой, как Грейс.

— Ты и не будешь.

— Я думаю, со мной тебе будет хорошо.

— Еще как!

— Я не такая сердитая, как Гертруда.

— А откуда ты знаешь, что она сердитая?

— Так, чувствую. Она мне не нравится.

— Ты же ее не видела.

— Зато я прочла ее телеграмму.

— Господи! Я так закрутился, что и сам не прочел. Что она пишет?

— Лучше не спрашивай.

— Да, может быть, так будет лучше.

— Опять подчеркну, я совсем другая!

— Ты самая лучшая, самая замечательная девушка во всем поднебесье.

— Это хорошо.

Открылась дверь, и в комнату вошел мистер Льюэлин. Он зевал, но

был вполне цел, мало того — излучал жизнерадостность и добродушие.

— Ну что, ребята? — спросил он. — Как любовь весеннюю порою?^[143]

Они заверили его, что она — лучше некуда, а он сказал, что рад это слышать. Потом подошел к дивану, снял туфли и улегся с довольным кряхтением.

— Вообще все — лучше некуда, — сказал он. — Грейс со мной разводится.

— Что?

— Ах, вечно одно и то же! Все мои жены со мной разошлись. Приходят и уходят, приходят и уходят. Видели старую перчатку? Так они выбрасывают меня. Вот уж, поистине милость Божья! — благочестиво добавил Льюэлин.

— Что случилось? — спросила Санди.

— Расскажите, — добавил Монти.

Но глубокое мерное дыхание сообщило им, что мистера Льюэлина вопрос уже не достигнет.

— Если он счастлив, дай ему Бог, — сказала Санди.

— Счастлив, не волнуйся.

— Ты думаешь, он больше не женится? Монти покачал головой.

— Ты его слишком мало знаешь. Стремясь все выше, он попытается побить все рекорды.

Храп, доносившийся с дивана, намекал на то, что Льюэлин с этим мнением согласен.

Примечания

Здесь мы печатаем три романа, причем все они относятся к разным периодам. «Везет же этим Бодкинам!» — тихая и счастливая полоса жизни Вудхауза; «Деньги в банке» — годы несчастий, жизнь в военной нацистской Германии (Вудхаузу — 61). «Женщины, жемчуг и Монти Бодкин» — золотая старость в большом саду, среди собак и кошек (Вудхаузу — за 90).

Н. Трауберг, М. Кузьменко

Российское Общество Вудхауза

<http://wodehouse.ru>

notes

Примечания

Хенгист и Хорса — саксонские предводители, которые вторглись в Британию во второй половине пятого века нашей эры, о чем рассказано в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

Нокс, Джон — 1514–1572, шотландский священник, основатель пресвитерианской церкви. Проповедовал строгие моральные принципы, которым и сам следовал на протяжении всей жизни.

спартанская лисица — по легенде, спартанский мальчик украл лисенка, спрятал под одеждой и, хотя лисенок грыз ему грудь, ничем себя не выдал, покуда не рухнул замертво.

Дикс, Доротея Линда (1802–1887) — американская общественная деятельница. Среди прочего выступала за гуманное отношение к заключенным.

от пальм до пиний — строка из стихотворения Р. Киплинга. Речь в ней идет о Британской империи.

Сэр Уолтер Рэли (1554–1618) — английский мореплаватель, поэт, фаворит королевы Елизаветы I. Когда карета королевы остановилась возле лужи, никому не известный тогда Уолтер Рэли бросил ей под ноги свой (по слухам, единственный) плащ. С этого и началось его возвышение.

Гутзон Борглум (1867–1941) — американский скульптор, возродивший древнеегипетский обычай высекать на склонах гор исполинские портреты политических деятелей. Самая знаменитая его работа — головы четырех президентов США на горе Рашмор в Южной Дакоте.

Как часто редкий перл... Томас Грей. «Сельское кладбище», перевод В.А.Жуковского.

Супралапсарианизм — учение одной из ветвей кальвинизма, возникшее в Голландии в шестнадцатом веке. Включает в себя безусловную веру в предопределение и крайнюю нетерпимость по отношению к католикам, иудеям и другим направлениям протестантизма.

На Петров день.... — В.Шекспир. «Ромео и Джульетта». Акт третий, сцена первая. Госпожа Капулетти и кормилица разговаривают о том, что Джульетта совсем взрослая. «А четырнадцать ей минет на Петров день, я вам верно говорю».

вооружен я доблестью так крепко — В.Шекспир. «Юлий Цезарь», 4,3 (перевод Мих. Зенкевича). В оригинале Брут обращается к Кассию: «Мне не страшны твои угрозы, Кассий...» и далее как у Джефа.

словно юноша со знаменем — имеется в виду одно из самых известных (и наиболее часто пародируемых) стихотворений Лонгфелло — «Excelsior!» (русский перевод А.Майкова) — о юноше со знаменем, на котором было начертано excelsior! — выше. Юноша поднялся на вершину Альп; на следующий день монах-бернардинец нашел его замерзшим в сугробе, однако с небес продолжало звучать: «Excelsior!»

Хивеяне и иевусеи — хананейские племена, упоминаемые в Библии.

Роудин — частная женская школа в Англии.

Кегни, Джеймс (1899–1986) — американский актер, игравший гангстеров.

не стреляйте, пока не различите белки их глаз — эту фразу произнес Уильям Прескотт, полковник американских ополченцев, перед сражением с англичанами во время Войны за независимость.

Господь на небесах, и все-то в мире ладно — этими словами заканчивается песенка Пиппы в поэме Роберта Браунинга (1812–1889) «Проходит Пиппа».

Горше слов не выведет перо, чем эти: так могло бы стать... — последние строки из стихотворения Джона Уитьера «Мод Маллер».

Боадигея (Боудикка) — (ум. ок. 60) королева бриттов, сражавшаяся против римских завоевателей.

Эмили Пост (1872–1960) — американская журналистка, автор книги, газетных рубрик и радиопередач о правилах хорошего тона.

Выйди в сад вечерний, Мод — строчка из поэмы Альфреда Теннисона «Мод».

Утро сентябрьское зябкой порой... С большой неохотой вступили туда, где речки прозрачная плещет вода — строки из героической поэмы американского поэта Джона Уитьера «Барбара Фритчи».

Доблестный кавалер (*франц.*).

Уинчелл, Уолтер (1897–1972) — популярный американский журналист. Вел в газетах и на радио раздел светской хроники.

Томас Бекет (ок. 1118–1170) — английский святой (празднование 29 декабря). Канцлер Англии (1155–1162) и архиепископ Кентерберийский (1162–1170) в правление короля Генриха II. Был убит в соборе по приказу короля, воскликнувшего в присутствии своих рыцарей: «Неужели никто не избавит меня от этого неумного попа!»

Сидни Картон — герой «Повести о двух городах» Ч. Диккенса, добровольно пошедший за другого на гильотину.

То есть он попросил лист писчей бумаги, конверт и перо.

Крестик (*франц.*).

Мне телеграмма? Давайте ее сюда (*франц.*).

Солнце, небо (*франц.*).

Грета Гарбо (1905–1900) — американская актриса шведского происхождения. Настоящая фамилия — Густафсон.

*...ведь грустней всего в печали — мысль о счастье прошлых лет — А.
Теннисон. «Локсли-Холл». 1, 29.*

Джин Харлоу (1911–1937) — американская киноактриса. Настоящие имя и фамилия — Харлин Карпентер. Первая «платиновая блондинка», сексуальный символ 30-х годов.

Мэй Уэст (1892–1980) — американская актриса, писательница, певица, сценаристка, театральный продюсер.

...как иглы на взъяренном дикобразе — В. Шекспир. «Гамлет», акт 1, сцена 5. Перевод М.Лозинского.

Какой-то тип в Швейцарии выстрелил в германского императора — Пизмарч ошибается, на самом деле поводом для начала Первой мировой войны послужило убийство в Сараеве австро-венгерского наследника престола.

...у осажденных воинов в Лакнау, когда они слышали звуки волынок — Имеется в виду эпизод истории Англии, известный под названием «восстание сипаев» 1857 г. К осажденным в индийском городе Лакхнау британцам пришла на помощь армия под командованием Колина Кэмпбелла (так называемая «шотландская бригада»), хотя никаких волынок у них, скорее всего, не было.

Доктор Ливингстон, я полагаю? — С такими словами обратился к знаменитому исследователю Африки Дэвиду Ливингстону (1813–1873) журналист Генри Мортон Стэнли (1841–1904), которого отрядили на поиски великого путешественника. Встреча состоялась в 1871 г. в африканской деревушке близ озера Танганьика.

...среди лилий, что не сеют и не жнут — Обыгрывается цитата из Евангелия от Матфея, 6:28 о беззаботной жизни.

«Беллерофон» — британский военный корабль, на котором Наполеон Бонапарт (1769–1821) в 1915 году был пленен и отправлен в изгнание на остров Св. Елены.

...красу, что в путь суда подвигла на ахейцев... — Обыгрывается цитата из пьесы английского драматурга К. Марлоу «Трагическая история доктора Фаустуса» (1604), акт 5, сцена 2, где говорится о лице Елены Прекрасной, ради которой греки пошли войной на Трою.

о нравах известного библейского города — намек на Содом (см. Быт. 19).

Хобокен — пригород Нью-Йорка.

Синклер Льюис (1885–1951) — американский писатель-публицист, лауреат Нобелевской премии 1930 г.

...тучных, прилизанных и крепко спящих ночью — строка из «Юлия Цезаря» Шекспира, акт 1, сцена 2. Перевод М. Зенкевича.

Тощий Амброз с голодным блеском в глазах — «А Кассий тощ, в глазах холодный блеск...» — строка из «Юлия Цезаря» Шекспира, акт 1, сцена 2.
Перевод М. Зенкевича

селедка во рту у Монти обратилась в пепел — обыгрывается строка из Пс. 101:10 (в синод, переводе — «Я ем пепел как хлеб»).

встал смело на работу, отдавая все силы ей — Г.У. Лонгфелло.
«Псалом жизни», 9. Перевод И.Бунина.

Бутоны роз срывай в пору цветенья — стихи Роберта Геррика (1591–1674).

Сидни Картон — герой «Повести о двух городах» Ч. Диккенса, добровольно пошедший за другого на гильотину.

Тринити-холл — колледж Кембриджского университета.

... не будут охотиться на лис в июле. — Сезон лисьей охоты начинается в ноябре.

которых питают вороны — отсылка к 3-й Книге Царств 17:4

«*Ее Величества корабль "Пинафор"*» (1878) — комическая опера драматурга сэра У. Ш. Гильберта (1836–1937) и композитора сэра А. С. С. Саливана (1842–1900).

Аскотские скачки — ежегодные июньские скачки, проводящиеся на ипподроме Аскот близ Виндзора — важное событие в жизни английской аристократии. Впервые состоялись в 1711-м.

Дерби — ежегодные скачки лошадей-трехлеток на ипподроме Дерби близ Лондона.

...Теннисона, написавшего «*Мальчика на горящей палубе*» — «Мальчика на горящей палубе» (правильное название — «Казабьянка») написала Фелисия Хименс.

Братья Уорнеры. — Джек (Джон, 1882–1978), Гарри (Гарольд, 1881–1958), Альберт (1882–1967), Сэм (Самуэль, 1887–1927). Настоящая фамилия — Эйхельбаум. Основали в 1923 году кинокомпанию «Уорнер Бразерс».

Джордж Арлисс (1868–1946) — английский актер и драматург, в 20-х годах много снимался в кино. Настоящие имя и фамилия — Джордж Огастес Эндрюс.

Сара Бернар (1844–1923) — французская актриса.

Малибу, Каталина (т. е. остров Св. Екатерины), Аква Калиенте — курортные места в Калифорнии.

...если месяц на девушку засмотрится в окно — В. Шекспир.
«Гамлет», акт 1, сцена 3. Перевод Б. Пастернака.

...чтоб ему поведать, что в пламени пол-Трои — В. Шекспир.
«Генрих IV», часть 2, акт 1, сцена 1.

...ради одной овцы можно потерять все стадо — аллюзия на Мтф. 18:12.

Если бы молодость знала (*франц.*).

Битва при Бленхейме (1704) — поворотный пункт в войне за Испанское наследство.

Роковая женщина (*франц.*).

...среди страданья и невзгод — хрестоматийные стихи о женщине как ангеле-хранителе из баллады Вальтера Скотта (1771–1832) «Лохинвар», включенной в V песнь поэмы «Мармион» (1808).

Утро (учн.).

Лесли Говард (1893–1943) — английский киноактер, снимался в фильме «Унесенные ветром».

Рональд Колман (1891–1958) — английский киноактер, играющий романтических героев.

Кларк Гейбл (1901–1960) — знаменитый американский киноактер, снялся более чем в девяноста кинофильмах.

Луэлла Парсонс (1893–1972) — американская журналистка, вела газетную колонку и популярную радиопередачу о жизни кинозвезд.

подобно Горацию на мосту — согласно легенде Гораций Коклес защищал мост через Тибр от этрусских войск Порсены.

...стоял поперек пути как Аполлион — по-видимому, аллюзия на «Путь паломника» Дж. Бэньяна.

Фрэд Астер (1899–1987) — псевдоним Фредерика Аустрелица, американского танцора, актера, певца и хореографа. Заметим, что он играл Джорджа в экранизации романа «Дева в беде».

Все вместе, весь он (*франц.*)

Ричард Стаффорд Криппс (1889–1952) — лидер левого крыла лейбористской партии Великобритании.

Умение, сноровка (*франц.*).

И с каждым днем, во всем во всем, мне лучше, лучше, лучше — знаменитое изречение французского психотерапевта Эмиля Куэ (1857–1926), впервые применившего метод аутотренинга.

...раненый солдат смотрел на сэра Фишпа Сидни — знаменитый английский поэт сэр Филип Сидни (1554–1586), умирая от ран, отдал свою воду раненому солдату со словами «Тебе нужнее».

Сладость и свет — слова эти восходят к Дж. Свифту (1667–1745), но вошли в обиход, когда их употребил критик и поэт Мэтью Арнольд (1822–1888) во фразе: «Культура — тяга к сладости и свету».

братья Чирибл — очень добрые братья из романа Диккенса «Николас Никлби».

Конец (*лат.*).

все благостное млеко — «Но я боюсь, что нрав твой чрезмерно полон благостного млека». В. Шекспир. «Макбет», акт 1, сцена 5. Перевод М. Лозинского.

...ты и лучше прочих, Ганга Дин — парафраз строки «Ты лучше меня, Ганга Дин» из стихотворения Киплинга (1892).

Сэмюэль Голдвин (Шмуэль Гельбфиш) (1882–1974) — крупнейший американский кинопродюсер, один из основателей компании «Метро-Голдвин-Майер».

«*Охота на Снарка*» (1876) — поэма Льюиса Кэрролла.

...с достоинством сносить удары Судьбы — А. Теннисон. «In Memoriam A. H. H.» (1850).

Сухой закон — период в истории США с 1919 по 1933 г., когда были запрещены производство и употребление спиртных напитков.

Шеран, урожд. Казалетт (1934) — дочь падчерицы Вудхауза, Леоноры, умершей в 1944 г. Сейчас — леди Хорнби, жена сэра Саймона Хорнби, председателя Королевского общества садоводов. И она, и ее муж — почетные члены Вудхаузовского общества.

Бет, Дэвис (Руг Элизабет Дэвис, 1908–1989) — американская киноактриса трагического плана. Снималась в фильмах «Иезавель», «Лисички», «Все о Еве», «Смерть на Ниле», «Наблюдатель в лесах» и др.

Трапписты (от «Ла Трапп» — названия монастыря во Франции) — ветвь монашеского ордена цистерцианцев, основанная в 1664 г. Дают обет молчания (конечно, из него есть много исключений — скажем, траппист Томас Мертен (1915–1968) выступал на конференциях и встречался с представителями других религий).

Индекс Доу Джонса — средний показатель курсов акций группы крупнейших компаний США, публикуемый фирмой Доу Джонса.

Стихи о Бен Болте — популярная английская песня о моряке, вернувшемся к жене Алисе после двадцати лет странствий и узнавшем о ее смерти.

Иаков и Рахиль — см. Быт. 29.

«*Баррибо*» — этот ресторан упоминается во многих романах Вудхауза, но на самом деле не существует.

Благодушие, радость (*франц.*).

Сладость и свет — слова эти восходят к Дж. Свифту (1667–1745), но вошли в обиход, когда их употребил критик и поэт Мэтью Арнольд (1822–1888) во фразе: «Культура — тяга к сладости и свету».

...*кровь разогреть и стиснуть кулаки* — слова из «Генриха V» (Шекспир), 111,1. Перевод Е.Бируковой: «Кровь разожгите, напрягая *мышцы*».

Джон Китс (1795–1821) — английский поэт-романтик.

Царица Савская — см. 3 Цар. 10.

Джумбо — прозвище слона из знаменитого цирка Финеаса Тейлора Барнума (1810–1891). На суахили означает «старший», «главный», «вожак».

О! Как много... — строки из элегии Томаса Грэя (1716–1771) «Сельское кладбище». Здесь — в переводе В. Жуковского. Полностью это место звучит так: «О! Как много чистых, прекрасных жемчужин сокрыто в темных, неведомых нам глубинах океана».

Фрэд Астер (1899–1987) — псевдоним Фредерика Аустрелица, американского танцора, актера, певца и хореографа. Заметим, что он играл Джорджа в экранизации романа «Дева в беде».

Нокс, Джон — 1514–1572, шотландский священник, основатель пресвитерианской церкви. Проповедовал строгие моральные принципы, которым и сам следовал на протяжении всей жизни.

Случай с миссис Проссер — описан в романе «В каждой избушке — свои погремушки» (мы надеемся опубликовать его в следующем томе).

Баварский крем — скорее суфле: взбитые сливки с жидким заварным кремом.

Канпур — один из главных очагов Сипайского восстания в Индии (1857–1859).

Алка-Зельцер — фирменное название патентованного средства против изжоги, тошноты и похмельного синдрома.

...древо при потоках вод — Пс 1:3.

Зима тревоги нашей — «Ричард III» (Шекспир), I, 1. В переводе А. Радловой: «Здесь нынче солнце Йорка злую зиму в ликующее лето превратило».

...плач и скрежет зубов — Мтф. 8:12.

Кидд, Уильям (ок. 1645–1701) — шотландский пират.

Жаба под бороной — образ из стихотворения Р. Киплинга (1865–1936)
«Педжет, член парламента».

жаворонок — у Перси Биш Шелли (1792–1822) есть знаменитое стихотворение о жаворонке («Здравствуй, дух веселый!»).

Фаулер, Генри Уотсон (1858–1933) — английский филолог, автор книги «English Usage».

«Молодой человек на летающей трапеции» — песенка Джорджа Лейбурна (ум. 1884).

Вацлав Нижинский (1890–1950) — русский балетный танцовщик.

Боадигея (Боудикка) — (ум. ок. 60) королева бриттов, сражавшаяся против римских завоевателей.

Кэри Грант (1904–1896, настоящее имя Арчибальд Александр Лич) — американский киноактер, родился в Англии, снялся в фильмах «Филадельфийская история», «Весь город говорит», «Мышь и старые кружева», «Гунга Дин», «Только у ангелов есть крылья», «Подозрение» и др.

«*Любовь побеждает все*» — «*Amor incit omnia*» — слова из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера (1340–1400). Восходят к Х эклоге Горация.

Джон Эдгар Гувер (1895–1972) — основатель и бессменный руководитель (с 1924) Федерального Бюро Расследований США.

Гарри Гудини (1875 или 74 — 1926, настоящее имя — Эрик Вейс) — американский иллюзионист, мастер побегов и освобождений.

Томас Харди (1840–1928) — английский писатель. В его романах большую роль играет злой рок.

Радость жизни (*франц.*).

Пучина Отчаяния — см. аллегория Джона Бэньяна (1628–1688) «Путь паломника».

Артур Шопенгауэр (1788–1860) — немецкий философ, иррационалист и пессимист.

Джон Дебет (1753–1822) — автор справочника, где названы все пэры Великобритании и их родственники. Первое издание — 1802 г.

Эрнандо (Эрнан) Кортес (1485–1547) — испанский конкистадор. Здесь, как часто у Вудхауза, — отсылка к стихам Китса «Впервые читая Гомера в переводе Чепмена».

...подмешала ему снотворного — см. роман «Даровые деньги» (порусски еще не издан).

Аполлион — см. «Путь паломника» Дж. Бэньяна. Восходит к Откр. 9:11.

Самсон в Газе — см. Суд 16:22.

...олень к источникам вод — см. Пс. 41:2.

...дал солнцу — см. Еф. 4:26.

...сердце в конторе — отсылка к стихам Р. Бернса (1759–1796) «В горах мое сердце».

«Шильонский узник» — поэма Дж. Г. Байрона. Шильон — замок-тюрьма в Швейцарии.

...пасет жезлом железным — см. Откр. 2:27.

Морис Шевалье (1888–1972, настоящее имя — Морис-Эдуар Сен-Леон) — французский шансонье и актер. Снимался в фильмах «По привычке», «Герой дня», «Ошеломляйте новостями», «Молчание — золото» и др.

Мы — пыль под твоей колесницей — строка из стихов Лоуренса Хоупа
(Аделы Франсис Марджори Хоуп Николсон 1865–1905)

...готовый к любой судьбе — отсылка к стихам Дж. Г. Байрона (1788–1924) «Томас Мур».

иди и больше не греши — см. Ин. 8:11.

...любовь весенней порою — «Как вам это понравится» (Шекспир), V, 2. Перевод Т.Щепкиной-Куперник: «Весной, весной, милой брачной порою».